В. И. [illegible]

ВЕРХНЕПЫШМИНЦЫ В ВОЙНЕ 1941—1945 гг.

Город Верхняя Пышма
2001 год

В. И. ГРИНЕВИЧ

Верхнепышминцы в войне 1941—1945 гг.

СБОРНИК ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ
с 22 июня 1941 года по 22 июня 2000 года

...Великая Отечественная.
Сколько бы ни писали еще о минувшей войне,
каждое свидетельское показание представляет
громадную ценность.

Город Верхняя Пышма
Свердловской области
2000 год

63.3(2)622(235.55)
Г85

Выражаю самую сердечную глубокую благодарность генеральному директору АО "Уралэлектромедь" АНДРЕЮ АНАТОЛЬЕВИЧУ КОЗИЦЫНУ и его помощнику ВИКТОРУ НИКОЛАЕВИЧУ ОЛЮНИНУ за помощь в издании этой книги. Спасибо вам и низкий поклон от всех фронтовиков и тружеников тыла!

Составитель книги
ГРИНЕВИЧ Виктор Иванович.
22 июня 2000 года.

Выражаю сердечную благодарность за помощь в издании этой книги главе администрации города В. Пышма ЛЕШКОВУ ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ. Низкий поклон вам от фронтовиков и тружеников тыла, от всех граждан города!

С уважением В.И. ГРИНЕВИЧ.
8 января 2001 года.

3861 - 4,3.

Объединенная
городская библиотека
г. В-Пышма

03

СПАСИБО ВАМ ЗА ВСЕ, ДОРОГИЕ ВЕТЕРАНЫ!

Перед вами книга "Верхнепышминцы в войне 1941—1945 гг." В ней собраны газетные публикации, рассказывающие об участии жителей нашего города в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Это была страшная война, унесшая многие миллионы жизней. Но страна выстояла. Вы выстояли в этой страшной войне, дорогие наши ветераны. Благодаря вам мы можем жить, работать, учиться. Дай же Бог вам здоровья!

Уже более 55 лет наша страна живет под мирным небом. Все дальше отодвигаются те тяжелые героические дни, когда многое решалось и делалось ценою самого дорого, что есть у человека — ценою жизни.

За эти годы выросло поколение, не знающие голода и холода, бомбежек и похоронок с фронта. И это хорошо.

К сожалению, мы порой забываем свою историю и допускаем ошибки, которые выливаются в военные действия на нашей собственной земле, против собственного народа.

История мстит нам за то, что мы не передаем, как эстафету, память о павших героях, их ратных подвигах на фронте и в тылу. Поэтому правильно, что День Победы все больше становится и Днем Памяти. В память павших героев, в память военных трудовых будней я прошу вас отбросить обиды, отложить бесконечные споры о трудностях сегодняшней жизни.

Давайте просто работать. Работать так, как умеет работать русский народ, как сражались и работали наши ветераны в годы войны.

Дорогие ветераны войны и труженики тыла! Спасибо вам за все, что вы сделали для своей Родины, для будущих поколений!

Желаю вам здоровья, долгих лет жизни, счастья вам и вашим семьям!

Генеральный директор
АО "Уралэлектромедь"
КОЗИЦЫН Андрей Анатольевич
22 июня 2000 года.

ДОРОГИЕ ЗЯМЛЯКИ!

День Победы вошел в календари всех народов как дата избавления от фашистской чумы, грозившей заполонить весь мир. И решающий вклад в это избавление внесли и вы, дорогие ветераны, вы и ваши боевые товарищи, сложившие головы на полях сражений, а также ветераны, ушедшие из жизни в послевоенные годы. Памяти их, героев фронта и тыла, жителей города В. Пышма, и посвящена эта книга. Пусть же наше молодое поколение свято хранит память о своих близких, обо всех, кто способствовал разгрому врага и укреплению могущества нашей Родины. Низкий поклон вам, дорогие ветераны! Трудно подобрать слова, которые бы выразили всю глубину нашей благодарности вам за то, что вы сделали для своей Родины, для всех нас. Здоровья вам и еще раз здоровья! Будьте счастливы! И вечная память героям-верхнепышминцам, отдавшим жизнь в борьбе за свободу и независимость нашей Родины! Подвиг их всегда будет жить в наших сердцах.

Глава МО «В. Пышма»
ЛЕШКОВ Владимир Александрович,
9 января 2001 г.

1390 человек, работавших в годы войны на Пышминском медеэлектролитном заводе (ныне АО "Уралэлектромедь"), награждены медалью "За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.".

Сто семьдесят два человека удостоены такой же награды из числа работников Пышминского рудоуправления.

Сердцем столицы Урала в годы войны была Среднеуральская ГРЭС.

Электроэнергия СУГРЭС шла к станкам турбомоторного завода, изготовлявшего моторы для танков и самоходных орудий, в цеха Уралмашзавода, Пышминского медеэлектролитного завода, завода им. Калинина и многих, многих других предприятий. Энергия Среднеуральской ГРЭС шла в шахты Егоршино, шла в Первоуральск, шла и на север, в Нижний Тагил. Так что и к производству 35 тысяч танков Т-34 Уралвагонзаводом, и к производству десяти тысяч самоходных орудий Уралмашзаводом Среднеуральские энергетики имеют прямое отношение. Ведь без электроэнергии ничего сделать невозможно.

Огромнейший вклад Среднеуральских энергетиков в победу отметил в одном из своих выступлений в 1946 году председатель Президиума Верховного Совета СССР в послевоенные годы Н. М. Шверник. Он сказал: "Исключительно большую роль в обороне страны сыграли такие заводы, как Уралмашзавод, Уральский танковый завод им. Сталина (Речь идет об Уралвагонзаводе в Н. Тагиле), Среднеуральская ГРЭС и многие другие предприятия".

Восемьсот девяносто семь энергетиков СУГРЭС были награждены медалью "За доблестный труд в годы Великой Отечественной воны 1941—1945 гг.", и среди них шестидесятилетний чернорабочий Андрей Семенович Морозов, который самоотверженно трудился всю войну. Семь сыновей отправил он на фронт, пятеро их них погибли в боях за Родину.

1 апреля 1945 года коллектив СУГРЭС "за успешную работу по энергоснабжению оборонной промышленности Свердловской области" был награжден высшей наградой Родины — орденом Ленина. Коллективу СУГРЭС на вечное хранение было передано знамя Государственного Комитета Обороны.

Неоценимый вклад в Победу над врагом внесли трудящиеся Пышминского рудоуправления, добывая медную руду, работники обогатительной фабрики, наладившие получение из отходов важного стратегического сырья — кобальта. В отдельные военные годы выпуск сульфридно-кобальтового концентрата доходил до шестидесяти процентов от всего производства в стране. А кобальт был необходим для получения броневых сталей.

Свой вклад внесли и геологи Пышминской геологоразведочной партии, открывшие во время войны новые рудные участки и рудопроявления на медную руду.

Большой вклад в победу внесли трудящиеся Среднеуральского механического завода (ныне завод металлоконструкций). Они изготовляли боеголовки для реактивных снарядов "катюш", мины и другую военную продукцию.

Более двухсот лучших работников завода были награждены медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.".

Огромная ответственность в годы войны была возложена на торфопредприятия по обеспечению топливом Уралмашзавода. И хотя труд торфяников был ручным, они честно справились с боевыми заданиями (а ведь это в основном были женщины).

Самоотверженно в годы войны трудились и работники сельского хозяйства города, труженики шести колхозов и двух подсобных хозяйств. И здесь трудились в основном женщины и подростки.

Великий вклад в победу внесли наши строители, тысячи мужчин и женщин. А ведь работали они в тяжелейших условиях.

Не должен быть забыт труд работников Исетского щебеночного завода. Ведь фундаменты и СУГРЭС, и Уралмаша и всех свердловских заводов поставлены на исетских гранитах. На этой же щебенке уложены рельсы железных дорог Среднего Урала. Этот щебень — и в наших шоссейных дорогах.

С Верхней Пышмой связана жизнь пяти Героев Советского Союза.

ФЕОФАНОВ Василий Григорьевич (родился 02.03.1916 года в Верхней Пышме), гвардии старший сержант, старший разведчик 1742-го гвардейского артиллерийского полка 79-й гвардейской стрелковой Запорожской дивизии. Лично уничтожил двести шестьдесят восемь гитлеровцев. Звание Героя присвоено посмертно Указом от 13.09.1944 года за бои на Днепре.

КУКАРИН Иван Александорович — наводчик противотанкового орудия 36-й гвардейской стрелковой дивизии. Звание Героя присвоено Указом от 20.12.1943 года за подвиг, совершенный при форсировании Днепра.

СМИРНОВ Дмитрий Николаевич — бывший токарь СУГРЭС, гвардии старший сержант, командир отделения взвода разведки 3-й гвардейской танковой армии. Звание Героя присвоено Указом от 17.11.1943 года. А в мае 1944 года фронтовая газета писала: "...Тяжела рука у молодого уральца. Более восемьдесяти немцев уже лично отправил Смирнов на тот свет".

ИШМУХАМЕТОВ Ахмадул Хозеевич — кавалер трех орденов Красного Знамени. Звание Героя присвоено Указом от 23.09.1944 года. В послевоенные годы работал в военкомате г. В. Пышма, где и умер в 1952 году.

ЛАЗАРЕВ Василий Григорьевич — летчик-космонавт. В детстве много лет жил в Среднеуральске и в В. Пышме. Звание Героя командиру космического корабля "Союз-12" присвоено в сентябре 1973 года.

На территории района в годы войны размещалась три госпиталя. Эвакогоспиталь № 2548 находился в поселке Среднеуральск — начальником был Маляров, политруком — Пешков. В госпитале было два отделения: первое — операционная — размещалось в здании только что построенной больницы, второе — в здании детсада — двухэтажном кирпичном здании по ул. Ленина. Здесь лечились раненые различной степени тяжести. Заведующим этим отделением был врач Иван Иванович Волков. 31 июля 1941 г. госпиталь принял первых раненых, около трехсот человек, а в феврале 1942 года он был передислоцирован в г. Тихвин.

Эвакогоспиталь № 3744 располагался в здании школы № 1 с августа 1941 года по февраль 1942 года. Профиль — смешанный. Начальником госпиталя был Илья Павлович Пермяков, главврачом — Ангелина Григорьевна Баязитова.

Эвакогоспиталь № 3859 находился в пос. Исеть с августа 1941 года. Начальником госпиталя была Августа Андреевна Лобастова. В конце декабря 1941 года госпиталь передислоцировался на Волховский фронт.

При формировании госпиталей большую помощь оказывали местные жители: приносили простыни, одеяла, мебель. Взрослые и дети устраивали для раненых концерты, писали письма домой, кто не мог это делать сам, читали газеты.

Бывало, что приносили раненым овощи, молоко. О тех далеких днях нам напоминают сегодня мемориальные доски, установленные на зданиях средней школы № 1 г. В. Пышма и здании детского сада № 2 г. Среднеуральска. Верхнепышминцы свято чтут память о невернувшихся с фронта. Для их увековечения на территории города и района поставлено четырнадцать памятников и обелисков.

Мемориал в честь верхнепышминцев, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., открыт 9 мая 1967 года. Автор В. Ф. Тетушкин. Стела с именами погибших верхнепышминцев открыта 9 мая 1975 года. В ближайшие месяцы будет установлена и стела с именами умерших фронтовиков.

Мемориал в честь среднеуральцев, погибших в боях за Родину, с фамилиями фронтовиков, открыт 6 ноября 1967 года на центральной площади Среднеуральска.

Автор памятника — Гурьянов Борис Иванович.

Стела с фамилиями участников войны 1941—1945 гг., похороненных на среднеуральском кладбище, открыта 2 мая 1995 г. Автор памятника Николай Иванович Старков — архитектор города Верхняя Пышма , организатор строительства — В. П. Цыпнятов. Памятник металлургам, горнякам и обогатителям, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., открыт 9 мая 1991 г. Автор проекта Т. Ю. Жданович. Обелиски и памятники установлены на заводе металлоконструкций 7 мая 1966 г., на Уральском заводе химреактивов, во всех населенных пунктах Верхней Пышмы.

Память о погибших хранится и во всех музеях города и в городской Книге памяти, отпечатанной тиражом 50 экземпляров в 1995 г. Организатором ее явился Иван Герасимович Пронин.

Память о погибших в боях за Родину хранится и в названии улиц. Так именами погибших Феофанова Василия Григорьевича, Александра Анисимовича Чистова, Спицына Юрия Евгеньевича, Данильченко Василия Антоновича, Талыкова Михаила Ивановича названы улицы в В. Пышме.

Имя Михаила Талыкова носит средняя школа № 2. В школьном музее собран материал о герое.

В Среднеуральске имена погибших героев носят две улицы — улица Бахтеева (в честь Бахтеева Анатолия Васильевича) и улица Гашева (в честь героя-артиллериста, погибшего под Будапештом в 1945 году, Николая Андреевича Гашева).

Имя братьев Уфимцевых (Григория Павловича, Степана Павловича и Василия Павловича) носит центральная улица деревни Коптяки.

Имя танкиста — кавалера ордена Красного Знамени — Морозова Дмитрия Ивановича носит улица в деревне Мурзинка.

В 1991 году на городском кладбище г. В. Пышма на месте захоронения Феодосии Петровны и дочери Екатерины Александровны Пономаревых, внесших во время войны пятьдесят тысяч рублей в фонд обороны, поставлен памятник с памятной надписью об их вкладе в победу.

В боях за Родину погиб цвет нашего общества, погибла молодежь, которой жить бы да жить. Это были прекрасные люди. Об их чувствах, переживаниях, впечатлениях говорят строки из их писем и дневников.

Так бывший ученик средней школы № 1 Борис Суворов, погибший в 1944 году в Польше, писал в своем дневнике:

"Война не щадит никого. Мы боремся в этой войне за прогрессивное, правое дело. Воевать нужно. Это долг перед Родиной, долг совести. Но если к концу войны я буду жив — безусловно, приложу усилия, чтобы продолжать учиться. Только не было бы поздно: ведь на фронте люди стареют гораздо быстрее. Это я вижу по моим теперешним товарищам.

...Человеку, не бывшему на фронте, трудно понять психологию фронтовика. Только плотно прижавшись лицом к сырой, теплой и пахнущей травой земле, чувствуя, как эта земля вздрагивает от взрывов, и вокруг совсем рядом с тупым звуком шлепаются осколки, понимаешь, что значит для тебя жизнь и как безумно любишь ее.

...Я очень хочу учиться. Это желание не оставляет меня ни в траншеях, ни в часы отдыха, ни под визжащими немецкими снарядами".

Из письма с фронта Струкова на медеэлектролитный завод: "Я горд вами, за ваш труд. Возьмешь в руки патрон, гранату, и везде есть хоть небольшая частичка продукции нашего завода. Везде есть медь.

...С боевым приветом комсомолец Струков".

А вот письмо, написанное в стихах молодым солдатом из деревни Балтым, комсоргом стрелкового батальона Федором Михайловичем Малышкиным.

Привет мой тебе, дорогая мамаша!
Родным и знакомым привет боевой!
Привет от меня деревушке всей нашей,
Поклон — тополям и сиреням — земной.
Ты пишешь, родная, что очень страдаешь,
что грустно на свете тебе без меня.
Родная моя! Ты, наверное, знаешь,
что я не боюсь ни воды, ни огня.
И если на то уж пошло, я не струшу,
в позор не введу я родительский дом.
Всю силу свою я на немцев обрушу,
возьму их тараном, пойду напролом.
Ты пишешь, посевы в полях зеленеют,
сирень распустилась у нас под окном.
В лесу ароматные ягоды зреют
и все так отрадно и мило кругом.
Нести нам приходится тяжкое бремя,
но воинам русским оно по плечу,
дотла истребим людоедское племя:
огнем беспощадным сожжем саранчу.
Мамаша, мы верим: победа за нами!
И сил не жалея, с врагами я бьюсь.
Вот это письмо сохрани ты на память,
прочтем его вместе, когда я вернусь.
Целую тебя и прошу лишь не плакать,
так хочется нежно тебя мне обнять.
Минут через десять иду я в атаку.
Вот все, что успел я тебе написать.

19.03.1944.

Комсорг батальона 254-го стрелкового полка им. А. Матросова, младший лейтенант Федор Малышкин погиб 15 сентября 1944 года в бою у деревни Цирета в Латвии.

Посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

"От Сталинграда наша часть находится в 12 км, в скором будущем будем в Сталинграде. Немцы при отступлении оставляют очень много трофеев. Только в одной деревне оставили они больше половины исправных машин, а на аэродроме 300 самолетов.

Опишу, в каком положении находятся ихние войска по сравнению с нашими. Одеты они в ботиночки и пилоточки, так же, как мы были в августе.

В деревнях поели всех кошек и собак, если найдут лошадь пропавшую (живых уже нет), то солдаты и офицеры считают за великое счастье".

Письмо Николая Александровича Рябкова со Сталинградского фронта зимой 1943 г. Жил в пос. Красный.

Погиб в Польше в 1945 году.

Примечание: Цифровые данные об участии верхнепышминцев в Великой Отечественной войне предоставлены музеем боевой славы г. Среднеуральска (руководитель музея Гриневич Виктор Иванович), о трудовом подвиге земляков им же.

Данные о госпиталях предоставил верхнепышминский исторический музей и его сотрудник Символокова Лилия Григорьевна.

Материал в целом составил
ГРИНЕВИЧ Виктор Иванович.

ЭТО ПОД СИЛУ ТОЛЬКО ВЕЛИКОМУ НАРОДУ

Память о Великой Отечественной войне — это то, что и сегодня скрепляет нас в единый народ, дает нам совершенно особое самоощущение нашей правды и силы. О доблестном труде верхнепышминцев и среднеуральцев в тылу и их героизме на фронте благодарные потомки уже издали книги, но до сих пор невозможно без волнения вспоминать те годы, еще и еще раз удивляясь и восхищаясь особенностью характера наших отцов и дедов — способностью к сверхнапряжению, концентрации физических и духовных сил, умению "собираться в кулак", стойко выносить голод, лишения.

Война резко нарушила привычный образ жизни рабочих, крестьян, интеллигенции. Утраты и горе не обошли ни одной семьи из нашего района. Каждый день требовал от людей колоссального напряжения.

В силу военной необходимости и остаточного финансирования социальной сферы сократились затраты на социально-культурные мероприятия. Исключительно острой стала продовольственная проблема. С первых осенних месяцев была введена карточная система (кроме сельского населения), I категории рабочих — 800 г хлеба в сутки.

Проблему обострили и переселенцы, которых на Урале были миллионы, и к нам на Медный Рудник прибывали эвакуированные с первых дней войны. Основная масса эвакуированных была расселена до января 1942 г., но и после этого времени люди прибывали постоянно, вплоть до апреля-мая, когда поступали только ленинградцы по 4-5 семей в течение месяца.

По советам района население распределялось таким образом: по Пышминскому поссовету — 865 (из них трудоустроено — 34), Среднеуральскому — 624 (26), Балтымскому сельсовету — 606 (19), Исетскому — 309 (12), Мостовскому — 43 (1), Первомайскому — 7, всего — 2464 человека (95).

Но среди этого количества трудоспособного населения было много женщин, имеющих детей до 8 лет, поэтому трудоустроено было только 950 человек. Некоторые не могли выйти на работу до тепла, так как не имели зимней одежды и обуви. Их постарались в первую очередь направить для работы в колхозы. Райсовет помогал, выделяя материальную помощь: денежная помощь, выделение галош, дамской обуви, мануфактуры, пальто, платья, которые просил у местного населения, закупал. Для эвакуированных выдали и семенной картофель.

Выход из тяжелого продовольственного положения находили в отводе земли под огороды, организации подсобных хозяйств на предприятиях, колхозной торговле. Если в нашем районе под огороды в 1941 году отведено было 194 га, то уже к 1943 году — 831 га.

Но и той продукции, что выдавалась рабочим, а особенно сельскому населению (по трудодням из общественного хозяйства), было совершенно недостаточно. Поэтому те, кто пережил эти страшные годы, до сих пор вспоминают, как люди опухали от голода, многие курили, чтоб заглушить чувство голода. На Медном Руднике резко увеличилась заболеваемость дифтерией, туберкулезом. В деревнях остро встала проблема педикулеза, дизентерии. Умирали дети и взрослые. Если в 1940 году на Медном Руднике обслужено было "скорой помощью" 207 человек, то в 1943 г. — 2972! К тому же в поселке к концу 1943 года не было машины "скорой помощи": ее оборудовали под грузовую и возили на ПМЭЗ дрова. А вместо машины выделили лошадь.

На заседании Мостовского сельсовета 13 марта 1942 года заведующая фельдшерским пунктом М. С. Токманцева докладывала о страшном санитарном состоянии бараков, о заболевании населения сыпным тифом и просила построить жаровую камеру.

Ни в сельских магазинах, ни в городских не было в продаже круп, муки, хлеба. За хлебом некоторые жители ходили в Свердловск, вставали с ночи в очереди в хлебные магази-

ны. Часто после основной работы пышминцы шли на дополнительные работы за чашку каши или тарелку супа, в основном — женщины. И потому, что детей кормить надо, да и потому, что состав трудящихся до 45% были женщины, хотя еще в 1941 году на Медном Руднике число женщин на производстве составляло 29%.

А трудовая нагрузка и без того была увеличена: введены были обязательные сверхурочные работы от 1 до 3 часов, отменены все отпуска, а самовольный уход с работы рассматривался как дезертирство.

На сельчанах трудности военного времени сказывались еще и в том, что ослабление экономики колхозов отразилось на распределении доходов. Проявляя героизм и самопожертвование, крестьяне получали "учетные палочки". Надо добавить, что это в основном были женщины и подростки, так как мужики были на фронте или вернулись покалеченные. А труд в основном — ручной, если и было в хозяйстве 3-4 трактора, то к работе готов был в лучшем случае один.

Старикам, женщинам и детям приходилось трудиться в очень сложных условиях, и при этом они оставались без хлеба. Вся надежда на свой огород, он помогал выжить! Дети из многих семей, заменив в работе взрослых, не ходили в школу, а порой было просто не в чем пойти. Хотя сельсоветы старались не бросать на произвол семьи тех, кто сражался на фронте или остался без кормильца. Семьям фронтовиков оказывали материальную помощь, выделяли дрова. Этим вопросам уделялось внимание на специальных заседаниях исполкома райсовета. Персональные пенсии выплачивались из местного бюджета на детей погибших в бою с немецкими захватчиками.

На заседании исполкома Верхнепышминского районного Совета рассматривалась "Разнарядка на получение американских вещей сельским и поссоветам В.-Пышминского района". Имеющиеся американские вещи в количестве 283 шт. решено было раздать остронуждающимся семьям военнослужащих (в списке значились: платья, пальто, панталоны, шарфы, перчатки, рубашки и пр.) в следующем порядке: Пышма — 84 шт., СУГРЭС — 48 шт., Балтым — 52 шт., Мостовая — 29 шт., Первомайка — 30 шт., Исеть — 40 шт. Из фонда экономии района разрешалось выделить семьям военнослужащих хлеба в количестве 1300 кг, и в первую очередь — остронуждающимся в дополнительном питании.

Сколько подростков от 14 до 16 лет работали наравне со взрослыми на ПМЭЗе, СУГРЭСе, торфопредприятии, СУМЗе, огнеупорном заводе! Только число работающих подростков в райпромкомбинате составляло около 75%.

Владимир Садовский — токарь по дереву, Павел Теркин — столяр-плотник, Василий Бондаренко — сапожник. Сколько таких имен можно назвать, которые до срока стали взрослыми! Их руками выпускался очень нужный товар: от гребней, расчесок до гончарной посуды. А по договору с УралВО ремонтировали валенки в количестве 13 тысяч пар. В 1943 году из 836 подростков учились только 176 человек, остальные работали. Заготавливали лекарственные травы, дрова, грибы для фронта, собирали колоски с полей, отправляли посылки на фронт. Как сказала учительница Елизавета Ивановна Патрушева: "...Дети тоже должны были получить медаль "За доблестный труд в войне". Изо дня в день, работая за себя и за ушедших на фронт, и взрослые, и дети ожидали скорую победу и возвращения своих близких. Стремились всем возможным помочь фронту, свято веря в счастливую жизнь после войны".

Наши земляки подписывались на государственные займы, перечисляли деньги на постройку самолетов, танковых колонн и другие военные нужды. В Фонд обороны рабочие ПМЭЗ собрали из своих личных сбережений 229 тыс. рублей наличными деньгами "на строительство боевой техники".

В 1941 г. рабочие и служащие Верхнепышминского района сдали 2410865 рублей., а в 1943 г. — 5409000 руб., колхозники в 1941 г. — 35325 руб., а в 1943 г. — 136000 руб.! А ведь

сами жили впроголодь. Лотерейные билеты денежного займа покупали и школьники на заработанные ими деньги. Нашей землячке Г. А. Драчук пришла правительственная телеграмма за подписью И. В. Сталина с приветом и благодарностью "за заботу о Красной Армии".

По неполным данным, по Верхнепышминскому району было собрано теплых вещей для фронта на 1 января 1944 г. 17050 штук: полушубков — 398, меховых жилетов — 233, валенок — 752, нательного теплого белья — 1832. 15 тысяч посылок собрали и отправили наши жители бойцам и командирам. "Все для фронта, все для Победы!" — в этом лозунге военного времени ярко отражается единство фронта и тыла. С этой мыслью были прожиты все военные дни.

Значительная роль в достижении победы над врагом принадлежит нашим землякам. И тем, которые надели военные шинели и участвовали во всех крупных сражениях, и тем, кто в тылу сражался за победу, как воин на передовой линии фронта. В Книге памяти благодарные потомки записали имена тех, кто погиб, им в нашем городе установлены два памятника: мемориал с Вечным огнем - всем верхнепышминцам, и памятник работникам ПМЭЗ — у проходной завода. Есть памятники в Среднеуральске, в Балтыме и др. селах и деревнях.

Никого не обошла беда. Через год после окончания войны в городском отделе социального обеспечения было поставлено на учет 842 инвалида, из них 422 — это инвалиды II и III групп... Огромную цену заплатил наш народ за победу. Это под силу только великому народу.

Елена СЕЛИНА,
директор городского исторического музея.
"За медь", № 17, 6.04.2000 г.

ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ

Для многих День Победы — очередной праздник, возможность отдохнуть, съездить в сад или на природу. Для тех, кто прошел всю войну, как говорят фронтовики, от звонка до звонка, это самый главный праздник их жизни, святой день. Более четырех лет они мечтали об этом дне, он был для них смыслом жизни. И когда он наступил — счастье их было безмерно. И не потому, что остались живы, а потому, что их тяжелый ратный труд, гибель боевых друзей, не были напрасными.

Накануне Дня Победы мы пригласили в редакцию группу фронтовиков и задали им единственный вопрос: где и как встретили этот день?

Анфиса Ефимовна Дудина:

— Во время войны я была авиационным мотористом в 455-м гвардейском авиационном полку дальнего действия. День Победы встретила в Польше. Как обычно, вышли мы на построение. И здесь нам объявили, что война закончилась. Радости нашей не было предела. Кто смеялся, у кого на глазах навертывались слезы. Строй сразу нарушился. Все стали кричать: "Ура"!, а у кого было оружие, стреляли из него в воздух.

Весь день ходили, словно пьяные. К тому же на ужин выдали спирта граммов 50 на человека. А потом были танцы, концерт. С тех пор прошло уже 55 лет, а я помню тот день, словно это было вчера.

Петр Федорович Толмачев.

В действующих войсках находился с января 1942 до марта 1945 года. Воевал в составе 32-го минометно-артиллерийского полка — знаменитых "катюш" на Карельском фронте в должности радиотелефониста. Был ранен. Из армии уволился в августе 1946 года.

— День Победы я встретил в Омске. А попал туда так. Когда Финляндия попросила перемирия, военные действия на нашем участке фронта закончились, и нас направили на до-

формирование в Москву. В то время как раз шел набор в минометно-артиллерийское училище. Пришла разнарядка на два человека и в наш полк. Так за три месяца до конца войны я оказался в Омском минометно-артиллерийском училище. Там и узнал о победе.

Было утро. Когда разнеслась весь о капитуляции фашистов, все повскакивали с коек. В воздух полетели подушки. Шум. Гам. Смех. Все радовались, как малые дети. Начались даже пляски. И так продолжалось почти весь день.

Но в мае 1945 года война для меня не закончилась. Проучился я в училище четыре месяца. Это были ускоренные, так называемые "жуковские" курсы. И уже в августе 1945 года в чине младшего лейтенанта меня отправили в Прикарпатский военный округ в город Черновцы — в 5-й гвардейский минометно-артиллерийский полк командиром огневого взвода.

Здесь для меня началась другая война — с бандеровцами. Это была не простая война. Бандеровцы, как сейчас чеченские сепаратисты, не принимали открытый бой. Как правило, они находились среди мирного населения. И отличить, кто бандит, а кто просто обыватель, было очень трудно. Днем он землю пашет, а ночью берет в руки винтовку. Порой так бывало: отец — член Верховного Совета Украины, а сыновья — в банде.

А требование было одно — обнаружил бандита, немедленно задержи, иначе трибунал. И вот дают тебе одного бойца, берешь автомат с запасным диском, пистолет и идешь в поселок, расположенный далеко от дивизиона. И не знаешь, вернешься обратно или нет.

Полина Ивановна Разбоева.

В действующей армии находилась с 9 августа до 3 сентября 1945 года. Воевала в составе 90-й отдельной роты связи 250-й истребительной авиадивизии на I Дальневосточном фронте.

— Штаб нашей дивизии находился в Хабаровске. Я принимала телеграммы. А работала на аппарате Бодо. Принимаю сообщение: "Наши войска взяли рейхстаг". Об этом сразу же стало известно всем в штабе. А тут прибегает начальник связи майор Самсонов. "Ты что это делаешь? — говорит. — Надо мне было первому об этом сообщить. Это еще не конец войны, а только взятие рейхстага". Но даже после этого выговора радость моя не уменьшилась.

А война с Японией началась как-то тихо, незаметно. Наши ребята, когда вылетели на задание, говорили: "А ну-ка девушки, завесьте уши золотом. Сейчас начнем работать открытым кодом". Это на их языке означало, что в ход пойдут такие выражения, которые любую женщину в краску вгонят.

3 сентября война для нас закончилась. А через неделю пришла правительственная телеграмма, в которой нас, дальневосточников, поздравляли с победой и благодарили за то, что мы удержали Дальний Восток. Особый поклон передавали женщинам-дальневосточницам.

Война закончилась. Но мужа из армии не отпустили. Я тоже не поехала, хотя очень домой хотелось. Ну а как поедешь? Замужем, а домой одна приехала. Разное могли подумать. А свадьба у нас была настоящая. Посаженым отцом был генерал-майор Немцович, а посаженой матерью военврач майор Елизавета Ивановна. В Верхнюю Пышму мы с мужем приехали лишь в 1946 году. Прожили мы с ним 53 года. Полтора года назад я его похоронила. И вот уже второй раз буду встречать День Победы без него.

Всеволод Григорьевич Стадухин.

Участвовал в Курской битве, в освобождении Белоруссии и Прибалтики. К боевым наградам — орденам Отечественной войны, Славы, медали "За отвагу" в мирное время прибавилось еще два ордена — Трудового Красного Знамени, Ленина — и медаль "Серп и Молот" Героя Социалистического Труда.

— Летом 1943 года накануне боев на Курской дуге по приказу Сталина курсантов военных училищ, расположенных на территории Свердловска, выпустили досрочно. И ночью, погрузив в семь эшелонов, отправили на запад. Выгрузили в степи. Я попал в минометную

батарею. Звания нам тогда не присвоили, сказав, кто выживет, тому присвоят. В этих словах была своя логика, логика войны.

Я в этом убедился в первом же бою. Мы с товарищем — он тоже был с Уралмаша, его Витя звали — окапывались, чтобы установить минометы к бою. Я выбрал открытое место и стал окапываться. Витя говорит: "Ты зря на открытом месте копаешь. Все открыто кругом. Солнце печет. Я вот лучше под кустиком окопаюсь". А вскоре после этого разговора немцы открыли по нашей позиции минометный огонь. Одна из мин, спускаясь, задела за ветку прямо над Витиным окопом и взорвалась. Обстрел закончился. Я кричу: "Витя! Витя!". Он молчит. Подбежал к его окопу, он лежит на животе, а из головы кровь сочится. Как потом выяснилось, мы заняли огневую, которую немцы лишь недавно оставили. Они отлично знали, где там можно укрыться, и были прямо по кусту.

Второй случай. Командир нашего огневого взвода отправился на передовую корректировать огонь наших батарей и взял меня с собой. А это происходило довольно часто. Я даже обижался: у каждого офицера были свои адъютанты, а на передовую они меня с собой брали. Меня успокоили: берут тебя, мол, потому что надеются, в бою не подведешь, ни раненого, ни убитого на поле не оставишь.

И вот пошли мы ночью на передовую. А утром слышу, кричат — завтрак в термосах привезли. Я котелок хватаю и к выходу. А вход в блиндаж был закрыт плащ-палаткой. Я отодвинул ее, а тут солдат один из артиллерийской батареи, мы с ним здесь же, на передовой, познакомились, с хохотом отталкивает меня и вперед проскакивает. Вдруг чувствую, что в лицо мне что-то теплое брызнуло и по груди побежало. Я сразу даже не понял, что случилось. Вижу только, как мой знакомый прямо на меня падает. И тут только до меня дошло, что на лице моем и груди кровь его. Фашистский снайпер не промахнулся. Это моя была пуля.

Потом еще долго товарищи надо мной подшучивали, что это, мол, Всеволода его сто духов от пуль охраняют.

А вот против мин мои сто духов, видно, были бессильны. Всю войну я прошел без царапины. Но под станцией Поныри на Курской дуге меня сильно контузило. Произошло это вот при каких обстоятельствах. Начался бой. Мин не хватало. Я побежал помочь подносчику. Схватил два ящика и бегом к огневой. Только опустил их на край траншеи, как раздался взрыв. Моя голова оказалась между этими ящиками. Вскакиваю. В глазах звенит. Ничего не слышу. А вот наводчик погиб, заряжающего тяжело ранило. Эта контузия долго не давала себя знать, только в последнее время напомнила о себе — появилась дрожь в руке.

А о победе я узнал в Финляндии. В тот день меня назначили начальником караула. Ночью позвонили и сказали, что войне конец. Я даже сперва не поверил. Все это не укладывалось в голове. Так долго ждали и так неожиданно произошло. После смены караула выпили 100 граммов наркомовских, плюс 50 граммов от старшины по такому случаю.

Михаил Александрович Мелких.

В действующих войсках находился с февраля 1944 до марта 1945 года. Воевал на Ленинградском фронте.

— Когда наши войска прорвали оборону финнов и взяли Выборг, финны запросили перемирия. В августе 1944 года перемирие было заключено, а мы остались укреплять границу. В это время набирали на курсы механиков-водителей танков. Так в марте 1945 года оказался в Омске в танковом училище. А через несколько дней война закончилась. Как только узнали об этом, решили про себя: раз конец войне, можно без всяких увольнительных ходить в город. Идем по городу — навстречу патруль: "Ваши увольнительные". Увольнительных ни у кого не было, привели в комендатуру, а там уже много таких набралось, как мы. До выяснения обстоятельств нас отправили заниматься строевой подготовкой. Мы походили-походили, все это нам быстро надоело, и мы ушли.

И вот командиру танкового училища звонят из комендатуры:
— Товарищ полковник, задержали 250 ваших курсантов.
Полковник: — Это не мои.
Из комендатуры: — 200 из них сбежали.
Полковник: — Это мои.
Вот так я вместе с друзьями встретил 9 мая 1945 года.

Г. ДМИТРИЕВ.

"Красное знамя" № 54, 6.05.2000.

ПЕЧАЛИТЬСЯ, ПОМНИТЬ, ГОРДИТЬСЯ

С Великой Отечественной войны не вернулось более двух тысяч верхнепышминцев. Что осталось нам в память о них? Скупые фронтовые письма, похоронки. Да и их немного. И хорошо, что есть в нашем городе место, где память о погибших земляках как бы сконцентрирована и не подвластна времени. Это сквер Победы, где на чугунных плитах отлиты имена славных воинов, отдавших жизнь за Родину.

Сам памятник, как и война, уже становится историей. В этом году ему исполняется 33 года. Когда у руководителей и жителей города возникла идея о его создании, споров было много. Это сейчас все считают, что место выбрано удачно. Тогда это был роскошный дендропарк опытнической станции юных ботаников, которой руководил Ф. К. Маляревский. И чтобы расчистить место для обелиска, приходилось выкорчевывать деревья редкой для наших мест породы. Несмотря на то, что рядом уже стояли кинотеатр "Факел" и Дом пионеров, все же это была окраина города. Архитектор В. Ф. Тетушкин, которому поручили создание проекта памятника, зная перспективу развития города, точно просчитал, что со временем это станет центром.

Люди, которые жили и работали в те годы, вспоминают о необыкновенном энтузиазме, с которым все взялись за дело. Валентина Ивановна Родина, работавшая секретарем горкома партии, в числе таких энтузиастов назвала первого секретаря горкома партии М. Я. Люнькова, работавшего в 1960—65 годах, сменившего его Б. А. Кривоусова, В. Н. Морозову, Н. В. Бахарева и Н. Я. Родина из отдела пропаганды, председателя горсовета А. А. Фокина, лектора М. И. Неволину и многих других. К работе активно подключилась молодежь, секретари горкома комсомола Г. Писулина, Ю. Зубарева, Д. Федурин, Е. Киршин, С. Зыков, М. Муртазин и др.

От начала до конца обелиск создавался методом народной стройки. На субботники и воскресники выходили все горожане. Стройматериалы и технику предоставляло стройуправление. Работники горгаза устанавливали необходимое оборудование для вечного огня.

Открытие памятника решили приурочить к очередной годовщине Победы — к 22-летию. Собравшиеся у Дворца культуры жители города большой колонной отправились к еще укрытому покрывалом памятнику. Духовой оркестр играл торжественный марш. Колонну возглавляли участники войны, еще совсем не старые люди. За ними маршировали воины Свердловского гарнизона. Митинг открыл председатель горисполкома П. Ф. Кравчук. Первое слово предоставили секретарю горкома партии Б. А. Кривоусову. Выступал участник войны, майор запаса М. В. Томилов. В торжественной тишине было сорвано покрывало, вспыхнул огонь, которому суждено было стать вечным.

С тех пор обелиск и площадь вокруг него стали местом проведения особых городских торжеств. Еще в день открытия директор Дома пионеров Елена Тихоновна Анпилова обратилась к детям с призывом взять над памятником шефство. Здесь был организован пионерский пост № 1. Все, кто учился в 33-й школе или посещал кружки Дома пионеров в 60—70-е годы, могут вспомнить, с каким трепетом они возлагали цветы, ухаживали за памятни-

ком, оберегали его. Практически это целое поколение верхнепышминцев, которым сегодня примерно по 40 лет.

История памятника имела продолжение. Предполагалось увековечить имена погибших. Было много сложных поисков, долгих переписок. В горком партии, военкомат приходили родственники погибших, подключались к поиску недостающих документов.

Открытие стелы и галереи с именами павших на фронте земляков состоялось спустя восемь лет — 9 мая 1975 года. Права открыть стелу был удостоен Герой Социалистического Труда В. Г. Стадухин. На открытие стелы приехали дочь и сын Н. А. Чистова — погибшего на фронте редактора городской газеты.

Уточнение и дополнение списков велось непрерывно. Т. А. Бабинцева, которая работала в горкоме партии в 80—90-е годы, рассказала историю одного запутанного поиска. Он велся вместе с сестрой погибшего солдата. Поиск увенчался успехом, женщина приехала на открытие памятника, это был очень эмоциональный момент.

О каждом, чье имя значится на обелиске, можно было бы рассказать интересную жизненную историю. Пусть короткую, как и их жизнь, но очень драматичную. А вспоминать, печалиться и гордиться ими — это удел близких людей — сыновей, дочерей. Вдов, матерей становится все меньше и меньше.

По традиции людно здесь 9 Мая. В этом году перед праздником обелиск и сквер были тщательно отремонтированы силами работников РСУ, ПТО ЖКХ и газовой службы. Восстановлены три украденные злоумышленниками плиты с именами, их отлили на заводе им. Калинина. Сегодня о памятнике заботятся управление культуры, городской Совет ветеранов войны, военкомат. Решается в проектном варианте идея установления еще одной стелы — у постамента с танком и пулеметами. На нее будут занесены фамилии всех участников войны, кто призывался из Верхней Пышмы — умерших после войны и ныне живущих, кроме тех, кто уже назван на существующем обелиске.

Жизнь продолжается. У мемориала — тоже.

Людмила ПРИВАЛОВА.
"За медь", 4.05.2000 г.

1941 ГОД

В 4 ЧАСА УТРА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

В конце ноября 1939 года я был направлен на заставу № 5, расположенную в 800—1000 м от реки Буг и в 9 км от Бреста. К весне 1940 года обстановка на нашем участке границы стала резко меняться. На сопредельной стороне начались земляные работы, появилась военная техника — танки, тягачи с артиллерией. Участились и нарушения государственной границы. Однажды нам удалось задержать группу диверсантов, переодетых в советскую форму. Видя все это, штамб погранотряда усилил охрану границы. На заставы из комендатур пришло подкрепление.

Для нас, пограничников, служивших на реке Западный Буг, война началась в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Под покровом тумана немцы с ходу решили форсировать реку, но были встречены шквальным перекрестным огнем из всех видов оружия. Понеся большие потери, фашисты вынуждены были отступить. В этот день нами было отбито четыре атаки. Но силы были не равны. К тому же кончались боеприпасы.

В живых на заставе осталось семь человек. Старшина Сокмарев, старший по званию, принял решение оставить границу и отходить в направлении расположения штаба комендатуры, а затем погранотряда. Но из-за быстрого продвижения противника соединиться со своим командованием не удалось. Отступая на восток, мы дважды попадали в окружение.

Лишь 5 июля 1941 года нам удалось соединиться с 16-м погранотрядом, который в составе 16 общевойсковой армии вел оборонительные бои. В составе этого отряда мне пришлось участвовать в знаменитом Смоленском сражении.

В должности заместителя командира взвода разведки участвовал в разгроме немецких войск под Москвой. В боях за деревню Юшково был награжден первой медалью "За отвагу" и легко ранен.

В ноябре 1942 года остатки нашей воинской части были направлены на переформирование на Урал, на ст. Ревда. Там мы влились в состав 175-й стрелковой дивизии особой 70 армии. За участие в разгроме немецких войск на Курской дуге был награжден второй медалью "За отвагу". И снова был ранен в левую руку, а затем в грудную клетку. Лечился в госпиталях Курска, Ефремова и в госпитале № 1707 г. Свердловска.

После лечения был комиссован инвалидом войны. Можно было отдыхать и жить на пенсию. Но я, как и все фронтовики, считал себя солдатом и пошел работать на медеэлектролитный завод в 75-й отряд ВОХР замполитом. Как только окреп физически, вернулся на основное производство: работал контролером ОТК в купоросном и электролизном цехах, а затем дежурным по электролизу.

Воспоминания Г. К. МАНТУЛЛО,
записал И. Г. ПРОНИН.
"Красное знамя" № 73, 21.06.1997 г.

О ПЕРЕЖИТОМ, НЕЗАБЫВАЕМОМ

Иван Васильевич Логинов — офицер Советской Армии, в день вероломного нападения фашистской Германии на нашу Родину лежал в госпитале после операции. Тяжело больным он попал в плен к фашистам.

О пребывании в фашистском плену, о стойкости и верности советских людей своей Родине рассказывает тов. Логинов в своих воспоминаниях.

И. В. Логинов работает на Пышминском медеэлектролитном заводе.

В Бресте

Штурмовой авиационный полк, в котором мне пришлось работать в 1941 году, имел базу неподалеке от Брестской крепости, в местечке Пружаны.

Весь мир знал, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении. Однако Советская Армия зорко следила за тем, что происходило по ту сторону нашей западной границы. Наш полк незадолго до 22 июня получил новые скоростные самолеты, и мне, больше чем многим товарищам по части, приходилось летать на них.

В конце мая мое здоровье пошатнулось: появились какие-то покалывания в области живота. Дальше —больше и больше, а 10 июня я лежал в военном госпитале Бреста.

— Кажется, у вас, товарищ заместитель командира полка, язва желудка, — сказал мне главный хирург отделения доктор Маховенко. Начались исследования. К 20 июня врачи установили, что необходима срочная операция, и в этот день мне привелось целых три часа пролежать на хирургическом столе.

Иван Михайлович — опытный врач, трудно ему было, несладко чувствовалось и его пациенту... Однако все обошлось благополучно. Не двигаясь лежу, принимаю строгую норму бульона, отдыхаю физически.

3861 -Ч.З.
Объединенная городская библиотека г. В-Пышма

На рассвете 22 июня началась война.

Грохот взрывов. Все горит. Подбегает сестра: "Идемте"...

Тяжело рассказывать, как обгорелые солдаты, старики, дети, полуодетые женщины укрылись в подземелье крепостного вала, как ворвался в это убежище немец и из 18 человек осталось после него только шестеро, как эти спасшиеся перебрались в какой-то потайной шкаф, а отсюда начальник госпиталя Маслов, пользуясь ночной темнотой на 23 июня, перевел нас в крепостное овощехранилище.

Немцы походным порядком, с победными кличами, с музыкой двигаются на Восток. Другие фашистские части штурмуют внутренний земляной вал крепости, отыскивают несдавшихся и борющихся советских патриотов. Отдельные гитлеровцы стоят на постах, какой-то пулеметчик постреливает у самой отдушины овощехранилища, где мы укрываемся. Он, видимо, расслышал плач и крики детей... И вот около 11 часов 25 июня затрещала дверь нашего подземелья.

Сдаваться: — Нет! Хватаю подвернувшийся под руку камень. А Маслов мне:

— Нельзя! Не смей! Дети, женщины: за одного немца все погибнут.

Команда: "Гес хинаус!" (выходи!).

— Шнеллер! (скорей).

Цепочкой двигаются советские люди. Мой больничный халат заметил немец-врач. Чисто говорит по-русски.

— Оперирован?

—Двадцатого.

— Ничего, выдержишь. Война кончится скоро, немецкие войска заняли Минск. Что? Не веришь? Садись! — Как дрова, бросали людей в автомобили, как мертвую кладь, вытряхнули всех за рекой Бугом, уже на польской территории.

Через Польшу и Германию

Не забыть польскую крестьянку. Женщина не побоялась — принесла пленным молока. Кружка питательной влаги немного поддержала меня. Подумалось: бежать? Но рана, шов, боли, силы мало... Что-то шепчет тебе: "Беги! Один полупьяный немец в охране. Скорее!"

Нет сил, нельзя уйти. А вот и еще немецкие машины.

— Садись!

Еще одна погрузка по-фашистски, и новый перегон до полевого лагеря в местечке Бяла Подляска.

Ночь в сарае. А утром великая радость: доктор Маховенко спасает от гибели советских людей!

Две недели Иван Михайлович, как родного, выхаживал меня, не снимая швов и обеспечивая сносным питанием.

Начало июля. Доктору ссылаться на мою операцию уже нельзя. Швы сняты. Я в строю и в пешем походе — в новый лагерь.

Голое поле. Колючая проволока. Вышки для часовых. Уйма нашего народа... Копали норы для жилья, поднимали бунты с голоду, переживали пулеметные обстрелы лагеря, молча провожали погибших товарищей.

На регистрации я назвал свою воинскую профессию. Немцы устраивали специальные лагери, в частности, у них был в Лодзи лагерь для летного состава. Однако сюда я попал после того, как нас провезли через Берлин в бывшие офицерские лагеря первой империалистической войны в городе Хамельбурге.

Без нервной дрожи нельзя вспомнить, как к нам относились "мирные" немцы, дети немецкие, в частности. Чуть откроешь тяжелую дверь теплушки — град камней летит в это отверстие... Сколько издевательств пришлось испытать мне в зависимости от оригинального покроя и окраски моей одежды!

— Э-э-э! В халате, не успел и одеться, он без штанов! — кричали ребятишки и взрослые.

Однако справедливость требует сказать, что были встречи с немцами и другого склада психики. Вот в Хамельбурге стоит на часах старый солдат. Он не из отрада СС. Пьяный немец орет на нас. Начальство его понимает, он поступает по уставу!

А солдат своей грубостью прикрывает свои гуманные действия: он исподтишка подбрасывает нам куски хлеба. Но таких, конечно, было очень мало.

В насильственных переездах по Германии проходил конец 1941 года. К зиме на 1942 год большую партию пленных снова направили в Хамельнбург. После этого я в составе 500 человек был переброшен в лагерь Вифлекен.

Шесть рядов проволоки вокруг лагеря. В бараках ни окон, ни печей. Сырая солома на полу. Ухитрились сами заделать окна, достали печи- буржуйки, выполняли наряды, особенно по расчитске дорог от снега. От голода, от питания баландой из брюквы, от того обстоятельства, что наши изменники, работая на помощь немцам, часто обкрадывали нас (особенно в отношении продуктов питания), от побоев и сыпняка люди умирали, как мухи. Меня один солдат ударил прикладом по переносице только за то, чтоя поднял окурок немецкой сигареты. Много крови пролилось! Жалко было! Особенно грустно было переносить побои от своих, от русских людей, служивших фашистам. Вот один такой. Этот все твердил: "Не спасешь страну. Дело безнадежное". Вот другой: "Ага, Ростов немцы забрали! Послужу им, приеду в родной город, заберу свои два дома". Таким ненавистна была уверенность большинства пленных, что война кончится нашей, советской победой. За пропаганду таких идей полицаи избивали пропагандистов и выдавали эсесовцам. Приходилось работать очень осторожно.

Летом 1942 года пленных из лагеря брали на полевые работы в деревнях, подряжали на ремонт дороги.

На этих работах легче было узнавать друг друга, делиться мыслями и планами на будущее. Необходимость питаться объедками, ходить на свалки, искать там выброшенную картошку, протухшие куски мяса, терпеть издевательства и побои хозяев, подрядчиков и полицаев, — все это заставило многих серьезно поставить вопрос о побеге.

Первый побег

Обстоятельства благоприятствовали заговорщикам. С сентября 1942 года нас возвратили в Хамельнбург. Через 10 дней вместе с другими направили в лагерь "Гафандирекцион" г. Бамберг. Работая у предпринимателя, который занимался скупкой и продажей продуктов, мы стали лучше питаться, так как получали и хлеба и приварка больше, и, главное, могли тащить у купца все, до водки и риса включительно. При погрузке продуктов всячески вредили немцам: в муку подбавляли стекло, песок, в подшипники вагонов насыпали цемент, закладывали гвозди...

Однажды, выполняя порученную работу, мы обнаружили железнодорожные ножницы для резки металла. Эта находка была решающей в деле подготовки к побегу из лагеря.

С сентября 1942 года до 4 мая 1943 года вынашивался наш план. Сообщение о разгроме немцев под Сталинградом увеличило наши силы, внушило веру в реальность нашего плана. Перед каждым из двадцати восьми особенно остро стоял вопрос: "Что ты сделал для Родины? Как ты боролся для возвращения в ряды защитников?".

В бараке жило нас 38 человек. В заговоре участвовало 28 товарищей. Остальные были по разным причинам люди ненадежные.

Фашистская охрана была отделена от помещения пленных глухой стеной. Ночью немцы никогда не заходили в наше помещение. А наша площадь разделялась на две неравные части: относительно большая комната, где мы жили и небольшая пристройка к ней, в которой помещался умывальник.

Выходом в дверь нельзя было воспользоваться: дверь была близко ко входу в помещение охраны. Через окна комнаты выйти было невозможно по ряду причин: мешали железные решетки, а за окнами шли ряды колючей проволоки. Единственное окно, которым можно было воспользоваться для побега, находилось в умывальной пристройке: за ним не было проволочного заграждения. Но, чтобы добраться до этого окна, надо было открыть две двери, ключи от которых находились у начальника фашистской охраны.

Мы приготовили ключи для этих дверей и удостоверились в их работоспособности. Таким образом заветное окно стало к нам ближе. Как быть с толстыми прутьями решетки в окне? Решение этого вопроса зависело не только от достоинства ножниц, но и от моей силы и ловкости.

Мы были разбиты на группы, и каждая группа знала, в какую сторону она должна направиться после прыжка из окна умывальной. Первые шаги на свободе должны быть в разные стороны. Последующее направление одно — на восток!

2 часа ночи на 3 мая. Двери к окну в умывальной открыты.

Двадцать два миллиметра проволоки в решетке окна не устояли перед силой железнодорожных ножниц, а моим мускулам ничего не стоило отогнуть перехваченные металлические прутья...

Ножницы были брошены на дорогу, а беглецы, избегая дорог, тихо, но со всею возможной поспешностью, направились к родной земле, на восток!

Радостное чувство от сознания, что мы на свободе, пришло позднее: в первые минуты после прыжка из окна нас охватил страх. Догонят!.. Поэтому ночью и ранним утром 3 мая наша группа прошла значительно больше, чем в любой из последующих дней.

Впрочем, уточняя, надо сказать, что движение на Восток, по понятным причинам, совершалось только ночами. Поиски пищи тоже происходили под покровом темноты.

Сколько опасностей, сколько курьезов и радостей пережито было на пути к чехословацкой границе! И каково было ликованье в группе, когда мы услышали подобие русской речи! Это же чехи!

Братство двух народов проявилось очень резко, заметно. Чехи с опасностью для жизни всячески помогали беглецам.

Но Чехия издавна жила в тяжелых условиях немецкого окружения и засилья. Страшную силу этого нам привелось испытать на себе.

С 28 июля мы вынуждены были сравнительно надолго остановиться невдалеке от чешского населенного пункта. Завязалось тесное знакомство с рядом славянских семей. Посылались различные подарки со стороны чехов: мы даже переоделись по-граждански, у нас появилась приличная обувь, да и группа наша увеличилась. Чехи укрывали не одних нас. Из-за предосторожности мы никому не открывали места расположения наших землянок. Встречи бывали в одном месте по взаимной договоренности. Не забыть одну встречу.

Знакомимся с новым человеком. Выражая нам свое сочувствие, он, как многие, приносит подарок. Благодарим за сверточек, и в беседе узнаем, что новый знакомый работает бухгалтером на заводе, который выпускает немецкие "тигры!".

Что-то неладное в человеке...

Развертываем подарок и видим: старая колода игральных карт.

Через два дня бухгалтер знакомит нас с очень любезным человеком, который предостерегает группу от возможной опасности и предлагает скорее перейти на словацкую территорию.

— Оттуда какая-то сотня километров до Кракова. Дальше — Украина и ваши наступающие войска.

Помолчал, словно соображал наш приятель что-то, и, перейдя на таинственный полушепот, закончил:

— Хотите, я вас к словакам на машине переправлю?

При обсуждении лестного предложения нового друга мнения членов группы разделились. Никогда после свиданий с чешскими друзьями в нашем тайном штабе не было таких споров, как в этот раз. Однако большинство не разделило моего мнения: я предлагал немедленно бежать, так как в колоде карт и в предложении автомобиля чувствовалась опасность.

Пришлось подчиниться большинству.

Ждем. Точно в назначенный срок к условленному месту подходит машина. Только... что такое? Было "другом" сказано, что он приедет за нами на грузовике, а явился в отличный санитарной легковой машине! И еще: было обещано, что заберут нас всех сразу (в группе было уже не пять, а семь человек), в санитарную же сажают только двух!

"Друг" авторитетно объясняет:

— В санитарной нигде не задержат, так безопаснее.

Поехали я и Лисичкин.

Дрожь пробежала по телу, когда выяснилось, что мы двигаемся не на Восток, а в противоположную сторону.

— Не беспокойтесь, — говорит "друг", — мы вас через Брно провезем.

И провезли, и... привезли: около нашей санитарной стояло восемь вооруженных гестаповцев, и я, избитый в кровь, закованный в наручники, оказался в одиночной тюремной камере. Позднее привезли остальных членов группы.

Были сведения, что чехи, помогавшие нам, арестованы фашистами... А "друзья", подарившие нам колоду карт и обещавшие быстрое и легкое путешествие в Словакино, оказались судетскими немцами и гестаповцами. Было это 3 сентября 1943 года.

На пути в Освенцим

Три недели я был прикован к железной кровати в одиночке: приказано было просовывать руки между прутьями щита, и за щитом мне надевали кандалы Шварца...

Голодный паек смертника. Допросы с побоями и подвешиванием. Обещания:

— Пошлем туда, откуда живыми не выходят. И так — до 3 января 1944 года.

В этот день, часов в 8 утра, — команда:

— Гес хинаус!

— Шнеллер!

Руки связаны. Летний костюм. Без шапки. Множество евреев.

— Становись лицом к стене!

Отсчет, и фашистская погрузка в вагоны, которые в народе называются "черными воронами", специальный вагон и — направление в "райх-суд" целым эшелоном.

Это северо-восточнее Берлина — город Рюдерсдорф. Новые допросы. Мои откровенные признания: "Не могу терпеть издевательств. Я — гражданин Советской, свободной страны. Летчик по специальности!"

— В Освенцим! Оттуда не убегают!

В Рюдерсдорфе были составлены команды, были поданы зарешеченные вагоны, и люди двинулись... к крематориям.

Про смертный лагерь в Освенциме люди в городе говорили:

— Там, если поведут прямо, останешься жив; если налево — верная смерть.

Числа 9 января 1944 года меня провели в лагере не прямо, не влево, а направо.

Одноэтажный деревянный барак. Регистрация. Требуются полные данные. На вопрос о партийности отвечаю регистратору-поляку: "Член партии Ленина".

Тот шепчет: "Что вы, пане, расстреляют"...

Нет, все издевательства, все физические и моральные пытки пришлось вынести, пропаганду вел, побеги, бунты заключенных готовил, а не расстреляли. Осталась память об

Освенциме: добрый поляк-регистратор обязан был заклеймить меня. На руке моей стоит № ...172595! А татуировка не смывается...

Как этот номер с левой руки, так и из памяти не уйдут никогда жуткие кровавые картины польского местечка Освенцима. Тысячи и тысячи людей на наших глазах сжигались в специальных печах. Работа этих адских машин велась в таких размерах, что в мае 1944 года 4 крематория лопнули...

Изверги вырыли котлован огромных размеров; дно этой ямы, метров пяти в диаметре, забетонировали; над бетонным полом, метра на 2,5 выше его, положили колосники; на них наваливался кокс, а на горящий уголь спихивали людей, которые проталкивались вооруженными фашистами по специальному узкому проходу...

В июне появилось другое сооружение: бассейн, метров 12 в диаметре и метров 5 глубиною. В этом озере топили пленников, трупы вылавливались и сжигались...

Ужас!

В июле, когда советские самолеты начали усиленно беспокоить район страшного лагеря смерти, оставшихся в живых перевезли в западные города Германии. Нас направили в Гамбург.

Когда английский и американский флот стали беспокоить этот город, нас перебросили в Бремен. Налеты на этот город бывали очень частые. Бремен разрушался. Цивилистов (так называли угнанных в Германию гражданских лиц) и заключенных эвакуировали в Бохум.

Лагерь заключенных в этом промышленном городе Рурской области был расположен вблизи большого металлургического завода. Четыре ряда проволоки окружали бараки. По ним проходил электрический ток в 380 вольт. Приближение к проволоке даже на расстоянии трех метров грозило опасностью. Прорваться на свободу при таких условиях нечего было и думать. Но жить в тылу врага, бездействуя, когда Родина, наш народ геройски борются с фашизмом, тоже не было сил. Заводы Бохума бомбили с воздуха. Чувствовалось, что лагерь скоро эвакуируют. Эти моментом мы и решили воспользоваться.

Второй побег

В составлении плана второго побега участвовали два француза, испанец и четверо русских. Он заключался в следующем. На территории лагеря, между бараками было помещение, где заключенные умывались. Там в углу стояла железобетонная колода для стирки белья. Решили под ней сделать подкоп, в котором можно будет укрыться на момент отправки заключенных.

Глубокой ночью выходили из барака человека по три. Один становился на охрану, двое отодвигали колоду и начинали работу. Пол был бетонированный, толщиной в 280 миллиметров. Под ним — обыкновенный мягкий грунт. Пробив отверстие, чтобы можно было пролезть, начали вынимать грунт.

Работа шла, конечно, до крайности медленно, так как пробитую и измельченную часть бетона и землю нужно было выносить из помещения очень мелкими дозами. А предстояло вырыть убежище на семь человек!

Когда яма была готова, возник дополнительный вопрос: как добиться притока чистого воздуха на неопределенное количество времени, которое потребуется в день побега? Из укрытия к наружной части стены продолжили трубу, которая и обеспечивала приток кислорода в убежище. Товарищи помогли нам достать гражданскую одежду.

...И вот пришло 5 марта. На этот день немцы назначили эвакуацию заключенных. Мы около 3-х часов ночи забрались в свое подземелье и усилиями на все решившихся людей поставили колоду на ее обычное место. Часов, видимо, в 11 утра был подан эшелон. Заключенных погрузили.

Охранники проверили помещения и установили, что никого на территории лагеря не осталось. Состав отправился.

Мы просидели в укрытии до сумерек. Воздуха свежего было мало. Один товарищ — Миша — начал задыхаться. Сидели друг у друга на коленях и не имели возможности пошевелиться. Решили выходить. С большими мучениями сдвинули колоду. И только переоделись, как кто-то заметил, что прямо к нашему убежищу идут двое немцев. Казалось: "Все пропало!" Спасло лишь то, что немцы побоялись, видимо, войти в пустое помещение, подергали замок и ушли.

Несколько успокоившись, стали ждать. На наше счастье, бомбардировщики начали сбрасывать на город бомбы, которые рвались где-то совсем рядом. Воспользовавшись бомбежкой, мы и выбрались из лагеря. Нам было известно, что рядом находится лагерь русских, угнанных в Германию. Направились туда. Один украинец — Володя, увел группу в самый разрушенный район г. Бохума. Забрались под пол, забаррикадировали вход. Пролежали в убежище ночь. Днем прибегает Володя и сообщает, что как раз над нами стоит немец. Видимо, нас выследили. Нужно уходить.

На этот раз помогла... немецкая аккуратность. В полдень, в 12 часов, солдату, который стоял на охране выхода из нашего укрытия, полагалось обедать. В этот момент и пробрался к нам связной. Он же помог перебраться в соседний лес.

Было это 7 марта 1945 года. Полтора месяца блуждали мы по густонаселенным местам Западной Германии, укрываясь в лесу.

Трудно было с питанием. В одном амбаре сумели раздобыть муки и мяса. Не обошлось и без неприятностей. Остановилась наша группа в лесу, в дачной местности. Беглецов, видимо, выследил управляющий дачей. Но пока немец готовил облаву, мы скрылись.

Все тот же Володя сумел связаться с румынскими солдатами, которые уже знали, что их страна воюет против немцев на стороне СССР. И вот однажды он влетает в наш лесной штаб с возгласом:

— Пошли! Живо! Там нет немцев!

Мы за ним. Володя привел группу к складу с одеждой, винтовками. Теперь, уже одетые и вооруженные, мы сумели выдержать и отбить наступление немецких крестьян одной деревни.

Только 25 апреля нам удалось попасть в американскую комендатуру и присоединиться к лагерю русских военнопленных.

9 мая весь мир узнал о поражении фашистов, о победе наших советских войск. Наш лагерь переименовался в лагерь репатриантов. Началось составление списков, регистрация.

20 июня 1945 года к лагерю подошли американские грузовики. Распрощавшись с нашими товарищами французами, испанцем, мы направились к Эльбе, которая отделяла советские войска от вооруженных сил западных союзников, 22 июня явились в советский штаб по репатриации и были направлены на Родину.

Эшелон проходил через разрушенный Брест, миновал и Пружаны, откуда 4 года назад я выехал для операции в крепость. О семье — жене и двух детях — после длительной разлуки сведения были получены только в Москве. Эвакуированные из Пружан, они находились на Урале. 25 декабря 1945 года встретился с семьей в Кыштыме.

И. ЛОГИНОВ.

"Красное знамя" № 24, 6.02.1958 г.

ХЛЕБНУВШИЙ ДОСЫТА ВОЙНЫ

Сегодня мы хотим рассказать всего несколько эпизодов из жизни И. Логинова, военного летчика, которому так и не удалось воевать в небе: война застала его в брестском госпитале, ослабевшего после операции.

Я ждал "Ура!"

...Поздно вечером пришли сестры, сказали, что в городе нарушена связь и электроэнергию отключают. "Что-то будет", — вертелось в голове, беспокойство росло, но я тут же отмахивался: "Ерунда! Не будет". Под утро приснился мне странный сон. В сводчатом кирпичном подземелье, в таком, как в Брестской крепости, сидят Сталин, Молотов, сидят улыбающийся Гитлер и Риббентроп. По радио объявляют: "Решается русско-немецкий конфликт".

Чушь какая-то. Я проснулся, и тут же раздались три взрыва, затем — шквал огня. Все ревело, рушилось, горело. Это продолжалось полтора часа. Вдруг тишина, будто в пропасть провалился.

Нянечка, тетя Лиза, отвела нас вглубь крепости, в помещение госпитальной кухни, которая скрывалась в земляном валу. Там уже сидели жены офицеров, медсестры. Меня спасло то, что я лег на носилки у стены. Дверь открылась, мы услышали немецкую речь и очередь из автомата.

Мы остались с медсестрой Ткачевой и капитаном Русаковым. Собрали с убитых фашистов автоматы, нашли более удобную позицию. На следующий день отбили две атаки, патроны кончились. На нас наткнулся начальник госпиталя, который отвел нас в мощный земляной вал — помещение овощехранилища. Здесь было около 20 человек, в том числе шесть ребятишек. Шли четвертые сутки войны — без воды и еды!

Мы уже были в тылу у немцев, а надежды услышать русское "Ура-а" не теряли. Я больше всего ждал этого "Ура!". Даже Ткачевой сказал: "Как услышим "ура!", сразу — за обмундированием". Я ведь был все в той же больничной пижаме.

Ночью на седьмые сутки, ребятишки стали так громко плакать от голода и жажды, что немцы услышали. Открылась дверь: "Лос, лос" Я стоял у своего окошка, вплотную у дверной стены, схватил кирпич. Но женщины и офицеры закричали: "Капитан, вы сошли с ума — нас всех перестреляют". Тут я от бессилия и безысходной обиды взвыл. Сначала вывели женщин, потом детей, потом мужчин. Меня вывела Ткачева. Немцы били по локтям, чтобы я поднял руки вверх, а я держался за прооперированный бок — почему-то стало очень больно. Больше, видно, от обиды и досады: было ясно, что я — в плену.

С этого дня жизнь И. Логинова превратилась в цепь дней, полных боли и страданий. В начале этой цепи — Хаммельбург, первый лагерь для военнопленных, затем — побеги, участие в борьбе Сопротивления, в конце — Освенцим, куда Логинов попал после, казалось бы, удачного побега и ... встречи с провокаторами. Это был уже 1944 год.

"Каждому — свое"

Нас предупредили: если поведут прямо — в крематорий, влево — в канцелярию. Повели влево. Меня спросили: "Коммунист? Ответил: "Да" — все равно в гестапо уже знали все обо мне. Регистратор-поляк спросил в ужасе: "Что вы делаете, пане, вас же убьют?" Он стал на левой руке делать наколку, быстро и ловко, так, что я даже не мог рассмотреть. Да еще мешала тушь и кровь, выступающая от уколов! Поляк сказал: "Теперь вам присвоен номер 172595, вас будут вызывать по этому номеру, надо отзываться, иначе будут бить". Стоя перед входом в канцелярию, мы видели довольно большую колонну, которая двигалась прямо. Я услышал: "Евреев ведут".

Начальник отдела гестапо выполнил свое обещание "поощрить" меня за побеги: коротко Освенцим можно определить как мясорубку для человеческих тел. К нашему лагерю примыкал лагерь евреев — 15 тысяч человек, румынских цыган и евреев — 8 тысяч. В ночь с 22 на 23 февраля 1944 года загудели машины. "Старожилы" нашего лагеря говорят: "Началось! К утру никого не останется". Спрашиваем: "Что началось?!" Жгут евреев. Не слышите воя из крематорских труб?"

Действительно, пламя из труб высотой в 50 метров выло.

Жестокость доходила до безумия. Была такая начальник женско-детского лагеря Эльза Кох, высокая, стройная, в эсэсовской форме, с резиновой дубинкой. Она ходила по мужским баракам, заставляла раздеться донага, выбирала татуировки, и тут же заставляла их вырезать. Она их коллекционировала.

22 июля фашисты справляли день рождения Гитлера. Все охранники были пьяны, решили повеселиться. На центральном плацу против бараков были противопожарные резервуары диаметром 4 метра, глубиной 2,5 метра. В ряду их было 4 штуки. Эсэсовцы выгнали два барака заключенных, построили в колонну и погнали через водоемы, убрав их крышки. К водоемам поджимали овчарки, эсэсовцы стреляли. Передние ряды опускались в воду, задние бежали уже по трупам. Мне повезло. Я стоял на фланге и успевал перебегать по борту водоема.

* * *

Невероятно, но несколько заключенных среди которых был и И. Логинов, сумели бежать из Освенцима, воспользовавшись передислокацией лагеря. Попали к американцам, а 22 июня 1945 года советских военнопленных союзники переправили через Эльбу и передали советскому командованию.

"Смерть шпионам!"

— А-а, власовцы! Мы тут воевали, а вы морды нажирали?

Это было первое, что мы услышали. Мне впервые (даже в концлагерях такого не было) так захотелось помереть...

От Эльбы до Франкфурта-на-Одере нас пропустили через 13 лагерей СМЕРШа (была такая у нас организация контрразведки "Смерть шпионам!). Были два случая, когда пленные закопали двоих живьем в земле за то, что они в лагерях издевались над своими же почище немцев.

От Одера везли до Козельска. В Козельск прибыли в сентябре в 377-й запасной полк. Не столько занимались военной подготовкой, сколько допрашивались СМЕРШем. Наконец, в начале декабря меня демобилизовали в звании капитана. Выдали денег, документы, повезли через Москву. На Белорусском вокзале, у стенки, видим, стоит человек в шляпе и очках и пальчиком подзывает нас — 12 человек. Подозвал, подвел к зданию вокзала, завел в комнату, велел ждать. Тут я вспомнил гестапо — приемы-то те же. И сердце залилось кровью: крикнуть бы "Когда же это кончится-то?" Начали вызывать. Кто уйдет — не возвращается. Наконец, вызвали меня. Зашел в огромный кабинет, встает военный:

— Здравствуйте, товарищ Логинов! Останетесь здесь или поедете на Урал?

— На Урал.

— Вот ваши документы. Желаю успехов.

И. ЛОГИНОВ.

"Красное знамя" № 112, 19.09.1989 г.

Еще не раз напоминали И. Логинову о плене, еще не раз ему приходилось уезжать с обжитого места только потому, что "был в плену", — это приравнивалось к слову "неблагонадежный". Только в июне 1956 года Ивана Васильевича восстановили в партии. В феврале 1958 года — награжден орденом Красной Звезды, в апреле 1985 года — орденом Отечественной войны II степени, награжден также восемью медалями. Этот человек живет рядом с нами, в нашем городе, общая тетрадь в коричневом переплете хранит его воспоминания. Писались они трудно, так что не раз приходилось откладывать ручку, чтобы справиться с ужасами прошлого. Слишком много досталось их капитану Логинову. Войны хлебнул он досыта, так что хочется забыть все. Но забвение непозволительно: вырастают новые поколения, и лучше успеть дать понять им сегодня, что стоит за этим словом "война".

Публикацию подготовила Л. ХЛЕБЦЕВА.

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ДНИ ВОЙНЫ

Валентин Матвеевич Ненахов родился 3.08.1921 года. Войну встретил в составе воинской части 5473 в городе Брест на реке Буг в должности старшего разведчика. И в первый же день был ранен в ногу. Отходил с боями до Подмосковья. Осенью 1941 года участвовал в обороне Москвы. В 1942 году награжден медалью "За отвагу", в 1945 году — орденом Красной Звезды. В послевоенные годы после окончания педагогического института работал учителем, директором школы (в 1949—1957 гг.), председателем колхоза, директором совхоза (в 1957—1976 гг.), директором Верхнепышминского хлебокомбината. Жил в городе Верхняя Пышма улица Калинина, 37, квартира 71.

Ниже публикуем его воспоминания. Меня перевели служить в город Брест 19 апреля 1941 года. На границе обстановка уже тогда была тревожной. Нарушения границы фиксировались чуть ли не каждый день. Почти каждый день как будто случайно залетали на нашу территорию немецкие самолеты. Мы понимали, что все это не случайно, но как-то не хотелось верить в худшее.

В субботу 21 июня мы приготовили футбольные и волейбольные мячи: в воскресенье хотели пойти на реку отдохнуть, поиграть, искупаться. Но выходному дню не суждено было состояться.

В 4 часа утра 22 июня мы услышали артиллерийскую канонаду. Вскочили с нар, быстро оделись, взяли оружие и выскочили на улицу. Над границей поднималось яркое зарево от огня немецкой артиллерии. На территории части уже горела казарма первого дивизиона и вещевой склад. Мы двинулись к границе.

Прошли метров 300 вперед, заняли оборону и стали ждать командиров, которые в большинстве своем жили в городе и еще не прибыли в часть.

Снаряды летели, как дождь. Нас в общем спасало то, что мы ушли вперед. Огонь был сзади, но все равно мы быстро теряли людей. Особенно опасно было в момент, когда выводили орудия из-под огня. Когда удалось их вывести и развернуть, открыли огонь. Стреляли, пока были снаряды. На большой высоте над нами эшелонами шли на восток самолеты. Над нами они не сбрасывали своего смертоносного груза, считая, что хватит с нас и артиллерии.

Мы продержались до шести часов утра. И тут немцы решили покончить с нами с помощью авиации. Налетели их самолеты, на бреющем полете прочесывали пулеметным огнем наши оборонительные позиции.

Снаряды кончились. Связи с Брестом, с командованием не стало. Из двух тысяч человек четыреста были убиты, сотни ранены. В ногу был ранен и я. Началось отступление. Но с более отдаленных пограничных зон наша артиллерия не прекращала огня. 23 июня в районе города Кобрин наступающему врагу был дан настоящий бой. Немцы понесли тяжелые потери в живой силе и технике, артиллерия противника была подавлена, и враг перешел к обороне. Но уже к вечеру на Кобрин были направлены экскадрильи самолетов — несколько десятков — и они до темноты бомбили город, сменяя друг друга.

В числе других раненых я вынужден был отходить вглубь страны. Мы выбирались из зоны боев своими силами. Помню, вдвоем с раненым также в ногу солдатом из Брестской крепости мы нашли случайно двухместную военную повозку с лошадью. Некоторое время продолжали путь на ней. Но недолго. Враг, вернее, его разведка, обогнал нас.

Все время жгла мысль: "Куда же мы уходим, когда надо давать бой?" но, понимая свое бессилие, бессилие раненых, оторванных от массы людей, мы шли дальше. Наконец, у окраины какого-то городка повстречали своих, тоже отбившихся от своих разбитых частей, и заняли оборону. Ведя непрерывные оборонительные бои, сформировали из прибывших к нам легкораненых, отставших солдат, из воинов разбитых врагом подразделений новый 420-й артиллерийский полк, в котором я воевал старшим разведчиком. Оборона и отступление, тяжелые бои, бои до последнего патрона, и вновь отступление. Огромные потери нес враг,

но как же он был тогда силен! Когда сдавала его живая сила и артиллерия, в ход шли самолеты, и мы вновь вынуждены были отходить.

С боями мы прошли через Черниговскую область, Сумскую, Курскую, миновали Орел, Мценск, Тулу. И вот за нами Москва. Измотанному бесконечными боями и переходами нашему соединению дали отдохнуть два дня. А потом мы заняли оборону в одной из подмосковных деревень. Шел уже октябрь 1941 года. Враг остервенел, рвался к Москве, мечтая 7 ноября пройти по ее Красной площади. Но, казалось, сама природа противилась этому. Обильный снег, сильные морозы работали на нашу оборону. И хотя нам самим было трудно, но мы были за снег и морозы. Траншеи рыли в снегу, передвигались большей частью на лыжах. "Тщательно изучайте расположение сил и средств противника", — сказал как-то разведчикам комиссар полка. Мы знали, что это значит: наши войска готовятся к наступлению. 6 декабря оно началось. Как же яростно сопротивлялся враг! Тысячи танков, орудий, минометов и самолетов участвовали в сражении. Поле боя усеяно искореженной техникой, тысячами убитых. Ужасающей этой картины не передать ни одному кинофильму, ни одной книге, как не передать боль за погибших и искалеченных войной. Но это уже был бой, означающий нашу силу и наше умение побеждать. До сих пор мы демонстрировали лишь нашу способность не сдаваться.

Теперь наступаем!

Участвовал в освобождении города Клин. Здесь, на Калининском фронте, в декабре 1942 года я получил партийный билет. Получать его я ходил на лыжах за 17 километров в тыл, в политотдел, который находился в лесу в домике лесника. Только два человек присутствовали при этом торжественном для меня моменте. В часть я вернулся ночью. Из всех разведчиков нашего взвода членом партии я стал первым. Впереди было еще много боев. Были еще потери и были дорогие победы.

Было сражение в деревне Зуево, после которого наша дивизия получила название Зуевской стрелковой дивизии. Были бои за освобождение белорусского города Лиозно, в итоге которых наш 420-й полк получил название Лиозненского гаубичного артиллерийского полка. Было трудное, но победное шествие на Запад по Белоруссии и Литве.

8 мая 1945 года наше подразделение, в котором я тогда был командиром взвода топографической разведки, было переброшено для наступления на город Либава. Мы поехали по объездной дороге. Путь был неблизкий. Кругом болота. Часа в два ночи наша машина забуксовала, и пришлось остановиться, чтобы ждать утра. Кто-то включил радио. И тут мы услышали, что Германия безоговорочно капитулировала.

Невозможно передать, в какое состояние привело нас это известие о победе! Пройти через самое пекло войны и остаться живым. Потерять столько близких, похоронить столько друзей, увидеть столько горя и боли — и выжить, и выстоять, и победить.

В. НЕНАХОВ.

"Красное знамя", № 75, 21.06.1986 г.

22 ИЮНЯ 1941 Г. В КИЕВЕ

"Войну я встретил в г. Киеве 18-летним юношей. Только закончилась студенческая жизнь — учеба в Киевском медицинском техникуме. Помнится, мы готовились к последнему экзамену, и в солнечное июньское воскресенье рано утром тишину Киева разорвал гул немецких самолетов, разрывы снарядов зенитных орудий покрыли безоблачное небо. Так для меня началась война. Все выпускники фельдшерского отделения на 2-й день войны сдали кровь для раненых. А потом все мы работали на строительстве оборонительных рубежей вокруг Киева. 8 июля 1941 года был призван в ряды Советской армии".

Ф. М. ПОЙДО,

работник станции скорой помощи г. В. Пышма

"Красное знамя".

СКОЛЬКО МОЖЕТ ЧЕЛОВЕК?

Николай Петрович Горских работает директором школы рабочей молодежи № 6 много лет. Дело свое любит и знает, авторитет его среди учителей и учеников высок. Но я хочу рассказать не о теперешней жизни Николая Петровича, хотя она тоже достойна описания, а об испытаниях, выпавших на его долю в годы войны.

...Брестская крепость расположена на правом берегу реки Буг. Левый берег — уже чужая земля. Гарнизон крепости стоит форпостом на западном краю советской земли, поэтому рядовой 393-го артиллерийского дивизиона Николай Горских очень гордился тем, что ему выпало нести армейскую службу на таком ответственном участке. В июньские дни 1941 года на чужом берегу складывалась подозрительная обстановка: там слышался шум моторов, к границе подтягивались войска. Все это настораживало, однако в крепости шла обычная мирная армейская жизнь. Бойцы учились, несли наряды, по выходным загорали под жарким солнцем, смотрели кино, концерты.

...Ночь на 22 июня была тихой и теплой. В гарнизоне бодрствовали только дежурные наряды. И они не сразу поняли, что произошло, когда ровно в четыре часа тишину разорвал пронзительный вой снарядов и в крепости грохнули взрывы. Канонада вспугнула чуткий сон бойцов. Одеваясь на ходу, они бросились по боевым постам. Прибежав на батарею, Николай Горских на месте своего орудия увидел искореженные взрывом куски металла. В расположении дивизиона все чаще рвались снаряды, один ударил почти рядом с Николаем. Горских упал и почувствовал боль в правой руке. "Кажется, ранен", — подумал он. Но рука действовала.

Пристроившись поудобнее. Николай выпустил из автомата первую в своей жизни очередь не по мишеням, а по живому врагу. И сразу стало все ясно: это настоящая война, надо быстрее усваивать ее законы.

Улеглась сумятица, вызванная неожиданностью нападения, действия бойцов стали осмысленными и целеустремленными. Повинуясь команде, дивизион сосредоточился на Восточном валу Кортинского форта. Вынесли знамя, и вслед за ним встали сотни бойцов. С могучим русским "Ура"! они бросились на штурм гарнизонного клуба, который уже заняли немцы. Завязалась рукопашная схватка, и клуб был отбит. Кто-то крикнул: "Ребята, немцы в Холмских воротах!" Николай вместе с другими бросился туда. И снова фашисты не выдержали удара, откатились от Холмских ворот. Но и защитникам крепости становилось все тяжелее — уже много было убитых и раненых, кончались патроны, не было воды. Находились добровольцы, пытались пробраться к Бугу за водой, но не добрались.

...Стойко и мужественно сражались защитники Брестской крепости, с каждым часом их становилось меньше. Без надежды на помощь извне, без воды и пищи, советские солдаты стояли до конца. В живых остались немногие, и среди них Николай Горских. С ним было еще четыре бойца. Им удалось добраться до Буга, но у самой воды Николая настигла пуля. Очнулся он уже... в лагере военнопленных, открытом немцами недалеко от польского города Бяла Подляска, за Бугом.

Силы для выздоровления давала мысль о побеге. Эту мысль вынашивал не только Николай. И однажды группа пленных, побросав кирки и лопаты, ринулась в лес. Пули конвоиров настигали бегущих, но Николая обошли. Бежал он долго, пока хватило сил. А потом упал на траву, отдышался —погони не было слышно. "Вырвался!" — с радостью подумал Николай и решил: "А теперь на восток, к своим".

Он удачно переправился через Буг и, минуя населенные пункты, ориентируясь по солнцу и звездам, пошел к линии фронта, который был уже далеко от границы. К осени Николай дошел до Днепра, пройдя около пятисот километров. Он сильно исхудал на под-

ножной пище, сбил в кровь ноги. Через Днепр Николаю помогла переправиться девочка-подросток.

Наступил октябрь, стало холодно, шли затяжные дожди. У Горских воспалились ноги. Он отощал до крайности, и силы совсем покинули его. Это случилось под хутором Новоселице Черкасской области. Николая полуживого подобрала и приютила семья Феофана Федоровича Кривошея. Семь месяцев эта семья лечила Горских. У него отнялись ноги, а когда дело пошло на поправку — тиф снова уложил в постель.

Весна на Украине наступает рано, в конце апреля уже жарко, цветут сады. К этому времени Николай окончательно выздоровел и, поблагодарив своих спасителей, пошел дальше. Но его почти сразу постигла неудача — попался фашистам и был снова отправлен в лагерь, теперь уже в Австрию. И здесь он жил одним стремлением — бежать. Сблизился с Иваном Мельником и Семеном, которого все почему-то звали Пастухом. То ли фамилия у него такая была, то ли прозвище. Они и договорились бежать вместе. Ждали подходящего момента, и дождались. Их как-то вывели работать на железную дорогу, которая проходила у леса. Друзья сумели выбрать ту единственную минуту, когда охранники чем-то отвлеклись. Трое суток беглецы блуждали по лесу и попали в лапы полицейских.

На этот раз Николая посадили в тюрьму, в одиночную камеру. Ни пищи, ни постель не давали, мучил голод. У зарешеченного окна камеры росла яблоня, сочные крупные плоды висали очень близко. Рука их чуть-чуть не доставала. И потому голод угнетал еще сильнее. Николай клял дьявольского садовника, который посадил здесь яблоню.

После допросов, сопровождавшихся жестокими побоями, Николая вернули в лагерь, а вскоре в составе штрафной команды его перевели в концлагерь в Германию. Там он перенес издевательства зверей в мундирах, изнурительный труд и муки ожидания...

Николай Петрович сам удивляется, как ему удалось пройти огонь, воду, колючую проволоку, пытки и выжить. Поддерживали его вера в непобедимость Советской Армии, неукротимое стремление к жизни. И он все перенес.

В. КУДРЯШОВ.

"Красное знамя", № 25, 28.02.1970 г.

ШЕЛ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Одним из самых заслуженных фронтовиков Верхней Пышмы является Михаил Васильевич Томилов, майор в отставке, летчик. В Верхней Пышме живет с 1948 года. Работал на медеэлектролитном заводе начальником купоросного и медеплавильного цехов.

В бой вступил в первые часы войны. Совершил 283 боевых вылета. Первым в городе награжден орденом Красного Знамени. Кроме того он награжден орденом Александра Невского и тремя орденами Отечественной войны I и II степеней.

Накануне 50-летия начала войны я встретился с ним и попросил ответить на несколько вопросов.

— Где вы родились?

— Родился я 25.12.1913 г. в семье крестьянина в селе Дымково Туринского района Свердловской области. Окончил неполную среднюю школу. До призыва в армию осенью 1938 года был обычным крестьянином. Перед армией окончил аэроклуб. В армии прослужил до 1946 года.

— Где вы находились в канун войны?

— 21 июня 1941 года наша авиационная группа средних бомбардировщиков СБ находилась на аэродроме в г. Борисове Минской области. Туда мы перебазировались из Ржева 19 июня.

— Какова была обстановка в этот период?

— Обстановка была грозовая. Чувствовалось приближение войны. Но мирная жизнь продолжалась. Готовились к соревнованиям в воскресенье, 22 июня: по высадке воздушного десанта, по приемам воздушного боя. Спать легли, как обычно, в 11 часов вечера. Тогда мы еще не знали, что это был наш последний мирный день.

— А что было дальше?

— Подняли нас на рассвете по тревоге. Вот тогда мы и узнали, что фашистская Германия напала на Советский Союз. Сразу бросились на аэродром к самолетам. На грузовиках подвезли 100-, 150- и 250-килограммовые авиационные бомбы. И хотя каждый из наших самолетов мог нести 2,5 тонны бомбовой нагрузки, загрузились поменьше. Подвешивали по восемь 100-килограммовый бомб или по две 250-килограммовых.

— Почему мало?

— Не было умения подвешивать бомбы. До этого имели дело только с цементными бомбами. Грузили по две—четыре бомбы.

— Во сколько вылетели?

— Вылетели мы с аэродрома в 4 часа утра по местному времени. Перед вылетом перед строем летчиков командир нашей авиагруппы подполковник Егоров сказал: "Наша задача — нанести удар по скоплению танков противника в районе города Сувалки".

Вылетело нас 72 бомбардировщика СБ. Истребителей сопровождения с нами не было. Я лично был командиром экипажа (экипаж состоял из трех человек: меня, летчика и стрелка-радиста).

— Как же проходил ваш полет?

— Первые 40 минут полета (а скорость у нас была 250—280 км/час) прошли нормально. При подлете к линии фронта нас встретили истребители "Мессершмидт" и "Хейнкель". У каждого из них скорость в два раза превосходила нашу (450—500 км/час). И эти восемь самолетов подбили в то первое военное утро 69 самолетов нашей авиагруппы. Подлетает он, паразит, к тебе, и с расстояния в 40—50 метров бьет в упор из крупнокалиберных пулеметов.

— А что вы делали?

— Вы спрашиваете, а где наши крупнокалиберные пулеметы? У меня лично (да и у остальных моих товарищей, как потом выяснилось) после первых же выстрелов пулемет заклинило. И мы оказались совершенно беззащитными. Но все-таки пять вражеских самолетов мы сбили. Потеряли же 69 машин. Но хорошо, что ни один из сбитых самолетов факелом на землю не падал, все 69 совершили посадку на территории противника.

— А вы как садились?

— Мы лично с большим трудом сели на болото. Своротили крылом сосну (крыло, конечно, разрушилось). Но сели. Огляделись. В висок был ранен радист по фамилии Кузнецов (он с Украины, из города Черкассы). Испытывая мучения от сильной боли, он все время просил его пристрелить. Этого делать мы, естественно, не стали. Выбрались из самолета, облили его бензином и подожгли. А сами подались в лес. Полыхнуло болото, залитое бензином из лопнувших при ударе баков, а через несколько минут громыхнул сильный взрыв. Только тут мы поняли, что не все бомбы мы сбросили на колонну противника, что одна из них зависла и не упала.

—А что было дальше?

— Еще при посадке самолета на край болота подбежали крестьяне из соседней деревни, предлагая яйца, сало, другие продукты. Мы их горячо поблагодарили, кое-что взяли. И пошли на восток. Радиста перевязали, он шел с нами. Так группой в три человека проселочными дорогами по карте и компасу шли к своим. Из оружия у нас был один пистолет ТТ с большим количеством патронов.

В одном месте в лесу решили ползком приблизиться к асфальтированному шоссе, ведущему на Минск. Увидели колонну немецких танков и автомашин, на большой скорости двигающихся на восток. Следом за ними на расстоянии 500—1000 метров шла одиночная санитарная машина. Выскочив из кювета, заставили ее остановиться. В кабине сидел шофер —пожилой немец. Больше никого не было. Что делать? Чтобы обезопасить себя, шофера пришлось пристрелить. За руль сел я. Свернули в сторону с основного шоссе, пока не напоролись на немцев. И по проселку — на восток, на восток. Без особых приключений через пару дней въехали в Минск.

Перед Минском посадили в свою машину полковника, преподавателя Военно-воздушной академии им. Жуковского, в которой я проучился полтора года накануне войны. Я его узнал. Узнал и он меня. И это нас спасло. Иначе бы нас расстреляли, так как никаких документов у нас не было. И мы вернулись после проверки в свою часть.

Вот так началась для меня война.

— Вы совершили 283 боевых вылета. Какой из них вы считаете наиболее удачным?

— Это произошло в двадцатых числах августа 1941 года на реке Десна, когда враг, прорвав наш фронт, вышел к Новгород-Северскому. На одном берегу — немцы, на другом — наши. Наша резервная авиагруппа-4 (в начале войны было четыре резервных авиагруппы Главного Командования) стояла на аэродроме в г. Лебедин Сумской области.

Прилетел полковник и сказал: "Верховный Главнокомандующий т. Сталин приказал нанести с темнотой бомбовый удар по скоплению противника в районе Новгород-Северский". А мы опыта ночных полетов не имели. Но выручила смекалка. По периметру аэродрома разлили авиационное масло и мазут и с наступлением темноты подожгли их. При свете кострищ взлетели. Это были пикирующие бомбардировщики ПЕ-2 (бомб берет до двух тонн). До немцев летели на высоте 2 тысячи метров минут 35—40. И увидели множество костров. Зная, что поблизости нет советских бомбардировщиков-ночников, немцы беспечно разложили костры. Готовили ужин, отдыхали.

И мы начали один за другим сбрасывать бомбы. Хорошо наблюдали взрывы, пожары. Восемь самолетов это, конечно, мало. Но немцы располагались кучно, а поэтому урон им был нанесен весьма и весьма значительный. Зенитки врага по нам не стреляли, настолько внезапным был налет. Пробоин в самолете не было.

Создав несколько очагов пожаров в стане врага, мы развернулись и "пошли домой". Аэродром Лебедин по-прежнему был ярко освещен и все девять наших самолетов ПЕ-2 благополучно приземлились. Потерь в этом полете мы не имели.

На другой день к нам прилетел тот же полковник из Ставки и сообщил, что наш удар ошеломил и вынудил к бегству из этого леса фашистских вояк.

Конно-механизированный корпус генерала Белова оставил переправу не взорванной. Перейдя в наступление, корпус захватил в лесу до 300 танков, до 700 автомашин. Наступление конников Белова продолжалось более суток. Много военной техники было побито нашим внезапным ударом. Полковник нам сообщил, что Сталин объявил личные благодарности всем участникам полета и потребовал от командования авиадивизии представить летный состав к награждению орденом Красного Знамени, а технический состав — боевыми медалями. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1941 года был опубликован в центральных газетах 3 сентября 1941 года. Вот так в числе других уже в начале войны я был награжден орденом Красного Знамению

— Что еще хотите сказать?

— Очень тяжело было под Сталинградом. Мешал старый устав. Знаниями его пользовались немцы. Подполковник Быстров привел новые самолеты. Поднял полк пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2, а к ним пристроились немецкие самолеты, немецкие истребители и уничтожили весь полк. Потери у нас были большие. Я совершил 283 боевых вылета и все-

гда подвергался обстрелу с земли. Но мы дрались и уничтожали врага. Написали письмо Сталину: "Обязуемся к 7.11.1942 года освободить территорию Сталинградской области от врага".

Он ответил: "Не спешите!" И 19 ноября танковые корпуса ринулись на врага.

...А еще я хочу сказать, что нас много раз прикрывал прославленный наш летчик, трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин. Прикрывал нашу дивизию и другой Герой Советского Союза — Лавриненков.

...Хочу сказать и о том, что один истребитель сжигает за один вылет до 2 тонн авиационного бензина, а ПЕ-2 и того больше. Целые составы бензина нужны для боевых самолетов.

М. ТОМИЛОВ.
Рассказ ветерана записал В. И. ГРИНЕВИЧ.
"Красное знамя" № 74, 22.06.1991 г.

ВСПОМНИМ, ДРУЗЬЯ...

Рассказы ветеранов Великой Отечественной. В них напряжение жарких схваток и непреодолимое стремление к победе, боль утрат и крепость солдатской дружбы. Поседели, постарели ветераны, но сколько бы лет ни минуло, война продолжает жить в их памяти.

В канун дня Победы редакция пригласила на встречу ветеранов войны, работающих на комбинате: Петра Александровича Ковалева, Николая Семеновича Питько, Ивана Ивановича Розина, Алексея Алексеевича Меляхина, Бориса Ивановича Потапова, Михаила Васильевича Томилова. У каждого из них за плечами война и многие годы работы на комбинате. Старые солдаты и сегодня в строю.

— Расскажите, пожалуйста, о первых месяцах войны.

И. И. РОЗИН. Я был призван в армию в 1939 году. Начало войны встретил в Ленинграде, где служил в морской бригаде. Был я рядовой и в широких масштабах военных операций не знаю. Но помню, что участвовали мы в боях под Старой Руссой, там у городка Холм меня ранило. Это было в феврале 1942 года.

А. А. МЕЛЯХИН. А меня весть о войне настигла в Читинской области — и там тоже проходил срочную службу. До войны закончил школу оружейных мастеров и, когда начались военные действия, был назначен начальником артснабжения.

М. В. ТОМИЛОВ. После окончания Военно-Воздушной академии в канун войны я служил в бомбардировочной авиадивизии. За несколько дней до нападения гитлеровцев на нашу страну мы перелетели на летний лагерный аэродром в район Борисова.

На воскресенье, 22 июня были запланированы спортивные соревнования. Но в 4 часа утра нас подняли по тревоге: война! Полетели в свой первый боевой вылет, высота — полторы тысячи метров. Шли без сопровождения истребителей. Не было у нас никакого боевого опыта, и когда через некоторое время встретил восемь "мессершмидтов" им не стоило большого труда атаковать нас — ведь прикрытия-то у нас никакого не было. И начали они поджигать самолет за самолетом. Из 72 машин, поднявшихся с аэродрома, вскоре осталось только три.

Я даже не сразу понял, что подбит. Только вижу: три наших самолета, набирая высоту, уходят вверх, а мой, наоборот, теряет ее. Это произошло над болотом. Нас спасла стоящая посередине болота сосна. Правым мотором я ударился в нее, самолет развернуло, и мы сели. А могли бы врезаться в соседний лес и, конечно, взорвались бы.

— Вы сели уже на занятую немцами территорию?

— Да, мы приземлились, если можно так сказать, у них в тылу. Но немецкие части уже

прошли здесь вперед. Неподалеку было небольшое селение, его жители нас накормили, и мы, сняв с самолета пулемет, поднялись в лес: надо было выбираться к своим.

С большими мытарствами добрались мы, наконец, до своей части. Встретивший нас начальник штаба почему-то говорит мне: "Михаил Васильевич, давай заедем на почту, дадим телеграммы семьям". Я не понял сначала, в чем дело. А оказывается, из части уже ушло сообщение, что все семьдесят экипажей, поднявшиеся на рассвете 22 июня в воздух, погибли. А, кстати, когда мы, ветераны дивизии, собирались уже после войны в Орше, не явилось на встречу лишь семь человек из этих экипажей.

Н. С. ПИТЬКО. В начале войны я работал на заводе. В ноябре 1941 года меня направили учиться в школу санинструкторов. Закончил ее месяцев через пять и, получив звание старшины медицинской службы, я попал в медсанэскадрон 9-й кубанской дивизии.

Гитлеровцы тогда шли на Ростов. И вот в одном из боев наш полк — это был единственный случай в моей службе — пошел на немцев с саблями. Конечно, потери у нас были большие. Назначение кавалерии в Великой Отечественной было — обеспечить передвижение. Передвинулись, спешились и как пехота начали действовать.

Недавно по телевизору показывали документальный фильм "Щит Кавказа" из сериала "Стратегия победы". В ней как раз рассказывается о тех военных событиях, участником которых я был.

П. А. КОВАЛЕВ. В армию я был призван в октябре 1940 года, служил в Сибири. Когда началась Великая Отечественная война, меня направили в батальон связи. Был я на Карельском фронте радиотелеграфистом первого класса, обслуживал радиосвязью штаб дивизии.

Не надо объяснять, что значит на фронте надежная связь. И немцы, конечно, охотились за нами. Неопытный радист пока передает шифровку (а мы в основном шифром работали), глядишь, "накрыл" его снаряд или мина, значит немцы его запеленговали и обстреляли.

— Расскажите, пожалуйста, в каких сражениях вы участвовали.

И. И. РОЗИН. Вернувшись в строй после госпиталя, я уже попал в артиллерийскую минометную бригаду резерва Главного Командования. В ней я и воевал с 1943 по 1945 год, до конца войны. Так как мы были в резерве, то нас часто перебрасывали с одного фронта на другой, где возникало тяжелое положение. Поэтому мне довелось участвовать в таких важных операциях, какими были Ясско-Кишиневская и Корсунь-Шевченковская. В фильмах "Стратегия победы" и "Великая Отечественная" рассказывается об этих сражениях. Смотрю их, и снова встают в памяти те жаркие дни, лица товарищей, с которыми делил тяготы армейской жизни. Закончил я войну под Прагой.

Б. И. ПОТАПОВ. Я на фронт попал уже в 1943 году после окончания снайперской школы. Воевал в составе 1-го Украинского фронта в особом лыжном батальоне в качестве пулеметчика ручного пулемета. Было так: поступает сообщение, что на каком-то участке нашим войскам становится туго, нам сообщают координаты, мы — на лыжи и туда, на поддержку.

А. А. МЕЛЯХИН. В июле 1942 года наша дивизия прибыла в район Воронежского Калача. Многое пришлось здесь повидать. Страшное дело было. Немцы шли на Сталинград. Сила была огромная: множество техники, людей. Все это я видел впервые и, видимо, поэтому все это произвело на меня такое впечатление, что до сих пор забыть не могу.

И пошел я дальше военными дорогами: участвовал в освобождении Донбасса, в частности, Краснодона, где действовала наша подпольная комсомольская организация "Молодая гвардия", в ликвидации кишиневской группировки гитлеровцев. Потом была Польша: Варшава, Познань, Кюстрин. И Берлин. Война была уже на исходе. Враг сопротивлялся с ожесточением смертельно раненого зверя. И вот здесь, примерно в 300 метрах от рейхста-

3861 -4.3.
Объединенная городская библиотека г. В-Пышма

га 28 апреля меня тяжело ранило. Это было третье последнее мое ранение. Так и получилось, что День Победы я встретил в госпитале в Лодзи. А домой, родителям, ушла на меня похоронка.

Когда началась война с Японией, нашу дивизию с запада перебросили на восток. Доехали мы до Сталинграда и здесь узнали, что Япония капитулировала. Отсюда меня и демобилизовали.

М. В. ТОМИЛОВ. Вернувшись к своим, я получил новый самолет — пикирующий бомбардировщик "Петляков-2" и снова начал летать. Участвовал в Сталинградской битве. Тяжело там было. Идешь, бывало, к самолету, а немцы над аэродромом курсируют — стреляют и ждут, когда ты будешь взлетать, чтобы сбить.

Взлетел, отбомбился над районами Сталинграда, занятыми врагом, возвращаешься к себе — а они опять тут как тут, тебя сопровождают. Мы находились в постоянном напряжении, но это и злости нам против врага прибавляло.

После ликвидации армии Паулюса мы действовали южнее — участвовали в боях за Сальск, Ростов, тоже освобождали Донбасс, потом Севастополь, Белоруссию, Кенигсберг, Пиллау. Здесь для меня и закончилась война. За четыре года я совершил 283 боевых вылета, 203 из них засчитаны, как успешные.

Н. С. ПИТЬКО. Наша кавалерия действовала на юге в районе Ростова, Горячего Ключа, Перекопа, участвовала в освобождении многих населенных пунктов на Украине, в боях на направлении главного удара в Белоруссии. В Польше, во время одного из боев за маленькое селение, имеющее важное значение, и был тяжело ранен в ногу. Война для меня закончилась.

— Расскажите о наиболее памятных военных эпизодах.

Б. И. ПОТАПОВ. Мне особенно запомнился мой последний бой. Было это 23 декабря 1943 года. На одном из участков боя сложилась серьезная ситуация. Нас, бойцов лыжного батальона особого назначения, бросили туда. Командир послал меня с ручным пулеметом на правый фланг. Я, как снайпер, выбрал удобное место и начал стрелять. Часа три я бил по ним. Сначала, видно, немцы не могли разобраться, откуда бьет пулемет, а потом все же засекли. И вот тут, когда уже подошла подмога и стало ясно, что мы выстояли, невдалеке раздался взрыв. Мне перебило в трех местах руку. Меня тут же отправили в госпиталь. Выписался я уже в 44-м году. 20 мая вернулся домой, в Пышму. Врачи долго не разрешали мне работать, но в 46-м году и все-таки добился своего, снова пошел на завод. Работал в ОТК, в купоросном цехе, а с 1953 года по сей день работаю в цехе электролиза меди.

М. В. ТОМИЛОВ. Когда под Сталинградом была окружена армия Паулюса, Гитлер предпринимал отчаянные попытки помочь ей. И вот вспоминаю, как однажды на наш аэродром вдруг посыпались тюки с теплым обмундированием и продовольствием. Это вражеские летчики из-за низкой облачности потеряли ориентировку и сбросили этот драгоценный для окруженных гитлеровцев груз нам.

П. А. КОВАЛЕВ. Однажды — это было в 1944 году — подъехали ко мне командир дивизии и командир полка. Командир дивизии передал нашему капитану бумажку, тот эту бумажку передал мне. На ней — всего-навсего три цифры — шифр. Я должен был передать приказ командира дивизии всем полкам. Я передал, что — не знаю. И вдруг заговорили пушки, "катюши", начался такой артобстрел! Я смотрю и думаю: что же это я наворочал-то?!

Напряжение последних дней сказалось, я здорово устал. День клонился к вечеру. У меня было укрытие — небольшая ямка, где можно было только сесть. Я положил сверху два бревна на всякий случай — от осколков — и решил отдохнуть.

И вот после этой нашей канонады начали меня поливать вражеская артиллерия и минометы. А я, представьте, спал, как убитый, и ничего не слышал. Проснулся уже утром, смотрю — все кругом перепахано, живого места нет. А по мне не попали. Повезло!

Последний мой бой был на берегу Ладожского озера. Я принял приказ от командира дивизии и передал его командиру полка. И здесь был ранен в грудь и в ногу. Моя часть пошла к Петрозаводску, а я попал в госпиталь.

И. И. РОЗИН. Больше сорока лет прошло, а я очень хорошо помню своих боевых товарищей по морской бригаде: командира бригады Сухиашвили, командира нашего батальона Горобца, командира моего взвода Ивана Ивановича Овчинникова, моих сослуживцев с корабля Василия Демьяновича Загоненко, Степана Ильича Косинова.

— Чем же они так Вам запонились?

И. И. РОЗИН. Дружбой. Спаянностью. Как говорили тогда — с этими людьми я бы пошел в разведку. На фронте устанавливалось такое братство, что ты и он — это одно целое.

М. В. ТОМИЛОВ. А я никогда не забуду картину, которую мы застали в Севастополе. На мысу Херсонес у гитлеровцев был аэродром. Отступая под натиском советских войск, фашисты бросили здесь, прямо на берегу моря под скалами, своих раненых. Видимо, поблизости располагались их полевые госпитали. Раненых было очень много. Просто жутко стало, когда мы это увидели — ведь это были их солдаты и офицеры!

Н. С. ПИТЬКО. О зверствах гитлеровцев нам было хорошо известно, многое видели мы собственными глазами. Эти изуверы не останавливались ни перед чем. Однажды мы оказались свидетелями такой сцены. Это было под Горячим Ключом. Вражеские самолеты беспрерывно летали над нами. Мы стояли на опушке леса. Вдруг видим: через поляну с ребенком на руках спешит женщина А над ней — немецкий самолет. Видимо, летчик решил поразвлечься. Он пикировал прямо на женщину и стрелял из пулемета. В центре поляны стояло огромное дерево — единственная защита. Женщина добежала до него и встала. А фашист кружит над деревом и кружит. Это продолжалось минут 15. Еще не успел улететь этот самолет, появился другой. И он тоже начал кружиться вокруг дерева. Мы с замиранием сердца следили за этой адской "охотой", не в состоянии ничем помочь бедной жертве. Наконец, извергу надоело это занятие и он улетел. Смотрим, женщина присела на землю. Мы бросились к ней. Она оказалась раненой в руку, а ребенок — в ножку. Можно ли было после этого фашистских выродков называть людьми!

А. А. МЕЛЯХИН. Мне довелось видеть камеру, в которой гитлеровцы содержали вождя немецкого народа Эрнста Тельмана. Это было крохотное помещение, примерно 2,5х2,5 м², в центре — кольцо, а по окружности — ложбинка. Ее выходил Тельман за те годы, которые он провел в тюрьме, — ведь фашисты держали его в строжайшей изоляции.

Уже после Дня Победы я был в гитлеровском концентрационном лагере Заксенхаузене. Такой ужас охватил каждого из нас, в то время молодых солдат, при виде громаднейших куч человеческих волос, обуви, стеллажей с татуированной человеческой кожей, специально обработанной для длительного хранения и изготовления из нее разных изделий. Этот кошмар невозможно забыть.

"За медь", № 17, 24.04.1985 г.

Боевой путь каждого участника нашей встречи отмечен наградами Родины. Б. И. Потапов удостоен медали "За боевые заслуги", П. А. Ковалев и Н. С. Питько — ордена Красной Звезды, И. И. Розин — медали "За отвагу", А. А. Меляхин — двух орденов Красной Звезды. Грудь М. В. Томилова украшают ордена Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, орден Александра Невского.

Записала Л. НИКИТИНА.

ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА

5-го декабря 1941 года наш стрелковый пехотный батальон был сосредоточен в пяти километрах от линии фронта. С наступлением темноты мы двинулись на исходные позиции. Мы проходили по местам только что отгремевшего боя. Кругом воронки от бомб и

снарядов, искореженная техника, еще не убранные трупы. С непривычки было страшно, невольно возникала мысль: может, скоро и тебя ждет такая участь.

Перед батальоном была поставлена задача: во что бы то ни стало овладеть деревней Новоселы, где немец укрепился на выгодной для него позиции. Мы рассредоточились на опушке леса, политрук роты лейтенант Емельянкин, уже бывалый воин, не скрывая, сказал: "Бой идет тяжелый, враг уже сильно укрепился, а наша позиция наступления не из выгодных". Перед атакой немцы обнаружили нас и открыли ураганный огонь из минометов и пулеметов трассирующими пулями.

Когда раздалась команда наступать, первым поднялся в атаку наш политрук, а за ним и вся рота. Огонь врага все возрастал. Короткими перебежками наш батальон достиг деревни. Одновременно с флангов вели наступление другие батальоны нашего полка. В результате трехстороннего наступления наших войск немец вынужден был отступить, оставив на поле боя трупы и часть техники.

Бой был тяжелый, немало полегло воинов. Самые большие потери были в нашей роте, так как мы наступали во фронт немецких укреплений. В этом бою погиб и наш политрук товарищ Емельянкин.

Много было потом яростных боев: под Ржевом, на Курско-Орловской дуге, при освобождении ряда украинских городов, при освобождении Варшавы. И вот, наконец, наши войска уже на подступах к логову врага. Особенно запомнились тяжелейшие уличные бои при взятии Берлина. 23-го апреля, ночью, наша 40-я гвардейская танковая бригада 1-й танковой армии, в составе которой я служил с марта 1942 года после ранения, с пехотой на танках, с включенными фарами пошла на штурм.

На улицах города мы встретили яростное сопротивление врага. Фашисты стреляли из окон зданий и бросали в танки фаустпатроны. Умирающий враг яростно сопротивлялся — каждую улицу, каждый дом мы брали с боем. Эти кровавые уличные бои продолжались днем и ночью до 2-го мая 1945 года.

Наконец Берлинский гарнизон сложил оружие. Наступила непривычная тишина. Это был конец войны, к которому мы шли долгих четыре года.

И. ДЕРБЕНЕВ.

"Красное знамя", № 71, 21.06.1979 г.

СТЕПАН РУДОЙ ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ

До войны мой брат, Степан Макарович Рудой, работал музыкальным руководителем в клубе "Цветмет" и учился в училище имени П. И. Чайковского. Он очень любил жизнь, мечтал быть музыкантом.

Но когда на нашу страну напали фашисты, Степан, как и тысячи его сверстников, взял в руки оружие. В письме, которое он прислал в первые дни войны, брат писал: "Я найду себе применение в обороне Родины".

Ему было только двадцать лет, когда он умер...

И. ХРОМОВА.

"Красное знамя", № 56, 8.05.1976 г.

НЕ СТАРЕЮТ ДУШОЙ ВЕТЕРАНЫ

Вспоминает работник охраны комбината Хомяков Д. Ф.

— Было это под Ельней. Гитлеровцы предприняли жестокую атаку. Вокруг все смешалось. Не верилось, что в этом аду кто-то может остаться в живых. Но мы не только выдержали, устояли, но и отбили врага. Многих, конечно, не досчитались после этого боя. Многие его участники были награждены орденами и медалями.

Здесь и получил я свою первую боевую награду — медаль "За отвагу".

В боях под Москвой в декабре 1941 года был ранен осколками мины в обе ноги и попал в госпиталь.

И снова фронт, передовая под Воронежем. И снова ранения, осколком в грудь навылет и пулей в правую руку. И снова госпиталь. После излечения был направлен командиром пулеметной роты в 43-ю армию. Досталось гитлеровцам от огня моих пулеметов.

...Этот бой, свой последний бой в Великой Отечественной войне, я помню так, будто он был вчера.

— Под селом Туртки фашисты решили перейти в контрнаступление. Моя рота находилась на левом фланге. На нашем участке враг сосредоточил основные силы. Мы отбили уже несколько атак, а фашисты лезли, как оголтелые. Пулеметы перегревались. Рота понесла большие потери. Каждый шаг мог оказаться последним. Но мы не думали о гибели. Каждый из нас стремился выиграть бой, как можно больше уничтожить гитлеровцев. В этом бою я был ранен в обе ноги, но продолжал оставаться в строю и руководить боем. Когда же я был ранен еще и в левую руку и потерял много крови, меня отправили в госпиталь.

Д. ХОМЯКОВ.

К печати материал подготовил В. ФЕДОРОВ.

"Красное знамя", № 18, 6.05.1981 г.

ДВА ОРДЕНА СЛАВЫ ФРОНТОВИКА

На фронт я пошел добровольцем в 1941 году. Много дорог пришлось прошагать — наш стрелковый полк участвовал в окружении фашистов под Сталинградом, освобождал Варшаву, вел бои на Одере. Вот здесь-то за прорыв сильно укрепленной обороны противника я был награжден орденом Славы III степени.

Война была уже на исходе. Но гитлеровцы продолжали отчаянно сопротивляться. Однажды ночью мы вышли к реке. Мост через нее был взорван. По развалинам мы — четверо бойцов-пулеметчиков — перебрались на другой берег и столкнулись здесь с гитлеровцами. Завязался бой. Нам удалось удержать эту переправу до подхода наших частей. За участие в этом бою я был награжден вторым орденом Славы.

Д. ГЛЕБОВ.

"За медь", № 19, 8.05.1980 г.

РЯДОВОЙ ПЕХОТИНЕЦ ПАВЕЛ ЯНКОВСКИЙ

Рядового пехотинца Павла Янковского Великая Отечественная война застала на западной границе уже обстрелянным солдатом: призванный в армию с первого курса института, он был ранен в последний день войны с Финляндией. Утром 22 июня 1941 года он был ранен вновь и направлен в госпиталь. Еще два раза после этого Павел Поликарпович лежал в госпиталях — уж очень он высокий и, может быть, поэтому пули и осколки часто задевали его. Однажды рядом с ним в окоп упала немецкая граната и бешено завертелась на месте. Он только успел выскочить из окопа, как она разорвалась. Много тогда осколков вынули из него, но не все. Он и сейчас нет-нет, да и напомнит о себе.

На войне командиры отлично знают, на кого можно положиться в особых случаях. И Павел Поликарпович постоянно ходил с разведчиками на задания: в случае обнаружения врагом он должен был прикрывать их огнем. Он не любит рассказывать о себе. Иногда сослуживцы просят: "Павел Поликарпович, Вы две войны прошли, под Сталинградом сражались, Дон форсировали — расскажите что-нибудь". В таких случаях он говорит: "Я вам расскажу, только не про себя. Вот был у нас командир..."

Домой, в Верхнюю Пышму, он вернулся в 1946 году.

И. ПЛЕХАНОВ.

"Красное знамя", № 83. 11.7.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Он воевал с винтовкой и трубой

Бывая в городе своей юности, стараюсь найти время, чтобы навестить в сквере мемориал павшим. Обнажаю голову, пробегаю взором по знакомым именам и с грустью замечаю: все меньше становится людей, лично знавших увековеченных здесь. Биографии их кратки: парни только начинали жить. Какими же они были в той житейской обстановке довоенных лет? Возьмем из перечня буквы "Д" — "Дорошенко И. С." Кто он?

Он воевал с винтовкой и трубой

Иван Степанович — это, если полностью, официально, по-взрослому. Я же, когда слушаю духовой оркестр, в котором выделяется звучный, красивый тембр трубы, всегда вспоминаю Ваню Дорошенко. И не могу представить наш довоенный поселок без духовного оркестра, единственного во всей округе.

Постоянной резиденцией, где изучались ноты и шли репетиции по вечерам и в выходные дни, служила последняя по коридору комната в нашем заводском клубе "Цветмет". Оркестр пользовался без преувеличения, большой популярностью потому, что был просто необходим. Торжественные заседания было принято тогда проводить с обязательными короткими музыкальными приветствиями (сокращенно — "туш"). С наступлением теплой летней погоды массовки на озере Балтым, вблизи Космаковского лодочного причала, проводились постоянно. Без громкоголосого оркестра они никогда не организовывались. Часов с десяти и до четырех вечера по окружающим лесам и водной глади неслись звуки вальсов "На сопках Манчжурии", "Береза", "Раскинулось море широко", танго "Утомленное солнце", фокстрота, польки, краковяка...

Демонстрации, само собой разумеется, без оркестра не бывали. А еще выступали музыканты на сцене родного клуба во время концертов и смотров художественной самодеятельности. Ну и последнее, печальное в жизни поселка — похоронные церемонии важных, заслуженных лиц тоже проводились обязательно с музыкой.

Как известно, душой духового оркестра, главными солирующими инструментами являются трубы. А первым трубачом был Ваня Дорошенко. Он и в жизни обыденнной стремился быть первым среди парней поселка. Среднего роста, крепкий, коренастый, смелый, неглупый, знающий себе цену паренек. Любил читать исторические и приключенческие романы, такие, как "Князь Серебряный", "Три мушкетера", увлекался Жюль-Верном, Майн Ридом, Джеком Лондоном, Гайдаром, Фурмановым, Островским. Кинофильмы демонстрировались в ту пору только в клубе "Цветмет". Ваня не пропускал ни одной ленты, тем более, что, как и остальные оркестранты, пользовался единственной своей привилегией — специальным билетом, дающим право на бесплатное посещение всех культурно-массовых мероприятий. Особенно интересными казались ему такие киноленты, как "Новые времена" и "Огни большого города" с участием Чарли Чаплина, "Мы — из Кронштадта", "Путевка в жизнь", "Веселые ребята" — с Леонидом Утесовым, "Цирк", "Дети капитана Гранта", "Как закалялась сталь" и, конечно, "Чапаев"...

Был он довольно видным парнем. Ну, взять хотя бы летние купания. Даже среди опытных пловцов редко находились смельчаки плыть с одного пляжа на другой — с Глубокого на Мелкое, или отправиться вплавь за лилиями. Ване же достаточно было двух—трех товарищей для компании, и он пускался в дальнее плавание.

Загорелого, мускулистого крепыша можно было видеть и на Васильевском озере, где решались на купания только отдельные смельчаки. Водоем весь был затянут в какие-то воронки, омуты, водовороты — озерко хранило тайны и легенды. Привлекала Ваню к этому водоему красота: высокие берега со склонами, поросшими ивой, шиповником, хмелевыми плетями, словно тропическими лианами. А высоко в небе, распластав крылья, словно страж,

медленными кругами парил ястреб... После купания лежи среди такой благодати, грейся на солнышке, загорай, читай художественную литературу.

Таким запомнился мне Ваня Дорошенко. После десятилетки восемнадцатилетним призывником ушел он на фронт и не вернулся... Он погиб где-то на Северо-Западном фронте. Оружием его была винтовка, разящая врага, и труба, зовущая в бой.

Хотел быть летчиком — не разрешили...

...Хранит память два примечательных для меня места. Проходя мимо них, всегда вспоминаю моего школьного товарища Василия Денисова. Первое — в Свердловске на улице Малышева, напротив дома радио. Здесь в большом старом доме незадолго до начала войны размещалась специальная школа Военно-Воздушных Сил РККА. Второе — в Верхней Пышме, на улице Сыромолотова, долгое время носившей имя Ворошилова. Тут в доме под номером 43 жил Вася, когда мы учились с ним в средней школе № 1. Моя улица 1 Мая находились по-соседству, и из школы мы часто ходили домой вместе.

Накануне сорок четвертого Дня Победы зашел я в дом Денисовых. От некогда большой семьи с двумя старшими дочерьми, сыновьями Василием и Иваном осталась только одна Ася. Мое внимание сразу же привлек большой портрет Василия в командирской форме. Картина выполнена масляными красками неизвестным самодеятельным художником довольно хорошо, потому и напомнила мне друга особенно живо.

...В начале учебного года в сороковом году спецшкола ВВС объявила набор в десятый класс. Желающих оказалось много. Естественно, только лучшие из лучших могли рассчитывать на успех. Профессия летчика, тем более военного, котировалась тогда очень высоко. По Европе уже катились огненные валы войны. Многие молодые люди предвидели совершенно точно: воевать все равно придется, необходимо приобретать военную специальность.

Миша Пахаруков, Боря Бабайлов, Володя Савиных и Вася Денисов сходу, образно говоря, легли на курс в небо. Их сразу же приняли. Парни были счастливы бесконечно. Радовались и мы, десятиклассники: будут у нас свои летчики!

В сорок первом году наши будущие авиаторы окончили спецшколу ВВС и получили направления в военное училище для продолжения учебы по специальности. Для них открылся путь в небо. Но не для всех: Вася Денисов остался на земле. Не прошел мандатную комиссию, хотя считался одним из лучших. Не помогли прекрасные характеристики, оценки, настойчивые просьбы: у него был репрессирован отец, и члены комиссии не сочли возможным доверить ему самолет...

Вместо летного училища направили Денисова в Соликамское пехотное. Учиться Василий любил. Неинтересных наук для него просто не существовало. Любую дисциплину изучал он глубоко и серьезно. Все это сказалось на том, что свежеиспеченного лейтенанта не направили на фронт, а оставили обучать последующие наборы курсантов.

Потом способного, грамотного командира направили на повышение — высшие стрелково-тактические курсы, сокращенно — "Выстрел". Далеко не каждому выпадала честь постигать науки войны в таком учебном заведении — ускоренной академии. После его окончания Василий вновь стал преподавать, но упорно стремился на фронт. Однако рапорты оставались без ответов. Это было как раз в то время, о котором писал Константин Симонов: "Солдаты и командиры переднего края воевали с противником в среднем лишь восемь суток, после чего бывали убиты, ранены, контужены или попадали в плен". Фронт требовал грамотных командиров взводов, рот, батальонов. Как раз тех, в подготовку которых вкладывал свои знания старший лейтенант Денисов.

"Так ведь может война кончиться и без моего участия...", — писал он мне на фронт.

А летом 44-го, на подступах к границам Румынии я получил от него другую весточку, по которой угадывалось местонахождение Василия. Он писал, что командует пулеметной ро-

той, дела идут хорошо. Вскоре начались наступательные операции, скоротечные бои, и переписка прекратилась.

А был настоящим музыкантом

Когда вдруг слышу голос диктора Всесоюзного радио, объявляющего какую-либо песню композитора Олега Сорокина, всегда вспоминаю свою юность, маленький (по теперешним временам) деревянный старенький клуб "Цветмет", который находился на месте теперешнего коллективного сада горняков. А еще — домровый оркестр, созданный из струнного кружка студентом консерватории Олегом Сорокиным.

Активными членами оркестра являлись Леня Турчанинов — ныне здравствующий пенсионер, Фая Лапина — единственная наша представительница прекрасного пола, Толя Лопатин, Вася Егоров и Витя Боюн — солист на первой домре. Он был самой заметной фигурой среди всех нас, музыкантом по призванию. Казалось, для него не существовало трудных вариаций. На репетиции он без труда брал на своей маленькой домре ноты любой длительности, 16-е и 32-е в том числе! Упорно, настойчиво, с большой любовью овладел Витя нелегкой музыкальной грамотой. И тем сильно отличался от всех нас: видимо, рожден был большим музыкантом.

Вспоминается характерный случай. В нашем клубе демонстрировался фильм "Большой вальс". О нем кто-то метко сказал: "Ничем не прикрытая красота..." В кинозале сидел я от Вити далеко, так что встретил его уже на выходе из зала. И не поверил своим глазам: его словно подменили. Лицо — мокрое от слез, движения неуправляемые, он еще весь был там — в волнах штраусовского вальса, среди чарующих звуков прекрасных мелодий фильма.

Второй случай немного иного плана, но тоже для него характерный. Фамилия Боюн — украинская, и, как многие украинцы, Витя не выговаривал букву "ы". Боже мой, как трудно было произносить ему на уроках слова с этой предательской гласной! Несчастье, когда встречалось слово "бык". Как бы он ни старался, а все равно получалось неизменное — "бик". Весь класс хохотал при этом минуты две. Конечно, делалось это беззлобно, по-детски наивно, но смешно было ужасно. Бедный Витя Боюн растерянно, виновато улыбался, краснел, а потом... смеялся вместе с нами. Никакой обиды, злобы, тем более ненависти, не затаивал. Рос веселым, резвым, шаловливым, эмоциональным, с необычайно мягкой и незащищенной душой.

...Война разом закончила наше музыкальное образование. Исчез в ее кровожадной пучине и Витя Боюн. Надо же так случиться: дойти до Берлина и погибнуть, не дожив совсем чуть-чуть до официальной Победы.

...Почему-то нет его имени и здесь, на мемориале. Каждый раз, бывая у этих скорбных списков, ищу я знакомую заглавную букву вначале, пробегаю взором посередине, потом — в конце, на появившейся недавно дополнительной доске...Все напрасно.

Грустно. Может быть, потеряли мы не только солдата и память о нем здесь, у Вечного Огня. Может быть не досчитались еще и великого музыканта... Все может быть.

А. ПРОТАСЕВИЧ,
участник войны, ветеран труда.
"Красное знамя" № 55. 9.05.1989 г.

НО БАРАНКУ НЕ БРОСАЛ ШОФЕР ЛАПШИН

Первый день войны навсегда остался в памяти у шофера верхнепышминского автопредприятия Лапшина Федора Павловича. Да и как забыть, если менее чем через сутки его ранило. В субботу ездил во Львов, привез три тонны картошки, не успел разгрузиться — налет самолетов. Картошку все же выгрузил в расположении полка, который уже вступил в боевые действия, и снова команда ехать во Львов. Здесь на шоссе и перехватил его грузовик один самолет.

— Опыта действий под бомбежкой не было, — говорит Федор Павлович, — нужно бы в кювет прыгать, а я остановился, сижу за рулем, как завороженный. Тут — и рвануло рядом, руки посекло, в бок попало, правда, осколки мелкие. Ну и со Львова меня эшелоном с ранеными отправили в Киев. Может быть, и повезло, наша 41-я дивизия почти вся полегла в первые дни, остатки в плену оказались. И Львов уже на пятый день войны сдали. Вот так и понадеялись на пакт о ненападении.

Далее предстояла эвакуация с ранеными в Донбасс, потом в Мариуполь. Здесь всех выздоравливающих переформировали и бросили эшелоном под Днепропетровск. Шоферов, летчиков, танкистов отобрали отдельно, раскидали по разным фронтам. Был Федор Павлович со своим ЗИС-5 и на 1-м Украинском, и 1-м Белорусском фронтах. Участвовал в битвах и под Курском, и под Сталинградом.

— Вот автобатовцев считают как бы тыловиками, — огорчается Федор Павлович. — Да, мы постоянно на передовой не были, но в Сталинграде, например, везде была передовая. Да и везде "мессеры" буквально охоту за каждой машиной устраивали. Приезжают ребята, не машина — решето, а ведь в кузове уже не картошка, чаще боеприпасы. Много товарищей потерял за эти годы. Как-то шли в колонне — в соседней машине комиссара полка осколком убило.

Особенно тяжело автобатовцам приходилось на переправах. На счету Лапшина их десятки. За переправу через Одер был награжден орденом Красной Звезды.

Тысячи километров военными дорогами проехал Федор Павлович Лапшин, закончил войну на территории Германии, в Лейпциге. К боевому ордену добавилась медаль "За боевые заслуги", орден Отечественной войны I степени и как памятные вехи — медали "За оборону Сталинграда", "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина".

В. АЛЕКСЕЕВ.

"Красное знамя", № 55, 8.05.1990 г.

РАЗВЕДЧИКИ ИДУТ ПЕРВЫМИ

Солдатом я, Федор Васильевич Воробьев, стал в сентябре 1937 года, когда был призван в ряды Красной Армии.

В начале июля 1944 года 63-й стрелковый полк, в котором я служил, прибыл на Карельский фронт. Все рвались в наступление, но приказа не было, шли бои местного значения.

И вот пришел приказ о наступлении. Но нужно было разведать передний край обороны противника. Отобрали нас, двенадцать разведчиков, и поставили задачу форсировать реку, собрать данные о противнике и к утру вернуться к своим. Река Свирь в этом месте глубокая и широкая — не каждый переплывет, да еще в полном боевом снаряжении. Пришлось воспользоваться подручными плавсредствами. Я поплыл с доской.

Вода была холодная, как лед, руки и ноги схватывала судорога. Вокруг нас рвались мины и снаряды, поднимая фонтаны воды, а пули и осколки непрерывно вспенивали воду. Но мы все-таки благополучно добрались до противоположного берега. Собрали данные о расположении противника и его огневых точек и на рассвете вернулись в полк.

За успешное выполнение задания все разведчики были награждены орденами и медалями. Я лично был удостоен Ордена Славы III степени.

По нашим данным утром около двух часов наша артиллерия вела обработку переднего края противника. Тысячи снарядов и мин обрушились на его голову. А потом наши войска перешли в наступление. Разведчики шли первыми, и нам в третий раз пришлось форсировать реку Свирь.

Во время этого наступления я был ранен. Прямо передо мною разорвался снаряд, и меня пронзили 28 осколков. Пришел в себя только в госпитале. Врачи извлекли 23 осколка, а пять ношу и по сей день.

Пока лежал в госпитале, полк ушел к норвежской границе, готовясь к новому наступлению. Чтобы не отстать от товарищей, ночью сбежал из госпиталя, как только почувствовал себя немного покрепче.

И снова первыми всюду шли разведчики, и среди них был и я, Ф. В. Воробьев.

После войны я пошел работать в электролитный цех медеэлектролитного завода и работал здесь до 1 ноября 1966 года, до ухода на пенсию.

Ф. ВОРОБЬЕВ.

"За медь", № 24, 17.06.1981 г.

К печати подготовил В. ФЕДОРОВ.

СТАРЫЙ СОЛДАТ АЛЕКСАНДР ЗВОРЫКИН

Александр Афанасьевич Зворыкин в годы гражданской войны участвовал в подавлении контрреволюционных казацких выступлений на Дону и Кубани.

После перерыва, связанного с болезнью, Зворыкин служил в конной разведке 3-й Перекопской дивизии. Участвовал в боях под Каховкой, освобождал от белополяков Киев. В одной из жарких схваток спас жизнь раненому товарищу, за что получил благодарность командира. Гражданскую войну закончил в Крыму.

После демобилизации приехал на Урал. Сначала работал на конном дворе в Балтымском тубсанатории, а когда в колхоз пришли первые "Фордзоны" и "Интеры", стал трактористом. Вскоре после болезни его перевели работать лесником.

В 1941 году Александра Афанасьевича снова призвали в армию и направили на Калининский фронт.

Опыт 1-й мировой, где он участвовал, и гражданской пригодился старому солдату. В минуты затишья вокруг него собирались молодые бойцы. Он рассказывал о гражданской войне, вселял в них уверенность в победе, а когда немцы шли в очередную атаку, ложился за пулемет и заставлял врагов отползать назад. В разгаре одного из боев командир приказал ему подобраться к позиции неприятеля, замаскироваться и вести наблюдение за врагом. Обо всем увиденном передавать по телефону на командный пункт. Немцы обнаружили наблюдателя и открыли по нему пулеметно-минометный огонь. Огненные смерчи поднимались рядом с воронкой, из которой вел наблюдение советский воин. Немцы решили во что бы то ни стало убрать наблюдателя и послали к нему группу солдат.

Александр Афанасьевич не растерялся. Он уничтожил офицера, а остальные отступили сами.

Получив ранение, он не покинул своего поста, и на протяжении всего боя передавал сведения о передвижениях противника.

Командование высоко оценило его подвиг, наградив орденом Красной Звезды. Много городов и деревень освободил бывалый воин, а закончил войну под Варшавой. На подступах к городу он был тяжело ранен.

Храбро сражались на фронте и другие Зворыкины. Сын Геннадий защищал Сталинград, а брат Федор был полковым комиссаром.

После демобилизации Александр Афонасьевич приехал в родной колхоз и снова стал лесником.

А. ШИТОВ.

"Красная знамя", № 22, 21.02.1970 г.

ШОФЕР ОГНЕВОЙ "КАТЮШИ" ИВАН ЗЕМЦОВ

"Наш дивизион гвардейских минометов формировался под Москвой, — рассказывает шофер боевой машины Иван Михайлович Земцов, прошедший с боями от нашей столицы до Берлина.

Первый залп мы тогда дали под Вязьмой, когда немцы рвались к Москве. Никто из нас тогда не знал ударно-разрушительной силы "катюш", этого грозного оружия Великой Отечественной войны. Мне трудно описать все, что произошло после нашего первого залпа.

Удар был такой силы, что возникло замешательство. Наши не знали, кто стреляет, а фашисты попали под огневой смерч. А мы стояли на шоссе, и били немецких захватчиков. "Катюши" посылали снаряды прямо, влево и вправо. Десятки машин подвозили снаряды, еле успевая удовлетворить аппетит "катюш".

Здесь, на главном направлении — Можайск, и захлебнулось наступление врага на Москву".

"Мне пришлось, — продолжает Иван Михайлович, — побывать в боях на многих участках фронта. Высокая маневренность частей гвардейских минометов позволяли им быть там, где враг совсем не ожидал. Конечно, не всегда и не всюду победа доставалась легко. Несли и мы немалые потери, т. к. силы врага в воздухе превосходили наши.

Помню, это было на Калининском фронте. Командование приказало взять важный стратегический пункт. Чтобы занять огневую позицию, нам пришлось передвигаться через болото ночью с потушенными фарами. Машины с боеприпасами не могли пройти к огневой точке. Наши "катюши" оказались без боеприпасов. Враг узнал об этом, и ночью подтянул танковое соединение, чтобы утром начать атаку.

"Подносить снаряды вручную"! — раздалась команда. Во главе всех шел комиссар полка подполковник Дроздов. Мы дважды за ночь на расстояние трех километров, через болото, сходили за снарядами. Рано утром фашисты ринулись в атаку. Враг рассчитывал на легкую победу, но был встречен ураганным огнем, захлебнулся и отступил. К нам скоро подошло подкрепление. Важный стратегический пункт был взят".

Тов. Земцов помнит и битву под Сталинградом. Дивизион наносил удар за ударом. Но и минометчики несли большие потери. Перед последним боем, завершившим окружение немецких войск под Сталинградом, два часа длилась артиллерийская подготовка. Оборона врага оказалась прорванною. Враг в панике бежал. А потом Ивану Михайловичу Земцову пришлось сражаться на 1-м Белорусском фронте.

Трудно было шоферу, когда форсировали Одер. Враг бил по переправе из артиллерийских орудий и с воздуха. Но оборона фашистов и здесь была прорвана.

Наши части двинулись к Берлину. И здесь наше командование решило использовать "катюши" для борьбы с танками врага. Били по немецким танкам и пушкам прямой наводкой из "катюш", хотя они и не были приспособлены к этому. Били так, что все смешивалось с землей, горело.

Так действовали на фронтах гвардейские минометы. А рядовой боец Иван Михайлович Земцов, шофер этой боевой машины, провел гвардейский миномет от Москвы до Берлина.

В. АГИШЕВ.

"Красная знамя", № 18, 14.05.1965 г.

В БОЮ — ТАНК КВ "БЕСПОЩАДНЫЙ"

В начале октября 1941 года в составе 17-й танковой бригады я участвовал в боях в районе Малоярославца. Это был очень тяжелый период войны. Немцы рвались к Москве. После упорных боев враг был остановлен у города Наро-Фоминска, а линией фронта стала река Нара. За активные боевые действия, упорство и стойкость наша бригада была переименована в 23-ю гвардейскую танковую бригаду.

В составе 1-го батальона тяжелых танков был танк КВ, подаренный лауреатами Сталинской премии, известными художниками-карикатуристами Кукрыниксами. В одном из боев танк КВ "Беспощадный" уничтожил 14 вражеских танков. Сам он получил 100 попаданий фашистских снарядов, но ни один из снарядов не пробил брони советского танка

С. РЮХАЧЕВ,
гвардии капитан в отставке.
"Красная знамя", № 55, 9.05.1978 г.

ПО ЗАДАНИЮ РАЙКОМА КОМСОМОЛА

Вспоминает Клавдия Ивановна Чаунина — завхоз средней школы № 33.

"Я родилась и жила в Подмосковье. В 1936 году стала комсомолкой, работала бухгалтером в районном земельном отделе. С началом войны, как и многие другие, была мобилизована райкомом комсомола на трудовой фронт. Повезли нас в Смоленск. Приехав в деревню Ромы, мы копали противотанковые рвы.

На четвертый день нашей работы начались налеты вражеских самолетов. Они часто бомбили дороги. Мы же спаслись тем, что находились от них вдали.

Наш отряд комсомольцев перебрасывали из деревни в деревню. Везде мы копали противотанковые рвы.

17 июля 1941 года нас привезли в Вязьму, а потом отправили домой.

...То утро я запомнила на всю жизнь. Тишина, улицы деревни пусты, а вдали слышна канонада. В нашей деревне остановилась небольшая немецкая часть. Вскоре на базарной площади появились две висилицы. Повсюду на заборах висели объявления, приказывающие всем комсомольцам и коммунистам явиться с документами в соседнюю деревню. Но никто не выполнил приказа.

Оккупация нашего района длилась две недели, а потом начался разгром фашистов под Москвой. Мы это почувствовали по поведению немцев. Отступая, они подожгли зерносклад, склад с валенками. Комсомольцы приняли активное участие в тушении пожаров.

Мы были рады возвращению Красной Армии. Райком комсомола собрал нас и поставил новые задачи. Мы собирали трофеи, хоронили убитых, ухаживали за ранеными, рыли противотанковые рвы, а когда наступила весна — разминировали поля.

Мы твердо верили, что фашистам не пройти, что наш народ непобедим.

Расказ К. И. ЧАУНИНОЙ записала З. ЧУПРАКОВА.
"Красное знамя" № 138, 19.11.1981 г.

ГВАРДЕЕЦ ИВАН РОЗИН

22 июня застало Розина Ивана Ивановича в Ленинграде. Их катер стоял на ремонте, у стенки. Бачковые только-только разлили по тарелкам запашистый флотский борщ, как радио начало передавать важное правительственное сообщение. Выступил Молотов. Какой уж тут борщ!

Их корабли были учебные, на них проходили практику курсанты Высшего военно-морского училища имени Фрунзе. И вот в августе караван этих кораблей двинулся в дальний путь, в Астрахань. На западе лилась кровь. Всей душой рвались моряки туда, но — приказ есть приказ. Шли по Шексне, в обратную сторону, мимо древних русских деревень. Видели на пристанях толпы мобилизованных. Бросилась в глаза и до сей поры стоит в памяти, трогая до слез, сценка: высокий мужчина с тощим вещевым мешком прощается с женой. А за подол матери ухватились белоголовые ребятишки — семеро! — мал мала меньше...

Воевал Иван Иванович в морской пехоте. Бил фашистов и вспоминал тех, семерых, и своих братьев и сестренку: как-то они там, на далеком Урале?

Бригада морской пехоты выходила к своим. Рейд по гитлеровским тылам был успешным — здорово потрепали фрицев, бежавших из-под Москвы, сильный нанесли им урон. Батальоны сосредоточились в густом лесу. Оставалось миновать шоссейку и все — линия фронта.

— Вот этот Новый год я хорошо помню, — говорит Иван Иванович. Дело было как раз 31 декабря 1941 года. И лежал он перед броском под пушистой молоденькой елочкой.

Начали переход. Вдруг с двух сторон нагрянули танки противника. Жестоким был тот, новогодний, бой. Ивана Ивановича тяжело ранило — осколок ударил в затылок, под каску. Но вышла бригада, и его к своим вынесли.

Перед эвакуацией в госпиталь положили моряка рядышком с ослепшим минером. Разговорились ребята — кто да откуда? — решили держаться вместе. Розин совсем обезножил. Минер — ходить мог, но опять же не видит дорогу-то. "Давай садись ко мне на закорки, а то разбросают по разным вагонам. Будешь указывать, куда ступать". Где наша не пропадала. Выручила солдатская смекалка.

Скоропалительна фронтовая дружба. И нет ее крепче. Недаром в песне тех лет поется: "Ни расколоть, ни нарушить дружбы военной нельзя!". Мне остается только добавить, что это, конечно, признак нравственного здоровья народа. Взаимовыручка присуща ему и в работах, и в ратных делах. Национальная черта. Сохраним ее навечно!

Война тянулась 1418 мучительных дней. Помотала она Ивана Ивановича. После госпиталя попал во Владивосток, на Русский остров. А когда стало ясно, что Сталинград утихомирил японцев, снова — на запад. День Победы встретил под Прагой. Гвардейским минометчиком. Было у него два ранения. Была медаль "За отвагу". И целая жизнь впереди.

Ю. СЕМЕНОВ.

"Красное знамя", №156, 31.12.1978 г.

УНИЧТОЖИЛИ ОТРЯД ФАШИСТОВ

Войну я начал на Калининском фронте. Около деревни Карпово, в лесу, немецкой разведкой была проложена лыжня в направлении нашей обороны. Командир нашей части дал приказ замаскироваться в лесу близ лыжни и ожидать появления противника. Ночь с 22 на 23 марта была по-зимнему холодной и вьюжной. Снежная круговерть мешала вглядываться в темноту, ветер завывал, убаюкивая. И вдруг — легкий скрип лыж по снегу. Фашисты, численностью сорок человек, вооруженные до зубов, приближались к нам. "Огонь!" — скомандовал лейтенант Новапашин. Враги заметались в панике. Бежать им некуда: кругом огненный смерч. Отряд фашистов был уничтожен полностью, а двух уцелевших солдат мы привели в штаб дивизии для допроса. Когда закончилась операция, огляделись и убедились, что потерь с нашей стороны нет. Всем нам была объявлена благодарность командования части.

И. МАРКАДЕЕВ.

Воспоминания Ивана Андреевича Маркадеева записал М. МИННИКАЕВ.

"Красное знамя", № 78, 2.07.1982 г.

ЭТО БЫЛО В ДЕКАБРЕ 1941 ГОДА ПОД МОСКВОЙ

Это было под Москвой в начале декабря 1941 года. Наш пограничный полк получил задачу: срочно создать сводный отряд из пограничников, не дать противнику оседлать Минское шоссе. Стало известно, что противник расположился в деревне Юшково на отдых перед броском на Москву.

Наш отряд под командованием заместителя командира батальона Дженчураева с шестью приданными нам танками под покровом ночи 4 декабря окружил деревню. В дома, набитые фашистами, полетели гранаты и бутылки с горючей смесью. Застигнутые врасплох, гитлеровцы выскакивали, кто в чем на улицу, стреляя куда попало, где их встречал наш огонь. Старший сержант Ротобыльский поджег большой сарай, где стояли автомашины и танки, и, непрерывно строча из пулемета, не давал вражеским солдатам приблизиться к технике. Старший политрук Казначеев захватил вражеский пулемет и расстреливал из него метавшихся по улице в панике фашистов...

Когда рассвело, мы подсчитали свои трофеи: у противника было захвачено пятнадцать орудий, восемь танков, десять автомашин с продовольствием и боеприпасами, десятки пулеметов и автоматов. В плен было взято более двухсот гитлеровцев. Батальон противника был полностью разгромлен.

Скоротечный бой за Юшково на сутки задержал наступление фашистов, дав возможность нашим войскам, прибывшим из Сибири и с Урала, выгрузиться на станции Апрелевка и закрыть слабо защищенный участок Минского шоссе. Сорок два участника этого боя было награждено орденами и медалями. Я был удостоен своей первой медали "За отвагу".

6 декабря 1941 года наши войска перешли в контрнаступление, в результате которого противник под Москвой был разбит и отброшен. Я горжусь тем, что в разгроме фашизма есть частица ратного труда нас, пограничников, что в сражении за нашу столицу есть и мой вклад.

Г. К. МАНТУЛЛО
"За медь", № 16, 4.05.1988 г.

В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

В памяти Раисы Абелевны Брег-Брегман-Лопотухиной — жителя блокадного Ленинграда, а ныне жителя В. Пышмы — ярко всплывают тяжелые картины прошлого: мужчина, погибший на ее глазах при бомбежке; ребенок, ползающий на земле возле мертвой матери; старик, которому она подала глоток воды; глаза обезумевшего от голода мальчишки. Раиса Абелевна перед войной работала бухгалтером в Ленинградском технологическом институте имени Молотова. Война изменила мирное течение жизни. Муж ушел на фронт. Сын, еще школьник, стал членом отряда МПВО — тушил зажигательные бомбы. Раиса Абелевна вместе с другими ленинградцами строила надолбы возле Кировского завода.

Непосильный труд валил с ног, а ведь надо было выполнять еще и работу бухгалтера. Дома же ждал сын. Но, несмотря на трудности, Рая не отказывалась ни от какой работы. Она не сомневалась в том, что город не сдастся, пока живы ленинградцы. В этом ее убеждали ополченцы, голос Левитана, стихи Берггольц. В этом убеждала молчаливая помощь таких же, как она, истощенных людей.

Зимой трое соседей ютились в одной комнатушке, варили на одной печурке блокадные "каши", грели воду и согревали друг друга теплом сердец, бившихся медленно-медленно...

Смерть не раз была близко, но чудо, а скорее — жажда жизни придавала силы.

В 1943 году, когда блокаду прорвали, надежды на жизнь возросли многократно. Увеличился паек. А в конце декабря в числе других Раиса Абелевна была награждена медалью "За оборону Ленинграда".

Л. КОЗЛОВА, работник гороно.
"Красное знамя", № 12, 28.01.1988 г.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

Война для меня началась в Ленинграде, где я служил. Еще 21 июня 1941 года мы были по приказу приведены в готовность номер один. Оставив свои семьи, мы находились на казарменном положении и проводили ту внешне незримую работу, которая была необходима для безопасности нашей страны.

В 3 часа 22 июня 1941 года в составе оперативной группы, поднятой по тревоге, я получил приказ, который состоял из двух задач. Первая — обеспечить безопасность здания немецкого консульства. Второе — установить на здании Исаакиевского собора зенитные крупнокалиберные пулеметы и организовать наблюдательный пункт. Это здание господствовало над всем городом (его высота 97 метров).

В 4 часа 23 минуты появились немецкие бомбардировщики. Первые разрывы бомб надолго прервали мирную жизни ленинградцев.

Помнится, что еще работники военкоматов не получили указание о мобилизации в связи с началом войны, а к 6 часам у зданий военных комиссариатов собрались тысячи добровольцев разных возрастов. Все хотели немедленно вступить в ряды Красной Армии и с оружием в руках сражаться с немецкими захватчиками.

Дух патриотизма, преданность ленинградцев Родине и Коммунистической партии проявились уже в первый день войны. Когда были разрушены первые жилые здания, в которых находились спящие люди, из соседних домов быстро выбегали мужчины и женщины, разбирали развалины и тушили пожары, из-под обломков освобождали пострадавших. В их действиях не было ни паники, ни растерянности, ни испуга. Лица людей были суровы, действия решительны.

Таким мне запомнился первый день войны на священной земле города-героя Ленинграда.

И. ВОРОБЬЕВ.

"Красное знамя", № 73. 20.06.1981 г.

ЛЕНИНГРАД В КОЛЬЦЕ БЛОКАДЫ

Мне, бывшему связисту 3-й Уральской гвардейской стрелковой дивизии, вспоминается начало ноября 1941 года. Было это недалеко от Ленинграда, когда фашисты предпринимали отчаянные попытки овладеть городом.

А мы держались, несмотря на натиск гитлеровцев. И защищали город Ленина, не щадя своей жизни. И вот наступило 7 ноября. До сих пор я помню этот день. Мы занимали рубеж у Ладожского озера. Прямо перед нами на нейтральной полосе были расположены окопы. Мы считали, что там находятся гитлеровцы. И вдруг приходит весть, что в окопах вот уже целый месяц скрываются мирные жители: старики, женщины, дети. И наши, и фашистские снаряды пролетали у них над головой.

Мы предприняли операцию по овладению этими окопами и вывели всех оставшихся в живых на свою территорию. Я помню, как мы, солдаты, выносили на руках четырех—пятилетних детей к своим землянкам. Здесь их сажали на машины и увозили в безопасное место.

Я. СМОЛИН.

"Красное знамя", № 132. 7.11.1973 г.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

Хорошо помню лето 1941 года. В деревнях уже почти не осталось никого из мужчин: все, кто мог держать оружие в руках, ушли на фронт. В числе других односельчан был призван в ряды Красной Армии и я. Вместе со мной ушли защищать Родину и два моих брата

— Абдулхай и Абдлхак. Им так и не довелось дожить до светлого дня нашей общей победы, оба они сложили свои головы на полях сражений. На машинах добрались до одной из станций, что в Тюменской области, там уже стоял эшелон с такими же, как мы, новобранцами. Сперва путь наш лежал на восток, это вызвало много противоречивых толков, споров: бои шли на западе, а нас отправляют в противоположную сторону. Но вскоре все прояснилось: когда миновали город, эшелон поставили в тупик и там же в течение двенадцати часов нас обмундировали и выдали оружие.

15 августа мы уже были на станции Крестцы, это примерно в ста километрах от города Старая Русса. Здесь уже всюду были видны следы войны. Многие деревни, через которые мы проходили, были разрушены: от домов остались лишь печные трубы, уныло смотревшие в небо, в котором почти постоянно кружили фашистские стервятники. Через три дня, не дойдя километров пятнадцать—двадцать до города, мы остановились в сосновом бору. Здесь из нашего эшелона была сформирована 84-я стрелковая дивизия. Я попал в 41-й стрелковый полк. Линия обороны тогда пролегала севернее Старой Руссы по низкой заболоченной местности. Враг, окопавшись, находился на другой ее стороне. Нам необходимо было выбить его оттуда. Но как это сделать? Кругом болото. Техника по ним не пройдет. Лишь только тогда, когда саперы проложили из бревен дороги, нам удалось по ним — где вручную, а где конной тягой — подтянуть пушки, минометы, доставить боеприпасы. Фашисты под нашим натиском вынуждены были уйти из оборонительной полосы. А в начале декабря уже вся дивизия перешла в наступление. Но город нам взять не удалось: противник тогда был еще сильнее нас, к тому же наши танки увязли в болотах, а это намного ослабило силу нашего удара. В этих боях мы потеряли немало людей и техники, но и фашисты понесли огромный урон.

Вскоре нас перебросили в район Ладожского озера. Как сейчас помню, как по нему из осажденного Ленинграда двигались обозы с детьми, женщинами, стариками. Сердце сжималось от боли, когда на наших глазах под огнем ломался лед и гибли ни в чем не повинные люди. Враг не считался ни с чем. Росла и наша ненависть против него. Разведчики донесли, что в соседних деревнях скапливаются крупные силы фашистов. Было ясно, что готовится новое наступление на город Ленина. Был получен приказ: любой ценой сорвать замысел врага. Ночью наша пехота, одевшись в маскхалаты, сняла немецкие посты и выбила части противника из деревень Пенькова, Царьков, Пух и ряда других. Подоспевшие к нам на помощь механизированные части успешно завершили начатую нами операцию.

Наша дивизия участвовала в боях под Сталинградом, освобождала Харьков. Ей было присвоено почетное наименование — 84-я Харьковская Краснознаменная стрелковая дивизия. И я счастлив, что мне довелось пройти в ее рядах весь ее славный путь.

Т. МИННИКАЕВ.

"Красное знамя", № 23, 23.02.1982 г.

В БОЯХ ПОД ГОРОДОМ ТИХВИН

Я, Феофанов Иосиф Григорьевич — родной брат Героя Советского Союза Феофанова Василия Григорьевича — родился 3 ноября 1916 года в поселке Медный рудник (ныне город Верхняя Пышма).

С 1924 года обучался в семилетке № 6 на ВИЗе, которую окончил в 1931 году. Переехал на Широкореченский торфяник, где учился в школе ФЗУ, а после работал слесарем-багермейстером на больших багерных машинах, когда использовался большой физический труд многих и многих рабочих. Работали бригады сдельно по 10—12 часов в сутки.

В 1938 году я был призван в ряды Красной Армии. Попал на границу на Дальнем Востоке. Служил в 222-м артиллерийском полку 66-й стрелковой Дальневосточной дивизии в по-

граничном селе Константиновка на Амуре около города Благовещенска.

В конце 1940 года демобилизовался и снова приехал на Урал, в Свердловск. Снова работал слесарем-багермейстером. Но вот грянула война. И всех молодых парней сразу же отправили на фронт. Заявление в Верхисетский райвоенкомат подал и я. Просил, чтобы меня, как бывшего воина-добровольца, отправили в действующую армию защищать нашу священную Родину от немецких фашистов. И меня призвали в армию.

Еще по дороге в воинском эшелоне нам передавали сводки "Совинформбюро" о положении на фронтах. А положение было очень серьезное.

Уже наступили холода. В товарных вагонах, в которых мы ехали, было холодно, и каждому из нас хотелось как можно быстрее добраться до места назначения. Перед Тихвином нам сообщили, что еще вчера в город ворвались немцы, что железная дорога на Ленинград перерезана.

Перед городом нас выгрузили в лесу, проверили и сходу в бой, туда, где уже сражались наши товарищи, наши советские воины.

Ночь. Сильный снегопад с ветром залеплял глаза. Глубокий снег не давал далеко отходить. Всю ночь шли и вот на рассвете (только-только начало рассветать) в сильно морозное утро в небе увидели следы ракет и трассирующих пуль. Наши командиры получили боевые задания, разбили нас на эскадроны и повзводно в пешем строю мы двинулись к нашему переднему краю. Подойдя к горстке наших обороняющихся солдат, мы были страшно удивлены их состоянием. Все они были грязные, обмороженные, в простреленных шинелях и полушубках, и все они, как один, просили нашей махорки, да покрепче, а то, говорят: "Нам немецкая погань надоела". Так они называли немецкие сигареты и легкий табак. Приходу нашему они очень и очень обрадовались, бросились нам навстречу.

А немцы нашего свежего и большого пополнения не ждали и спокойно спали в теплых домах у горячих печек. Для охраны они оставили только ракетчиков с ракетами и по 2—3 солдата на каждые 100 метров линии фронта. До сих они не встречали на своем пути серьезного сопротивления и проявили беззаботность.

И вот в морозном небе утром взвились возле нас три ракеты. Потом дальше взвилось еще несколько красных ракет.

Все поднялись вместе с обороняющимися солдатами. Наш командир крикнул: "За мной, в атаку!" и мы с криками "Ура!" бросились в сторону домиков окраины города. А что случилось дальше, до этого я видел только в кино. Из хат прямо в нижнем белье выскакивали немцы. Другие на ходу натягивали на себя шинель или куртку, а то и просто одеяло или простыню. Все они были в панике. И здесь мы их просто добивали. Порой прикладом, а то и саблей, у кого она еще оставалась с собой. Ведь все мы были кавалеристами из 80-й кавалерийской дивизии.

Немцы в панике метались от одной хаты к другой и везде встречали смерть.

В этот первый день пребывания на фронте окраина города Тихвин нами была очищена от фашистов, а вот дальнейшее наше продвижение они остановили танками и огнем из минометов. И вскоре они начали эвакуацию своих войск. У нас же не было танков и пушек, нам помогла тогда наша милая родная русская зима и глубокий снег, который не давал немцам не только развернуть пушки или что-нибудь иное, он брал в свои объятья автомашины и повозки. При бегстве гитлеровские вояки бросали оружие, танки, автомашины, повозки, награбленное у советских людей имущество.

Вся дорога от Тихвина до реки Волхов была усыпана разным хламом, а оставшиеся в живых, перейдя реку Волхов, закрепились на противоположном берегу, окопав танки, пушки и минометы. Широкая гладь реки и сильная оборона немцев остановили наше продвижение.

За неделю контрнаступления наших войск только в самом городе Тихвин немцы поте-

ряли более 10 тысяч солдат и офицеров. Много солдат враг потерял и на дорогах отступления. Это были замерзшие от наших сильных морозов.

Служил я тогда в 210-м кавалерийском полку 80-й кавалерийской дивизии. А воевали мы вместе с пехотой и перемещались только пешком.

Ночь на новый 1942 год была темной и морозной. И в эту ночь два наших полка в пешем строю продвинулись вглубь немецкой обороны. Ночь встречали уже в тылу у немцев. И тут мы наткнулись на немецкое артиллерийское училище, стоявшее у дороги на опушке соснового леса.

Только я в этом ближнем бою из ручного пулемета уничтожил 12 немецких курсантов-артиллеристов, 12 фашистов.

Спас жизнь командиру взвода, которого немец ранил в правую руку и хотел добить. Немец, увидев, что пистолет выпал из руки раненого советского офицера, выскочил из-за сосны и ударил офицера рукояткой пистолета по лицу и повалил его в снег.

Увидев это, я схватил винтовку убитого нашего бойца, подбежал к барахтающимся в снегу, различил бритую лысину немца, и со всей силы дал прикладом ему по башке. Немец потянулся и выпустил на низу лежавшего нашего командира. У него в кровь расцарапано лицо, пробита пулей ладонь правой руки, видна сквозная дырка. Я быстро обтер ему лицо полотенцем, которое всегда висело у меня на шее вместо шарфа, достал бинт и натуго перевязал ему руку.

Пока делал ему перевязку, оглушенный немец зашевелился и открыл глаза. Я его хотел еще прикладом угостить, но командир взвода не дал мне этого сделать. Подобрав с поверхности снега левой рукой пистолет "Вальтер", крикнул немцу: "Ауфштеен!" (Встань!) Немец встал. Это был офицер. И мы его сдали командиру нашего кавалерийского полка. "А теперь, — сказал мне командир взвода, — приведи запряженную немецкую лошадь. Будем с тобой вывозить раненых бойцов нашего взвода, а то здесь их оставлять нельзя. Скоро будем отходить. Задача наша выполнена". Я так и сделал. Побежал обратно к немецким землянкам. Неподалеку стояли на коновязях куцые лошади. Здесь же на снегу валялись и убитые. Одну из лошадей я отвязал. Сначала она фыркнула, как дикий зверь, но потом пошла. Тут же нашел сани розвальные. А хомута нет. Что делать? Как запрячь лошадь? И тогда на спине одной из лошадей я увидел немецкую плащ-палатку. Я ее скрутил, свернул в несколько раз, стащил с раненых и убитых лошадей еще три плащ-палатки. Связал по две. Из двух получился хомут, а из вторых двух чересседельник и седелко. Запряг покрепче и повел к своим.

В санях было немного сена. Перетрусив его, я увидел новенький заряженный немецкий автомат и хорошую офицерскую безрукавку. Этим находкам я был доволен. Привел лошадь. Меня уже давно ждали тяжело раненые солдаты нашего взвода. Там же был и тяжело раненый мой друг, мой земляк Барсуков. Он мне говорил, что его мама и сестра живут около Свердловска на станции Монетная. У него было ранение в левую ногу, в голень, в правое плечо, и в грудь. Он просил меня вывезти от немцев. Он все время был в сознании. И я вывез их всех из тыла немцев на своей трофейной лошади. Вывез и передал санитарам. Передал и сержанта, командира отделения пулеметного взвода 220-го кавалерийского полка 80-й кавалерийской дивизии Волховского фронта Барсукова. Он храбро сражался в бою и был тяжело ранен. Во всех боях мы были вместе.

Потом встретить его не пришлось. Остался ли он жив, не знаю. Но это был храбрый солдат.

А меня после этого боя назначили командовать взводом, присвоили звание "старший сержант". Все солдаты и сержанты меня почему-то уважали и слушались.

В 1942 году под станцией Кириши на Волховском фронте я был ранен осколком в голову. После выздоровления в 1943 году был направлен в 25-й стрелковый полк 44-й стрелковой дивизии. Однажды командир полка вызвал к себе меня и еще несколько сержантов и

сказал: "Вы хлопцы у меня хорошие, боевые. Командуете взводами, а вот офицерского звания у вас нет. И вот пока мы стоим в обороне, вы поедете учиться на офицеров. Нам нужны боевые, закаленные офицеры, умеющие решать задачи в бою. Получайте направление, и в путь, в город Боровичи".

Проходит зима 1942—1943 года. 3-го марта я уже младший лейтенант, командир стрелковой роты в 941-м стрелковом полку 65-й стрелковой дивизии. Осенью 1943 года ранен в ногу. Госпиталь. С 1943 по 1944 год — командир пулеметной роты в 930-м стрелковом полку 256-й стрелковой дивизии.

В марте 1944 года ранен в пах левой ноги и в живот. Госпиталь № 1448. Из госпиталя, из Ленинграда, был списан в глубокий тыл, в распоряжение Уральского военного округа, в офицерский полк запаса бывших тяжело раненых фронтовиков.

В Свердловске я увидел мать, увидел отца. От мамы узнаю, что пришла похоронная, что мой любимый брат Василий погиб.

И тогда я снова отпрашиваюсь у командования, снова прошу отправить меня на фронт. Подаю рапорт. Меня поначалу не пускают. Говорят: "Ты только-только тяжелое ранение перенес, у тебя плохо со здоровьем".

Я снова пишу рапорт: "У меня погиб брат. И если не дадите документы, я на фронт уеду и без них, уеду завтра же. Там найду свою дивизию, свой полк".

С большим трудом я добиваюсь направления. Мне выдают документ с указанием, что я ограниченно годен к военной службе. Но это меня не смущает

И с 7 июля 1944 года я снова на фронте командиром стрелковой роты 141-го стрелкового полка 85-й Краснознаменной стрелковой дивизии Прибалтийского фронта.

20 марта 1945 года я был ранен в ногу. Попал в госпиталь в городе Рига. Здесь для меня и закончилась война.

С июня 1945 года по февраль 1946 года я — командир транспортной роты 2-го отдельного рабочего батальона Прибалтийского военного округа.

С февраля 1946 года по август 1946 года служу в 196-м гвардейском полку 67-й стрелковой гвардейской Витебской Краснознаменной дивизии, откуда и ухожу в запас.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, трижды участвовал в рукопашном бою. В последнем получил легкое ранение от немецкого фашиста. Но я его из двух пистолетов при уколе в лоб на расстоянии 1 метра уложил. Он тут же выронил винтовку, как куренок.

Я воевал так, как и все сыны нашей Советской Родины.

За всю войну всего было: голода, холода, горя и радостей.

Бывало, неделями ни куска хлеба во рту не было, а проклятый фриц на штык наденет булку хлеба и кричит:

"Русс, иди кушать!" или "Русс, здавайся!"

Но наши русские, наши уральцы в плен не сдавались. Воля и мужество жили у русских и жить всегда будут.

Гвардии лейтенант запаса Иосиф Григорьевич ФЕОФАНОВ.
К печати подготовил В. ГРИНЕВИЧ.
"Красное знамя", № 8, 20.01.1970 г.

ПИСЬМО Я. СМОЛИНУ ИЗ ГОРОДА КИРИШИ

Неожиданностью для Якова Афанасьевича Смолина было письмо из города Кириши Ленинградской области. Горком партии, горисполком в дни празднования освобождения города от захватчиков обратились со словами признательности и пожелали доброго здоровья ветерану Великой Отечественной войны. И вспомнилось ему...

В самом начале войны 153-я уральская стрелковая дивизия под Витебском попала в окружение. Старшему телефонисту Смолину было тогда 36 лет. Выбирались из окружения

лесами, болотами. Несли раненых. Немцы то и дело пускали сигнальные ракеты. Лес простреливался насквозь.

Помнит Яков Афанасьевич, что было их, советских бойцов, человек 50, не больше. По дороге многие умерли от ран. Оставшиеся в живых слабели от голода.

Вышли на штаб армии. Перво-наперво накормили, ведь в лесу, пока к своим пробирались, сидели голодом.

Сохранились в памяти старого солдата рукопашные схватки на берегах Днепра, сражения на Ленинградском фронте. Был ранен в ногу. После медсанбата был отправлен в глубокий тыл. И снова на фронт, на этот раз под Старую Руссу. Здесь был снова ранен. Пока лежал в госпитале, домой была отправлена похоронка, и жена горько оплакивала смерть мужа. А сержант Смолин оказался жив, только в строй он уже не вернулся, получив инвалидность.

...А на месте поселка Кириши, дотла сожженного немцами, построен новый современный город.

С. САВЧЕНКО.

"Красное знамя", № 128, 25.10.1983 г.

НА ФРОНТЕ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

Шла зима 1941—1942 гг. Наш эшелон шел на Ленинград. Стояли лютые морозы. На каком-то полустанке эшелон остановился. И вдруг налетели немецкие самолеты. Мы успели разбежаться по лесу. Но железнодорожный состав был полностью разбит.

Это была первая встреча воинов 3-й гвардейской стрелковой дивизии с немцами под Ленинградом.

Сначала нашей дивизии пришлось стоять на обороне Волхова. Тогда мы сами попали в окружение, но врагу не дали разрушить Волховскую гидростанцию. В этой обороне пережили все: и холод, и голод, и жестокие, кровопролитные бои. Нам стало легче, когда под Тихвиным была освобождена и восстановлена железная дорога. К нам начали доставлять боеприпасы и продовольствие.

В декабре мы пошли в наступление к Ладожскому озеру. Тогда каждый солдат верил в победу, знал, что родной Ленинград мы отстоим.

Немцы боялись нас. Они называли нашу 3-ю гвардейскую дикой дивизией, потому что мы всегда появлялись там, где они нас не ожидали, и боролись до последнего дыхания.

М. ТЕПЛОУХОВ.

"Красное знамя", № 11, 25.01.1969 г.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИК ПЕТР СКВОРЦОВ

Молодость Петра Николаевича Скворцова — жителя Огнеупорного поселка — была опалена войной. Ему довелось участвовать в боях у озера Хасан и полной чашей испить все тяготы Великой Отечественной. Война застала его на Дальнем Востоке. Но уже через несколько суток он был под Ленинградом.

Петр Николаевич участвовал в боях за Тихвин, в прорыве блокады Ленинграда, в сражениях на Карельском перешейке, в боях за Нарву и Мгу.

Два раза был контужен, несколько раз ранен. Начал войну старшим сержантом, а закончил старшим лейтенантом, командиром минометной батареи.

В 1942 году ему вручили первую боевую награду — медаль "За отвагу" за участие в ликвидации вражеского танкового десанта.

В 1945 году он был награжден двумя орденами Отечественной войны — I и II степени.

А в 1958 году ему была вручена еще одна награда — орден Трудового Красного Знамени.

В. РИСОВАНАЯ.

"Красное знамя", № 8, 18.01.1973 г.

В БОЙ ПОД МУРМАНСКОМ ВСТУПИЛ 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

— В армию я был призван в сентябре 1940 года. Служил в Мурманской области на границе с Финляндией. 22 июня 1941 года в 4 часа утра нас подняли по тревоге. В боевом порядке мы двинулись к границе. Там уже шел бой. Крупные силы противника прорвали нашу оборону и за 3—4 дня сумели продвинуться по нашей территории на 20—25 километров. Первые бои были очень кровопролитными. Много было раненых, которых нам помогали вывозить с поля боя на оленях и собаках местные жители, в мирное время занимавшиеся оленеводством и рыболовством. В первом бою в 2 часа дня и я был ранен. На второй день боя нам пришло подкрепление. Враг был остановлен и даже частично отброшен. Мы заняли оборону на высоте 314.

На мою долю выпало немало испытаний. Пришлось Великую Отечественную войну пройти от начала и до конца. Остались ее отметки — ранения и контузия.

Пос. Кедровое, И. П. ЗОЛОТОВ.

Рассказ Иван Петровича Золотова записал И. ВОРОБЬЕВ.

"Красное знамя", № 73. 20.06.1981.

ЭТО БЫЛО В АВГУСТЕ 1941 Г. — ПОД КИЕВОМ

В рядах защитников Родины с первого и до последнего дня войны находился летчик бомбардировочной, а затем разведывательной авиации Алексей Степанович Глебов, ныне капитан запаса, кавалер двух орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны I степени, трех медалей, работник городской юридической консультации.

За годы войны он совершил около 150 боевых вылетов, сотни раз летал в разведку. На его счету большое количество уничтоженной вражеской боевой техники, живой силы противника, километры отснятой пленки с ценными разведывательными данными.

По нашей просьбе он написал об одном из многих боевых вылетов, относящихся к первому периоду войны, когда наши войска под напором превосходящих сил противника были вынуждены с тяжелыми боями отступать на Восток.

Шли первые месяцы Великой Отечественной войны. Фашистские орды рвались на Восток. Велись упорные бои за каждый населенный пункт, каждую переправу. Перед нашим бомбардировочным авиаполком была поставлена задача — уничтожать живую силу и боевую технику противника. На подступах в столице Украины Киеву летчикам приходилось в день совершать по несколько вылетов.

Тяжелым выдался тот августовский день, о котором я хочу рассказать. Ранним утром девятка самолетов взяла курс к линии фронта. Моторы нагруженных самолетов тяжело гудели. Командование поставило задачу разбомбить большой армейский склад горючего в районе железнодорожной станции Белая Церковь. Подходим к линии фронта. Под крылом проплыла блестящая лента Днепра. На подступах к цели противник открыл мощный заградительный зенитный огонь. Небо вспенилось черными шапками разрывов. А тут еще из-за облаков на нас обрушилась большая группа вражеских истребителей. Наш строй был нарушен, и, казалось, прорваться на объект было уже невозможно.

А сознание твердо и властно повелевало: "Прорваться и поразить цель во что бы то ни стало". И в этот момент, словно молния, мелькнула мысль:

"Что, если обмануть противника?" И, бросив машину вниз, имитирую падение, пусть думаю, порадуются, что сбит. Земля стремительно приближалась. Вот и цель! Отчетливо видны громадные купола бензохранилищ, подъездные железнодорожные пути, уставленные цистернами, скопление автомашин и другой боевой техники. Небольшой маневр — и весь боевой груз сброшен точно в цель.

При развороте экипаж видел, как рвались бензоцистерны, как полыхало пламя и огромный столб черного дыма поднялся к небу.

Теперь, подумал я, нужно поскорее уходить. Но это оказалось почти невозможным. Четыре фашистских истребителя, словно стервятники, ринулись на наш одинокий самолет. Завязался неравный бой.

Немецкие пираты надеялись легко расправиться с нами, но не тут-то было. Мы открыли по врагу шквальный огонь. Вскоре один из "мессеров", задымив, стал резко снижаться. Но и у нас загорелись оба мотора, самолет терял высоту. Необходимо было немедленно его покинуть. Подаю команду штурману Саше Колосову и радисту-стрелку Диме Гуще. За ними выбрасываюсь и сам. Рывок — и над головой потянулось белое полотнище парашюта, однако купол не успел полностью раскрыться, как уже земля, и я своим парашютом чудом зацепился за вершины высоких сосен и повис между ними. Как ни старался освободиться от парашюта, но это мне не удавалось. А совсем рядом горел мой самолет, пламя все ближе подкрадывалось ко мне, все труднее было дышать, вот уже стали взрываться боеприпасы, неровен час могли взорваться и баки с горючим, тогда всему конец...

И вот, казалось, в самый критический момент, когда я особенно чувствовал полное одиночество и свою беспомощность, вдалеке увидел спешившего ко мне старика. За ним торопливо шла пожилая женщина, вслед за ней семенила девочка лет восьми—девяти.

Но как они смогут подойти ко мне? Кругом полыхал огонь, рвались патроны.

Метрах в пятнадцати от меня старик спрятался за дерево и крикнул: "Ты чей?".

— Свой, советский, — выпалил я.

Выйдя из-за сосны, он обошел горящий самолет и, закрывая лицо от огня, бросился ко мне. Но один он не в силах был помочь мне. Поняв это, мой спаситель ринулся к своим спутницам. Сняв с себя пиджак, старик накинул его на голову и плечи девочки и все трое побежали ко мне.

Сквозь удушливый кашель старика до меня долетали его слова: "Держись, сынок!" Старик широко расставил ноги, руками и головой уперся в ствол сосны, женщина встала ему на плечи, а на нее взобралась девочка. Этот своеобразный цирковой номер они проделали довольно быстро.

И вот у меня под ногой оказалась точка опоры — хрупкое и слабое плечико девочки. Но и этого оказалось вполне достаточным, чтобы я смог освободиться от парашюта. Обхватив ствол сосны, словно старого боевого друга, я скатился вниз.

При ударе о землю острая боль пронзила все тело, заныла раненая нога, давала о себе знать рана на голове. Медлить нельзя: еще мгновение и загорится одежда.

С помощью моих спасителей мне удалось преодолеть последнее препятствие — полосу из огня и дыма.

Находясь уже на значительном расстоянии от места падения самолета, мне, наконец, удалось узнать, кто же они и откуда. Это оказались колхозники ближайшего селения, они ходили к нашим бойцам, носили им молоко. На обратном пути наблюдали за воздушным боем и вовремя подоспели к месту падения самолета.

Немало пришлось им приложить сил, чтобы доставить меня к своим и сдать в руки врачей.

Были подобраны и мои товарищи — штурман С. Колосов и стрелок-радист Д. Гуща. Они намного быстрее, чем я, попали к своим, их доставили на дрезине железнодорожные рабочие.

Вспоминая этот боевой эпизод, я каждый раз восхищаюсь великой народной силой, которая всегда питала и продолжает питать армию и флот жизненными соками. Опираясь на народ, наша армия была и остается несокрушимой. Ей не страшен никакой агрессор.

А. ГЛЕБОВ, капитан запаса.

"Красное знамя", 23.02.1966 г.

ПОДВИГ ВАСИЛИЯ ДАНИЛЬЧЕНКО

Были они однокашниками. Вместе работали в одном цехе Пышминского медеэлектролитного завода. Оба значились ударниками.

— Они — это коренные уральцы, знатные в Верхней Пышме металлурги Василий Антонович Данильченко и Михаил Васильевич Теплоухов. Приятели всегда были неразлучны. И когда были холостыми, и когда обзавелись семьями. Судьба не разлучила друзей и в тяжелую годину Великой Отечественной войны. Служили оба связистами в одном батальоне связи, которым командовал уралец Сергей Владимирович Черноголов. И не только в батальоне, но и в одном взводе, которым командовал ныне гвардии генерал-майор войск связи Николай Алексеевич Космодемьянский.

С первых дней Великой Отечественной войны друзья — в самом горниле фронтовой жизни. Вначале на Западном фронте. Здесь Уральская 153-я стрелковая дивизия отличилась. В числе первых — 18 сентября 1941 года — она была удостоена высокого звания Третьей гвардейской.

Один из друзей — Михаил Васильевич Теплоухов прошел с Третьей гвардейской дивизией весь ее боевой путь. Он воевал под Волховом, Сталинградом, в Донбассе, в Крыму, Прибалтике, под Кенигсбергом. Сейчас Михаил Васильевич снова в Верхней Пышме. На заслуженном отдыхе.

А что же случилось с его другом Василием Данильченко?

...Шли ожесточенные бои южнее Ладожского озера. Вдруг оборвалась связь штаба дивизии с подразделениями. Группа уральцев — Жуков, Малиновский во главе сержантом Данильченко — двинулась на поиски повреждения.

Василий шел болотом, внимательно выискивая место обрыва. Кругом рвались снаряды. Неожиданно у него зазвенело в ушах. Василий потерял сознание. Очнулся от острой боли. Хотел подняться — не смог. Он понял — осколки перебили обе ноги. Попытался на руках продвинуться вперед. Но тут же упал. Отдышался и повторил попытку. Страшная боль пронзила тело, но отважный уралец пересилил ее и пополз.

Сержант часто терял сознание. А когда оно возвращалось к нему, снова продолжал ползти. Он хватался за кусты и подтягивался на руках, переваливаясь через кочки.

Наконец вот он — проклятый обрыв. Данильченко исправил повреждение и, включив аппарат, услышал спокойный голос командира дивизии Гагена, отдававшего приказ командиру полка Юлдашеву.

На контрольном пункте у аппарата дежурил Михаил Теплоухов. Он услышал по телефону стоны и немедля доложил об этом Черноголову. Командир схватил трубку. Он уловил в ней тяжелое дыхание, а затем слова:

— Докладываю: связь установлена. Я тяжело... — и голос оборвался.

Черноголов выслал санитарную повозку. Василия Данильченко нашли без сознания. Он прикрывал своим телом восстановленный телефонный провод. Медсанбат. Но врачи уже ничего не могли сделать.

За этот боевой подвиг Василий Антонович Данильченко удостоен высшей награды — ордена Ленина.

Герои не умирают. Память Василия Антоновича Данильченко увековечена. Одна из улиц

в городе Верхняя Пышма названа его именем. Портрет его и материалы о нем — на видном месте в комнате боевой славы заводского Дворца культуры.

В День Советской Армии — 23 февраля — на заводской площади у проходной Пышминского медеэлектролитного завода состоялся митинг трудящихся города с участием гостей из Свердловска — ветеранов Третьей гвардейской дивизии. Под звуки духового оркестра и воинского салюта установлена мемориальная доска с надписью:

"На нашем заводе с 1932 по 1941 год работал воин Третьей гвардейской Уральской дивизии Василий Антонович Данильченко. Геройски погиб за Родину на фронте Великой Отечественной войны в октябре 1941 года".

Е. ФЕЛИСТЕЕВ.

"Красный боец" Уральского военного округа, 5.04.1967 г.

ОТРАЖАЯ АТАКУ ТАНКОВ

Мы, морские пехотинцы из отдельного морского батальона 84-й Амурской Краснознаменной бригады морской пехоты, прибыли с Амура под Смоленск 10 июля 1941 года, когда враг уже вышел к Днепру. В составе 127-й стрелковой дивизии сразу же вступили в бой. В те дни мы беспрерывно отражали атаки гитлеровской мотострелковой пехоты и танков. Нередко на наши позиции наступало по 25—30 танков, а с воздуха нас атаковали "хейнкели" и "юнкерсы", но мы держались, держались.

Мы имели только легкое стрелковое вооружение и бутылки с зажигательной жидкость. Правда, нам хорошо помогали 45-миллиметрвоые противотанковые пушки. А когда танки врага вплотную приближались к нашим окопам, в ход шли бутылки.

В тот день, о котором я рассказываю, в окопе нас было трое. Смотрим: прямо на нас движутся шесть вражеских танков, а сбоку — еще два. Силы были очень неравные, но мы решили держаться до последнего.

Когда танки подошли совсем близко, первую бутылку бросил Бунеев. Танк загорелся, но не остановился. Горящий, он продолжал двигаться вперед. Из него выскочили гитлеровцы. Мы их тут же уложили.

Три танка загорелись от брошенных мною бутылок, еще два подожгли мои товарищи Бунеев и Букреев. Пылали уже шесть вражеских машин.

Когда Букреев поднял над головой следующую бутылку с зажигательной смесью, в нее ударила пуля. На Букрееве вспыхнула одежда. Он бросился на дно окопа, чтобы сбить пламя. Сверху его закрыл бушлатом Бунеев. С большим трудом огонь удалось погасить. В это время я расстреливал вражеских танкистов из пулемета Дегтярева. Оставшиеся два танка повернули обратно. Только тут мы смогли вздохнуть спокойно. Так закончился для нас один из дней Смоленского сражения.

В. ЖИРЯКОВ, учитель шк. № 1
Воспоминания записал Виктор Иванович ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", № 26.10.1976 г.

БОИ ПОД ЕЛЬНЕЙ

Особенно мне запомнились бои на подступах к городу Ельня, когда мы десять дней держали огневой рубеж. Связками гранат и бутылками с горючей смесью, противотанковыми пушками в упор подорвали десятка полтора фашистских танков. Многие десятки немецких автоматчиков отправились на тот свет.

Все, что могло стрелять, было обрушено на врага. Были и рукопашные схватки с фашистами, моменты отчаянной, безудержной матросской атаки. Бои были смертельные, каж-

дый дрался за троих. Окопчики и укрытия для артбатарей были залиты кровью. Наш санинструктор Вера не успевала перевязывать раны бойцов. В моменты яростного боя она также бралась за карабин и метко стреляла по фашистам.

И на северо-западном участке сражения под Ельней танковая бригада немцев и ее автоматчики из 66-й дивизии не смогли прорвать наш огневой рубеж, в боях за который мы потеряли половину личного состава морского батальона.

Душой обороны огневого рубежа был батальонный комиссар, коммунист с 1918 года В. И. Ковылов (в декабрьских боях за Москву, в наступлении на город Клин он погиб, как герой). Он в декабре 1941 года вместе с лейтенантом флота Вострецовым вел нас в атаку, в смертельный штыковой бой под городом Дмитровым, где мы форсировали канал Волга—Москва.

В. ЖИРЯКОВ.

"Красное знамя", № 143, 4.12.1966 г.

ЗА МОСКВУ

Наша 2-я гвардейская бригада морской пехоты в середине октября 1941 года по распоряжению военсовета фронта и маршала Г. К. Жукова была отправлена на переформировку в прифронтовую полосу.

Мы пополнялись техникой, особенно автоматами уральского производства, легкой артиллерией. В личный состав влились краснофлотцы с Тихого океана и Краснознаменной Амурской флотилии — это были уральские и сибирские ребята.

И вот в начале декабря 1941 года от маленького городка Загорска маршем подошли к переднему краю обороны. 5 декабря при поддержке дивизиона "катюш", Уральская стрелковая дивизия, Омская стрелковая дивизия и другие части начали наступление на Дмитровском и Клинском направлениях. Весь подмосковный фронт пришел в движение. В центре его наступала 1-я ударная армия. Начался разгром фашистов под Москвой.

...И вот, когда мы выбили фашистов из Дмитрова и Клина, в центре города, над разбитой снарядами крышей школы взвился алый флаг, и пять отважных краснофлотцев на деревянном шесте укрепили рядом с ним белый с красно-голубой полосой флаг, флаг Военно-Морских Сил — символ того, что моряки были страшной, грозной силой не только на море, но и на суше, на подмосковных землях.

Мне хочется закончить свой рассказ так:

Они легли за подмосковные высоты,
В глазах у них застыли облака.
И те бойцы не встанут никогда.
Но будет вечно жить Москва,
Их ратный подвиг воспевая

В. ЖИРЯКОВ.

"Красное знамя", № 143, 4.12.1966 г.

"...ВЕРНУТЬ СТОЛИЦЕ ТИШИНУ"...

В середине декабря 1941 года мы — моряки с Амура вместе с танковыми бригадами четверо суток вели бои за Белый Растр. Был применен танковый десант. На броне танков в трескучий декабрьский мороз мы ворвались в райцентр Белый Растр. И дерзкой атакой было уничтожено шесть батальонов фашистской пехоты.

Досталась нам победа дорогой ценой: перестали биться сердца ста восьми сердец моряков — парней с Урала. Погиб здесь в яростной атаке и наш комбриг полковник В. А. Молев.

Был на исходе декабрь 1941 года. Гвардейская стрелковая морская бригада шла дальше на Запад к рекам Лама и Вазуза. Освобождала вместе с другими дивизиями и морскими бригадами город Волоколамск. В составе 1-й Ударной армии Западного фронта было пять морских бригад.

В первый год после войны в центре села Белый Раст был установлен обелиск. У его основания лежат якоря с Тихого океана и с Амура, перевитые якорной цепью, и две матросские бескозырьки прикреплены к якорям. На мраморе высечена надпись: "Тихоокеанцам и амурцам, героическим морякам, павшим смертью храбрых в боях с немецкими оккупантами при защите родной Москвы". И воспоминания рождают строки:

И был декабрь, и был рассвет.
В огне, в дыму врагу во след
На Запад шли добить войну,
Вернуть столице тишину.

Наш командующий, генерал-полковник Василий Иванович Кузнецов, вспоминал:

"Я не помню случая, чтобы гвардейцы отдельной морской бригады дрогнули во время контратаки танков или подняли панику при виде численного превосходства гитлеровцев. Это боевой, закаленный, дружный коллектив морских гвардейцев. Это гордость 1-й ударной армии". И сейчас я с большой теплотой вспоминаю гвардейских моряков, парней уральских".

Когда 1-я ударная армия в конце января 1942 года была выведена в тыл, в город Клин, туда приезжал М. И. Калинин. Он благодарил воинов 1-й Ударной армии и к гвардейскому знамени морской отдельной бригады прикрепил орден Красного Знамени.

В. ЖИРЯКОВ,
гвардии мичман.
"Красное знамя", № 54, 6.05.1975 г.

МОСКВА, ПАРАД 41-ГО

В первых числах ноября 1941 года нас, моряков-амурцев и моряков из Ярославского флотского экипажа, в составе сводного батальона направили в Москву в распоряжение военного коменданта столицы генерал-лейтенанта Артемьева.

Четыре дня мы несли охранную службу в городе. 6 ноября около пяти часов вечера мой взвод вместе с другими подразделениями войск НКВД нес охрану станции метро "Площадь Маяковского", где на торжественном заседании Моссовета в подземном зале делал доклад И. В. Сталин.

А утром 7 ноября, когда было еще совсем темно, наш сводный батальон был направлен в район Красной площади. Здесь уже скапливались войска. Расположились мы в начале Исторического проезда против Мясницкой башни Кремля. Было сумрачно, темно. Морозило. Дул резкий холодный ветер. Все время шел мелкий снег.

Когда стало уже светло, войска стал объезжать принимающий парад заместитель народного комиссара обороны маршал Советского Союза С. М. Буденный. А потом радиодинамики по всей Красной площади разнесли слова Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. "На вас, — говорил он, — смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, попавшие под его немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая.

Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова".

Затаив дыхание, с особым большим чувством, с волнением слушали мы слова, обращенные к нам, воинам Советской Армии и Военно-Морского флота. Мы были готовы сразу же пойти в бой за родную Москву, за Родину.

И вот начался парад. Чеканя шаг, под звуки духового оркестра мы прошли мимо мавзолея. Мне посчастливилось: я шел крайним на левом фланге. За спиной был скромный солдатский вещмешок, где лежала дорогая мне бескозырка.

Следом за шеренгами шли танки и артиллерия.

После парада, после большого концерта в Колонном зале Дома Союзов, где выступали лучшие советские артисты, мы отправились на фронт, на передовую в бой за родную Москву.

В. ЖИРЯКОВ.

Воспоминания Виктора Николаевича ЖИРЯКОВА записал В. И. ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", № 134, 7.11.1976 г.

В БОЯХ ПОД НАРО-ФОМИНСКОМ

О битве под Москвой вспоминает верхнепышминец Иван Константинович Филинков: "Зимой 1941 года нас, пограничников 3-го и 4-го годов службы-дальневосточников отправили на фронт. Немец в те дни неудержимо рвался к Москве. Вот нас и бросили на ее оборону. Я попал в 445-й батальон на Наро-Фоминское направление. Мы вели очень тяжелые оборонительные бои и притом стояли очень сильные морозы. Людям было очень тяжело, но мы выносили все трудности, крепко боролись за свою Родину.

Было так, что немцы начали стаскивать своих убитых солдат в баррикаду. Потом обливали водой, делали противотанковые препятствия.

Наша артиллерия прямой наводкой разрушала эти препятствия и танки шли в наступление. Здесь, пол Наро-Фаминском, что чуть южнее Москвы, меня и ранило".

И. ФИЛИНКОВ.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ РАНЕНЫХ СОЛДАТ

Во время войны я жила недалеко от наших западных границ, в городе Великие Луки. Уже в июне немцы бомбили нашу узловую железнодорожную станцию. Вскоре немцы окружили наш город. Наши воины, находившиеся в городе, с боем стали пробиваться из окружения. Бой был сильный, страшный. Все гудело и сверкало, но силы были неравны, и немцы вошли в город.

Мы, ребята нашей Больничной улицы, названной так потому, что на ней были сосредоточены больницы города, собрались во дворе одного из домов и наблюдали в щели забора за дорогой, по которой проезжали незнакомые машины, управляемые людьми в незнакомой форме. Мы поняли, что это немцы. Машины проходили мимо нас, шли в конец улицы и быстро возвращались назад. Выглянув на улицу, мы проследили за их движением и увидели, что машины подходят к бывшему родильному дому, заезжают во двор его и быстро возвращаются назад. Нам было интересно: что надо немцам в роддоме?

Дождавшись, когда очередная машина пройдет мимо нас, мы выскочили на улицу и побежали "гуськом" к роддому. Увидев сидящих на подоконниках красноармейцев, кто-то из нас закричал громко: "Наши! Ура!", но вдруг замолчал. У некоторых бойцов белели повязки на голове, груди. Наши бойцы кричали нам: "Ребята, принесите водички". Мы хотели подойти и поговорить с ними, но услышали громкий окрик на незнакомом языке солдата с автоматом в руках. Мы поняли, что немцы охраняют наших раненых. Немец знаками нам показывал, чтобы мы отошли от окон и не смели подходить к ним.

Мы разбежались по домам, схватив чайники и бидончики, побежали на речку за водой, так как водонапорная башня была взорвана, и жители города пользовались водой только из речки. Набрав воды, мы с опаской стали подходить к роддому. Сначала хотели подать воду в окна, но постовые немцы, наставив на нас дула автоматов, показали, чтобы мы подошли к ним, иначе будут стрелять. Страшно было идти на дула автоматов, но мы подошли. Один из немцев, открыв крышку чайника, предложил знаками мальчику выпить. Убедившись, что это не отрава, немец выпил воду, а остатками вымыл лицо и руки: стояла жара. В это время со двора вышел второй немец. Увидев пролитую воду, он очень ругался. Видимо, он тоже хотел пить: в незнакомом городе они не знали, где взять воду. Напившись и умывшись, они пропустили нас во двор роддома, откуда мы мигом пробежали в палату. В палате, на куче обвалившейся штукатурки и битого оконного стекла, сидели и лежали наши раненые бойцы. Мы подали чайник сидящему у двери солдату. Тот осторожно взял его, отпил глоток воды и передал чайник сидящему рядом, хотя видно было по его лицу, что он выпил бы всю воду. Так было со всеми посудинами.

На следующий раз мы пришли с ведрами, тряпками и метлами, убрали мусор, помыли пол. Теперь наши раненые лежали и сидели на чистом полу. Среди раненых был медик, и его все звали "доктором". Доктор нас поблагодарил за воду и сказал: "Вы бы, ребятки, принесли нам медикаментов и перевязочного материала, хотя бы старых простынь, только хорошо бы их прогладить с двух сторон".

Мы знали, где находится аптечный склад, который в это время никто не охранял. Нашли там бинты, марлю, набрали много медикаментов, из которых доктор нашел много полезного. Раненые сломали все столы, стулья и превратили их в шины, костыли, тросточки.

Немцы не оказывали медицинской помощи нашим раненым, не кормили и не поили. Население питалось за счет огородов при их домах. Самим есть было нечего, но в огородах уже поспели овощи и фрукты. Мы ходили по дворам, просили для наших раненых пищу и старые простыни или перевязки. Напротив роддома жил в своем доме старик, который вызвался помогать нам в сборе пищи. Он варил картошку в мундире, и все собранное мы несли нашим раненным через пост немцев. Немцы проверяли, что мы несли, и многое забирали, так как, видимо, тоже хотелось поесть свежих овощей и фруктов, а картошку в мундире они не брали, зато наши раненые ее ели с удовольствием и опять строго следили, чтобы всем хватило поровну.

Однажды доктор спросил нас: "Ребята, кто вас учит помогать нам?" — "Никто, мы сами, потому что пионеры", — ответила я громко. "Дети, будьте осторожны, мы защитить вас не сможем", — грустно сказал он и посмотрел в сторону. В дверях стоял немец с автоматом на груди и молча смотрел на нас.

Каждый раз, приходя к раненым, мы забирали старые перевязочные материалы. Дома стирали, гладили и приносили вновь. Наши раненые понемногу стали поправляться. Мы радовались их выздоровлению и считали себя причастными к этому. Мы уже не ахали, как раньше, от побитых босых ног, порезов на ногах и сбитых ногтей, а мужественно переносили без слез перевязки. Мы старались быть похожими на наших раненых во всем. Детство улетело, мы стали детьми военных лет.

Однажды, как всегда, утром мы прибежали к раненым с водой, перевязочным материалом и продуктами. Немцев у ворот не было. Радостные, возбужденные, запыхавшиеся, мы влетели в палату, но она была пуста. На полу валялись сломанные самодельные костыли и шины с окровавленными повязками и везде кровь: на полу, на стенах и даже на потолке. От увиденного ноги у нас подкосились, мы уселись кто где и заревели навзрыд, не стесняясь друг друга. На крик, а может случайно, зашел наш старик. Он обошел всю палату медленно и как-то сгорбившись, поднял окровавленную сломанную шину, повязку в крови, мрачно посмотрел на нас и сказал: "Здесь был бой. Их последний бой — раненых наших солдат".

Мы ночью слышали немецкие вопли и наше русское "ура!". Понятно, что бой выиграли фашисты, вооруженные автоматами. А морально победили наши солдаты, вооруженные палками, самодельными шинами, ибо они показали врагу, что они, даже пленные, врагу не сдаются. Потом мы слышали, как подъехали машины и увезли наших раненых. Куда? Неизвестно.

Не плачьте, дети! Вы делали доброе дело, помогали чем могли. Будьте всегда такими! Облегчайте всегда страдания людям! — нам казалось, такой наказ мы получили от своих подопечных.

Им трудно было идти на их последний в жизни бой. Но они знали, что утром прибежим мы, все поймем и расскажем людям, что они не были трусами, а погибли, защищая честь русского солдата.

Мне хочется в День Победы сказать вдовам и матерям: может быть, среди наших раненых был их сын или муж. Они могут ими гордиться, так как они были героями!.

Надежда МАЛЬЦЕВА,
г. Верхняя Пышма.
"Красное знамя", № 53, 2.05.1992.

НАМ ДОРОГИ ЭТИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Никогда не забуду, как пришлось нам под Ленинградом освобождать село, в котором гитлеровцы пытались сжечь всех жителей, согнав их в дом, как защищали Волхов в тяжелых, неравных боях, как клялись друг другу, что умрем, но города не сдадим.

Я служил связистом, но и нашему брату частенько приходилось бывать в боях, и мои товарищи гибли, как настоящие стойкие бойцы-патриоты. Были и бои, из которых, как мне казалось, не выйду живым и я.

Однажды мы отбивали станцию, которую почему-то немцы особенно сильно защищали. Избушку, где мы разместили аппаратуру связи, разбило в самом начале боя, мы перенесли все в воронку. Опять засекли нас немцы, стали бить по нам. Погиб командир связи, пулеметчик, ранен замполит, связист. Оглушаемый ревом артатаки, почти ничего не видя в этом аду, я кричал в телефон сообщения связных, а потом пополз сам, чтобы сообщить, что близка опасность. В первое же затишье обнаружилось, что связь вся порвана и нужно ее наладить. Мы делали это под огнем противника. Так было не раз. И часто это не кончалось благополучно. Погибали мои друзья-связисты, не раз был ранен и я. Но после госпиталя вновь появлялся в строю, чтобы вместе со всеми до конца разгромить врага, до победы.

Я. СМОЛИН.
"Красное знамя", № 55, 9.05.1978 г.

ЖИЗНЬ ДОЛГАЯ — УЗОР ЗАМЫСЛОВАТЫЙ

Анастасия Георгиевна Букреева из тех людей, кто на плохое в своей жизни зла не держит, а хорошее ценит и помнит. Все, что случается с ней и вокруг, принимает с легким сердцем. Такая житейская философия отчасти дана ей от природы, от отца-лесника, а отчасти приобретена с годами. А прожила она немало. Только трудового стажа наберется около шести десятков лет. Есть благодарности и награды, в том числе за труд в годы войны. Начинала в 41-м учеником оператора цеха биметаллов на медеэлектролитном заводе. Когда цех закрыли, перешла табельщицей в теплотехнический цех. Работала оператором, кладовщиком на заводе химических реактивов. Десять лет, будучи уже на пенсии, плела венки в цехе ритуальных услуг. А последние годы, следит за порядком в помещении учебно-производственного центра "Агат".

Рассказы Анастасии Георгиевны простые и искренние:

— В Верхнюю Пышму я с родителями приехала 18 июня 1941 года. Было мне двадцать лет. Познакомилась с соседской девчонкой и в ближайшее воскресенье мы пошли на Манину гору, где было устроено массовое гуляние. В самый разгар веселья приехал на лошади председатель исполкома, скомандовал, чтоб остановили музыку, сообщил о войне. Что тут началось, такое только в кино увидишь. Люди бегут кто куда, кричат, плачут... Я совсем потерялась, поселка-то не знала. Вышла к первому магазину, тут меня родственники и нашли.

Через три дня мы уже провожали старшего брата Василия на фронт, он работал в электролитном. Увозили на Уралмаш в грузовых машинах, провожающие толпились, всем хотелось проводить до городского призывного пункта. Ушел на фронт и брат Петр.

Вскоре меня приняли ученицей оператора в цех биметаллов. Училась у своего брата Андрея, у него была бронь. Позже стала работать самостоятельно. На специальных тележках-кранах мы перевозили и загружали в ванны большие металлические листы. Там их омедняли, потом закаливали, и после того, как их отсортируют контролеры, из них вырубали колпачки и вытягивали патроны. Продукция наша помогала фронту.

Конечно, воздух был тяжелый, в горле першило. Отдыхали по шесть часов, так что домой и не уходили, спали прямо в цехе. Спустишься в подвал, спишь и не замечаешь, как на тебя с потолка капает. Но о нас заботилось начальство. Мы получали талоны на обед, паек — 1 кг хлеба в день. Кроме того, кто работал на БМ, получали мясной паек. Хорошо помню мастера цеха М. В. Смирнова, сейчас он в Екатеринбурге, известный ученый-химик. Руководили производством М. М. Вавилова, А. А. Малыгин. Еще хорошо помню инженера Т. Д. Молдовера. Инженер Н. В. Минскер часто ездил в командировку в Москву и несколько раз привозил для цеха БМ подарки. Вручали каждому, а нас было 500 человек. Я до сих пор помню серенькую кофточку, что подарили мне.

Контролерами работали девушки из эвакуированных. Им жилось тяжелее, чем нам, местным, нас огород да хозяйство выручало. Из отходов металла в цехе делали котелки и ложки для фронта, а то и меняли их по деревням на продукты. Моими подружками были работящая, замечательная характером Анна Телицына, Ира Никифорова, Фрося Ведерникова. С Марией Байрамгуловой дружим и по сей день. В каждой смене был старший оператор. Хорошо помню А. А. Корешкова, у него была бронь, но он пошел на фронт добровольцем, воевал, вернулся живым. Помню молодого директора В. А. Хренова, он руководил заводом в самое трудное время — с 41-го по 47-й год. Однажды нас повезли в поле. Хренов приехал, чтобы подбодрить нас: "Сажайте, девчата, побольше картошки!". Еще меня сверхурочно направляли работать писарем в военно-учетный пункт.

Все успевала. Ходила в клуб. Однажды слышу: "Вы в кино? Одна? И я один. Пойдемте вместе!". Так я познакомилась со своим будущим мужем — Николаем. Он служил в местной воинской части. Прожили с ним в мире и согласии 54 года. В 45-м у нас родился сын. Позже муж работал в ДОСААФе, в охране. Два года назад я его похоронила.

Что остается в жизни? Работа. Я, наверное, с ней не расстанусь никогда, тем более, что сын нездоров. И еще мои картины. Видели в музее? Я туда штук пятнадцать передала. Вышиванием шелковой гладью я увлеклась в 1952 году. Тогда кружок Зои Афанасьевны Отрошко посещали больше ста женщин.

Как-то выставку устроили в фойе завода химических реактивов. За одну из моих картин приезжий предлагал большие деньги, но я не согласилась. Мне трудно расстаться со своими картинами. А заскучаю — в музей схожу, посмотрю. Теперь научилась вышивать и взрослая внучка Лена, даже меня поправляет. Где берем столько разных шелковых ниток? Из бельевой веревки. Отделяем "хлопок", режем на куски по 60 см, потом красим, добиваемся разных оттенков. У природы одних зеленых тонов — не сосчитать.

Люди картины смотрят, а я их читаю. Потом перерисовываю на ткань и — за работу.

Больше всего люблю пейзажи. Одна девочка в музейной книге отзывов написала, что на моей картине будто ветки от ветра колышутся. Как им не быть живыми, я же их с натуры брала. С отцом в лес ходила, чтобы старую сосну лучше разглядеть и запомнить, какого оттенка ее густые лапы, какое небо и тени между ними. Я еще многому хочу научиться, хочу вышить натюрморт, чтобы был красный арбуз и лимон в стакане. Вот только надо найти подходящую картинку "считать" ее. Еще не умею вышивать камни, они часто встречаются в пейзажах, например, горы, берега... В общем, дел еще много.

А. Г. БУКРЕЕВА.
Записала Людмила ПРИВАЛОВА.
"За медь" № 12, 9.03.2000 г.

1942 ГОД

НАШ ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

В этом очерке рассказывается о героических делах в дни Великой Отечественной войны нашего земляка коммуниста, журналиста и замечательного человека Александра Анисимовича Чистова.

Александр Анисимович был первым редактором Верхне-Пышминской городской газеты и отсюда добровольцем пошел на фронт. Много хорошего рассказывают боевые товарищи, ныне проживающие в Свердловске, об этом душевном человеке, который всю свою жизнь находился на самых боевых участках. В начале строительства Магнитогорского металлургического комбината Чистов получил задание выехать туда и организовать там газету.

Когда гитлеровская Германия напала на нашу страну, Чистов был болен, ему только что сделали операцию глаза. Но он рвался на фронт и ушел с первыми группами добровольцев.

Публикацию очерка о Чистове редакция делает из книги "Сыны Урала", изданной в 1943 году под редакцией видных журналистов В. Косова, Б. Полевого, Л. Шаумяна и других. Книга стала редкостью, так как издана один раз небольшим тиражом.

Машина мчалась по широкой лесной дороге. Шофер редакции — в душе немножко лихач, и на ровном участке дороги он дал полный газ. Полуторка выскочила из леса к безлюдному железнодорожному разъезду.

И вдруг — взрыв авиабомбы. Она угодила в штабель, и шпалы взлетели вверх, как спички.

В небе шли тяжелые немецкие бомбардировщики.

Увидев вражеские самолеты, шофер остановил машину, и журналист Чистов выскочил из кузова.

Из-за леса на разъезд спикировал "Юнкерс", дал две очереди. Пули взрыхлили землю на дороге. Пролетая низко над путями, "Юнкерс" сбросил бомбу. Секундное пронзительное завыванье — и тяжелый, сотрясающий землю взрыв. С неба посыпались какие-то обломки, на мгновение машину окутало желтое, смрадное облако. Когда оно рассеялось, Чистов спокойно сказал шоферу:

— Пока он разворачивается, угони машину в кусты.

Но тут налетел другой "Юнкерс", а за ним третий.

Бомбежка длилась недолго. Сбросив груз, немцы стали удаляться. Но один из них улетая, заметил машину и неподалеку от нее группу людей под деревом. Три раза пролетел он над ними, стреляя из турельных пулеметов. Пули ложились совсем рядом. Чистов не утерпел и, выскочил из-за дуба на полянку, стал бить по самолету из самозарядной винтовки. Лицо его было злым, глаза блестели от ярости. Немец, и в последний раз промахнувшись, улетел. Провожая его взглядом, Чистов крепко сжал винтовку и сказал:

— Вот, сволочь, ушел! Зубами загрыз бы бандита!..

На путях горела зажженная немцами цистерна с бензином. Черный столб дыма уходил ввысь. Рядом с горящей цистерной стояли еще три. Чистов бросился туда.

— Я сейчас, — крикнул он, обернувшись к нам, и снял висевшую через плечо "лейку". У насыпи он на мгновение задержался, заснял два кадра и торопливо побежал в сторону небольшого домика.

Через несколько минут к горящей цистерне вместе с журналистом бежали два железнодорожника, а у разъезда показался резко свистевший маневровый паровоз, "овечка". Сцепщики махали машинисту руками, торопили его. Машинист подъехал к цистернам. Лязгнули буфера. И снова отчаянно засвистев, "овечка" помчалась с тремя цистернами, увозя их прочь от места пожара.

Чистов вернулся к машине.

— Черти, струсили было! — сказал он о сцепщиках. — Чуть весь бензин не сгорел!.. Ну, поехали...

И полуторка побежала по изрытой воронками дороге.

Возле города В. за машиной опять погнался самолет, на этот раз "Хейнкель".

— Скажи на милость, вот привязался, гад, не дает до дому доехать. Пристал, как репей к юбке, — шутил Чистов.

В опасные минуты он не терял присутствия духа, острил, смеялся, и все веселели.

Разъезжая по фронту, военный журналист Чистов писал путевые заметки о зверствах фашистов в захваченных ими деревнях, очерки об отважных героях Отечественной войны, статьи о разведке, о минировании, боевых операциях. Не раз ему приходилось, спрятав в сумку карандаш и блокнот, брать в руки автомат и вместе с красноармейцами идти в бой. Он участвовал в танковой битве под Калинином, ходил в штыковую атаку под Невелем, вел сокрушающий огонь из пулемета в боях за город Б. И во многих частях фронта узнали о храбром журналисте — большевике, батальонном комиссаре, корреспонденте красноармейской газеты Александре Анисимовиче Чистове.

В 1918 году по полям Украины и Белоруссии с боевой винтовкой прошел комсомолец Чистов. И снова, спустя двадцать три года, пришлось ему взять в руки оружие.

— Вот мы и встретились опять с тобой, подружка! — сказал он и повесил винтовку на плечо. Он начал боевой путь с полком, где было много его земляков-уральцев.

Пятнадцать лет проработал Чистов в газетах Свердловской области, и перо его было острым оружием. Все эти годы помнил он: раньше или позже, но война неизбежна, значит надо быть готовым к ней. И он с юношеским азартом предавался спорту, ходил на лыжах, участвовал в кроссах. Зато как пригодилась впоследствии лыжная тренировка!

Когда прибыл из Свердловска на фронт лыжный батальон, Чистов был в его составе. Он прошел на лыжах почти двести километров и сроднился с бойцами, деля с ними все трудности похода. Время было горячее. Батальон прямо с марша вступил в бой за город Б., окруженный нашими частями.

Ночь выдалась светлая. Щербатая луна катилась по чистому небу.

Комиссар лыжного батальона Богданов сидел над картой и обдумывал боевое задание. Операция предстояла серьезная.

С южной стороны по большаку немцам удалось провести в окруженный город несколько обозов.

Лыжники получили приказ: перерезать большак, не давать немцам ввозить в город боеприпасы и продукты.

Богданов быстро накинул белый халат и вышел на крыльцо. Рядом с ним стоял корреспондент Чистов. — Бойцы строились.

— Надеть лыжи! — скомандовал комиссар и спустился с крыльца.

Небольшой отряд лыжников — восемнадцать человек — тронулся в путь. Впереди, энергично отталкиваясь палками, двигались комиссар и корреспондент.

Бесшумно, как невидимки, в белых халатах подошли они к большаку и, расставив автоматчиков в засаде, притаились в редких кустах.

Прошло несколько томительных часов. Близился рассвет. Отряд уже собрался перейти на другое место, как вдруг Чистов насторожился, приподнял край шапки, чтобы уловить едва различимые далекие шумы.

— Слышишь, комиссар? Немецкий обоз!..

Шум нарастал. Уже была слышна лающая немецкая речь. Богданов подсчитывал: подвод более шестидесяти, на каждой по два-три солдата; впереди шли семеро. Всех немцев примерно полтораста человек.

Обоз все ближе и ближе, осталось лишь метров двадцать. Чистов первый дал по немцам очередь из автомата, и все бойцы открыли дружную стрельбу. Меткими очередями они поражали ездовых и лошадей. Среди немцев началась паника. Они с криками забирались под повозки, но лыжники подходили все ближе и истребляли врагов из автоматов в упор.

Неподалеку от повозок валялся сбитый нашими зенитчиками фашистский "Юнкерс-88". Здесь залегли удравшие из обоза 2 немца-пулеметчика. Они открыли частый огонь по лыжникам.

Пулеметная очередь прошила правую руку Чистова. Он упал. Затем приподнялся и, преодолевая сильную боль, левой рукой выпустил остатки патронов из автомата.

Патроны иссякли. Тогда Чистов схватил гранату. И тут вражеская разрывная пуля пробила его пламенное сердце. Чистов замертво упал в снег.

Весь день продолжалось сражение. А ночью красноармейцы Шлейдин, Кремлев, Граберов и Яковлев вынесли тело Чистова с поля. Более шестидесяти немцев истребили в этом бою лыжники, и половину их уничтожили меткие пули мужественного корреспондента газеты Александра Чистова.

Правительство посмертно наградило храброго воина-журналиста орденом Красного Знамени.

В. ЕГАРМИН.

"Красное знамя", № 155, 30.12.1978 г.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ А. А. ЧИСТОВА

Недавно умерший мой брат Иван Федорович Егармин — подполковник в отставке — оставил после себя много литературных, дневниковых, черновых записей о войне. Вместе с первым редактором Верхнепышминской газеты Александром Анисимовичем Чистовым он был корреспондентом ежедневной красноармейской газеты "Вперед за Родину" Уральской армии, которой командовал бывший командующий Уральским военным округом Ермаков. И. Егармин и А. Чистов были фронтовыми друзьями-земляками. И. Егармин вел фронтовой дневник с первого дня войны. Я привожу с небольшими сокращениями его записи из дневника, в которых описана гибель А. Чистова. Это было под городом Белый Калининской области в 1942 году.

12 февраля. Сегодня много писал о героях-артиллеристах. Наладил связь со штабом армии. Узнал: Анисымыч (так дружески звал Чистова И. Егармин) регулярно шлет письма с передовой о героях. Давно зову его к себе — не едет, говорит, задания есть в другие части. Соскучился о нем.

13 февраля. Немцы то и дело бомбят с самолетов. Уснул в жарко натопленной избе на полу. Грязный, как черт...

14-16 февраля. Шлю авторские письма с передовой. Получил письмо из дома. Беспрерывно бомбят самолеты. Один подбитый упал. Взяли в плен двух "асов". Один нагло говорит: "Я бомбил Киев..." Сукин сын...

17 февраля. Нельзя войти в дом — бомбят... послал пакет в редакцию.

18 февраля. Сегодня в 6 утра заняли Поповку. Иду по ней (это возле самого города Белый) дома разнесены, обгорели, снег черный... Смотрю, по дороге приближается к деревне лыжник. "Не Чистов ли уж?" — думаю. Снег идет, плохо видно. "Это Чистов", — говорю", а Головач: "Да нет, это не он..." Ближе, ближе лыжник идет усталый и вот — он, Анисимыч. Вот ведь не договаривались, а встретились. Обнялись. Пришли в Поповку. Походили по разбитым избам. Только вышли из одного дома — по нему начали крошить мины. Дорогой распрощались и договорились, что он сегодня приедет ко мне.

19 февраля. Анисимыч шлет письма, сам не едет. Послал в редакцию боевые корреспонденции. Грязный, как черт, надо бы в баню.

20 февраля. Послал статью Шурика "Бой за Поповку".

21 февраля. Получил письма из дома. Написал ответ. Анисимыч не едет. Говорит, приеду на праздник 23 февраля и привезу флягу.

22 февраля. Сегодня был в бане. Вечером — торжественное заседание, концерт. Вроде хор. Белобрысая сестра с золотым зубом пела "Чайку" Милютина. Поздно вечером угостили спиртом, закусили подарками из Кировграда и из Татарии. Анисимыч не приехал.

23 февраля. Утром после завтрака сижу в штабе роты и пью густой чай. Звонит телефон. Подошел Еремин. Ему говорят, что убит корреспондент. "Кто, Чистов?" — спрашивает он. Ему ответили: "Да, он..." Анисимыч, родной, друг мой, товарищ мой... неужели это правда? Все сидящие онемели... Вот как и вот где достала его смерть. Я долго сидел в оцепенении, не мог писать. Вот он, праздник... Сразу же поехал в батальон, в 9 — уже там. Хотел Чистова вынести боец, но его смертельно ранило... Весь день сидел и ждал темноты. Ночью, когда стемнело, бойцы на лыжах привезли Чистова. Вот она, жизнь. Вышел на крыльцо. Возле него лежит на снегу мой друг. Осветил лицо. Из носу и изо рта шла кровь, застыла... Седая прядь... глаза закрыты.

Положили его на сани и — в штаб дивизии — 9 верст. Едем — ездовой я, сзади Чистов... Сколько я передумал, пережил в эти минуты... пурга, сани прыгают в ухабинах. Анисимыч едет в последний путь. Мне все еще не верится, что он мертв. Привезли и положили в амбар на солому. В штабе шум, крики по телефону, стучат машинки, а за стеной лежит Чистов.

24 февраля. Утром с бойцами обмыл Анисимовича. Принесли гроб. Днем хоронить нельзя, все время бомбят деревни. Вечером послал шифровку в редакцию. Телеграфной связи нет с армией уже три дня, разбомбили стоянку. Шифрую — море цифр. Они означали: "Экватор 07, Клименко для передачи Кузьмину (редактору): 23 февраля в бою на подступах к городу Белый пал смертью храбрых Александр Анисимович Чистов. Организую похороны со всеми воинскими почестями. Подробности почтой. Егармин".

Ночь Анисимыч ночевал в амбаре. Я заходил к нему не раз... молчит... как хотелось бы поговорить... плачу... В кармане гимнастерки лежало неотправленное письмо жене и дочери и письмо от них. Я все это отослал родным и описал, как погиб Анисимыч.

25 февраля. С утра сыпались авиабомбы. Установили зенитку, стали летать выше. Ве-

чером только собрались хоронить Анисимыча — бомбежка, разбило рацию... прострочили по санслужбе дивизии, один убит, один ранен. Одна упала и не разорвалась... соседнюю деревню Авдеево расколошматили — осталось два дома. К нам везут раненых женщин и детей. Повезли Анисимыча на окраину к школе, могила готова. Краткий митинг. Открывая его, я говорю над гробом: "Прощай, Анисимович, мой друг, боевой товарищ! Не с тобой ли мы воевали 8 месяцев, не с тобой ли ходили в атаку под Невелем? Еще несколько дней тому назад были с тобой в бою. Везде и всюду мы с тобой, с шуткой и остротой встречали опасность. Нам наплевать было на смерть. И вот она сразила тебя... Прощай... Мы отомстим за тебя". Выступили Еремин, Королев. Его знали многие. Троекратный салют, и на гроб полетела земля... Опустошенный, грустный плелся я в политотдел, словно у меня вынули душу...

28 февраля. Послал в редакцию очерк об Анисимыче. Думал ли я, что буду писать о нем? Написал и некролог. Тоска. Анисимович из головы не выходит...

И. Ф. Егармин прошел всю войну, дошел до Берлина и демобилизовался в чине подполковника. Контузии, ранения сделали свое дело. Он долго болел и умер 9 января этого года. Он много сделал для сохранения памяти о своем фронтовом друге А. А. Чистове.

В блокнотных записях моего брата не названы точно обстоятельства гибели А. А. Чистова. Поэтому дополню с его слов. В составе лыжного батальона Чистов участвовал в засаде на большаке, по которому гитлеровцы снабжали свои части боеприпасами и продуктами. Во время этого боя и погиб корреспондент газеты "Вперед за Родину". Александр Чистов, уничтожив более тридцати гитлеровцев. Родина по достоинству оценила его подвиг, наградив посмертно орденом Красного Знамени.

В. ЕГАРМИН.

"Красное знамя", № 35, 22.03.1975 г.

БУДЕМ ГОРДИТЬСЯ СВОИМ ЗЕМЛЯКОМ МИХАИЛОМ ТАЛЫКОВЫМ

Герои Великой Отечественной войны. Как много говорят нам эти слова... Проходят годы, но жива память о самом близком и родном человеке, которого вырвала из семьи война и... не возвратила.

Многие их тех, кто незаметным был в обыденной жизни, покрыли свое имя боевой славой, стали гордостью товарищей по оружию.

...И у нас, верхнепышминцев, есть свои боевые герои. О Михаиле Ивановиче Талыкове — храбрейшем летчике-штурмовике — хочу повести я свой рассказ. Наш город и школа № 2, где учился Миша, могут гордиться своим земляком.

...С Иваном Григорьевичем, Анной Андреевной, Алексеем Ивановичем, родителями и братом Миши Талыкова, я познакомилась в 1959 году. Из их рассказов поняла, что сын Миша добровольцем ушел на фронт, был летчиком. За боевые подвиги его не раз награждали. В одном из фронтовых писем он сообщал, что спас своего командира, спустившись на самолете в расположение врага. А потом пришло страшное известие: пал смертью храбрых.

Мысль написать о Михаиле Талыкове ко Дню Победы снова привела меня на тихую улочку Шахтеров. И здесь, неожиданно для себя, получаю документы, раскрывающие Михаила как человека, воина-героя. И мне захотелось узнать и о детстве его, найти корни того мужества и стойкости, которыми так щедро был наделен молодой летчик.

Глава семейства, Иван Григорьевич, больной человек. Тяжелая производственная травма в шахте вывела бывшего горняка из строя. Он с трудом передвигается по комнате, с трудом говорит, но глаза у него живые, мысль ясная. По его просьбе жена Анна Андреевна достает окованный железом сундучок, где любовно хранятся фотографии, письма, докумен-

ты, и показывает семейные реликвии. Рассматривая немых свидетелей прожитых Иваном Григорьевичем лет, я убеждаюсь, что, рассказывая о Мише, невозможно умолчать об отце, жизнь которого всегда была примером для сына.

С детских лет бедняцкий сын Иван Талыков узнал тяжесть крестьянского труда и изведал все неравенство между "крепкими" деревенскими мужиками и беднотой.

Имея от природы пытливый ум, начал задумываться, где же искать правду. Позже, находясь на службе в старой армии, в артиллерийской части, встретился с товарищами, которые ответили на мучавшие его вопросы, растолковывали, что к чему. Но кончилась служба, вернулся в родное село Полевое Шадринского уезда. Опять тяжелый труд, бедность и неравенство. Другими глазами взглянул на все это солдат. Беседы с товарищами в армии не прошли даром.

А по стране уже шагала революция... А тут на Урале появились белогвардейские полчища. Ивана Григорьевича мобилизовали в армию Колчака. Всего один месяц пробыл он там. "Как осмотрелся я кругом, — рассказывает Иван Григорьевич, — увидел, из кого состоит армия, кто командует — заныла душа... Нет, не с ними мне по пути. Надо уходить!

Начал я потихоньку с дружками об этом поговаривать. Чувствую, многие только и ждут удачного момента, чтобы уйти от белых, да не знают, как это сделать.

Набралось нас таких человек сорок. Случай свел меня со старым фельдфебелем, тоже задумавшим уходить от белых. Он-то и достал отпускной документ как бы на время переформирования части. "Веди, — говорит, — людей под своей командой. И смекай, что к чему: в дороге-то всякое может быть". А пройти надо было от Черевищева до своего Полевого 180 километров. И никак не минуешь города Шадринска, иначе нарвешься на заставы и патрули.

Стал я командиром своеобразного отряда. Пришли под Шадринск: иного пути не было. Вижу — приуныли люди: поймают — расстреляют. Начали совещаться. Я убеждал пойти прямо через город. Согласились. Построились. Надо было проходить через площадь. Это самое опасное место: комендатура белых, патрули. Идем бодро, а у самих поджилки дрожат"

Мужество и природная смекалка русского человека выручили Ивана Григорьевича. Был он высоким, статным, внешность представительная, да и усы, как у старого фельдербеля, а голос сильный, высокий, властный — недаром был ротным запевалой.

"Эх, была не была!" Да как грянет солдатскую: "Было дело под Полтавой"... Солдаты дружно подхватили. Вот так с песней, бодрым маршем под носом комендатуры промаршировали за город. "Сами потом дивились, как гладко сошло", — усмехаясь, вспоминает Иван Григорьевич. Люди начали по своим хуторам расходиться, а Талыков с односельчанами пришел в Полевое. Наконец и дом близко. Умаялся, ноги натертые болят, полдороги шел босиком. Подходит он к воротам, а во дворе санитарные повозки стоят, в доме поместился полковник санитарной службы. Да вот и сам выходит на крыльцо. Вытянулся перед ним Талыков, "ест глазами", не моргая. А полковник на ноги его избитые смотрит. Потом спрашивает: "Откуда ты?". Тут сослужил хорошую службу документ, данный фельдфебелем.

Проверил его полковник, возвратил Талыкову, а за ноги ругать начал, что, дескать, солдату ноги беречь надо, и приказал лечить.

Тут же, в присутствии полковника, солдату мазали и бинтовали ноги, а Талыков думал: "Если бы ты, полковник, знал, кому ноги лечишь?"

Через 2 дня белые спешно отступили. Село заняла Красная Армия. А еще через несколько дней Иван Григорьевич, простившись с семьей, пошел воевать с Колчаком. Так поступил этот смелый человек, теперь уж знавший, где его место и за что он идет драться.

"Красная знамя", № 48, 21.04.1963 г.

Много военных дорог прошел старший Талыков, а демобилизовавшись, по призыву партии и правительства пошел на борьбу с разрухой. Позже, понимая нужду страны в угле и руде, пошел работать на шахту.

В В. Пышму Иван Григорьевичем приехал с семьей в 1935 году, работал на руднике, трудился честно. Сумел он передать своим детям уважение к труду, любовь к своей великой Родине.

В дружной хорошей рабочей семье рос Миша Талыков. Это был очень застенчивый и скромный мальчик. Он мог заплакать при виде, как мучают ребята кошку или щенка.

"Ласковый, добрый был, — рассказывает его мать Анна Андреевна, — тяжело переживал болезнь отца, старался помочь мне в хозяйстве. А учился прилежно. Мы его не заставляли готовить уроки. Все сам. Тогда казалось, что с таким мягким характером Миша не способен будет к проявлению упорства. И как-то не замечали родные, что рядом с мягкостью у мальчика развита сила воли и целеустремленность. Это выявилось в его желании непременно достигнуть цели, поставленной перед собой. Он учился только на пятерки. Елена Карповна, одна из любимых учительниц Миши, отзывалась о нем, как об одаренном ученике, и ставила его в пример.

А у Миши была мечта, тайная, невысказанная мечта, — стать летчиком. Он понимал, что путь к осуществлению ее нелегок, потребуется много знаний и труда.

По настоянию отца, Миша, окончив семь классов, поступил в строительный техникум. Но чувствовал — мечта с ним, вот где-то совсем рядом. "Каждый день приезжал Миша домой, — вспоминает Анна Андреевна, — по-прежнему был хорошим, добрым, но стал еще более замкнутым, как будто его что-то гнетет".

Чутким сердцем матери Анна Андреевна почувствовала, что с сыном что-то происходит. Но что? Она пока не знала. Он же молчит.

Но вот однажды приезжает сын домой, взволнованный, взбудораженный, былой задумчивости как не бывало: глаза сияют, голос, по-юношески чистый, звенит от радости.

"Я буду летчиком! Буду!" Он душит родителей в объятьях, тормошит братишек и сестренок. Его, сдержанного, застенчивого, как будто подменили. Он заразительно смеется.

"Не сердись, папа. Я ушел из строительного техникума. Я не буду строителем, буду летчиком. Это моя мечта, моя цель".

И Миша рассказывает о том, что нашел работу лаборанта на Свердловской мельнице № 1, сможет помогать семье, вечерами будет учиться в Свердловском аэроклубе. Глядя на сына, не могли не радоваться и родители, хотя сжалось сердце матери: летчиком! Это же высоко, да страшно. Но омрачать радость, отговаривать сына не стала. Прошло два года. Повзрослел, возмужал Михаил. Еще упорнее работал над собой. "В науку в летную он впился, как клещ, — вспоминает один из его товарищей по комсомолу и по аэроклубу Василий Лаврентьевич Орвинцев, ныне инвалид-пенсионер. — Талыков был талантлив, смел и решителен. То, что казалось нам особенно трудным, он преодолевал легко. Его все любили: товарищ был замечательный. А уж поведением "красная девица": не пил, не курил, говоря, что летчику это не нужно.

В 1939 году учение при Свердловском аэроклубе окончено с отличием. Но для Михаила это было не все. Он добровольно вступает в армию и его, как отличника учебы направляют в Пермскую летную школу к заслуженному инструктору тов. Коробейникову.

Годы учебы в летной школе еще больше закалили юношу, он уже тогда отличался находчивостью и смелостью и был отличником учебы. Это уже был не тот мальчик, тайно мечтавший о полетах, а мужественный человек, смело взмывающий ввысь. Инструктор тов. Коробейников, называя его "своей правой рукой", гордился им и поручал проводить некоторые практические занятия с курсантами.

"Красная знамя", № 49, 24.04.1963 г.

...ВОЙНА! НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ БОРЬБА, ГДЕ НАДО БЫЛО СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ

Первой мыслью Михаила было: "Туда, на фронт!" "Я буду мстителем за поруганную землю", — писал он в одном из писем. И Миша стал им.

...Через 18 лет после окончания войны к нам в город пришла открытка, разыскивающая родных Талыкова. Она была от Героя Советского Союза полковника Василия Борисовича Емельяненко, который хотел познакомиться с родителями Михаила, узнать о детстве и юношеских годах своего боевого друга. А потом было большое теплое послание, где полковник писал: "...Хочется коротко сказать о Мише. Не преувеличиваю нисколько и скажу вам, что он был человеком очень смелым, решительным. Я не один раз летал с ним в одной группе штурмовиков на выполнение боевых заданий, знал Мишу по делам, а не по словам.

...Был в 1942 году такой тяжелый период на Южном фронте, когда немцы прорвали нашу оборону и пошли на Сталинград, Минеральные Воды, Орджоникидзе. Наша штурмовая дивизия понесла огромные потери.. Осталась два самолета. На них-то и летали мы вдвоем с Мишей до конечной точки (над г. Грозным). Попадали в такие переделки, что и вспомнить страшно... И выжили.

Младшему лейтенанту, коммунисту Михаилу Талыкову я обязан жизнью. О его мужестве свидетельствует, в частности, такой случай.

22 июля 1942 года во время штурмовки колонны противника над целью был подбит самолет ведущего группы. Планируя с небольшой высоты, он совершил вынужденную посадку в километре от цели. От пылающей вражеской колонны танков и автомашин к летчику устремились разъяренные фашисты. Два истребителя с красными звездами на крыльях на бреющем полете обстреливали врага из пушек, заставляя залегать. К месту вынужденной посадки приближался вражеский бронеавтомобиль, ведя огонь. Летчик укрылся от пулеметного огня за сбитым самолетом. Положение безвыходное. Кругом степь, ни кустика, ни балочки, ни деревушки, где можно было бы укрыться. Последний патрон в пистолете оставил для себя. И вдруг над местом вынужденной посадки появился штурмовик. Он сделал круг, выпустил шасси и пошел на снижение, планируя через горящую колонну.

Летчик, затаив дыхание, наблюдал за рискованной посадкой смельчака: ведь и он может попасть в безвыходное положение.

Самолет коснулся земли и запрыгал по кочкам. До приземлившегося самолета каких-то две сотни метров. К нему направляется фашистский бронеавтомобиль. Но сбитый летчик успевает раньше. Он уже вскочил на крыло. А что же делать дальше? Ведь самолет одноместный. Под пулеметным огнем летчики срывают люк на фюзеляже, и в это отверстие едва втискивается один из них.

Мотор взревел, самолет круто развернулся на колонну противника, чтобы взлететь по им же проложенному следу. Так меньше риска сломать машину на взлете. Навстречу взлетающему самолету потянулись пулеметные трассы, неужели будут пробиты покрышки колес?! Но вот самолет подпрыгнул и повис в воздухе!

...Спустя полчаса необычный экипаж, состоящий из двух летчиков, на одноместном самолете, неожиданно для всех приземлился на аэродроме. Выбравшийся из фюзеляжа летчик крепко обнял своего боевого друга младшего лейтенанта Михаила Талыкова.

Спасенным летчиком был Герой Советского Союза полковник В. Б. Емельяненко.

Отважного летчика-штурмовика за подвиг и героизм представили к ордену Ленина.

Вскоре Михаилу Талыкову поручили как опытному летчику водить на задания группы штурмовиков, большей частью в тыл врага.

"...В 1943 году весна на Кубани выдалась тяжелой", — пишет в своих боевых заметках Емельяненко. Он рассказывает, как отличились летчики-штурмовики, в том числе и Талы-

ков, в ту тяжелую весну. "...Авиация была не в лучших условиях. Фронтовые аэродромы в Усть-Лабинской, Красноармейской и Титаровской развезло. Тяжело нагруженные бомбами штурмовики с трудом отрывались от земли на самой границе аэродрома. Погода не баловала летчиков, и в воздухе почти все время стояла низкая сплошная облачность, шли дожди, а низины часто были закрыты пеленой тумана. Это затрудняло отыскивание целей. Но авиаторы вели интенсивные боевые действия, поддерживая войска.

...Крымская. Несколько южнее — высота с отметкой 204. Здесь был НП командующего особой Приморской армии генерала Петрова и пункт наведения авиации. Отсюда командир штурмовой дивизии Герой Советского Союза полковник Гетьман руководил действиями летчиков.

"Сделайте еще заход на цель!" — слышался в наушниках шлемофона его спокойный и уверенный голос. ...Небо покрывалось черными облаками разрывов зенитных снарядов, и штурмовики, ныряя в эти завесы, открывали огонь по вражеским войскам. Они проносились над передним краем на бреющем полете, и маленькие фигурки в серых шинелях подбрасывали в воздух шапки, махали руками. Это высшая оценка летчикам-штурмовикам, которых называли любовно "воздушной пехотой".

Задача сложная: самолетам нужно было пролететь точно над заданным участком на высоте 25—50 метров. Ориентиров на поле боя, добротно распаханном снарядами и бомбами, почти нет. По самолетам на такой высоте противник ведет огонь из всего, что только может стрелять.

В назначенное время появилась группа штурмовиков, прижимаясь к земле. Со всех сторон потянулись к ним пулеметные трассы, а за самолетами огромные шлейфы дыма спускаются до земли.

Многим из тех, кто видел эту картину, казалось, что самолеты горят. Может быть, и противник поэтому прекращал огонь по штурмовикам. Но через несколько секунд дымная струя так же внезапно обрывалась, как и возникла, и самолеты один за другим перешли линию фронта.

Пехота под прикрытием дымовой завесы, осветившей противника, поднялась в атаку и овладела важным опорным пунктом". Только что летчики совершили посадку, а на аэродроме получена радиограмма. В ней сообщалось, что командующий наградил членов экипажей, среди которых был и наш земляк — Михаил Талыков.

С огромной болью вспоминает полковник Емельяненко о последнем вылете своего друга Миши.

"...На Краснодарском аэродроме 13 марта 1943 года Михаил Талыков нанес на карту маршрут своего последнего боевого вылета на Темрюк, и сдвинув брови к переносице, круто повернулся, зашагал к своему самолету.

Невысокого роста, коренастый... На Мише короткое, до колен, кожаное пальто, брезентовые сапоги. На длинном ремешке болтается планшет с картой. Таким он навсегда остался в памяти.

Летчик Талыков повел свою группу штурмовиков в тыл противника. Задание: разбить мост через Кубань у Темрюка.

Фашисты отступали, используя этот единственный мост. Он был прикрыт сильным огнем зенитной артиллерии. Задание выполнено: мост уничтожен, путь к отступлению врага отрезан. Штурмовики возвращались на аэродром. Не вернулся лишь один — ведущий группы Талыков. Долго "тянул" летчик подбитый зениткой самолет, тянул из последних сил туда, к своим. Но ослабли руки, затуманилось сознание, и... самолет-штурмовик упал в город, еще занятый врагом.

...Прошли годы. И все это время В. Б. Емельяненко мучила одна мысль: как найти могилу своего друга. И он едет по местам прежних боев.

В 1944 году, когда был освобожден город Темрюк, ему удалось вырваться на часок, чтобы хоть что-то разузнать о сбитом самолете.

Емельянов установил место его падения: двор, где находилась немецкая комендатура. Самолет при падении не загорелся, не взорвался, но летчик был мертвый. Место это было оцеплено. Фашисты закопали летчика где-то во дворе. Где именно, никто не знал.

После войны Василий Борисович нашел людей, которые что-то знали о сбитом самолете. Полковнику указали на Ефросинью Ивановну, которая в течение 18 лет любовно ухаживала за могилой неизвестного летчика. Ефросинья Ивановна показа ему холмик в саду, на котором лежала плита вместо надгробия, на ней почерневшие от времени букетики цветов.

"Я все время ложила цветы на могилу. А прошлой осенью приехали из военкомата с гробом, копали здесь и ни одной косточки не нашли. С тех пор я и не приношу цветов... Не огорчайтесь, мы вашего друга разыщем. Его где-то здесь закопали. Есть в Темрюке женщина, которая видела, как все произошло. Она готовила пищу немецким солдатам.

Женщину нашли. И из ее рассказа выяснилось многое.

...Ухали немецкие зенитки, строчили пулеметы. Находившиеся во дворе немцы убежали в укрытие. Только расчет зенитного орудия, расположенного во дворе комендатуры, оставался на месте. Вскоре что-то со свистом пронеслось над крышей сарая. Раздался сильный удар... Недалеко распластался самолет с красными звездами на крыльях.

Когда прошли первые минуты замешательства, к самолету подбежали фашисты. Летчик был в кожаном пальто и брезентовых сапогах. С него сняли планшет, обшарили все карманы, отвинтили с гимнастерки ордена. К трупу летчика подошел какой-то фашист и ткнул его носком кованого сапога. Его примеру последовали еще несколько солдат. Наблюдавшая эту омерзительную картину женщина не выдержала. Она побежала в комендатуру и, пренебрегая опасностью, спросила: "Зачем бьют мертвого летчика?" Офицер не спеша вышел на крыльцо, что-то резко крикнул. Солдаты вытянулись в струнку, слушая его приказания. Затем двое взяли мертвого летчика за ноги и по грязи поволокли к ближайшему дереву. Там была отрыта щель. В нее столкнули летчика и присыпали землей. К сливовому дереву, рядом с которым был зарыт летчик, привязали лошадей. Они несколько дней топтались вокруг коновязи. Лошади изгрызли кору дерева, оно засохло, и его в тот же год спилили. Так исчез ориентир, по которому можно было найти останки Талыкова.

...Когда Емельяненко собрался уже уезжать, Ефросинья Ивановна вспомнила: "В подвале у меня лежит какая-то железка, Кажется, от самолета". И она передала Василию Борисовичу хорошо сохранившуюся перегородку из дюраля нижнего бензобака самолета-штурмовика, того самолета, на котором Михаил Талыков совершил свой последний боевой полет. Эту реликвию Василий Борисович привез в Москву.

...Мы верим в то, что останки нашего храброго земляка Михаила Ивановича Талыкова будут найдены и по желанию его родных перевезены в наш город. А школа № 2, где учился герой, будет носить его имя.

В. НАЗУКИНА.

"Красное знамя", № 50, 26.04.1963 г.

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЯ МИХАИЛА ТАЛЫКОВА

С 1964 года верхнепышминская средняя школа № 2 носит имя летчика-штурмовика, нашего земляка Михаила Ивановича Талыкова.

Комсомольские поисковые группы получили немало писем от однополчан М. И. Талыкова. Каждое письмо — страничка из жизни Михаила и его боевых друзей. Об интересном случае рассказал в письме Герой Советского Союза А. Е. Руденко из Краснодара: "Во время

обеда было получено боевое задание. Улетая, Миша крикнул поварихе: "Тетя Тоня, оставьте второе — я слетаю и дообедаю!" Но вернулся он лишь через три дня. Оказалось, что при выполнении задания наши самолеты атаковала большая группа "мессершмиттов". Два из них преследовали самолет Михаила. Одного фашиста Мишиному напарнику-стрелку удалось сбить, но пулемет вскоре замолчал — заклинило. Второй "мессер" подстроился к самолету Миши справа. Немецкий летчик был без шлемофона, рыжий; он показывал два пальца, что означало "Делаю две атаки — и тебе капут" и при этом ехидно улыбался...

Мишин самолет летел низко над землей, а фашист с высоты начал заходить в хвост, стремительно сокращая разделяющее самолеты расстояние... Вдруг длинная очередь за спиной Миши: это стрелку удалось вовремя устранить повреждение. Немецкий самолет качнулся и рухнул на землю. Миша не смог дотянуть до аэродрома, приземлился в кукурузе. Подбежали женщины, работавшие в поле, хотели брать летчика в плен, но увидели звезды на крыльях самолета... Миша со стрелком бросились туда, где упал вражеский самолет. Фашист отстреливался. Но когда его обезоружили, он только показывал пальцем на свою голову, мол, пустая башка: хотел с форсом сбить русского летчика, а получилось наоборот... Фашиста сдали местным властям, а Миша со стрелком вернулись на аэродром "доедать свое второе".

П. Д. Рогоза из Днепропетровска пишет: "Дорогие мои ребята, для того, чтобы быть такими же, как Миша Талыков, надо много и хорошо учиться, быть верными себе и друзьям, главное — быть в коллективе. Вы меня спросите, в чем проявляется героизм в труде. Отвечу: честно и добросовестно трудиться, совершенствовать свои знания, проявлять инициативу, рационализировать труд, расти духовно, активно участвовать в жизни коллектива, никогда не хныкать, уметь видеть в жизни прекрасное — вот вам и героизм".

Т. НЕБОГАТИКОВА.

"Красное знамя", № 74, 21.06.1974 г.

СОЛДАТСКАЯ ЧЕСТЬ АНАТОЛИЯ ПЬЯНКОВА

Тяжелым несчастьем свалилась на Анатолия Андреевича Пьянкова — бывшего работника рудника — война. Не удалось встретиться ему с родными после окончания срочной. С дальневосточной границы через всю страну провез его солдатский эшелон в разрушенный, сожженный до пепла, но не сдавшийся врагу Сталинград.

Бои идут днем и ночью. Отборные дивизии немцев нагло рвутся к волжской твердыне. Раненный в ногу, Анатолий не покидает своего орудия. Подбит еще один танк противника. Незаметно наступает ночь. Казалось, можно бы отдохнуть, подготовиться к завтрашним испытаниям. Но, как часто случалось в последнее время, немецкие танки вновь начали наступление. В темноте трудно стрелять из орудия, но можно близко подползти к немецкой машине и остаться незамеченным. Анатолий получает задание со своим другом Мишей Эдельман подбить головной танк. Черные силуэты вражеских машин уже в считанных метрах от смельчаков. Наконец, в руках загоревшаяся бутылка с горючей смесью, бросок — и два танка вспыхнули яркими факелами среди ночи. Фашисты заметили бойцов, открыли огонь.

Смертельно ранен Михаил. "Оставь меня, Толя", — слабым голосом просит раненый. Оставить? Нет, уж. Солдатская честь дорога Пьянкову. Вынес друга из боя. Только в окопе Анатолий узнал, что его друг мертв. Не один боевой подвиг совершил Михаил Эдельман. Не дожил он до счастливого дня Победы. Но память о нем хранится в сердце друга.

А. КЛИМОВ.

"Красное знамя", № 55, 8.05.1975 г.

"ЗА РОДИНУ, ВПЕРЕД!"

Сегодня мне невольно вспоминается наша дружная боевая рота противотанковых ружей, тяжелые оборонительные бои на дальних подступах к Сталинграду.

На случай отражения вражеской танковой атаки я со своим отделением противотанковых ружей был поставлен на стыке двух стрелковых рот.

Наша контратака была настолько внезапной и энергичной, что гитлеровцы не успели опомниться, как мы оказались буквально у них на носу. Уже на рассвете наша часть вплотную подошла к вражеским окопам и завязался ожесточенный бой. Немцы открыли ураганный огонь, и нашим воинам пришлось залечь, уничтожать их огневые точки.

Комиссар батальона Шилов, поднявшись во весь рост, крикнул: "В атаку, за Родину, вперед!", и вслед за ним то тут, то там вскакивали с земли, из укрытий бойцы батальона. И, как всегда, пример показывали коммунисты. Вот мелькнула фигура начальника штаба Фетискина. Рядом со мной бежал старший сержант Зимкин, рядовые Панченко, Фролов, беспартийный солдат Ахметгалямов.

В разгар боя сам чуть в беду не попал. Пронзил штыком грузного немца. Он, словно подкошенный, упал на землю, а вот штык вытащить не могу, он во фрицевской одежде запутался. И в это время на меня идут двое. Ну, думаю, и мне конец пришел. Спасибо, выручил солдат Панченко, он их из автомата уничтожил.

Вскоре все же меня ранило в бедро правой ноги, но не сильно. Санитар тут же сделал перевязку, и я, прихрамывая, догнал своих.

Преследование немцев продолжалось, однако мне недолго удалось испытать этого счастья. Вторичное ранение было серьезным, и я был направлен в тыловой госпиталь.

Я часто вспоминал своих боевых друзей, солдата Панченко, спасшего мне жизнь, солдата Ахметгалямова, который, сам раненый в голову, вытащил меня с поля боя.

П. БЕЛОРУССОВ.

"Красное знамя", 7.05.1965 г.

КОМИССАР АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ГЛАДЫШЕВ

"Под Сталинградом нас бомбили без конца, — вспоминает Александр Гладышев, бывший в период Сталинградского сражения комиссаром отдельного мотоциклетного батальона 26-го танкового корпуса, — служить в стрелковом батальоне на фронте — дело не простое. Прибудет новое пополнения, а после первой атаки, ряды редеют. Старшина роты был ранен пятнадцать раз, а в живых остался..." Повезло в этом пекле Александру Петровичу. Только однажды он был тяжело контужен при взрыве авиабомбы, в другой раз — легко ранен осколком мины в щеку. Для пехотинца подобное — явное везение.

Хорошо запомнил Александр Петрович тот день, когда прибыл на передний край после переподготовки при Ленинградском военно-политическом училище. "Ты хоть порох нюхал?" — спросил начальник штаба батальона щеголевато одетого старшего лейтенанта Гладышева. "Нюхал, нюхал!" — ответил тот. И тут немцы пошли в атаку. Пулеметчики станкового пулемета были убиты. Немцы, идущие в полный рост, подходили к командному пункту батальона все ближе и ближе. И тогда комиссар батальона Гладышев бросился к пулемету. Он отлично владел всеми видами стрелкового оружия, особенно пулеметом "Максим", уверенно открыл огонь по наступающим фашистам, а до них оставалось 150—100 метров.

Огонь пулемета скосил несколько десятков гитлеровцев. Остальные залегли и подались в кусты, к речке. За этот бой старший лейтенант Гладышев приказом по войскам 60-й армии был награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе написано: "В боях за высоту 235 т. Гладышев поднимал наступательный порыв бойцов и офицеров своим бесстра-

шием и мужеством в бою. Во время контратаки он отбивал наступление противника, умело удерживая огневой рубеж, делал его неприступным для врага".

Отлично проявил себя парторг Гладышев и в последующих боях. В боевой характеристике офицера появляется следующая запись:

"В боях парторг Гладышев находился там, где требовала обстановка или требовался стремительный и глубокий бросок во фланг и тыл врага. При этом проявлял себя смелым, решительным и волевым офицером, спокойно и трезво оценивал обстановку и принимал решение".

Парторг стрелкового полка Гладышев отличился в боях в январе 1945 года, когда войска 1-го Украинского фронта разрушили оборону врага на Сандомирском плацдарме. Случилось это 12 января 1945 года. За эти бои приказом по войскам 60-й армии он был награжден вторым боевым орденом — орденом Отечественной войны II степени.

"Коммунисты, вперед!" — не раз бросал клич парторг Гладышев, выскакивая из окопа с пистолетом в руке. За ним на вражеские укрепления бросались солдаты.

Часто ему самому приходилось стрелять из пулемета, винтовки, пистолета. Стрелял он всегда отлично, ведь охотничал с 13 лет.

10 лет отдал А. П. Гладышев армии. Это были лучшие его годы, годы молодости. С 1932 года живет он в Верхней Пышме. Приехал сюда в гости к учителю, а остался — на всю жизнь.

Здесь, в Верхней Пышме, в семье Клавдии Александровны и Александра Петровича Гладышевых родились две дочери и сын.

...А. А. Гладышев и сегодня в строю. Он часто выступает перед школьниками города. Александр Петрович — желанный гость в любом трудовом коллективе.

В. ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", № 56, 7.05.1983 г.

ЗА НАМИ БЫЛА ВОЛГА...

О начале войны Петр Андреевич Шиганов узнал в лесу. Работал он лесорубом. Нелегко было расставаться с троими детьми, с матерью, с женой Натальей Сергеевной, на плечи которой ложились теперь все заботы о семье...

Одним из первых прибыл Петр Андреевич в формировавшуюся дивизию дальневосточников. После соответствующей подготовки, в составе отдельной артиллерийской бригады был направлен под Сталинград, где шли тогда напряженные бои.

Петр Андреевич вспоминает:

"Мы получили тогда задачу не допускать прорыва противника к Сталинграду. В эти дни трудно было отличить небо от земли. Помню непрерывные атаки фашистских танков, удары с воздуха, мощный огонь орудий и минометов, раскаленную безводную степь, едкую пыль, гарь... Но за нами была Волга, за нами был Сталинград. И стояли насмерть. Прямой наводкой били по атакующим танкам, по вражеской пехоте. Немцы отступили. Боевое крещение окрылило меня. В этот день я написал Наталье Сергеевне о своем первом сражении, о том, что, вероятно, в скором времени кончится война. Я еще не знал тогда, что Сталинградский фронт протянулся на 700 километров, что противник имел преимущество в силе. Но даже зная это, я был бы убежден в победе.

Бои под Сталинградом продолжались. Наши солдаты героически отстаивали каждую пядь земли, наносили немцам удар за ударом, выматывали, обескровливали вражеские войска. На участке, который мы защищали, наступали танки. Наша пехота металась в пыли, дыму и гари, солдаты не могли подняться, но не думали отступать. А танки приближались к переднему краю обороны пехоты. Наш командир батареи сам взялся за наводку, я подносил снаряды. В этот момент появились немецкие бомбардировщики. На земле, на небе — всюду был огонь, всюду — смерть...

Очнулся я в санчасти после контузии. Вскоре, в декабре 1942-го, вернулся на свою батарею. Под Сталинградом продолжались бои. Многое стерлось из памяти за прошедшие годы, но не могу забыть сражение за Сталинград. Дрались за каждый дом, за каждую ступеньку каждого дома. Мы, артиллеристы, присоединились к наступавшей пехоте, то и дело вступали в рукопашные схватки. Сколько часов длился этот бой, не помню. Но когда он окончился, я почувствовал, что не могу стоять на ногах. Дала о себе знать контузия. Товарищи привели меня на батарею..."

А это было у Белгорода.

"Победа под Сталинградом укрепила в нас уверенность в победе над Германией. С новыми силами, с особым энтузиазмом начали мы в феврале 1943 года бои за освобождение Белгорода на Курской дуге. Орудия нашей батареи обрушили на укрепленные позиции противника ураганный огонь. Гитлеровцы ввели в бой танки и авиацию. Не видно было снега: весь он перемешался с растерзанной землей. Небо почернело от дыма и пыли. Едкие газы от взрывов разъедали глаза, мы глохли от грохота орудий. С трудом верилось, что перед этой лавиной стали и огня может уцелеть что-либо живое. Но Белгород стал для нас вторым Сталинградом: мы не сделали ни шагу назад. 5 августа 43 года город был освобожден.

Теперь задачей нашей было изгнать фашистов с территории страны. С боями прошла наша батарея по разрушенной и сожженной Украине и далее по странам Европы, освобождая европейские города. Война закончилась для меня в Берлине. Сейчас я на трудовом фронте, работаю на торфопредприятии.

За прошедшие годы мы с Натальей Сергеевной вырастили семерых детей. Дети хорошие у нас: все работают, все стали уважаемыми людьми".

А. ШИГАНОВ.

Воспоминания П. Шиганова записал Х. АХМЕТОВ,
член совета ветеранов войны поселка Кедровое.

"Красное знамя", № 60, 20.5.1975 г.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СТАЛИНГРАДА

В конце июля, потеряв в боях почти все орудия и более половины личного состава, наш полк сумел отойти через Дон и был направлен на переформировку на левый берег Волги против Сталинграда. Немцы, прорывая нашу оборону на правом берегу Дона, Сталинград не бомбили, хотя до него и было не более 50—60 километров. Он жил напряженной жизнью прифронтового города. Работали заводы, магазины, ходили трамваи, по Волге плыли пароходы. 21 августа, решив морально подавить наши войска и устрашить население города, немцы разбросали листовки, в которых говорилось: "22 августа буду Сталинград бомбить, а 23 августа вас в Волге топить".

В ночь на 23 августа сотни самолетов налетели на город и начали варварски бомбить его, рассыпая свой смертоносный груз по всем улицам. Весь город, растянувшийся узкой полосой на 70 км по берегу Волги, к рассвету горел. От взрывов бомб рушились дома и корпуса заводов, взлетали вверх камни мостовой, бурлила Волга.

Сгустки пламени при взрывах поднимались в небо красными облаками. Черный дым сплошной пеленой шириною в несколько километров потянулся вниз по Волге. Гибли тысячи мирных жителей. Это страшное зрелище войны нам хорошо было видно с левого берега Волги.

Днем колонны немецких танков и механизированной пехоты, прорвав нашу оборону в районе хутора Вертячий на Дону, вышли к Волге на северной окраине Сталинграда в районе поселка Рынок. Но здесь их встретили и задержали наши войска.

Наш полк срочно был переброшен в район станции Котлубань, что северо-западнее Ста-

линграда. Здесь мы с хода атаковали прорвавшиеся немецкие войска, не давая им возможности всеми силами обрушиться на город. День и ночь непрерывные атаки. День и ночь непрерывный огонь. День и ночь грохот артиллерии, непрерывные бомбежки и бои в воздухе. День и ночь льется кровь.

Более двух месяцев шли эти тяжелые бои. Как только немцы усиливали нажим на город, мы переходили в атаку и хотя вперед не двигались, но наши атаки помогали непосредственным защитникам города.

Если бы тогда накрыть ладонью любой участок сталинградской земли, то под ладонью оказался бы не один осколок снарядов или бомб. Вся земля Сталинграда пропитана человеческой кровью. Сравнялись с землей села и хутора в сталинградской степи. Обломки самолетов, сгоревшие танки, разбитые автомашины, повозки вместе с убитыми лошадьми, гильзы и ящики от снарядов, окопы, окопы — это можно было увидеть в дни великой битвы на Волге. И множество трупов везде: в окопах, в бурьяне, в оврагах, на высотах, возле разбитых орудий, под сгоревшими танками.

А живые снова шли в атаку, вели огонь из орудий, сражались в воздухе и так день и ночь, день за днем.

Но несмотря ни на что Сталинград держался — мы это видели и чувствовали. Держался даже отдельными домами, участками улиц.

Вспоминается случайно виденный эпизод: двое артиллеристов хоронили своего товарища. Опустив тело в окоп, один из них сказал: "Прощай, наш дорогой товарищ" и, взглянув на закат солнца, добавил: "Завтра и нас жди".

Почти три месяца продолжались эти ужасы войны, силы немцев истощались. Их дух падал.

ОКРУЖЕНИЕ АРМИИ ПАУЛЮСА

Утром 19 ноября 1942 года степь снова заговорила, но уже не немецким, а русским языком. Началась первая за время войны мощная артиллерийская подготовка наступления наших армий. Загремели тысячи орудий и минометов всех калибров. Зазвучала музыка грозных "катюш", необычной, тревожной радостью заполняя сердца русских воинов, выстоявших в этих степях и городе суровую сталинградскую осень.

Мы наступали по левому берегу Дона на хутор Вертячий — тот самый, откуда шестая немецкая армия начала свое наступление на Сталинград.

После артподготовки — атаки одна за другой. Но немцы еще сильны и упорны, успеха пока нет. Степь, уже запорошенная первым снегом, покрывается как бы вторым слоем — трупами солдат. Атакуем день, второй. Ни метра вперед. На третий день по правому высокому берегу Дона видим движение масс войск: пехота, танки движутся на юг вниз по течению Дона. Наши! Наши за Доном!!

Снова бьет артиллерия, снова яростная атака, и немцы, не выдерживая, бегут в сторону Сталинграда. Мы движемся вперед, не движемся — бежим, занимаем хутор Вертячий. Вперед! Вперед! Ура!

Здесь за хутором встречаемся с войсками, наступающими с юга. Немцы окружены!!! Сжимая кольцо окружения, ведем непрерывные тяжелые бои. Немцы упорно сопротивляются. Уже зима, декабрь, холодно, снег покрыл всю степь.

Мы находимся на одной из высот. Немцы — на противоположной высоте, расстояние между войсками 1,5 км. Наши готовятся к очередной атаке. На нейтральной полосе стоит наш подбитый, видимо, еще в летних боях, танк. Нам, мне и моему товарищу разведчику Григорию Плетневу, дают задание: узнать, есть ли в танке немцы.

Светлый день, чистый белый снег, ровная степь, черный танк на нейтральной полосе и задание подойти к танку. Как? Каким образом? Днем и белый халат не поможет.

Берем автоматы, смотрим на снег, на степь и на танк. Что делать? Как подходить?

Встаем из окопа и идем в полный рост, думая каждый про себя: "Если в танке немцев нет, останемся живы, а если есть..."

Шаг за шагом ближе и ближе к танку. 500 метров, 400. За нашим движением наблюдают наши. Мы чувствуем эти взоры на спине. 300 метров, танк молчит. 250 — из танка несется пулеметная очередь по нам, пули со свистом пролетают мимо. Падаем. Задание выполнено.

Ползем назад, вплотную прижимаясь к земле, головой и руками разгребая снег. Вторая, третья очередь. Пули ложатся вокруг. В перерыве между свистом пуль вскакиваем и бежим метров 10 и снова падаем.

Отошли уже на 50 метров. Снова перебежка. Чувствую удар по ноге как тяжелым молотком. Падаю, ногу трудно даже тянуть, боль расходится по всему телу, сапог заполняется горячей кровью. Григорий, упав рядом, вопросительно смотрит на меня. "Ранило", — говорю. С трудом заползаю за едва возвышающийся бугорок снега. Григорий подползает ко мне ближе, подает ремень. Снимаю с себя плащ-палатку, связываю свой и его ремни и привязываю к углу палатки. Один конец ремня — Григорию. Ложусь на палатку. Он ползет, я помогаю ему локтями. И так метр за метром...

Резкий свист противотанкового снаряда над головой, затем второй, третий. Взрыв в танке, и тишина. Григорий встает в полный рост и тащит меня. Я вижу: у него по щеке течет кровь. Начинается наша артподготовка. Скоро атака.

Я еду в госпиталь...

Г. ЩЕРБАКОВ, участник Сталинградской битвы,
аппаратчик цеха № 1 опытного завода.
"Красная знамя", № 137, 18.11.1972 г.

МЕДАЛИ МАКСИМА ЗАСЫПКИНА

В 6-м классе школы № 9 села Балтым состоялась встреча с гвардии ефрейтором в отставке отдельного 161-го зенитного полка Максимом Александровичем Засыпкиным.

Он вошел в класс, красивый представительный мужчина в солдатской гимнастерке, туго перехваченной ремнем, с медалями на груди. Тридцать пар глаз, внимательных и любопытных, смотрели на ветерана войны.

"Было мне 32 года, когда началась война. Был направлен в 449-й санбатальон, так как имел стаж шоферской работы, а для перевозки раненых нужны были опытные водители.

— Максим Александрович, расскажите, пожалуйста, когда и за что Вы получили медаль "За боевые заслуги"?

— Это было возле города Россошь в 1943 году. Получил я приказ доставить горючее на МТС, но до нее добраться не успел, там уже был неприятель. Командир отступавшей пехоты приказал возвращаться.

Кончался бензин, поэтому спросив, где вблизи есть нефтебаза, нашел ее, заправил машину, налил в бочки литров четыреста бензина про запас (не мог смотреть, как бензин растекается по земле, а нефтебаза была уже оставлена и все цистерны открыты) и поехал догонять свою батарею.

Вскоре увидел знакомые "студебеккеры". Батарея вынуждена была остановиться: кончилось горючее. Командир, узнав, что у меня есть бензин, очень обрадовался. Заправили "студебеккеры" и поехали. Командир сказал, что благодаря моей находчивости была спасена наша зенитная батарея. За это я был награжден медалью "За боевые заслуги".

— А медаль "За отвагу"? Как Вы ее заслужили?

— В тот день был очень трудный бой. Налетели самолеты. Убило подносчика снарядов.

Пришлось подавать снаряды, а пустые гильзы собирать в кузов. Тогда гильзы были очень нужны, их не хватало. Поехал за снарядами на склад и там, когда увидели, что я привез очень много гильз, снаряды мне выдали без очереди. За своевременную доставку боеприпасов в критический момент и наградили меня медалью "За отвагу" и еще денежной премией в размере ста рублей. А потом, вскоре, получил еще одну медаль — "За оборону Сталинграда".

— Что Вам особенно запомнилось из обороны Сталинграда?

— Мы защищали Бекетовку на берегу Волги. Налеты фашистских самолетов были беспрерывными. Бомбы летели одна за другой. И сейчас отчетливо вижу, как все бросились от дороги укрываться. Бежит женщина с ребенком, в руках лопатка. "Брось лопатку-то", — кричу ей. — "А чем окапываться будем?" — услышал в ответ.

Вижу, вдруг, самолет будто на колесах по полю мчит. Одна бомба пролетела мимо, а вторая летит прямо на меня. Бросился в траншею лицом вниз. Меня словно приподняло и опять вдавило в землю. Оказалось, что бомба пролетела вперед, а я был сзади нее. Это и спасло меня.

— Запомнился еще один эпизод. Привезли обед. Солдаты в "щели" уплетали кашу, радуясь временному затишью. Старший лейтенант был в избушке — тоже расправлялся с кашей. Загудел самолет, лейтенант выскочил посмотреть: откуда? что? Взрыв — и избушку снесло, вроде ее и не было. Когда дым рассеялся, все увидели семилетнюю девочку, которая выбиралась из развалин с ложкой в руках. Лейтенант угостил было ее кашей, она, испугавшись взрывов, упала за печку, это и спасло ее, только каша пропала.

— Как ваш отдельный зенитный полк получил звание гвардейского?

— Накануне была страшная бомбежка, казалось, места живого не останется на этой земле. За ночь мы продвинулись на 70 километров и замаскировались. Утром, как только взошло солнце, вновь пошли самолеты. Их было много, летели низко. Вот здесь-то за тридцать пять минут наши зенитки сбили семь самолетов. За этот бой полку было присвоено звание гвардейского.

— Как Вы узнали о Победе?

— В три часа ночи разбудил санинструктор и сообщил: "Победа! Германия капитулировала". А совсем близко видны были взрывы и в победу не верилось. Утром двинулись в наступление на Прагу. Навстречу попалась машина и в ней двое военных и очень молодая белокурая женщина. "Гитлер капут! Вас за горой встретят люди!" — кричали радостно они. Перевалили гору и увидели массу людей с ведрами, кувшинами, графинами. Встречали нас вином и пивом, угощали, кто чем мог. По всей дороге стоял живой коридор из людей. Цветы, улыбки, объятия...

После демобилизации получили задание отвести машины в Сталинград. Горючего выдали только по 200 литров, поэтому доезжали до нефтебазы, просили работу, а расчет брали бензином. Получив бензин, отправлялись дальше. Два месяца добирались от Равы-Русской до Сталинграда. А в Свердловск вернулся уже 15 января 1946 года.

После войны работал в Балтыме шофером.

М. ЗАСЫПКИН.
Беседу записала А. ИВАНЕНКО, рабкор.
"Красная знамя", № 51, 24.04.1975 г.

В БОЮ — АРТИЛЛЕРИСТЫ

Мне хочется рассказать один из эпизодов боев под Сталинградом за станцию Нижний Чир. Они шли с конца декабря 1942 года по февраль 1943 года.

После упорных длительных военных действий наш артиллерийский дивизион отводил-

ся на отдых. Но только мы удобно расположились в лозняке, как начала активно действовать вражеская авиация. Одна за другой заходили семерки фашистских самолетов на наш передний край. Чувствовалось по всему, что враг что-то готовит.

Командир батальона майор Баранов сказал мне: "Будем драться!" Он приказал первой батарее, а я от его имени передал распоряжение второй и третьей батареям приготовиться к бою.

Немецкие танки и наступающие части долго себя ждать не заставили. Появилась колонна танков, за ними шла пехота и артиллерия. Завязалась перестрелка. С противоположного берега реки нас поддержал дивизион "катюш". Мы вели непрерывный огонь. На стволах орудий начала гореть краска. Солдаты обкладывали их снегом и продолжали стрелять по врагу. Между нами метался старший лейтенант и подхваливал: "Ой, молодцы, артиллеристы! Закрепитесь, удержитесь! Не дайте фрицам прорваться! Подходят наши части, они вас заменят". И, действительно, мы устояли. Через час прибежал рассыльный с переднего края и передал приказ прекратить огонь.

Это, конечно, был не подвиг, но после боя прочитали во фронтовой газете заметку, в которой говорилось: "Надо драться так, как дрался 75-й отдельный артиллерийский дивизион".

Н. АВИЛКИН, военрук школы № 33.

"Красное знамя" № 23, 22.02.1973 г.

ОГНИ НАСТУПЛЕНИЯ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

К концу сентября 1942 года наша артиллерийская часть с Западного была переброшена на Сталинградский фронт. Прибыли мы ночью в лес, невдалеке от Усть-Хоперской станицы, где уже было много пехоты, артиллерии и особенно танков.

Передвижение и сосредоточение наших войск под Сталинградом, очевидно, было замечено противником, т. к. самолеты врага часто летали над лесами этого района и разбрасывали листовки. В этих листовках они призывали наших солдат сдаваться в плен.

Но ни агитация врага, ни лишения фронтовой жизни — ничто не могло сломить воли к победе над врагом.

К середине ноября 1942 года было окончено сосредоточение наших войск, и 19 ноября мы начали наступление на стыке румынской и итальянкой армии, которые занимали оборону в этом районе. Сначала была мощная артподготовка. ...Наступали мы с зажженными фарами. Это было устрашающее зрелище. Ночью вся степь горела от фар движущихся танков и машин.

Наступление наших войск оказалось успешным. Румыны и итальянцы стали массами сдаваться в плен. На третий и четвертый день наступления наших войск большак порой был забит военнопленными так, что по нему было трудно проехать. Фашисты уныло брели по направлению нашего тыла.

После пяти суток непрерывных наступательных боев наши войска продвинулись на 175 километров и заняли узловую станцию Нижнегирскую. Здесь был освобожден лагерь находившихся в плену наших воинов.

Многие лежали в землянках, не могли встать с нар, т. к. были или совсем ослабевшие или просто мертвые. Эти бывшие военнопленные рассказали нам, что их было более двух тысяч человек, а осталось около двухсот. Остальные умерли от голода и издевательств.

Эта наглядная агитация вызвала прилив ярости у наших воинов, и они продолжали громить врага с удвоенной энергией.

Мужеству, отваге нашей армии не было границы.

Н. АВИЛКИН, участник Сталинградской битвы.

"Красное знамя" 22.02.1968 г.

ОТРАЖАЯ АТАКИ НЕМЕЦКИХ ТАНКОВ

От Москвы до Праги прошел с боями гвардии старший лейтенант Алексей Александрович Малыгин, мастер порошкового цеха медеэлектролитного завода. Участвовал в боях в Сталинграде. Он рассказывает. "В один из дней осени 1942 года командир нашей, 221-й стрелковой дивизии приказал мне, командиру артиллерийского дивизиона, с двумя артбатареями стать на прямую наводку. Это означало, что мы должны были охранять стрелковое подразделение от немецких танков.

Рано утром немецкие самолеты начали бомбить наш передний край, артиллерия врага вела огонь по окопам и тылам. Только смолкли последние взрывы бомб, началась танковая атака. За танками двигалась пехота.

Первыми же выстрелами наших орудий было подбито несколько вражеских танков и они, чадно дымя, застыли на месте. Остальные танки продолжили движение. Гусеницами они раздавили наш боевой расчет и четыре пушки. Но прорваться дальше не удалось. Устояли наши гвардейцы против сильного натиска врага.

Во второй половине дня ряды нашей пехоты значительно поредели. И нам, артиллеристам, пришлось вступать в рукопашную с наседающим противником. К исходу дня поле перед нашими позициями было сплошь усеяно трупами врагов и горящими танками. Но велики были и наши потери. Из восьми наводчиков боеспособных осталось только два. Мне и моему заместителю лейтенанту Соколову пришлось стать наводчиками.

В этом жарком упорном бою мне лично удалось зажечь три танка врага и один бронетранспортер с пехотой. Особенно отличился наводчик Ромашов, подбивший девять танков. Восемь танков подбил Фомин. Отличились и другие.

Занятую позицию мы отстояли, вражеский замысел прорваться к Волге сорвался.

За этот бой я был награжден орденом Красной Звезды.

Участвовал я и в завершающей операции Сталинградской битвы. Был участником пленения всего немецкого генералитета штаба группировки во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Участвовал я и в Курской битве, и в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Война для меня закончилась 18 мая 1945 года на территории Чехословакии".

А. МАЛЫГИН.

Рассказ ветерана записали А. АГИШЕВ и И. ЛАРИОНОВ.

"Красное знамя" № 9, 21.04.1965 г. и № 117 за 5.10.1971 г.

В БОЮ ВИКТОР ПЕШКОВ

25 января 1943 года. Обычный день Сталинграда, обычный день войны.

Рота лейтенанта Виктора Григорьевича Пешкова с Исети получила приказ освободить от врага один из сталинградских кварталов. С командиром пошло десять автоматчиков, вооруженных станковым пулеметом и противотанковым ружьем.

Расчет был на внезапность. Передвигались перебежками меж каменных развали. До цели оставалась совсем немного. Лейтенант с бойцами стал перебегать улицу. И тут ударил выстрел.

Лейтенант В. Г. Пешков был тяжело ранен. Настолько тяжело, что пролежал в госпиталях полтора года... А тот бой на одной из улиц Сталинграда был выигран.

...Только три месяца провоевал В. Г. Пешков в Сталинграде, в самом пекле.

...В поселке Исеть он родился и вырос, и отдал почти 35 лет жизни педагогической работ.

В. ЧЕМЛЯКОВ.

"Красное знамя" 23,02.1971 г.

ВСПОМИНАЕТ ГВАРДИИ МИЧМАН ЖИРЯКОВ

С 20 августа 1942 года по 23 декабря 1942 года гвардии мичман, командир взвода разведки 2-й гвардейской отдельной бригады морской пехоты Виктор Николаевич Жиряков сражается под Сталинградом.

"Прошло уже много лет с той поры, когда наша бригада морской пехоты держала оборону у тракторного завода, — вспоминает он. — Помню, один моряк — парень из Челябинска — говорил мне в промежутках между яростными боями: "Вот вернусь в свою Челябу и обязательно буду учиться и сам буду учителем. Ты понимаешь, комвзвода, как хорошо учить ребят, особенно у которых есть рабочая косточка". Он не дожил, этот моряк, не только до Дня Победы, но и до конца Сталинградской битвы.

Еще один эпизод. Мы эвакуировали ребятишек из детсада поселка тракторного завода под вой мин и разрывы снарядов. Дети доверчиво жались к нам. В глазах у них был испуг и в то же время любопытство. Они с удивлением разглядывали наши противотанковые гранаты, автоматы, стальные простреленные каски, их пальчики считали полоски на наших тельняшках. Они были пугливы, доверчивы и любопытны, как все дети во все времена.

В конце декабря 1942 года в Сталинграде при отражении одной из атак гитлеровцев оборвался и мой боевой путь. На фронт я, к сожалению, больше не вернулся.

Теперь война лишь сном
тяжелым снится,
Вернулась соловьиная весна,
Смеется солнце
сквозь лучи-ресницы,
А в небе — голубая тишина".

В. ЖИРЯКОВ.
Рассказ ветерана записал В. ГРИНЕВИЧ.
"Красное знамя" № 137. 18.11.1972 г.

ВСПОМИНАЕТ ИВАН БУРЯК

В боях за Харьков началась фронтовая судьба И. Д. Буряка. Были потом и ранения, и госпитали, и боевые награды. А в Сталинграде командир взвода 13-й стрелковой дивизии Буряк стал настоящим воином, познав сполна и горечь поражений, и радость побед.

"Для бойцов нашей дивизии памятны даты — 13—17 сентября 1942 года. В эти дни мы приняли первые бои у завода "Баррикады"...

Выгрузились мы с баржи. Выгружаться нам, пехоте, легко: кто спрыгнул на берег, кто по сходням сошел. Развернулись — к "Баррикадам". В бой вступили ночью. Утром осмотрелись. Немцы уж далеко были от нас, ночью, видно, мы напугали... А днем они решили нас "выкурить". Не вышло. Следующей ночью нас сняли с позиции и перебросили на Мамаев курган. Не раз он переходил из рук в руки, и каждый раз бои шли ожесточенные, крови пролилось немало. Курган мы защищали до 26 сентября. И вновь вот уже которая ночь без сна. На левом фланге прорвались немцы. Там, где мы сражались, теперь стоит памятник, на котором написано: "Здесь начинался передний край обороны 13-й стрелковой гвардейской дивизии под командованием генерала Родимцева".

Дважды после войны я был в Сталинграде, а того дома, где мы занимали оборону и где был я ранен, не нашел... Расстояние межу нами и немцами — дорога. Голоса их отлично слышали, да и они наши, конечно, точно так же. Донимали нас фашисты минометными обстрелами: пулеметом-то не возьмешь за стенкой, а мина падает вертикально. В подвале дома у нас наблюдательный пункт был. Там я и ранение получил. А два мои товарища, что

рядом находились, погибли. Много боевых друзей там полегло. Но Сталинград врагу не сдали".

И. БУРЯК.
Рассказ записала И. Каюрова.
"Красное знамя" № 138.18.11.1982 г.

ВСПОМИНАЮТ УЧАСТНИКИ БИТВЫ ЗА СТАЛИНГРАД

Вспоминает Евгений Алексеевич Совков:

1942 год был невероятно тяжелым для нашей страны, нашей армии. Немцы ворвались в Сталинград, вышли к Волге. И вот в дни решительных боев наше подразделение "катюш" было переброшено в Сталинград

— Из такого пекла мы вышли и остались живы. Видно, в рубашках родились, повезло. Переправились мы через Волгу, окопались и месяц там стояли. Ну, как стояли, обычно "катюши" выезжали, отстрелялись — и назад. А там уезжать некуда было. Для машин выкопали ниши. Мамаев курган был над нами, мы у фашистов как на ладошке, вот как я смотрю на этот стол. До первых чисел ноября мы вот таким образом стояли в обороне. За это время потеряли две установки из четырех. Как могли, конечно, их восстанавливали. Потом нас переправили на левый берег. Там мы доукомплектовали дивизион и получили технику, новенькую всю, с иголочки. Простояли мы до 15 ноября в резерве. Потом переправились севернее Сталинграда опять на правый берег, а 19 ноября пошли в наступление.

Наступление началось полуторачасовым огневым валом. Впоследствии такие огневые валы стали называть артиллерийским наступлением. 19 ноября стало днем артиллерии.

Перед атакой мы провели два залпа. После второго пехота и танки пошли в наступление.

Мы шли, пересекли Дон. В Калаче кольцо окружения в основном замкнулось. Мы выступили в обратном направлении, на Сталинград. Под Сталинградом я провоевал до второго февраля 1943 года. В этот день в 8 часов утра я произвел последний залп по фашистам, засевшим на заводе "Красный Октябрь".

Е. СОВКОВ.

Вспоминает Алексей Моисеевич Левченко:

— Поздней осенью 1942 года девять эшелонов моряков Тихоокеанского флота были посланы с Дальнего Востока в Сталинград. Добрались до Москвы, потом двинулись в сторону Саратова.

Это была страшная дорога. Все чаще и чаще встречались следы происшедших недавно трагедий. Трупы замученных людей. Разбомбленные жилые районы. Разбитые дороги. Тысячи жертв фашизма.

Моряки, не обученные боям на суше, оставшиеся без настоящего командира да еще одетые в черные флотские формы, бросающиеся в глаза, были хорошей мишенью для немцев. А если еще добавить, что на всех не хватало даже карабинов, станет ясно, что от девяти эшелонов людей осталось совсем немного. Добрались, наконец, до места назначения, нашли военное начальство. Просились на флот, на Черное море. Начальство распорядилось иначе. Надели на моряков солдатскую форму и отправили на переподготовку.

Мне дали 76-миллиметровое орудие. Назначили его командиром. С этим оружием я дошел до Чехословакии. А под Сталинградом было первое боевое крещение.

С криками: "За Родину!", "За Сталина!" бросались солдаты в жестокий кровопролитый бой. Была вера , крепкая вера в победу!

А. ЛЕВЧЕНКО.
Рассказ ветерана записала Т. ТУНЕВА.

Вспоминает Михаил Гаврилович Семенов:

— Мне довелось в составе выпускников Бобруйского танкового училища, закончивших учебу досрочно, принять участие в Сталинградской битве. В ночь на 23 августа был самый большой налет вражеских самолетов. Город был очень сильно разрушен. Многие люди не смогли вовремя эвакуироваться. Солдаты разыскивали и вытаскивали из развалин стариков, женщин, детей. Тащили по-пластунски раненых до берега Волги и обратно так же — за следующим. В одном из подвалов оказалась группа таких несчастных.

Взрослые люди цепенели от ужаса взрывающихся бомб, несущих разрушение, гибель. Превращались в обломки жилые дома. И среди всего этого хаоса жизни и смерти — огромные плачущие глаза малыша, не понимающего того, что происходит. Сколько лет прошло, а все еще звенит в памяти его слабенький голос, его единственная просьба — спасти. Где ты теперь, тот мальчик?

Переправа давалась тяжело. Чтобы фашисты не заметили катер, приходилось устраивать дымовую завесу. Чудеса героизма проявляли моряки. Генерал Глазунов до последнего вздоха так и не оставил поля боя. В его шинели потом насчитали 160 пробоин. Героизм, стойкость, упорство — этими качествами отличались наши воины.

Рассказ ветеран записала Т. ТУНЕВА.

"Красное знамя" № 138, 19.11.1992 г.

НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ

Карельский фронт гитлеровское командование не считало главным наступательным направлением. Карельская армия финнов, наступавшая в начале войны на петрозаводском и олонецком направлениях, и немецкая армия "Норвегия", наступавшая на мурманском направлении, еще в июле-августе 1941 года были остановлены нашими 7-й и 14-й армиями. Финнами и немцам так и не суждено было выполнить свою задачу — перерезать Кировскую железную дорогу и овладеть незамерзающим портом Мурманском. Войскам противника лишь южнее Куольярви удалось продвинуться на несколько десятков километров вглубь нашей территории, а на мурманском направлении на большей части фронт шел по государственной границе. Таким положение оставалось до октября 1944 года, то есть до разгрома Финляндии и выхода ее из войны.

Бои здесь шли то с ожесточением, то затихали. На мурманском направлении сухопутные войска, взаимодействуя с моряками Северного флота, срывали все попытки немцев блокировать наши силы на Кольском полуострове. Одновременно флот вел боевые действия на море, нанося ощутимые потери морскому транспорту и военным кораблям противника. Морская пехота совершала смелые боевые операции в побережном тылу немцев, уничтожая живую силу и укрепления береговой обороны. Подводные лодки Северного флота только за 6 месяцев 1941 года потопили более 30 вражеских судов.

Мне дважды пришлось участвовать в морском десанте в тыл расположения немецкой горной дивизии. 19 и 20 сентября 1942 года по радио мы слушали сообщение Совинформбюро о действиях нашей разведгруппы в немецком тылу. В сообщении говорилось, что 18 сентября 1942 года разведгруппа Северного флота под командованием майора Людина совершила смелую операцию в тыл немецких войск. В результате боевых действий было уничтожено более двух рот солдат и офицеров противника, подорвано три батареи и шесть долговременных огневых точек. Разведгруппа вернулась в расположение своей части без потерь.

Да, потерь в личном составе в этот раз не было, если не считать двоих легко раненных осколками единственной мины, которую фашисты, очухавшись, успели выпустить по последнему из четырех мотоботов, когда он, груженный десантниками, выходил из зоны прострела. Этой же миной был поврежден правый борт судна.

Перед походом мы в беседе с политруком старшим лейтенантом Розиным заявили, что свой десантный удар гитлеровцам посвятим защитникам Сталинграда. Мы тогда считали, что защитникам Сталинграда, когда на его улицы ворвались немцы, намного труднее, чем нам. Им нужно стоять насмерть. "Пусть фрицы знают, что Заполярье не северная Италия, а североморец не итальянский макаронник", — крикнул Алексей Стихарев, автоматчик, бывший минер эсминца "Сообразительный". Дело в том, что на место, куда мы должны были высадиться, недавно прибыла свежая немецкая дивизия горных стрелков, проходивших подготовку в горах Северной Италии.

Действительно, фашистским воякам не помогла ни специальная военная подготовка, приближенная к условиям местности и климата предстоящих боев, ни новейшее вооружение и снаряжение, ни тотальная мобилизация 1944 года, за которую как за спасительную соломинку пытались ухватиться немецкие генералы со своим бесноватым фюрером. Все это не устояло перед могучим натиском советского воина, который был несравненно сильнее врага своим нравственным духом, правотой своего боевого дела.

В боевых действиях Отечественной войны в суровых условиях Карельского фронта участвовали многие наши земляки-верхнепышминцы: рядовой Федор Васильевич Воробьев, награжденный орденом Славы III степени, рядовые Василий Максимович Клюев и Иван Павлович Сысоев, младший сержант Петр Сергеевич Шамшиков, награжденный орденом Отечественной войны II степени, старший лейтенант Борис Константинович Лебедев, награжденный двумя орденами Отечественной войны и двумя орденами Красной Звезды, младший лейтенант Василий Григорьевич Леонтьев, участвовавший в боях в составе 126-го лыжного стрелкового корпуса. Этим и другим бойцам сурового Карельского фронта, внесшим свой вклад в разгром гитлеровской Германии, отдают дань уважения и благодарности граждане нашего города.

А. ГОЛУБЕВ.

"Красное знамя" № 52, 8.05.1979 г.

ИЗРАСХОДОВАЛ НА ВРАГА ВСЮ ЛЕНТУ

В 1942 году наша часть стояла между Ладожским и Онежским озерами. Перед этим были большие бои, много моих товарищей погибло. И теперь линию фронта протяженностью около двух километров обороняло на нашем участке всего двенадцать человек.

В ту ночь я был в окопе один. Не уходил из него бессменно уже 36 часов. На рассвете вдруг заметил: идет финская разведка численностью до роты (финны всегда так в разведку ходили). У меня — пулеметы, и ручной и станковый, автомат на шее, противотанковые гранаты.

Вспомнил воинский устав: чем ближе подпустить, тем больше вероятность поражения цели. Кинулся к станкачу, начал строчить. Гляжу, стали они падать. Не знаю, убивал я их, или они просто падали, чтобы уберечься от пуль. Расстрелял всю ленту. Схватил ручной пулемет. Потом дело дошло и до гранат. Подбегает ко мне помкомвзвода нашего Дымура, старый коммунист. "Что ты, — говорит, — Воробьев, здесь шумишь?" Глянул вперед и все понял. А со стороны противника в это время начался заградительный огонь, под прикрытием которого финны вытащили своих убитых и раненых.

В пылу боя я и не заметил, что от волнения губу себе прокусил. А потом уже, когда все кончилось, задумался: что же это, ведь они живые люди, а я их положил. Но мы их не приглашали на свою землю, а раз пришли незваными — получайте. Да и к тому же, если бы не я их, так они бы меня и моих товарищей убили.

С этого случая и стал, видно, ко мне Дымура присматриваться, расспрашивать, откуда я, кто родные, где мои братья. А мы все, пятеро братьев, были на фронте.

С неделю прошло, Дымура приходит к нам в землянку и говорит: "Подпиши-ка эту бумагу". Оказывается, он мою биография составил, да так, что я бы никогда так ладно не написал. Я подписал, раз все правильно, почему не подписать. Еще три дня прошло. Вызывают меня вместе с Дымурой в штаб батальона. Приходим.

"Ну что ж, товарищи, — говорит один из товарищей в штабе, — начнем заседание партийного бюро. Поступило заявление о приеме в партию от пулеметчика Воробьева".

И зачитал и заявление, и биографию мою. Слово взял Дымура. "Я, — говорит, —товарищи, рекомендацию Воробьеву дал, а больше у нас в роте некому дать, Но я за этого товарища ручаюсь, в бою видел". И рассказал о том, как я финскую разведку расстрелял. Один из членов партбюро и говорит: "Вот таких бойцов нам побольше надо бы. Есть предложение принять товарища Воробьева кандидатом в члены ВКП(б)". И все проголосовали единогласно.

Пошли мы домой, я имею в виду, к себе в землянку. Помкомвзвода говорит: "Надо бы угостить чем-нибудь нового коммуниста. Постой-ка, есть у меня в заначке мамины сигареты, давай хоть покурим". Вот так и отметили мое вступление.

С неделю прошло, и меня вызвали в штаб полка. Здесь на полянке, на пеньках, расположилось несколько человек. Я присел на корточки. А противник знай подбрасывает мины, да постреливает, так что то и дело приходилось нагибаться. Опять Дымура рассказал обо мне, что знал. Один из членов партбюро спрашивает: "Кем ты хочешь умирать?" Я хотел было встать, но все зашикали: "Не вставай, а то еще убьют". Я немного подумал и говорю: "Я в партию вступаю потому, что она за народ стоит. А уж если умирать придется, хочу умереть коммунистом".

Больше вопросов не было, снова все проголосовали. Здесь же меня сфотографировали. А недели через две в штабе полка вручили кандидатскую карточку. Вручая мой первый партийный документ, начальник политотдела дивизии Гиляров сказал: "Теперь ты коммунист, значит, всегда должен быть в первых рядах". Эти слова я крепко, как поется в песне, "на всю оставшуюся жизнь" запомнил и всегда старался выполнять наказ своего командира. И тогда, когда меня перевели в разведку, потому что там нужны были коммунисты, и тогда, когда дважды убегал из госпиталей, чтобы снова вернуться к своим товарищам- разведчикам и вместе с ними громить врага. И тогда, когда однажды — это было под Мурманском — закрыл собой своего командира во время наступления. Здесь меня последний раз ранило осколком мины. Если бы не плащ-палатка, котелок с маслом, да буханка хлеба, которые пробил осколок перед тем как впился мне в спину, не быть бы мне, наверное, живым.

...А в члены партии меня приняли уже после войны, в июне 1945 года, в Норвегии.

Ф. ВОРОБЬЕВ.

"За медь", № 44, 30.10.1985 г.

БОИ НА КАНДАЛАКШСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Я участник Великой Отечественной войны, с первых дней и до победы находился на Карельском и 3-м Украинском фронтах. Начал воевать на Кандалакшском направлении Карельского фронта в должности командира огневого взвода 120-миллиметровых минометов в 217-м стрелковом полку 104-й стрелковой дивизии. Борьба за советское Заполярье в годы Великой Отечественной войны по своему характеру отличалась от военных действий на других участках фронта.

Климатические условия в Заполярье суровые. Да и с дорогами было неважно. На Кандалакшском направлении, например, была одна грунтовая дорога Кандалакша-Кемиярви и железная дорога Кандалакша-Алакуртти. Все это, конечно, создавало трудности. И тем не менее наши подразделения проявляли отвагу и героизм, и противник ощущал на себе уничтожающие удары.

Вот один из эпизодов тех дней. В мае 1942 года фашистские войска решили перерезать Кировскую железную дорогу и захватить город Кандалакшу. Рано утром противник начал артподготовку. Затем наш передний край принялась обрабатывать вражеская авиация. Казалось, что этому аду не будет конца.

Но вот по установленному сигналу наша батарея совместно с другими артиллерийскими подразделениями стала вести ответный огонь. Противнику удалось ценой больших потерь вклиниться в боевые порядки нашей обороны. Однако во второй половине дня враг был отброшен с большими для него потерями. На другой день мы перешли в наступление.

Противник упорно сопротивлялся, но с подходом к нам свежих сил ничего не мог уже сделать. Мы заняли много опорных пунктов. Много было уничтожено живой силы и техники противника. Так немецкое командование потеряло всякую надежду перерезать Кировскую железную дорогу и взять Кандалакшу.

За эти бои я был награжден орденом Отечественной войны второй степени и медалью "За оборону Советского Заполярья". После войны я приехал в Верхнюю Пышму и поступил на медеэлектролитный завод. Проработав здесь 22 года, вышел на пенсию. За свой труд награжден медалью "За трудовое отличие".

Б. ЛЕБЕДЕВ, офицер в отставке.
"Красное знамя" № 53, 9.05.1970 г.

БОИ В ЗАПОЛЯРЬЕ

О них рассказ ветерана войны и труда, старшего лейтенанта в отставке Б. К. Лебедева.

"Войну я начал на Кандалакшском направлении в составе 217-го стрелкового полка командиром взвода отдельного дивизиона 120-миллиметрох минометров. На участке нашего фронта сражалась 20-я горная армия фашистов. Условия ведения войны в Заполярье были очень тяжелые. Гранитные скалы и горы с крутыми скатами, ущельями и пропастями чередуются с заболоченными участками. Но, несмотря на это, наш советский солдат выстоял и победил. Потом наш полк с Кандалакшского направления перебросили на Мурманское направление в состав 14-й армии, которой командовал генерал В. И. Щербаков. 14-й армии была поставлена задача сковать гитлеровские войска на участке от губы Большая Западная Лица и перейти в наступление на Петсамо. Наступление проходило в труднопроходимом районе Крайнего Севера. Утром 7 октября 1944 года, после мощной артиллерийской подготовки, 14-я армия перешла в наступление. Была прервана главная полоса вражеской обороны. Наш дивизион поддерживал своим минометным огнем 1-й батальон нашего полка. Конечно, война без потерь не бывает, были и в нашем взводе убитые и раненые. В результате упорных боев войска 14-й армии во взаимодействии с Северным флотом 15 октября 1944 года освободили Петсамо. Таким образом, были созданы условия для наступления к границам Норвегии. При взятии Петсамо я был ранен и отправлен в госпиталь. В госпитале мне был вручен орден Отечественной войны второй степени. В ходе боев в Заполярье советские солдаты проявили массовый героизм, и участники этих боев с гордостью носят нагрудный знак "Ветеран Карельского фронта".

Б. ЛЕБЕДЕВ.
"Красное знамя" № 55, 8.05.1980.

Г. ДЬЯКОВ УЧАСТВОВАЛ В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ

Жителю Верхней Пышмы Дьякову Григорию Ивановичу еще не исполнилось 18 лет, когда он добился отправки на фронт.

В 1942 году артиллерийский полк, где Григорий Иванович служил связистом-телегра-

фистом, участвовал в битве за Севастополь. Здесь он, контуженный, еле живой, после одного из боев, очутился в плену. Что может быть хуже для солдата?.. Но надо жить, жить, чтобы воевать. Побег, только побег — одна была мысль. И ее удалось осуществить.

Когда военнопленных перевозили в Белоруссию, группа, в которой был и Дьяков, совершила побег. Через несколько дней скитаний бежавшие примкнули к своим частям. Голодные, оборванные, еле державшиеся на ногах, как же они были рады встрече со своими?

Вскоре Дьяков был зачислен в пехоту. И снова длинные дни войны, ожесточенные бои с фашистами, бессонные ночи, изнурительные переходы.

Григорий Иванович был тяжело ранен и вышел из госпиталя после длительного лечения в апреле 1945 года, когда война уже подходила к концу.

После войны он приехал в Верхнюю Пышму. С 1967 года его трудовая биография связана с железнодорожным цехом комбината "Уралэлектромедь". Здесь он до ухода на пенсию — до декабря 1983 года — работал грузчиком в комплексной бригаде грузовой службы.

Беседуя с Григорием Ивановичем, мы спросили его, что бы он хотел пожелать комсомольцам и молодежи восьмидесятых.

"Оставаться верными традициям нашего города, свято хранить память о павших в боях за Родину, продолжать дела старшего поколения", — ответил ветеран.

О. СИСИНА, С. МАРТЫНОВА,
учащиеся школы № 22.
"Красное знамя" № 8.22.02.1984 г.

В БОЮ СНАЙПЕР С ИСЕТИ МУХИН

В редакцию пришло письмо от ветерана войны М. Сычева из Кишинева. В 1942 году он воевал вместе со старшим сержантом Михиным, до войны жившем на станции Исеть, в составе 327-й отдельной разведроты 247-й стрелковой дивизии.

Товарищ Сычев пишет: "Приведу один эпизод, в котором участвовал Мухин.

Линия обороны проходила по реке Вазуза. Это на границе между Смоленской и Калининской областями.

25 ноября 1942 года наша дивизия начала наступательные бои, в ходе которых понесла большие потери. Поэтому 14 декабря нашу разведроту тоже бросили в бой. Нам удалось захватить первую линию обороны немцев в какой-то деревушке. Деревни в натуре не было, стояли одни печи и трубы. Это было недалеко от села Хлепень Сычевского района Смоленской области.

Во время этого боя я, Мухин и еще несколько солдат ворвались в немецкий блиндаж. Во время боя рота понесла большие потери. Был убит командир взвода Демиденко, у которого Мухин был помощником.

Вторая линия обороны немцев находилась в 35—40 метрах от первой. И вот у одного подбитого танка я обнаружил замаскировавшегося немецкого снайпера и показал через перископ Михаилу.

В момент, когда снайпер целился, чтобы убить еще кого-то на нашей стороне, Мухин "снял" его, отомстив за своего командира.

Во время немецкой контратаки 16 декабря 1942 года я в этом блиндаже был ранен, а Мухин оставался еще невредим. Возможно, он дожил и до дня Победы.

По поручению совета ветеранов 247-й дивизии прошу помочь отыскать товарища Мухина".

М. СЫЧЕВ,
бывший замполит разведроты.
"Красное знамя" № 39, 30.03.1976 г.

ПАМЯТНЫЕ ДНИ АЛЕКСАНДРА АНДРЮЩЕНКО

Одним из участников Великой Отечественной войны был наш земляк Александр Сергеевич Андрющенко. Он рассказал мне о самых ярких воспоминаниях.

— В моей памяти особенно неизгладимы 3 дня: 22 июня 1941 года, 19 ноября 1942 года и 9 мая 1945 года. Июньским утром голос Левитана оторвал нас, солдат одной из стрелковых частей, стоящих под Москвой, от будничных дел армейской службы. Вместо демобилизации я увидел фронт.

Полк, в котором служил младший сержант Андрющенко, был переброшен в Малоярославец, а спустя месяц, в район Старой Руссы, где шли тяжелые оборонительные бои.

— С ходу пошли в атаку, — вспоминает Александр Сергеевич. — За день шесть раз поднимался батальон. Подступы к городу не отдавали фашистам, хотя из 900 человек в живых осталось к концу дня 75. Я был ранен.

Туманным утром 19 ноября 1942 года на берегах Дона и Волги загрохотала мощная советская артиллерия, взмыли в воздух сотни самолетов. После смертоносной артподготовки в наступление перешли войска Юго-Западного и Донского фронтов под командованием Н. В. Ватутина и К. К. Рокоссовского. В этом наступлении участвовал и А. С. Андрющенко. На исходе этого дня Александр Сергеевич был тяжело ранен и надолго выбыл из строя.

— Но этот день принес мне и радость, — говорит Александр Сергеевич. — Начался разгром фашистских полчищ под Сталинградом, наступил коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Из рук врага была вырвана инициатива военных действий.

9 мая 1945 года — теплый, солнечный день. Он застал Александра Сергеевича в Ржеве, где он служил в запасном полку.

— Радость наша была безмерна. Наконец-то облегченно вздохнул весь мир. Правда, нам не пришлось быть среди тех, кто громил фашистов в их собственном гнезде, но это была и наша победа.

Сейчас Александр Сергеевич, лейтенант запаса, работает слесарем на медеэлектролитном заводе.

И. ЛАРИОНОВ, рабкор.

"Красное знамя" № 54, 7.05.1970 г.

Н. ПЯТЛИН БЫЛ МОРЯКОМ — ПОДВОДНИКОМ

Рабочий ремонтно-механического цеха медеэлектролитного завода Николай Васильевич Пятлин во время Великой Отечественной войны был моряком-подводником.

Отличный работник, специалист высокого класса, один из лучших работников завода — вот кто такой Н. В. Пятлин.

Г. ШАРАФУТДИНОВ.

"Красное знамя" № 106, 5.09.1972 г.

Г. ЮЖАКОВ — ОДИН ИЗ МИЛЛИОНОВ

Среди защитников Ленинграда был и Григорий Николаевич Южаков, в недавнем прошлом рабочий купоросного цеха медеэлектролитного завода.

В войну был автоматчиком.

В одном из боев был тяжело ранен. После выздоровления он кончает училище и становится водителем аэросаней. Теперь Южаков с десантниками совершает смелые рейды в тыл врага.

Однажды попали в засаду. Технику пришлось уничтожить, а самим поодиночке проби-

раться через линию фронта. Почти всю войну прошел Григорий Николаевич, был на многих фронтах.

Участвовал в освобождении Новгорода, Калуги, Смоленска.

Р. МАРКИН.

"Красное знамя" № 23,23.02.1962 г.

В РАЗВЕДКЕ ИВАН КОЛОДКИН.
Воспоминания солдата

Рассказ Ивана Степановича Колодкина, бывшего разведчика 33-й отдельной артиллериской бригады.

"Началась моя военная биография под Ленинградом. Мне только исполнилось семнадцать. Всю войну прошел я в разведчиках- наблюдателях. Из семи человек нашей разведгруппы, сформированной в начале войны, до победы дошли только двое.

Помню первое боевое крещение. Дали нам задание обнаружить замаскированные огневые точки противника. Выложили мы из карманов гимнастерок свои документы —такой уж у нас порядок был. Сдал и я свой новенький комсомольский билет и красноармейскую книжку, вместо них положил в карман листок с именем и домашним адресом.

Был конец декабря. Снега еще не было. Но холод был ужасный. А шли мы по болоту, местами по горло в воде. Выйдешь на сухое место, выжмешь одежду, натянешь обратно на себя и опять лезешь в воду. От холода весь посинеешь, зубы отбивают дробь. Подсушиться бы хоть немного у костра, да какой костер может быть в разведке.

Вообще-то, по таким вот болотам мне всю войну пришлось ползать. Надорвал я на них здоровье. Только война кончилась, пошли по мне фурункулы, да по всему телу. Несколько месяцев болел.

Так вот, иду впервые я в разведку с товарищами. Продвигаемся медленно, стараемся не шуметь — впереди где-то в темноте противник. Слышим впереди слабый немецкий разговор. Видим спрятанные стволы пушек. Отмечаем на карте.

Хоть и очень холодно, но стараемся двигаться как можно тише. Обходим это место и натыкаемся еще на одну огневую точку противника. Нанеся на карту место ее расположения, поворачиваем к своим.

Опять попали почти по горло в воду. Кто-то из товарищей оступается и проваливается в воду с головой, резко выскакивает, хватается за ближайший куст. В тишине раздается предательский хруст сломанной ветки. Что тут началось! Немцы открыли наугад минометный огонь. Все кругом свистит. Взлетают комья грязи. Бросились бежать, куда глаза глядят.

Слышу — рядом где-то свои тоже пытаются вылезти из болота. Прямо над головой жуткий свист, все лицо залепляет грязь. Все же вылезли на сухое место. Но одного не досчитались. Сколько раз впоследствии видел я смерть на дорогах войны, но эта — первая так поразила мены. Еще несколько минут назад мы вытягивали друг друга за руки и вот теперь его нет.

Нашли мы его. Как смогли, схоронили. Опираясь на наши разведданные, тяжелая артиллерия дала фашистам тогда прикурить.

Это было только начало войны. А впереди у меня были Курская битва, Киев, Днепр, Польша, Германия, Чехословакия".

И. С. КОЛОДКИН.

Рассказ ветерана записал В. КАУРОВ.

"Красное знамя", № 74, 22.06.1978 г.

КАВАДЕР 3-Х ОРДЕНОВ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ АЛЕКСЕЙ БЕРДЮГИН

Не раз, не два заглядывала смерть в глаза солдату Бердюгину. Заглядывала и отступала... Когда в октябре 1939 года Алексея Бердюгина призвали на службу в армию, он работал на шахте. Был он парнем невысоким, но крепко сложенным, работать умел и любил. На службу в пограничные войска уходил с твердым намерением непременно вернуться в родные края. Но время распорядилось по-своему. Уже через два месяца Алексей с Дальнего Востока, где начиналась его армейская биография, вынужден был ехать вновь на запад.

После необходимой подготовки пограничники были переброшены на границу с Финляндией. Сразу пришлось принять участие в боях. Тогда шла финская война. Стрелок Алексей Бердягин именно здесь принял первое боевое крещение. После окончания финской войны уральский парень остался нести службу на границе. И вскоре его в числе других отличников боевой и политической подготовки направили на учебу в военное училище. Здесь он и узнал о начале войны с фашистской Германией.

Уже в декабре 1941 года А. Бердюгин получил назначение на фронт командиром взвода разведки. Он принимал участие в сражениях на Северном Кавказе и в Крыму в составе 305-го отдельного стрелкового батальона 83-й Краснознаменной Новороссийской бригады, был настоящим морским разведчиком. За героизм, проявленный на Краснодарской и Крымской земле, Алексей Антонович Бердюгин был удостоен трех орденов Красной Звезды, награжден медалями "За оборону Кавказа", "За боевые заслуги".

— Третий орден, — рассказывает Алексей Антонович, — нашел меня в 60-е годы уже здесь, в Верхней Пышме, куда я приехал более двадцати лет назад.

Работать на шахте Алексею Антоновичу больше не пришлось. После того, как закончилась война, он остался служить в рядах Советской Армии. А уйдя в отставку, пошел работать слесарем контрольно-измерительных приборов на комбинат "Уралэлектромедь". Человек, чьей потребностью стало трудиться, не мог уйти на отдых.

М. МИННИКАЕВ.

"Красное знамя", № 86,17.07.1986 г.

ГАВРИИЛ КИБИРЕВ ЗАЩИЩАЛ НОВОРОССИЙСК

Десять лет проучительствовал Гавриил Васильевич Кибирев в Мостовой.

Командированный 1 августа 1932 года Сталинским районо г. Свердловска на должность заведующего начальной школой № 87 Мостовского сельсовета, он проработал в этой школе до 11 февраля 1942 года, до дня ухода в Красную Армию. Недолго пришлось воевать учителю-солдату. Верный воинской присяге, он стойко держался со своими товарищами под Новороссийском. Тяжело раненый, 11 октября 1942 года сержант Г. В. Кибирев скончался в госпитале в поселке Архипово-Осиповка Краснодарского края, расположенном на побережьи Черного моря.

В центре поселка высится памятник. На надгробной плите отлиты слова: "Здесь похоронены воины Советской Армии, умершие от ран и болезни в дни Великой Отечественной войны 1941-1945 гг." И среди 77 фамилий есть фамилия и нашего земляка—учителя Г. В. Кибирева. На могиле всегда можно видеть цветы. Бережно охраняют жители Архипо-Осиповки и многочисленные приезжие покой тех, кто погиб за их счастье и независимость нашей Родины.

О. ОСТРОВСКАЯ.

"Красное знамя", № 117, 3.10.1970 г.

УЛОВКА ВРАГА НЕ УДАЛАСЬ

Это произошло на Украине в феврале 1942 года. Перед нашими окопами на так называемой нейтральной полосе находилось хлебное поле. На нем то тут, то там раскиданы скирды с осыпающимся уже зерном.

Утром, едва только забрезжил рассвет, и клочья тумана поползли по земле, я, по привычке окинув взглядом поле, обратил внимание на то, что за ночь скирды вроде бы приблизились к линии нашей обороны. Напрягая зрение, стал внимательно вглядываться в них. Мать честная, да, это же ведь замаскированные фашистские танки! Один поближе к нам, недалеко другой. Доложил командиру. Он, осмотрев поле, понял, в чем дело, и даже припомнил, что слышал, как у немцев вчера тягач или трактор работал на малых оборотах. Ночью мы не придали этому значения, а сейчас все стало на свои места. Цель фашистов была ясна: вплотную приблизиться к нашим передовым позициям и внезапно ударить по нашей пехоте. Но этот номер у гитлеровцев не прошел. Наши противотанковые орудия были выдвинуты для стрельбы прямой наводкой в боевые порядки пехоты. После первого же выстрела разлетелись снопы и вспыхнул ближайший немецкий танк. Со вторым танком разделался сам командир.

А. А. КУКЛИН

Рассказ А. А. Куклина записал Ю. АКИЛОВ-ЕЛИН.

"Красное знамя", № 56, 9.05.1980 г.

РЯДОМ С ЮРИЕМ СПИЦЫНЫМ

О бывшем секретаре Верхнепышминского райком комсомола Юрии Евгеньевиче Спицыне, погибшем в боях за Родину, вспоминает Лидия Степановна Соколова-Нефедова — начальник отдела кадров Верхнепышминского автопредприятия: "В январе 1939 г. по семейным обстоятельством мне пришлось оставить школу, не закончив 10-й класс, и искать работу. Семья у нас была большая. По объявлению: "Требуется корректор" я пришла в редакцию газеты "Красное знамя". Газета тогда только начала выходить. Первый номер был выпущен 1 января 1939 года. А уже ленинский номер, 21 января, корректировала я. Редактором газеты работал Александр Анисимович Чистов, а ответственным секретарем — Юрий Спицын.

На всю жизнь запомнился мне день моего 18-летия — 22 апреля 1939 года. Поздравляли меня в редакции очень тепло, а Юрий вручил подарок — небольшую, очень красивую шкатулку работы палехских мастеров.

Александр Анисимович и Юра очень дружили. Каждый выпущенный номер обсуждали вместе. Оба умели не только замечать удачи, но и говорить о недочетах спокойно, без лишней траты нервов.

Помню, Юра часто бывал в цехах, много писал на производственные темы. Проблем хватало. То отложили пуск огнеупорного завода, то задержали по каким-то причинам выплату зарплаты рабочим. По каждому вопросу Юра разбирался серьезно, а потом готовил материал в газету. Часто посылал он свои корреспонденции и в Свердловск, на радио. На полученные гонорары он доставал для нас билеты в театры и на киностудию, так что мы постоянно были в курсе всех новинок культурной жизни.

Юра всегда был человеком увлекающимся и способным увлечь других. Он пел, танцевал, любил стихи, играл в шахматы. Казалась, успевал повсюду. И рядом с ним невозможно было жить спокойной, бездумной жизнью.

...Став секретарем райкома, Юрий продолжал сотрудничать в газете. А потом он ушел в армию, ушел на фронт. По его примеру и я добровольно ушла на фронт. Такими страстны-

ми, патриотическими были его письма, звавшие защищать Родину, что не последовать его примеру, его призыву было невозможно.

Блокадный 1942 год застал меня в Ленинграде. Пришлось пережить многое: обстрелы, бомбежки, холод в нетопленном помещении лесотехнической Академии, где я работала в отделе кадров одного из военных штабов.

Письма Юрия с фронта были тогда для меня настоящей поддержкой.

В 1943 году меня вывезли из Ленинграда и демобилизовали. В том же 1943 году я узнала о гибели Юрия Спицына.

К извещению о смерти была, помнится сделана приписка о том, что он, не долечившись в госпитале после ранения в ногу, снова ушел на фронт.

Таким и запомнился мне Юра — беспокойный ответственный секретарь газеты, мой замечательный товарищ. Жить, как он, следовать его примеру, работать рядом было счастьем".

Л. С. СОКОЛОВА-НЕФЕДОВА.

"Красное знамя", № 3, 6.01.1972 г.

ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ СПИЦЫН

Работал литературным сотрудником газеты "Красное знамя" с 4 апреля по 27 мая 1939 года.

Погиб под Сталинградом.

"Красное знамя", № 155. 30.12.1978 г.

ГОРДИТЬСЯ ИМЕНЕМ ЕГО!

Взяться за перо меня заставил услышанный недавно разговор. Произошел он в молочном магазине по улице Спицына. Одна из покупательниц, лет 35, стоявшая в очереди, с недовольством сказала: "И зачем это нашу улицу переименовали. Кто это Ю. Спицын?" Я ответила ей на это: "Нужно гордиться тем, что ваша улица теперь носит имя этого замечательного человека".

Из этого случая я сделала вывод: несмотря на то, что уже неоднократно городская газета писала о Юрие Спицыне, не все верхнепышминцы еще знают о нем. Мне захотелось тоже рассказать о Юре, которого я хорошо знала.

Приехала я в Верхнюю Пышму — тогда еще поселок Медный Рудник — в 1938 году. Работала в школе, была комсомолкой. Юрий Спицын работал в те годы секретарем райкома комсомола. Это был волевой, энергичный человек, умевший вести за собой молодежь.

Мы часто ходили всей своей комсомольской организацией в клуб, устраивали концерты, участвовали в различных кружках. Юрий успевал везде — и поговорить с каждым, и проверить, кто где работает и как. Был он очень чутким ко всем. Помню, как ласково и заботливо относился он к своей младшей сестре, — мать у них умерла.

Юрий был человеком кипучей энергии. Он умел не только хорошо работать, но и отдыхать так же увлеченно. В нашем клубе на вечерах он частенько пускался в пляс и, глядя на него, никто не мог устоять на месте.

Жить бы да радоваться этому парню. Но грянула война, оборвала нормальную жизнь. С первых же дней Юрий стал проситься на фронт, хотя у него была возможность остаться по брони в тылу. Он сказал: "Я ухожу на фронт, на мое место ставьте женщину!". Его заменила Евдокия Ивановна Панова.

Такой человек, как Юра, мог погибнуть только как герой, иначе я и не мыслю. Он не умел делать кое-как, он отдавал всего себя делу партии.

Сейчас вот уже более тридцати лет мы живем мирной жизнью. И обязаны этим нашим

советским солдатам, таким, как бывший секретарь райкома комсомола Юрий Спицын, ценой жизни своей защитившим Родину и всех нас от врага. Проходя по улице Юрия Спицына, вспомните о нем! Гордитесь его именем! Молодежь должна как можно больше знать о верхнепышминцах, чьи имена носят улицы родного города.

К. БРЕЕВА, пенсионерка.

"Красное знамя", № 140, 25.11.1975 г.

1943 ГОД

РАССКАЗЫВАЮТ ВЕТЕРАНЫ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

Вспоминает Алексей Александрович Корешков

480 верхнепышминцев подали заявления о зачислении их в корпус. С медеэлектролитного завода взяли семерых, в том числе и меня.

Наш корпус принимал присягу 1 мая 1943 года. Отправляясь на фронт, мы дали клятву землякам, что не посрамим чести трудового Урала, не пожалеем крови, а если понадобиться, и самой жизни, ради полного освобождения Родины от фашистской нечисти.

В июле мы вступили в тяжелые бои. Много мы тогда побили фрицев. Много потерь было и у нас. И все-таки мы одержали победу.

Вспоминает Николай Иванович Аксенов

Подавая заявление о зачислении в корпус, я думал: "Как же я в глаза людям смотреть буду после войны, если сам не буду воевать

Конечно, бои на Орловско-Курской дуге памятны всем нам тем, что это было наше боевое крещение. После первых же боев я похоронил у поселка Шаблыкино добровольцев с нашего Пышминского завода: мастера электролитного цеха Александра Партина и восемнадцатилетнего Алешу Салмина. Александр Патрушев с обогатительной фабрики здесь был ранен.

...Первый немецкий город, который мы заняли в январе 1945 года, был город Штейнау. Здесь мы увидели всего несколько жителей, остальное население бежало из города — настолько геббельсовская пропаганда запугала немцев тем, что русский солдат, придя в Германию, не пощадит никого — ни стариков, ни женщин, ни детей. Да, русский солдат в гневе был страшен. Но он никогда не воевал против мирных жителей. Наоборот, наши войска в освобожденных городах организовывали питание, помогали налаживать мирную жизнь. Мы на своей солдатской кухне детей немецких кормили.

Наша бригада участвовала в Берлинской операции, выйдя к Потсдаму. Нам был дан приказ — не пропустить рвавшуюся к осажденной германской столице крупную гитлеровскую группировку. И мы не пропустили врага.

И вот новый приказ — идти на помощь восставшей Праге. Танки со скоростью 45—50 км в час, нигде не задерживаясь, помчались по шоссе — только искры из-под гусениц летели. Мы знали: братскому чешскому народу нужна наша помощь. И она пришла, эта помощь.

9 мая 1945 года первым ворвался в Прагу танк, которым командовал лейтенант Иван Гончаренко из Челябинской бригады нашего корпуса 4-й гвардейской танковой армии генерала Лелюшенко. Этот танк под номером 23 благодарные пражане установили как памятник в столичном районе Смихов.

Воспоминания ветеранов корпуса записала Людмила Николаевна НИКИТИНА.

"Красное знамя", № 30, 10.03.1983 г.

Вспоминает Михаил Семенович Таушканов

Я, верхнепышминец Михаил Семенович Таушканов, родом из Каменск-Уральского района. Там до войны работал в колхозе. В армию призвали в июне 1941 года. Быть бы мне авиатором, да судьба распорядилась по-иному. Нас, курсантов 1-го Ленинградского авиационного училища, эвакуированного в Магнитогорск, неожиданно до окончания срока погрузили в эшелон и отправили в 13-й учебный танковый полк. Так я стал танкистом.

В первом своем бою я участвовал в 1942 году на берегах Дона. Приказ мы получили четкий и ясный: переправиться на правый берег Дона. Немцы же все делали для того, чтобы обратить в крошево прочный лед, сковавший реку. С неба летели не только бомбы, сбрасывались тяжелые свинцовые чушки. Наши саперы срочно наводили понтонный мост. Взвод, в котором был я, проскочил через мост и ринулся вперед. Вдруг немецкий снаряд пробил моторную часть моего танка. Мы же выбрались через люк.

Недолго был я "безлошадным". Взяли заряжающим на другую машину. А 24 января 1943 года при взрыве бензобака мне опалило лицо. Три месяца находился на излечении в санчасти полка. А потом меня направили в танковое училище. После окончания училища был аттестован на командира танкового взвода и направлен в Нижний Тагил для получения танков.

Здесь с марта 1943 года начиналась моя служба в Уральском добровольческом танковом корпусе.

Зиму 1944—45 г. мы встретили в Польше, на Сандомирском плацдарме за рекой Вислой.

Стояли в 25 километрах от передовой. В лесу было не столько сосен, сколько танков. Ведь здесь стояла 4-я гвардейская танковая армия генерала Лелюшенко. Под моим командованием было три танка.

12 января 1945 года наша армия вместе с общевойсковой 13-й армией генерала Пухова и 3-й гвардейской танковой армией генерала Рыбалко двинулась в наступление. Мои танки участвовали во взятии города Кельце. Много здесь побили фрицев. А неподалеку от городка Парадысь случилась поломка. Ночью механик-водитель налетел на крупное дерево. Полетел натяжной каток танка —"ленивец". Пришлось срочно разобрать гусеницу, снять пулемет. Ранним утром начался огонь. Немцы предприняли попытку прорваться. Я дал приказ срочно набросить "ленивец". Завязался короткий бой. Немцы были уничтожены. Бренча гусеницей, мой танк стал догонять ушедшие вперед машины.

А 24 января 1945 года я был тяжело ранен. На несколько месяцев попал в госпиталь. 12 дней был я в январских боях, но за это время мы прошли 500 км с Сандомирского плацдарма на Висле до плацдарма на реке Одер в Германии. И каждый километр фронтовых дорог нам дорогой ценой доставался. Радостную весть о Победе узнал в Кисловодске, где я все еще продолжал лежать в госпитале.

М. ТАУШКАНОВ.

Рассказ ветерана записала Ирина Анатольевна КАЮРОВА.

"Красное знамя", № 30, 10.03.1983 г.

Вспоминает Александр Федорович Комягин

Александр Федорович Комягин — токарь Уральского завода химреактивов, в годы войны в составе Уральского добровольческого танкового корпуса с оружием в руках защищал Родину от немецко-фашистских захватчиков. На Орловско-Курской дуге был ранен. Оправившись от ранения, в 1945 году вернулся на свой завод, к любимому токарному делу. С тех пор с заводом не расставался, а с переводом его из Свердловска в Верхнюю Пышму вместе с семьей переехал в наш город. Он говорит: "1) Наиболее тесно моя судьба переплелась с судьбой Родины в тяжелые годы войны. Тогда я подростком работал на Уральс-

ком заводе химреактивов в Свердловске и очень завидовал ребятам, которым исполнилось 18 лет. Мы все рвались на фронт. Для нас казалось проявлением слабости духа оставаться в тылу, когда страна была в опасности.

И я был счастлив, когда в 1943 году мне удалось, прибавив себе год, попасть в состав Уральского добровольческого танкового корпуса.

Вместе с земляками воевал на Орловско-Курской дуге, где был ранен. Попал в госпиталь.

2) Особенно глубоко осознал, почувствовал гордость за то, что живу в СССР, в День Победы! Я тогда был инвалидом войны 2-й группы, хотя мне не было еще и 20 лет. Казалось бы, нет личных оснований для ликования, но я чувствовал себя тогда по-настоящему счастливым. День Победы обострил во мне чувства долга перед Родиной".

А. КОМЯГИН.

"Красное знамя", 7.11.1982 г.

Вспоминает Алексей Степанович Пономарев

Когда в начале 1943 года на Урале стало известно о формировании добровольческого танкового корпуса, около восьмидесяти заявлений с просьбой зачислить в корпус поступило от трудящихся Пышминского медезлектролитного завода. После тщательного рассмотрения каждого заявления в комиссии, созданной при горкоме партии, от коллектива завода были отобраны лучшие из лучших, и 17 марта добровольцами на фронт ушли Алексей Салмин, Александр Партин, Иван Акулов, Николай Аксенов, Андрей Самохвалов, Алексей Корешков, Малышев.

Одним из бойцов Уральского добровольческого танкового корпуса был Алексей Степанович Пономарев. Вот как рассказывает он о своем участии в боях в составе корпуса.

Узнав о создании Уральского добровольческого танкового корпуса, я решил, что непременно должен в него попасть. Работал я тогда на строительстве тепловой электростанции в Каменске-Уральском и шел мне восемнадцатый год. Выбрав свободное от работы время, пришел в военкомат с заявлением: "Прошу зачислить меня в Уральский добровольческий танковый корпус, буду бить немецкого гада так, как подсказывает мне комсомольское сердце".

Военком прочитал мое заявление и, строго посмотрев на меня, спросил:

— Ты хорошо подумал?

— Да, подумал, я не подведу.

— Ну что ж, иди работай, электростанции тоже строить надо, в тылу тоже нужны рабочие руки. Если понадобишься, мы тебя вызовем.

Через некоторое время я получил повестку. Прихожу в военкомат и здесь узнаю, что зачислен в танковый корпус. В марте 1943 года я уже был в Дегтярске, где формировалась наша 29-я бригада. Здесь мы должны были принимать присягу. Отсюда я сообщил родителям на Медный Рудник о том, что ухожу на фронт, и на принятие присяги ко мне приехала мама. Тогда ко многим моим однополчанам приезжали родственники.

Боевое крещение мы приняли на Орловско-Курской дуге. На рассвете, помню, началась артиллерийская подготовка, а затем — танковая битва, которая перешла в рукопашный бой. Сколько времени продолжался этот ад — сутки, а может быть, и больше? Много товарищей-уральцев полегло тогда. В моей пулеметной роте осталось в живых человек десять-двенадцать. Здесь Гитлер впервые применил новые танки "тигр".

После этого боя мне было присвоено звание сержанта, я стал командовать отделением, обучать молодых бойцов — мы-то уже считались старичками, как же, прошли боевое крещение!

После пополнения в брянских лесах мы снова пошли на передовую, освобождали горо-

да Карачев, Каменец-Подольский, Львов... Вспоминаю упорные уличные бои во Львове. Противник цеплялся за каждый дом. Я в то время был командиром управления связи при минометной роте. Мне приходилось вместе с командиром роты выбирать наблюдательный пункт как можно ближе к противнику, так, чтобы эффективнее вести минометный огонь. В мою обязанность входило обеспечить надежную связь батареи с НП. Именно за эти бои я был награжден орденом Красной Звезды.

Помню другой эпизод, когда я участвовал в десанте. Нас посадили на танки, и на полной скорости они двинулись к городу, который наше командование, видимо, решило взять штурмом. Сильным артиллерийским огнем противник остановил наш танк. Мы были вынуждены оставить подбитую машину и искать удобное место для ведения огня. Я вскочил во вражеский окоп. Там оказался немецкий офицер. Застигнутый врасплох нашим внезапным наступлением, он счел за самое лучшее поднять руки вверх. Я доставил его к своему командованию.

Отличилась наша бригада и в сражении за город Унечу. Совместно с танкистами мы рано утром захватили город. Тогда-то бригаде было присвоено наименование Унечской. Здесь меня ранило. Я был представлен за участие в этих боях к награждению орденом Отечественной войны первой степени.

После освобождения территории Советского Союза наш путь лежал на Берлин. Форсировав реку Одер, я вместе с группой товарищей организовал оборону на берегу противника. Этим мы позволили нашим основным силам занять плацдарм для развития боевых действия. За эту операцию вся наша группа, которая первая переправилась через реку, была представлена к наградам, я — к ордену Славы третьей степени.

Героический боевой путь прошел Уральский добровольческий танковый корпус в годы войны, закончив ее в Праге.

А. С. ПОНОМАРЕВ.

Рассказ ветерана записала Людмила Николаевна НИКИТИНА.

"За медь", №18, 7.05.1992 г.

Вспоминает Шагит Закиевич Газизов

В составе Уральского добровольческого танкового корпуса воевали и 75 трудящихся из Верхней Пышмы и рабочих поселков, в том числе комсомолец-взрывник медного рудника Шагит Закиевич Газизов, чьи воспоминания только об одном бое мы сегодня публикуем. Вместе с Ш. Газизовым бойцами корпуса тогда стали комсомолец Александр Рябков, машинист рудоподъемника с шахты "Центральная", комсомолец Алексей Самохвалов, флотатор с обогатительной фабрики, Иван Акулов, Алексей Корешков, Николай Аксенов, Мартынов с медэлектролитного завода и многие другие.

Поседели ветераны, поседел и Шагит Закиевич. А вот бой за станцию Волочиск на Украине он хорошо помнит. Той ранней весной 1944 года Ш. З. Газизов был командиром отделения танковых пулеметов в 61-й гвардейской Свердловской танковой бригаде.

"В первых числах марта 1944 года командование бригады получило задание: прорвать оборону врага, занять станцию Волочиск, перерезав тем самым шоссе и железную дорогу Проскуров-Тернополь, занять там круговую оборону и удерживать этот важный пункт до подхода главных сил корпуса, беря весь огонь на себя.

Рано утром двинулись вперед. Мели мартовские метели пополам с дождем. Но уральским танкистам было все нипочем. Несмотря на артиллерийский и минометно-пулеметный огонь, они сумели прорвать оборону врага и к полудню ворваться на станцию Волочиск и в пристанционный поселок Фридриховку. Появление наших танков вызвало у врага страшную панику. Бросая автомашины, застрявшие в грязи, гитлеровцы бросились бежать пешком.

Задачу бригада выполнила: станция Волочиск и поселок Фридриховка оказались в на-

ших руках. Два десятка различных складов с оружием, боеприпасами, продовольствием, сотни автомашин, тракторов и тягачей оставили отступавшие. На путях остался неразгруженный эшелон "тигров". Только с завода. Так они и стояли на платформах. Рядом стоял эшелон с тракторами. Еще дальше эшелон с боеприпасами. И все это попало в наши руки.

— А мы вблизи станции стали окапываться, занимать круговую оборону. И враг не заставил себя ждать. Слишком уж важен был для противника тот населенный пункт. Со стороны Тернополя подошел немецкий бронепоезд, но наши танкисты сумели разбить его. На наши позиции враг двинул танки, за танками шла пехота, и в большом количестве. Одну атаку удалось отразить. За ней последовали другая, третья. Раскалились стволы пулеметов. Уже на исходе были боеприпасы. Командир послал меня в штаб бригады за подмогой.

"Скоро, скоро будут, основные силы на подходе!" — успокоили меня. Дали мне с десяток бутылок с зажигательной смесью и отправили к своим. Здесь многие уже оказались ранеными, появились и убитые. А "тигры" свободно "разгуливали", утюжа наши окопы. Но у наших ребят были вырыты глубокие окопы, и вражеские танки не сумели раздавить их. И тут среди ночи мы начали охотиться за "тиграми". Вдвоем со свердловчанином Захаровым подстерегли-таки один танк, забросав его бутылками с зажигательной жидкостью. Машина ярко вспыхнула. Танки врага горели и на соседних участках.

Шесть суток продолжался этот бой. У наших автоматчиков пошли в ход трофейные винтовки и пулеметы. Особую смекалку проявил в этих боях один из наших танкистов. Он сумел сгрузить с платформы один из немецких "тигров" и двинулся на нем в бой, сумев подбить несколько вражеских танков. В бою за Волочиск мы потеряли почти все танки, потеряли много людей, но станцию удержали.

Были дожди, шел снег, все дороги развезло, но помощь все-таки пришла. По непролазной грязи, сломив сопротивление врага, наши танки с пехотой и артиллерией пришли к нам на помощь. Раздались крики "Ура", радости нашей не было предела. Но много было и горечи за павших товарищей, за совсем юных парней с Урала. Ночью похоронили в двух больших братских могилах погибших в этих боях, а наутро двинулись дальше за отступающим противником.

На пятые сутки вышли к Каменец-Подольску, замкнув кольцо окружения вокруг нескольких немецких дивизий. Опять шли дожди со снегом, опять развезло дороги, и враг не прошел. Подошедшие части завершили разгром противника".

Ш. ГАЗИЗОВ.
Рассказ ветерана записал В. ГРИНЕВИЧ.
"Красное знамя", № 34, 21.03.1978 г.

ДОБРОВОЛЬЦЫ УРАЛЬСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

В числе воинов-добровольцев Уральского танкового корпуса были и наши земляки. Так сотрудники Верхнепышминского исторического музея установили, что в период формирования корпуса в райком ВЛКСМ, в райвоенкомат было подано более одной тысячи заявлений. Но только на одно из каждых десяти накладывалась резолюция —зачислить.

Первый бой корпус принял под городом Болховом. В братской могиле в деревне Борилово захоронены верхнепышминцы Александр Партин и Алексей Салмин и среднеуралец М. Д. Коновалов.

Н. И. Аксенов, А. А. Корешков, Ш. Газизов, А. С. Пономарев, Н. А. Лукоянов, И. Н. Захаров, А. Ф. Комягин, М. С. Таушканов живут в Верхней Пышме.

Недавно приехал в Верхнюю Пышму М. К. Воробьев.

З. ЧУПРАКОВА.
"Красное знамя", № 151, 18.12.1982 г.

ОЛЬГА ГАЙФУЛЛИНА БЫЛА ОПЕРАЦИОННОЙ СЕСТРОЙ ФРОНТОВОГО ГОСПИТАЛЯ

Медсестра хирургического отделения Верхнепышминской поликлиники Ольга Васильевна Гайфуллина с 1943 года и до конца войны была операционной сестрой фронтового госпиталя, в 15—20 километрах от переднего края.

А во время Курской битвы летом 1943 года их госпиталь находился в семи километрах от деревни Прохоровки, стоящей на направлении главного удара.

Ольга Васильевна как сейчас помнит переполненные ранеными фронтовые "летучки", напряженные фронтовые будни, когда стоять у стерильного стола ей приходилось столько, сколько нужно.

...Украина, Сандомирский плацдарм, р. Одер, Дрезден и Прага стали боевыми вехами младшего лейтенанта медицинской службы. ...Душевность, теплота, доброе отношение к людям — вот основные качества Ольги Васильевны. А сейчас к медали "За победу над Германией" добавилась еще одна — "За доблестный труд".

В. МИХАЙЛОВ.

"Красное знамя", № 47-48, 22.04.1970.

КОНСТАНТИН УШАКОВ СНОВА В СТРОЮ

Дружно, счастливо жили молодой механик автогаража ПМЭЗ Константин Никанорович и работница завода Екатерина Витальевна Ушаковы. Но грянула война... Глава семьи ушел на фронт.

Осталась Катя с тремя малолетними детьми на руках. Тяжелые то были годы. ...Письма с фронта приходили бодрые, успокаивающие. Но недолго. Вдруг они прекратились! Ожидание стало тревожным. И когда пришло письмо, написанное ученическим почерком, женщина со страхом вскрыла его. С письмом этим на семью обрушилось большое горе. Там сообщалось, что Константин горел в танке, теперь лежит в госпитале. У него ампутированы обе руки. Он ничего не видит и не говорит.

Кто может измерить длину бессонных ночей? Одна подушка знает, сколько было пролито слез, но она ведь предмет неодушевленный. А утром надо было вставать и идти на работу. Не хотелось, чтобы и дети видели, как убивается мать.

Чтобы как-то поддержать мужа, Екатерина Витальевна ежедневно писала ему письма. Когда привезли Константина домой, сопровождавшая его медсестра сказала: "Это ваши письма помогли ему поправиться быстрее других".

Но легко сказать — поправиться. Выздоровление шло очень медленно. Зрение и речь возвратились, но больному нужен был уход, посторонняя помощь и повседневная, ежечасная моральная поддержка.

Долгие месяцы прошли, пока зажили раны, восстановилось душевное равновесие. Только одна Екатерина Витальевна знала, каких это стоило усилий. Она оставила работу и делала все, что только было в силах, чтобы утешить мужа, вернуть ему уверенность в свои силы. Тяжелые раздумья о будущем одолевали порой, но муж не слыхал от нее жалоб, не видел подавленности. И Константин начал приходить в себя, успокаиваться.

Но коммунист Ушаков не мог усидеть дома. Он пришел в свой коллектив и попросился на работу. Только теперь, когда он снова вернулся к своему любимому делу и стал работать мастером в механическом мастерских автобазы, Константин Никонорович почувствовал, что еще может приносить пользу.

Хочется сегодня сказать несколько теплых слов и о той, которая помогла вернуться ему, инвалиду первой группы, в строй — о верной, любящей жене, надежном друге — Екатерине Витальевне. Вот уже 16 лет, как за малым ребенком, ухаживает она за мужем. Никому ни-

когда не доверит умыть, одеть, накормить его. Ее руки стали и его руками. ...Незаметен самоотверженный труд этой скромной женщины, но как он велик! Она вернула к жизни человека, и не просто к жизни, а в трудовой строй! А разве не все она сделала, чтобы всегда был теплым семейный очаг, чтобы их дом не покидало счастье и радость, чтобы дети выросли хорошими.

Н. ГОЛУБЕВА.

"Красное знамя", № 56, 10.05.1961 г.

ЧЕЛОВЕК НЕ СДАЕТСЯ

* * *

Возле леса дымилась "тридцатьчетверка". Это была одна из машин танковой роты, в которой служил Константин Ушаков. Уже два раза батальон, одно из подразделений 29-го танкового корпуса, прорвавшегося к городу Миллерово, был вынужден отступить перед шквалом артиллерийского огня. К вечеру в штаб 1-й бригады поступило донесение разведки, из которого можно было заключить, что Миллерово — сильно укрепленный пункт гитлеровской обороны.

Батальон выстроили в лесу. Перед измученными усталостью танкистами появились представители штаба. Комбат Мясников разъяснил бойцам обстановку.

"Другого выхода нет. Остается разведка боем. Кто желает пойти?" "Пойти" — это обычное слово теперь звучало так: пойти на смерть. Нужен был экипаж, который, ворвавшись в город, подставит себя и машину под ураганный огонь гитлеровских орудий, чтобы наши наблюдатели смогли засечь их расположение. Несколько секунд длилось молчание. Затем 12 человек вышли из строя и с ними Константин Ушаков. Полковник из штаба внимательно посмотрел на каждого и подошел к Ушакову. "Семья есть?". "Трое детей". "Давно водителем?" "Был в танковой школе инструктором. Не подведу". "Коммунист?", "Комсомолец". После короткого совещания с комбатом полковник вновь обратился к Константину: "Кого возьмешь в напарники?" Ушаков оглянулся и заметил едва уловимый знак товарища, с которым не раз ходил в разведку. "Сержанта Белова". "Ну ладно... Документы сдайте командиру взвода".

* * *

...Около трех часов ночи Ушакова разбудили. Через башенный люк в танк впрыгнул Белов.

По карте, просмотренной накануне, Ушаков точно выучил свой маршрут. Ворваться с западной стороны. Проехать по улицам, до площади. Развернуться возле синагоги. Обогнуть квартал, возвратиться соседними улицами.

Взревел мотор. Промелькнули последние деревья. Грохоча гусеницами, танк устремился вниз, в ложбину. Вот и окраина. Машина летит со скоростью семьдесят километров в час. Перед глазами беспорядочно прыгают дома, перекрестки. Впереди взрывается мостовая. Осколки лупят по броне. "Тридцатьчетверка" вздрагивает от ответного выстрела — в башне работает Белов. Дым от разрыва на секунду скрывает танк от гитлеровцев. А по машине стреляют уже со всех сторон. Уже трудно что-то различать. В глазах — сплошное бушевание огня. Откуда-то справа выпрыгивает силуэт синагоги. Разворот. Визжит срикошетивший от брони снаряд...

Когда танк Ушакова вернулся в лес, механик-водитель был почти без сознания. Из ушей, рта, заливая лицо, лилась кровь. Танк выжил чудом: фашистские артиллеристы не оставили на нем ни одного живого места. Шанцевый инструмент, запасные траки, которые Константин навешал на броню "для прочности", все было сметено напрочь. Назавтра Миллерово стало нашим. Через 4 дня, когда Ушаков выписался из санчасти, догнал свое подразделение и занялся ремонтом машины, его вызвал комбат.

"Заполняю на тебя наградной лист". А потом на глазах у танкистов отвинтил со своей гимнастерки орден Красной Звезды и прицепил его на грудь Ушакову.

* * *

В начале 1943 года на фронте распространились слухи о "чуде" гитлеровской техники—танке "Тигр". Фашисты усердно рекламировали неуязвимость этого танка, разбрасывая ночами листовки с самолетов. Они рассчитывали посеять панику в рядах советских бойцов. Наше командование решило организовать дерзкую операцию — проникнуть в расположение гитлеровцев и добыть хотя бы одного "тигра", чтобы проверить боевые и технические качества этого "зверя". В группу захвата отобрали самых надежных, отважных и опытных бойцов. Среди них оказался и старший сержант Ушаков вместе со своим товарищем — сержантом Беляевым.

Целую неделю участники операции изучали карты местности, готовились к длительному походу. Несколько "тигров" разведка заметила в районе города Купянска.

Разделившись на три группы, двинулись к Купянску.

* * *

Переход был трудным. Не однажды бойцы сталкивались с немецкими засадами, приходилось отстреливаться. Наконец, трое разведчиков, высланные вперед, сообщили, что "тигры" обнаружены. Гитлеровские машины, прикрытые маскировочными сетями, стояли на опушке леса. Их было три. Охранялись они двенадцатью часовыми, которые сменялись каждые два часа. Вместе с товарищами Ушаков немало времени пролежал на сырой, холодной земле, наблюдая за караулом. С этой стороны часовых было двое. Они шли навстречу друг другу, встречались на полпути, а дошагав до конца, поворачивали. Несколько секунд они находились спиной друг к другу. Это был удобный момент для броска. По плану, разработанному командирами к вечеру, этот момент должен был стать для фашистов роковым. Константин Ушаков попал в четверку, которой поручили снять часовых со стороны опушки. Едва часовые разошлись, как бойцы бесшумно кинулись на них. Одного Белов прикончил ножом, другого "утихомирили" два бойца, заткнули ему рот кляпом. А Ушаков уже проник в танк, сел на место водителя. Включил осветительный плафон и растерялся. Перед глазами — система кнопок, в которой было трудно что-либо понять. Чтобы разобраться в ней, нужно было время. А его в обрез. Со всех сторон слышались голоса разведчиков, вязавших охрану. — Ну что тут у тебя? — спросил Беляев, заглянув в щель. — Не заводится? — Да тут сам черт не разберет! — Константин упорно нажимал все кнопки подряд, но безуспешно. К счастью, караул состоял из экипажей танкистов. Переводчик, одетый в немецкую форму, узнав об этом, потребовал, чтобы механики-водители заняли свои места. Двое подчинились, третий стал сопротивляться, и это кончилось для него плохо.

— Придется один "тигр" взять на буксир, — сказал командир группы. Под дулами пистолетов немецкие водители завели танки. Ушакову казалось, что он подвел товарищей, командование, которое надеялось на него. Другие наши водители оказались не в лучшем положении, но это его не успокаивало... Один из опытных водителей бригады! Почитай, все танки водил — советские, американские, английские "черчилли", а тут... не справился. И хотя вины за ним, в сущности, никакой не было, Ушаков переживал остро и болезненно.

О захвате тигров сообщили по радио. С той стороны фронта участникам операции ответили: "Ждем!" Но едва танки прошли немецкую передовую, как гитлеровцы, смекнув, в чем дело, открыли огонь из орудий. Вот уж где пригодилась немецкая броня! Она оказалась действительно непробиваемой для обычных противотанковых снарядов.

Все три "тигра" благополучно пересекли опасную зону. Участников операции представили к наградам. Вскоре грудь Константина Ушакова украсил еще один орден —орден Славы III-й степени.

А "тигры" были отвезены на полигон, где их осмотрели представители командования и

конструкторы. И советские воины узнали об уязвимых местах этих хваленых "стращилищ" и способах их истребления.

В боевой биографии отважного танкиста-водителя Ушакова много случаев, когда этому человеку пришлось проявить храбрость, силу духа. Но один эпизод надолго остался у него в памяти.

Было это на Курской дуге в танковом сражении под Прохоровской, когда Ушаков таранил вражескую машину.

...На узком участке трижды перепаханной снарядами земли между рекой Псел и железнодорожной насыпью схлестнулись две бронированные лавины. Грохот орудий переходил в сплошной гул. Казалась, над степью повисло море огня. Ушаков вел свой танк по склону небольшого холма. В это время с другой стороны возвышенности внезапно выполз приземистый, как черепаха, фашистский танк. Ствол его грозно поворачивался. Секунды промедления могли бы погубить весь экипаж.

— Ну, нет, — проскрежетал зубами Константин. — Не возьмешь, гад... "Тридцатьчетверка" стремительно рванулась с гребня холма на врага. Удар пришелся по гусенице гитлеровской машины. Хрустнули траки, и немецкий танк отбросило в сторону, завертело на месте. Сила удара была настолько велика, что многотонный Т-34 несколько метров промчался на правой гусенице и лишь потом осел на левую гусеницу.

Из тяжелого боя экипаж вышел невредимым. И в этом большая заслуга Константина Ушакова.

Один из боев под Белгородом стал для него последним. При атаке вражеских позиций снарядом была пробита броня. В живых остался после взрыва только Константин. Сдирая с себя горящее обмундирование, он выполз из танка и оказался в кольце фашистов.

— Рус, сдавайся! — кричали они.

Собрав последние силы, Ушаков отполз в рожь. "Не сдамся", — стучало в голове, хотя истекающий кровью, почти ослепший боец уже не мог сопротивляться. В этот момент к траншеям гитлеровцев подошли легкие советские танки. Наша пехота завязала рукопашный бой. Пока шла схватка в окопах, танкисты подобрали тяжело раненого воина.

Врачи спасли Ушакову зрение, но обе руки пришлось ампутировать почти до локтей. Константин Никонорович вернулся домой в Верхнюю Пышму. Шел всего третий год войны, а он уже навсегда покинул строй... Теперь в жизни остались только участливые хлопоты родни да соболезнующие вздохи соседей. Покинул строй? Нет! Он еще пригодится фронту, стране, людям!..

Почти полгода, ухватив обрубком руки неподатливую ручку, Константин Никонорович учился писать. Заботливо за ним ухаживала жена Екатерина Витальевна, поддерживала в трудные минуты, когда затекало плечо, ломалось перо... Снова и снова садился бывший боец к бумаге и, наконец, добился своего.

С 1944 года Константин Никонорович работает на Верхнепышминской автобазе — сперва по ремонту машин (пригодились знания), а потом техником по технике безопасности. Он ведет большую общественную работу: является заместителем секретаря партбюро, членом месткома, председателем группы содействия партгосконтролю, представителем общественного отдела кадров... Коллектив автобазы его уважает и ценит, как одного из лучших работников.

Да, Констнатин Никонорович Ушаков не покинул строй, не сдался, он снова в гуще жизни.

Ю. ЛОБАНЦЕВ.

"Красное знамя", № 58-59, 15.08.1965 г.

ЖИЗНЬ-ПОДВИГ КОНСТАНТИНА УШАКОВА

С ним, коммунистом, человеком, жизнь которого является образцом служения Родине, я познакомился в управлении Верхнепышминского автопредприятия. За столом с бумагами работал человек... без обеих рук. Он писал. Это был Константин Никанорович Ушаков — инженер по технике безопасности автопредприятия, бывший механик-водитель танка Т-34 29-го танкового корпуса.

Свой танк под номером 118 с правой стороны башни Константин Никанорович получил на Урале в ноябре 1941 года. Сделанная из добротной уральской стали, эта машина с честью прошла по дорогам войны. Десятки гитлеровцев нашли свою погибель под его гусеницами, много вражеской техники уничтожил он.

На этом танке Константин Никанорович громил гитлеровцев под Москвой на Волоколамском шоссе, участвовал в освобождении Волоколамска, Ржева, Воронежа, станций Лиски, Кантемировки и Миллерово, сражался под Сталинградом, освобождал Котельниково и Ростов-на-Дону. В сражении под Прохоровкой экипаж "тридцатьчетверки" уничтожил вражеское самоходное орудие "Фердинанд", раздавил противотанковое орудие врага и тягач, участвовал в танковом таране.

Вот как рассказывает об этом Константин Никанорович:

"Наши танки шли в три эшелона. Я был в первом эшелоне. Когда мы оказались на бугре, в низине, под горой увидели шедшие навстречу нам вражеские танки. Стреляя на ходу, машины сближались. Прямо на меня двигался равный моему по силе и весу вражеский танк "Т-7". Мое преимущество было в том, что я двигался с горы, а он в гору. И я решил таранить его, испытать силу удара своей "тридцатьчетверки". Но когда остались считанные метры, немецкий танкист не выдержал и сделал отворот в сторону. Сила удара нашего танка пришлась в левую гусеницу. Она рассыпалась. Фашист закрутился на месте. Дело завершил орудийный выстрел из нашего орудия".

...Беда пришла 21 июля 1943 года в районе Белгорода, когда внутри танка, за рулевым управлением которого находился гвардии старший сержант К. Ушаков, разорвался вражеский термитный снаряд.

"Я сразу же лишился сознания, — вспоминает Константин Никанорович. — Но через некоторое время сильная боль в шее привела меня в чувство. Открыл глаза и прямо перед собой увидел открытый люк. Вывернулся со своего сиденья, попытался открыть передний люк. И тут почувствовал сильную боль. Кисти рук были оторваны при взрыве снаряда, пальцы сгорели, горела и кожа рук. Именно это, по-видимому, и задержало сильное кровотечение. Не имея сил открыть передний люк, я с огромным трудом приподнялся, выбрался через верхний люк, перевалился за борт и оказался на земле в дыму горящего танка.

Я сразу же бросился в высокую пшеницу. Уже слышались голоса подходивших немецких автоматчиков: "Рус, сдавайся! Рус, сдавайся!". Слева у меня были три ручных гранаты-лимонки, с правой стороны — пистолет, но применить их я не мог. Ведь рук-то не было. Горел комбинезон, горел и танковый шлем. Я долго полз в пшенице, все время меняя маршрут то право, то влево, чтобы не засекли немцы.

Приподнялся, когда услышал шум наших легких танков. Тогда я встал в полный рост, поднял обгоревшие руки и, ничего не видя перед собой, пошел на шум идущих танков. Меня, по-видимому, заметили, узнали. Один из танков развернулся, остановился. Меня положили на броню и, придерживая, отвезли в полевой госпиталь. А одежда продолжала гореть. Когда привезли в госпиталь, ко мне боялись подойти, опасаясь взрыва гранат (их до этого не сняли). Когда разрезали ремень на комбинезоне и отбросили в овраг, раздался взрыв. Огонь все-таки сделал свое дело. Я снова лишился сознания. Пришел в себя на вторые сутки, когда стали делать операцию".

И потекли госпитальные будни. Мучили мысли: Что делать?". Но твердый уральский характер (родился Константин Никанорович Ушаков в нашем городе, бывшем поселке Медный рудник, в семье рабочего-горняка), поддержка жены, друзей и родных и твердая коммунистическая убежденность (он — первый пионер Верхней Пышмы и первый пионервожатый, член первого райкома комсомола поселка, коммунист с июня 1944 года) заставили его поверить в свои силы и жить, и жить. Константин Никанорович начал работать , почувствовал себя человеком нужным.

Прошли годы. Но Константин Никанорович по-прежнему работает, и не только работает. Активное участие он принимает и в общественной жизни. Как человек принципиальный, он пользуется авторитетом и уважением своих товарищей по работе. Он бичует пьяниц в стенгазете своего предприятия, борется с прогульщиками. Не всем это нравится, но таков уж Константин Никанорович. Мириться с подобными вещами он не может.

Председатель товарищеского суда автопредприятия, член группы народного контроля, общественный автоинспектор — уже одно простое перечисление его общественных обязанностей говорит о многом. "Константин Никанорович Ушаков — прекрасной души человек, — говорит о нем Нина Власовна Голубева, одна из старейших комсомолок нашего города. — Я его знаю с 1931 года. Вместе были в одной комсомольской организации. Это очень сильный, волевой человек, настоящий коммунист. Это образец для очень и очень многих".

Этими словами я и хочу завершить небольшой рассказ о настоящем человеке и коммунисте — Константине Никаноровиче Ушакове. Доброго Вам здоровья и еще долгих лет жизни, дорогой Константин Никанорович!

В. ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", № 56, 9.05.1974 г.

ВРАГ НА КУРСК НЕ ПРОШЕЛ

В числе участников выдающегося события Великой Отечественной войны — Курской битвы — был верхнепышминец Иван Сергеевич Дербенев. Печатаем его воспоминания.

В период боев на Курской дуге я находился в технической части 22-й танковой бригады (позднее — 40-я гвардейская танковая бригада 1-й танковой армии).

Утром 5 июля 1943 года началось наступление немецкой армии на Белгородско-Курском направлении. Фашистское командование ставило целью замкнуть кольцо Курской дуги и взять в окружение наши войска. Под Обоянью, где располагалась наша танковая армия, сосредоточились большие силы — по данным разведки только танков всех типов на этом участке было несколько сотен.

Натиск врага был чрезвычайно велик, однако наши танкисты и другие рода войск героически отражали его атаки, не давали продвинуться вперед. О мужестве наших воинов говорит, например, такой факт. Фашистский "тигр" прорвался в наши позиции и беспощадно бил из пулеметов и пушки. Попытки подбить гитлеровскую машину оказались безуспешными. Тогда экипаж Т-34 нашей бригады пошел на таран "тигра" и уничтожил его. Командиру и механику-водителю нашего танка за этот подвиг посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Семь дней и ночей шли беспрерывные ожесточенные бои. Воздух был насыщен дымом: горели танки, самолеты. Наши войска, уничтожая живую силу и технику врага, твердо защищали свои рубежи.

В эти дни я занимался учетом танков, принимающихся участие в боевых действиях, и эвакуацией в поля боя поврежденных машин. Кроме того, в мои обязанности входило регулярное сообщение командованию о наличии нашей боевой техники. Выполнять эту работу приходилось под огнем противника, подвергаясь смертельной опасности. Наши поврежден-

ные танки выводились с поля боя, ремонтировались в условиях ремонтной базы бригады и возвращались в строй. За обеспечение своевременной эвакуации поврежденных машин и сообщения о наличии в строю боевой техники я был награжден орденом Красной Звезды.

12 июля наступил перелом в битве под Курском. Гитлеровское командование вынуждено было отказаться от своего плана окружить и уничтожить советские войска на Курском выступе и принимать срочные меры по организации обороны. Наши войска перешли к преследованию противника. Если за семь суток наступления в июле на отдельных участках гитлеровцы продвинулись вперед на пятнадцать километров, то наши войска, прорвав вражескую оборону, только за один день, 5 августа, прошли до шестидесяти километров.

5 августа были освобождены города Орел и Белгород. В ознаменование большой победы столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов двадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий. Это был первый за время Великой Отечественной войны победный салют.

И. ДЕРБЕНЕВ.

"Красное знамя", № 108, 9.09.1978 г.

ПОГИБ ПОД БЕЛГОРОДОМ

Мой брат Сергей Александрович Белорусов до войны работал в литейном цехе медеэлектролитного завода. Был он веселый парень, очень любить петь песни. Накануне отправки в армию он пел на вечере в старом клубе "Цветмет".

Он очень хотел стать летчиком. Но судьба распорядилась по-другому. И вот он — танкист, механик-водитель. Это было в 1940 году.

Началась война. Письма Сергея с фронта были полны ненависти к врагу. Последнее пришло из-под Курска.

...Прошло 30 лет. И я написала в Курск. И вот я держу в руках пакет из Белгородского облвоенкомата. Подполковник Глущенко сообщает, что мой брат Сергей похоронен в братской могиле села Стрелецкого Белгородской области.

Далее в письме подробно сообщается, как можно доехать до села.

Вот такое сообщение получила я через тридцать лет. Я очень благодарна курянам за их участие в поисках могилы моего брата. И я обязательно побываю на могиле Сережи и его боевых товарищей.

М. ПЯТЛИНА, пенсионерка.

"Красное знамя", № 18, 11.02.1975 г.

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

Василий Павлович Ревтов известен верхнепышминцам как горячий патриот своего города. Много лет он возглавлял городское управление коммунального хозяйства. Да и позднее, будучи на пенсии, не раз привлекался к работе на этом труднейшем участке городского хозяйства в его наиболее напряженные периоды, когда надо было решить такие жизненно важные проблемы, как улучшить снабжение водой, теплом, подготовить город к зиме и т. д. Но мало кто знает, что у этого человека есть особые заслуги перед Родиной и народом, отмеченные боевыми орденами — Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

В мае 1942 года Ревтов в числе двенадцати своих сверстников с уральского прииска "Синий шихан" был призван в армию. Молодых шахтеров направили в Гурьевское пехотное училище. Свои первые экзамены на знание военного дела и гражданина Страны Советов они сдавали в боях под Сталинградом.

В должности помощника командира взвода станковых пулеметов Василий Павлович при-

нимал участие в одной из тяжелейших битв, вошедшей в историю под названием Курской.

Два месяца 1943 года, апрель и май, шла подготовка к летней кампании. Все ожидали, что немцы скоро пойдут в наступление, поэтому пулеметчики время зря не теряли. Осваивали новенькое вооружение: автоматические винтовки с оптическим прицелом, противотанковые ружья, ручные пулеметы, знакомились с новыми типами танков противника "Тигр", "Пантера", штурмовой самоходной установкой "Фердинанд", отрабатывали приемы боя с танковым десантом.

Как ни готовились, а встреча с врагом произошла внезапно. Ночью четвертого июля подразделение Ревтова было переброшено ближе к фронту, к селу Скородное, расположенному между станцией Прохоровкой и городом Обоянью. А в ночь на пятое число началось наступление немцев в направлении на Обоянь.

10 июля Ревтов принял под свое командование отделение истребителей танков из 32-х бойцов с двумя станковыми пулеметами. Перед ними была поставлена боевая задача — занять высоту по указанному ориентиру. И сегодня Василий Павлович помнит цветущую рожь, через которую его бойцы шли в атаку, тот свинцовый град, сыпавшийся на них с высоты. Но и на занятой высотке было не легче. Не успели расположиться в полуразрушенных окопах, как противник открыл огонь из артиллерии, бросил на горстку солдат самолеты, которые сбрасывали на их головы десятки бомб, гранат, каких-то бочек, при падении издающих жуткий визг. А утром на рассвете из балки в пойме реки, которая с высоты не простреливалась, стали выползать танки с крестами, шесть из них взяли курс на высотку, на которой расположилось отделение Ревтова.

— Мы стреляли, стараясь отрезать пехоту от танков, — рассказывает Василий Павлович. — Это нам удалось, противник отступил назад в балку. На поле остались четыре подбитых танка, а два свернули в лесопосадку, левее зоны нашего обстрела.

Второй день никто из защитников не ел и не пил, но о еде даже не вспоминали. Слишком велико было напряжение. Не успели опомниться после первой танковой атаки, как под вечер пришлось отражать вторую — на этот раз на высоту двинулись около 40 танков... Шахтеры с рудника "Синий шихан" сражались бок о бок, поддерживая друг друга. Они договорились между собой, что тот, кто останется в живых, обязательно напишет домой родным и сообщит им обстоятельства смерти. Первое такое письмо пришлось отправить на родину Ивана Крыгина. В этом бою из защитников высоты под хутором Веселым остались в живых единицы, и то их спасла наступившая ночь.

12 июня по приказанию командира полка Соловьева Ревтов собрал в окопах и близлежащих перелесках 17 бойцов, оставшихся от роты. Из них сформировали взвод. А так как офицеров в живых никого не осталось, ему и поручили командование этим взводом. Задача — удержать позиции до подхода на помощь танковой армии. А как ее выполнить — дело командира.

— Прежние окопы были полуразрушены, полны трупов. Кроме того, они были пристреляны немецкой артиллерией и авиацией, — вспоминает Ревтов. — И я принял решение окопаться заново позади предыдущей линии окопов.

Это было верное решение, так показал бой, потому что основной удар гитлеровской артиллерии пришелся по пустым окопам, и силы бойцов были сохранены. Они приняли удар полсотни танков, двинувшихся в наступление вслед за артподготовкой. Но тут пехотинцам здорово помогла советская артиллерия. А затем подошла на помощь танковая армия.

В этот день, 12 июля, на Прохоровском поле у реки Псел сошлись в лобовой атаке свыше 1200 танков с обеих сторон. Сила ломила силу, но в победе сыграл свою роль и дух советских воинов, защищавших свою землю.

— Этот бой пробудил во мне беспредельную ярость к фашистам, — рассказывает В. П. Ревтов. — Потому что на моих глазах гибли лучшие мои товарищи.

В этом бою погибло большинство друзей — шахтеров Ревтова, а сам он вскоре был ранен. Погибли Николай Клименко, Женя Журавлев, Николай Дыненко, Игорь Князев. Был раздавлен танком Иван Морозов. В живот ранен Ахмадей Игзигитов. Тяжело ранен Иван Петров. Остался цел и невредим лишь Иван Рыжов, которому ничего не стоило в периоды затишья сходить "за харчом" в окопы к противнику, которые иногда оказывались ближе, чем своя кухня.

...Пройдут годы, и на одной из встреч участников войны Василий Павлович запомнит слова бывшего председателя Прохоровского райсовета: — Я после той битвы привел земляков на Прохоровское поле, но не с серпами, чтобы сжать пшеницу, а с чувалами. Знаете, что это такое? Это большие мешки. Но собирали мы в них не урожай, а партийные и комсомольские билеты погибших бойцов советской армии. Пять чувалов набрали мы этих документов и сдали в политотдел пятой гвардейской армии. Так вот о что разбилась гитлеровская машина на этом поле...

Вскоре после этого при взятии села Грязное был убит лучший друг Ревтова, отчаянный боец Рыжов, а сам Василий Павлович был ранен. Раненный, он попал под бомбежку вместе с медсанбатом, вновь участвовал в боях за освобождение Киева, Житомира, Шепетовки — родины Островского. И вновь был ранен, на этот раз в голову. Лечился в госпитале в глубоком тылу, в Уфе. Был признан годным к нестроевой, но сумел доказать, что может еще быть полезным воинской службе, и по 1947 год служил инструктором в учебно-танковом полку.

Л. МИХАЙЛОВА.

"Красное знамя", № 87, 18.07.1985 г.

НАС ВСТРЕЧАЕТ ХАРЬКОВ

В Курской битве я участвовал в качестве, минометчика в составе 183-й Харьковской стрелковой дивизии. Крепко же пришлось нам поработать в те дни. Бои шли жестокие. Мы дрались за каждую пядь родной земли. Временами, честно сказать, было страшно: пули свистят, снаряды, бомбы рвутся, а тут команда: "Минометчики! Беглый, десять, огонь!"

5 августа 1943 г. были освобождены Белгород и Орел. Столица нашей Родины — Москва, впервые за время войны салютом отметила выдающиеся успехи советских войск, освободивших эти города.

Освободив Белгород, мы двинулись на Харьков, с боями освобождая один населенный пункт за другим.

23 августа Харьков стал советским. Я никогда не забуду, как встречали нас жители города. Со слезами на глазах они бежали к нам, протягивали кто хлеб с повидлом, кто огурцы, кто махорку. Они не знали, чем отблагодарить нас, солдат, за свое освобождение.

Иван Степанович СИНЯКОВСКИЙ,
участник Курской битвы, учитель школы № 4 поселка Пышма.

"Красное знамя" № 91, 2.08.1973 г.

БЕЗЫМЯННАЯ ВЫСОТА

9 июля 1943 года. Курская дуга. Тихое утро. Мы готовились к жаркому бою, ведь вчерашний день не рассудил противников. Фашисты пытались прорвать нашу оборону и устремиться на Курск, чтобы замкнуть зловещие клещи, устроить нам "котел". Чтобы не допустить этого, нам надо было держаться до последнего дыхания. Умереть, но не пропустить врага.

Я — командир 5-й батареи 189-го минометного полка 12-й отдельной минометной бригады Резерва Главного командования. Все мои батарейцы, пехота должны стать насмерть.

Перед нами безымянная высота, недалеко от той самой Прохоровки, у которой 12 июля 1943 года произошло знаменитое танковое сражение. Высота, каких на нашем военном пути было десятки, а то и сотни. Захватит ее противник — и мы вынуждены будем отступить на 3—4 километра к востоку. Она, эта безымянная высота, решала нашу жизнь.

Немцы на подступах к ней, в оврагах, балках, лощинах, кустарниках накапливали живую силу и технику, готовились к атаке.

Командир стрелкового полка полковник Драгин, полк которого оборонял эту безымянную высоту, приказал мне огнем шести 120-миллиметровых минометов, уничтожить живую силу и технику немцев в оврагах и балках — именно в тех местах, где ни один вид артиллерии своим огнем не может достать противника. И мы, минометчики, сделали мощный огневой налет, за каких-то 20—30 минут послали на головы фашистов около двухсот мин по пуду каждая. И так, чередуя огневые налеты с методическим огнем, в течение нескольких часов обстреливали врага, пока не подошли наши танки и пехота, которые контратаковали немцев на подступах к безымянной высоте. Противник был отброшен на 2—3 километра.

За этот бой 12 человек батареи были награждены орденами и медалями, в том числе я был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

А. МАРТЫНЕНКО,
преподаватель ГПТУ-90, подполковник запаса.
"Красное знамя", № 52, 8.05.1979 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ГИЛЬФАНОВА ГАФУРЯНА ГАЛИХАНОВИЧА

Родился я в 1925 году В Башкирии. В армию призван Бураевским райвоенкоматом 20 августа 1942 года Было мне 17 лет, когда меня направили в Алкинский лагерь (это под Уфой). Учился на бронебойщика противотанкового ружья ПТР. Учился до мая 1943 года. В лагере зачастую вместо физзарядки приходилось ходить в лес за 4—5 км и готовить дрова для столовой. Таскали их на себе. По субботам и воскресеньям строили землянки на зиму. Однажды вызвали нас с занятий и сказали, что нам нужно срочно ехать на фронт. В столовой обед был уже накрыт на столы, мы быстро поели и пошли в склад за одеждой. В складе одежда была вся новая и сложена по размерам. Мы оделись. Выстроились на плаце. Начальник училища пожелал нам всего доброго. Грянул духовой оркестр и под звуки марша "Прощание славянки" мы отправились на станцию, которая была в 7 км от лагеря. На станции мы сели в товарные вагоны (по сто человек в вагон) и поехали на запад. Ехали неделю. Ближе к фронту ехали только ночами. Высадили нас в 60 км от переднего края. Прожили там 35 дней. Взрывы снарядов и бомб нам были хорошо слышны. Немецкие самолеты постоянно летали над нами и обстреливали.

А 12 июля 1943 года нас подняли по тревоге. "Хватит есть кашу, пришло время воевать", — сказал полковник. А еще он добавил, что немцы прорвали нашу оборону, мы должны их остановить и прогнать вплоть до Берлина.

Всю ночь мы шли к линии фронта. И когда подошли поближе, все вокруг горело: деревня, лес, болото. В этом чаде послышался гул самолетов. Кто говорил, что это наши, а кто — немецкие бомбардировщики. Было что-то ужасное. Разрывы бомб, крики, стоны раненых. Все смешалось в сплошном гуле.

Рядом с нами находился пруд с мельницей. Многие попрыгали в воду, в их числе прыгнул и я. Под водой было не так страшно, хотя и там взрывы были слышны. Выпрыгну, наберу воздуху — и снова в воду. Так просидел в воде, пока самолеты не улетели.

Многие в этот день погибли. Много было и раненых. Но нам не дали их подобрать. Сказали, что их поберут другие. А приказали идти дальше. Через несколько километров увиде-

ли большое количество орудий. Это была наша артиллерия. Орудия стояли на расстоянии двух метров друг от друга, их было так много, что нельзя было окинуть взглядом.

Пройдя еще километра три, стали окапываться. Немцы по 5—6 раз в день поднимались в атаки. Но наша артиллерия молчала. Кто утверждал, что не было снарядов, а кто говорил, не было приказа. Я, конечно, верил в эти разговоры, так как такую массу артиллерии, на мой взгляд, невозможно было обеспечить снарядами. Нам сказали, чтобы мы продержались до завтра, а что будет завтра, мы не знали.

Вечером стихла стрельба. В окопе втроем было очень тесно. Не было ни воды, ни курева. Когда стемнело, нам привезли ужин. Пришел писарь. В эту же ночь нас всех приняли в комсомол.

Утром на рассвете около трех часов тридцати минут заговорили наши "катюши", и начала бить артиллерия. День был ясный. Было отчетливо видно, как снаряды от "катюш" уходили в небо. Потом пошли наши бомбардировщики, за ними танки, за танками пошли мы. Я думал, что от немцев ничего не останется после такого удара, но ошибался: немцы уцелели и оказывали отчаянное сопротивление. Но нам удалось прорвать их оборону и продвинуться на десять километров. Так с боями дошли до Днепра и ночью стали переправляться.

В летнее время ночи короткие, стало быстро светать, немцы нас заметили и открыли ураганный пулеметный огонь. Мы сразу же потеряли ориентир, и лодка села на середине Днепра на мель. Начальник штаба, капитан, приказал прыгать в воду. Когда я прыгал, у меня был в руках ПТР (вес его 16 килограммов, а длина два метра). Я его поставил как палку и за счет его вышел на берег.

В нескольких метрах от нас я увидел немца, взял винтовку и стал целиться, тут мой товарищ по окопу говорит: "Дай, стрельну". Встал на колени и стал прицеливаться, но не успел, немец его определил: пуля прострелила ему голову. Вот еще несколько случаев. У Абдразакова Рашита из Чкалова в кармане лежала граната, при перестрелке пуля попала в нее, и она разорвалась. Ему оторвало правую руку и ногу. Он был в сознании и очень просил, чтобы его застрелили.

С одним из раненых я переправился через Днепр. Нас там уже ждала повозка с солдатами. День я отдыхал, а вечером с продуктами опять на переправу. Привез продуктов на 20 человек, а за мое отсутствие осталось 17.

Помню, как в середине декабря мы освобождали от немцев сахарный завод. Он находился в 30 км от города Белая Церковь. Местность за городом была открытой, все было видно как на ладони. Оборону немцев прорвать не смогли. В этот день много наших солдат полегло. Меня и напарника спасла яма от снаряда. Там мы просидели до вечера. Если бы немцы пошли в атаку, то мы оказались бы самыми первыми смертниками. Сзади нас был окоп, до него было метров 50, но как туда добраться, мы не знали. Но и оставаться в яме было опасно. И мы решили, что я побегу зигзагами. Взял две винтовки, которые держали в запасе (одна была взята у убитого солдата), а у моего товарища Рашида Миннибаева, родом тоже из Башкирии, остался ПТР. Как мы и договорились, я побежал. Немцы открыли огонь трассирующими пулями, но пронесло. А потом туда прибежал и мой товарищ.

В окопе оказалось человек 10 солдат. Они мне стали говорить, что в меня попала пуля, что мол, видели сами. Но я ничего не чувствовал. Стали осматривать. Оказался простреленным вещмешок. Пуля пробила котелок и хлеб, а в мешке лежали четыре гранаты — две противотанковые, две противопехотные. Все были с запалом. После этого случая гранаты стал носить без запала.

Но пуля меня все-таки достала. Случилось это уже после взятия сахарного завода. Когда я стрелял из ПТР, меня заметил немецкий снайпер. Пуля попала мне в верхнюю челюсть.

В деревне нас, раненых, собирали в одном доме. К вечеру набралось уже 12 человек. К

утру двое умерли. Хозяйка сильно плакала, говорила, что ее, мол, расстреляют. Разговаривать я не мог, так как пуля прошла через верхнюю челюсть, прошла через гортань и осталась в грудной клетке в трех сантиметрах от сердца (есть снимок), и до сих пор, более 50 лет, ношу немецкую снайперскую пулю весом 9 граммов.

Потом были госпитали в Фастове, Курске, Чкалове. Лечили меня пять месяцев. После выздоровления воевал в Карпатах, в Польше, в Чехословакии. Еще два раза был ранен. Войну закончил в Германии.

Г. ГИЛЬФАНОВ, поселок Красный.
К печати материал подготовил В. И. ГРИНЕВИЧ.
"Красное знамя", № 56-57, 7-9.05.1998 г.

БОИ БЫЛИ ТРУДНЫЕ

Вот что говорит о днях Курской битвы В. К. Шилов, заведующий отделом социального обеспечения Верхнепышминского горисполкома.

"Дни Курской битвы были страшными днями. Круглые сутки воздух и землю сотрясал минометный и артиллерийский огонь.

С обеих сторон в сражение были втянуты огромные силы. Но на нашем участке Центрального фронта гитлеровцам удалось продвинуться вперед лишь на 10-12 километров.

12 июля мы перешли в наступление. Тут враг почувствовал силу нашего удара! Наши солдаты показывали пример мужества и героизма. Я до сих пор помню некоторых солдат.

Боец Попов, например, в один из дней из противотанкового ружья подбил несколько вражеских танков.

После боя у деревни Малой Самодуровки на поле боя остались груды искореженного металла.

В те дни я был дважды ранен: один раз легко, а второе ранение до сих пор дает о себе знать.

Я никогда не забуду того, что довелось видеть и пережить в дни Курской битвы".

В. ШИЛОВ.
"Красное знамя", № 91, 2.08.1973 г.

ПРИМЕНЯЯ ВОЕННУЮ ХИТРОСТЬ

Рассказывает Н. Г. Пронин — заместитель начальника отдела снабжения медеэлектролитного завода. "Нам было известно, что противник начнет наступление на Курской дуге 5 июля 1943 года. Но час наступления оставался неизвестным. Надо было взять контрольного "языка", чтобы точно установить время вражеского удара. Разведчики отправились в тыл противника. Мы, артиллеристы, поддержали их огнем.

Вернулись разведчики с гитлеровским офицером. Он и сообщил в штабе полка, что на Белгородском направлении наступление начнется в 6 часов утра.

На нашем участке была применена военная хитрость. Дело в том, что гитлеровцы имели обыкновение, преследуя наши части, двигаться колонной.

Вот этим-то мы и решили воспользоваться. Был отдал приказ имитировать отступление. И немцы "клюнули".

Как только противник сосредоточил свои силы и двинулся колонной за "отступающими" нашими частями, мы обрушили на него всю силу своего огня.

Гитлеровцы были сокрушены".

Н. ПРОНИН.
"Красное знамя", № 21, 2.08.1973 г.

ЗАХВАТЫВАЕМ ПЛАЦДАРМ НА ДНЕПРЕ

Виктор Турышев. Он трудится на шахте, руководит бригадой забойщиков. А в дни войны он был десантником 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады. Служили мы вместе. В июле 1943 года вместе получали и комсомольские билеты. Заявление для вступления в члены ВЛКСМ мы писали такого содержания: "Прошу комсомольскую организацию 2-го батальона 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады принять меня в число членов ВЛКСМ. Я с достоинством выполню возложенную на меня боевую задачу, буду бить беспощадно фашистскую нечисть, мстить за смерть и кровь нашего народа и если погибну, то прошу считать меня комсомольцем".

Комсомольские билеты нам вручали перед посадкой в самолеты. Я был в воздушно-десантной бригаде радистом.

Опишу вкратце эпизод нашей операции по захвату плацдарма на правом берегу Днепра в районе города Черкассы.

Группа, в которой был Виктор Турышев, высаживалась в тыл врага бесшумно. Фашисты не ожидали такой смелой операции и были застигнуты врасплох.

Мне же пришлось высаживаться во втором эшелоне. Фашисты пришли в себя и нам, в буквальном смысле слова, пришлось садиться им на головы сквозь шквальный огонь, разрывы снарядов и трассирующих пуль. Парашюты мы отстегивали еще в воздухе и держались руками за лямки подвесной системы парашютов. Только касались земли — и сразу же вступали в рукопашный бой, отбивались финками. Это у меня был первый настоящий бой. Мне в то время было 17 лет.

После выполнения боевого задания нас, десантников, отправили в Белоруссию. Оттуда Виктор попал на Балатон, а я стал стрелком-радистом на самолете ИЛ-2.

В. ДЕЙНЕГА.

"Красное знамя", № 39, 1.04.1975 г. Из статьи "Однополчане".

БОИ ЗА ДНЕПР

Давно отгремели бои Великой Отечественной войны, но те, в которых пришлось участвовать, все еще свежи в памяти. И мне кажется, что все это было совсем недавно, когда мы готовились к форсированию Днепра — этой мощной преграды, которая стояла на пути нашего наступления.

К форсированию Днепра готовились тщательно, особенно артиллеристы, так как с техникой вброд преодолеть такую реку невозможно.

В районе населенного пункта Мишурин Рог было организовано несколько паромных переправ для доставки на противоположный берег артиллерии. Форсировать Днепр пришлось ночью, чтобы не дать врагу использовать авиацию.

417-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский полк форсировал Днепр побатарейно. Наша 4-я батарея погрузилась на два понтона и взяла курс на противоположный берег. Не успели отплыть от берега и десяти метров, как начался артиллерийский обстрел. Снаряды и мины рвались кругом. Казалось, что сам седой Днепр поднялся против нас. И все-таки, несмотря на ураганный огонь, мы продолжали плыть навстречу врагу. Когда понтоны приблизились к противоположному берегу, по нам был открыт ружейно-пулеметный огонь. Мы тоже открыли ответный огонь из автоматов и пулеметов.

И вот мы на противоположном берегу, где уже находились наши стрелковые подразделения, занявшие небольшой плацдарм.

Не успели мы разгрузить материальную часть и встать на огневые позиции, как началась атака противника, который поставил задачу во что бы то ни стало уничтожить плацдарм. Завязался ночной бой.

Наша батарея открыла огонь по огневым точкам противника. Расчетам пришлось отражать атаку из автоматов и пулеметов. Совместными усилиями пехотинцев и артиллеристов атака врага была отбита. Но на этом дело не кончилось.

В эту ночь нам пришлось отбить еще две атаки. Только после третьей противник, понеся большие потери, убедился, что его усилия по ликвидации плацдарма бессмысленны, сбросить нас в Днепр ему не удалось.

В этом ночном бою отличился расчет младшего сержанта Рогова, который уничтожил пулемет и до двадцати гитлеровцев.

А форсирование Днепра продолжалось. К нам на плацдарм прибывали новые подразделения, которые сходу вступали в бой.

И так мы удерживали занятые позиции в течение трех суток. Затем, накопив силы, перешли в наступление.

Это только один из эпизодов войны, которых до ее конца было очень много.

Затем были бои за Кривой Рог.

Далее последовала Ясско-Кишиневская операция. Потом было освобождение Бухареста, взятие Будапешта, форсирование Тиссы, Дуная.

А победу пришлось встретить в Австрии, в городе Грац.

Д. БАРИНОВ, горвоенком, г. Верхняя Пышма.

РУКУ ПОЖАЛ ГЕНЕРАЛ

В боях на Орловско-Курской дуге, а потом и в битве за Днепр участвовал А. Мешков — в недавнем прошлом машинист электровоза шахты "Центральная". Он вспоминает:

"1943 год памятен мне еще и тем, что однажды старый генерал крепко пожал мне руку, когда вручал орден Отечественной войны.

Второй орден я получил за форсирование Днепра. Это был крепкий орешек. Много раз ходили в атаку и все безуспешно. И только на второй день одолели.

Войну закончил в Берлине".

А. МЕШКОВ.

"Красное знамя", № 31, 23.02.1964 г.

"ЗА ОТВАГУ" — ОТВАЖНОМУ

В наградном листе на Николая Андреевича Гашева говорится: "При форсировании Днепра со своим расчетом 45-миллиметрового орудия поддерживали наступающую пехоту, уничтожая огневые точки противника, отражая все контратаки, чем дали возможность нашей пехоте продвигаться вперед. Прямой наводкой уничтожено 11 ручных пулеметов, 5 огневых точек, склад с боеприпасами, два наблюдательных пункта, 23 фрица. Н. А. Гашев представляется к награждению медалью "За отвагу".

Командир полка гвардии майор БУЛАЕНКО.

В. ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", № 129, 28.10.1978 г.

ТОТ САМЫЙ МАЙОР БУЛАЕНКО

В 1941 году при угрозе Москве была сформирована, в основном из москвичей, 24-я армия, которая в ноябре выступила на защиту нашей столицы.

В августе 1942 года эта армия вступила в бои под Сталинградом, где и сражалась до полного разгрома гитлеровцев на Волге. За успешные боевые действия под Сталинградом этой армии было присвоено гвардейское звание: она стала 4-й гвардейской армией.

В составе этой армии, которая отличилась в боях и на Курской дуге, и при форсирова-

нии Днепра, и при окружении и уничтожении Корсунь-Шевченковской и Ясско-Кишиневской группировок врага, а потом при освобождении Румынии, Венгрии, Югославии и Австрии, воевало и много уральцев.

Хочется надеяться, что в составе этой армии воевали и читатели нашей газеты "Красное знамя". Эту надежду вселяет заметка В. И. Гриневича за 28.10.1978 г. В ней приводится текст наградного листа на Н. А. Гашева, подписанный гвардии майором Булаенко. Мне вспомнилось в связи с этим следующее.

В 1947 году нам, офицерам, вручали награды в окружном Доме офицеров Свердловска. В перерыве я оказался в объятьях подполковника. Им оказался тот самый командир 208-го полка из 69-й гвардейской дивизии тов. Булаенко. Он и составлял наградной лист на Н. А. Гашева за героизм при форсировании Днепра. В те далекие и памятные дни я командовал 73-м отдельным медсанбатом 69-й гвардейской дивизии. Медсанбат был развернут в городе Градижске в 7 километрах от Днепра. Для облегчения страданий раненых мною был развернут на левом берегу Днепра обогревательный пункт. В первую неделю, пока наш плацдарм был небольшим, палатку обогрева ставили только с наступлением сумерек, и раненых переправляли только в темные ночные часы, и то под минометным и пулеметным огнем с флангов.

Не все лодки, загруженные ранеными, достигали левого берега. Были потери и среди медперсонала. И страх, и радостное чувство исполненного долга пришлось испытать и мне, четыре раза переправляя раненых в переполненных лодках.

В середине ноября в наш медсанбат был доставлен командир 208-го полка гвардии майор Булаенко с осколочным ранением в голень, с признаками начинающейся газовой гангрены. Я извлек из раны крупный осколок с кусочками одежды, произвел "лампасные" разрезы и поместил его вместе с адъютантом на частную квартиру до полного излечения, так как командир дивизии, генерал-лейтенант Джехуа просил не отправлять его в тыловой госпиталь.

В декабре 1943 года Булаенко возвратился в полк и активно воевал при окружении и уничтожении Корсунь-Шевченковской группировки фашистов. После этих боев наша 69-я гвардейская стрелковая дивизия стала именоваться Краснознаменной Корсунь-Шевченковской, Звенигородской 69-й гвардейской стрелковой дивизией.

Л. ШИШКИН,
гвадии подполковник медицинской службы.
"Красное знамя", № 129, 28.10.1978 г.

РАЗВЕДКИ НА ТАНКЕ

Случилось это в 1943 году. Я служил в роте связи 421-го стрелкового полка 119-й стрелковой дивизии. В августе 1943 года наши войска вели наступление юго-западнее Спас-Деменска. Мы овладели селами Нестеры, Горки, затем вышли на территорию Ельнинского района Смоленской области, и взяли направление на город Ельню.

В жаркий день 21 августа начальник связи полка капитан Шилов приказал мне проверить и приготовить рацию к ответственному заданию. Вскоре я и мой напарник Николай Платонов сдали документы, попрощались с друзьями: ведь мы собирались в разведку — в тыл врага. Вскоре подошел наш легкий танк. И мы сели на броню. Танкисты были ребята отважные; они подбадривали нас и объяснили, как действовать во время обнаружения противником.

Не так уж приятно было сидеть на раскаленной солнцем броне, да и подбрасывало на каждой колдобине так, что можно было свой язык откусить. Танк свернул с большака и взял курс параллельно дороге, чтобы не подорваться на минах противника. Через 2—3 часа пути мы были на опушке небольшого леса. Там мы встретили женщину, которая рассказала нам, где находятся немецкие танки и как лучше подойти к ним незамеченными.

В селе Котлино из-за укрытия мы увидели большое скопление техники врага: танки, бронетранспортеры, а также многочисленную пехоту. Развернули рацию, установили связь со штабом дивизии и сообщили координаты села.

После нашего сообщения дальнобойная артиллерия открыла огонь. Снаряды ложились довольно точно. В стане врага началась паника: падали сраженные осколками солдаты, дымились бронетранспортеры. Слышны были крики команд и беспорядочная стрельба. Еще не стихла артиллерийская канонада, как послышался рев моторов, а затем появились и сходу пошли в атаку наши танки.

Оперативная сводка за 20 августа 1943 года сообщала: "Юго-западнее городе Спас-Деменска части Н-ского соединения окружили и в ожесточенном бою уничтожили немецкие гарнизоны опорных пунктов Нестеры и Горки. Истреблено более двух батальонов гитлеровцев... За день боев уничтожено более тысячи немецких солдат и офицеров, 5 танков, 13 полевых и 10 самоходных орудий, 9 минометных батарей и 58 пулеметов. Захвачены трофеи и пленные".

М. МИННИКАЕВ, ветеран войны.
"Красное знамя", № 69, 9.06.1984 г.

ЖИТЬ — РОДИНЕ СЛУЖИТЬ

Танковая бригада готовилась к штурму высоты. Овладеть ею было необходимо для взятия станции Крымской, набитой воинскими эшелонами противника.

Отдавались последние приказания. Экипажи осматривали машины. радист штаба бригады Николай Евстигнеев уточнял позывные у командиров подразделений. Для него задача была ясна. На головном танке, ворвавшись на вершину высоты, он должен был по приказам командира бригады координировать движение машин на станцию.

Еще не рассеялся утренний туман, когда в воздух взлетели ракеты. Взревели моторы могучих машин. Ломая деревья, стальная армада грозно устремилась на штурм высоты. Это был жаркий бой. Он проходил с переменным успехом. Были периоды, когда казалось, что победы не будет. Наконец ворвавшиеся на вершину танки заставили немцев покинуть господствующую высоту.

Первая часть задачи была выполнена. Радист ждал дальнейших приказов. И вот в эфире прозвучали слова: "Резеда, я — фиалка. Обойди овраг слева, перекрыть дорогу с юга! Как поняли? Прием".

К 10 часам танкисты выполнили приказ. Николай Семенович Евстигнеев с бригадой уходил дальше, на запад. В послевоенные годы он был одним из лучших мастеров монтажного участка № 1 "Промэнергоавтоматика" в В. Пышме.

А. ЛЕПИЧЕВ.
"Красное знамя", 23.02.1962 г.

В БОЮ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ГЛУШКОВ

Герой Социалистического Труда с комбината "Уралэлектромедь" Петр Васильевич Глушков — активный участник Великой Отечественной войны.

Он — общевойсковик, пехотинец. Войны хлебнул под самую завязку. И в Крыму, и в Донбассе. Тут ходил он в свою первую атаку, которых потом будут сотни.

Тут кинул он в блиндаж, полный фрицев, противотанковую гранату. Рвануло так, что потом и вытаскивать было некого.

Тут выпили они, двадцатилетние, перед атакой для храбрости по кружке спирта. Вечером на новые позиции опять спирт привезли. Но они уже не пили: из ста человек осталось

их пятнадцать соколиков. Тут не одна храбрость, тут, чтобы воевать, голова чистая нужна была. Не стали пить... А утром ударил фриц, отходить пришлось.

Здесь, когда из хода сообщения вылезал, догнала его первая пуля. Размозжила правую стопу, еле до своих доскакал...

А всего четыре фашистские пули прожгли его тело. На груди, рядом с орденом Славы — четыре полоски: три красных и одна желтая.

Б. ПУТИЛОВ.

"Красное знамя", 12.10.1967 г.

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Петр Васильевич Глушков — первый в нашем городе Герой Социалистического Труда, первый Почетный гражданин Верхней Пышмы. ...8 мая 1997 года было открыта, мемориальная доска на доме № 3 по ул. Красноармейской, в котором жил П. В. Глушков. По этому поводу здесь состоялся небольшой митинг. ...Жена Петра Васильевича Клавдия Платоновна Глушкова снимает белое полотно с доски, на которой написано:

"В этом доме с 1961 по 1994 год жил Глушков Петр Васильевич — Герой Социалистического труда, кавалер орденов Ленина, Отечественной войны II степени, Трудовой Славы III степени, Почетный гражданин города, бригадир дежурных по электролизу в цехе электролиза меди Пышминского электролитного завода".

Выступивший затем начальник цеха электролиза меди С. Н. Ульянов назвал П. В. Глушкова легендой нашего города. И это не преувеличение. Петр Васильевич всей своей жизнью заслужил такое признание.

"Вся его трудовая жизнь связана с комбинатом "Уралэлектромедь", — сказал Станислав Николаевич. — В 1939 году он поступил в ремонтно-механический цех, из него ушел в Красную Армию. Отличный солдат, он после демобилизации вернулся на ПМЭЗ, в электролитный цех. В 1961 году стал Героем...

Это был очень душевный, отзывчивый человек. С ним можно было поговорить на любую тему. Неизвестную страницу жизни П. В. Глушкова открыла участникам митинга Е. К. Языкова.

"Я знала мать этого прекрасного человека. Отец его, Василий Куприянович, был арестован в 1937 году и через 3 недели, 20 ноября, был расстрелян. Реабилитирован 30 ноября 1955 года. Мама Петра Васильевича, как и отец, работала на руднике. Она одна воспитала шестых детей. Здесь, на митинге, присутствует брат-близнец П. В. Глушкова Александр Васильевич. Он тоже достойный человек — больше сорока лет проработал на руднике, а позднее еще работал на заводе. Весь его трудовой стаж составляет 51 год.

Вот и представьте себе теперь, с какой тяжестью на душе жил и воевал на фронте Петр Васильевич и каким человеком он стал, несмотря на то, что пришлось ему пережить".

"Я — последний из могикан его бригады, — сказал В. А. Савин. — Я проработал в цехе 30 лет. Петр Васильевич никогда не грубил никому, не отмахивался от просьб: что надо — подскажет, где надо — поможет. Это был отличный человек".

"Да, я тоже начал работать в бригаде В. П. Глушкова, — продолжает В. П. Горских. — И счастлив тем, что попал к нему. Он был добрый и честный человек. Строго спрашивал за работу, но никогда, бывало, не накричит на человека. Он спокойно настраивал людей на работу и они старались работать лучше. Он никогда не кичился своим званием Героя. Он был скромный, отзывчивый человек, всегда мог выслушать и чем-то помочь. Вечная ему память!"

Слово берет М. П. Загородников, работавший в те годы в цехе электролиза меди заместителем начальника цеха: "Петр Васильевич, — говорит он, — очень внимательно относился ко всем, очень хорошо понимал людей, поддерживал, в частности, меня в принципи-

альных спорах. Я вспоминаю случаи, когда у нас не шло выполнение плана. В этот момент опора на таких людей, как Петр Васильевич, мне и другим руководителям помогала выстаивать в этой "мясорубке". Не будь таких людей, честных, порядочных, очень трудно было жить, невмоготу было бы работать. Вот почему я только добрым словом вспоминаю Петра Васильевича, человека с большой буквы. Вечная же ему слава!"

Л. НИКИТИНА.

"За медь", № 20, 14.05.1997 г.

В РЯДАХ 25-ГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

25-й танковый корпус! Его имя овеяно легендами. Это его танки утюжили гитлеровцев под Сталинградом в ноябре 1942 года, давили их в июле—августе 1943 года на Орловско-Курской дуге, громили врага на Правобережной Украине в ноябре—декабре того же года.

В рядах этого соединения были и верхнепышминцы. В ноябре 1943 года части корпуса маршем прошли через только что освобожденный Киев и в районе станции Чеповичи под городом Коростень вступили в длительные и жестокие бои.

А потом был прорыв вражеской обороны, глубокий обходный маневр, и части 25-го танкового корпуса вышли к древнему украинскому городу Новоград-Волынскому.

Слово плотнику отдела капитального строительства Пышминского медезлектролитного завода **Михаилу Григорьевичу Орлову**, в тот период комсомольцу, автоматчику танкового десанта 20-й мотострелковой бригады 25-го танкового корпуса.

"Сильный бой был у станции Чеповичи. Рано утром мы пошли в наступление. Благополучно пересекли железнодорожную насыпь, а дальше, на чистом снежном поле, вынуждены были залечь из-за сильного огня противника. Залегли вдоль дороги в кювете и в кустах. Смотрим — по дороге мимо нас идут два немецких бронетранспортера с гитлеровцами и власовцами. Открыли по ним огонь из автоматов. Но что сделаешь одними автоматами? За бронетранспортерами прогрохотал тяжелый немецкий танк. Наш командир отделения бросил противотанковую гранату, но удалось только повредить крыло. Так с оторванным крылом он и ушел от нас. Прошло еще несколько минут. И снова по дороге идет еще один немецкий танк. Поровнявшись с кустарником (это рядом с нами), танк останавливается. Открылся люк, и трое гитлеровцев соскочили на снег. И тут мы уложили их автоматным огнем. Так мы захватили в этом бою исправный немецкий танк.

Вспоминается один из дней декабря 1943 года. Заснеженное поле, и на нем десятки горящих танков. Горят немецкие "тигры" и "пантеры", горят и наши танки.

То в одном, то в другом месте в небо взметается огненный смерчь. Это рвутся боезапасы в подбитых танках.

Нашу 20-ю мотострелковую бригаду и корпус в целом бросали тогда с одного участка на другой. Многие в боях под Чеповичами погибли, но оборона врага была прорвана. Перед нами открывался путь в тыл врага. Шли по лесным дорогам и по шоссе. Стремигородская МТС, деревня Гробы. Только втянулись в нее — немцы открыли сильный артиллерийский огонь. Пришлось срочно рассредотачиваться.

И снова движение вперед. На этот раз (это было 29 декабря 1943 года) двигаемся по шоссе Коростень—Новоград—Волынский. Машины в четыре ряда, а сзади не видно конца этой массе войск. Кого только здесь нет! Танки самых различных марок, "катюши", орудия различного калибра, минометы. Пехоту разместили по машинам, по танкам. Все движется.

Ночь на Новый 1944 год солдаты 25-го танкового встретили в стремительном движении к Новоград-Волынскому.

Слово опять Михаилу Орлову.

"Перед городом мы, пехотинцы, шли лесом. Реку перешли по деревянному настилу, построенному саперами. На берегу и заночевали. Выше стоял хутор. Заходили и в него. Нем-

цы только-только покинули его. Спали в наспех отрытых ячейках. Когда ноги в ботинках замерзали, помнешься немного, и снова брал сон. Спали не спали, а ночь коротали.

Это была новогодняя ночь, когда мы сидели на берегу. Утром 1-го января к нам подошли переправившиеся недалеко от взорванного моста танки. Мы сели на них (человек по десять), и наш танковый десант устремился на город. По пути раздавили немецкую пушку. Прислуга орудия разбежалась, не успев сделать ни одного выстрела.

И вот впереди показалась большая колонна немецких автомашин, следующих в сторону Ровно. Когда наш танк (он шел примерно третьим) открыл огонь, мы соскочили с него и бегом за ним. Появление советских войск на шоссе у города для немцев было совершенно неожиданным. Из машин прямо на ходу выскакивали немецкие шоферы.

Брошенные водителями, но с работающими моторами, машины падали в кювет, сталкивались с другими. На дороге возникла пробка. Выстрелы танковых орудий услышали в городе. Тревожно загудели паровозы. В городе началась страшная паника.

А в сторону Шепетовки на рысях двигался конный немецкий обоз.

И вот наши танки на перекрестке. Здесь были немецкие траншеи, был дзот (дерево-земляная огневая точка). Сопротивление врага было ожесточенным. До глубокой ночи в районе перекрестка шел бой наших пехотинцев с немецкой пехотой.

А танки наши прошли вперед давить автоколонну и конный обоз.

В сторону Шепетовки двинулись и мы — пехотинцы. Обоз был раздавлен полностью.

Остановились недалеко от перекрестка, метрах в 400 от него. Зашли в дома, расположенные правее дороги. Скрываясь за постройками, били по немцам. Впереди у них были траншеи. В ночной атаке выбили их. В эту ночь мы полностью очистили от немцев перекресток. И сразу же к нам пришло подкрепление: артиллеристы из артдивизиона нашей бригады.

2-го рано утром из города немцы пошли в контратаку. Мы их не ожидали, но не растерялись. Заговорили автоматы, винтовки. Многие из немецкой цепи полегли в 30—40 метрах от наших окопов. Атака отбита. На танкетках в сторону Шепетовки двинулась наша разведка. Прошло несколько минут, и они возвращаются обратно, везут немецкого солдата.

И тут мы двинулись на город. Двигались в сторону вокзала, в сторону города. Завязались уличные бои. Немцы стреляли из-за стен домов, с чердаков, со вторых этажей зданий.

Из-за сильного огня продвигаться дальше стало невозможным. Вызвали на помощь танки. Как долбанет снарядом, сразу нет немецкой огневой точки. Так с помощью танков мы продвигались дальше.

В течение всего дня 2-го января шел жестокий бой по очищению района вокзала, по очищению города.

Стемнело. Бой прекратился. Расположились в одноэтажном домике, выставили охрану. Я стал на посту у входа.

Простоял минут двадцать. Тишина. Легкий морозец. И вдруг рядом со мной разорвалась граната, брошенная немцем. Помню взрыв, огонь.

Выскочили ребята. Я был ранен в затылок. Ребята сразу же отправили меня в санчасть. Там сделали перевязку, а на другой день отправили в госпиталь в Коростень. В Коростене находился недели две, а полтора месяца лежал в Новоград-Волынске.

Выписался в начале марта и в запасной полк. Пешком перешли в Ровно. А оттуда направили в новую часть, в 43-й Даурский стрелковый полк. И с ним дальше. Три дня тяжелый бой держали под Луцком. Ноги пообморозил. Три дня крошки хлеба не было. И сил не стало.

8-го марта я прибыл, а 16 марта я был снова, на этот раз тяжело, ранен. Пуля, задев висок и правый глаз, пролетела дальше. В этот день я лишился правого глаза".

М. ОРЛОВ.

Рассказ ветерана записал его однополчанин по 20-й мотострелковой бригаде, связист артдивизиона В. И. ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", № 49, 25.04.1970 г.

ПОДВИГ НЕИЗВЕСТНОГО ГЕРОЯ

Он шел от Волги, не жалея сил,
Не пощадил своей горячей крови,
И в том ли дело, где он раньше жил:
В Полтаве, Севастополе, Тамбове?
В свой час последний смог он заслужить
Земной поклон и гром стихов и песен.
...И, значит, можно неизвестным быть,
Когда твой подвиг на века известен!

("Неизвестный солдат" И. Найдича)

Мне хочется сегодня рассказать об одном безвестном герое, который, не задумываясь, отдал жизнь, чтобы дать возможность своей роте выполнить боевое задание. В последних числах декабря 1943 года по окончании курсов младших лейтенантов я был направлен в стрелковую роту, которая находилась под городом Радомышль.

Приняв взвод, участок обороны, расставил бойцов, пулеметы, уточнил обстановку. На фронте было спокойно. Только артиллерия наша и вражеская вели пристрелку.

Узнав, что у немцев готовится большое празднество, мы решили воспользоваться этим. В ночь на 1 января рота поднялась и освободила Радомышль. Гитлеровцы в панике бежали. Новый 1944 год начинался с радостной победы. При взятии города мы не потеряли ни одного солдата, только троих ранило.

Не задерживаясь, начали преследование врага, сбивая многочисленные заслоны. На рассвете 2 января подошли к Житомиру. На улицах города завязались жестокие бои. Но и здесь враг не выдержал. К вечеру город очистили.

Полк получил новое задание — сделать ночью форсированный бросок и перерезать дорогу, по которой отступали моторизованные части врага. К утру мы оказались километрах в полутора от дороги. И тут были обнаружены. Начался обстрел. Вскоре над нами появился самолет. С бреющего полета фашисты стали поливать свинцом. Кругом чистое снежное поле. Кое-как добрались до канавы, до краев заполненной водой. Однако делать было нечего, пришлось лезть в ледяную воду. Переждав немного, рота двинулась дальше. На поддержку к нам из леса вышло два танка.

Ползком, перебежками метр за метром продвигались бойцы к намеченной цели. Метрах в 60 от дороги на нас обрушился огонь танка, вкопанного на окраине села Пятки. По другую сторону дороги залегли немецкие стрелки. Роту прижали буквально к земле. Дальнейшее продвижение стало невозможным. Мы несли потери.

"Нужно во что бы то ни стало уничтожить огневую точку", — сказал командир роты. Сделать это вызвался молодой сержант. Ползком он обогнул село, подобрался к танку с противоположной стороны и забросал его гранатами. Орудие замолчало. Рота поднялась в атаку. Но из села прямо на нас уже двигались немецкие танки "тигры", а под прикрытием их пехота. Последовал короткий приказ: "Танки пропустить, пехоту отсечь!"

Так мы и сделали. Пока танки, проскочив к лесу, разворачивались, рота выбила фашистов из окопов и из села. Дорога оказалась в наших руках.

На окраине села Пятки, недалеко от подорванного танка мы нашли убитого сержанта. В суровом молчании с непокрытыми головами стояли солдаты над телом погибшего товарища. Никто из присутствующих не знал ни имени, ни фамилии героя, совершившего подвиг, чтобы обеспечить победу и спасти жизнь многим из нас. Выяснить — кто он, не было времени, надо было преследовать врага.

В 1945 году, получив отпуск, я, прежде чем ехать на родной Урал, решил посетить эти места. Побродил по улицам Житомира, на грузовой машине добрался до села Пятки.

За околицей еще стояли подбитые немецкие танки, а в селе уже начали стираться следы войны. И что еще обрадовало меня, могилы павших здесь солдат были приведены в порядок, огорожены. Чувствуется, что заботливая рука ухаживает за ними.

В. ЧЕРТИЩЕВ, электрик шламового цеха.

"Красное знамя", 23.02.1958 г.

НАМ ДОРОГИ ЭТИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

В городском музее хранятся фронтовые записки участника Великой Отечественной войны, учителя с сорокалетним стажем Григория Александровича Кустова. Эти документы представляют большую ценность для нас, так как в них запечатлены хроника военных действий и титанического труда солдат и офицеров нашей армии-освободительницы. Но еще важнее то, что записки передают дух того времени, позволяют нам почувствовать героизм фронтовых будней.

После окончания учительского института Григорий Александрович работал в Еловской средней школе. Оттуда был призван на фронт. Приехав в наш город, Г. А. Кустов преподавал русский язык и литературу в средней школе № 2. Он был одним из лучших учителей школы. Его творческая работа отмечена почетными грамотами областного и городского отделов народного образования. Два года назад Григория Александровича не стало. Публикуя его фронтовые заметки, мы отдаем дань памяти учителю-патриоту.

На фронт!

В холодное февральское утро 1943 года личный состав полка и материальная часть, погруженные на платформы специально поданного состава, тронулись в далекий путь — на фронт. Стучали колеса, гудели упругие рельсы, мелькали подмосковные рощи, позади оставались заводские трубы, цистерны, мосты и дома.

Наши зенитки на открытых платформах к бою были готовы всегда, а зоркие разведчики все время смотрели в оба глаза. Все ближе подъезжали мы к линии фронта. Спокойно проехали крупный железнодорожный узел Валуйки. Впереди был Купянск — узловая станция, место нашей остановки. Здесь мы, молодые зенитчики, получили первое боевое крещение, сразившись с шестью воздушными пиратами. Они хотели разбить наш эшелон, не допустить его до места разгрузки. Но благодаря интенсивному огню наших зениток, яростные атаки врага были отбиты. Бомбы рвались по сторонам эшелона, разбили путь, но не повредили состава. Два немецких самолета были сбиты.

Ранним морозным утром 5 марта полк выгрузился на сортировочной станции, получив задачу держать противовоздушную оборону станции Купянск и двух рядом находящихся аэродромов.

В течение пяти месяцев наш полк почти ежедневно отражал крупные налеты авиации противника и только в июле 1943 года в составе дивизии двинулся на передний край в район села Красный Оскол. Перед нами была поставлена задача прикрыть основную группировку артиллерии в направлении главного удара наших войск.

День и ночь противник строил мощные оборонительные сооружения, надеясь удержать за собою выгодный рубеж, а за ним и Донбасс. 17 июля 1943 года наши части в районе города Изюма перешли в наступление, форсировали Северный Донец, но встретили ожесточенное сопротивление противника. Враг пытался удержать наши части, пустив в ход все свои резервы. Вот здесь-то зенитчики нашего полка показали силу своего оружия и богатырскую русскую хватку, громя из своих орудий живую силу и технику врага.

На Запорожье!

14 декабря 1943 года наш зенитно-артиллерийский полк в составе дивизии подошел к городу Запорожье. Не давая врагу передышки, наши войска форсировали Днепр и завяза-

ли бой за расширение захваченного плацдарма. Немцы бежали вплоть до Днепропетровска. Нам оставалось только преследовать их.

...Стояла грязная украинская осень. Дождь заливал наши землянки. По колено в воде, согнувшись у печки-буржуйки, солдат засыпал. За ворот льется вода, дрожь пробегает по телу, над головой грохот орудий, свист пуль... На передовой фейерверк немецких ракет... Противник предпринимает ряд контратак. Зенитчики ведут не только огонь по воздушным стервятникам, но и расстреливают наземные цели. Здесь наш полк подбил бронетранспортер врага и уничтожил несколько десятков пехотинцев. К первой годовщине существования полка наш личный состав сбил 24 вражеских самолета и подбил 15. Десятки лучших бойцов и офицеров полка за свои боевые подвиги были награждены орденами и медалями СССР.

На Раздельную!

Стояла февральско-мартовская распутица 1944 года. Дороги покрылись непроходимой грязью. Автотранспорт встал. Несмотря на это, полк, преодолевая огромные трудности, обеспечивает надежное прикрытие с воздуха, участвует во взятии городов Астапово и Кривой Рог. 9 марта 1944 года наши войска вышли на реку Южный Буг в районе села Белоусовка. При форсировании этой реки особенно отличились наши зенитчики. Отражая прямой наводкой контратаки врага, они разбили два бронетранспортера и уничтожили десятки солдат и офицеров противника. 5 апреля 1944 года полк принял участие в освобождении узловой станции Раздельной на подступах в Одессе. Тем самым были отрезаны пути отхода противнику на Одессу и в Румынию.

"Малая Земля"

Буторский плацдарм. Только два слова, а сколько кошмарных воспоминаний! Бутор — одно из молдавских сел на берегу Днестра. Немецкое командование рассчитывало использовать Днестр как естественную преграду на пути наступавших частей Красной Армии.

10 мая 1944 года в три часа ночи немцы неожиданно начали минометную и артподготовку, которые без перерыва длились 45 минут. Это была жуткая ночь... После артподготовки, используя технику, немецкая пехота под прикрытием танков подошла к нашей обороне и обрушила весь шквал огня на передовую линию. После упорного боя с превосходящими силами противника наша пехота отошла назад. Большой ценой удалось врагу потеснить наши части к Днестру. К утру 10 мая 1944 года клочок "малой земли" стал еще меньше. В 6 часов утра появилась немецкая авиация: эшелонами шли "Хенкели", "Юнкерсы", "Фокке-Вульфы" и "Мессершмидты". До 1400 самолето-вылетов сделали немцы.

Весь день шел непрерывный бой. Немецкие стервятники шли на бомбежку переправ, огневых точек батарей и переднего края обороны. Но всюду наталкивались на шквал зенитного огня. Под свистом снарядов, под визгом летящих бомб ни один боец не ушел от своего орудия, продолжая вести огонь по врагу...

За Днестр

24 августа 1944 года наш полк в составе частей четырнадцатой бригады вышел на реку Прут в районе Леово. Этим мы преградили отход немцев в Румынию. Завязалась жаркая битва. 22 дивизии немцев, не считая румын, были окружены в районе Кишинева.

В этом районе личный состав полка обогатился новым опытом борьбы с врагом. Подразделения сдавали экзамен на зрелость своей воинской выучки. Особенно отличилась здесь 1-я батарея старшего лейтенанта Лазаренко. Действуя с 4-м мотомехкорпусом, зенитчики ни на шаг не отставали от подвижных группы, зачастую были даже впереди них. За боевые заслуги в деле разгрома немецко-румынских захватчиков Указом Президиума Верховного Совета СССР наша дивизия была удостоена высокой награды — ордена Кутузова 2-й степени. Были награждены и многие солдаты и офицеры нашего полка.

Через Балканы

Минуя бессарабский город Комрат, наш полк повернул на запад, к голубому красавцу Дунаю. Слева остался древний Измаил, справа — река Прут и Кагульские степи. Дунай при-

ветливо встретил наших зенитчиков: утолил их жажду, искупал в своих водах, обмыл дорожную едучую пыль... Форсировав реку, полк вступил на румынскую землю. Бесконечно шли колонны машин, известковая пыль застилала дорогу. Мы двигались день и ночь прямо к болгарской границе, благо немцы драпали так, что трудно было их догнать.

В ночь на 9 сентября 1944 года полк в составе дивизии вступил на землю Болгарии. Наш путь лежал на город Варну. По сторонам тянулись сады абрикосов, миндальных орехов, поля баштанов и виноградников. Из хат с черепичными красными крышами выходили навстречу нам болгары. Они угощали советских воинов, пожимали нам руки, целовали.

Из Варны наш полк двинулся на Бургас и Айтос. После непродолжительной передышки и тщательной подготовки личного состава и транспорта — по всей Болгарии.

Путь лежал через Балканский хребет и закончился в болгарском селе Громада. Марш прошел блестяще! Шестьсот километров за шесть суток прошли наши колонны!

В Белграде

В октябре 1944 года советские войска двинулись на помощь союзной нам Югославии. В горы, за реку Мораву, двигались наши зенитчики по дорогам, где только недавно кипела жаркая битва.

14 октября 1944 года полк участвовал в штурме Белграда, но перед этим пришлось ему преодолеть немало трудностей.

До столицы оставалось не более сорока километров, но пробиться в город было нелегко: перед нами была естественная возвышенность — последний очаг сопротивления немцев на пути к Белграду. Враг прямой наводкой обстреливал наши части. Когда наступил вечер, мы выбрали удобную позицию и изо всех видов оружия провели артподготовку. Огонь противника был подавлен. Колонны советских войск двинулись вперед. Наши батареи 22-й дивизии первыми ворвались в город, первыми захватили правительственные здания и дворцы Белграда. Немцы сделали огневой точкой каждый дом в городе. Битва была жаркая. Плечом к плечу с нами сражались югославские партизаны. И как ни трудно было выбивать немцев с чердаков, из-за углов, но за один день город был очищен от врага до самого центра. Центр был укреплен дотами и дзотами.

Население Белграда ликовало, встречая вступавших в город зенитчиков и другие части...

На улицах шли бои, но белградцы ни на шаг не отходили от наших бойцов. Каждый старался достать себе оружие и сражаться рядом с нами.

16 октября стало известно, что в направлении огневых позиций первой и второй батарей полка движутся три вражеских колонны, чтобы отрезать нам пути подвоза всех видов довольствия.

Батареи приготовились принять бой. На рассвете следующего дня враг открыл ураганный огонь на участке первой и второй батарей. Бой шел два часа, наши батарейцы захватили в плен более 150 немецких солдат и офицеров. Все подразделения сражались отважно, и 20 октября враг был разбит. В 9 часов вечера небо Белграда разрезали трассы ракет. То был салют в честь освобождения столицы Югославии — Белграда.

Г. А. КУСТОВ.

"Красное знамя", № 126, 20.10.1984; и № 141, 24.11.1984 г.

В ПАМЯТИ ОСТАЕТСЯ НАВЕЧНО

В октябре 1941 года на Тихвинском направлении гитлеровцам удалось взять важный стратегический пункт. Нашему батальону был дан приказ отбить его у врага. В ночь с 7 на 8 ноября батальон выполнил свою задачу. Немецкий гарнизон был почти полностью уничтожен. Мы захватили 22 автомашины, 9 орудий, 17 пулеметов, много винтовок, автоматов и боеприпасов. После этого гитлеровцы не раз пытались овладеть этим населенным пунктом, но все их атаки были отбиты.

В январе 1943 года я участвовал в составе 399-й стрелковой дивизии в боях на Центральном фронте. К этому времени немцы были выбиты со своих основных оборонительных рубежей и отступали по всему фронту. Однажды мы заняли село под названием Рубленые Колодцы. К нам подошел старичок и сказал: "Товарищи, не берите воду из этого колодца, в него фашисты сбросили жену советского офицера с детьми".

Женщину и ребятишек — двух мальчиков, трех и пяти лет, — мы достали из колодца и похоронили на площади этого села. У многих наших бойцов были слезы на глазах. Мы поклялись на могиле этой женщины и ее детей мстить фашистам до последней капли своей крови за их зверства, за горе и муки, которые они принесли нашему народу.

Тот, кто видел и пережил ужасы войны, никогда их не забудет.

Д. ХОМЯКОВ,
бывший лейтенант пулеметной роты стрелкового полка.
"Красное знамя", № 7, 16.01.1975 г.

КАВАЛЕР ДВУХ ОРДЕНОВ СЛАВЫ ИВАН КУКУШКИН

Это была одна из яростных атак. 18 немецких танков неукротимо лезли на батарею. Осталось 300, 200 метров. "Огонь!". Танк завертелся на месте, зачадил. Грохот канонады, свист осколков, команды — все смешалась в один непрерывный гул. Смотришь в прицел на стервятников, закованных в броню, и одна мысль: "Не пройдешь, гад!"

И враг не прошел. Черные чудовища, как раненые хищники, истекали кровью. Изуродованные, покореженные, они догорали.

В этом бою отличился наш земляк из поселка Кедровое командир 122-миллиметровой гаубицы сержант Кукушкин. Командир части перед строем вручил уральцу орден Славы III степени. Мастерству истребления вражеских танков Кукушкин научился быстро. Его спокойствию, выдержке можно было позавидовать.

Длинны огненные версты Ивана Кукушкина. Не раз он смотрел смерти в глаза. Однажды ему пришлось ночью отражать танковую атаку фрицев. И опять он вышел победителем: немцы не прошли. И вновь командир приколол к груди теперь уже старшины орден Славы, теперь уже II степени.

Несколько раз он был ранен, но всегда возвращался в строй. Войну закончил в Праге. А работает он слесарем-машинистом ТЭМП, ударник коммунистического труда. Он всегда впереди.

Д. МИХЕЕВ, пос. Кедровое.
"Красное знамя", № 6, 14.04.1965 г.

НА МУШКЕ У СНАЙПЕРА

Мубарак Шарипович Шарипов — бригадир слесарей огнеупорного завода — ушел на службу в армию до начала войны. Успел окончить курсы офицеров-десантников танковых войск. Ходил в атаки, отбивал лавины пьяных, озверелых фашистов, познал рукопашные схватки.

Побывал даже на мушке у финского снайпера-кукушки, которого тут же "сняли" советские разведчики. Уцелел Мубарак Шарипович чудом. Пуля отбила только палец на руке.

А в 1943-м году, при взятии Кривого Рога, его тяжело ранило.

Но после госпиталя он еще очищал от врагов Прибалтику.

В боях под Курском Шарипов стал коммунистом. Принимали его в партию в окопе, перед атакой. "Если умирать, то коммунистом", — сказал он тогда.

А. ДОЛИНСКИЙ.
"Красное знамя", № 21, 19.02.1970 г.

НО МЫ ДЕРЖАЛИСЬ

Непосредственное участие по освобождению узловой станции Борисоглебск я принял как командир орудия в составе 486-го отдельного противотанкового дивизиона. В этом первом бою мы подбили немецкий бронетранспортер.

В начале июля 1943 года мы подошли к реке Сож севернее города Гомеля и стали готовиться к форсированию реки. Вязали и сколачивали из бревен и досок плоты, а ночью стали переправлять первые четыре пушки и автоматчиков под непрерывным обстрелом. Были, конечно, и убитые, но пушки мы переправили благополучно и заняли огневую позицию. Севернее и южнее нас соседи также форсировали реку. Утром нас бомбила авиация, потом по нашим позициям был произведен артналет.

Пытались нас сбросить в Сож и немецкие автоматчики. Это продолжалось в течение пяти суток. На шестые сутки нас сменила другая батарея, а наш дивизион был переброшен по левому берегу реки Сож в район Гомеля. Две ночи пытались мы форсировать реку. Только на третью ночь переправились на правый берег, заняли плацдарм и закрепились.

Мы потеряли две пушки. Погиб здесь командир взвода младший лейтенант Николай Супрун и двое из моего расчета.

Вот тут и начался кромешный ад. Мы закрепились в первой немецкой траншее, и немцы попытались выбить нас отсюда..

С самого утра начинались атаки врага, в основном психические. Пьяные, в полный рост, ломились гитлеровцы на наши позиции.

С реки, с самоходных барж и катеров неоднократно высаживались вражеские десанты.

Но мы держались. За трое суток боев на реке Сож мы своими пушками подбили три танка и две баржи. Были потери и у нас.

На четвертые сутки утром 2 ноября 1943 года при очередной атаке немцев и бомбежке с воздуха я был тяжело ранен в обе руки и контужен. Ребята переправили меня на левый берег. В санчасти мне ампутировали правую руку. Так закончилась моя фронтовая жизнь.

За участие в боях я награжден орденом Красной Звезды и медалью "За отвагу".

А. ЛОБАНОВ.

"Красное знамя", № 85, 16.07.1974 г.

УНИЧТОЖИЛИ ЛАЗУТЧИКОВ

Служил я разведчиком в артиллерийском полку и находился все время на переднем крае, в районе Синявинских болот. Приходилось и за "языком" ходить, и наблюдение вести, и вылазки делать. В общем, спать спокойно гитлеровцам мы не давали. Чаще всего днем наблюдали за противником, замечали, где у него сосредоточена живая сила, техника, а ночью наши артиллеристы уничтожали эти скопления.

Вспоминается один случай. Было это летней ночью в 1943 году. Я и еще один товарищ дежурили на переднем крае, наблюдали за противником. Вдруг мне показалось, что с той стороны кто-то ползет. Присмотрелись. Точно—ползут несколько гитлеровцев. Считать их было некогда. Мы бросили две гранаты и дали автоматную очередь по этой группе.

Когда рассвело, увидели на земле три трупа. Видимо, в эту ночь к нам пыталась пройти группа лазутчиков. Но осуществить свой замысел им не удалось, а нам обоим были вручены медали "За отвагу".

К нам несколько раз приезжали из Ленинграда партийные работники. Они рассказывали о том, какие трудности переживают жители города, как падают они от голода прямо у станков, на улицах. И несмотря ни на что продолжают бороться с врагом всем, чем только могут. После таких бесед мы с еще большей ненавистью били врага, еще жарче разгора-

лось в наших сердцах желание сделать все, чтобы быстрее освободить ленинградцев от этих тягот. И не жалели ни сил, ни самой жизни. Многие мои товарищи навсегда остались в ленинградской земле, а сам я был дважды ранен.

С. КАРАСЕВ,
плотник ремонтной группы Исетско-Аятского торфопредприятия. Пос. Кедровое.
"Красное знамя", № 12.26.01.1974 г.

В РЯДАХ 3-й ГВАРДЕЙСКОЙ

Трудно поверить, но все в его судьбе — правда. Михаил Васильевич Теплоухов прошел со своей дивизией весь ее боевой путь с первого дня до последнего, воевал в самых горячих точках—на берегах Днепра, в окрестностях Ленинграда, на Сталинградском фронте, в Крыму, Прибалтике, Восточной Пруссии, сотни раз рисковал своей жизнью и остался цел и невредим. Призвали его в армию перед самой войной — 9 июня 1941 года. Выпало Теплоухову служить связистом в 153-й стрелковой дивизии, сформированной из уральцев за год до войны, которая позднее, отличившись в боях, стала именоваться 3-й гвардейской. С первых дней войны началось испытание дивизии на прочность — под Ельней, Витебском. А потом наступило 27 сентября 1941 года. Ленинградский фронт...

Только мы успели покинуть вагоны, как началась бомбежка. От вагонов остались одни щепки. Положение было серьезным. Линия нашей обороны проходила в непосредственной близости от Ленинграда: на юге — всего в четырех километрах, на северо-западе и юго-востоке — километрах в двадцати-тридцати. Мы получили приказ не отдавать врагу Волхов, Волховскую гидроэлектростанцию — первенца Ленинского плана электрификации. И не отдали! Обороняя Ленинград, уральцы доказали свою верность клятве насмерть стоять за Родину. Сражаясь далеко от родных мест, мы постоянно чувствовали с ними связь. Помню, когда дивизия освободила город Тихвин, пришел эшелон с подарками от уральцев. Свердловчане, труженики области знали о нашей дивизии, гордились ею, брали повышенные социалистические обязательства в ознаменование побед 3-ей гвардейской.

С боями дивизия дошла до Ладожского озера. Всю осень и зиму мучил нас холод, часто спать приходилось, сидя на корточках. Ни обсушиться, ни прилечь. Грелись у костров. Всякое бывало. Помню, разгорелся рукопашный бой на КП дивизии. Внезапно налетели немецкие автоматчики. Повары, писари раненые — все, кто находились на КП, вступили в бой. Атаку отбили. Отбили и повторную. Сколько товарищей боевых погибло! Вся дивизия узнала о подвиге моего земляка, верхнепышминца Василия Данильченко. Был бой у речки Черной. Командир нашей дивизии разговаривал по телефону с командиром наступающего полка. Неожиданно связь прекратилась. Восстановить линию послали Василия Данильченко. Он побежал, высматривая место обрыва. Снарядом Василию перебило ноги. Когда он пополз дальше, за ним тянулся кровавый след. Данильченко нашел обрыв. На контрольном пункте я услышал стон товарища и доложил капитану. За Василием послали бойцов, через день он умер от потери крови. Потом мы узнали, что Василий Данильченко посмертно был награжден орденом Ленина.

Не раз и я ходил, как говорится, по самому острию. Идешь по чистому полю, на спине — катушка, в руках — конец провода. Мишень для финнов и немцев. А финны, они вот что делали. Перережут линию связи и притаятся в кустах, ждут, когда наш связист появится. А тех снайперов, что на деревьях сидели, мы кукушками называли. Раз такая "кукушка" по мне сыпанула очередью. Чудом из-под обстрела выбрался.

Наша дивизия свою задачу выполнила — сковала, перемолола, обескровила фашистские резервы, предназначавшиеся для захвата Ленинграда. В ноябре 1942 года дивизия была выведена с Ленинградского фронта. В Рязанской области мы остановились на отдых и пополнение.

М. ТЕПЛОУХОВ.
Рассказ ветерана записала И. КАЮРОВА.
"Красное знамя", № 13, 28.01.1984 г.

ВСЕ ВЫДЕРЖАЛИ И ПОБЕДИЛИ

С первого и до последнего дня блокады был среди защитников Ленинграда Георгий Михайлович Ладыгичев. Бойцы отдельной железнодорожной бригады испытали на себе в полной мере все тяготы блокады: голод, холод, лишения. А в блокадном Ленинграде жили и работали родные Георгия Михайловича.

— Не было для меня в войну большей радости, чем видеть, как по восстановленной нами дороге или мосту идут, идут в Ленинград поезда с продовольствием, медикаментами, неся ленинградцам надежду и жизнь.

Призван я был в армию в 1939 году. Участвовал в финской. В блокаду наша бригада получила задание восстанавливать разрушенные железные дороги, мосты. Работали днями и ночами, под обстрелом. Страшно голодали. Многие бойцы умерли от истощения, многие погибли под обстрелом. Помню, как шли машины, груженные продовольствием, по льду Ладожского озера: дверцы у них были сняты, за ними волочились бревна, чтобы груз не утонул. Продукты складировали на берегу, а потом их доставляли в город поездами. Сейчас и не представляю, как мы могли такое выдержать: ночи в чистом поле, изнуряющая работа и навязчивые, сводящие с ума мысли о еде.

Г. ЛАДЫГИН.

"Красное знамя", № 13, 28.01.1984 г.

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Прорыву блокады предшествовала напряженная подготовка войск Волховского и Ленинградского фронтов. Участок, где готовились наступать войска Волховского фронта, немцами был сильно укреплен.

Линию обороны фашистов оборудовали множеством артиллерийских и минометных позиций, густыми проволочными заграждениями, траншеями, минными полями и двумя валами, покрытыми льдом. Особенно много огневых средств и противопехотных заграждений враг сосредоточил в роще Круглой, овладеть которой была поставлена задача перед нашей дивизией, входившей в состав 2-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта В. З. Романовского.

327-я стрелковая дивизия, в составе противотанкового дивизиона которой я участвовал в боях по прорыву, а затем и снятию блокады Ленинграда, в декабре 1942 года проводила учения, приближенные к боевой обстановке. Были сооружены такие же препятствия, которые придется нам преодолевать на переднем крае. Присутствующий на учениях маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, выступая на митинге, дал высокую оценку боевой выучке и выразил уверенность, что воины нашей дивизии выполнят приказ Родины и по-гвардейски будут громить фрицев.Чтобы скрыть от немцев готовящееся наступление, было запрещено раньше времени даже приближаться к исходному положению, и только в ночь перед боем мы выкатили противотанковые орудия на передний край для стрельбы прямой наводкой.

Морозным январским утром 12 января 1943 года в 9 часов 30 минут утра многие сотни тонн смертоносного металла обрушились на фашистские позиции. Сплошные разрывы, все уничтожающий артиллерийский и минометный огонь бушевал на переднем крае около двух часов.

Почти сразу же после артиллерийской подготовки стало ясно, что максимальное сопротивление немцы оказывают на участке рощи Круглая. Весь день здесь шел ближний бой, неоднократно переходивший в рукопашные схватки.

Мы, артиллеристы, в упор расстреливали врага. К вечеру в траншее мы увидели К. Е. Ворошилова и командующего фронтом К. А. Мерецкова. Это воодушевило бойцов на новые подвиги.

В первый же день фрицы на этом участке были разбиты и наступление продолжалось на рабочий поселок № 7.

Семь дней напряженных боев завершились нашей победой: 18 января 1943 года войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились.

Блокада была прорвана!

За ратный подвиг наша дивизия была преобразована в 64-ю гвардейскую, на груди каждого из нас засиял гвардейский знак.

Спустя некоторое время наша дивизия была передана в состав Ленинградского фронта. А все те, кто прорывал блокаду, были награждены медалью "За оборону Ленинграда".

Она — одна из самых дорогих для меня, защитника славного города Ленина.

И. КУЛЬКОВ.

"Красное знамя", № 23, 22.02.1973 г.

ИВАН ПАВЛОВИЧ КУЛЬКОВ — ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР КОМБИНАТА "УРАЛЭЛЕКТРОМЕДЬ"

С первого до последнего дня находился на фронте. Начал рядовым отдельного истребительного противотанкового дивизиона, был командиром орудия, а с апреля 1943 года — командиром отдельного истребительного противотанкового дивизиона — За ратные подвиги награжден орденом Красной Звезды и медалью "За боевые заслуги".

Умер 24 августа 1976 года на 62-м году жизни.

"Красное знамя", № 94, 5.08.1976 г.

В РАЙОНЕ СИНЯВИНО

7 июля 1941 года в Киеве я, выпускник Киевского медицинского техникума, был призван в армию. В составе 286-й стрелковой дивизии участвовал в боях на Волховском фронте в районе Синявино-МГА.

В составе 998-й стрелковой дивизии служил командиром санитарного взвода. Участвовал в охране ледовой дороги через Ладожское озеро — дороги жизни. По этой дороге под постоянным обстрелом врага осуществлялся вывоз раненых бойцов и истощенных голодом жителей Ленинграда.

По роду своей профессии я выполнял свой долг по организации выноса раненых и оказания им медицинской помощи.

Был ранен: 21 марта 1943 года и 3 февраля 1944 года. Лечился в госпиталях в общей сложности шесть месяцев.

После войны служил в армии до 1959 года. Уволен по болезни в звании старшего лейтенанта медицинской службы. И вот уже более 20 лет работаю на станции скорой помощи г. Верхняя Пышма.

Ф. М. ПОЙДО.

ВЫЛАВЛИВАЛ И ОБЕЗВРЕЖИВАЛ МИНЫ

Александр Григорьевич Корнеев — главный инженер Верхнепышминского монтажного участка, 1926 года рождения, на фронт попал мальчишкой. Зачислили его матросом в одну из частей Балтийского фронта. В 1943—1944 гг. участвовал в операциях по высадке морских десантов в Выборгском заливе, в Нарвском заливе и в освобождении эстонских островов Даго и Эзель (Саарема) в составе дивизиона сторожевых катеров.

За храбрость, проявленную в этих боях, его наградили медалью "За боевые заслуги", а позднее, в 1945 году, — орденом Красной Звезды.

Когда воины готовились к ликвидации Курляндской группировки противника, они узнали о победе над фашистской Германией.

"Кончилась война, но нам предстоял длительный бой с другим врагом — минами, которых было много в Финском заливе, — вспоминает Александр Григорьевич. — Вместо глубинных бомб и дымовой аппаратуры мы устанавливали лебедки и оснастку тралового хозяйства.

В день каждая боевая машина дивизиона катерных тральщиков "добывала" по 25 мин. Нас в это время справедливо называли "пахарями моря". Ведь нужно было прочистить буквально каждый метр поверхности Финского залива. Мне пришлось вылавливать мины вместе с дивизионным минером старшим лейтенантом Тыщуком. Мы обезвредили тысячи мин"...

А. КОРНЕЕВ.

"Красное знамя", № 49, 28.03.1965 г.

НАЗАД НИ ШАГУ!

В ряды Красной Армии я был призван 19 июня 1942 года и после недельной подготовки в составе 21-й стрелковой дивизии был на Ленинградском фронте.

Уже на подходе к Ленинграду на наш эшелон несколько раз нападали фашистские стервятники. Но хозяйничать в воздухе им не давали наши "ястребки".

На всю жизнь запомнился мне день 28 августа. Немцы ворвались в нашу траншею. Завязался ожесточенный бой, в нем сразу же полегла большая часть взвода, в котором я находился. Командир взвода был тяжело ранен в голову. Он приказал мне возглавить взвод и держаться до конца, не отступать из траншеи, чего бы это ни стоило. И мы выполнили эту задачу. Вскоре подошло подкрепление. Враг был отброшен назад.

Через несколько дней я был тяжело ранен и в боях больше не участвовал.

М. ПАНТЕЛЕЕВ,
инвалид Великой Отечественной войны.

"Красное знамя", № 12, 26.01.1974 г.

ОГОНЬ!

Богата событиями биография Тимофея Андреевича Жернакова. В составе Екатеринбургского полка он, тогда еще совсем молодой, участвовал в гражданской войне, отстаивал Советскую власть. А в годы Великой Отечественной войны довелось ему защищать от фашистской нечисти колыбель Великой Октябрьской социалистической революции — Ленинград.

В начале войны он служил ветфельдшером в 110-м кавалерийском полку. В октябре 1941 года полк перебросили под Волхов. И здесь всем кавалеристам пришлось осваивать новую специальность. Тимофей Андреевич попал в минометный полк. Он стал заряжающим.

Оборону держали в Синявинских болотах. После каждого выстрела тяжелый миномет тонул и его приходилось вытаскивать и снова устанавливать, прежде чем можно было сделать следующий выстрел.

230-й полк, в котором служил Т. А. Жернаков, был гвардейским. А это значит, его направляли туда, где было особенно трудно. Отчетливо запомнил Тимофей Андреевич день, когда поступил приказ начать прорыв блокады. Трудно описать волнение и радость бойцов. Ведь все время, что они держали оборону, их ни днем, ни ночью не покидала мысль об освобождении Ленинграда от вражеской блокады.

С удвоенной, утроенной энергией сражались воины с врагом в январе 1944 года, когда начались бои за полное освобождение города Ленина. В одном из боев расчет, в котором заряжающим был Т. А. Жернаков, в течение получаса выпустил около 100 мин. Вот тут пришлось поработать! Но усталости в этот момент Тимофей Андреевич не чувствовал. То и дело слышалась команда: "Огонь!", и он только успевал заряжать миномет.

Вскоре после освобождения Ленинграда довелось уральцу побывать в городе на Неве. Город жил! Жил вопреки всем стараниям гитлеровцев сравнять его с землей. Очень многие дома были разрушены, но уже ходили трамваи, люди более спокойно ходили по улицам, истощенные, они уже занялись расчисткой завалов. Жизнь продолжалась! Дух ленинградцев оказался тверже фашистской стали.

Л. НИКИТИНА.

"Красное Знамя", № 12.26.01.1974 г.

ТАНКИ ИДУТ НА ПРОРЫВ

Май 1942 года. Я, молодой танкист, вместе с другими новичками прибыл в осажденный Ленинград на смену самым истощенным защитникам города. Как только распределились, принялись на заводе за сборку танков. Работали по 16 и больше часов. Да и как иначе? Мы видели, как 12-летние подростки, стоя на ящиках у токарных станков, точили детали, снаряды. Несмотря на то, что завод то и дело подвергался бомбежкам и артиллерийскому обстрелу, работа на заводе не прерывалась.

Через 10 дней из ворот завода вышла колонна сделанных нашими руками танков, на которых мы отправились на фронт. В атаке в районе Невской Дубровки меня тяжело ранило и контузило. Пришел в себя в госпитале на третьи сутки. После выздоровления я вновь пришел на тот же завод. Стал работать слесарем-сборщиком, а вскоре был назначен бригадиром, затем — мастером ОТК.

В январе 1943 года нашу бригаду отправили на передний край для ремонта танков в полевых условиях в 30-й танковой бригаде, которой предстояло форсировать по льду Неву. 12 января в ожесточенном бою была взята деревня Марьино. Я эвакуировал с поля боя подбитые танки. Сколько пришлось увидеть мужества и отваги наших бойцов, особенно моряков, которые с автоматами в руках неотступно атаковали фашистов...

...25 февраля 1943 г. нас на заводе встречали рабочие и поздравляли с победой в боях под Ленинградом. Хвалились, что им добавили на паек по 100 граммов хлеба, то есть стали давать 400 граммов. Это была такая радость!

Я не знал до войны ленинградцев. Но в адских условиях блокады испытал их стойкость, доброту и ласку, уважение к старшим. Зайдет, бывало, военный в трамвай: любой, даже старушка, уступает место и приглашает сесть. И приговаривает, дескать, тебе, молодец еще много придется шагать до Берлина, так что сядь, посиди. Уже в те, первые дни прорыва блокады города ленинградцы твердо верили, что Красная Армия дойдет до вражьего логова.

Л. ЯРОШОК,

механик Исетско-Аятского торфопредприятия.

"Красное знамя", № 12, 26.01.1974 г.

МОСТ ЧЕРЕЗ ЛАДОГУ

В истории обороны Ленинграда есть много страниц беспредельного мужества и героизма советских людей. И одной из этих страниц является строительство железной дороги через Ладожское озеро зимой 1942—1943 годов.

Ленинград уже второй год находился в блокаде. Попытки прорвать оборону гитле-

ровцев не удавались. И тогда решено было построить железнодорожную эстакаду или своеобразный мост через все Ладожское озеро от Кокорева на западном берегу до станции Кобона на восточном берегу, так, чтобы могли ходить поезда. С осени заготовляли материалы, завозили рельсы. К работе приступили с обоих берегов в декабре 1942 года.

В строительстве этой исключительно важной для Ленинграда дороги принимал участие и житель нашего города, ныне пенсионер Григорий Михайлович Ладыгичев, в годы войны сержант 9-го отдельного железнодорожного мостового батальона. Он же принимал участие и в строительстве свайно-ледового железнодорожного моста через Неву у Шлиссельбурга в январе 1943 года, моста, который вдохнул жизнь в героический Ленинград.

— И дорогу через Ладожское озеро, и мост через Неву строили круглосуточно, в очень тяжелых условиях, — вспоминает Григорий Михайлович.

— В грунт забивали двенадцатиметровые сваи-бревна. А чтобы свая дальше не уходила в грунт, к ней прибивали еще четыре бревна. Возникал куст свай. Эти четыре бревна (от конца на два метра) упирались в дно и не давали свае дальше проваливаться. На эти сваи на уровне льда закрепляли деревянные прогоны. Получался своеобразный настил. На нем закрепляли шпалы и укладывали рельсы. Строительство дороги одновременно шло по всей ширине озера (а она в месте строительства достигала тридцати километров). Мы торопились, так как понимали, что от нашей дороги очень многое зависит.

Наступила вторая половина января. Уже восемь километров разделяли строителей, шедших навстречу друг другу. И здесь пришла радостная весть: "Блокада прорвана!" Все работы были свернуты, а мы переброшены на строительство моста через Неву и 35-километровой железной дороги у южного берега озера.

Мост через Неву строили в непосредственной близости от противника, в поле зрения его наблюдателей и действия артиллерии. Ведь после прорыва блокады в январе 1943 года в ладожской низине образовался коридор шириною от восьми до одиннадцати километров. В этом коридоре мы и строили мост и дорогу. Строили под обстрелом. Погиб командир роты старший лейтенант Бабаев, погиб замполит роты Пивоваров. Погибло и много наших бойцов. Сутками люди не покидали стройки. И дорогу, и мост мы построили в срок.

2 февраля 1943 года, через 10 суток после начала строительства, свайно-ледовая железнодорожная переправа была закончена. Мост вступил в строй. Вы не можете представить нашу радость, радость людей, сделавших большое дело.

Грязные, измученные непрерывной многосуточной работой, мы обнимались как дети, кидали вверх шапки. А утром 7 февраля через мост с Большой земли прошел первый поезд. Это был поезд из Челябинска. На нем везли продовольствие. На паровозе пламенел плакат: "Привет героическим защитникам Ленинграда!".

Позднее Григорий Михайлович принимал участие в строительстве высоководного железнодорожного моста через Неву у Шлиссельбурга, моста шоссейного. И строились они тоже в кратчайшие сроки (железнодорожный мост был построен за 25 суток, а шоссейный — за 22). Медаль "За оборону Ленинграда" — память о тех днях.

Удивителен подвиг Ленинграда. Удивителен и подвиг военных строителей, в том числе и Григория Михайловича Ладыгичева — нашего земляка.

В. ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", №12, 26.01.1974 г.

1944 ГОД

БЬЮТ "КАТЮШИ"

Сам я был призван в ряды Советской Армии в 1942 году. 8 октября попал на Волховский фронт в 30-й гвардейский минометный Ропшинский Краснознаменный ордена Суворова полк. Наш полк состоял из прославленных "катюш". Командовал им полковник Корытко, очень боевой командир. Личный состав полка в основном был рождения 1923—1924 годов. Мы принимали участие в боях под Синявино, на Ораниенбаумском и на Нарвском пятачках.

В 1944 году в сентябре наши части перешли в наступление и освободили братскую Советскую республику Эстонию. Недобитые войска противника так отступали, что порой мы совершали 50-километровый переход без одной перестрелки. У нас в полку были боевые машины марки "студебеккер" и в Таллин мы въехали первые, оставив позади пехоту, артиллерию и танки.

С октября 1942 года я был командиром отделения связи дивизиона, позднее помощником командира взвода батареи. Приходилось быть на наблюдательных пунктах и в первых рядах пехоты непосредственно корректировать огонь своих батарей в поддержку пехоты.

Фашисты очень боялись наших "катюш". Когда мимо батареи проводили пленных гитлеровских вояк, они бежали бегом, озираясь по сторонам, конвоиры еле поспевали за ними. Да, залпы наших "катюш" были очень чувствительны для гитлеровских вояк: как дашь залп по скоплению вражеской пехоты, так ее наступлению конец.

Прослужил я в рядах Советской Армии с 1 августа 1942 г. по 3 марта 1947 года. После этого вернулся к мирному труду.

П. БУДАЛАЕВ.

"Красное знамя", № 30, 11.03.1975 г.

ВСЮ ВОЙНУ ЗА БАРАНКОЙ

Уже ранним утром 23 июня 1941 года прибыл на сборный пункт Василий Иванович Шайдуров, а через несколько дней он снова сел за руль автомашины, только теперь уже как военный шофер 49-го отдельного дорожно-эксплуатационного полка.

Война бушевала на западе нашей страны. В июле полк прибыл в город Торопец, что восточнее Великих Лук. Здесь яростно сражалась с врагом 22-я армия. Здесь и получил Василий боевое крещение.

Не знаю, были ли за время войны дни, когда его не подстерегала на каждом шагу смертельная опасность. Но вот удивительно: как-то щадили его бомбы, снаряды и мины. Товарищи теряли машины, гибли, а Василий ухитрялся выходить всякий раз целым. Умел он хорошо маневрировать, удирать от преследования фашистских "мессеров" по полю, умел, когда начинали сыпаться бомбы, резко тормозить или даже быстро пятиться назад, так что бомбы разрывались далеко впереди. Были случаи, что машину буквально изрешечивало пулями или осколками, а Василий, как заколдованный, оставался невредимым. Бывало, что приходилось оставлять машину и прыгать в кювет или ближайшую щель, когда кругом рвались бомбы или машину обстреливали из крупнокалиберных пулеметов не один, а два или три "мессера". Нередко после таких "удач" приходилось перебортовывать не одну покрышку.

Это была хитрость и сноровка солдата, которая не только спасала жизнь самому Василию, но и помогала ему сохранять в строю свою машину.

Трудной была работа шофера на фронте. Спать приходилось прямо в кабине, уронив голову на баранку, урывками, в короткие перерывы (транспорта в подразделениях не хватало, а работы было много). Василий участвовал в строительстве дорог-лежневок, возил продукты, горючее, заваливал воронки, ремонтировал дороги. Ох, уж эти дороги! Как вспомнишь, так и сейчас мороз по коже пойдет. Ведь Калининская область, Псковщина, Латвия славятся своими болотами и низкими, заболоченными местами, речушками и реками. Вот по таким местам наша часть за время войны построила десятки, если не сотни мостиков и мостов, проложила более сотни километров лежневок. А ремонт! Движение по дорогам было интенсивное, тысячи машин следовали туда и обратно, дорога ежечасно требовала ремонта и быстрейшего восстановления разрушений. Это был титанический труд, в котором участвовал и В. И. Шайдуров.

Помнишь, Вася, глубокую осень 1942 года? Тогда у деревни Жеребцово в лесах сосредоточились танки бригады Катукова. Фашисты попытались обнаружить их с самолетов. Но это им не удалось. И тогда разъяренные гитлеровцы обрушили весь свой бомбовый удар на нас — на отдельно идущие машины, на конные повозки, на деревушки, которые еще не успели спалить, на опушку леса. Много погибло тогда здесь, в Жеребцово, наших товарищей, погиб наш любимый капитан Терехин, тяжело ранен был капитан Сахаров.

Много лет прошло с того времени. И после войны Василий Иванович продолжал работать шофером. И снова находился на фронте — на фронте борьбы за человеческую жизнь: в течение тридцати трех лет был он водителем машины "скорой помощи". Сколько верхнепышминцев обязаны ему своей жизнью!

К. ВЕРШИНИН,
член совета ветеранов полка, капитан в отставке.
"Красное знамя", № 108, 9.09.1978 г.

АРТИЛЛЕРИСТ ИВАН ЗАСЫПКИН

(до ухода на фронт он работал финансовым агентом в Балтымском сельсовете)

Следуя в боевых порядках пехотинцев, старший сержант коммунист Иван Засыпкин все время вел огонь из своего противотанкового орудия и шаг за шагом приближался к населенному пункту, за который разгорелась упорная борьба.

Очередная огневая позиция, которую был вынужден выбрать Засыпкин, оказалась на открытой поляне и подверглась сильному обстрелу крупнокалиберного пулемета противника. Обнаружив, что немецкий пулемет стреляет из окна большого крайнего дома, старший сержант открыл ответный огонь. Дуэль оказалась короткой. Третий снаряд зажег здание, а четвертый прямым попаданием покончил с огневой точкой противника и ее расчетом.

Несколько правее огневой позиции Засыпкина стали рваться снаряды. Опытный глаз бывалого артиллериста заметил, что пушка ведет огонь с западной окраины населенного пункта, преграждая путь соседнему подразделению.

Не ожидая приказаний, по своей инициативе Засыпкин повернул орудие, быстро навел на цель и открыл огонь.

Вражеский артиллерист не замедлил ответить и его снаряды начали рваться ближе. Засыпкин не растерялся, моментально уточнил наводку. Через несколько секунд гитлеровское орудие со всей прислугой было уничтожено. Дорога пехоте была открыта.

За инициативу и боевое искусство старший сержант Засыпкин удостоен высокой награды — ордена Славы III степени.

Сержант Ф. ФЕДОСЕЕВ.
"Красное знамя", № 19, 1.05.1944 г.

ДВА ОРДЕНА СЛАВЫ ПЕТРА ПАРШУКОВА

Петр Егорович Паршуков родом из Курганской области. После войны он приехал в Верхнюю Пышму и уже здесь живет несколько лет, работает в городской милиции. Недавно старший лейтенант Паршуков получил письмо из Литвы. Удивился: ни родных, ни знакомых там нет. А прочитав письмо, еще больше удивился, обрадовался. Его нашли. Нашли литовские школьники, которые собирают материалы о ратных делах советских воинов в своей республике.

Ефрейтору П. Паршукову шел тогда девятнадцатый год. ... Более полугода воевал солдат, разведчик 806-го стрелкового полка на территории Литвы. Первый орден — Славы III степени — получил за подвиги при прорыве обороны противника на территории Белоруссии.

В середине июля 1944 года бои велись за Литву. К деревне Латвишкис подошли 24 июля 1944 года. Здесь их атаковали танки противника. У наших частей было только немного артиллерии. Гитлеровцы торжествовали победу, вот-вот собираясь ворваться в деревню. И в этот момент по ним с фланга из ручного пулемета и автоматов открыли огонь советские воины. То было семь разведчиков, которыми командовал ефрейтор П. Паршуков. И враги бежали, бросив раненых и убитых, бросив много различного вооружения.

Петра Егоровича наградили тогда орденом Славы II степени. А через некоторое время ему вручили орден Отечественной войны.

Наступление по Литве продолжалось. Только на этот раз гораздо западнее. Вышли к реке Дубисе. Впереди шли разведчики во главе с ефрейтором П. Паршуковым. У одинокого домика обнаружили орудие и спящий расчет, в доме — немцы. Разведчики разбудили артиллеристов. А в дом, полный фашистов, бросили гранаты, а выбегающих врагов тут же расстреливали.

Обо всем этом члены школьного военно-исторического кружка узнали из фронтовых документов в архиве.

Приятно было бывшему фронтовику получить письмо из тех мест, по которым он проходил с оружием в руках. Интересно и школьникам получать от него ответные письма.

П. ФРОЛОВ, учитель истории.

"Красное знамя", 18.11.1967 г.

ОН НЕ ХОТЕЛ УБИВАТЬ

Боевая биография Михаила Васильевича Когадеева началась в 1943 году. Ускоренный выпуск курсантов танкового училища — и вот уже он назначен командиром танка.

Второй Белорусский фронт. Бои здесь были тяжелыми. Михаил Васильевич получил боевое крещение под Оршей. Подступы к городу опоясывали укрепления из бетона и стали. Впереди мощных укреплений в несколько рядов тянулась колючая проволока, по которой был пропущен ток высокого напряжения. Гитлер хвастливо уверял, что наступающим советским войскам Оршу не взять. Но остановить наступление нашей армии ничто не могло.

Перед группой разведчиков, в которую входил и Михаил Васильевич, поставили боевую задачу: облегчить прорыв танкам и десанту в глубь вражеской обороны. Они должны были бесшумно занять дот, господствующий над местностью. Выполняя это задание, Когадеев убил первого фашиста. Вот как он об этом рассказывает:

— Мне было приказано под покровом ночи незаметно подобраться к доту и снять часового. Бесшумно разрезав колючую проволоку, я подполз к доту. Часового надо было ударить ножом в спину. Но одно дело — колоть чучела, как нас учили в училище, и совсем другое — убить человека. Да еще впервые! Нет, я не хотел убивать! Но шла война. И подумав

о том, сколько зла причинили моей стране фашисты, и о том, как много зависит от того, справлюсь ли я с заданием, я прыгнул на часового. Задание было выполнено.

Советские войска продолжали свой победный освободительный путь. Танк Михаила Васильевича утюжил вражеские окопы на земле Западной Белоруссии, а потом он участвовал в освобождении Польши.

Ведя бой за одну из железнодорожных станций в Польше, танк Когадеева сильно вырвался вперед. И вдруг страшный удар потряс машину. Незамеченная в пылу боя вражеская пушка в упор била по головному танку. После второго попадания снесло башню. Члены экипажа погибли.

Михаил Васильевич, тяжело контуженный, в бессознательном состоянии был захвачен в плен. Но смириться с неволей он не мог. Едва оправившись от контузии, начал готовить побег. На исходе второго месяца он бежал из концлагеря, перешел линию фронта и вновь вступил в строй. Закончил войну М. В. Когадеев на Эльбе, где советские солдаты встретились с английскими.

Сейчас он работает плавильщиком медных гранул в купоросном цехе медеэлектролитного завода.

И. ЛАРИОНОВ, рабкор.

"Красное знамя", № 107, 11.09.1971 г.

БОМБЫ ЛОЖАТСЯ В ЦЕЛЬ

Надрываясь, ревут моторы. Неуклюжий двухмоторный "ИЛ-4", быстро набирая скорость, бежит по взлетной полосе аэродрома. Легкий толчок — и бомбардировщик уходит в ночное небо, ложится на заданный курс, на запад, в глубокий тыл врага.

Напряженные лица экипажа, редкие обрывистые слова командира лейтенанта Репина. Штурман, лейтенант Свиридов, уточняет еще раз курс самолета. Сержант, стрелок-радист Малышкин, поддерживает четкую связь с "землей". Внимателен и стрелок, сержант Пирожков.

Бомбардировщик проходит над ощетинившейся вспышками зениток линией фронта. Внизу кое-где мелькают огнями города, оккупированные фашистами. Бомбардировщик приближается к цели. Штурман еще раз уточняет курс. Да вот и сама цель видна. Впереди идущий самолет позаботился об иллюминации, "повесил" осветительную бомбу. Открывается бомболюк, резкий холод врывается в кабину бомбардировщика, и три с половиной тонны смертоносного груза летят на головы врага. Самолет резко бросает вверх, облегченно ревут моторы. Весь экипаж внимательно смотрит на землю. Здесь, в самолете, не слышно грохота взрывов, но серия вспышек хорошо видна. Бомбы попали в цель...

Летом 1944 года Александр Михайлович Малышкин закончил высшую школу ночных экипажей дальнего действия. 22 июня на новом двухмоторном бомбардировщике "ИЛ-4" Александр Михайлович в составе экипажа прибыл на фронтовой аэродром под Минск под командование Героя Советского Союза подполковника Матросова. Первая беседа комполка с вновь прибывшими на фронт закончилась по-фронтовому: "Боевая тревога!". Фашистские бомбардировщики пытались бомбить аэродром, но полк прикрытия истребителей быстро поднялся в воздух, и стервятники не были допущены к аэродрому.

— Вот так в первый же день я почувствовал, что такое фронт, — рассказывает Александр Михайлович. — Начались полеты, проверялась фронтовая готовность. Вначале летали только при луне, за что в шутку в полку нас звали "лунатиками".

Советская армия наступала, уходил на запад фронт, авиакорпус переместился под Брест, потом под Варшаву. В марте начались постоянные бомбардировки Берлина.

После разгрома фашистской Германии авиаполк перевели на восточный фронт, в Се-

верную Корею. Полк находился в резерве Ставки Верховного Главнокомандования и воевать, по сути дела, не пришлось. Капитулировала Япония. Война была закончена, страна начала залечивать свои раны. В вооруженных силах шло обновление техники.

Были еще долгие годы службы, надо было осваивать новую технику, учить молодых бойцов. Вот как писала газета Дальневосточного военного округа "Суворовский натиск" об Александре Михайловиче, поместив его портрет: "Старший сержант А. М. Малышкин являет собой образец дисциплинированности и безупречного выполнения воинского долга. Он отличник боевой и политической подготовки".

В 1954 году Александр Михайлович пришел на строительство опытного завода. Через три года уже работал в цехе № 2, где и трудится по сей день.

А. ЗУЕВ.

"Красное знамя", № 67, 5.06.1975 г.

ПЛЕНИЛ ГЕНЕРАЛА РАЗВЕДЧИК

Живешь рядом с человеком, работаешь с ним бок о бок, а спросит кто-нибудь, каков он, не сразу найдешь нужные слова. И вправду: более двадцати лет трудится взрывником на руднике Фатхурахман Мухаметхабиров, и мало кто из товарищей знает, какая необычная судьба у этого человека. Не любит Фатхурахман говорить о себе. А рассказать ему есть о чем.

В грозные годы войны Мухаметхабиров был разведчиком. Многие события тех лет уже стерлись из памяти фронтовика, но один эпизод оставил в его душе неизгладимое впечатление. Случилось это в 1944 году, когда никто уже не сомневался в скором разгроме гитлеровцев. Но враг, отступая, оказывал Советской Армии серьезное сопротивление.

В лесах под Минском полк, где служил Фатхурахман, в тесном кольце окружения сдерживал целую немецкую дивизию. Лесной бой таит в себе самые невероятные опасности. Из-за каждого дерева может показаться враг, каждый куст может оказаться вражеским дзотом. Но смелого, как говорится, и пуля боится. А у разведчика Мухаметхабирова смелости и отваги было, хоть отбавляй. Нужно выполнить трудное задание, Фатхурахман сразу к командиру: "Разрешите мне!" Вот и на этот раз с группой разведчиков он отправился в тыл немцев. Осторожно, шаг за шагом двигались разведчики навстречу смертельной опасности. На лесной поляне наткнулись на тщательно замаскированную землянку. Вокруг нее, словно призраки, похаживали, блестя стальными касками, часовые. Короткая схватка — и вход в блиндаж стал свободным. Мухаметхабиров первым ворвался в него и заставил поднять руки двоих сосредоточившихся над картой офицеров. А наутро командир полка объявил перед строем:

— За пленение немецкого генерала и полковника разведчик Мухаметхабиров представлен к награждению орденом Красной Звезды.

Это было уже третья боевая награда нашего земляка. Еще в начале войны за проявленный героизм под городом Вязьмой его наградили медалью "За боевые заслуги", за участие в освобождении Смоленска к ней прибавилась еще одна — "За отвагу".

Всякое на войне было. Старшине разведывательной роты Мухаметхабирову пришлось пережить и скорбь утрат своих боевых друзей, и три тяжелые раны, которые он получил в различных боях. А однажды и самого его сочли погибшим. Ушел на разведку и не вернулся. Командование орденом Отечественной войны II степени наградило его посмертно. Но герой, чудом оставшийся в живых, через некоторое время вновь вернулся в свою часть и продолжал вместе с частями Советской Армии добивать гитлеровских захватчиков.

...Пришел старшина с войны, отдохнул малость и вновь на передовой край, уже мирного фронта. Устроился взрывником на руднике. Серьезная и трудная его работа. Но Фатхурахман ее любит. Вот уже четверть века производит он мирные взрывы.

Н. КАЛГАНОВА.

"Красное знамя", № 54 8.05.1973 г.

ВЕСТОЧКИ С БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

Несколько дней стояла нелетная погода. Аэродром был затянут низкими тучами. Нудно моросил дождь. Туман густой пеленой закрыл горизонт. Летный состав коротал время в землянке. Настроение летчиков было прескверным.

"Ну как там, не светит?" — этот дежурный вопрос задавался каждому входящему. И видя безнадежный взмах рукой, замолкали.

В полдень объявили, что привезли листовки, которыми будут загружать самолеты. У некоторых на лицах появилось разочарование.

"Нет, братцы, вы не знаете, что такое листовки! — вступил в разговор один из летчиков, поднимаясь с нар. — Я вам расскажу о них".

И он поведал историю о том, как во время одного из боевых вылетов в западные районы Белоруссии его самолет был сбит. Пришлось воспользоваться парашютом. После долгих скитаний он попал в партизанский отряд, вернуться из которого на Большую землю ему удалось лишь только через полгода.

"Там-то, в Белоруссии, я и понял, что такое листовка, как ее ждут, какова ее сила, — продолжал рассказчик. — В одной из них рассказывалось о разгроме немецких войск под Курском. В отряд ее принес мальчик. Листовка была поставлена на особый учет. Читали ее не только в отряде, но и на сходках по деревням и селам. Вскоре небольшой лист бумаги оказался настолько зачитанным, что нельзя было разобрать текст, да в этом, пожалуй, уже и не было нужды. Ее содержание почти все знали наизусть.

По решению партийной организации отряда листовку выслали в политотдел фронта для истории".

"Помнится мне и другой случай, — рассказывал летчик. — Я с бойцами-партизанами ночевал в одном из сел. Утром неожиданно для нас в село въехал немецкий карательный отряд. Немцы согнали к дому старосты все население. Молчаливые и хмурые стояли люди, окруженные солдатами.

И неожиданно тишину нарушил гул летящего самолета. Он шел очень низко. На крыльях и фюзеляже отчетливые большие красные звезды. Когда самолет пролетел над толпой, из его бомболюка хлынул бумажный поток. Люди на время словно оцепенели, но, придя в себя, как по команде, бросились бежать, стараясь поймать ускользающие из рук листочки. Кому это удавалось, быстро прятал дорогие весточки с Большой земли. Фашисты открыли автоматный огонь. Но и это не сразу остановило изголодавшихся по правде людей.

Вечером при свете коптилки я читал вслух листовку. По лицам некоторых моих слушателей текли слезы радости, слезы надежды на быстрое освобождение. Многие местные жители шли в партизаны и мстили врагу. Через несколько дней запылала немецкая управа, взорван эшелон с боеприпасами, убито несколько немцев. На заборах все чаще появлялись призывы к советским людям беспощадно громить фашистских оккупантов.

Вот что значит листовка", — заключил летчик.

А. ГЛЕБОВ,

летчик, участник освобождения Белоруссии.

"Красное знамя", № 51, 4.05.1966 г.

ШАГАЙ ВПЕРЕД, БЕЛОРУССИЯ!

Мое первое знакомство с Белоруссией началось еще в 1930 году, когда я служил срочную службу на Дальнем Востоке. В нашем подразделении было много воинов-белоруссов. Как сейчас, помню Дмитрия Тридьякова, Михаила Цивлина, Гордея Барош, Брыль, Матузко и многих других. Эти веселые парни любили песни, плясали, но в работе и службе были трудолюбивы, хорошо знали военное дело.

...Мне, участнику боев за советскую Белоруссию, не раз приходилось видеть смелость и дерзость народных мстителей, действующих в тылу немецко-фашистских оккупантов. Более чем полумиллионная партизанская армия, действующая в те годы в Белоруссии, буквально наводила ужас на врага, под ногами которого горела земля.

Чем стремительнее шло наступление советских войск, тем быстрее пополнялись ряды частей действующей армии. К нам вливались подлинные патриоты, люди смелые и дерзкие, всей душой ненавидящие немецко-фашистских извергов. Вспоминаю 1944 год, когда в нашу часть влилось много белорусских народных мстителей. Был среди них и бывший командир партизанской роты старший лейтенант Шаповалов. Это был смелый человек, обладающий большой выдержкой и командирским мастерством. В одном из весьма ответственных боев его роте предстояло отвлечь внимание врага, принять на себя удары превосходящего в силах противника. Рота под командованием старшего лейтенанта Шаповалова с честью справилась с поставленной задачей. Пока его подразделение вело бой с гитлеровцами, наши основные силы овладели важным объектом. В этом бою офицер Шаповалов был тяжело ранен.

С уважением вспоминаю имя другого сослуживца—белоруса Торобова. Он был невысокого роста, и многим казалось, что пулемет "максим" не по его силам. Но в бою у Торобова словно удесятирялись силы и он, ловко орудуя пулеметом, был грозой для врага.

Но вот однажды гитлеровцы потеснили наше подразделение и пулеметный расчет оказался в окружении. Второй номер пулемета был убит, а сзади, незаметно, на храброго пулеметчика набросились три гитлеровца. Что, казалось бы, может сделать один человек против трех? А ведь из этой рукопашной схватки Торобов вышел победителем! Расправившись с фрицами, пулеметчик вновь разил врага огнем своего "максима". Контратака немцев была сорвана. За отвагу и мужество Торобов был награжден орденом Ленина. Однако получить эту высокую награду ему не пришлось. Вскоре он был убит.

Белорусский народ умел не только в бою постоять за себя, но он показал свои способности и в послевоенные годы. За прошедшие 40 лет из руин и пепла встали десятки городов, сотни сел и деревень. Буквально на глазах преобразился белорусский край, расцвели наука, культура, самобытное искусство народа, и сегодня от всего сердца хочется сказать: "Шагай вперед, Белоруссия родная!"

Л. ЗВЕРЕВ,
участник освобождения Белоруссии.
"Красное знамя", 18.03.1966 г.

Я — СЫН ТВОЙ, ВЕРХНЯЯ ПЫШМА!

"Умножьте число богатырей русских и бейтесь так, чтобы при одном слове "уральцы" дрожал и бледнел проклятый враг; бейтесь так, чтобы на вашем примере училась советская молодежь, чтобы советский народ пел о вас героические песни".

(Из наказа воинам-уральцам от трудящихся Свердловской области).

Невелик наш город Верхняя Пышма, но весом его вклад в оборону нашей Родины в грозные годы Великой Отечественной войны. Для фронта, для победы работали горняки и ме-

таллурги, энергетики и машиностроители. И Родина никогда не забудет трудового подвига жителей нашего города.

Но велик и боевой вклад наших земляков. Тысячи верхнепышминцев сражались на фронтах Отечественной войны. Об одном из таких верных сынов, об уроженце Верхней Пышмы Василии Григорьевиче Феофанове, Герое Советского Союза, я и поведу свой рассказ.

Родился Василий Григорьевич 2 марта 1914 года в семье горняка, машиниста на откачке воды и слесаря шахты "Ивановская" Григория Леонидовича Феофанова, жившего на Медном Руднике с 1907 года.

"Жили мы на горке недалеко от церкви, где сейчас кинотеатр "Пионер", в собственном домике, — рассказывает 80-летняя мать Героя Александра Сергеевна. — Напротив нас жили Дубинкины, Сарафановы.

Очень тяжело пришлось во время Колчаковщины. Муж мой был коммунистом с 1918 года, ему все время приходилось скрываться от белогвардейцев. Схватили как-то меня. Двое суток пробыла я у них. Били меня и спрашивали: "Где муж, где муж?", а я молчала... Колчаковцы не щадили наших красноармейцев. На том месте, где сейчас улица Заводская, раньше было много ям. Здесь и расстреливали пленных красноармейцев, рубили их шашками. А потом захоронили их возле церкви. Это я хорошо помню. Позднее там обелиск был поставлен.

Все три моих сына — участники Великой Отечественной войны. Двое живы, хотя и инвалиды. Дочь Тамара живет в Свердловске, работает инженером. Все мои дети, как и отец — коммунисты. А Василий погиб. Геройская награда-то уж после смерти ему дана была..."

Так что же сделал наш земляк Василий Григорьевич Феофанов? За что Родина так высоко оценила его подвиг? Предоставим слово документу — наградному листу.

"Наградной лист

Феофанов Василий Григорьевич, гвардии старший сержант, старший разведчик 172-го гвардейского артиллерийского полка 79-й гвардейской стрелковой Запорожской Краснознаменной дивизии, представляется посмертно к званию Героя Советского Союза. Год рождения 1914, национальность — русский, партийность — кандидат в члены ВКП(Б) с января 1944 года.

Участие в Отечественной войне: Сталинградский фронт с 20.09.1942 г. по 2.02.1943 г.; Юго-Западный фронт с 17.07.1943 г. по 21.11.1943 г.; 3-й Украинский фронт с 21.11.1943 г. по настоящее время. Убит 21 марта 1944 года. В Красной Армии находится с 6.07.1941.

Имеет награды: орден Красной Звезды — приказ по 49 гв. СЗКБ № 32/Н от 18.10.43; медалью "За боевые заслуги" — приказ по 172 гв. а.п. № 97/н от 7.8.43 и медалью "За оборону Сталинграда".

Тов. Феофанов, работая старшим разведчиком при 3 дивизионе в период наступательных боев наших войск на Украине с 25 октября 1943 года, с момента форсирования реки Днепр, непрерывно находясь на передовом наблюдательном пункте в боевых порядках пехоты, обнаружил: семь орудий разного калибра, две артиллерийских батареи, шесть минометных батарей, тринадцать станковых пулеметов, 18 ручных пулеметов. Все обнаруженные Феофановым цели своевременно были подавлены и частично уничтожены огнем нашей артиллерии.

Кроме того, тов. Феофанов неоднократно выдвигался к переднему краю обороны противника, выявляя систему расположения огневых средств и инженерных сооружений (средств) противника. Находясь непрерывно в боевых порядках пехоты, из личного оружия тов. Феофанов уничтожил 268 немецких солдат и офицеров. Только 20 и 21 марта 1944 года на правом берегу реки Буг в деревне Коноплевка во время отражения контратаки против-

ника тов. Феофанов уничтожил 51 гитлеровца, участвуя в отражении девятнадцати контратак противника.

Во время сталинградских боев тов. Феофанов из противотанкового ружья сбил два самолета противника. За неоднократно проявленное мужество и отвагу по выполнению боевых заданий командования награжден орденом Красная Звезда.

27 марта 1944 г. Командир 172-го гвардейского артиллерийского полка гвардии подполковник Семерич.

А осенью появился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года о присвоении Василию Григорьевичу Феофанову звания Героя Советского Союза посмертно.

Таковы краткие строки официального документа, в котором запечатлены подвиги сына нашего города — Феофанова Василия Григорьевича.

В поселке Широкая Речка в Свердловске, где учился Герой, есть теперь улица Феофанова (бывшая Широкореченская). На этой улице в доме № 8 живет его мать Александра Сергеевна.

В школе-интернате № 17, на ВИЗе, в комнате боевой славы есть стенд, посвященный В. Н. Феофанову. На стенде — копия наградного листа, вырезки из газет, фотографии, письма. Это они, пионеры школы-интерната № 17 во главе со своим руководителем Ю. Н. Гольм, сумели узнать многое о нашем Герое. И за это им великое спасибо!.

В. ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", № 130, 4.11.1969 г.

УЛИЦАМ ГОРОДА —ИМЕНА ГЕРОЕВ

Накануне всенародного праздника Дня Победы две улицы нашего города сменили свои названия. Улице Восточной присвоено имя Героя Советского Союза В. Г. Феофанова, улице Школьников — имя Ю. Е. Спицына.

В своем последнем бою Василий Григорьевич Феофанов уничтожил 51 фашиста. Он погиб как герой. Родина высоко оценила подвиг верхнепышминца. 13 сентября 1944 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

До войны Юрия Спицына в нашем городе знали многие. Он был ответственным секретарем редакции "Красного знамени", затем — первым секретарем райкома комсомола, признанным вожаком молодежи. Были в нем большое человеческое обаяние, смелость, желание до последнего вздоха служить Родине. Он честно выполнил свой долг.

Когда началась Великая Отечественная, сорок дней подряд Юрий писал заявление об отправке на фронт. И добился своего. Батальонный комиссар Юрий Евгеньевич Спицын храбро сражался. Был награжден двумя орденами Красной Звезды. Вторым орденом — посмертно. Юрий погиб, защищая Сталинград.

"Красное знамя", № 55, 8.05.1975 г.

ПОДВИГ ИВАНА КУКАРИНА

"В ночь с 25 на 26 сентября 1943 года наводчик противотанкового орудия 1-го стрелкового батальона 104-го гвардейского стрелкового полка 36-й гвардейской стрелковой дивизии 57-й армии гвардии рядовой Иван Александрович Кукарин первым переправился на правый берег Днепра со своим орудием. С ходу прямой наводкой расчищал путь для пехоты бесстрашный артиллерист. С помощью стрелков т. Кукарин выкатил свое орудие на высоту 124,4 м и в течение дня отразил до десятка контратак противника. В бою 27.9.43 г, когда враг предпринял контратаку на правый берег р. Днепр, бесстрашный наводчик проявил ис-

ключительный героизм. Был момент, когда весь расчет вышел из строя и у орудия остался один т. Кукарин. В этот момент сотня гитлеровцев-головорезов прорвалась в стык батальона соседа и психической атакой пошли на т. Кукарина. Прямой наводкой с расстояния 200 метров т. Кукарин расстреливал гитлеровцев. Немцы продолжали окружать орудие. Из оставшихся живых, 40 гитлеровцев подползли к орудию на 50—70 метров, с криком: "Рус, сдавайся!" "Я комсомолец, я русский! Русские не сдаются!", — крикнул т. Кукарин и продолжал посылать снаряд за снарядом. Еще 30 гитлеровцев уложил т. Кукарин, но оставшиеся во главе с офицером продолжали вести огонь.

У т. Кукарина кончились снаряды. Вражеская пуля ранила его, но, несмотря на это, отважный воин взял карабин и уничтожил еще 7 гитлеровцев, а потом, поднявшись во весь рост, бросился на оставшихся двух солдат и офицера. В упор застретил офицера и прикладом размозжил головы двум солдатам. Очередная контратака была отбита. Орудие т. Кукарина продолжало грозно охранять занимаемый рубеж". Так писала о подвиге нашего земляка фронтовая газета.

20 декабря 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР т. И. А. Кукарину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда".

Умер И. А. Кукарин 18 декабря 1948 года.

В. ГРИНЕВИЧ.

В БОЮ ДМИТРИЙ СМИРНОВ

В боях при форсировании Днепра южнее Киева, в боях при овладении Букринским плацдармом отличился и другой наш земляк — бывший токарь Среднеуральской ГРЭС Дмитрий Николаевич Смирнов. Наградной лист на него предельно краток: "Гвардии старший сержант командир отделения взвода разведки 69-й механизированной бригады 3-й гвардейской танковой армии Д. Н. Смирнов за период с 24.9.43 г. по 30.9.43 г., действуя и руководя разведгруппой на правом берегу Днепра, прорвал оборону противника в районе села Монастыревка. Первым ворвался в село и своей разведгруппой держал оборону до подхода главных сил бригады, истребив при этом до взвода пехоты противника. Хорошо организовал разведку переднего края обороны противника, доставляя ценные сведения о расположении огневых средств противника и его укреплений.

Тов. Смирнов заслуживает высшей правительственной награды — присвоения звания "Герой Советского Союза". Подписано представление командующим 3-й гвардейской танковой армией генерал-лейтенантом Рыбалко.

Указом от 17 ноября 1943 года т. Д. Н. Смирнову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда". А в мае 1944 года фронтовая газета писала: "...Тяжела рука у молодого уральца. Не даст промаха его наметанный глаз. Более 80 немцев уже лично отправил Смирнов на тот свет. Если предстоит трудная ночная операция, ее поручают Смирнову. Командир знает, Смирнов не подведет, Смирнов умрет, но задачу выполнит, доставит в подразделение нужные сведения.

...Не посрамил чести Урала его сын — смелый разведчик гвардии старший сержант Д. Н. Смирнов. При форсировании Днепра полностью выявились воинские качества уральского богатыря. Уральцу приходилось участвовать в атаках, переходящих в рукопашные схватки. И дрался он, как богатырь, как патриот великой русской земли, которая вспоила и вскормила его своим животворящим соком..."

Сейчас Д. Н. Смирнов живет в Киеве.

В. ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", №137, 18.11.1978 г.

ДОБЛЕСТЬ СОЛДАТСКАЯ ЗАГИТА ЛУКМАНОВА

Шла весна 1944 года, весна тяжелых освободительных сражений по всей линии фронта. Особенно зловещая картина предстала перед глазами старшего сержанта Лукманова и его боевых товарищей 5 апреля у города Дубно. Дорога изрыта воронками. По ее обочинам, на непаханой уже три года плодородной земле, изрезанной осколками, валялись остатки вражеской техники, трупы немцев. Отступая, враг терял огромные силы, но яростно сопротивлялся.

Раннее весеннее утро заполнилось запахами дыма и гари от сожженных хуторов и сел, стояла непролазная грязь от паводков и дождей.

Частям 13-й армии 1-го Украинского фронта был дан приказ овладеть городом Дубно — крупным опорным пунктом врага, форпостом обороны Львова. В нем немцы сосредоточили несколько пехотных дивизий и танковую бригаду.

Взвод лейтенанта Исманова, в котором воевал З. Г. Лукманов, должен был овладеть укрепленными позициями противника на высоте, расположенной на окраине города.

После массированной артподготовки при поддержке авиации началось наступление нашей пехоты. В утреннем полумраке, применив внезапную "психическую" атаку, взвод Исманова сравнительно легко выбил из укреплений превосходящие силы фашистов.

Опомнившись после бегства, немцы решили слова овладеть высотой — ключом их позиций. Около трех часов немцы яростно атаковали горстку советских воинов. Редели ряды личного состава интернационального взвода, составленного из русских, украинцев, белорусов, татар, узбеков. Более половины их пали смертью храбрых. Взять высоту немцам не удалось.

Вдруг во время одной из атак замолчал пулемет казаха Абрахманова. Загит Гильманович заменил друга, ураганным пулеметным огнем помог остановить озверелых фашистов. А когда вражеская пуля сразила лейтенанта Исманова, старший сержант З. Г. Лукманов взял на себя командование взводом, как старший по званию из оставшихся в живых.

До конца сражения не угасал героизм советских солдат. Благодаря им наши основные войска вошли в город с малыми потерями.

Все, кто остался из взвода в живых, были представлены к наградам. А старший сержант Лукманов был удостоен ордена Славы III степени.

Много еще после этого пришлось шагать Лукманову по дорогам войны. Принимал участие в Берлинской и Пражской операциях. За боевые заслуги получил еще несколько наград.

Сейчас Загит Гильманович Лукманов работает бригадиром по электролизу. Имеет две трудовые медали.

И теперь он — настоящий солдат, только на мирном, трудовом фронте.

В. ШУРЫГИН.

"Красное знамя", № 53, 8.05.1971 г.

НА ПРЯМОЙ НАВОДКЕ АЛЕКСЕЙ ЛЕВЧЕНКО

Город Сороки утопал в зелени садов. Но он был занят гитлеровцами. Что предпринять, чтобы не дать врагу разрушить город? Командир полка — полковник Василевский принимает решение бить немцев прямой наводкой — с открытых позиций.

И здесь нашлись добровольцы—верхнепышминец Алексей Левченко — наводчик и заряжающий Костя Зулин. Орудия на позиции выкатывали по одному.

...Первый снаряд попал в колонну грузовиков, второй развороти дорогу, ведущую из города.

Но пушку тотчас же засекли немецкие наблюдатели — и вот уже кусты взрывов стали появляться справа и слева. И тогда Алексей решил сменить позицию. Под непрекращающимся огнем шесть смельчаков откатили пушку на новую позицию.

Еще выстрел, и замолчала тяжелая пушка фашистов, а на окраине уже разворачивалась колонна танков. Раздалась команда: "По головному огонь!" — и, завертевшись на одной гусенице, танк начал изрыгать пламя из своей длинноствольной пушки, но через несколько секунд страшный взрыв потряс бронированное чудовище, и танк замолчал.

Фашисты вновь пристрелялись. Осколком сорвало прицельную планку, пришлось стрелять "на глазок", но снаряды продолжали ложиться в цель. Раздосадованные фашисты сосредоточили весь огонь по горстке людей. Упал подносчик снарядов. Потом их осталось всего двое: Алексей и Костя. Забыв об усталости, они сами подтаскивали снаряды, заряжали, прицеливались и вели огонь.

С облегчением вздохнули лишь тогда, когда услышали громкое "ура!" Это пехотинцы соседнего полка совместно с артполком появились на противоположной окраине города.

Город был спасен от разрушения. ...Сейчас Алексей Моисеевич Левченко трудится начальником ЖКО в Верхнепышминском строительном управлении.

Л. ДЬЯКОВ.

"Красное знамя", № 23, 22.02.1969 г.

ОБ АНДРЕЕ НИФАНТОВЕ ПИСАЛА ФРОНТОВАЯ ГАЗЕТА

Андрей Федорович Нифантов, рабочий строительной группы Верхнепышминского совхоза, сохранил два номера красноармейской газеты за 10 января и 30 апреля 1944 года, в которых рассказано и о нем, воине 313-й Краснознаменной, ордена Ленина, ордена Суворова II степени стрелковой дивизии.

В списке награжденных орденом Славы III степени и старшина Андрей Федорович Нифантов. Это — не первая его награда.

В небольшой заметке, посвященной новой группе кавалеров ордена Славы, написано:

"Старшина Андрей Нифантов во время боевой операции, действуя смело и решительно, в упор расстрелял трех белофиннов, своим телом защитил командира от опасности. Командование за отвагу и мужество наградило его орденом Славы III степени".

В номере за 30 апреля 1944 года об Андрее Федоровиче красноармейская газета "На штурм!" помещает очерк "Честь воина". Военный журналист А. Червочкин тепло пишет о смелом старшине, храбром автоматчике, который не раз смотрел смерти в глаза, вместе с друзьями-разведчиками приводил из вражеского тыла "языков". Один из них специальным самолетом был доставлен в Москву.

"В одном из боев, —пишет автор, — когда взвод должен был занять одну сопку, фашисты лавиной огня и стали прижали бойцов к земле. Тогда Андрей Нифантов бесстрашно поднялся во весть рост и с возгласом: "За Родину! Вперед!" повел бойцов в атаку.

Приказ был выполнен. Сопка была взята. В этом бою Нифантов убил десятка полтора белофиннов, но и сам был тяжело контужен. Но поле боя не покинул, пока задание не было выполнено".

"Обо мне и моих боевых товарищах, — говорит Андрей Федорович, — армейская газета рассказывала часто, а самому не приходилось писать. Но читать свою родную дивизионку я любил и делал это при первой возможности.

Усталый и голодный, а вот ведь берешься не за котелок, а за газету. Прочтешь ее, родимую, и на сердце становится теплее".

Участвовал Андрей Федорович в тяжелых боях, которые вела их часть на Медвежегорском направлении в трудный для Родины 1942 год. "Кругом вражеские войска, лес, болота,

непроходимая чащоба. Боеприпасы, медикаменты, продовольствие — все доставлялось самолетами. И какова была радость воинов, когда среди сбрасываемых грузов находили пачки свежих газет.

Из зачитывали до дыр. И пусть тогда у наших войск не было еще побед, но радовало, что на отдельных участках фронта наши части наносили чувствительные удары. И короткие газетные сообщения придавали нам новые силы".

"Помнится, — говорит А. Ф. Нифантов, — мы совершили удачную ночную вылазку в тыл белофиннов. Изрядно потрепали тогда противника. Во время этой вылазки сделали для себя еще одно важное открытие: у противника обнаружили в избытке американские мясные консервы, минометы и боеприпасы к ним, т. е. все то, что США посылали и нам. Вот тогда и пошла у нас шутка: "На второй фронт надейся, а сам не плошай". И наши ребята не оплошали. Они прихватили с собой изрядные трофеи и в тот же день в знак "благодарности" обрушили на немцев и белофиннов лавину минометного огня".

"Красное знамя", № 51, 4.05.1966 г.

ОДИССЕЯ АНДРЕЯ ГОЛУБЕВА

В 14 лет Андрей Степанович Голубев уже был учеником электрика медеэлектролитного завода. А 10 марта 1939 года его приняли в партию.

Войну А. С. Голубев встретил в Новороссийске, где плавал он боцманом на пограничном катере.

Летом 1941 года Андрей Голубев защищает морские транспорты от нападения фашистских стервятников.

Декабрь 1941 года. Его вместе с другими моряками с потопленных судов в составе 82-й отдельной морской стрелковой бригады посылают на защиту Москвы.

Сентябрь 1942 года. Голубев — десантник Северного флота.

1943 год. Спецкоманду, куда зачислили Голубева, направляют в США, где она должна была принять боевые корабли и вернуться на них в Черное море.

1945 год. Андрей Степанович Голубев участвует в освобождении Румынии, Болгарии, охраняет Крымский полуостров во время Ялтинской мирной конференции глав великих держав.

1946 год. На трофейном быстроходном тральщике он участвует в разминировании вод Балтийского моря.

После войны Андрей Степанович заочно закончил исторический факультет Уральского госуниверситета. Пошел работать учителем в школу рабочей молодежи № 1. Пятнадцать последних лет перед уходом на пенсию был директором средней школы № 25. Был председателем горкома профсоюза работников народного образования.

И. АНАТОЛЬЕВА.

"Красное знамя", № 133, 7.11.1981 г.

В ПЕРВОМ БОЕВОМ ПОХОДЕ

Была середина июля 1944 года. Ранним утром из Новороссийска вышел буксир "Черноморец", ведя на стальном тросе огромную, покрытую ржавчиной коробку эскадренного миноносца. Для его охраны было придано три противолодочных катера — два малых охотника и один большой — "БО-208". Для команды "БО-208" это был первый боевой поход в водах Черного моря. Задача катеров охраны состояла в том, чтобы доставить в целости и сохранности коробку эсминца в порт назначения.

Погода стояла отличная, щедро грело солнце, волнение моря было слабое — около двух

баллов. В туманной дымке видны были Кавказские горы. свободные от вахты матросы и старшины вспоминали минувшие походы по морям и океанам или просто дремали. Казалось все забыли, что вокруг идет жестокая война.

Где-то в полдень радист старшина второй статьи Щуров передал командиру катера старшему лейтенанту Кондрашину шифровку, в которой сообщалось, что в районе Очамчире на прибрежный песок выскочила торпеда, пущенная неизвестной подводной лодкой. Приказ гласил, чтобы "БО-208" пошел на поиски лодки и потопил ее.

...Шел уже третий час интенсивного поиска, но все безрезультатно. Вдруг гидроакустический аппарат уловил короткое, но еще слабое эхо. А через несколько минут гидроакустик старший матрос Борисов доложил командиру: "Подводная лодка, курс 260 градусов, скорость 7 узлов".

Прозвучал сигнал боевой тревоги. Катер вмиг преобразился. Прошло не более десяти секунд, как команда катера была готова к бою. Минеры старшина второй статьи Смольяков и его помощник матрос Смыков подготовили глубинные бомбы для атаки. Прозвучала команда: "Самый полный! Бомбы за борт!" Хлопнули бомбометатели. Через 4—5 секунд море в радиусе 100 метров раскололось глухим треском взрывов.

Снова поиск. Вторая атака. Но признаков, что лодка хотя бы повреждена, нет.

На поверхность всплыло много оглушенной рыбы. Я попросил у командира разрешения спустить шлюпку на воду, чтобы собрать ее. Получив "добро" мы со Смольяковым быстро спустили шлюпку и стали собирать туши белуг и осетров.

В это время в 6—8 метрах от шлюпки раздался взрыв. Потом невысоким фонтаном из глубины моря, пузырясь, поднялось масло, какие-то деревянные предметы, солярка. Сомнений не было: подводная лодка потоплена. Мы закричали от радости. На катере прозвучал сигнал отбоя боевой тревоги.

Вскоре наш "БО-208" присоединился к охране, и мы благополучно прибыли в порт назначения.

А. ГОЛУБЕВ,
бывший боцман "БО-208" Краснознаменного Черноморского флота.
"Красное знамя", № 89, 26.07.1980 г.

ПУТЯМИ СРАЖЕНИЙ

В июне 1941 года я служил в Литве, был зенитчиком. За первые четыре дня войны наш 39-й отдельный зенитный артдивизион уничтожил 16 вражеских самолетов. 26 июня мы получили приказ отступить. Прошли с боями Прибалтику. Но силы были неравны, и в тяжелых боях наша батарея была уничтожена. Лишь немногим моим товарищам удалось вырваться из окружения.

К 15 августа мы вышли в район города Ораниенбаума (теперь г. Ломоносов) и там остановились. Дорога на Ленинград у станции Стрельня была перерезана.

В сентябре 1941 года я был откомандирован в 48-ю стрелковую дивизию им. Калинина, которая занимала оборону в районе Петергофа.

В августе 1942 года меня тяжело ранило и после длительного лечения я был направлен в Заполярье, где в качестве командира пулеметного расчета зачислен во вновь сформированную 45-ю стрелковую дивизию.

В августе 1943 года дивизия остановила врага, рвущегося к Мурманской железной дороге. В тяжелом бою я потерял часть своих бойцов, мой "максим" разбило, меня контузило.

После госпиталя снова на фронт.

В октябре 1944 года дивизия участвовала в освобождении города Печенги и стала называться Печенгской.

После этого нас направили в Норвегию. С жестокими боями дивизия освобождала норвежские города.

Наш 62-й стрелковый полк за эти бои был награжден орденом Красного Знамени.

Н. БУШЛАНОВ.

"Красное знамя", № 54, 6.05.1975 г.

КОНЦЕРТ ПЕРЕД БОЕМ

Это было в канун Нового, 1944 года. Действуя в составе 2-го Прибалтийского фронта, наш 901-й стрелковый полк после недолгой передышки снова двинулся на передний край. На привале, в нескольких километрах от линии огня, нам объявили, что в гости подоспели ленинградские артисты.

Сразу же после обеда придумали сцену — несколько рядом стоящих открытых машин. И концерт начался. Нужно было видеть, с каким вниманием, с какой приподнятостью слушали воины песни Соловьева-Седого и Блантера, смотрели сцены из оперетт Милютина и Дунаевского и другие номера. И хотя артисты были по-зимнему одеты, каждое их исполнение нам было по душе и встречалось бурными аплодисментами. На лицах солдат исчезли признаки усталости от долгого марша. Как будто прибавилось сил и уверенности, окрепла воля к победе над врагом.

Артистов благодарили, как могли. Дарили нехитрые солдатские подарки: самодельные зажигалки, ложки, кисеты с табаком.

Но вот прозвучала команда, и мы двинулись на передовую. Через несколько часов предстоял бой, но настроение у всех было бодрое, приподнятое. Делились впечатлениями о концерте, вспоминали мирное время, родных и друзей.

С марша приняли боевой порядок и после короткой артподготовки вступили в бой. Наш взвод автоматчиков должен был отбивать врага на стыке нашего и соседнего полков, занять небольшой населенный пункт.

Правда, как выяснилось после, пункт этот представлял собой груды разбитых, обгоревших строений, да частично уцелевших печей. В этих развалинах залегли, замаскировались фашисты. Но ничто не могло спасти их от возмездия. Натиск автоматчиков был неотразим. Да и смекалка, быстрая ориентировка, ловкость помогали нашим бойцам в любой ситуации перехватывать инициативу сражения, побеждать противника!

За этот успешно выигранный бой командование объявило всему взводу благодарность. Особо отличившиеся — сержант Иван Зоря, рядовые Николай Тверецкий, Иван Евстратьв и Владимир Овчинников — были представлены к награде.

Но каждый из нас считал также, что эта победа частично принадлежит и ленинградским артистам.

П. ГОЛУНОВ,

слесарь Пышминского рудника, бывший командир взвода автоматчиков.

"Красное знамя", № 24, 23.02.1974 г.

ТАНКИСТ ЯКОВ СТАРКОВ СТАЛ КАВАЛЕРОМ ОРДЕНА ЛЕНИНА

Яков Иванович Старков в 1939 году окончил среднюю школу № 1 г. Верхняя Пышма и стал рабочим завода "Уралэлектроаппарат!" Освоил профессии формовщика и токаря.

С началом войны многократно просился на фронт, но не отпускали.

Старков поступает на курсы шоферов. Получение этой специальности облегчает ему уход в армию.

И вот он за рулем военной машины на Волховском фронте. Находится здесь два года вплоть до зимы 1944 года, до снятия блокады с Ленинграда в январе 1944 года.

Бойца отзывают на Урал для того, чтобы он, выучившись в Челябинске на танкиста, снова оказался в самом пекле войны на Нарвском плацдарме в Польше. Бои были тяжелыми. Танк Старкова горел. В память о тех событиях хранит Яков Иванович медаль "За отвагу".

А в 1967 году шофер Верхнепышминского управления коммунального хозяйства был награжден орденом Ленина.

В. МИХАЙЛОВ.

"Красное знамя", № 16. 7.02.1970 г.

В БОЯХ БОРИС БОЛЬШАКОВ

В 1944 году Борис Михайлович Большаков был призван в армию. Первое боевое крещение получил в боях за город Холм. Город Ленинград в то время был в блокаде... Двухнедельные упорные бои дали возможность прорвать вражеское кольцо и пробить брешь шириной в 16 км. В одном из последних боев тов. Большаков был ранен и находился на лечении. По выздоровлении и окончании авиадесантной школы среднего комсостава он был отправлен в распоряжение 3-го Украинского фронта в состав авиадесантного корпуса, который в то время вел бои у стен города Мелитополя. А далее корпус был переброшен под город Кривой Рог.

22 февраля 1944 года корпусу предстояло форсирование быстрой и глубокой реки Ингулец и тяжелый ночной бой за овладение городом. В 2 часа ночи младшего лейтенанта Большакова вызвали в штаб полка и дали боевое задание. Оно состояло из трех этапов и казалось невыполнимым. Первое, необходимо было собственными силами роты сделать переправу через реку Ингулец. В результате огромных усилий через полтора часа мост был готов.

Вторым этапом была подготовка взрывчатки и переправа головного отряда саперов на противоположный берег реки. Все эти работы были проведены под покровом снежной метели и пурги. Связь со штабом полка работала хорошо.

В-третьих, требовалось подорвать 8 бетонированных немецких дзотов, в которых были установлены пушки и пулеметы.

Саперы, изнемогая от усталости, ползком по снегу прорывали путь к немецким дзотам. Вся эта громаднейшая работа к утру была проведена. Ровно в 6 часов утра тов. Большаков получил приказ подорвать немецкие дзоты.

По сигналу ракеты 8 немецких дзотов в одно мгновение взлетели в воздух, что создало условия для продвижения войск на данном участке фронта и послужило началом последних решающих боев за город Кривой Рог.

К концу дня город был освобожден. А Борис Михайлович Большаков был награжден орденом Красной Звезды и ему присвоено звание лейтенанта.

Тов. Большаковым пройден славный, но трудный путь боевых сражений за Родину. Он участвовал в боях за освобождение Никополя, Николаева, Одессы и ряда других городов Советской Украины.

Демобилизовавшись из рядов Советской Армии, он снова вернулся к труду и учебе, которую не смог окончить до ухода в армию.

Два года тов. Большаков руководил самой крупной в городе комсомольской организацией на медеэлектролитном заводе. Одновременно с работой упорно учился.

30-летие Советской Армии он встречает особенно радостно — он получил диплом с отличием об окончании горно-металлургического техникума. Он избран депутатом горсовета. Сейчас работает секретарем горсовета депутатов трудящихся.

А. ДМИТРИЕВА.

"Красное знамя", № 8-9, 23.02.1948 г.

ГЛАВНОЕ — ИМЕТЬ КРЕПКУЮ ДУШУ

Закиржана Закирова я узнала случайно — он пришел к нам в редакцию оформлять подписку, и так — слово за слово — возник разговор, потому что шла речь о Дне Победы, и он обронил фразу:

— Я ушел на фронт в восемнадцать, не успев подружиться ни с одной девчонкой...

Мы успели поговорить с ним немного, но почему-то, вот с этой первой фразы, я поняла, что хочу написать об этом человеке. А может быть, еще и потому, что он часто смущенно говорил: "Да я ведь подвигов особых не совершал — за что обо мне писать-то? Я служил, как меня учили, а жил, как родители наставили"...

Закиржан закончил радиошколу в Свердловске и в ноябре 1942 года попал на Северо-Западный фронт. Радист-разведчик артиллерийской части в 18 лет...

И с первых дней он, еще мальчишка, оказался лицом к лицу со смертью — его товарищи погибали в окопах, часто закрывая собой его и рацию: куда пехота и артиллерия без связи?

Под грохот орудий Закиржан вызывал батарею, чтобы огонь был скорректирован, он знал все шифры, которыми передавал секретные данные в штаб.

— Бои на Северо-Западном были очень тяжелые и, я бы сказал, "неблагодарные" — вспоминает Закиров. — Мы увязали в болотах возле Вологды, Ленинграда, приходилось отступать, идти в бои при совершенно неравных силах...

Их часть участвовала в прорыве ленинградской блокады, и в марте 1944 года они соединились с Прибалтийским фронтом под командованием маршала Баграмяна.

Когда я задала вопрос о наградах, Закиров неожиданно замолчал и помрачнел.

На фронте ведь всякое бывало. И однажды так получилось, что он поссорился с офицером пехоты. А повод был существенным: офицер бросил своих солдат в бою. В тот же день сотрудники НКВД забрали у Закиржана награды и погоны и отправили в штрафбат. Никого не волновало, что Закиров был прав — ведь он — сержант, а тот — офицер... Выживешь за три боя в штрафбате — вернешься в часть, не выживешь — значит, судьба такая... "Штрафники" бросались под танки с именем Сталина на устах, шли в самое пекло...

За время войны у Закирова было несколько ранений, а самое тяжелое — осколком в сустав на руке, которое сказалось на всю жизнь, он получил в Литве. Оттуда был эвакуирован в Рязань и потом долечивался дома, в Верхней Пышме.

Рука болела нещадно, но каждый день Закиров разрабатывал ее изо всех сил, ходил на лыжах, бегал. И со временем он стал... кем бы вы думали? — первым после войны председателем горсовета по физкультуре! 40 лет он проводил городские эстафеты, был главным судьей на соревнованиях, где никто и не догадывался, какое ранение перенес этот человек...

Мужчин в Пышму после войны вернулось мало, и они были нужны везде.

Хотя у Закирова была вторая группа инвалидности, он успел поработать и заведующим горсобесом, и сцепщиком вагонов на комбинате, и начальником межцехового транспорта, откуда ушел на пенсию.

Много пережил он и после войны — похоронил две жены, сына, сам пережил инсульт, но не позволяет себе ни на минуту расслабляться.

— Так уж сложилась жизнь, что сделаешь, — говорит Закиржан. — А сейчас у меня отрада — внуки. Тарас учится в 10 классе гимназии в Екатеринбурге, Юле — 11 лет, оба они занимаются фигурным катанием. Меня спорт очень поддержал в свое время, поможет и им. Главное — иметь крепкую душу, я так думаю... Тогда не станешь ни трусом, ни лентяем — вот этому меня фронт и научил...

Ирина ГОЛУБНИЧАЯ.

"Красное знамя", № 54, 8.05.1993 г.

НА РУМЫНСКОЙ ГРАНИЦЕ В 1944 ГОДУ

Иван Герсамивоч Пронин. Служба в Красной Армии с 1939 по 1947 год. Во время войны оружейный техник.

В марте 1944 года войска 2-го Украинского фронта вышли на государственную границу СССР, с хода форсировали пограничную реку Прут и заняли очень важный стратегический плацдарм на румынской территории. Наша 50-я стрелковая Запорожско-Кировоградская дивизия, которая в составе 46-го стрелкового корпуса прошла Украину, часть Молдавии и участвовала в форсировании реки Прут, в это время заняла оборону севернее румынского города Яссы.

Для немцев этот рубеж был не менее важным. Они поставили перед собой задачу во что бы то ни стало столкнуть наши войска с занятых позиций и потопить в реке. С этой целью они бесконечно контратаковали нас, используя при этом танки и авиацию.

Для отражения атак нам требовалось большое количество боеприпасов. А доставлять их было очень трудно. Во-первых, в полку не было ни одной машины, боеприпасы подвозились на лошадях и волах. Во-вторых, местность от реки Прут до командного пункта командира полка, который располагался на вершине горы, была открытой, на ней не было ни одной канавы, ни одного кустика. Одиночные самолеты противника, зная о том, что только этой дорогой доставляются материальные ресурсы, патрулировали этот район, систематически бомбили и обстреливали из пулеметов обозы с боеприпасами. А обозы курсировали круглосуточно. И если ночью было более или менее спокойно, то в дневное время практически не было случаев, чтобы нас не бомбили или не обстреливали с воздуха.

В этих условиях мне удалось не только обеспечить свой полк необходимым количеством боеприпасов для отражения контратак противника, но и сделать запас для последующих наступательных действий. 20 августа 1944 года войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление, наша дивизия участвовала в освобождении от фашистских захватчиков города Яссы и продвинулась вперед в юго-западном направлении. Через несколько дней в районе города Хуши наши части встретились с частями 3-го Украинского фронта, завершив тем самым окружение крупной Ясско-Кишиневской группировки немцев.

За бесперебойное обеспечение боеприпасами в этих боях и проявленный при этом героизм приказом по 46-му стрелковому корпусу я был награжден орденом Красной Звезды.

И. ПРОНИН.

"За медь", № 24. 19.06.1991 г.

В РАЗВЕДКЕ У РЕКИ НАРЕВ

Меня, верхнепышминца Юрия Викторовича Ждановича, в армию призвали семнадцатилетним, в декабре 1942 года. В Орджоникидзевский райвоенкомат явился вместе с Борисом Баженовым, Володей Тиуновым и другими мальчишками-сверстниками.

Попали под Кунгур в школу снайперов. Но снайпером повоевать мне не пришлось, т. к. после окончания школы меня направили в полковую разведку на 2-й Белорусский фронт.

С разведкой несколько раз ходил на задание. Помню, это было на территории Польши у реки Нарев. Нашей группе надо было взять языка, а для этого переправиться через реку. Наш берег — пологий, а вражеский — крутой откос.

На лодке переплыли, взобрались наверх. Впереди, как всегда, полз — сапер, я был замыкающим, а передо мной двигался только накануне вернувшийся в часть из госпиталя боец 1926 года рождения. Двигаться надо было осторожно, а он чуть-чуть отклонился от прощупанного сапером пути и напоролся на мину. Она взорвалась и перебила ему ногу.

Я подполз к нему, перетянул обмоткой державшуюся только на сухожилиях ногу, чтобы

остановить кровь. Немцы тем временем уже открыли стрельбу. Надо было срочно уходить. Парнишка только твердит: "Братцы, не бросайте меня!" Я взвалил его на себя, он одной рукой за мою шею ухватился, а другой перебитую ногу поддерживает. А берег крутой, как спускаться? Тут уж не до осторожности было. Одному богу известно, как спустились, как через реку переправились. Но добрались-таки до своих.

В другой раз так же двигались по болотной тропе. Здесь тоже в сторону не свернешь — топко. С противоположной стороны видимо, двигалась группа немецких разведчиков.

Схватились мы с ними, и нам удалось здоровенного фрица захватить. Три километра тащили его по очереди на себе.

Судьба на фронте хранила меня. Однажды попал под сильный минометный обстрел. Думал: "Кто кого? Или я раньше успею добежать до траншеи, или мина меня накроет". Прыгнул в траншею, а мина впереди взорвалась. Меня взрывной волной подбросило, контузило. Но, к счастью, уцелел.

В 1944 году меня, как одного из самых "образованных" бойцов (до войны закончил семь классов) направили в Ленинградское пехотное училище, которое размещалось тогда в городе Глазове.

Но не суждено мне было стать офицером. Уже через полгода училище расформировали, а курсантов направили дня дальнейшего прохождения службы в разные части.

Попал в роту сопровождения воинских грузов. Здесь и встретил День Победы.

Ю. В. ЖДАНОВИЧ.

Рассказ ветерана записала Л. Н. НИКИТИНА

"За медь" № 8, 17.02.2000 г.

ЭКИПАЖ ПЫЛАЮЩЕГО БОМБАРДИРОВЩИКА

В ночь с 19 на 20 сентября 1944 года с аэродрома Цюнув, расположенного в 32 километрах западнее Львова, взмыл в небо советский бомбардировщик с бортовым номером 12. Перед его экипажем была поставлена задача — бомбить железнодорожный узел Чоп на границе с Венгрией и Чехословакией.

Их было семеро. Все, как на подбор, молодые, смелые, энергичные. Старшему из них не было и тридцати, а двоим недавно исполнилось лишь восемнадцать. Вот их имена.

Командир — лейтенант Григорий Абашкин. Русоволосый, спокойный, сугубо гражданский человек, только что оставил гражданскую авиацию. В тот полет думал о детях и жене.

Второй пилот Илья Соколов родом из Тульской области. Там в городе Павловске рос в простой семье: отец работал конюхом в военкомате, мать — уборщицей. В состав экипажа был включен в последний момент.

Борттехник Владимир Пронин тоже был из гражданских и только что получил воинское звание младшего лейтенанта-техника. В армию был призван из г. Балашова Саратовской области.

Воздушный стрелок Михаил Ященко, уроженец села Игнатовка Могилевской области, был обут в ботинки с черными обмотками — так же, как и радист Наумов. За это их прозвали пехотой. Им было по восемнадцать лет.

О втором штурмане младшем лейтенанте Романе Финкиче из членов экипажа почти никто ничего не знал. Было известно, что родители его проживали в городе Миассе Челябинской области. Он тоже был включен в состав экипажа в последний момент.

Штурману Николаю Глызину было 22 года от роду, но на его счету уже было 22 боевых вылета. Родом из Вологодщины. Там в небольшом селе Чушевицы у него остались отец и мать. В Харькове Николай окончил авиационное училище, стажировку проходил в летном центре на Волге. Оттуда молодого штурмана направили на Украину в город Нежин, где его уже ожидал авиаполк.

В состав экипажа входил и Василий Наумов, бывший ученик школы № 1 рабочего поселка Медный рудник.

"В школе у Васи любимым предметом было рисование, — вспоминает его сестра Анна Александровна Рыжкова. — Он любил рисовать и хорошо рисовал. Любил уроки пения. Обладал неплохим голосом".

После окончания семи классов Василий поступил в Свердловске в техникум, какой — сестра не помнит. В 1941 году в здании этого техникума разместился госпиталь, и Василию пришлось доучиваться уже в другом учебном заведении — в кулинарном. В 1943 году его призвали в армию. После девятимесячной учебы в Челябинске направили на фронт.

С фронта от него пришло не более двух писем, в которых он просил родных, особенно мать, не беспокоиться о нем.

А потом пошли письма из части: в первом сообщалось, что 19 сентября 1944 года на задание вылетело 18 самолетов, вернулось обратно 17. Не вернулся тот самолет, на борту которого находился Василий Наумов. В письме также говорилось, что о судьбе экипажа никаких сведений пока не имеется.

Недели через две из той же части пришло второе письмо. В нем сообщалось, что самолет разбился, в живых остались лишь двое. Кто? В письме об этом не говорилось. Лишь три с лишним месяца спустя, в январе 1945 года, мать Василия, Лукерью Сергеевну Наумову, пригласили в военкомат и вручили похоронку.

Так что же произошло в ту ночь с 19 на 20 сентября 1944 года в небе Закарпатья?

"Наш экипаж был из 336-го авиаполка дальнего действия, — вспоминает штурман Николай Глызин. — На Чоп тогда направили только наш самолет, потому что другие срочно десантировали грузы словацким партизанам. Помню, что аэродром, куда они летели, носил красивое название "Три дуба".

Итак, летели мы на Чоп. Его только что отбомбили. Кто? Мы знали одно: это наши, из-за Карпат. Самолеты улетели, и можно было подумать, что с немцами уже покончено: попадали, как срезанные, казармы, сошли с путей вагоны. Но вот луч прожектора выхватывает из темноты крыло нашего самолета.

Даю команду: "Боевой". Это значит, что ложимся на боевой курс. Самолет пошел на снижение с таким тяжелым ревом, словно сам хотел врезаться в станцию со всеми своими бомбами. А я в прицел вижу: самолет ниже и ниже — словно помчался по путям, прямо на цистерны. Грохнули двумя фугасными — каждая по полтонны, а следом сыпанули зажигательных бомб".

Обратно возвращались под грохот зенитных батарей. Летели от луны — было темнее, но зато вместо всполохов от зенитных разрывов в небе появились звезды.

Стали даже шутить, что, мол, хорошо летим, не слышно даже комаров. Но один "кровопиец" МЕ-100 вскоре появился. Его сперва даже не заметили, но он решил сверху посветить: сбросил прямо на хвост самолета осветительную ракету. Чтобы выйти из-под ее света, бомбардировщик стал резко снижаться и менять курс. И тут как назло заклинило пулемет. А "мессершмидт" тут как тут: уже снизу целится.

В то время они находились над украинским селом Турья Пасека. Горел не только самолет, начала гореть на членах экипажа одежда. В любой момент многотонная машина могла взорваться и врезаться в сельские дома. Чтобы предотвратить это, командир экипажа направил бомбардировщик на подлесок.

О том, что было дальше, со слов Николая Глызина в очерке "Огненный полет" рассказывает украинский писатель Василий Басараб: "Снова огонь опалил лицо, снова будто выжег ему глаза — и в тот же миг его охватило холодное черное пламя, которое, вихрясь, сорвало с головы шлем; а рука непривычно хваталась за грудь, за спасательное кольцо, и еще спустя мгновенье так сильно дернуло, что слетели сапоги. Ожидал удара о землю, но

на земле что-то вспыхнуло и громыхнуло — и глаза прозрели: заметил в отдалении темные очертания вершин и сразу подтянулся на лямках парашюта. Когда очнулся, то увидел, что лежит на сельской дороге. Где-то слышалась беспорядочная стрельба, и он догадался, что это в самолете, где-то очень близко, рвутся от огня патроны. А вот когда осколками прошило ногу — даже не почувствовал".

Из семерых членов экипажа, кроме Н. Глызина, в живых остался Роман Фонкич, только что окончивший школу штурманов и по приказу комполка взятый в этот день на боевое задание. Под руководством Н. Глызина он должен был на практике освоить, как дается самолету курс — в темноте, под обстрелом, при перелете через горы.

От плена их спасло то, что жандармы, прибывшие на место падения самолета, обнаружили там пять погибших членов экипажа и посчитали, что это все, и дальнейшие поиски прекратили. Уже потом их приютили и выходили местные жители, а когда они окрепли, переправили к партизанам.

Как в дальнейшем сложилась судьба оставшихся в живых членов экипажа разбившегося бомбардировщика? По-разному. В феврале 1945 года эскадрилья бомбардировщиков получила задание вылететь под Бреслау на бомбежку окруженных там фашистов. Самолет Фонкича подбила вражеская зенитка, и он погиб. А Николай Глызин еще долго летал. После войны жил в Череповце, оставил воспоминания о трагической судьбе бомбардировщика. На основании его рассказов украинский писатель Василий Басараб написал повесть.

Следопыты села Порошково, где похоронены погибшие летчики, решили разыскать всех родных членов экипажа.

Они разыскали двоюродную сестру и тетю И. Соколова, брата, сестру и тетю Василия Наумова. А Николай Александрович Наумов по их приглашению побывал на могиле и месте гибели своего брата. В свою очередь украинские следопыты побывали в Свердловске, где встретились с сестрой Василия — Анной Александровной.

Г. ДМИТРИЕВ.

"Красное знамя", № 20.04.2000 г.

1945 ГОД

ИВАН МАРКАДЕЕВ — РОВЕСНИК ВЕКА

Мы встретились с ним в день Советской Армии, 23 февраля, во Дворце культуры металлургов. Долго же я его не видал! К своему стыду даже подзабыл, как зовут, хотя знакомы мы с 1962 года. Но ничего, вспомнили друг друга, разговорились. Иван Андреевич Маркадеев — ровесник века. Ему ныне 92 года, но он достаточно бодр, в ясной памяти, с довольно четкой речью, вполне подвижен для своего возраста. Многое же он повидал в своей жизни...

Первый день Великой Отечественной войны его застал в Омске, где он работал в облкомхозе и заканчивал вечернюю школу. В этот день сдавал последний экзамен за 10 класс, по тригонометрии. Молодая учительница явно волновалась и торопилась. Оказалось, спешила успеть проводить мужа к отправке в воинскую часть.

15 октября 1941 года Ивана Андреевича призвали в армию и определили в батальон связи 362-й стрелковой дивизии, формировавшейся тогда в Омске. Это соединение оказалось в числе тех сибирских дивизий, которые в конце 1941 года отбросили немецко-фашис-

тских захватчиков от Москвы. Вместе с дивизией он дошел до Великих Лук. Затем ее части стояли около года на знаменитом Ржевском выступе. Бои были упорные, потери большие с той и с другой стороны. Немцы минировали каждый клочок земли. Как вспоминает Иван Андреевич, по обочинам дорог после боев нагромождались целые горы обезвреженных вражеских мин.

Летом 1943 года И. Маркадеев участвует в Орловско-Курской битве. Освобождал Орел, Брянск, столицу Польши Варшаву. И, наконец, река Одер, а за ней — Берлин.

Подходы были болотистые. Мостили бревнами. Уже на другом берегу реки старшина телефонного узла связи попал под очередную массированную бомбежку. Его контузило, очнулся, но не покинул поле боя.

После форсирования Одера, прорвав немецкую оборону, 362-я дивизия устремилась в тыл противника и углубилась на 70 километров. В местечке Кляйн Фюрстендорф, куда они неожиданно ворвались, по рассказу Ивана Андреевича, их совсем не ожидали. По улицам мирно прохаживали люди, работали кафе, в которых местные бюргеры пили пиво.

Боевой путь он закончил в столице фашистской Германии, у Бранденбургских ворот. Однако война для него продолжалась. Дивизию бросили на помощь восставшей Праге, но в Лейпциге командование ее задержало. Здесь Иван Андреевич в память о Победе искупался в еще холодных водах реки Эльбы.

Был Иван Андреевич и в концентрационном лагере Майданек. Уже после взятия Берлина туда пришли. Он рассказывает:

"Просто страшно вспоминать! Ежедневно фашистские изверги сжигали здесь по две тысячи(!) человек, в том числе женщин и детей. Волосы у всех обстригали и отправляли на нужды своей легкой промышленности: изготовляли парики, подушки, матрацы, если были золотые зубы, то их выбивали. Помню длинный коридор. Идет по нему человек и вдруг падает. Газ... Только по обуви удалось нашим солдатам установить, что здесь были заключенные из самых разных стран. А всего в этом лагере было уничтожено свыше трех миллионов человек".

Б. ВОРОБЬЕВ.

"Красное знамя", № 38, 28.03.1992 г.

И КАК ПРЕЖДЕ, В СТРОЮ

А. П. Гладышев. Когда школьники просят меня рассказать какой-нибудь эпизод военных лет, я часто вспоминаю случившееся под Сталинградом. Ближе к вечеру подошла к нам машина. Грузовик как грузовик. В кузове солдаты сидели, офицеры. Пропуск имели при себе — все, вроде бы, как надо. Но, видно, интуиция помогла или бдительности мы научились, но задержали эту машину. И не напрасно: в ней сидели важные немецкие чины, переодетые в советскую форму. Удрать хотели из Сталинградского котла. Многому нас война научила: взаимовыручке, бдительности, стойкости, а главное, любить Родину.

В. А. Суворов: родом я с Урала, Из Верхней Туры. Оттуда в сорок втором был призван в армию. Закончил 1-е Ленинградское пехотное училище по специальности командир минометного взвода. Пришлось мне участвовать в боях за Белоруссию, Литву. А в октябре сорок четвертого был я ранен — редко какой счастливец на войне пулю обманул. После ранения сменил я специальность: работал военным переводчиком в радиоразведке: "забивали" станции противника, перехватывали, пеленговали, дезинформировали. Война всему научит. Война закончилась, а я еще четыре года только во сне видел родной Урал. Вплоть до образования ГДР служил я вдали от Родины.

Война из обычных, ничем не приметных парней героев делала, настоящих солдат. Помню, как всех нас потрясла весть о мученической смерти рядового Юрия Смирнова. Фаши-

сты, захватив бойца в плен, пытались получить интересующие их сведения. Но ничего не добились. Юрия Смирнова нашли распятым на стене блиндажа. Мы читали листовку "О подвиге Юрия Смирнова" и спрашивали себя: "А мог бы я так же?" И ведь многие, многие доказали: все можем.

Г. В. Языков: Я хотя родом из Кисловодска, большую часть жизни прожил на Урале, работал на приисках. Как металлург, в начале войны получил "бронь". Но совесть не позволяла быть в тылу, когда на фронт ушли сестра, брат, товарищ. И вот наш эшелон идет на Москву. Прибыли на Казанский вокзал, два шага вперед — по машинам! Первый бой я принял под Волоколамском... Вспомнилось, как под Ржевом мы получили задание уничтожить вражеский бронепоезд. Заминировали железную дорогу. Оглушительный взрыв. Мост подбросило Бронепоезд чудовищная сила швыряет с насыпи. Здесь я первый раз был ранен.

А. А. Малыгин: Война началась для меня "с похоронок", которые стали уже летом сорок первого приходить к родным моих друзей, товарищей. Пришла "похоронка" и на Юрия Спицына... Да что же это я, думаю, молодой, сильный, в армии служивший, буду в тылу победу ждать, надо идти в военкомат! В начале сентября 41-го зачислили меня в маршевую роту. Под Саратовом скопилось немало войск. Приехал Ворошилов. Сам вел с нами практические и теоретические занятия. Я его вот так близко в своем окопе дважды видел. Ничего от нас не скрывали, да и мы сами догадывались: будем защищать Сталинград. В июне высадились мы на станции Котлубань. Сразу стало "жарко". С утра в три-четыре этажа пошли на нас вражеские самолеты. Подошли немецкие танки. Мы отступали. Котлубань, Вертячий, Песковатка... Здесь нам пришлось стоять до конца. Потом как-то, уже после Курско-Орловской битвы, в которой тоже довелось участвовать, подумалось: счастливый я! Шинель прожженная, в дырах, а сам — живой!

Вызывают меня как-то в штаб дивизии: "С парашютом знакомы?" "Да, — отвечаю, — кончал до войны планерную школу". — "Пойдете в десантно-воздушные войска". Новый поворот моей фронтовой судьбы. В Ступино началась подготовка десантников. Я готовил парашютистов и сам прыгал. Больше семидесяти прыжков совершил, а вот в тыл к врагу прыгать не довелось. А из десантников я попал в стрелковую дивизию. Вот и посчитайте, сколько специальностей должен иметь воин! В Чехословакии войну закончил. В сорок шестом демобилизовался. Вернулся на родной ПМЭЗ.

Ю. К. Шаврин: История моя простая. Куда посылали —там честно старался служить. Семь лет солдатом. Родине нужны были офицеры, пошел учиться. Три года служил на Курилах и Сахалине. В 56-м закончил курсы политработников. Приехал на Урал. Служил на Чукотке. Был секретарем парткомиссии дивизии. Словом, в армии — 30 лет. Когда приехал в Верхнюю Пышму, направили меня начальником штаба гражданской обороны города. А с 1975 года преподаю начальную военную подготовку в школе № 33, возглавляю комитет офицеров запаса при горвоенкомате, по мере своих сил руковожу общественно-политической секцией городской организации общества "Знание".

Когда говорят о мужестве и героизме советских воинов, порой забывают героизм будней солдатских, когда молодые парни работают сутками без отдыха и не "пищат". Солдаты учатся, строят, разгружают вагоны. Я решительно против мнения, что современная молодежь не способна на героические поступки. Наши парни на Даманском, в Афганистане доказали, что они из той же породы несгибаемых, что и их отцы и деды.

М. Г. Семенов: 26 лет послужил я в армии. Ношу почетное звание ветерана Вооруженных Сил. И все эти годы — как на ладони. Призвали меня в армию в 1936 году. Направили в полковую школу. Начал свой путь сержантом. За два года до войны закончил военно-политическое училище. Политруком роты Бобруйского автотранспортного училища принял я свой первый бой. Пятнадцать раз пытались форсировать фашисты Березину. Не вышло. Так они, звери, согнали мирных жителей, чтобы те прикрыли мост. Жителей мы спасли, но дорогой

ценой. Из моей роты, что занимала правый берег, осталось 28 человек, а из левобережной — чуть больше тридцати.

С боями продвигались мы к Сталинграду. Приказ Сталина "Ни шагу назад! понимали сердцем. Много написано о Сталинградской битве, но лишь тот, кто был в этом пекле, знает цену нашей победы. Помню, получили мы приказ переправить бойцов на тракторный завод, а женщин, детей, стариков, раненых доставить на левый берег Волги. Как забыть глаза ребятишек в этом кромешном аду?! Как прижимались они к солдатам, чувствуя в них защиту свою и опору... Нет, не зря я и мои товарищи прошли всю войну, служили в послевоенные годы, служат и теперь, воспитывая молодежь, прививая юношам и девушкам святое чувство любви к Родине!

Записала И. КАЮРОВА.

"Красное знамя", № 23, 22.02.1983 г.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ХАРЛОВА

Иван Петрович Харлов на строительство медеэлектролитного завода приехал из Алапаевска 15-летним пареньком.

В конце 1937 года 17-летний Иван Харлов стал работать крановщиком в медеплавильном цехе.

В 1939 году он был призван в армию. Сначала служил на Дальнем Востоке. В 1942 году их часть перебросили на запад. И пошел бывший рабочий военными дорогами.

Двумя орденами — Красной Звезды и Отечественной войны II степени — отметила Родина этот путь. Война закончилась для него 15 января 1945 года в Карпатах.

Во время боя старший лейтенант И. П. Харлов был тяжело ранен и отправлен в госпиталь.

А 3 октября 1945 года он снова пришел в цех, впервые после войны.

...Почти 30 лет проработал Иван Петрович Харлов на медеэлектролитном заводе.

А в 1966 году был награжден высшей наградой Родины — орденом Ленина.

Л. НИКИТИНА.

"Красное знамя", № 19, 14.02.1970 г.

ОНИ НЕ ВЕРНУЛИСЬ НАЗАД

Семнадцати лет, не закончив десятый класс, ушел на фронт добровольцем Иван Дорошенко. Он воевал на Ленинградском и Волховском фронтах, а в июле 1943 года погиб под Орлом.

Тогда же, в разгар боев на Орловско-Курской дуге, погиб Владимир Малышев, после окончания школы вступивший в Уральский добровольческий танковый корпус.

Летчик Николай Баженов, лейтенант в зенитной артиллерии Иван Буденков, старший лейтенант-пехотинец Василий Денисов, братья Огарковы, Потоскуевы и другие — все они были учениками школы № 1 в Верхней Пышме. Совсем юными ушли они на фронт и не вернулись в родной город.

Учитель истории В. Н. Жиряков, окончивший нашу школу в 1940 году, разыскал сначала 12 и затем еще 15 фамилий погибших бойцов — бывших учеников и троих учителей школы № 1. По его инициативе в 1968 году здесь была установлена первая мемориальная доска, а нынче, на торжественном митинге в честь праздника Победы была открыта вторая.

Ее открытие состоялось при троекратном салюте. А потом была минута молчания.

Н. БРЮХАНОВА, Г. ГАФИУЛЛИНА, ученицы шкоды № 1.

"Красное знамя", № 58, 20.05.1972 г.

ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ П. ЧИРКОВ И В. ТИТКОВ

П. Г. Чирков. На войне я был все четыре года. Призвали меня в июне 1941 года. Еще до войны я закончил танковую школу, имел звание старшины. С июня 1941-го я снова учился в танково-техническом училище, после его окончания мне присвоили звание техника-лейтенанта, назначили заместителем командира роты по технической части. До 1944 года служил на Дальнем Востоке. Военных действий там не было, но угроза со стороны Японии вынуждала держать войска на востоке. И уже в 1944 году, когда война ушла за границу СССР, я попал на фронт. В составе 1-го Украинского фронта, армии Рыбалко, я со своим экипажем самоходки освобождал Польшу. Дрались за Варшаву, Познань, немецкие города Баутцен, Дрезден, Берлин. Но в Берлине война для меня не закончилась. Оттуда мы скорым маршем отправились освобождать Прагу.

В 1945 году началась война с Японией, и мы через всю страну отправились на Дальний Восток, но в боях я там не участвовал, война уже закончилась. Так что где начал я войну, там и окончил.

После демобилизации вернулся на Пышминский медеэлектролитный завод. Здесь я начинал работать в 1930 году учеником столяра, строил завод, пускал его. Здесь после войны проработал до самой пенсии.

Корр. Петр Григорьевич, вы пошли на фронт уже знающим военное дело, и не только потому, что закончили танковую школу, но и потому что работали в Осоавиахиме.

П. Г. Чирков. Молодежь да и люди старшего поколения серьезно учились военному делу. Многие сдавали нормы на значки "Ворошиловский стрелок", БГТО, ГТО, ГСО. У нас было два тира, в Среднеуральске комсомольцы построили парашютную вышку. Перед войной, когда я работал в электролитном цехе, был на заводе председателем Осоавиахима, обучал военному делу допризывников, затем был председателем Осоавиахима в городе, отсюда и пошел на фронт.

Мы проводили учебные "войны", на которые поднимали народ даже ночью, и разведка была, и в "плен" брали. Даже лошадей "мобилизовали" в кавалерию. Вся эта подготовка помогла, конечно, нам на фронте.

Корр. Какие военные награды у вас есть?

П. Г. Чирков. За тяжелые бои под Баутценом меня наградили орденом Отечественной войны второй степени. Награжден также польским орденом "Крест на поле хвалы", медалью "За освобождение Варшавы".

Под Баутценом меня контузило. Из моего экипажа тогда, к счастью, никто не погиб, но в этой заварухе решили, что я сгорел с танком, и домой в Верхнюю Пышму послали похоронку. Об этом я узнал в госпитале в Люблине. В госпитале я тогда не долечился, войска стремительно наступали, а мне не хотелось отстать от своей части. Я еще немного хромал, осколок от противопехотной мины до сих пор сидит в ноге. После контузии еще плохо говорил. Но в чем был, ушел из госпиталя догонять свою часть. Так и долечивался "на марше".

Ю. И. Стахеев. Петр Григорьевич, Вы освобождали Польшу и Чехословакию. Как вас встречало местное население?

П. Г. Чирков. Очень радушно встречали нас жители районов, которые мы освобождали. Выносили молоко, хлеб, вручали букеты цветов. Особенно теплыми и сердечными были встречи в Чехословакии.

Корр. А каким был ваш фронтовой путь, Виктор Алексеевич?

В. А. Титков. Войну я встретил в Новосибирске, где учился на киномеханика. 22 июня 1941 года было воскресенье, и мы отправились на теплоходе кататься по Оби. Как только услышали страшное известие, вернулись домой. За один день 23-го числа

сдал я все выпускные экзамены, и меня направили работать в Новосибирскую область.

В сентябре 1941 года я с призывниками проходил медицинскую комиссию, но по состоянию здоровья на фронт меня не взяли. Ушли воевать все мои ровесники, да и парни помоложе. Только летом 1942 года я упросил врачей дать мне заключение "годен к строевой". Лето и осень учился сначала в учебном подразделении, потом в пехотном училище. В конце октября нас отправили на Юго-Западный фронт. Я попал в роту противотанковых ружей.

Первый мой бой был у Дона. Переправа через реку уже была налажена, ночью мы через нее переправились и утром должны были наступать. Еще не рассвело, когда ударили "катюши", полетели самолеты. Грохот, снаряды летят — красиво! Я ни в одном бою не был, и страху у меня не было.

Пошли в наступление и мы. Местность для нас была невыгодная: немцы на горке, а нам ее надо было взять. Много здесь людей полегло, убит был и командир роты.

Нам мешали продвигаться вперед две вражеские огневые точки. Мы разделились, чтобы подавить их. Задачу мы свою выполнили, но здесь меня ранило осколком мины в ногу. Рана была небольшая, перебинтовал я ногу и дальше пошел. В этом же бою еще раз был ранен и обморозил раненую ногу.

В госпитале лежал в Свердловске. После госпиталя меня на фронт больше не пустили, так что первый мой бой был и последним. Но я продолжал служить — до конца войны сопровождал на фронт военные грузы. И тут тоже досталось — и под бомбежки попадали, и налеты бандеровцев на составы отражали.

После войны я так и остался в Свердловске, работал на "Уралобуви". С 1958 года работал в Верхней Пышме, вначале на руднике, потом в электролитном цехе паяльщиком по винипласту. Все годы вел общественную работу, восемь лет был председателем цехкома, избирался членом президиума профкома. Несколько лет работал заместителем секретаря партбюро.

Из боевых наград у меня медаль "За боевые заслуги". Орденами Ленина и "Знак Почета" награжден уже за работу на заводе.

"За медь", № 18, 8.05.1984 г.

ОПАЛЕННАЯ ЮНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ 1941 ГОДА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 1

Прощай, школа

Шла последняя школьная весна. 21 июня 1941 года прозвенел последний звонок. А вечером состоялся выпускной бал. Дома счастливые родители любовались аттестатами, а не менее довольные их владельцы все не могли расстаться со школой, учителями и друг с другом. Сожалели, что не было среди них Пахарукова, Бабайлова, Денисова, Савиных. Они еще весной поступили в спецшколу ВВС. Не присутствовали на выпускном торжестве будущие офицеры-артиллеристы Дима Игнатьев и Коля Пономарев: досрочно получив аттестаты, они уехали в Ленинградское артиллерийское училище.

Наутро снова встретились, чтобы пойти в лес, на Манину горку, озеро Балтым. На обратном пути не удержались и зашли в школу. Вот тут-то впервые узнали от технички-сторожа весть, поразившую всех, как гром. Короткое слово "война" вмиг смешало все дороги в одну, направленную на Запад, туда, где уже гибли пограничники и мирное население, разрушались города и села.

Наши наставники

Первыми ушли на войну наши учителя. Какие они были разные! Вот Павел Петрович Деменев. Почти всегда с новой, собственноручно изготовленной указкой. Бывали случаи, хотя горько об этом вспоминать, эти самые указки ломались об стол во время настойчивых

призывов нас к порядку, тишине. Отличный историк, он хорошо знал свой предмет, никогда не пользовался ни записями, ни конспектами. Настойчиво повседневно требовал знания хронологии, не уставая, спрашивал: "Когда была Полтавска битва со шведами. Ледовое побоище на Чудском озере, битва на Калке...". Терпеливо втолковывал то, что нужно будет нам всю жизнь, он предвидел и не скрывал от нас, что придется нам столкнуться с фашистской Германией. Как он был прав, и не справедливы были порой мы к нему.

В ладно сшитом костюме, мягкими движениями, застенчивый Степан Федорович Мартышев. Казалось бы, ему не мелом и тряпкой орудовать, а пушкинского Ленского в опере Чайковского петь. Как он знал математику! Как вскоре пригодились артиллеристам, пехотинцам, саперам его синусы, косинусы, теоремы. Трудно было представить, что он уже острижен наголо, в солдатской гимнастерке, ботинках с обмотками, может даже в обмундировании "бу".

Иван Петрович Кацук. Невысокого роста, толстенький, розовощекий. "Пончик", как метро прозвал его неистощимый на выдумку остряк Витька Лебедев. Он вел у нас физику и одновременно был классным руководителем, нашим "гувернером": "не докучал моралью строгой, слегка за шалости бранил", но за неуды строго спрашивал.

И, конечно, наш Виталий Матвеевич Соломеин! Высокий голубоглазый блондин, со строгим волевым лицом и широкой располагающей приятной улыбкой. Весельчак и заводила. Свой предмет "физкультуру", как указывалось в расписании, он считал главным предметом и называл не иначе, как "физическая культура". Не кто иной, как он, познакомил нас с азами военного дела. С той самой "трехлинейной винтовкой образца девяносто первого дробь тридцатого года", с ручной гранатой РГД. Все это пригодилось его ученикам в первые дни в армии.

Они нашли силы быть мужественными

Пришла очередь за выпускниками школы сорок первого года. Добровольцами, компанией ушли на фронт наши девочки: Зина Глущенко, Валя Кузьминская, Зоя Завьялова, Пана Изюмова и наша миниатюрная Лиза Моисеева, наш Лизочек, как называла ее наша самодеятельная поэтесса Люба Минеева. Все они, как сговорившись, попали в столицу. Защищали небо Москвы от налетов фашистской авиации. Они нашли в себе силы быть мужественными и смелыми в трудное для Родины время.

Миша Северюхин

Один за другим уходили ребята в училища, школы, сразу на фронт. Об одном из наших одноклассников расскажу подробно.

В июле Северюхина спросили в райкоме комсомола:

— Как думаешь защищать Родину?

— Как все, — ответил Миша.

В этом же месяце поехал комсомолец в пехотное училище. Учеба проходила в до предела утрамбованном режиме дня. Да что там дня — сутки были коротки.

Однако не суждено было будущим офицерам командовать взводами, ротами, батальонами. Через три месяца учебы курсанты стали рядовыми формировавшейся 49-й Особой Уральской стрелковой бригады.

В ноябре Миша Северюхин, стрелок-автоматчик по документам, держал в руках винтовку, ту самую, которую изучал на уроках военного дела в школе, ту же знакомую гранату. За спиной, в сорока километрах — Москва, впереди — до зубов вооруженный враг. Тяжелые шли бои на этом участке фронта. Истра, Крюково, Дубосеково — не случайно эти названия вошли в историю обороны Москвы.

Во время декабрьского наступления при освобождении одной деревни наши бойцы встретились с засадой автоматчиков. Сплошная пулевая завеса заставила залечь в снег. Стреляли даже по высунутой над головой саперной лопатке. Но чуть только стихли ав-

томатные очереди, уцелевшие снова бросились в атаку. Но на этот раз без Северюхина: осколок успел навылет пробить бедро, застряв в ватных брюках, вмиг наполнившихся горячей кровью. Лечиться довелось в городе Коврове. Через месяц — снова на фронт. На сей раз Западный. В 27-м гвардейском кавалерийском полку летом сорок второго года вооружили нашего уральца крупнокалиберным пулеметом ДШК, установленным на автомобиле ГАЗ-АА. Нередко кавалеристы спешивались, укрывали лошадей в оврагах, ямах, сами же действовали, как обычные пехотинцы. С автомобиля снимался пулемет и устанавливался на бровке окопа.

Помнится такой случай. Самолет-корректировщик с бронированным двойным фюзеляжем под названием "Рама" безнаказанно висел над окопавшимся подразделением, корректируя огонь своих артиллерийских батарей. Пулеметчик быстро приспособил тяжелый ДШК для стрельбы почти отвесно вверх и выпустил по самолету всю ленту трассирующих бронебойных патронов. Огонь оказался настолько действенным, что "Рама", круто развернулась и, снижаясь, удалилась в сторону своих позиций.

Говорят, день проведенный на фронте, часто равнялся году, а то и всей жизни. Однажды, уже летом, в одном из боев Северюхин был тяжело ранен разорвавшимся рядом снарядом. Контуженного, без сознания, с перебитой левой рукой, истекавшего кровью, подобрали Мишу санитары другой части и отправили в глубокий тыл в госпиталь, почти домой — в город Березовский. Родители, сестра и брат к тому времени уже оплакали его, потому что получили с фронта похоронку. И вдруг письмо из госпиталя! Да еще откуда! Вновь Миша очутился в объятиях родных. Военные чудо-лекари плюс сила воли вернули его снова в строй. После госпиталя снова подарок — три дня отпуска домой. Человек в шинели, с фронтовым живым словом нарасхват забирался в "плен" друзьями, знакомыми, просто земляками.

Еланские лагеря.., Москва. Центральный институт физкультуры. И надо же такому случиться! В первые дни пребывания там, в перерыве между напряженной многочасовой учебой, слышит знакомое восклицание:

— Ба, знакомые здесь лица!

В следующее мгновение не было предела радости: в бравом старшем лейтенанте узнает Миша своего любимого школьного учителя Виталия Матвеевича Соломеина. Оказалось, что он прибыл с фронта на какую-то спецподготовку.

— Что же мне подарить тебе, Миша, на память? — спросил Виталий Матвеевич. И сам тотчас же, не изменяя своему обычному неистощимому юмору и находчивости, ответил:

— Подарю-ка тебе самый необходимый, полезный сувенир.

И принес булку черного хлеба. Тот хлеб Михаил Иванович Северюхин помнит до сих пор.

Многое могли бы рассказать и вспомнить бывший учитель и ученик, но встреча была кратковременной и, к сожалению, единственной и последней. С войны Виталий Матвеевич не вернулся, как и все остальные наши учителя.

Кроме общевойсковых дисциплин изучал курсант Северюхин парашютно-планерное дело, фехтование, стрелковое оружие всех систем, гимнастику, немецкий язык. Как не вспомнить было добрым словом школьную "немку" Екатерину Дмитриевну Чихаеву, в совершенстве владевшую тремя языками. Как пригодилось уроки, которые она стремилась вести только на иностранном языке. А как пригодилось знание элементарного разговора на немецком потом, на фронте!

После года напряженной учебы в звании лейтенанта Северюхин снова отправился на фронт. Теперь в район Великих Лук, в лыжный батальон. Незримо помогали ему здесь школьные ночные, так называемые "звездные", походы и агитпробеги на лыжах по деревням, поселкам района под руководством и при участии опять того же Виталия Матвеевича Соломеина. На этот раз пребывание на фронте продлилось недолго. Через месяц Северю-

хин был отозван с фронта и приступил к учебе на военном факультете института физкультуры. В 1944 году стал работать в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина на кафедре военной и физической подготовки.

Когда отшумели бои

Что же стало с личным составом нашего бывшего десятого класса?

Первым вернулся с фронта в сорок втором году Виктор Лебедев. Пришел "подчистую", как говорили в народе. Три кубаря старшего лейтенанта с эмблемой войск связи на петлицах, портупея через плечо и документ из госпиталя в кармане, в котором есть такая запись: "сквозное пулевое ранение в область лба с повреждение мозга". В тот же год он поступил в Индустриальный институт на энергофак. Почему его повлекло к электричеству? Ответ один — сказались теоретические и особенно практические уроки Ивана Петровича Кацука. В Викторе было что-то притягательное. Педагоги частенько, улыбаясь, прощали ему школьные шалости и проделки, на которые он был мастер. Тем более, что учился он без труда, хотя в отличники не стремился. Пользовался он уважением Виталия Матвеевича, который называл его иногда "сынок". Будучи студентом, женился на студентке-медичке. Оба успешно окончили институты и уехали по распределению в городок Увельский Челябинской области, затем в город Салават Башкирской АССР. Работал на большой электростанции, занимался спортом, шахматами, не жаловался на здоровье. Жил насыщенной интересной жизнью. Ранение сказалось все же, и нет теперь среди нас Виктора Николаевича Лебедева. Он умер внезапно от сердечного приступа накануне выписки из местной больницы.

Следующим объявился дома в октябре сорок пятого года капитан-артиллерист Игнатьев. Пришел с фронта с перебитым суставом руки. Перед инвалидом третьей группы встала задача: как жить? Тетка — учительница начальной школы, у которой воспитывался, умерла в войну. Родители не стало еще раньше. Устроился учеником конструктора на один из заводов. В пятьдесят первом году сняли его с группы и призвали снова в армию. Направили для продолжения службы в райвоенкомат города Свердловска. Тридцать три года носил военную форму, дослужился до подполковника и в семьдесят четвертом вышел в отставку. И сразу же поступил на гражданскую работу. Образно говоря, зажигает "лампочки Ильича" в тресте "Уралэнергомонтаж". Его дочь защитила кандидатскую диссертацию под руководством профессора, доктора экономических наук УПИ Пыховой — нашей бывшей отличницы Иры Пыховой.

Живем с Дмитрием Ивановичем Игнатьевым в одном городе, Но, как нередко бывает, встречаемся редко, все больше на ходу — при следовании на работу или обратно. Когда случается увидеться вечером, расстаемся трудно. Дома нас тогда теряют. До поздней ночи бродим по Свердловску. Душой становимся снова молодыми.

Михаил Иванович Северюхин после войны заочно окончил педагогический факультет института физкультуры имени Сталина и исторический факультет Московского педагогического института имени В. И. Ленина. Сорок лет отдано педагогической работе. Имеет право на заслуженный отдых, но не сидится дома ветерану. Видно, много еще в запасе знаний для передачи людям. И сегодня он трудится на скромной должности мастера на кафедре физического воспитания педагогического института, помогает молодым.

Михаил Иванович не показывал мне своих наград, но знаю, хоть и немного их у этого скромного человека, но есть. Медаль "За отвагу" нашла бывшего автоматчика только через год, когда он учился уже на военном факультете. Есть награды и за труд педагогический. А недавно его представили сразу к двум наградам — ордену Отечественной войны I степени и медали в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Став коренным москвичом, М. И. Северюхин не забывает город своей юности — Верхнюю Пышму. Почти ежегодно приезжает сюда, ждем мы его и в этом году: школа намечает организовать встречу выпускников военных лет.

Приехали наши девочки с войны, все в полном составе. Зоя Завьялова вышла замуж за своего одноклассника Узенцова. И вырастили они с Иваном Семеновичем троих сыновей. Валя Кузьминская стала женой военного летчика-вертолетчика, нашего обаятельного Бориса Бабайлова. Пана Изюмова, трудно жившая в детстве и юности, приступила к учебе и работе одновременно. Получила образование общее и партийное. Постепенно добилась и удовлетворения в труде. Наш "Лизочек" — любимец класса Елизавета Ивановна Моисеева, окончив университет на Ленинских горах в Москве, вернулась в Свердловск. Вскоре стала мамой, а теперь вот уже бабушка, воспитывает внука.

О всех наших фронтовичках-девушках можно сказать одним словом: они не ждали милостей от судьбы, делали ее своими руками, по-военному, напористо и быстро.

Летом сорок шестого года приехал в отпуск из Берлина гвардии капитан Пономарев. Тот самый Коля Пономарев, который досрочно получил аттестат в июне сорок первого (еще до начала войны) и уехал в Ленинград в артиллерийское училище. Возмужавший, веселый, щедрый и чуточку застенчивый. Три ордена, медали на гимнастерке. Был ранен в Германии. Пуля прошла у самого плеча. Врачи при выписке из госпиталя сказали: "Дальше все зависит от тебя: сможешь, превозмогая боль, разрабатывать руку — гимнастика спасет". Силы воли хватило, упорства не занимать, ожила рука. Коля прибыл со спецзаданием обязательно жениться. Весь отпуск ухаживал за тоненькой и скромной аккуратисткой, бывшей почти отличницей класса Аней Шубиной. Но Аня мечтала об учебе. В результате начальник штаба артиллерийского дивизиона отбыл к месту службы без жены. Обоих теперь не стало: подполковник Пономарев Александр Яковлевич покоится на Житомирском кладбище, Анна Ивановна Шубина — на Верхнепышминском.

Из четверых ушедших из десятого класса в спецшколу ВВС лишь один Вася Денисов, надежный и обязательный товарищ, летчиком не стал. Нелепое недоразумение преградило ему путь в небо. Окончив Высшие стрелково-технические курсы "Выстрел", в звании старшего лейтенанта воевал, командуя пулеметной ротой в стрелковом батальоне. Видимо, во время Ясско-Кишеневской операции летом сорок четвертого года сложил он свою голову вдали от дома.

Смотрю на маленькую пожелтевшую фотографию школьных лет, где запечатлены участники летнего похода на озеро Шиты. Вася с карандашом в руке и схемой-картой на коленях разрабатывает дальнейший маршрут. Рядом лежит его ружье "Фроловка". Находимся где-то близко от заветной цели, но кругом болото, наш командир похода изучает местность. Никто тогда не думал, что через пару лет карты будут настоящие, военные, оружие — боевое, а позднее не будет в живых некоторых из нас, в том числе и командира Василия Никифоровича Денисова.

Дольше всех служил в авиации наш "Онегин" — Володя Савиных. Дослужился до полковничьей папахи и ушел внезапно из жизни таким же гордым, а может просто не очень коммуникабельным, как теперь говорят, но все равно нашенским. И нам так же жаль его, как всех, безвременно погибших в войну и после.

Толя Юдин. Кто из учащихся и преподавателей не помнит его отца? Думается, нет таких. Это он заботился о здоровье всех, делая уколы и прививки от всех болезней. Таким же, как отец, был и Толя. Аккуратным, строгим, требовательным к себе и товарищам. Он хорошо учился, еще лучше, пожалуй, играл на первой домре в струнном оркестре клуба "Цветмет". Стремился быть первым во всем. Он не дожил до Победы: погиб весною сорок пятого года в Венгрии под Балатоном.

Неизвестна судьба Васи Прибыткова — нашего лучшего математика. Никто не знает буквально ничего о Любе Спициной. Может быть, в войну погибла. Может быть, в Москве живет — была версия такая. Хочется надеяться, найдутся нити к ее судьбе. Во всяком случае, поиски не закончены, они продолжаются.

Что касается автора этих строк, то тут, хотя своя рука — владыка, он постарается по возможности быть кратким. В войну вспоминал уроки географии Валентины Петровны Деменевой, когда с боями проходил по Украине, Бессарабии, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Потом ехал воинским эшелоном целый месяц в июне сорок пятого через Польшу и весь наш Союз с запада на восток в Монголию. Принимал участие в войне с Японией. Воевал командиром бронетранспортера в 5-м гвардейском Сталинградско-Киевском Краснознаменном орденов Ленина, Суворова и Кутузова танковом корпусе. Хотя в известной песне сказано: "снимай шинель, пошли домой", с солдатской испытанной одеждой еще долго потом не расставался ни в Верхней Пышме, ни в Свердловске. Шинель превратил в зимнее пальто, которое пять лет носил, пока не окончил лесотехнический институт.

На долю нашего поколения выпала нелегкая судьба. Но мы не жалеем об этом. Свой долг перед Родиной наше поколение выполнило сполна.

А. ПРОТАСЕВИЧ, выпускник 1941 года школы № 1.

"Красное знамя", № 45, 12.04.1985 г.

ВСПОМИНАЮТ Л. В. ЗВЕРЕВ, М. Я. КУЛИКОВ И А. И. ВИШВИН

С первых дней службы в Красной Армии, а было это в 1938 году, Леонид Васильевич Зверев находился на Дальнем Востоке.

— Когда началась война, — вспоминает он, — каждый солдат стремился попасть на Запад, но командование по каждому рапорту давало отказ, так как на границе с Японией тоже было неспокойно. Так что до 1943 года я находился на Дальнем Востоке. И может быть, не пришлось бы мне воевать с фашистами, если бы я не подал рапорт о желании учиться в военно-политическом училище. После его окончания в звании младшего лейтенанта я был направлен заместителем командира батальона по политчасти в 221-й пехотный полк 28-й армии, которая в составе 1-го Белорусского фронта готовилась к наступлению на Брест. В 1944 году наш полк успешно форсировал Западный Буг, дошел до Вислы, участвовал в освобождении Варшавы, но затем был переброшен в Восточную Пруссию. В районе Кенигсберга у немцев было немало военных заводов, поэтому наше командование получило приказ любым путем сохранить объекты. Была разработана операция, в ходе которой наш батальон должен был врезаться в оборону противника и отвлечь его. А основные части должны были обойти врага и взять его в клещи.

На год раньше Л. В. Зверева был призван в армию механизатор из Башкирии Михаил Яковлевич Куликов. Служил он в танковых частях, участвовал в войне с Финляндией. В годы Великой Отечественной войны был командиром танка Т-34, участвовал в Сталинградской битве.

— Под Сталинградом, — вспоминает Михаил Яковлевич, — мне пришлось участвовать в наступательной операции 75-й дивизии в районе разъезда Басаргино. Один из батальонов попал на минное поле, поэтому другой батальон получил задание: ночью осуществить операцию по уничтожению противника, который укрепился в трех траншеях. Командир дивизии попросил оказать помощь танками и пушками. Когда наш Т-34 вышел к позициям врага, то в первой траншее мы увидели женщин, но это были манекены. Танкисты сумели сделать три прохода, по которым затем прошли наши солдаты.

Был представлен ко второму ордену Отечественной войны, но нашел он его значительно позднее. Дело в том, что в 25 километрах от Берлина М. Я. Куликова контузило. Демобилизовался Михаил Яковлевич инвалидом третьей группы. В Верхнюю Пышму приехал в 1970 году, несколько лет работал в охране, теперь на заслуженном отдыхе.

Алексея Ивановича Вишвина война застала в Свердловске, где он учился в техникуме.

В 1942 году 19-летним парнем был призван в армию и направлен на учебу, а в 1944 году в звании лейтенанта артиллерии принимал участие в освобождении Польши, а затем и в операции по ликвидации Познанской группировки противника.

Беседу провел Г. ВЫГОДНЕР.

"Красное знамя", № 55, 9.05.1981 г.

С НЕПОКРЫТОЙ ГОЛОВОЙ У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Всякий раз, накануне Дня Победы, "радостного праздника со слезами на глазах", стою с непокрытой головой у Вечного огня. На памятных досках-страницах означены мои друзья, учителя, земляки со знакомыми фамилиями — "не пришедшие с войны". Образно говоря, они все, как пули из диска автомата ППШ или той самой винтовки, которую изучали в школе на уроках военного дела, были выпущены по врагу, и пустыми гильзами легли на землю разных мест от Северного Ледовитого океана до "самого синего в мире" Черного моря. Как много здесь людей молодых, здоровых, рабочих, служащих. И еще ведь не все, нет, к примеру, моих одноклассников — Васи Прибыткова, Вити Боюна. Каждый раз ищу их фамилии в дополнениях.

Чтобы несколько отвлечься от грусти, успокоиться, вспоминаю грандиозную "войну в Чапаева", как мы называли эту игру в мальчишеские годы. То было в тридцатых годах, когда еще не заросли полностью окопы прошедшей гражданской войны, волны которой захлестывали наш тогдашний поселок Медный Рудник в восемнадцатых годах.

Старшие ребята, начитавшись мемуарной литературы, особенно Фурманова, Фадеева, Гайдара, решили на практике проиграть события тех лет. Штаб Чапаевской дивизии находился в северно-западной части теперешнего городского парка, а в то время — довольно глухом лесу. Командный пункт — не где-нибудь, а на громадной, старой разлапистой березе. На настиле из жердей, покрытых сеном, освежаемым ежедневно свежей травой, постоянно находился Чапаев — Колька Шебухов, серьезный, черняевый, горячий, властный паренек с настоящей кавалерийской шашкой, найденной при раскопках белогвардейских окопов невдалеке от теперешней средней школы № 1. Шашка законно принадлежала Витьке Зубкову: он оказался счастливцем, извлекшим ее со дня окопа. Вполне понятно, что не мог же Василий Иванович, легендарный комдив, быть при деревянном холодном оружии, а рядовой красноармеец — с настоящей боевой шашкой. Довольно было с Витьки того, что его неотступно сопровождал четвероногий друг и помощник, красавец рыжий сеттер, охотничья собака, оставшаяся на память об отце: "Фурманов", "Петька", кто-нибудь из командиров полков, эскандронов всегда были под рукой у кипучего "Чапаева". Не мог найти штаб только Анку-пулеметчицу, так как женского состава не имелось.

Если у "красных" с формированием личного состава затруднений не было, то в стане противника всегда вставала проблема. Не находилось желающих быть "белыми". Тем более с высшим командным составом — генералами. Даже само слово "Генерал" вызывало непочтение. Ну, какому же уважающему себя пареньку с высокими мечтами хотелось стать Деникиным, Колчаком, Каппелем, Дутовым, Пепеляевым?.. И обязательно побежденным?

Проще всего обстояло дело с "Батькой Махно". Нас не смущало, что приходилось грешить с географией — анархисты в историческом плане действовали далековато, на Украине. Но против этого даже "Фурманов" не возражал. Какая ж война без оригинального, непредсказуемого в действиях "Махно"? Его не требовалось создавать для игры. Дело в том, что Южная и Восточная части зазаборной территории ПМЭЗ, земли вокруг обогатительной фабрики, два водоема, железнодорожные пути с дощатым бараком, в котором жили путейные рабочие-железнодорожники завода, и мой земляк-тезка Мисиюк с отцом-сцепщиком, матерью-домохозяйкой и младшей сестрой, — контролировались летом полновластным ата-

маном Закиром. Фамилию его обычно не употребляли, и даже мало кто знал, что он Бахтияров. Одно слово "Закир" могло привести в трепет любителя с не очень крепкими нервами покупаться, позагорать на одном из водоемов.

Он олицетворял в себе силу, смелость, решительность с романтическим налетом благородного властелина, снизошедшего до нас со страниц приключенческих романов. Над его внешностью природа сильно не мудрила. Из крепкого материала сотворила невысокого паренька с мощными ногами и руками, крупной головой, посаженной на могучие плечи, с черными курчавыми волосами, не знавшими, кроме пятерни, никаких расчесывающих приспособлений. Природа, создавая его, вдохнула железную волю, сильный, непокорный, самолюбивый характер и шепнула: "Даю тебе силу, мудрость, повелевай, командуй". Только, кажется, при этом не подсказала хорошо, прилежно, много учиться. "Батько Махно" со своей личной немногочисленной охраной приносил существенное беспокойство чапаевским передовым частям. Боевые операции приходилось вести с трудом ввиду растянутости коммуникаций через весь поселок с севера на юг. "Махновцы" появлялись внезапно, производя психологический эффект, реже — знакомство с железными закировскими кулаками.

...Смотрю на пламя "Вечного огня", гадаю, предлагаю и прихожу, думается, к правильном выводу: "Закир Бахтияров, наш земляк, стойко, грудью закрывал тот кусочек земли, который ему поручили защищать, воображая, что это как раз то место, где проходила его романтическая юность, называемая "малой родиной", — город Верхняя Пышма.

"Похоронен у города Хелм"

У буквы "М" страницы мемориала задержался. "Мамонов Н. Н." Коля — мой соученик по неполной средней школе. Дальше наши пути как-то разошлись, остался он в памяти и благодаря классной фотографии. Невысокий, коренастенький, аккуратный, прилично одетый (лучше, чем средние), обходительный, не задиристый, не отличник, но и не отстающий. Думается, дома он был лишь радостью и гордостью родителей, а в школе не приносил огорчений педагогам.

Этот школьный товарищ представился во всем своем обличии при чтении газеты "Красная звезда" за 5.10.90 г., где в небольшой заметке фронтовик-москвич вспоминает военные будни и одинокую могилу с воткнутой фанерной, на которой было написано карандашом следующее: "Николай Мамонов, 1925 года рождения, рядовой". Могила находилась неподалеку от помещичьей усадьбы, примерно в двенадцати километрах от города Хелм, в Польше. Остается от себя добавить, что подобное захоронение являлось обычным. Не наш ли земляк и мой школьный товарищ нашел там вечный покой в боях за освобождение Польши от фашистских захватчиков?

Толя Юдин

Стройный, подтянутый, с гордой головой, аккуратный внешне и по характеру, способный выпускник десятого класса 1941 года.

Жил Толя, как почти все мы, очень бедненько, но никто из нас не роптал на судьбу. Может быть еще и потому, что лучшего ничего не видели и сравнивать наш быт не с чем. Все мы были полны большого оптимизма.

Толина первая домра в оркестре заводского клуба, находясь в его руках, пела, играла, щебетала без особого труда. Может быть, неплохим музыкантом был бы Анатолий Ефимович Юдин.

По слухам и некоторым официальным подтверждениям, Толя погиб в Венгрии под озером Балатон весной 1945 года. Там в то время велось крупное, тяжелое сражение наших войск с одиннадцатью танковыми дивизиями, таким как: "СС Виккинг", "Райх", "Мертвая голова", "Адольф Гитлер"...

Всем оставшимся в живых в тех боях Верховный главнокомандующий объявил благодарности с выдачей специальных справок. Как жаль: совсем немного не дожил до Дня Победы наш Толя.

Улица Ю. Спицина

Эта улица проходит рядом со средней школой № 1, хотя Юрий в ней и не учился. Он просто был молодежным вожаком. А вот с его сестрой, младшей по возрасту Любой Спициной, автор этих строк окончил старую школу № 1, в которой давно уже не учатся, с памятного года начала войны.

Юрий запомнился атлетически сложенным, веселым, жизнерадостным, способным увлечь любого неподдающегося, чтобы повести его за собой на выполнение поставленных задач.

Не забыть, как в переполненном зале клуба "Цветмет" он читал лекцию о боях на озере Хасан и Халхин-Голе, в которых участвовал сам. Красочно рассказывал о "карманной артиллерии" — ручных гранатах РГД, которые изучались в "Осоавиахиме" и в школе. Не известно, пригодились ли в такой мере, как с японцами, ручные гранаты в войне с немцами. Уйдя на фронт в первые дни войны, он вскоре погиб. На память землякам о горячем патриоте Родины осталась улица, названная его именем.

Четыре встречи

Первая встреча — школьная. В 6—7 классах средней школы № 1, старом двухэтажном здании, в котором теперь размещается секция картингистов, сидели мы с Мишей Талыковым одно время за партой, рядышком, в правом ряду. Миша был среднего роста, коренастый, крепкий, словно отлитый из металла, собранный, спокойный, ровный в поведении. Он настолько выглядел во всем серьезным, взрослым, что казался старше нас по возрасту. Учился осознанно, без зубрежки.

Делился ли он с кем-нибудь мыслями о будущем — не знаю. Внешне ни в чем не проявлялось его пристрастие, как, например, у Володи Пузакова, с которым я также сиживал за одной партой. Володя был волжанин, из города Вольска. Он буквально бредил морем, мечтал стать капитаном дальнего плавания, командиром Военно-Морского Флота. Много читал. Все его тетрадки, книжки украшались, пестрели неплохими рисунками кораблей, орудий, фонтанами воды от разрывов снарядов. Сам Володя — красивый, высокий, стройный. Казалось, одень он морскую форму — и будет командиром на капитанском мостике линкора, эсминца, в крайнем случае торпедного катера...

Володя был хорошим, надежным товарищем, организатором и руководителем рыбацких походов на озеро Балтым. Все в нем хорошо, расчудесно, а учеба, к сожалению, прихрамывала. Поэтому, надо полагать, в "мореходку" не попал... Ходили слухи, погиб Володя во время войны с Японией не на Тихом океане, о котором всю жизнь мечтал, а на суше, в пехоте. Так подробно рассказывается о нашем общем с Мишей товарище, чтобы показать два разных подхода к своей мечте.

После семилетки мы с Мишей Талыковым не встречались. У одного был восьмой класс, у другого — училище летчиков.

Вторая встреча произошла много лет спустя, в Москве, в Военно-историческом музее Советской Армии. Бродя по залам прекрасного хранилища, я неожиданно вскрикнул. Летчику штурмовой авиации Михаилу Талыкову отводился отдельный стенд под стеклом. На фотографиях, вырезках из фронтовых газет, довольно подробно демонстрировался подвиг нашего земляка. На одноместном штурмовике ИЛ-2 Миша возвращался с боевого задания на свой полевой аэродром. Неожиданно на территории врага увидел подбитый самолет командира и самого летчика возле него. Наш земляк, пренебрегая грозившей опасностью и памятуя заповедь "сам погибай, а товарища выручай", посадил самолет рядом с командирским, втиснул его в свою кабину, мастерски взлетел и прибыл в расположение своей части. Впоследствии спасенный командир Василий Емельяненко стал Героем Советского Союза, а после войны — писателем. Нашему же Михаилу Талыкову не повезло: в 1944 году он погиб на Кубани.

Третья встреча со школой, носящей имя М. Талыкова, произошла на традиционном юбилейном вечере по случаю Дня Победы.

Четвертая — у Вечного огня, где наш Михаил Талыков увековечен навсегда.

...И вот стою у мемориала, установленного благодарными земляками-потомками, и вспоминаю. Разве можно после двоеточия перечислить всех из вас, воевавших "в Чапаева" по-нарошку" и павших взаправду в Великую Отечественную?

Пусть будет земля Вам пухом, а земляки пусть помнят всегда!..

Алексей ПРОТАСЕВИЧ, ветеран войны и труда.

"Красное знамя", № 50, 27.04.1993 г.

ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПРИВЕТСТВУЕМ ВЕТЕРАНОВ

Городской клуб "Ветеран", возглавляемый Иваном Герасимовичем Прониным, объединяет людей разных профессий, разных интересов.

По-разному встретили они войну: одни служили в армии, другие спокойно трудились на предприятиях страны, третьи учились в школах.

Иван Петрович Харлов узнал о начале войны на Дальнем Востоке, где с 1939 года проходил военную службу. После окончания военного училища в Куйбышеве был направлен на Брянский фронт командиром взвода. Освобождал Киев, Житомир. Первое пулевое ранение получил в боях за польский городок Санок, там же и первый боевой орден — орден Красной Звезды.

В январе 1945 года участвовал в прорыве обороны Карпат. За эту операцию был награжден орденом Отечественной войны I степени.

После войны вернулся домой, окончил техникум, стал металлургом и 22 года проработал мастером по разливу меди. За успехи в труде Иван Петрович награжден медалью "За трудовое отличие", а затем высшей наградой Родины — орденом Ленина.

Начало войны совпало с началом трудовой деятельности на Уралмаше у **Всеволода Григорьевича Стадухина**. Первое боевое крещение и первую медаль "За отвагу" получил он на Курской дуге. В составе III Белорусского фронта участвовал в освобождении Латвии, за выполнение боевой операции награжден был орденом Славы III степени.

Демобилизовался из армии в марте 1947 года. Работал в Туринске. А в 1956 году в составе тысячников был направлен в сельское хозяйство, где проработал 33 года. За высокие показатели в сельском хозяйстве Всеволод Григорьевич был награжден медалью "За трудовое отличие", в 1966 году был удостоен звания Героя Социалистического Труда, а позднее награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Не отставали от мужчин и девушки. 22 июня 1941 года молодежь поселка Медный рудник была на массовом гулянии на Балтыме. Там их и настигло известие о начале войны. А вскоре 47 самых отважных девчат добровольно пошли в действующую армию. Все желали попасть на фронт. Но оказались в дивизии аэростатчиков в Москве. Многих уже нет в живых, но шесть из них живут и здравствуют и поныне в Верхней Пышме.

Зина Глущенко (Зинаида Тихоновна Совкова) защищала небо Москвы, находясь непосредственно на аэростатном посту. Там в 1944 году нашла свою любовь, вышла замуж и после демобилизации вернулась в свой город. За большой вклад в развитие города ей присвоено звание Почетный гражданин города.

И **Зоя Павловна Шталь (Спирина)** попала в Москву защищать ее небо. Она мечтала получить оружие и стрелять по врагу, но оказалась в аэростатной службе. В армии не выбирают, в армии делают то, что приказано. Зое было приказано стать квалифицированной

армейской связисткой. Эта работа требовала сил, выносливости и мужества. В любую погоду и время суток З. Спирина выходила на линию, лазила по столбам, по крышам — искала обрывы и восстанавливала связь.

Защищала небо Москвы **Таисия Васильевна Корешкова (по мужу Гладкова), Полина Федоровна Бревнова, Любовь Григорьевна Сусекова и Нина Ивановна Осеева.** Все они имеют большую военную биографию.

В марте 1943 года на Урале был сформирован добровольческий танковый корпус, и более сотни верхнепышминцев подали заявление с просьбой зачислить их в него. Взяли единицы. Первое боевое крещение корпус принял на Курской дуге. В его составе воевал **Алексей Степанович Пономарев** — единственный оставшийся в живых из добровольцев-верхнепышминцев.

В составе корпуса он участвовал в освобождении Орла, Каменец-Подольского, Львова, оборонял Сандомирский плацдарм, штурмовал Берлин, освобождал Прагу.

После демобилизации вернулся домой, работал на руднике, трудовую деятельность закончил в цехах комбината "Уралэлектромедь". За ратные подвиги Алексей Степанович награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, орденами Красной Звезды, Славы III степени, медалями "За отвагу", "За взятие Берлина", "За освобождение Праги", "За победу над Германией" и всеми юбилейными медалями.

На фронт убегали и дети, подростки. Они становились сынами и дочерьми полков, юнгами. Четырнадцатилетняя Анечка в первые дни войны осталась сиротой, попала в артиллерийский полк, находившийся под Москвой. Была полусвязной, вела немудреное полковое хозяйство. Затем — ранение, госпиталь и работа санитаркой. Потом служила в инженерно-саперных частях, работала телефонисткой, пела в ансамбле. Участвовала в освобождении Белоруссии, Восточной Пруссии, Праги.

Замечательная биография у **Григория Захаровича Чуприкова.** 16-летним мальчиком он был направлен на Северный флот. Став юнгой, учился азам морского дела. В октябре 1944 года был переведен в действующую армию на боевой корабль. Воевал на Северном флоте до конца войны.

На войне, как и на гражданке, были нужны люди разных профессий: летчики, танкисты, артиллеристы, связисты, медики и т. д. **Владимир Петрович Лузин** освоил специальности артиллериста, минометчика, шофера. **Николай Яковлевич Родин** служил бронебойщиком, был командиром взвода и заместителем командира роты. Радиотелеграфист **Александр Степанович Грачев** участвовал в прорыве блокады Ленинграда. В составе воздушно-десантной армии воевал в Венгрии, Австрии, Чехословакии. А потом, уже после войны, еще долго служил в различных воинских частях.

Ивана Ивановича Ившина нашла награда спустя 50 лет. В 1996 году горвоенкомат вручил ветерану войны ордена Красного Знамени и Славы II степени.

Среди государственных наград есть одна, которой отмечали за отдельные боевые подвиги. Это орден Красной Звезды. Им награждено более 100 верхнепышминцев, несколько — дважды. И только один человек из оставшихся в живых награжден орденом Красной Звезды трижды. **Это Мухаметхабиров Фатхурахман Шайхутдинович.**

Накануне Дня Победы собрались наши ветераны на традиционную встречу. Вспомнили далекое грозное время, поговорили о настоящем. А творческие коллективы Дворца культуры от всей души пожелали им счастья, крепкого здоровья.

Н. МОРДОРОВСКАЯ,
заведующая массовым отделом
ДК КСЦ АО "Уралэлектромедь".

"Красное знамя", № 56, 8.05.1997 г.

СЛАДКО ЛЬ БЫЛО ЛЮДЯМ НА ВОЙНЕ

Итак, интервью с Александром Андреевичем Хлопочкиным, бывшим механиком-водителем танка Т-34, кавалером двух орденов Отечественной войны I и II степеней и ордена Красной Звезды.

— Александр Андреевич, во время войны нашим оружием была "тридцатьчетверка". По тем временам лучший танк. Можно ли сказать, что танкисты в бою чувствовали себя более защищенными, чем, например, пехотинцы?

— Когда о танке говорят, то прежде всего вспоминают его броню. Броня, конечно, броней. Но в этой железной коробке еще полтонны горючего и боекомплект. Танкист сидит, как в бочке с порохом. Один снаряд попадет в баки, и вся машина в пламени. А то и боекомплект рванет. Много ли шансов тут уцелеть хоть кому-то из экипажа?

На фронте, бывало, заглядывали мы в подбитые танки — внутри все выжжено и черно, от людей — ни следа. Словно и не было их. Правда, один раз видел и в выжженной кабине подбитой "тридцатьчетверки" небольшой кусок спекшегося угля. Из него кость торчит. Вот и все, что осталось хоронить. Короче говоря, на фронте смерть никого своим вниманием не обделяла: ни танкистов, ни пехотинцев, ни летчиков, ни саперов, ни артиллеристов...

— А вы лично очень боялись?

— Сначала совсем не боялся. Что вы хотите, молодой деревенский парень о войне никакого представления, а энергии хоть отбавляй. Считал, фашистам меня никак не убить. Да и вообще молодые в свою смерть не очень верят. Думал, вот только приеду на фронт, так всем покажу, как надо воевать. А у меня, между прочим, бронь была. Работал в Москве в автомастерских военного округа сварщиком.

Сам-то я из Нижегородской области. В сороковом году в город подался, получил профессию. И вот, наконец, очутился в столице. Работал. А война уже шла вовсю. Пошел в военкомат, но там глянули мои документы и позвонили в автомастерские. Приехал наш воентехник I ранга Астахов, отругал меня и забрал обратно. А я чуть не реву от досады — такого вояку на фронт не пускают! Но в конце концов через несколько месяцев меня отправили на фронт.

Воевать я начал пехотинцем. Участвовал в боях под Великими Луками, на Смоленском направлении. И ни единой царапины. И хотя видел, как шальной снаряд оставляет от человека кровавые лохмотья, как корчатся и кричат смертельно раненые, но все равно в глубине души не верилось, что такое может случиться и со мной. Страх ко мне пришел после первого ранения уже на Курской дуге.

— Вы уже тогда были танкистом?

— Нет, я тогда все еще пехотинцем был. Наш взвод получил приказ разведать, есть ли в близлежащей деревне гитлеровцы или нет. Когда подобрались к ней метров на 150, оказались на открытой местности. А тут артподготовка началась, и немцы бьют, и с нашей стороны артиллерия заговорила. Словом, накрыло нас огнем. И меня ранило в спину, в ногу и в лицо. Самое тяжелое ранение в спину. Осколок прошел рядом с позвоночником. В госпитале лежал долго. Перенес несколько операций, пока осколок достали. И тут моей мальчишеской самоуверенности конец пришел — понял, что и я смертен.

— Когда же вы стали танкистом?

— После выписки из госпиталя попал в 10-й учебный танковый полк. Там через полгода стал механиком-водителем. В сорок четвертом находился на Сандомирском плацдарме. Полтора месяца почти беспрерывных боев. И, пожалуй, единственное, о чем мечталось, — это выспаться. Казалось, что если доживем до победы, то уж по меньшей мере месяц буду спать.

Война, кроме всего, еще и тяжелейший труд. А век танка на фронте недолог. От силы

три месяца. Это только в кино лихие четыре танкиста с собакой всю войну на одном танке провоевали. На самом деле так не бывает.

— Много раз горели?

— Да нет, всего раза два, хотя подбивали часто. Сколько я экипажей пережил, сейчас даже и не вспомню...

— Вы сказали, что на Сандомирском плацдарме ваш экипаж воевал полтора месяца. А потом?

— А потом нас подбили под городом Наубургом. Это уже на территории Германии. Нас послали вперед проверить, цел ли мост через реку. Подъехали к реке — мост стоит. Только стали разворачиваться — вдруг страшный удар в корпус, танк встал. Выскочили мы наружу, а заряжающего Степченко нет. Бросились обратно. А он стоит в башне. Лицо как мертвое. Схватили мы его, вытащили, а его левая рука на ниточке висит. И тут второй снаряд прямо в открытый передний люк угодил. Ну от танка, конечно, куча лома осталась. А танкист без танка, все равно что еж без иголок, — беззащитен. И до своих далеко. А тут еще раненый. У нас даже ножа не было, чтобы жилку эту, на которой у него рука держалась, перерезать. Так с оторванной рукой и перевязали. Только к вечеру к своим вышли. Степченко на себе несли. Но все равно не спасли. Он в тот же день в санчасти умер от потери крови...

— Жуткий случай...

— Это для мирной жизни жуткий. А для войны — обычный. Бывало и пострашнее. Вот, например, под Берлином я один в танке остался. причем танк целый был.

— Как это получилось?

— В 25 километрах от Берлина наша "тридцатьчетверка" застряла в болоте, как говорится, по самые уши. Оставалось ждать, когда какой-нибудь танк вытащит нас. Ну и ребята вышли ноги размять, а мы с командиром замешкались. И вдруг вижу один из наших упал, второй, третий. Но выстрелов не слышно. Значит, снайпер бьет с большого расстояния. Прикинули мы, с какой стороны он лупит, получилось, что из леса. Стали следить. И вот заметили там какое-то шевеление. Далеко из-за ствола дерева черная точка показалась, вроде голова. Дать по нему из пушки опасно — много шума, могут засечь вражеские артиллеристы. Надо потише себя вести, когда в болоте сидишь. Навели спаренные пулеметы и шарахнули...

— Но вы же говорили, что один в танке остались...

— Командира потом ранило, после того как нас уже вытащили из болота. Встал в люке, ну немцы его из автомата и зацепили. Так что во время наступления на Берлин мне в танке одному сидеть пришлось. Танкистов, чтобы пополнить экипаж моей "тридцатьчетверки", не оказалось. Машина на ходу. Ну и вперед, на Берлин. Другие танки из пушек стреляют, а моя бездействует — некому стрелять. Со связью тоже проблемы. Шел в общем-то для количества, а фактически был только мишенью для врага. Ведь любой из них со мной разделаться мог в два счета. Немец бьет из пушек, а я в ответ ему, не глядя, только из спаренных пулеметов строчу — они под рукой, успеваю. То ли его пугаю, то ли себя подбадриваю.

Неужели, думаю, придется так бессмысленно помереть, да еще за несколько дней до Победы. Обидно. Но приказы не обсуждают. Слава богу, принесло. После боя подъезжает наш подполковник. Я к нему, нервы уже на пределе. Ору: "Давайте людей, не могу так воевать..."

Собрали все-таки экипаж... После боя много "безлошадных" осталось. Танки горели, как свечи. Но особенно большие потери были у нас, когда вошли в Берлин. В чистом поле танк — король. А в городе с узкими улицами он фактически беспомощен против тех же "фаустников". Они нас караулили в развалинах домов. Тут и наш танк подожгли. Трое из экипажа погибли. А я на другой день второго мая получил приказ идти на Прагу. Но в боях за освобождение столицы Чехословакии фактически не участвовал. Мы "безлошадные" наступали в резерве.

В Праге я встретил День Победы. Потом служил в Австрии. А через полгода вместе с полком перевели нас на Урал. Здесь я и демобилизовался, и женился, и живу до сих пор.

— Но что вас заставляет до сих пор работать, причем физически?

— Нет, не деньги. Хотя, конечно, и они нужны. Три мои дочери, хотя и взрослые, но все равно им помогать надо. Молодым сейчас тоже нелегко. И все же главное не в этом. На работе среди людей и о своих болячках забываешь. Чувствуешь себя нужным. А это очень помогает жить.

А. ХЛОПОЧКИН.
Интервью взял С. ГРЖЕБИНСКИЙ.
"Красное знамя", № 114, 26.09.1991 г.

НАУЧИТЕСЬ ГЕРОЯМ ПОДРАЖАТЬ

"...И чтоб лучше видеть это время,
Все пространство пройденных путей,
Соберите молодое племя,
Поднимите на руки детей.
Чтоб они, войдя веселым строем
В нами завоеванные дни,
Научились подражать героям,
Поступали так же, как они!" —
писал поэт Михаил Светлов.

Евдокия Григорьевна Демушкина была призвана сначала в трудовую армию в 1942 году на рытье окопов. Затем окончила шестимесячные курсы радистов. Все, что можно испытать на войне, Евдокия Григорьевна испытала сполна. При форсировании Днепра была тяжело ранена. После лечения в медсанбате — снова на фронт. Победу встретила в Чехословакии в звании сержанта. Только в августе 1945 года вернулась домой с удостоверениями о награждении орденами Красной Звезды и Отечественной войны.

Евдокия Григорьевна по-прежнему полна оптимизма. Летом выращивает овощи и цветы на своем участке, зимними вечерами топит русскую печь, читает газету "Красное знамя" и ждет своего внука из Екатеринбурга. О войне ей напоминают не только старые раны, но и боевые ордена — Красной Звезды и Отечественной войны I степени, которые она хранит как самую большую ценность.

* * *

Мария Васильевна Курченко в 1942 году по призыву ЦК ВЛКСМ пришла в военкомат. Ей было в ту пору 19 лет. В составе войск ПВО охраняла небо столицы. Трудно было привыкать и к военному режиму, и к солдатской форме. Самые маленькие сапоги были 40 размера. Появлялись кровавые мозоли, которые лопались и мучительно болели.

9 мая 1945 года, как обычно, была объявлена боевая готовность. Но эта готовность была уже иная — победная. По приказу командования в числе лучших защитников неба столицы Мария Васильевна была на параде Победы на Красной площади. И те чувства, когда смешались разом и радость, и боль утраты, и счастье, что остались живы, никогда не забыть. Долг свой Мария Васильевна Курченко выполнила сполна.

* * *

В сентябре 1943 года в поселок Нагорное прибыл капитан за пополнением. Доре, так ласково называли **Федору Ефимовну Полищук**, было 19 лет. В числе новобранцев сначала ее отправили в Свердловск, а затем за наступающими частями в Ельню Смоленской области. Город был почти полностью разрушен. Развернули палатки прямо в поле, куда тотчас же стали поступать раненые. Стоны, кровь, запах гноя, смерть прямо на носилках. А

тут еще и бандеровцы давали о себе знать. Было страшно, но на переживания времени не оставалось: надо было стирать бинты, готовить гипс, перевязывать раненых, выносить умерших. К этому привыкнуть невозможно.

Эвакогоспиталь № 10-71 продвигался вслед за фронтом и дошел до Германии. День Победы Федора Ефимовна встретила в городе Штольн. Только в сентябре 1945 года она была демобилизована и приехала в наш поселок, где и проработала до пенсии на Исетско-Аятском торфопредприятии.

А. ПАХОРУКОВА, руководитель школьного музея.

"Красное знамя", № 27-28, 7-10, 03.1998 г.

ТРУДНЫЕ ДОРОГИ ФРОНТОВЫЕ

— Живем, Петрович! — приветствовал один из ветеранов другого. — Еще до одного мая дожили мы с тобой. Сколько еще в загашнике их осталось?

— Один Господь Бог знает, — ответил собеседник.

Сегодняшний май не такой цветущий и зеленый, как в 45-м году, когда все советские солдаты стреляли в майское небо от радости, что победили, от сознания, что выжили. Накрапывающий дождь не помешал нарушить традицию, заложенную в поселке Исеть с приходом к руководству администрации Л. Х. Шосмана, собирать накануне великой даты ветеранов войны, вдов погибших героев, чтобы помянуть и вспомнить павших исетцев, встретиться с живыми воинами-земляками. Верой и правдой защищавшие родину в лихую годину, ветераны в лучших нарядах, позванивая орденами и медалями, собирались в актовом зале завода мостовых железобетонных конструкций. Им уже по многу лет. Но они старались держаться бодро. Что ни ветеран — то интересная судьба. Взять, к примеру, **Геннадия Павловича Мусихина**. Мечтавший стать танкистом, он попал в сформированный в Еланских лагерях лыжный десант. А было в ту пору высокому красивому бравому парню всего 17 лет.

— Обрядили нас в английские шинели, американские ботинки и забросили в тыл, — делился воспоминаниями Геннадий Павлович. — Батальон отличился в боях на Ленинградском фронте. Первое ранение в предплечье я получил под Кингисеппом. Подлечившись, воевал уже во взводе разведчиков. Второе сложное ранение в ногу вызвало гангрену, и врачи вынуждены были конечность ампутировать.

С боевыми наградами, но без одной ноги солдат вернулся домой. Все годы до пенсии мужественный Геннадий Павлович проработал электромонтером на МЖБК. Не только культя и костыли, но еще и незатухающая память о днях и боях пороховых связали его навсегда со священной великой датой — Днем Победы.

Успев окончить только один семестр медицинского техникума, 17-летняя **Вера Ивановна Егорова** добровольцем ушла на фронт. Два года, проведенные в эвакогоспитале, научили ее многому: терпению, выдержке. Приходилось подолгу не спать, голодать. Не смогла Вера Ивановна научиться только одному — мириться со смертью, которая безжалостно уносила молодые жизни на тот свет.

— Они истекали кровью от тяжелых ран, умирали прямо на глазах, — со слезами рассказывала Вера Ивановна. — "Сестренка, не дай умереть", — шептали умирающие. Страху натерпелась и наревелась, когда шли ожесточенные бои на Орловско-Курской дуге. За один бой принимали 700 и более раненых. Не хватало мест, размещали рядом с палатками. Но до утра многие из них не доживали.

То военное время воспринимается Верой Ивановной кошмарным сном. Не потому ли, вернувшись с фронта опытной медсестрой, она не стала работать в больнице, а пошла на железную дорогу.

Послевоенная жизнь сложилась удачно. Вырастила двух прекрасных дочерей. Удручает лишь одно, что нелегко жить в эти годы в старом родительском доме. Она бы получила благоустроенную квартиру, если бы оставила в свое время одинокую мать, потерявшую на фронте троих сыновей. На такой шаг Вера Ивановна не решилась. Хотелось бы остаток жизни прожить без рубки дров, хождения за водой.

...Зал заполнился ветеранами, их детьми и внуками.

Обращаясь к солдатам Победы, Шосман сказал, что их подвиг останется на века в памяти народа. Слишком дорогой ценой досталась победа. И забыть такое невозможно. Все меньше остается живых памятников истории. Он пожелал им здоровья, оптимизма и мирного неба.

Слова благодарности в адрес участников встречи высказала заместитель главы муниципального образования Н. В. Мамаева.

Праздничную концертную программу, которую вела И. В. Максимова, подготовили коллективы художественной самодеятельности центра досуга. Дети и взрослые старались понравиться виновникам торжества, отплясывали танцы, пели песни.

Фронтовики, вдовы участников не так часто собираются вместе. Поэтому внимание и забота со стороны администрации, работников центра досуга, управления соцзащиты всегда являются событием. И слез своих от нахлынувших чувств фронтовики не скрывали. И когда пели и танцевали дети, и после, когда оказались, следуя традиции, за столами со щедрым угощением с боевыми 100 граммами. Организаторы позаботились и о транспорте, чтобы всех нуждающихся доставить на встречу и увезти затем домой.

С. ДУЛЕПОВА.

"Красное знамя", № 58, 12.05.1998 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ

Я хочу рассказать о своем земляке — старшине связи Иване Андреевиче Маркадееве, который начал войну на Калининском фронте связистом-телефонистом в стрелковом батальоне. Кто побывал на фронте, тот знает, какой ценой приходилось восстанавливать связь под прицельным вражеским огнем. В районе Ржева при отражении наступления противника Маркадеев вышел исправлять линию связи. Рядом разорвался тяжелый снаряд. Связист был контужен. После выздоровления Маркадеев вновь попал в отдельный батальон связи и снова — телефонистом.

Иван Андреевич хорошо помнит фронтовую жизнь. Ему приходилось не только восстанавливать разрушенные линии связи, налаживать новые. Но пришлось однажды с разведчиками "за языком" сходить. Это было в ночь с 22 по 23 марта. Ночь выдалась холодной и вьюжной. Снежная круговерть мешала вглядываться в темноту, ветер завывал, мешая на слух уловить обстановку. И вдруг — фашисты, численностью более трех десятков, вооруженные автоматами. Они двигались прямо на группу разведчиков, отходить было поздно. "Огонь", — скомандовал лейтенант Новопашин. Враги растерялись: в этот час они никак не ожидали нападения. Двух раненых немецких солдат разведчики доставили в штаб дивизии для допроса. Потерь со стороны нашей группы не оказалось. Всем ее членам была объявлена благодарность командования части.

В январе 1945 года дивизия, где воевал Маркадеев, усиленная танками, бронемашинами, артиллерией, прорвала линию обороны врага и вклинилась вглубь ее более чем на 60 километров. Советские солдаты оказались в Бранденбургской провинции. Впереди — немецкая деревня и дорога, по которой отступали немцы. Отступали, но дрались очень ожесточенно. У этой деревни дивизии вновь пришлось дать бой. Он длился более двух часов. Как раненный, но все еще сильный зверь, огрызались фашисты. Но мы были сильнее уже

потому, что неудержимо рвались к Берлину. На поле боя осталась вся немецкая техника, множество убитых врагов. Путь был открыт. Этот путь вел нас к победе.

За отличные боевые действия в Бранденбургской провинции многие бойцы и командиры были награждены орденами и медалями. И. А. Маркадеев получил орден Красной Звезды. Войну он закончил в Берлине.

М. МИННИКАЕВ.

"Красное знамя", № 57, 9.05.1986 г.

НЕТ РОДНЕЙ ЗЕМЛИ

Чехословакия. Прага. Май. Чувствуется дыхание не только весны, но и Победы. Настроение соответствующее. Ко Дню печати, 5 мая в дивизии 221-го стрелкового полка выпустили стенгазету. Ох, и высмеяли всяких там геббельсов, герингов, гитлеров, гиммлеров... Написали о геройских подвигах советских солдат. Хорошая получилась газета. Осталась она в памяти Леонида Зверева.

Леонид Васильевич Зверев награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, двумя орденами Отечественной войны I степени, тринадцатью медалями. После войны остался служить в армии. Потом работал на заводе железобетонных изделий, в производственном объединении "Радуга".

В юности **Аркадий Корчаков** выбрал профессию военного. Окончил Московское военно-политическое училище. И хоть готовил себя к нелегкой жизни, действительность превзошла все ожидания. Тяжело было на Украине, истерзанной, поруганной, своей. Какой вихрь мыслей промчался в его голове, когда Аркадий оказался у могилы Тараса Шевченко — и преклонение перед его гением, и горечь, что для фашистских извергов, разгуливающих по нашей земле, нет ничего святого.

Ранение, госпиталь. Снова ранение, снова госпиталь. И вот Корчаков в Верхнем Уфалее, в учебно-танковом корпусе. Здесь и встретил он 9 мая. День мыл пасмурный, но настроение такое чудесное, что не передать. Речи были, слезы. Была большая общая радость за то, что страну отстояли. Война закончилась, жив, значит, удастся самому вырастить дочку и сына.

Аркадий Петрович Корчаков награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалью "За боевые заслуги" и другими наградами. После войны работал в системе профтехобразования, был директором хлебокомбината.

Дочь Аркадия Петровича стала врачом, сын — инженером-электриком.

В мае 1945 года **Федор Воробьев** служил в Норвегии. Там, где не бывает ночи, где одновременно видны солнце и луна. Ему удивительно везло: за шесть раз, что он ходил в разведку, его ни разу не ранили. А вот во время шестьдесят первой вылазки получил ранение. Потом — второе...

Солдатская смекалка была первым делом в военной жизни. Однажды отрезали немцы разведчиков от большой земли. А свои сбросили с самолета У-2 четыре мешка с сухарями, и лежали они метрах в пятидесяти от берега. Федор обвязался кабелем и пополз. Подтянул кабель, привязал один мешок, еще подтянул — второй, третий, четвертый. Так со всеми мешками и приполз обратно.

В штабе дивизии Федору дали задание: в течение трех часов доставить командиру полка пакет. Как бежал он эти 29 километров, сам толком не помнил, сбросил дорогой фуфайку, шапку. Добежал и упал без сил возле самого штаба полка. Полковник Алексеев взял пакет, начал поднимать бойца. Приказал кому-то: "Дайте ему спирта". После двух глотков полегчало. А когда узнал содержание депеши, которую доставил, совсем повеселел. "Война закончилась!". Что тут в полку началось. Солдаты на радостях расстреляли

сараюшку, все патроны выпустили. Зачем они теперь нужны, когда с войной покончено.

Когда все немного успокоились, прилегли отдохнуть, поскольку была ночь. А Федору после пережитого не спалось. Сел на крылечко, автоматишко стал чистить, да вдаль на воды поглядывать. А там метрах в пятидесяти от берега стоял английский корабль. И вдруг — взрыв. Корабль распался на две части. Это, оказывается, подводная немецкая лодка вынырнула и взорвала корабль. Но и ей самой не удалось уйти. Достали ее советские воины глубинными бомбами. Нет, рано, оказывается, было расстреливать патроны, уничтожать оружие.

Федор Васильевич Воробьев после войны и до ухода на пенсию работал в цехе электролиза меди комбината "Уралэлектромедь". Награжден орденами Отечественной войны II степени, "Славы III степени, медалями.

* * *

Бомбежка была ужасная. Грузовик, который вела Раиса с подругой, как-то странно, с большой силой тряхнуло. Следующее мгновение они еще помнили, но были уже в шоковом состоянии. То ли бочки из машины через них летели, то ли они через бочки. Что было дальше — память не зафиксировала. Когда девушки очнулись, пришли в себя, было уже тихо. С грузовиком удалось справиться, покрутили ручкой, завели. А вот бочки поднять не сумели, куда уж им, слабосильным.

Три с половиной года провела Раиса за рулем. Возила продукты под Москвой, строительные материалы для оборонительных сооружений под Рязанью, Тулой.

День Победы Раиса встретила в городе Шостка под Киевом. В пятом часу утра всех поднял дежурный и сообщил об окончании войны. Женщины подняли такой гвалт, что ушам больно. Спать больше не ложились, были слишком возбуждены. Начальник гарнизона по охране и обороне особо важных объектов уехал в Ленинград искать семью. Раиса осталась за главного. Под ее началом были 45 девчонок. Всем им надо было оформить документы, отправить домой. Сама демобилизовалась только 30 января 1947 года.

Раиса Ивановна Басова, выйдя замуж за военного, поездила с ним по всей стране. Трудное, но интересное это было время. В 1957 году семья Басовых приехала в Верхнюю Пышму. Раиса Ивановна работала в общепите и в торговле. Отсюда и ушла на пенсию.

Татьяна ЛЕВЧЕНКО.

"Красное знамя", № 56, 9.05.1992 г.

ВАЛЕНТИН СЛОБОДЧИКОВ УЧАСТВОВАЛ В ПАРАДЕ ПОБЕДЫ В 1945 Г.

— Смотрите, смотрите, дедушка идет! — кричала девочка, тыча пальчиком в экран телевизора. Да, это шел ее дедушка, неся в руках низко опущенное знамя поверженного противника. Документальные кадры запечатлели торжественные моменты Парада Победы на Красной площади в Москве. Молодому солдату **Валентину Федоровичу Слободчикову** довелось быть участником этого события.

Ему не было еще и 18 лет, когда началась его фронтовая биография. Воевать пришлось под Ленинградом. Отдельный взвод разведки, где служил Валентин Федорович, взял в плен 13 "языков". На груди молодого воина появилось две медали "За отвагу".

Когда сегодня на экране телевидения документальная хроника воссоздает те далекие уже события, когда видит Валентин Федорович худеньких детишек блокадного города, память переносит его в те дни. Как бы ни было трудно солдатам, но когда командир взвода предлагал помочь детям, все с готовностью соглашались. Он что-то прикидывал, высчитывал и говорил: "Есть предложение, ребята, по сухарику, по сахарку от каждого бойца отдать ленинградским детям". А тогда каждый сухарь, каждый кусочек сахара был на вес золота.

Закончилась война. И был самый памятный в жизни Валентина Федоровича Слободчикова май 1945 года. Торжественно парадным шагом идут солдаты по Красной площади.

В школьном учебнике, на снимке, отыскала внучка В. Ф. Слободчикова своего деда — стропальщика завода сварных машиностроительных конструкций. Вот он, бросающий вражеское знамя.

Т. ЛЕВЧЕНКО.

"Красное знамя", № 56, 9.05.1985 г.

ПУСТЬ БУДЕТ ЧИСТЫМ НЕБО

...Иногда госпиталь развертывали прямо на земле, потому что все здания были разрушены. Так было, например, в г. Ельне. Постоянно мы — медсанбатовцы двигались вслед за наступающими частями и всюду — раненые, умирающие. Позднее я работала в госпитале с тяжелоранеными. Страшно вспоминать про те человеческие страдания. Сдавала кровь для спасения раненых. Однажды сдала за один прием 500 граммов и упала в обморок. О Победе узнала ночью, будучи на смене. Больные, кто мог вставать, повскакивали, стали меня качать. Вспоминая этот счастливый миг, я вновь переживаю радость того незабываемого дня. Война — это ужас, это смерть и кровь, наша мечта — жить в мире.

В. ВЕДЕРНИКОВА,
бывшая медсестра эвакогоспиталя.

"Красное знамя", № 56, 9.05.1985 г.

ДВЕ МЕДАЛИ "ЗА ОТВАГУ" ИВАНА ШЕПЕЛЕВА

Восемнадцати лет Ивана Никаноровича Шепелева — работника медеплавильного цеха медеэлектролитного завода — призвали в армию. И сразу на фронт. Наши войска к этому времени уже гнали на запад противника. Новичков определили в расчеты минометных установок. И вот — боевое крещение. Началась артподготовка. Загудела земля. Воздух тугими волнами бил в лицо. Так продолжалось два часа. Неожиданно все стихло — пошли в наступление.

После того, как поработали наши минометы, пехоте как говорится, делать было нечего. Под ногами фрицев горела земля. Горели машины. Склонив стволы, чернели сажей от обгоревших колес орудия. А бойцы все шли вперед, дальше на запад. И случилась так, что 2-й танковый корпус Белорусского фронта слишком оторвался от своих и оказался в окружении. Но красноармейцы, опрокинув заслон немцев, вышли из кольца.

Однажды был дан приказ провести разведку боем. Среди разведчиков был и Шепелев.

"Мы, — рассказывает Иван Никанорович, — сели в машину и помчались к мосту. Когда мы его проезжали, я уловил подозрительный шум. Остановили машину. Видим: из-за угла основания моста торчит ствол немецкого автомата. "Что делать?" — работает мысль. Медленно приближаюсь к фашисту вдоль стенки. Вот уже ясно различается смазка на стволе, черное отверстие почти рядом. Делаю бросок, хватаю левой рукой за ствол, а правой даю очередь вверх. Передо мной стоял здоровенный детина и ошалело хлопал глазами. Остальных двоих задержал мой товарищ. Вдруг капитан Фтюрин срывается с места и бежит к мосту. Видим дымок. Бикфордов шнур догорал у самого заряда. Еще бы немного и... За эту операцию я и мой товарищ получили медали "За отвагу". Вскоре меня ранило.

После госпиталя снова на фронт. Как-то, совсем неожиданно, появилась автоколонна противника. Не замечая замаскированных установок, колонна проходит мимо. Мы, минометчики, открыли огонь. Но случилось несчастье: на соседней установке мины взорвались в

стволе. Замолчал и второй миномет. Я бегал от установки к установке, заряжал, стрелял. Колонна немцев частично была разбита, частично рассеяна. За этот бой я получил вторую медаль "За отвагу".

Ю. БЕЛЯЕВ, рабочий литейного цеха ПМЭЗ.

"Красное знамя", № 23, 23.02.1966 г.

АЛЕКСЕЙ САФОНОВ БЫЛ ХРАБРЫМ, НАХОДЧИВЫМ СВЯЗИСТОМ

Из четверых братьев Сафоновых с войны вернулось только двое. Алексей Дмитриевич был мобилизован в первые дни войны. В его жизни все складывалось хорошо: отслужил, вернулся в родную деревню, женился, начал работать в колхозе. Но пришел июнь 1941-го...

Фронтовикам не суждено забыть свой первый бой. Помнит его и Алексей Дмитриевич. Было это под Невелем на Псковщине.

В 1942 году его приняли в партию. Боевые товарищи-коммунисты все как один, проголосовали "за". Сафонов успел проявить себя и в боях, и в разведке. Стал храбрым, находчивым связистом. Летом 1943 года за освобождение Орла он был награжден орденом Красной Звезды.

За обеспечение надежной связи или форсировании Днепра был награжден орденом Славы 3-й степени.

После тяжелой контузии почти полгода лечился в госпиталях. Когда дело пошло на поправку, списался с однополчанами и вернулся в свой батальон.

При штурме Кенигсберга взводу Сафонова было приказано проложить через пролив кабель связи. За выполнение этого рискованного задания Алексей Дмитриевич был награжден орденом Отечественной войны II степени. Старшина связист Сафонов участвовал в освобождении Польши, дошел до Германии, закончил войну в Данциге.

Сафонов живет в Верхней Пышме с 1965 года. Он крепко прирос к нашему городу. Сроднился ветеран и с коллективом лесопромышленного комбината, где он работал много лет.

"Красное знамя", № 46, 13.04.1985 г.

ОБЫЧНОЕ МУЖЕСТВО ЛЕОНИДА ВАСИЛЬЕВИЧА ЗВЕРЕВА

В уютной однокомнатной квартире Зверевых невероятными кажутся события, о которых рассказывают Леонид Васильевич и Александра Ильинична. Оба фронтовики, офицеры запаса. Она — старший лейтенант медицинской службы, он — майор.

Необычно сложилась судьба этих людей. Вместе учились с первого класса, вместе воевали, но в разных частях. Спустя пять месяцев после победного залпа сыграли скромную свадьбу. Гимнастерка, шинель, походный котелок— вот все нехитрое имущество, с которого начиналась их совместная жизнь. "Может, потому и не было промеж нами ссор, что с первого дня делить нечего", — через сорок лет скажет Александра Ильинична.

Скромность, непритязательность в быту помогли им избежать вируса вещизма и в пору послевоенного благополучия. В этой семье в почете другие ценности.

Комсомольцы-добровольцы

Как-то на комсомольском собрании в одном из колхозов Кировской области, где присутствовал и старший счетовод Леонид Зверев, военком сделал доклад о международной обстановке. Шел 1938 год, и докладчик не скрывал, что японские самураи готовятся напасть на нашу страну. Свое сообщение военком закончил призывом к комсомольцам встать в ряды добровольных защитников Родины. Этот призыв Леонид воспринял конкретно. Он поднялся и сказал:

— Запишите меня добровольцем.

А через 24 часа призывников посадили в вагоны и отправили на восточную границу. Так началась военная биография Леонида Васильевича Зверева.

Разгром японских захватчиков был завершен в короткий срок, и в боях на Хасане добровольцу Звереву участвовать не пришлось.

Вскоре на западной границе начались кровопролитные бои с фашистскими захватчиками. Жертв становились все больше, и все настойчивее солдаты и офицеры "мирных" восточных границ просились на передовую. Лишь в 1943 году рапорт Зверева удовлетворяют и, подучив на краткосрочных курсах Саратовского военного политучилища, направляют в звании младшего лейтенанта заместителем командира по политчасти стрелкового батальона в 221-й полк 1-го Белорусского фронта, который вел наступательные бои по освобождению Минска.

От Кобрина до Берлина

Много стрелков 221-го полка полегло в боях за освобождение Белоруссии. В районе Кобрина перед форсированием Вислы полк вынуждены были остановить для переформирования. Пополнившись свежими силами, он продолжал наступление: участвовал в прорыве сильнейшей обороны Восточной Пруссии, где даже сама местность — болотистая, открытая, вся в каналах и проволочных заграждениях — казалась непреодолимой.

— Прорыв обороны — самое трудное дело для пехоты, — вспоминает Л. В. Зверев. — очень много сил было отдано преодолению каналов под прицельным огнем неприятеля. Зима, а немцы спустили воду. Одежда атакующих моментально превращалась в ледяной короб, сковывающий движения. Прорыв был организован в несколько эшелонов. Первый, второй, третий эшелоны наступающих полегли в этих каналах. И только четвертый эшелон буквально по трупам товарищей вышел к рубежу.

У всех, от рядового до офицера, была жгучая ненависть к врагу. Однако врагом мы считали только человека с оружием в руках. К местному населению относились как к обычным людям, хотя видели, насколько оно запугано слухами о "жестокости" русских, которые распространялись фашистской пропагандой. На всем пути по Германии мы почти не встречали мирных жителей. А когда подошли к Кенигсбергу и взяли город, то увидели, сколько там погибло гражданского населения. Вина в гибели тысяч немецких граждан полностью лежит на фашистском командовании, отказавшемся от капитуляции и продолжавшем бессмысленное сопротивление.

Вспоминаю, как перед Кенигсбергом наш батальон получил задание провести разведку боем для обнаружения огневых точек противника. Оторвавшись от основных войск, наша сотня направилась вперед по дорогам-насыпям, геометрически четко проложенным среди болот. Час, второй двигались — никакого сопротивления. Дали сигнал своим: "Путь свободен". Но не дойдя полкилометра до населенного пункта, батальон попал под прицельный огонь. Слева и справа от дороги били танки, а сверху — авиация. Буквально за полчаса от батальона почти ничего не осталось. Налет был столь внезапным, что мы не успели нигде укрыться или хотя бы развернуть свои пушки на конной тяге. Бой прошел, стали анализировать причины поражения и установили, что в трубах под насыпями скрывались вражеские корректировщики, которые по радиосвязи сообщали точные координаты нашего продвижения. С тех пор наша разведка стала работать более тщательно.

До самой весны 1945 года наш фронт громил Восточно-Прусскую группировку врага. И мы ослабли, и они, но ни нам, ни им не давали подмогу. Порой доходило до смешного: ночью мы берем, скажем, очередной населенный пункт (ночные операции у нас всегда проходили более удачно), а днем противник снова занимает его. Порой в атаку шли почти одни офицеры вместе с командиром полка подполковником Степченко, потому что после отдельных боев рядовых почти не оставалось.

Война завершалась, все сильнее росла надежда остаться в живых, дождаться победы, но на призыв "Вперед!" по-прежнему первыми в бой поднимались коммунисты и комсомольцы. Это была их единственная привилегия на фронте.

Добивая Восточно-Прусскую группировку, однажды мы получили задание активными боевыми действиями создать ложную обстановку наступления, привлекая к себе внимание и приковывая как можно больше сил немцев. Основные наши части в это время должны были обойти немецкую группу войск и ударить с тыла, сохранив в целости важный стратегический объект. Выполняя эту задачу, мы довоевались, что называется, до ручки: ни продовольствия, ни связи, ни боеприпасов не оставалось. Тогда командование приняло решение отправить к нам в тыл группу из 25 человек, которая должна была доставить обессилевшим бойцам все необходимое. Руководство этой группой поручили мне. Выполнить поставленную задачу было нелегко. Мы переползали по нейтральному участку, хорошо простреливаемому врагом и освещаемому ракетами. Ползли, не поднимая головы. Сумели все же на "нейтралку" занести много боеприпасов, оставив их в ямках и пометив на карте. Но немцы засекли нас. Из всей группы в тот раз в живых осталось только двое — я и радист. Но свою задачу мы выполнили.

Вместе с Первым Белорусским фронтом наш 221-й стрелковый полк участвовал во взятии Берлина. С левого фланга к центру города двигались наши соседи, с правого — мы. Что значит "двигались" в условиях города, превращенного в крепость, представить себе нетрудно. Мы стреляли и ползли, ползли и стреляли, поднимая голову из укрытий лишь настолько, чтобы увидеть очередную цель. Так весь Берлин и прополз я тогда на животе, не видя города.

Второго мая Берлин был взят. Весь состав нашего батальона был представлен к государственным наградам. Многие — посмертно. После той битвы наш полк получил название "Берлинского".

"Красное знамя", № 57, 9.05.1986 г.

ЖИВИТЕ ДОЛГО, ВЕТЕРАНЫ!

Иван Николаевич Целиков и Василий Степанович Абросимов уже много лет и по настоящее время работают на нашем Исетском заводе мостовых железобетонных конструкций.

Иван Николаевич возглавляет отдел снабжения. Василий Степанович — вахтер, своим скромным трудом помогает родному заводу в поддержании дисциплины и порядка.

До армии Целиков окончил техникум советской торговли, намеревался посвятить жизнь именно этому делу. Но в 1938 году его призвали в пограничные войска. Служил на Дальнем Востоке. А когда, отслужив положенное время, он собрался возвращаться домой, грянула война.

Пограничные войска продолжали охранять восточные рубежи Родины. А Целиков рвался на фронт, трижды подавал рапорт, но получал отказ: ведь каждый день фронт мог открыться и здесь, на Дальнем Востоке. Так и случилось, но только уже после разгрома фашистов. 9 августа 1945 года советские войска начали боевые действия против войск милитаристской Японии. Иван Николаевич вспоминает свой первый бой.

Брали штурмом один из укрепленных районов. Крепкий оказался орешек, к тому же трудные к нему были подходы. Теперь Иван Николаевич едва ли покажет на карте место сражения, да и подробности боя понемногу уходят из памяти. Только знает, что в этом тяжелом бою шестеро отличившихся, среди которых был и он, Целиков, были представлены к награде — медали "За отвагу". А командир его подразделения капитан Светевский удостоен звезды Героя Советского Союза.

При воспоминании об окончании войны у Ивана Николаевича на глаза навертываются слезы. Эти слезы — память о радости, пережитой в тот счастливый день. Люди, знакомые и незнакомые, обнимали друг друга, от радости плакали, делились планами по поводу мирной жизни. Но только в 1948 году Целиков вновь оказался на Урале. Судьба свела с первостроителями Исетского завода мостовых железобетонных конструкций. С тех пор прикипел к коллективу, не может расстаться.

Идут годы, а в Иване Николаевиче по-прежнему виден военный человек: выправка, подтянутость его сразу привлекают внимание. Но свойственны ему и лиричность, душевность. Любит порассказать он о своих армейских и военных буднях. Ведь это его молодость.

Василию Степановичу Абросимову из длинных военных дорог на всю жизнь врезалась в память одна. Вернее, помнится ему один яркий эпизод — сражение под неизвестным латышском хутором. Задание у подразделения, в котором воевал Абросимов, было коротким: овладеть шоссейной дорогой вблизи города Гальга, что в 20 километрах от Риги. В этом бою и был тяжело ранен Абросимов. Родина у него — Бугульма, а проливать кровь пришлось за незнакомую землю. Теперь она стала родной, потому что ее он защитил собой, ради нее рисковал жизнью. Долго лечился в госпитале Василий Степанович, благодаря поистине героическим усилим медиков остался в живых. Но вернулся домой в 20 лет инвалидом.

Однако люди, прошедшие войну, это люди особой закалки. Духом солдат Абросимов не пал, стал работать, обзавелся семьей. Довелось ему возводить в поселке Исеть завод мостовых железобетонных конструкций, который и стал для фронтовика родным и близким. Василий Степанович работал безотказно везде, куда бы его не посылали. А последние десять лет он стоит у заводских ворот, на вахте. Заводчане уже знают: когда Абросимов на смене, все на проходной в порядке.

Все в порядке и в нашей жизни, жизни детей и внуков ветеранов, за которых, собственно, они и воевали. Все в порядке, пока еще живы они. Не все, конечно, живы. Но и те, кто еще живет рядом с нами, мы знаем, помогут нам и советом, и делом, помогут верностью, помогут памятью о тех днях, когда решалась судьба нашего счастливого сегодняшнего дня.

Л. КОЗЛОВ.

"Красное знамя", № 57, 9.05.1986 г.

ПОГИБ В БЕРЛИНЕ

Одним из тех, кем должна гордиться Верхняя Пышма, является погибший в боях за Родину **Константин Емельянович Ярушников** — рабочий Уралмашевского лесхоза, а с 1937 по 1939 год — крепильщик шахты "Александоровская" Пышминского рудника.

В 1939 году он добровольцем уходит в Красную Армию. Участвует в освобождении Западной Белоруссии, а зимой 1939—1940 годов в качестве командира лыжного батальона — в боях с белофиннами.

С 1941 года снова на фронте. Воюет самоотверженно, воюет умело, и уже 3 октября 1942 года приказом по войскам Западного фронта командир стрелкового батальона старший лейтенант Константин Емельянович Ярушников был награжден высокой воинской наградой — орденом Красного Знамени. Спустя полгода, 18 апреля 1943 года, одним из первых в Красной Армии награжден орденом Александра Невского. В 1944 году Константин Емельянович окончил школу повышения командного состава при военной академии им. Фрунзе.

Наступил 1945 год. Приближался победный конец войны. В феврале и в апреле 1945 года К. Е. Ярушников был награжден еще двумя орденами Отечественной войны I и II степеней. А 1 мая 1945 года, за день до падения Берлина, заместитель командира 140-го гвар-

дейского стрелкового полка по строевой части 8-й гвардейской армии гвардии майор К. Е. Ярушников, проявив героизм и мужество, погиб. "Похоронен он с отданием воинских почестей на площади у колонны Свободы в г. Берлине", — написано в скорбном извещении, которое пришло на Урал его жене Александре Алексеевне. Мы многого, к сожалению, не знаем о Константине Емельяновиче, но даже сказанное говорит о нем, как о талантливом офицере, которым может гордиться наш город, и имя которого должны знать все, кто хоть сколько-нибудь интересуется историей города. К сказанному следует добавить, что в боях за нашу Советскую Родину в годы Великой Отечественной войны участвовали еще три родных брата Константина Ярушникова.

Это Иван Емельянович (1910 года рождения, на два года младше старшего погибшего брата), работавший секретарем территориальной комсомольской организации в своем селе, активный участник проведения коллективизации и культурной революции. На фронте служил на бронепоезде.

Это и поныне живущий в Верхней Пышме **Тимофей Емельянович Ярушников** (1918 года рождения) — комсомолец с 1934 года, коммунист с 1943 года, в недавнем прошлом фотограф артели им. Первого Мая г. Верхняя Пышма, ныне пенсионер. В 1945 году он принимал активное участие в разгроме Квантунской армии. Техника, которую он обслуживал, сделала 116 успешных боевых вылетов без единого замечания.

Это **Михаил Емельянович** (1926 года рождения). В армию призван в 1943 году. На фронте был сержантом, комсоргом роты. В боях был тяжело ранен и умер на сорок третьем году жизни.

Такова семья советских патриотов Ярушниковых, сведения о которых хранятся в Верхнепышминском городском музее.

В. ГРИНЕВИЧ.

"Красное знамя", № 56, 9.05.1985 г.

КАВАЛЕР ОРДЕНА СУВОРОВА НИКОЛАЙ МАЛЬЦЕВ

Орден Суворова, учрежденный в 1942 году для награждения за боевые заслуги высшего офицерского состава (от командиров батальонов до командиров фронтов), рядом с двумя орденами Красной Звезды я увидела на лацкане пиджака бывшего начальника паспортного стола Верхнепышминского отдела внутренних дел, ныне пенсионера Николая Николаевича Мальцева. Великую Отечественную войну он начал в 1942 году под Сталинградом в звании сержанта, а закончил ее под Берлином в звании старшего лейтенанта. Орден Суворова и благодарность Сталина были первыми наградами лейтенанта Мальцева. Как заслужил он такую высокую честь?

А дело было так. Расширяя плацдарм за рекой Нарев, севернее Варшавы, передовая мотострелковая бригада, понеся большие потери, попала в окружение. Немцы стягивали силы, пытаясь разбить окруженцев и отбросить назад советские войска. Не занятым врагом оказался естественный коридор (полтора километра в длину и метров 600 в ширину), образованный в низине между каменоломней и селом. Этой низиной и пыталось дивизионное командование восстановить прервавшуюся связь с мотострелковой бригадой. Однако немцы заняли высотки и взяли низину под кинжальный обстрел. Две роты, отправленные одна за другой, исчезли.

И вот командир дивизии вызывает к себе из резерва только что прибывшего с курсов новоиспеченного лейтенанта Мальцева. Задание: осмотреть "коридор" и с ротой солдат пройти на связь с окруженцами, выяснить обстановку и любым способом доложить в штаб.

Хоть слаба была грамотешка у Николая (только на фронте читать и писать научился),

зато смекалки не по годам серьезному парню было не занимать. Не зря в милиции до войны работал. Пошел он посмотреть каменный мешок, которым предстояло пройти, и понял, что немцев обмануть можно, если...

Приняв роту, лейтенант объяснил обстановку и начал тщательно готовить бойцов к выполнению задания. "Ползти будем вдоль отвесной стены каменоломни — она серая, как наши шинели, — сказал он бойцам. — Поэтому фляжки и вообще все, что может греметь, оставить. Автоматы прикрепить наглухо. Немец просматривает долину в бинокли, поэтому лицо влево не поворачивать, а автомат закрепить справа. Ни звука, ни кашля! Взлетит ракета — не двигаться".

Самым убедительным аргументом на войне является слово "жизнь". Если надо для жизни — боец мог стерпеть любую муку. В том лейтенант убеждался не раз. Ползли ночью, сливаясь с пылью, замирая при каждой ракете. Не замеченные немцами, дошли до своих. Там было много раненых, боль и страдания которых усиливались жаждой. Ни одна из двух посланных прежде рот не дошла до окруженцев.

Выяснив обстановку, Мальцев этой же ночью осторожно двинулся в обратный путь. В одном из окопов прихватил с собой раненого, с оторванной ногой, истекающего кровью. Он хотел жить, поэтому, несмотря на сильные муки, не проронил ни стона, пока его тащили к своим.

Заполночь, выполнив задание и не потеряв ни одного бойца, подобрав еще и раненого, лейтенант Мальцев предстал для доклада перед командиром дивизии. Тот вздрогнул, словно перед ним был не человек, а черт — даже пот не пробивался сквозь толщу пыли, осевшей на лице, шее, руках Николая. От усталости его пошатывало. Но, доложив командиру об обстановке на "той" стороне, он вызвался доставить раненым воду...

На рассвете основные войска, скоординировав, благодаря находчивости Мальцева, действия с окруженцами, прорвали кольцо окружения и расширили плацдарм за рекой Наревом. Более полутора тысяч бойцов и часть техники удалось сохранить благодаря этой операции. Командование высоко оценило подвиг нашего земляка лейтенанта Мальцева, наградив его орденом, учрежденным для высшего офицерского состава.

Л. ФЕФЕЛОВА.

"Красное знамя", № 10, 23.01.1982 г.

"САМОВАРЫ — САМОПАЛЫ".

Эшелоны без передыху мчались на запад, к фронту. Скоро год будет, как война разразилась, а конца ей не видать. Михаил Кистанов, девятнадцатилетний слесарь-автоматчик станции Шилка встречал и провожал поезда, обеспечивал безопасность движения. С работой он справлялся на отлично.

В марте и в суровом Забайкалье пахнуло теплым дыханием весны. Как-то, вернувшись домой после ночного дежурства на станции, Михаил застал мать встревоженную, заплаканную.

— Вот повестка, — сообщила она. — На фронт, значит...

Сборы были недолги. Томительные, тревожные минуты прощания с матерью, сестренками и, наконец, привычное, как бой часов, "тик-так, тик-так..." Стальными верстами побежала под колеса дорога.

...Первый бой. Ночь. В отблесках лунного сияния вырисовывается гора Меловая, чуть дальше дремлет Дон. В условленный час тишину разорвали артиллерийские залпы. Снаряды с шипением и свистом проносились над головами наступающих и рвались на склоне холма. По цепи бойцов пронеслось: "В атаку!".

Серая лавина хлынула на вражеские позиции. Фашисты, не ожидавшие такой дерзости,

в панике отступали. Михаил посылал в убегающие фигурки одну очередь за другой. Но рядом грохнула мина, и несколько мелких осколков осами вонзились в тело. Михаил пробежал по инерции еще несколько шагов и упал. В глазах бешено заплясали желтые, оранжевые, черные круги. Медленно уплывало сознание...

Очнулся в госпитале. В мыслях все еще витали подробности первого боя, ставшего боевым крещением для рядового Кистанова.

В палату выздоравливающих скорым шагом вошел незнакомый лейтенант.

— Набираю взвод, — объяснил он доктору. — Ребята нужны крепкие, выносливые.

Окинул бойцов изучающим взглядом.

— Вы и вы, собирайтесь, — он указал на Михаила и его соседа по кровати, молдаванина.

— А войска-то какие? Поди пехота, — полюбопытствовал кто-то.

— Оружие у нас хитрое, — полушутя ответил офицер.

Лейтенант оказался прав. Раньше Михаил о таком оружии и не слыхивал. Правда, бойцов на фронтовом жаргоне стали величать самоварниками. Обидно, да что делать. А вскоре, после упорных бев на Курской дуге, в которых участвовал полк, о роте огнеметчиков появились легенды.

Воины устанавливали "самовары" (огнеметы) под самым носом врага, рядом с шоссе или железнодорожной магистралью. Танки, бронетранспортеры, самоходные пушки врага, пытавшиеся концентрированным ударом пробить брешь в обороне наших войск, попадали под уничтожающий обстрел. Атаки фашистов захлебывались. "Секретные" огнедышащие установки русских, прожигающие броню, наводили на фашистов ужас. Отличной мишенью для огнеметчиков были склады с беприпасами, горючим, дзоты.

...Быстро летят фронтовые будни. Позади Белоруссия, Польша, впереди Берлин — логово гитлеровцев. Бои становились все ожесточеннее. Многих друзей-товарищей потерял Михаил, теперь уже старший сержант, помощник командира стрелкового взвода.

...Полуразрушенный мост зловеще повис над Одером. Передовая группа наших войск форсировала реку и вела наступление километрах в десяти от западного берега. Но почему на восточном побережье оставлен стрелковый полк? Все объяснялось просто. На холме фашисты соорудили мощный оборонительный рубеж, охранявший все подступы к железнодорожному мосту.

— Мы можем избежать кровопролития, если принудим противника сдаться в плен, — сказал на совете младших командиров комбат. — Нужен "язык", желательно офицер. Кто пойдет на задание? Есть добровольцы?

...Добравшись до седловины, образованной двумя вершинами холма, группа из трех разведчиков остановились. Слух жадно вылавливал подозрительные шорохи ночи.

— Слышу чьи-то шаги, — шепотом информировал младший лейтенант, командир группы. — Видать, "слухач" бродит. Беру сам, а вы прикройте.

Рванувшись вперед, лейтенант пытался сбить фашиста с ног. Не удалось: ловким оказался. Схватились врукопашную. Сержант Кистанов бросился на помощь. Хлесткий удар автоматом по плечу — и немец, охнув, повалился в траву. Перед его глазами блеснула сталь финки.

— Молчи, гад, — пригрозил лейтенант, сказав первое слово по-немецки. — Не то...

Разведчикам повезло. "Слухач" оказался "крупной птицей" в офицерском чине. Тянуть за язык не пришлось — все выложил. Однако фашисты не пожелали сдаться. И тогда снова заговорил "бог войны". Казалось, в таком аду все движимое и недвижимое превратится в пепел. Но разведка доложила — некоторые дзоты остались невредимы. Тогда комбат приказал сержанту Кистанову уничтожить огневую точку прямой наводкой.

Еще в ночной разведке Михаил запомнил подробности расположения оборонительных рубежей на "высоте". 77-миллиметровая полковая пушка выпустила три снаряда. Мимо. И

вот, после дополнительной корректировки сержанта Кистанова, выстрел достиг цели.

Зычное "Ура-а-а" пехотинцев раскатилось над поверженным холмом. Немцы не выдержали. Оставляя оружие, бросались в волны Одера.

Это был последний бой Кистанова. За мужество и находчивость при выполнении боевого задания его наградили орденом Славы III степени. А еще раньше на его гимнастерке появились медали "За отвагу", "За взятие Варшавы". До Берлина оставалось 60 верст, до победы — один шаг.

— Когда наша часть вступила в столицу Германии, — вспоминает М. О. Кистанов, — над рейхстагом развевалось красное полотнище — Знамя Победы...

Получилось так, что сразу же после войны он остановился в Верхней Пышме. Полюбился ему рабочий город. Устроился катодчиком на медеэлектролитный завод. И здесь фронтовик трудился на славу.

Н. УСАНИН.

"Красное знамя", № 37, 27.03.1975 г

ПЕ-2 БЕРТ КУРС НА ОДЕР

Шел март 1945 года. Наша пехота залегла. Наступление захлебнулось. Необходима была срочная помощь бомбардировочной авиации. И вот три пятерки пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2 берут курс на Одер. Одну из них возглавляет наш земляк летчик Иван Прокопьевич Бачурин. Низкая облачность и плотнейший огонь вражеских зенитных орудий преграждают путь нашим самолетам. Вторая и третья пятерки разворачиваются и уходят обратно. Лишь первая пятерка упорно продолжает идти вперед. Скорость предельная — до 600 километров в час. А вот и заданный район. Через открытые люки бомбы летят в цель — в фашистские окопы, на танки, на артиллерию.

За этот миг отдал свою жизнь Иван Прокопьевич Бачурин — наш земляк, верхнепышминец.

Г. НЕВОЛИНА

"Красное знамя", № 43, 9.04.1988 г.

В АПРЕЛЕ 1945 ГОДА

В ночь с 17 на 18 апреля 1945 года нашему 26-летнему гвардейскому полку было дано задание бомбить Берлин. А наш экипаж — капитан Пожидаев, штурман Ершов, радист Тарнаков, два воздушных стрелка — получил особое задание. В хвосте самолета, у фюзеляжа, вырезали большое отверстие и укрепили там кинокамеру.

Сбросив на цель бомбы, мы летали над Берлином в течение трех часов, и камера работала в автоматическом режиме. До сих пор стоит в глазах увиденное с высоты. С юга и юго-востока вспыхнули сотни прожекторов, и в их свете было отчетливо видно, как пошли в атаку наш танки, а за ними пехота. С севера веером летели снаряды "катюш". Когда проявили отснятую пленку, мы увидели всю панораму начала битвы в Берлине. За выполнение задания наш экипаж получил благодарность от командира корпуса.

В. КОПТЕЕВ,
рабочий ЖКО опытного завода.

"Красное знамя", № 73, 18.06.1985 г.

НАС ПОМНИТ КРАСАВИЦА ВЕНА

Вспоминаю февраль 1945 года. Война шла к своему завершающему концу. Но враг был еще силен. Подтверждение тому — грандиозное сражение у озера Балатон и на подступах

к Будапешту, где и вступила в бои наша 9-я гвардейская воздушно-десантная армия под командованием генерал-лейтенанта Глаголева.

Но вот группировка немецко-фашистских войск у озера Балатон разгромлена и наши войска двинулись дальше на запад. Впереди — красавица Вена с ее великолепными дворцами и прекрасными парками. Но взять ее было нелегко. Город обороняли 12-я танковая дивизия СС "Райх", 3-я танковая дивизия "Мертвая голова", 870-й пехотный полк, 9-й и 20-й зенитные дивизионы, 17-й запасной зенитный дивизион, юнкерская школа, до трех батальонов "фолькштурма", полицейская дивизия "Вена".

Правда, и мы к тому времени тоже имели на вооружении достаточно огневых средств, чтобы сокрушить врага. Но если пустить их в ход, то что тогда будет с мирными жителями и с уникальными архитектурными памятниками?

Наше командование приняло решение — совершить обходный маневр. Под покровом ночи, используя складки местности, канавы, овраги, поротно, а порой и повзводно, бесшумно(а десантники умеют это делать) пробирались гвардейцы 350-го гвардейского воздушно-десантного полка через немецкие заслоны и к утру 9 апреля 1945 г. без потерь и в полном составе сосредоточились в Венском лесу и пошли на штурм города. Враг не ожидал атаки в этом направлении, и это в основом решило исход боя. 11 и 12 апреля части 114-й гвардейской дивизии, куда входил наш полк, вели бои по очищению Вены от врага, которое фактически было закончено к 24-00 13 апреля 1945 г. Дивизии было присвоено наименование "Венская".

Е. РАСКОВАЛОВ,
ветеран 350-го гвардейского воздушно-десантного полка.
"Красное знамя", № 23, 23.2.1989 г.

ОПЕРАЦИЯ НА ДУНАЕ

Ветеран Великой Отечественной войны Г. В. Языков прошел за 1942-1945 годы тысячи километров по Украине, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии. В воспоминаниях, которые он передал в городской музей, он повествует о своем боевом пути. Есть в них и рассказ о том, как строилась переправа через Дунай. За участие в этой операции Г. В. Языков был награжден орденом Красной Звезды. Вот что рассказывает ветеран:

"На границе Румынии с Венгрией, недалеко от города Секешфехервар, железнодорожный мост через Дунай был взорван немцами при отступлении. Было принято решение — параллельно с разрушенным мостом смонтировать новый из понтонов тяжелого типа, чтобы по нему пошли эшелоны с грузом для наступающей армии.

Строительство моста охранялось с земли и с воздуха. Переправа была смонтирована за четверо суток. Грузы пошли по Венгрии на передний край. А еще через пять суток мы разобрали фермы взорванного моста и очистили русло реки. По Дунаю пошла наша военная флотилия".

Г. ЯЗЫКОВ.
"Красное знамя", № 56, 9.05.1980 г.

АВТОГРАФ НА РЕЙХСТАГЕ

Эти фотографии: одна у здания рейхстага, другая на фоне Бранденбургских ворот находятся у верхнепышминца Искандара Хасановича Хасанова, в 1945 году гвардии старшего сержанта 26-й минометной Краснознаменной ордена Суворова бригады.

Путь солдата Хасанова начался в 1939 году в Монголии. Здесь он проходил срочную службу. В 1941 году он должен был вернуться домой. Но грянула война. Прошло полгода,

прежде чем командование удовлетворило, наконец, его настойчивую просьбу об отправлении на фронт. И пошел солдат военными дорогами... Тихвин, Сталинград, Курская битва, Прибалтика, Польша, Берлин — это только основные вехи его пути.

Служил он в грозных частях — было такое оружие у нас тогда — реактивные минометы "андрюши".

"Катюши" все знают, — говорит Искандар Хасанович, — а об "андрюшах" известно не каждому. Это оружие было еще мощнее "катюш". Враг панически боялся его. В тех квадратах, по которым били "андрюши", не оставалось ничего живого".

Вспоминает старый солдат свою боевую молодость. Курит сигарету за сигаретой. И снова как бы переживает то, что было пережито тогда.

"Бывали бои, когда от расчета в двенадцать человек оставалось двое-трое солдат. Жарко было под Сталинградом, во время Курской битвы, очень жарко".

Тяжело вспоминать. Сколько товарищей потерял! Сам три раза был ранен. Но судьба была к нему милостива и леченье надолго не затягивалось.

...И вот он, Берлин. Дожили, дошли! Когда пришла весть о победе, ликованию не было предела.

В этот же день Искандар Хасанов впервые был у рейхстага. Сотни наших воинов писали на его колоннах свои фамилии. Кто-то дал Искандару кусочек мела и гвардии старший сержант тоже оставил на рейхстаге свой автограф.

...А потом была война с Японией.

Хасанов участвовал в овладении городами Мешань, Гирин, Яньцзы, Харбин. Только в июне 1946 года снял Искандар военную форму. Путь длиною в семь лет, более двадцати тысяч километров прошел солдат.

Л. НИКИТИНА.

"Красное знамя", № 23, 21.02.1976 г.

ПУСТЬ ЭТО НЕ ПОВТОРИТСЯ

Освенцим... Самый большой лагерь смерти, который когда-либо знало человечество. Около четырех миллионов узников самых разных национальностей: евреев, поляков, русских были зверски лишены здесь жизни.

И вот спустя более чем три десятилетия, нам, никогда не знавшим войны, пришлось побывать в Польше на его территории.

Пять часов вечера. Но в музее Освенцима еще много экскурсантов. Около тридцати автобусов стоят на площади у центрального входа.

Нам сейчас трудно представить, что здесь происходило когда-то. Ровные ряды кирпичных бараков не приводят в ужас, потому что никогда не шли мы в эти блоки смерти. Потрясает то, что и после многих лет эти здания прочно стоят на земле, напоминая, что фашизм готовился к господству на века.

Не слышно лая собак и лающей речи надсмотрщиков, автоматных очередей и предсмертных криков узников. В Освенциме тишина. Но плачут в углах бывших казематов смерти люди, дрожит сигарета в руках пожилого мужчины.

Как представить себе четыре миллиона уничтоженных человеческих жизней?

Двухэтажный провал наполнен обувью узников. За огромными стеклянными стенами груды чемоданов, одежды, человеческих волос. Время сделало все волосы одинакого седыми. А, может, горе людское?

Стена смерти, возле которой были расстреляны тысячи, комната пыток со средневековой деревянной дыбой, подвалы, где убивали газом. Как проста машина смерти! Набить до отказа подвал людьми, подвести газ. И через некоторое время никого не останется в жи-

вых. Просто и, оказывается, еще милосердно, по мнению коменданта лагеря Рудольфа Гесса. Палач не ушел от справедливой расправы. По решению Верховного народного трибунала Польши он был казнен в 1947 году рядом с крематорием, где по его милосердию умирали тысячи и тысячи. Не нарушая тишины, мы покидаем музей. Теплый, мирный вечер опускается на Освенцим, на всю Польшу.

Н. ТУПИКОВА, корректор типографии.
"Красное знамя", № 56.8.1976 г.

В БОЮ ВЛАДИМИР ЗАДОРИН

В недавнем прошлом механик 2-го участка шахты "Центральная" **Владимир Яковлевич Задорин** был артиллеристом, командовал орудием.

На его долю довелось участвовать во взятии Кенигсберга и Данцига.

На всю жизнь запомнил Владимир Яковлевич, как брали Данциг. Места там заболоченные, трудные. Двенадцать дней ходили на приступ. В это самое время вызывает командир батареи сержанта Задорина и говорит: "Орудие надо выдвинуть далеко вперед. Фашисты получили подкрепление — танки. Встретим их прямой наводкой. Действуйте!" Три с половиной километра тащили на себе орудие. Но притащили все-таки. За ночь окопались, заняли позицию. Утром увидели танки. Четыре "тигра" шли прямо на расчет.

И грянул бой. Жаркий. Яростный.

Вот задымил первый. На бойцов обрушилось чадное и жаркое пламя. В эту же минуту взорвался второй танк. Вскоре запылали третий и четвертый.

Трудная была схватка, но бойцы победили. Путь для пехоты был открыт.

Данциг запомнился Задорину и потому, что здесь старый генерал крепко пожал руку сержанту, когда вручал орден Красной Звезды. Есть и у него и орден Славы III степени.

Д. СЛАСТУНОВ.
Из очерка "Обыкновенный человек".
"Красное знамя", 23.03.1963 г

ЗАХВАТИЛИ ВРАЖЕСКИЙ ТАНК

"Помню, нас было восемь. Мы подошли к городу Грюнберг. Дело было ночью. Смотрим — немецкий танк. Около него три солдата. И двое часовых.

Часовые спали. Солдат связали и втолкнули в танк. Сами — за управление. И пошло бронированное чудовище громить все, давить машины. Немцы в замешательстве не могли понять, почему немецкий танк давит своих..."

Н. Ф. БОЯРИНЦЕВ.
Рассказ ветерана записала П. Пронина.
"Красное знамя", № 19, 16.0
5.1965 г.

КАВАЛЕР ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ Г. ЖУРАВЛЕВ

Живет на Пушкинской семья Журавлевых — Анна Семеновна и Геннадий Анатольевич. Оба — бывшие фронтовики. В тишину своей улицы Журавлевы пришли через годы грохота и огня, через годы войны...

— Меня спроси — так я о тех годочках и во сне расскажу. Все вроде бы мы наступаем, да наступаем, воюем, словом... А проснусь — дома я, и тишина такая кругом, — говорит Анна Семеновна.

До войны А. С. Журавлева работала кассиром в Асбесте. А настало время, пришла она в военкомат, обучили ее профессии шофера и вместе с двумя десятками таких же, как она, девчат-новобранцев, направили на Ленинградский фронт. Попала наша землячка в батальон аэродромного обслуживания и прошла с ним за рулем своей полуторки через всю Прибалтику до города Берлина. Бывший ефрейтор Журавлева награждена медалями "За оборону Ленинграда" и "За взятие Кенигсберга".

Геннадий Анатольевич Журавлев был призван в армию в тридцать девятом году. Служил на Дальнем Востоке. А в войну боевое крещение получил под Сталинградом. Был контужен при переправе через Волгу. Последующие годы воевал в составе Ленинградского и 1-го Белорусского фронтов.

Ему, рядовому бойцу, связному артполка, особенно памятны бои за Польшу и Германию. В начале 1945 года наши войска одновременно вели ликвидацию нескольких "котлов". Бои были жаркими. При переправе через Вислу под пулеметным и минометным обстрелом от роты, в составе которой находился Журавлев, осталось всего тринадцать бойцов. Уральцу тогда повезло. А вот в уличных боях за город Шварцвальд в феврале сорок пятого он получил тяжелое ранение. В госпитале ему ампутировали ногу. Почти семь месяцев ушло на лечение. Лишь после этого вернулся боец на Родину.

Нужно было начинать мирную жизнь. От свой матери, опытной мастерицы, Геннадий Анатольевич перенял профессию скорняка. И вот уже почти четверть века верен ей.

Бывшие фронтовики Анна Семеновна и Геннадий Анатольевич встретились и поженились в 1947 году. У них дружная семья. Дочь закончила техникум, работает. Сын — девятиклассник. Как говорит сам Геннадий Анатольевич, жизнь прожита не зря. В 1968 году Г. А. Журавлева вызвали в военкомат и вручили орден Красного Знамени. Это за тот последний памятный уличный бой в Шварцвальде.

В. МИХАЙЛОВ.

"Красное знамя", № 13, 2.2.1971 г.

ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ

В ночь с 4 на 5 мая нашей части было приказано выйти к рассвету к реке Эльба и соединиться с американцами, предварительно освободив стоящий на берегу реки город Виттенберг.

В нашем батальоне осталась только одна стрелковая рота вместо трех, так как в предыдущих боях были значительные потери в людях. Получив задачу, двинулись в направлении города. По пути встретили повозку с едущим на ней цивильным немцем. Спросили у него — много ли солдат в городе? Он ответил, что очень много.

Город спал, не слышалось ни звука. Я расставил пулеметы по трем расходившимся улицам, поставил расчетам задачу. Необходимо было осмотреть все дома и улицы, прочесать каждый дом, но бойцов было мало.

Я попросил у младшего лейтенанта Ражникова, командира стрелкового взвода, одного автоматчика. Вместе с ним мы взяли себе одну улицу и стали по ней продвигаться. Вскоре обнаружили более десятка пароконных фургонов. Охраны никакой не был. Я встал с одной стороны повозок, автоматчик — с другой. Услышав мою команду: "Хенде хох", перепуганные немцы повыскакивали из повозок и, не видя нас в темноте, спрашивали, не американцы ли мы. Американцы, действительно, были за городом, за Эльбой. Я ответил, что мы не американцы, а "рус-со-лдат". Один из немцев выстрелил в меня, но промахнулся. Остальных мы быстро построили в колонну, оружие осталось в повозках, и я приказал автоматчику конвоировать пленных в тыл и сдать их первому попавшемуся командиру. Минут через 15 он вернулся.

По пути мы еще встречали по несколько повозок со спящими немцами. Строили их в колонну по 4, назначали старшего и отправляли в тыл, зная, что деться им некуда и без оружия они вреда никому не сделают.

Наконец, мы подошли к легковой машине, в которой спали шофер и какой-то офицер. Как потом оказалось, комендант этого города и он же комендант переправы. Как мы узнали позднее, вот уже несколько дней немцы переходили в плен к американцам, а эти не успели засветло переправиться. Я включил фонарик, в правую руку взял гранату Ф-1, а солдат взял автомат на изготовку, и я снова рявкнул: "Хенде хох". Машину открыли, комендант тоже думал, что мы американцы, но когда я сказал, что "рус-солдат" пришел, он вывалился из машины. Я его обезоружил и взял планшетку с документами. Этого уж обязательно нужно было конвоировать. Да, кстати, когда этот майор попросил у меня разрешения взять багаж, я разрешил, а узел был очень большой и, видимо, тяжелый, потому что немец чуть не переломился от его тяжести.

Идем дальше. Снова машина, в ней солдат и немка-солдатка. Когда мы их разбудили, они, узнав, что мы русские солдаты, очень испугались. Но я их успокоил, сказал, что они могут идти "нах хауз". Они пошли и все оглядывались (стало почти совсем светло), видимо, ждали выстрела в спину. Но когда убедились, что мы уходим все дальше и дальше, немец окликнул нас, быстро подбежал и сказал, что через дом, что в дворе, на чердаке сарая "филе, филе дойч зольдат шляфен" — то есть много немецких солдат спят.

Мы вошли во двор большого особняка, на чердаке слышался храп. Я предложил солдату подняться по лестнице на чердак, разбудить немцев и спустить их во двор. Он испугался. Что вы, говорит, они же в темноте сразу меня убьют, их же там чертова уйма. Что делать?

Я подумал и решил лезть наверх сам, а солдату приказал, как только я разбужу немцев, делать больше шуму и крику внизу. Поднялся к люку и кое-как его поднял, так как кто-то придавил его сверху. Пистолет в одной руке, Ф-1 с разогнутой чекой — в другой, а фонарик висит на пуговице гимнастерки. Луч фонарика не доходил до конца сарая, такой он был длинный, и везде спящие фрицы. Приказал оружие оставить на месте, а самим спускаться вниз. Немцы были разных возрастов — от стариков до детей. Дети плакали. Я, конечно, сообщил им, кто мы, а мой солдат кричит, торопит, дал пару очередей вверх. Наконец, все сошли вниз. Вижу, мой солдат уже строит военнопленных в колонну. Колонна получилась внушительная, более 200 человек. В это время подошли офицеры штаба, и мы передали их им.

Уже рассвело. За городом метров за 500 была до самой Эльбы луговина, почти вплотную заставленная разными типами машин, танков, орудий и т. д. Так что проехать было невозможно даже на велосипеде. Зашли в большой зал автовокзала, до отказа набитый женщинами, стариками, детьми.

Ко мне подошла белоэмигрантка, спросила, каким образом мы начнем издеваться над женщинами и девушками? Я ей сказала, чтобы она не ревела, что ничего с ними плохого не будет и пусть они не верят геббельсовской брехне.

Потом мы вышли к Эльбе. Я приказал занять круговую оборону на всякий случай. Мы же не знали, как нас встретят союзники. Но все обошлось, и вскоре к нам прибыла моторка с двумя американцами-сержантами. Это было утром 5 мая 1945 года.

Д. ТОЛКАЧЕВ.

"Красное знамя", № 56, 8.05.1997 г.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ С ПОЛЯКАМИ

Петр Григорьевич Чирков, бывший рабочий медеэлектролитного завода, принял "боевое крещение" на польской земле. Девятнадцатилетний командир танка воевал в составе Войска Польского до конца войны.

...Однажды ночью командир танковой роты вызвал к себе Чиркова и дал задание с помощью огня танка вывести из окружения нашего разведчика. Дело в том, что на обратном пути он был окружен фашистами и вот уже несколько часов, укрывшись в воронке от снаряда, отстреливался от наседавших врагов.

Танкисты вывели боевую машину на исходную позицию, замаскировались, дожидаясь рассвета: в такую темень невозможно было различить, где наш разведчик, а где затаились немцы. Первые отблески рождавшегося дня высветили окрестность.

— Вперед! — скомандовал Чирков.

Танк стремительно рванулся в сторону жалкого убежища разведчика. И вовремя. Патроны у него кончались. Гитлеровцы, чувствуя это, подползли почти к самой воронке, видимо, хотели взять отважного разведчика живьем. Расстреливая в упор фашистов из пулеметов, танкисты на ходу втащили раненного, обессилевшего разведчика в люк и благополучно доставили его в штаб. Рискованное задание танкисты выполнили...

А вот еще случай. Разведка сообщила, что враг сосредоточивает пехоту на важном участке фронта. Происходило это в нескольких километрах от города Бауцена. Три танка и двадцать автоматчиков-поляков — это все, что было в районе, где противник намечал атаку. Силы были неравны. Запросили по рации помощь, а сами приготовились к бою. Атака началась рано утром. Плотными рядами шли одетые в немецкую форму власовцы. По цепи ударили наши орудия. "Смерть предателям!" — кипело в душе у каждого бойца. Пьяные власовцы, "подбадриваемые" выстрелами с тыла, ошалело мчались к танкам, намереваясь забросать их гранатами. Но меткие пулеметные и автоматные очереди прижимали их к земле. Наступление захлебнулось.

За смелость и героизм экипаж танка Петра Чиркова был награжден боевыми медалями.

...Неудержимое наступление советских войск принесло оккупированной гитлеровцами Польше долгожданную свободу. В одном полку с поляками храбро сражался советский танкист Петр Чирков. После кровопролитных боев у Тиссы и Одера польское командование наградило его серебряной медалью "На поле хвалы", а позднее — еще одной медалью. На своем непобедимом танке прошел Петр Чирков до самого Берлина. За мужество и отвагу Родина наградила его орденом Отечественной войны II степени, медалями "За освобождение Праги", "За взятие Берлина"...

Прогремел салют Победы, и младший лейтенант Чирков вернулся в Верхнюю Пышму, на родной завод. Все силы, знания отдавал он труду. Рядом с боевыми наградами на груди ветерана появились мирные медали "За трудовую доблесть" и "За трудовое отличие".

З. КУРИЛЕНКО.

"Красное знамя" № 64, 22.5.1975 г.

В БОЯХ ЗА ГОРОД БУДАПЕШТ

Участниками боев за освобождение Венгрии и Будапешта были многие жители нашего города. Среди них — лейтенант в отставке Г. А. Кустов, подполковник медицинской службы в отставке Л. А. Шишкин, бывший связист П. Г. Берсенев, старший лейтенант в отставке С. М. Краснов, капитан в отставке Л. П. Левков. Вот как вспоминает о тех днях **Александр Павлович Левков:**

"В конце 1944 — начале 1945 годов сами пленные немецкие солдаты признавали, что скоро гитлеровскому фашизму будет "капут". В освобождении Венгрии и ее столицы Будапешта участвовали войска 2-го Украинского фронта с другими армиями и частями, в состав которых входили свыше 30 тысяч орудий и минометов, около 6 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, несколько тысяч боевых самолетов и другой военной техники.

Все это создавало приподнятое настроение у бойцов, командиров и политработников.

Я был в это время командиром взвода в составе 49-й дивизии. К весне 1945 года с беспрерывными боями мы подошли к столице Венгрии. Началась интенсивная артподготовка по разгрому передовых линий противника.

Стонала матушка земля, пыль от разрывов снарядов сомкнулась с низко висящими облаками. Противник отчаянно сопротивлялся, цепляясь за каждый метр. Несмотря на это, Будапешт был взят. Город лежал в руинах. На всю жизнь запомнилась мне радостная встреча исстрадавшегося в фашистской неволе венгерского народа и жителей Будапешта с солдатами и офицерами Советской Армии".

При освобождении Венгрии и Будапешта погибли жители нашего города Николай Гашев, Х. Галимов, М. Я. Черкасов, Я. И. Акулов, Ф. И. Прокопьев, П. А. Чаадаев и многие другие. Они отдали свои жизни за свободу и независимость венгерского народа.

Л. НИКИТИНА.

"Красное знамя", № 19, 13.2.1975 г.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

На Будапешт

1 января 1945 года наш полк в составе 21-го стрелкового корпуса двинулся на село Агостиан. Там был оборудован командный пункт и установлена связь с батареями, которые были выдвинуты вперед: вторая стояла в трехстах метрах от переднего края противника, остальные дальше. День прошел спокойно. Передний край молчал — немцы навострили уши. В 23-00 в полку тревога: вторая батарея попала в руки немцев.

Уточнив обстоятельства, выяснили, что власовцы, пользуясь затишьем, перешли передний край и обстреляли наших батарейцев. Разворачивать пушки было поздно. 20 января снова появились тревожные симптомы: противник начал действовать. Телефонная связь прервалась: батареи были вынуждены оставить огневые позиции, чтобы не попасть в кольцо немецких автоматчиков. Отойдя на выгодный рубеж, полк и стрелковые части заняли оборону. В Агостиане горели подожженные хаты. Вскоре наши части пошли в наступление и штурмом овладели селом. Но оставаться там дальше не было смысла, немцы все туже сжимали кольцо, отрезая нам пути отхода. По снежному бездорожью, через лесные балки под обстрелом противника пришлось отходить.

...Наш полк, как подвижную единицу, бросают с одного участка фронта на другой. Получив пополнение в личном составе и технике, он участвует в оборонительных боях. 13 февраля 1945 года пал Будапешт. Наши части обескровили немца, уничтожили в Будапеште окруженную группировку и перешли в наступление на Вену.

На Вену!

Восьмые сутки мы в рейде. Восьмые сутки мчатся автомашины, лязгают гусеницами танки, грохочут повозки, идут солдаты на запад, на Вену.

Немцы отходят с сопротивлением, делают дымовые завесы, бомбят с "Фокке-Вульфов" и контратакуют. Но нас не остановить. Немцы все ближе прижимаются к озеру Балатон. Наши колонны входят в город Веспрем. Город пуст и разбит. В центре образовалась дорожная пробка. Вдруг раздается далекий гул немецких орудий. Это отступающий враг бьет по городу. Тяжелые снаряды ложатся в людское скопление. Багрится кровью асфальт. Стонут раненые, безмолвно лежат убитые, но наши колонны движутся вперед на Вену...

30 марта 1945 года полк не без усилий перевалил через два противотанковых рва и вступил на австрийскую землю. Всюду следы отхода немцев: в кюветах десятки трупов, разбитая техника, взорванные мосты. Ночь и день мы находились в стремительном движении вперед. Путь лежит через пересеченную местность. Преодолеваем крутые хребты Альпийских гор, проходим так называемые Венские ворота. Личный состав в поте лица помогает транс-

порту втащить пушки наверх. Жжет нещадно солнце. Жара... 13 апреля 1945 года нашими войсками штурмом была взята столица Австрии — город Вена.

Первая батарея капитана Крюкова вместе с танковыми частями 6-й армии первой ворвалась в город. В числе штурмующих частей вошел в Вену и наш Краснозвездный 1341-й зенитно-артиллерийский полк.

За успешное наступление и взятие ряда венгерских городов полк получает высокую награду — орден Красной Звезды, а дивизия — орден Богдана Хмельницкого II степени.

В ВЕНЕ

Цвели венские сады. Всегда считалось, что Вена — соперница Парижа по красоте архитетуры, что это город музыкальный, песенный. Но так было до Гитлера. Старой Вены нет и долго не будет. Ограблен исторический Шенбуннский дворец, вырублены в его парке столетние липы. Подожжено здание Парламента, разрушена церковь святого Стефана. С большим трудом Вена приходит в себя: в городе расчищались сады, начал работать водопровод, пошли трамваи.

Полк готовился к последнему рейду — в логово окруженного со всех сторон фашистского зверя. Наш путь лежал на город Мюнхен. Но вдруг радостная, потрясающая весть: Победа! Германия капитулировала! Весть о победе молнией облетела весь личный состав полка.

Когда же пришло время демобилизации старших возрастов, каждый уходящий коленопреклонно целовал оружие и свое полковое знамя. На груди каждого уходящего в запас сверкали награды — ордена и медали за ратный подвиг.

Г. КУСТОВ.

"Красное знамя", № 31, 12.3.1985 г.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

"В годы Великой Отечественной войны, мне довелось служить в воздушно-десантных войсках, войсках совершенно особенных. Если в других родах Вооруженых Сил страны служили люди разного возраста, с различным уровнем образования, то парашютные части были укомплектованы исключительно молодыми ребятами 18 — 20 лет. Все с образованием 8 — 10 классов, почти все — комсомольцы.

Летом 1943 года воздушно-десантные бригады были пополнены (а некоторые и целиком созданы) за счет курсантов военных училищ. Тот факт, что страна в трудное военное время пошла на формирвание из "без пяти минут лейтенантов" войсковых частей, говорит об особой важности и особом положении этих частей.

В конце 1944 — начале 1945 года из воздушно-десантных дивизий была сформирована девятая гвардейская ударная армия. Это была армия высокой боеспособности — штурмовая армия, армия прорыва. На всех армейских уровнях ее любовно называли "девяткой".

В крупные боевые действия "девятка" была введена на территории Венгрии, где для наших войск сложилась напряженная обстановка за Будапештом (в районе города Секешфехервар). В упорных боях здесь была разгромлена мощная группировка врага.

В ходе наступательных боев многое пришлось повидать и пережить. Об одном случае стоит рассказать подробней.

...В дождливый, еле брезживший рассвет одного из военных дней полк вошел в сумрачный мокрый лес в пригороде Вены. Вековые деревья встретили нас настороженным шелестом. Ночной переход и усталость всех дней наступления валили нас с ног (в иные сутки преодолевали с боями до сорока километров, пешком, с оружием и боеприпасами на себе). Поэтому как только был объявлен привал, мы, прижавшись друг к другу под мокрыми плащпалатками, тут же забылись в тревожной дремоте. Утром мы с удивлением увидели, что на-

ходимся в парке с опрятными аллеями и дорожками. И еще больше удивились, когда за зеленью разглядели несколько памятников над старинными могилами. Когда же под одним из бюстов прочитали слова "Иоганн Штраус", то от изумления замерли.

Штраус! Знаменитый король вальса. Ведь совсем недавно мы с восторгом (и по многу раз) смотрели посвященный композитору фильм "Большой вальс" и вот — он перед нами. Вот они — сказки Венского леса. Как по команде все прекратили курить, лица товарищей приняли какое-то необычное, я бы сказал, благоговейное выражение. Наверное, ребята, как и я, забыли в этот миг про войну, зазвучавшие в памяти знакомые аккорды словно несли нас по волнам милой юности. Невольно подумалось тогда, как все-таки благороден и отходчив наш солдат, если, пройдя через кровь и огонь, зачарованно стоит перед памятником "чужого" человека.

А ведь мы знали, сколько священных для нашего народа мест разрушили или запоганили фашисты. Мы знали, что Ясной Поляне — родине Льва Николаевича Толстого — они нанесли жестокий урон и надругались над этим дорогим для нас местом. Мы все это помним. Но ни малейшего чувства, похожего на месть или пренебрежение, не шевельнулось в наших душах. Это было наглядное выражение плодов нашей системы воспитания: перед памятником немецкому композитору стояли не просто поклонники музыки, а советские "люди-интернационалисты".

В. ХРЕНОВ.

"Красное знамя", № 114, 22.09.1984 г.

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ РОВ

В мае 1943 года по окончании учебного подразделения по подготовке механиков-водителей средних танков я был направлен в действующую часть. С июня 1943 по март 1945 года мне пришлось воевать на различных видах танков, на самоходках. В эти годы я увидел, что творили гитлеровские изверги на нашей оккупированной земле и в других странах, в освобождении которых я участвовал. И за все это они теперь расплачивались. Наши части добивали фашизм в его логове.

Это было в первых числах марта 1945 года на территории Германии. После одного из боев к нашим танкистам подъехал танк командира бригады. Полковник Скиданов приказал собрать командиров машин и механиков и поставил перед нами задачу любой ценой занять окраину города Штрелин.

Ранним утром взвод пошел в наступление. Вдруг я увидел впереди большой ров. Движущаяся перед нами машина шла на средней скорости, и то с риском, но выхода другого не было.

По внутреней связи доложил командиру танка: "Впереди ров, танк веду с нарастающей скоростью" и еще больше прибавил оборотов. Когда подъехали ближе ко рву, я увидел, что ров заполнен водой. Положение осложнилось, но на раздумья времени не было ни секунды.

И вот чувствую, что машина оторвалась от земли. Мгновение — и ров уже позади. А танк продолжает идти с большой скоростью. Я заметил, что противник ведет по нашей машине интенсивный огонь из пушек. Командир приказал: "Не сбавляй скорость и бери вправо" и добавил еще, что две другие машины нашего взвода из рва не вышли.

Когда мы ушли из-под обстрела, поступила команда: "Стой". Слышу, наводчик докладывает командиру танка, что башню заклинило. Это произошло во время преодоления рва. Значит, из пушки стрелять нельзя, из пулемета, спаренного с пушкой, стрелять можно было только с разворотом всей машины. Оставался один лобовой пулемет.

После небольшого экипажного совещания было решено идти вперед. Командир прика-

зал занять свои места в танке, закрыть всем свои люки, а мне — двигаться лощиной на хорошей скорости.

Проехали километра 4 — 5, слышу команду: "Делай поворот налево". Я выполнил команду и вижу в прорези — впереди город в пределах одного-двух километров. Думаю: "Ну сейчас снова начнут поливать нас артогнем". И беру от машины скорость, на какую только она способна, чтобы уйти из-под обстрела.

Когда въехали в город, скорость я сбавил. Проехали несколько улочек, слышу: "Делай поворот налево". Сделал поворот и понял, что на эту улочку мы должны наступать. Когда нам это не удалось, мы зашли с тыла. Я снова начал увеличивать скорость, потому что понял, что наше спасение зависит от меня, механика, я должен правильно провести танк.

Начала просматриваться окраина города, и через некоторое время я увидел: справа, на окраине стоят вражеские пушки, стволами направленные в стороны первоначального нашего наступления, потом увидел немцев.

Вот мелькнула мысль: "Не успеть нам доехать, разнесут нас в клочья". Я старался выжимать максимальную скорость, на которую только был способен наш танк. И снова "тридцатьчетверка" не подвела. Вижу, немцы начали метаться, а потом стали лихорадочно разворачивать свои пушки. Наша машина с каждым мгновением подходила все ближе. И вот дрогнула артиллерийская прислуга врага и начала разбегаться. В это время раздалась команда: "Стой! Стой!" Слышу, товарищи открывают люки. Я установил танк, командир дал указание наводчику и заряжающему выйти из танка и собрать плененных немецких солдат и офицеров. Фашисты начали бросать оружие, подымать вверх руки и становиться в строй. Смотрел я на них и думал: "Насколько же хорош и надежен наш Т-34".

Наводчик доложил командиру: "Захвачено 45 пленных гитлеровцев и 12 пушек, все исправные, много снарядов возле каждой пушки". Вскоре мы увидели, что к нам подходят танки. Из первой машины вышел командир батальона Слесаренко. Каждого из нас он крепко обнял, приговаривая радостно: "Какие вы у меня молодцы". Вот так мы выполняли воинскую присягу. И было мне в ту пору девятнадцать лет.

И. БОНДАРЬ.

"Красное знамя", № 21, 18.2.1978 г.

ПОД КОМАНДОВАНИЕМ П. С. РЫБАЛКО

Много боевых страниц в летопись Великой Отечественной войны вписали советские танкисты, в рядах которых мне пришлось сражаться в те годы. Наш 229-й танковый полк после завершения боев на Курской дуге вошел в состав 70-й механизированной бригады 9-го механизированного корпуса 3-й гвардейской танковой армии П. С. Рыбалко. И сегодня мне помнятся слова песни "Танкистская походная", где говорится:

"Не дрогнули гордые наш сердца
И жизни нам не было жалко, —
Всегда выполняли свой долг до конца
Войска полководца Рыбалко".

Свой боевой путь в составе прославленной армии наш полк начал в боях при форсировании Днепра в 1943 году. Затем мы участвовали в изгнании врага с советской земли, в освобождении народов Европы от фашизма.

В первые дни 1945 года, а точнее — 12 января, когда началось мощное наступление Советской Армии в направлении Берлина, войска 1-го Украинского фронта, успешно развивая наступление, прорвали оборонительные рубежи противника. За 17 дней войска продвинулись далеко вперед и вышли на реку Нейсе. Однако попытки форсировать реку успеха не имели. Пришлось перейти к обороне на ее восточном берегу.

Генеральное наступление на Берлин началось 16 апреля 1945 года. 3-я гвардейская танковая армия, а вместе с ней и 229-й танковый полк, прорвав оборону противника на реке Нейсе, устремились в направлении Потсдама. Солдаты и офицеры противника, видя бесполезность сопротивления, сдавались в плен, при этом хорошо и четко произносили "Гитлер капут". Мы очень сожалели, что они так поздно поняли это.

С приближением к Берлину сопротивление вражеских войск усиливалось. Противник цеплялся за каждый дом, подъезд, подвал, крышу. В первые часы боя за Берлин мы не придали значения городской телефонной связи и сразу же поплатились за это. Как только танки сосредоточивались на одной из улиц, тут же начинался обстрел этого района. Поняв в чем дело и определив, кто корректирует стреляющих, мы стали после захвата домов отключать телефоны.

Противник яростно сопротивлялся, но не выдержал мощного натиска советских войск. 2 мая Берлин сдался, на каждом доме был вывешан белый флаг. Но война еще продолжалась. Наш 229-й танковый полк и 70-я механизированная Проскуровская бригада вышли из Берлина в указанный район сосредоточения, где получили дополнительную боевую технику. В каждом подразделении прошли собрания, состоялся и партийный актив бригады. Здесь мы узнали о восстании в Праге.

Пражское радио передало обращение повстанцев ко всем союзным армиям, в котором сообщалось: "На Прагу наступают немцы со всех сторон. Прага настоятельно нуждается в помощи. Пошлите самолеты, танки и оружие. Помогите, помогите, быстро, помогите".

6 мая наши танки маршем вышли на Прагу. Успех осуществленной операции был полный и 9 мая 1945 года в 19 часов по московскому времени наш 229-й танковый полк вошел в Прагу. Был прекрасный вечер, и на фоне чистого синего неба наш истребитель низко на малой скорости прошел над войсками, помахивая крыльями в мирном небе. Нас встречала ликующая Прага, нас обнимали, целовали — радости не было конца.

Е. БЛАГОДАРЕВ.

"Красное знамя", № 55, 9.5.1981 г.

ОТ ВИСЛЫ ДО НЕЙСЕ

Незабываем для меня 1944 год, когда в результате сокрушительных ударов Красной Армии по фашистским войскам наша Родина была полностью очищена от оккупантов. Польша. Войска нашего 1-го Украинского фронта еще летом 1944 года захватили плацдарм на западном берегу Вислы в районе Сандомира и в жестоких боях сначала удерживали, а затем расширяли и укрепляли его. Мне в составе 395-й Таманской стрелковой дивизии пришлось почти пять месяцев участвовать в оборонительных боях на этом плацдарме. Был я тогда командиром минометной роты. Враг хорошо понимал значение плацдарма и принимал все меры для его ликвидации, бросая в бой все новые силы. Большое беспокойство доставляли выдвинутые к нашим окопам гитлеровские снайперы. Но и мы не дремали: наш снайпер, совсем еще молодой паренек Вася Курка успешно охотился за ними.

Наступил новый, 1945 год. Войска фронта, сконцентрированные на плацдарме, готовились к наступлению. По замыслу командования они должны были прорвать оборону противника и в первый же день ввести в прорыв подвижные танковые силы.

Накануне дня наступления на нашем участке обороны была проведена разведка боем, которая должна была дезориентировать противника относительно выбора места прорыва. Бой был жестоким. Пехота заняла первую линию обороны противника. Артиллерия и минометы вели непрерывный огонь. Враг огрызался. Здесь погибли Вася Курка и командир роты Пивко.

12 января 1945 года войска фронта, прорвав оборону противника, приступили к Висло-

Одерской наступательной операции. Предстояло пройти с боями 500 километров. Наша дивизия, введенная в прорыв на второй день, не могла угнаться за механизированными войсками, далеко ушедшими вперед. Продвигаясь по заснеженным полям Польши, мы были вынуждены вступать в бой с разрозненными группами войск противника, который метался по лесам, ища выхода из окружения. Такие группы врага часто уничтожались и польскими патриотами.

И вот мы увидели пылающую деревню Нойминтельвальде (сразу не выговоришь — язык сломаешь). Это было 24 января 1945 года. Вот она, Германия, гитлеровское логово. Теперь война пришла и на вражескую землю.

В первых числах февраля наши передовые части вышли к Одеру. 7 февраля наша дивизия подошла к месту боев. Мы снова оказались на плацдарме, на западном берегу Одера, недалеко от города Штейнау. И здесь нам пришлось отражать атаки фашистов. Во время одной из них погиб командир второй минометной роты Василий Тропинок.

Обстановка на фронте сложилась для нас благоприятно, мы не давали врагу закрепиться и все время теснили его. Почти месяц были мы в непрерывных боях и походах, солдаты валились с ног; но порыв был неудержимый. 8 февраля с Одерского плацдарма наше наступление было продолжено без какой-либо передышки. С боями занимали мы один населенный пункт за другим и 23 февраля вступили в город Трибель на реке Нейсе, притоке Одера.

Дальше идти, казалось, не было сил. Поредели наш ряды, далеко отстали тылы. Но второй этап наступления от Одера до Нейсе был закончен. За 42 дня с боями мы прошли по полям Польши и лесам Германии 650 километров — столь неудержимым был порыв воинов. Этим наступлением был намного приближен день нашей Победы.

...Мы стояли на широченной, в две полосы автостраде и представляли себе: там вдали за рекой — Берлин, там должна найти свой конец война. На Нейсе была наша последняя остановка, после которой было последнее наступление и желанная ПОБЕДА.

С. ПЕСТОВ, ветеран войны и труда КМЭЗ.

"За медь", № 2, 9.1.1985 г.

СЛУЧАЙ У РЕКИ РАБА

Мне по молодости лет не довелось участвовать в битве под Москвой или на Курской дуге. Мы дрались с врагом у стен Будапешта и на улицах Вены, форсировали Дунай и другие водные преграды.

Вспоминая те далекие дни, хочу рассказать об одном эпизоде. Это было на территории Венгрии на подходе к реке Раба. В одном из населенных пунктов наши разведчики обнаружили штаб немецкой части. Тут же приняли решение — уничтожить. И сделали это бесшумно — одним холодным оружием. Я видел результат их работы. Когда мы с товарищем вошли во двор, где располагался этот штаб, то нашим глазам представился итог молниеносного боя: во дворе, на крыльце, в помещении валялись трупы гитлеровских офицеров.

29 марта 1945 года наш полк подошел к реке Раба. Река эта, хоть и неширокая, но коварная: водовороты, сильное течение... Берега ее были укреплены высоким дамбами, за которыми легко можно было укрыться. Утром поступил приказ: форсировать! Наше отделение, не раздеваясь, бросилось в воду. Достигнув вражеского берега, мы сходу устремились в атаку. Сбили немецкий заслон и двинулись дальше к населенному пункту, который виднелся впереди. Противник, видимо, не ожидал такой дерзости с нашей стороны, не думал, что мы осмелимся форсировать водную преграду среди белого дня, и, не выдержав атаки, стал отходить.

Форсирование этой реки происходило по всему фронту нашей дивизии одновременно.

Слева от нас наступал второй батальон, но там произошла небольшая заминка. Дело в том, что на их участке река была немного уже, но зато с сильным течением, и бойцов относило в сторону. Тогда гвардии сержант Н. И. Лозовой, командир расчета станкового пулемета "Гуринова" предложил размотать обмотки и связать их между собой. И при помощи этой своеобразной веревки бойцы успешно перебрались на вражеский берег.

Но на это все ушло время, которого, видимо, было достаточно, чтобы противник опомнился и перешел в контратаку. А станок к пулемету переправить еще не успели. Тогда Лозовой приспособил под свой пулемет сошки от ручного пулемета (надо сказать, что Николай обладал завидным хладнокровием и был отменным стрелком) и повел прицельный огонь длинными очередями с близкого расстояния. Контратака была отбита с большими для врага потерями.

За этот бой гвардии сержант Н. Лозовой был награжден орденом Красной Звезды. Так дрались гвардейцы девятой воздушно-десантной армии, несмотря на то, что им тогда было по восемнадцать-девятнадцать лет. Командир нашей 114-й гвардейской воздушно-десантной дивизии гвардии генерал-майор В. П. Иванов на встрече ветеранов дивизии сказал:

— Дети мои, хоть вы в ту пору были молоды, но дрались отважно, за что и получила наша дивизия орден Красного Знамени и наименование — Венская.

Е. РАСКОВАЛОВ, ветеран войны, ныне пенсионер.

"Красное знамя", № 23, 23.2.1988 г.

ВОЗДУШНЫЙ РАЗВЕДЧИК АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ГЛЕБОВ

В боях за Родину отличился Алексей Степанович Глебов, заведующий юридической консультацией, активный пропагандист правовых знаний.

В начале войны он служил летчиком бомбардировочного полка на Юго-Западном фронте. Вместе со своими боевыми товарищами он наносил бомбовые удары по гитлеровцам. Вылет следовал за вылетом. Машина А. С. Глебова не раз подвергалась сильному обстрелу вражеских зениток и атакам истребителей. После одного из таких вылетов самолет вернулся на базу весь изрешеченный. Механики насчитали в нем десятки пробоин. Товарищи были поражены: "Как Глебов дотянул до аэродрома?"

В августе 1942 г. А. С. Глебов становится воздушным разведчиком 11-го отдельного разведывательного авиационного полка. Ему вручают новую скоростную машину-самолет ПЕ-2. Новая должность, требовавшая большого мужества и отваги, пришлась ему по душе. Вылетал в любую погоду и всегда доставлял ценные сведения. На фронте, летом 1944 г. Алексей Степанович становится коммунистом.

В это время он принимает участие в освобождении Прибалтики.

...Однажды, когда его полк базировался на полевом аэродроме недалеко от города Шяуляй, Глебова вызвал командир части. "Перед Вами стоит задача, — сказал он, —совершившить длительный полет на разведку в район города-крепости Кенигсберг". Предстояло выявить, какие резервы имеет здесь враг. Воздушный разведчик должен был сфотографировать военные объекты и, в зависимости от обстановки, сразу же вызвать дальние бомбардировщики для нанесения массированного удара.

Вот уже полностью заправлены баки и самолет летит заданным маршрутом. На небе — сплошная облачность. Экипаж ведет машину вслепую. Через некоторое время впереди показалась серая полоска моря.

Подлетая к Кенигсбергу, А. С. Глебов обнаружил на одном из аэродромов большое скопление вражеских истребителей. Он сразу же приказал радисту сообщить об этом командованию. Пока гитлеровцы не опомнились, Глебов решил сделать второй заход

на город со стороны моря, чтобы сфотографировать порт, крепость, железнодорожный узел.

Но к этому времени противник открыл бешенный огонь из зениток. Все пространство вокруг самолета покрылось черными шапками разрывов. Едва машине удавалось вырваться из одного слепящего взрыва, как она попадала в другой.

Несколько минут длилась эта огненная игра со смертью. И Глебов вышел из нее победителем. Самолет не свернул с курса . Задание было с честью выполнено. На следующий день перед строем полка Маршал Советского Союза Василевский лично вручил Алексею Степановичу орден Красного Знамени.

На счету А. С. Глебова более 100 боевых вылетов по глубоким тылам противника. Он был одним из лучших воздушных разведчиков фронта. О его подвигах не раз писали фронтовые и центральные газеты. Боевые заслуги летчика отмечены высокими наградами — двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной Войны I степени и многими медалями.

Б. ВОРОБЬЕВ.

"Красное знамя", № 22, 23.02.1971 г.

САНДОМИРСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Это было на одном из участков Сандомирского плацдарма. Наши части стояли в обороне.

Из штаба армии поступил приказ: "Уточнить дислокацию войск противника на передовой и в ближайшем немецком тылу".

Наш командир полка ставит перед разведчиками боевую задачу — проверить и уточнить сведения, которыми располагает штаб нашей армии. Кроме того, есть сигналы из глубокого фашистского тыла о предполагаемом применении отравляющих химических веществ на нашем участке фронта.

Переброска наших разведчиков в тыл врага прошла удачно. Две недели рейдов по тылам противника подтвердили сведения штаба. Действительно, немецко-фашистские части полностью были готовы к химическому нападению.

Мы доложили обстановку по радио и получили новое задание — захватить документы штаба одной из немецких частей. Это задание командования тоже было выполнено. Сверх того, на обратном пути к линии фронта нашей разведгруппой был взят в плен офицер-гитлеровец, подтвердивший позднее все данные разведки нашему командованию.

По документам, захваченным в штабе фашистов, стало известно точное время газовой атаки, а также время наступления гитлеровских войск на нашем участке фронта.

Советское командование на два дня опередило фашистские планы.

Обнаруженные разведкой слабые места в обороне противника дали возможность прорвать ее при наступлении 12 января 1945 года и окружить большую группировку гитлеровских войск.

Бои на Сандомирском плацдарме вошли яркой страницей в историю Великой Отечественной войны.

Мы, разведчики, тогда были счастливы, что доля нашего ратного труда вложена в эту победу.

Мне в ту пору было 19 — 20 лет, т. е. столько же, сколько теперешним нашим солдатам.

Надеюсь, что они не уронят чести знамени солдатского, доблести своих отцов.

П. СМОЛЬЯНОВ, Восточный поселок.

"Красное знамя", № 97, 19.08.1971 г.

НА САНДОМИРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

В ходе летнего 1944 года наступления части 8-го гвардейского механизированного корпуса 1-й гвардейской танковой армии вышли на реку Вислу в районе города Сандомир в Польше. Передовые подразделения с ходу переправились на западный берег, и завязались тяжелые бои за плацдарм. Для того, чтобы расширить плацдарм, необходимо было переправлять через реку танки, артиллерию, людей. Широкая, глубокая, с быстрым течением река Висла — грозная водная преграда. Был организован паром на буксире у катера, на котором переправляли людей и технику.

Стояла хорошая солнечная погода, и немецкие самолеты наносили бомбовые удары на переправе. Командование корпуса приняло решение прикрывать переправу дымовыми завесами. Эту операцию было поручено проводить нашей роте. Обеспечили нас дымовыми шашками, переправили на западный берег реки, и там мы немедленно приступили к выполнению задания. Первый день переправы под дымовой завесой показал, что потерь почти не было. А немецкие самолеты группами до 20 единиц наносили бомбовые удары по переправе за день до восемнадцати раз. Одновременно с этим севернее саперы наводили деревянную переправу на сваях. Когда они закончили работу и переправа стала действующей, нашу роту сняли с переправы.

Нам было дано задание занять оборону на одном из участков плацдарма. Немцы не могли согласиться с тем, что Советская Армия заняла Сандомирский плацдарм, и они подтянули сюда свежие силы для ликвидации плацдарма. Создалась критическая обстановка. Наши части, потрепанные в наступательных боях, не в силах были сдерживать немцев. В один из дней командир корпуса дал указание оставить занимаемый рубеж и несколько отступить.

К концу дня в небе появились в большом количестве наши бомбардировщики и штурмовики и хорошо обработали передний край немецких войск. К вечеру этого же дня мы смогли занять оборону на прежних позициях. Наши самолеты в течение нескольких дней продолжали наносить удары по немецким войскам и таким образом сорвали планы немецкого командования по ликвидации плацдарма. После стабилизации обстановки на плацдарме мы вышли из боев на отдых и пополнение. На отдыхе командир роты сказал нам, что немцы планировали к 25 августа потопить нас в реке. Не вышло.

А. МАХНОВЕЦКИЙ.

"За медь", № 8, 20.2.1985 г.

СОЛДАТ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Г. А. Сыромятников родился в 1926 году в городе Красноуфимске. Детство и юность провел в селе Молебка, расположенном на границе Свердловской и Пермской областей. Во время Великой Отечественной войны принимал участие в боях за освобождение от фашизма Польши, Германии, во взятии Варшавы, Берлина. После демобилизации окончил Уральский политехнический институт, участвовал в монтаже и освоении прокатного стана "250" на Кольчугинском заводе. Позднее работал заместителем начальника цеха, главным металлургом на заводе "Камкабель".

В наш город Генрих Анатольевич переехал в 1980 году. До 1987 года трудился заместителем главного инженера, начальником лаборатории цеха фольги комбината "Уралэлектромедь". В настоящее время работает старшим научным сотрудником в институте "Внииэнергоцветмет".

Помню ночь в середине апреля сорок пятого на плацдарме под Кюстриным. В полусотне километров было видно зарево над Берлином. Мы, молодые солдаты 286-го полка,

смотрели на него и думали: много еще будет боев, прежде чем будет повержено это логово фашизма, что не всем из нас суждено дожить до светлого часа Победы.

Но в мечтах и думах верили, что наш солдатский труд, пролитая кровь не пропадут даром. Люди после войны будут жить счастливо и, возможно, это будет последняя большая война на земле. Надеялись, что никто не будет забыт: ни те, кто своей грудью прокладывал путь к Берлину, падал, обливаясь кровью; ни те, кто останутся в живых.

Разными путями пришли наши солдаты на эту землю. Одни начинали свой путь вместе с дивизией от Сталинграда и Белгорода. Некоторые стали солдатами на Украине и уже показали себя в битвах за Харьков, Звенигород, Дубоссары, Кишинев, на реках Днепр и Днестр.

В нашей роте были уральцы, сибиряки, много было с Украины, Молдавии, Западной Белоруссии. Люди разных национальностей, характеров, возрастов, мировоззрений, но все они вскоре, вобрав в себя боевые традиции героической армии, были охвачены одной целью — быстрее добить фашистского зверя в собственной берлоге, и хотя было некоторым из них 17— 18 лет, но воевали они, как заправские солдаты.

Нелегка солдатская доля. Нередко в походах родным домом были дубовые леса, пропускавшие все дожди, постелью — промокшая в пути шинель. А зимой приходилось спать прямо на снегу. Не сильна в те времена была и солдатская еда. Все это известно всем. Но нужно все это испытать самому, тогда оценишь по-настоящему подвиг солдата.

Сейчас все это было позади. Впереди был Берлин, который надо было взять как можно быстрей...

Перед наступлением солдатам было зачитано Обращение командования I Белорусского фронта, проведены партийные, комсомольские собрания. На них много молодых солдат вступило в ряды Ленинского комсомола. Здесь давались обязательства оправдать оказанное доверие и вручались красные флажки для отметок своего пути на важных захваченных объектах противника. Были эти собрния короткими, но боевыми.

И вот прозвучала долгожданная команда: "Вперед!", и с того времени закрученные вихрем сражений бойцы не всегда помнили, что они делали. Бежали, стреляли, захватывали траншеи, дома, брали пленных, наступали с танками. Часто они от большой усталости все делали автоматически. Многие впервые узнали, что такое "спать на ходу" после жаркого боя, когда нельзя было даже прилечь на землю, чтобы соснуть часок — ведь за это время немцы организуют хорошую оборону, и многие тогда уж никогда не проснутся.

Только вперед! Как можно быстрее вперед! Не обращать внимания, что сзади в укреплениях остались немцы. Они не уйдут! Это не 41-й год. Мы наступаем на Берлин! Искать слабое место, где можно прорвать оборону с меньшими потерями, и двигаться вперед как можно быстрее. Так думали генералы и так думали солдаты. Казалось, вся страна двинулась в этот последний решающий бой. При виде такой армады опускалось оружие у обойденных немцев, быстрее поднимались руки вверх при приближении наших солдат, все чаще звучали слова "Гитлер капут", и колонны пленных немцев тянулись на восток.

Научились воевать советские генералы и солдаты! Зря не пошлют одну пехоту брать в лоб на открытой местности какую-нибудь каменную немецкую деревеньку. Солдат не высунется где не надо, если надо — окопается, быстро перебежит, бросит прежде гранату, а затем одновременно и с автоматной очередью ворвется в окоп и в дом.

Нужно понимать, что на пути движения наших солдат к Берлину противник создал сплошную полосу обороны. Он ожидал здесь острие удара и подготовился к нему.

В течение семи дней с беспрерывными боями достигли мы окраин Берлина. Небольшой отдых — и снова в бой.

Снова, как прежде, шли за танками, но теперь уже по горящим улицам города через баррикады, под обстрелом из винтовок и автоматов, ведущегося с верхних этажей домов. Танки пускали очереди из крупнокалиберных пулеметов или посылали снаряды в окна домов, откуда велся обстрел. Вперед, как можно быстрей!

Батальону поставлена задача занять все станции метро по улице Франкфуртен Аллее от улицы Гебертусштрассе до улицы Любенштрассе и не допускать, чтобы по ним фашисты выходили в тыл.

Вот, наконец, и нужная станция метро. Стреляют отовсюду. Не сразу поймешь, откуда. Дома в несколько этажей, окон очень много. Солдаты делают все, что им приказано. Броском оторвались от спасительного танка, залегают возле входа в метро. Несколько гранат летит вниз. Солдаты за ними по лестнице до поворота. Быстрая разведка из-за угла —немцев нет. Опять бросок с гранатой и автоматом наготове. Осмотрев все помещения и убедившись, что немцы покинули эту станцию, выставив заслоны по туннелям со станковым пулеметом, солдаты идут до следующей станции по туннелю...

Из последних боев в Берлине собенно запомнилось освобождение рабочих в подземном заводе. Выход из него обнаружили наши разведчики. Батальон был направлен туда — часть охраны перебили, остальная бежала. Солдаты спустились вниз и по подземным переходам двинулись осматривать завод.

Они не знали, что это за завод, не представляли, где притаились немцы. Передвигаться приходилось в полной темноте. Гулкое эхо гуляло по переходам. За одним поворотом они встретились с большой группой рабочих подземного завода. Не хватает слов передать ту радость и восторг голодных, едва стоящих на ногах людей, не видевших несколько лет белого света. Здесь были французы, голландцы, бельгийцы, поляки, украинцы и люди других национальностей. Многие совсем не понимали и не говорили по-русски, некоторые не могли говорить от того счастья, которое переполнило их. Они только обнимали, целовали своих освободителей, которые смущенно стояли в своих грубых солдатских шинелях и касках с закопченными от пороховых газов лицами.

Пожалуй, тогда я особенно остро понял, что не зря столько наших товарищей лежит по всему пройденному пути. Советских солдат уже давно ждали. Ждали везде, где ступал сапог немецкого фашиста.

Вспоминается и такой эпизод. Наткнулись мы на сопротивление гитлеровцев на какой-то железнодорожной станции (тогда солдатам было не до названия). Сильно стрелял оттуда противник.

Пушки и танки не помогут, слишком неудобно стояла эта станция. Об авиации говорить не приходится: очень близко враждующие стороны — разделяла их нешироκая мощеная улица. Уже несколько человек поплатились жизнями в попытках взять эту станцию в лоб. Думали командиры о том, как обойти ее и ударить там, где немцы не ожидали удара. Но очень дорого было время и потому решили атаковать снова.

Очень быстро все это происходило. Задумался на миг солдат, и много мыслей пронеслось у него в голове: риск большой, конец войны, дома ждут мать и сестра. Очень хочется жить, но ведь кому-то надо выбить немцев с этой станции. Надо! Великое слово. Родина ждала, требовала подвига от своего солдата во имя счастья на земле. Разве погибшим героям не хотелось жить? Но они шли вперед.

Что же ты медлишь, комсорг? Вперед! И рванулся солдат через улицу. Ударила рядом очередь... Но, видимо, под счастливой звездой родился солдат или быстр и внезапен был его бросок и надежно прикрыли огнем товарищи, но достиг он противоположной стороны улицы живой. Несколько гранат полетели немедленно в окна нижних помещений здания вокзала. Крики и шум раздались там. А тут и товарищи подоспели. Прикладом выбита рама, и уже бегут фрицы.

Было это 30 апреля 1945 года. Кругом наступали советские войска. Еще более суток вели солдаты 1-го батальона непрерывные бои, занимая квартал за кварталом.

Г. СЫРОМЯТНИКОВ,
бывший солдат, участник штурма Берлина, г. Верхняя Пышма.
"Красное знамя", № 85, 17.7.1990 г.

А БЕЗМЯТЕЖНЫМ МОРЕ ТОЛЬКО СНИЛОСЬ

Бравым матросом Михаил Клоков стал в 43-м году, когда его, крестьянского паренька из Пензенской области, призвали на Тихоокеанский флот. К тому времени в деревне, старшее поколение которой воевало, они со сверстниками работали за взрослых —плугарями, трактористами. Пришло время, собрали котомки — и в путь. Путь был долгий. В Пензе прожили только три дня. А потом новобранцев погрузили в эшелон и двадцать суток везли до Владивостока. Жили в бараках, ждали, когда придут "покупатели" — морские офицеры. Восемь человек отобрали на эскадренный миноносец "Рекордный", Михаила Клокова тоже.

Первые впечатления были просто ошеломляющими. Из деревни и на корабль — не верилось. Корабль казался каким-то узким, и никаких загородок, только стойки да цепочки, да еще палуба под ногами ходит. Старшина говорит: "Не бойтесь, привыкните... Будете изучать 76-миллиметровое орудие и учиться стрелять".

Но в основном учиться пришлось по ходу дела. Укомплектовав команды, корабли вышли в море. Это была большая сила: четыре эсминца, лидер "Тбилиси", два крейсера — "Калинин" и "Каганович", подводные лодки. С неба моряков поддерживали самолеты. Владивосток, бухта, 33-й причал — этот корабельный адрес впечатался в память. Но к берегу причаливали нечасто — только за продуктами или за мазутом. А не выходили на землю практически два года — пока не кончилась сначала Великая Отечественная война, а потом война с Японией.

Корабли-пограничники, в том числе "Рекордный", курсировали в нейтральных водах Японского моря. Встречали и сопровождали до Владивостока американские корабли с грузами. Но мирный характер службы был только видимостью.

Особенно тяжело стало, когда ушли крейсеры. Тогда во Владивостоке остались два эсминца и несколько подводных лодок. Эсминец был вооружен "до зубов". Михаил Клоков, начавший службу матросом, со временем стал старшим матросом, а значит — наводчиком. Быстро схватить цель, тщательно прицелиться значило — победить. Не попадешь ты, попадут в тебя. По молодости страха не было, но до сих пор стоят перед глазами плавающие останки погибших, которые никто не собирал, никто не хоронил. Море становилось погибшим братской могилой.

Отрываться от других кораблей было рискованно. Михаил Павлович вспоминает, как попал под обстрел эсминец "Решительный". "Рекордный" поспешил ему на выручку.

Самим тоже доставалось. Все случаи, когда пробивало броню, и не упомнишь. На это не то чтобы не обращали внимания, но конструкция корабля позволяла сделать ремонт по ходу дела. Корабль весь в отсеках, как обнаружат пробоину в корме, в затопленный отсек спукаются водолазы, находят дыру, деревянным чопом забивают ее, откачивают насосом воду. В док, на стапеля, корабль поставили только после войны. А так — плавало судно и не подводило.

Выдержала военные испытания и команда корабля, сложившаяся в 44-м году. Командир корабля капитан третьего рана Осипов к молодым относился по-отцовски. Иначе как "сыночки" не называл. И по возрасту, и по жизненному опыту он действительно годился Мише Клокову и его сверстникам в отцы. Только однажды, проводив старых матросов на передовые позиции и поглядев на неоперившихся юнцов, сказал он: "Эх, пропаду я с вами". Не один пуд соли съела команда, прежде чем командир сказал: "Ну, можно биться...". Это была высшая похвала. Дважды опытный капитан уводил корабль от удара японских камикадзе-летчиков, которые, выбрав цель, пикировали прямо на корабль. Корабль кренился так, что казалось, еще немного и захлебнется. Но корабль уходил от удара, а самолет врезался в морскую гладь и сотрясал ее взрывом.

Поднять матросам дух командир считал за святое. Находил для этого любую возмож-

ность. Узнал, например, что на Сахалине находится Русланова, упросил, чтобы привезли ее выступить перед моряками. Послали катер. И Русланова пела так, что запомнилось на всю жизнь.

О капитуляции Германии на "Рекордном" узнали в открытом море, по рации. Все обрадовались, начали стрелять холостыми. Не успели нарадоваться, объявляют: война с Японией. На палубе еще бочки с пивом стояли...

— С Японией, — рассказывает Михаил Павлович, — мы воевали мало. Всего месяц. Вышли корабли из нашего Тихоокеанско флота, пришли корабли Северного флота, и в Японском море японцев задавили. Они довольно быстро поняли, что с нами тягаться нечего. Их корабли сдались без боя. Когда война с Японией закончилась, мы конвоировали во Владивосток десантную баржу с военнопленными японцами. Подошли к берегу, открыли на барже ворота, а там — половина мертвых: кто задохнулся, кто с голода умер, не кормили их. А как привезли, приказ: пальцем не тронуть.

В первое послевоенное увольнение земля у моряков ходила под ногами ходуном, как море. Стыдно было на танцы пойти — девчонки смеяться будут. Долго привыкали к суше, расхаживались.

Демобилизовался Михаил Павлович Клоков в 1948 году. Ему предлагали остаться на сверхсрочную службу, но дома, в деревне, во время войны, заболев, умерла мать. Остались три сестренки, которых надо было поднимать. А в 1957 году М. П. Клоков переехал в Верхнюю Пышму, устроился на ПМЭЗ столяром, там как раз набирали рабочих на строительство курятника на озере Вашты, потом работал на экскаваторе. Дома его видели только по выходным. Теперь Михаил Павлович Клоков на пенсии и говорит: "Интересная у меня была жизнь". Значит, так оно и есть.

Марина ОСЕНКОВА.
"За медь", № 19, 6.05.1999 года

РОСТКИ МИРА

День Победы меня застал в одном из городов Германии. Сияло безоблачное небо. Толпы вооруженных людей всех родов войск заполнили улицы города. Всюду слышались радостные возгласы, смех, приветствия, поздравления.

В эти часы ликования можно было наблюдать ростки мира. На одном из перекрестков стояла походная солдатская кухня, возле которой выстроилась длинная очередь немецких ребятишек.

Бледные, с отекшими лицами, пугливым взглядом, худые и дрожжащие, они протягивали под солдатский черпак свою посудину.

А повар, широко улыбаясь, разбрасывая шутки, кричал ребятам: "Подходи, киндер! Мир! Победа!" Слово "мир" уже тогда получило свое гражданство.

Это были поистине незабываемые картины конца войны, первого дня победы и мира.

А. ГЛЕБОВ.
"Красное знамя", № 53, 8.05.1966 г.

НА ПАРАДЕ ПОБЕДЫ

24 июня 1945 года, на Красной площади в Москве, состоялся Парад Победы. В канун этой даты в редакцию поступило письмо от ветерана Великой Отечественной войны, бывшего санинструктора, старшего сержанта Анны Евпловны Бондаренко (Дерябиной), которая проживает в нашем городе и находится на заслуженном отдыхе.

А. Е. Дерябина до войны окончила школу медицинских сестер и в 1940 году приехала в

Среднеуральск, где стала работать в детских яслях № 7. На третий день после начала Великой Отечественной войны девятнадцатилетняя девушка была мобилизована и направлена на работу в один из госпиталей Свердловска. Вскоре она переехала в Пермь, откуда в 1942 году была направлена на фронт.

— Наш эшелон, — вспоминает Анна Евпловна, — прибыл в Подмосковье. Нас включили в состав первой женской добровольческой бригады. После учебы меня назначили командиром стрелкового отделения. Участвовала во многих боях. Но после ранения в 1943 году меня как медсестру направили в первую мотострелковую дивизию войск МГБ, в составе которой я встретила День Победы.

После войны А. Е. Бондаренко до ухода на заслуженный отдых около 20 лет работала в детских яслях Первомайки и Верхней Пышмы. И сейчас, находясь на пенсии, она продолжает трудиться — работает киоскером в городском агентстве "Союзпечать".

Анна Евпловна — одна из тех, кому посчастливилось быть 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве. Об этом незабываемом дне она и написала в письме в редакцию.

"В июне 1945 года, — пишет она, мы, медики первой мотострелковой дивизии, узнали, что назначены на медицинский пост на Красной площади на время Парада Победы. Радовались и готовились. 24 июня с выданными нам пропусками мы выехали часов в 6 утра на Красную площадь. Было холодновато, но на нас были только мундиры. Нас распределили на несколько постов. На каждом был врач, медсестра и санитар.

На Красной площади уже готовились к построению войска всех фронтов. Прославленные в боях воины были в парадной форме, при орденах и медалях. Повсюду развевались на ветру знамена частей. Готовился к параду и большой сводный военный оркестр.

Наш пост находился напротив Спасских ворот Кремля, поэтому хорошо было видно, что происходило на площади. Когда на часах Спасской башни пробило десять, из ворот выехал всадник, а на трибуну Мавзолея поднялись члены правительства. Когда всадник поравнялся со стоящим перед нашим постом воинским подразделением, мы узнали маршала Жукова. Объехав все выстроеные на Красной площади войска, поздоровавшись с воинами, маршал подъехал к трибуне и доложил членам правительства о готовности войск начать Парад Победы.

Под барабанный бой 200 участников войны пронесли по площади 200 знамен разгромленных частей поверженной Германии, в том числе знамя, на котором был изображен орел и на немецком языке надпись "А. Гитлер". Знамена были брошены к подножию мавзолея и по ним прошли победители.

Так начался Парад Победы. Советские воины, прошедшие почти четырехлетний трудный путь к победе, который закончился в Берлине, под марши оркестра шли по Красной площади. Трибуны, заполненные до отказа, ликовали, беспрерывно аплодировали воинам-победителям.

После прохода войск площадь заполнили трудящиеся Москвы, гости столицы, также внесшие немалый вклад в общее дело победы. Красная площадь до позднего вечера бурлила. Люди ликовали, плясали, пели, плакали от радости.

Разве такое забудешь?"

Г. ВЫГОДНЕР.

Из верхнепышминцев в Параде Победы приняли участие Любовь Григорьевна Сусекова (работала в ЖКО опытного завода) и Валентин Федорович Слободчиков — стропальщик завода сварных машиностроительных конструкций. Он — один из тех, кто бросал вражеские знамена к подножью мавзолея.

"Красное знамя", № 74, 21.6.1980 г.

ОТЧАЯННЫЙ, ДОШЕДШИЙ ДО БЕРЛИНА

Алексей Иванович Талыков живет в доме по улице, которая носит его фамилию. Названа она в честь брата Алексея Ивановича — Михаила, военного летчика, погибшего в Великую Отечественную. С Михаилом Алексей на войне переписывался, пока не получил из дома известие о гибели брата. Третий брат — Федор, танкист, до фронта не добрался, погиб в пути. Алексей Иванович Талыков ушел на войну добровольцем, дошел до Берлина. И мама дождалась его домой. Говорят, родился в рубашке.

На фронт Алексей Талыков просился шесть раз. В 1942 году ему исполнилось 18 лет, но "держала" бронь. За год до начала войны, после седьмого класса, он пошел работать на Эльмаш, и директор Эльмаша, к которому Алексей, получив очередную повестку, шел с просьбой отпустить воевать, аккуратно убирая призывной документ в стол, говорил: "Иди работай". Работал Талыков токарем, точил снаряды для "катюш". Но считал, что на фронте он нужнее. Атаковал директора, пока тот не пригрозил: "Отдам под суд. Десять лет или штрафной батальон...". "Мне туда и надо", — ответил проситель. Директор сдался: "Иди...".

Таких настырных в военные годы было немало. Жить, не вдаваясь в высокие материи, но в соответствии с нравственным законом — их привилегия. А спустя годы, если повезет остаться в живых, можно свой давний поступок объяснить просто: "Толку не было...".

Два месяца новобранцев, среди которых был и А. И. Талыков, учили в Свердловске на радиотелеграфистов. Потом отправили в Москву на формирование. Попал Алексей в 311-й отдельный полк "катюш". Думал: "Ну вот, родная, снаряды я для тебя точил, теперь сам здесь". Полк сформировали — и в самое пекло, под Сталинград. Там Алексей Иванович принял боевое крещение.

"Катюши" стояли километров за семь-восемь от передовой. Корректировать их огонь и предстояло Алексею."Бери рацию, пойдем", — сказал начальник разведки. Ушли километров за десять от орудий. Было это в ноябре. Немцев уже потеснили. После них остались пустые блиндажи, кругом зияли воронки. Алексей обустроился в воронке, прикрыв ее плащ-палаткой. Походил вокруг, осмотрелся: направо никого, налево тоже. Подобрал автомат, пулемет, ящик с гранатами. Все стащил в воронку. Стал ждать. Ночь лунная, смотрит в сторону противника: все бело было, а тут вроде темная полоса появилась и шум. Понял — немцы пошли на прорыв. Сердце заекало: нигде никого нет, жутко одному. Установил пулемет, приготовил автомат, в гранаты взрыватели ввернул, подумал: "Умирать, так с музыкой...". Вот уже близко немцы, уже различимы. Пехота. Идут — автомат на животе, поливают огнем, не прицеливаясь... Алексей начал стрелять левой рукой из автомата, правой — из пулемета. Пусть немцы думают, что не один. Вдруг слышит "Ур-ра!" Наша пехота. Подбегает пехотный командир:

— Кто развоевался?

—Я, — отвечает А. И. Талыков.

—Здорово напугался?

— Напугался.

— Все бы так боялись.

За тот бой А. И. Талыкова наградили медалью "За отвагу". А координаты немецкие он так и не успел сообщить, забыл. А запомнил одно сильное чувство, которое овладело им тогда: очень жить захотелось. Довелось А. И. Талыкову увидеть и заключительные сцены разгрома фашистов под Сталинградом: фельдмаршала фон Паулюса и других немецких офицеров, выходивших сдаваться нашим войскам.

Полку, в котором служил А. И. Талыков, везло на "горячие" точки. Следом за Сталинградом — Орловско-Курская дуга, Барановичи, Бобруйск. Отдельный полк подчинялся только штабу фронта. Посылали туда, где нужна была поддержка пехоте. Бывало, попадали и по

своим. Боевая обстановка менялась быстро: передадут радисты координаты, только машина развернется, а наши войска уже прорвали немецкую оборону! Чтобы избежать таких случаев, в 43-м году вышел приказ: начальнику разведки, радистам из полка "катюш" работать в тесном контакте с тем подразделением пехоты, которому помогают.

По боевым наградам Алексея Ивановича Талыкова можно проследить, как шли наши войска на запад: есть у него медали и за Сталинград, и за Варшаву, и за Берлин. В Польше, в Познани, получил А. И. Талыков орден Славы. Под Познанью их полк отстал от фронта — пришлось отстать. В тылу наших войск оставалась укрепленная цитадель, в которой находилась не одна тысяча немцев. Взять цитадель надо было во что бы то ни стало, а помог это сделать случай.

Алексей Иванович рассказывает: "Надоело ждать, хотели в бой. Всю войну на передовой и вдруг — такая заминка. Пошли мы с разведчиком Сашей Чудаковым, астраханцем, подвалы проверить, где мирные поляки жили. Неожиданно за одним из ковров обнаружили щит, показалось подозрительно, а за ним — ход. Мы — по ходу и нашли четыре задвижки, крупные. Похоже — от воды, газа... Взяли и закрыли. Стали ждать. Минут пятнадцать прошло, смотрим — идут двое. Мы им "Хайль!" Они за автоматы. Саша их срезал обоих. Нашли мы выход. Оказалось, как раз напротив того места, где наш полк стоял. На выходе поставили охрану. Фрицам предложили сдаться. Полезли они, как тараканы".

Свой фронт догнали на Одере, под Кюстрином — родиной Геринга, в 75 километрах от Берлина. Так же, на Одере, произошла знаменательная для А. И. Талыкова встреча. Перед Зееловскими высотами их полк разбил небольшой плацдарм. Вечером солдаты сидят у костра, загородились от противника палатками, кашу разогрели, ужинают. Вдруг подходят двое: один коренастый, второй высокий. А с ними еще четверо.

— Ну, гвардия, как кормят вас?

— А кто нас кормит, мы сами едим...

В двоих, подошедших первыми, солдаты узнали Жукова и Рокоссовского.

— Георгий Константинович! Приглашаем на кашу.

Гости не отказались, присели к костру:

— Хорошая каша, да и воевали вы неплохо.

А потом был Берлин. И уличные бои, хуже которых нет. За каждую улицу, каждый дом...

— К Рейхстагу мы опоздали, — говорит Алексей Иванович

— Пехота опередила, знамя водрузили они. День победы мы отмечали 2 мая. Разведчики натащили ящики с вином, тушенкой. Разложили мы костер. Откуда ни возьмись — фауст-патрон. Двенадцать человек как не бывало.

До 9 мая воевали вовсю. А о том, что война закончилась, первым в части узнал тоже А. И. Талыков. Ловил радио Москвы, хотелось послушать русскую речь, музыку. Так и вышло, что были в самом Берлине, а о победе узнали из Москвы.

После окончания войны Алексей Иванович Талыков служил еще два года: сначала в Германии, потом в Прибалтике. Поезд, который увозил наших солдат, вели немцы — до самого Владимира-Волынского. У наших солдат оставалось много марок. Машинисту и кочегару этих марок оставили два мешка. Они им, простым работягам, были нелишними: война-то закончилась, жизнь вставала на мирные рельсы, и не дай Бог, чтобы повторилась снова!

Те давние мысли невольно перекликаются с днем сегодняшним. И даже такой везучий, вернувшийся домой живым и невредимым человек, как А. И. Талыков, снова говорит:"Не дай Бог!" Было, уже было... И пусть не повторится. Пусть молодые доживают до преклонных лет и достойной старости, а иностранный язык никогда не становится языком врага. Очень хочется, чтобы так было.

Марина ОСЕНКОВА.

"За медь", № 19, 6.5.1999 г.

ОНИ ЕЩЕ С НАМИ

В столовой МЖБК пос. Исеть 7 мая собрались ветераны, кто защищал самое дорогое — жизнь и кому выпало счастье вернуться с поля брани Великой Отечественной войны с победой и дожить до ее 54-й годовщины. Заметно поредело ветеранское войско поселка. В нем осталось всего 27 героев войны.

От Москвы до Берлина прошел свой героический путь **Федор Тарасович Кисмерешкин**. Боевое крещение принял при обороне Москвы. Федор Тарасович был дважды ранен. При первом ранении потерял глаз. А при втором ранении, когда осколки мины прошили левую руку, он отказался госпитализироваться, чтобы не расставаться со своей родной частью. Отлежался в медсанчасти. Мечта был одна — дойти до Берлина, отомстить врагам за смерть товарищей, за разрушенные города и села. И он дошел. Вернулся Ф. Т. Кисмерешкин к мирной жизни после демобилизации лишь в мае 1946 года.

Леонид Георгиевич Покатов был на войне, о которой не принято говорить. Более двух лет он воевал в Корее, охранял аэродром. Погибшие однополчане возвращались в цинковых гробах домой. Они оставались там навечно. Горечью сквозили слова Л. Г. Покатова о забвении, в которое попали такие, как он. А ведь на ту войну посылала Родина-мать.

Пехотинец **Миннехан Галявович Галявов**, находясь с 18 лет на войне, исходил ее огненные версты без счета, с полным снаряжением в 32 килограмма. Сильный, молодой, уверенный в себе, Миннехан стойко переносил все трудности. Он воевал на Украинском и Белорусском фронтах. Но самые тяжелые воспоминания тех лет связаны с блокадой Ленинграда, в обороне которого он провел почти три года. Не забыть, как умирали жители города от голода и холода прямо на улице. Несладко пришлось и воинам, рацион которых тоже был ограничен. Но М. Г. выстоял, выжил и гнал фашистов почти до Берлина. Не дошел всего 80 км: помешала разорвавшаяся рядом мина, осколки которой прошили ногу. Победный май он встретил в госпитале в Кутаиси. В тот день, когда весть о победе дошла до госпиталя, со слезами на глазах от великой радости обнимались все: и раненые, и врачи.

Великое испытание завершилось, но не думал никак М. Г. Галявов, что оно найдет сегодняшнее продолжение, когда ветераны вынуждены содержать на свои пенсии детей и внуков.

Минутой молчания почтили исетцы память невернувшихся земляков. Концертная программа артистов центра творчества и досуга стала подарком воинам-ветеранам.

Без устали пели песни молодости и военных лет участники ансамбля "Сударушки". Были танцы, были песни, были и воспоминания. Живы еще те, кто прошел все и может обо всем поведать. Они еще с нами...

С. ДУЛЕПОВА.

"Красное знамя", № 51, 13.5.1999 г.

БОИ В БЕРЛИНЕ

Было это в Берлине 30 апреля 1945 года. Кругом наступали советские войска. Еще 1,5 суток вели солдаты 1-го батальона непрерывные бои, занимая квартал за кварталом. Была эта часть города менее разрушена и казалась безлюдной, но дома были высокие, и из любого окна могла прозвучать очередь по перебегающим солдатам. Стали теперь они ловкими, быстрыми. Все меньше падало их на улице, обливаясь кровью. Но очень было обидно, когда третий из только что пробежавших солдат схватился руками за глаза. Резанула фашистская пуля по ним, обожгла жгучей болью, и померк свет в глазах воина, сделав его слепым на всю жизнь в последние часы войны. Горько было всем солдатам за него, но что они могли поделать? Только теплым словом утешить. А ему мучиться всю жизнь.

Хотелось, чтобы родные прочитали ему эти строки, чтобы он знал: не забыли его солдаты 1-го батальона через 45 лет, помнят, как он, рискуя жизнью, лишился зрения. Возможно, легче будет у него на душе, и сообщит он, как сложилась его жизнь после войны.

Остался сзади раненый, солдаты пошли вперед. Только вбежали двое из них во двор одного дома, как подбежала к ним молодая женщина и, показывая на себя, сказала: "Я — чешка" — затем махнула рукой в сторону подвала и сказала, что там два немецких солдата. Бросились туда два молодых советских воина. Один остался у входа, другой рванул дверь и ворвался в полутемное помещение, и подняли руки гитлеровцы, вооруженные до зубов. А как вышли из помещения, затряслись мелкой дрожью, думая, что пришел их конец, но не хотели зря убивать солдаты. Пусть направляются в тыл, там разберутся, а сами двигались дальше. Легче стали сдаваться немцы. Возьмут солдаты одного в плен, пустят в дом, откуда еще слышатся выстрелы. Смотришь, идут вереницей немцы с поднятыми руками.

Но много было и таких, которые продолжали отстреливаться, боясь держать ответ за совершенные злодеияния. Снимали они свои кители с крестами, переодевались в давно забытую гражданскую одежду и пытались бежать.

В то время солдаты продолжали перебегать по улице Крайсникштрассе. Заняли они многоэтажный угловой дом, вывесили красный флаг, извещающий о том, что сюда пришли солдаты, и стали ждать, когда будут сдаваться окруженные немецкие солдаты: ничего не оставалось им больше делать, так как все правительственные здания были взяты, уже не было в живых Гитлера и ряда его подручных. Развевалось красное знамя под Рейхстагом, и сотни других поменьше — над важными объектами столицы. Белые знамена из сохранившихся окон вывешивали немцы.

Тишина начинала повисать над Берлином после полудня 2 мая 1945 года. Сдавались в плен обманутые немцы вместе с теми, кто их обманывал. Толпы истощенных женщин и детей вышли на заваленные улицы Берлина в поисках еды и своих родственников. Уже развернулась походная кухня 1-го батальона на небольшой площади, и повар разливал вкуснейший суп стоящим в длинной очереди немцам. Редко подходили наши солдаты к этой кухне. Они были сыты победой.

Подошел к группе молодых солдат старый немецкий рабочий и сказал им, коверкая русские слова, что давно они ждали своего избавления от фашистского ига. Повел в свою маленькую квартиру и стал угощать единственным, что у него нашлось: выращенными в помещении красными помидорами, хоть и сам был голоден. Оценили солдаты его поступок, вынули из вещмешка свой НЗ, разложили перед ним и вместе за одним столом отметили начало мира.

Нет, не питал зла советский воин-освободитель к немецкому народу. Понимал он, что надо как можно быстрее помочь немцам сбросить цепи, надетые на него фашизмом.

Наводили порядок после окончания боев советские солдаты, уводили колонны пленных, прочесывали подвалы, выискивая спрятанное оружие и переодетых эсэсовцев. Под их охраной заработали хлебозаводы и другие предприятия, обеспечивающие питанием немецкое население.

Частенько приходилось наводить порядок в очередях, стоявших перед магазинами, и ночью охранять мирный сон немецких граждан, патрулируя по ночным разрушенным улицам Берлина, ибо много в то время развелось любителей легкой наживы.

Гремели строевые задорные песни советских солдат на улицах Берлина. Налаживалась мирная жизнь. Начали симпатизировать советским солдатам немецкие девушки, а мальчишки иногда с восторгом посматривали на проходящих солдат и их победоносное оружие.

Г. СЫРОМЯТНИКОВ,
солдат 1-го батальона 286 с.п. 94 дивизии.
"Красное знамя", № 51 13.5.1999 г.

А. ЗЛОБИН И М. НИКИФОРОВ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

Известие о нападении Германии на нашу страну застало **Андрея Адреевича Злобина** на колхозных полях Кировской области. Он работал тогда учетчиком Бельской МТС. С первых дней и до конца войны он был в пехоте. "В одном из горячих боев, — рассказывает Андрей Андреевич, — я был ранен и направлен в госпиталь. Когда меня снимали с операционного стола, слышу, кричит мой сосед по палате: "К тебе полковник"! И в самом деле, передо мной появился командир полка. Он зачитал приказ о награждении меня орденом Красной Звезды. Это было самым целительным лекарством".

А сейчас он трудится на железной дороге на станции Исеть.

Радиотелеграфист артиллерийского полка сержант **Михаил Арсеньевич Никифоров** с врачом встретился на пятый день войны в составе гаубичного полка на северных границах страны.

По планам гитлеровского командования Мурманск должен был быть захвачен в течение нескольких дней. Немецким солдатам был выдан паек всего на трое суток.

"И они его получили сполна, — говорит Михаил Арсеньевич, — да еще с артиллерийским приварком.

Из-под Мурманска дороги войны вели его через многие фронты, города, реки. После прорыва блокады Ленинграда бои за Нарву, Таллинн, Ригу, форсирование Вислы,Одера. Грудь его украшают три ордена Красной Звезды и четыре медали.

Работает строителем.

Рассказ ветаранов записал Н. ЛИСИН

"Красное знамя", № 73, 10.5.1964 г.

ПОБЕГ ИЗ ФАШИСТСКОЙ НЕВОЛИ

В 1943-м году в небольшое уральское село на имя Евгении Михайловны Плотниковой пришло солдатское письмо. "Ваш сын погиб в бою за социалистическую Родину. Похоронен севернее деревни Алексеенка..."

Но жив оказался Виктор Плотников. Вместе со своим другом тезкой Четверяковым бежал из лагеря смерти.

... Я разговариваю с Плотниковым о черных днях в концлагерях, о партизанской жизни в Чехословакии. Все-таки это бывает не часто, чтобы беседовать с человеком, которого "похоронили" двадцать с лишним лет назад. Сейчас Виктор Александрович работает старшим инженером отдела труда и зарплаты Исетского завода мостовых железобетонных конструкций и возглавляет партийную организацию предприятия.

... Когда началась война, Виктору было семнадцать. Восемнадцатилетний юноша, вчерашний токарь стал солдатом. Год учебы в пехотном училище. Потом фронт. Первые жаркие бои, первые поражения.

С волнением смотрит Виктор Александрович на поблекшую от времени фотографию и вспоминает:

— Октябрь 43-го. Наш взвод участвовал в штурме небольшого городка под Витебском. Это была упорная схватка. Одна атака следовала за другой. Как сейчас помню: из 20 человек осталось в живых только восемь. Пуля ударила в живот. Очнулся в немецкой санитарной машине.

Погрузили раненых в замурованные вагоны и повезли. Начались скитания по лагерям смерти. Остановка в Витебске, Каунасе. Один лагерь сменяют другим. И вот опять остановка. На этот раз уже в Германии. Альтенграб — "старое кладбище". Несколько рядов колю-

чей проволоки, через которую пропущен электрический ток. Блоки смерти. Овчарки. Лютые охранники. Пленные умирали с голоду: в сутки выдавали несколько ложек жиденькой баланды да кусочек черствого хлеба.

Нужно бежать во что бы то ни стало. И вот в июле 44-го Плотников и Четверяков, воспользовавшись замешательством немцев при налете советских самолетов, бежали. На следующий день фрицы недосчитались двух военнопленных.

Ночью они шли на восток, днем скрывались в лесах. Через месяц в Высоких Татрах Словакии нашли партизанский отряд "Бати". Так два русских солдата стали партизанами в чехословацких лесах. Виктор был связным у командира бригады поручика Иозефа Броновского.

Не проходило дня и ночи, чтобы партизаны не нанесли врагу большого урона. Они атаковали эшелоны с боевой техникой, уничтожали карательные отряды, взрывали мосты. Рука об руку боролись чехи, русские, украинцы, поляки, венгры. Много смелости и находчивости проявляли чехи Броновский, Франчо, Ян Новосад, венгр Иозеф Зигу и многие другие.

— В Чехословакии у меня много друзей и побратимов среди жителей деревни Зубак и местечка Ледницка Ровны, — рассказывает Плотников. — Дружба, скрепленная кровью, крепче стали. Много времени прошло с тех пор, но я никогда не забуду, как мы вместе били фашистов. Однажды мы "пеленали" четырех фрицев. Когда прибыли на базу — оказалось, что захватили самого начальника финансовой части армии, а вместе с ним и 9 тысяч крон. Они пришлись кстати: партизаны нуждались в деньгах. После этой операции все наше отделение было представлено к наградам. В другой раз небольшой отряд нагнал на немцев много страху. Возвращаясь с боевого задния, мы обстреляли железнодорожный состав. Три вагона с боевым оружием были взорваны, несколько человек убито...

1 мая 1945 года партизанская бригада соединилась с регулярными частями Советской Армии. А через восемь дней прогремели салюты в честь Великой Победы над гитлеровской Германией.

Д. СЛАСТУНОВ, пос. Исеть.

"Красное знамя", № 44, 19.4.1965 г.

СЛОВНО ЭТО БЫЛО ВЧЕРА...

В канун Праздника Победы редакция совместно с советом ветеранов войны и труда комбината провела встречу с бывшими фронтовиками: Иваном Терентьевичем Мантулло, его братом Григорием Кузьмичом Мантулло, Кузьмичом Ивановичем Палецким, Иваном Ивановичем Розиным, ушедшими на войну с Пышминского медэлектролитного завода и вернувшимися на него. Во встрече принял участие член совета ветеранов Ефим Петрович Благодарев.

Итак, слово — ветеранам.

И. Т. Мантулло. Я приехал на Медный рудник в 1936 году, поступил на ПМЭЗ в шламовый цех плавильщиком. К началу войны я был уже женат, двоих детей имел — сына и дочку.

В один из дней августа, помню, только я заступил на смену (на двух печах тогда работал: людей-то не хватало), пришел мастер Ф. А. Казанцев и говорит:

— Бросай гребок, бросай лопату, собирайся. В военкомат тебя вызывают.

Забежал я домой, предупредил своих и — в военкомат. Вручили мне повестку и начал я ежедневно вместе с женой на вокзал ходить. Тогда автобусов до Свердловска не было, мы пешком ходили. С ребятишками мать дома оставалась. Так и пришлось пять дней путешествовать в Свердловск и обратно, пока нашу десантную группу формировали, жена — со мной, чтобы проводить, когда отправят.

Измучился уж я в этом ожидании. Наконец, погрузились в поезд и — под Москву, на стан-

цию Зуевку. Там нас должны были учить прыжкам с парашютом. А самолетов-то нету! Вот и прыгали с вышек. Несколько раз нас перебрасывали с одной станции на другую, пока, наконец, в Выползове (45 км от Москвы) мы сделали свой первый настоящий прыжок с самолета.

Ну, что ж, по одному прыжку сделали, хватит, научились, на фронт пора. Выдали нам хорошее обмундирование: теплые меховые куртки и брюки, лыжи, на три дня харчей — НЗ. На самолет и — на фронт, под Старую Руссу.

Не успели мы и опомниться, как оказались на земле. Выпрыгнули удачно: не на штыки немцев. Встали мы на лыжи и — в лес. Местность там такая, что без лыж не пройдешь — болота кругом. Я на лыжах хорошо ходил, хоть и не спортсмен. Зашли в лес. А спать-то где? Под кустом, под деревом, в снегу.

Утром слышим, летит немецкая "рама" — разведчик. А нам было приказано из леса не выходить, костры не жечь, чтобы себя не обнаружить. "Рама" сделала круг и улетела.

Вскоре началось такое, что до сих пор вспоминать страшно... Тяжело пришлось нам здесь, очень напряженные бои были под Старой Руссой. В итоге, когда мы вышли, наконец, из леса, из наших двух бригад даже батальона не набралось тех, кто мог оставаться в строю.

Когда по приказу штаба фронта мы стали прорываться, я по пути сломал одну лыжу. А как пойдешь? Тут убило одного нашего десантника, я свою лыжу сломанную бросил, взял его, целую. Так и выбрался.

Начал я валенки снимать, гляжу, а ноги-то обморожены! Доставили меня в медсанбат, а оттуда — в Москву, в госпиталь.

Появились мы в госпитале заросшие, бороды вот такие!

— Вы что, партизаны? — спрашивают.

— Ага, — говорим, — партизаны.

Из госпиталя выписался через три недели. Нет, думаю, больше в десантники не пойду. А специальности-то никакой нету, куда же идти? Кадровую службу я проходил наводчиком при 45-миллиметрововой пушке. Пойду, думаю,в артиллерийское училище. Но набор в училище уже кончился, опоздал я. Вот в роту связи, говорят, пожалуйста! Ну в связь, так в связь.

Три недели проучился в школе связи, присвоили мне звание сержанта и направили на Северо-Западный фронт. Попал в 33-й гвардейский стрелковый полк начальником центральной телефонной станции. Там и служил, пока под Брянском меня не ранило.

А было дело так. Некому было наводить связь, пошел я сам с одним бойцом. Нужен был кабель, я и говорю товарищу:"Я побегу за кабелем, а ты пока отдохни тут". Надо было мне ползком двигаться, а я — только пригнувшись. Вдруг совсем рядом разорвалась мина, меня сильно ударило осколком. Упал я, смотрю — одна нога в стороне, другой попробовал шевельнуть — вроде, чувствую, на месте. Ну, думаю, хоть одна осталась.

Давай я кричать. Хорошо, что боец мой, не дождавшись меня, двинулся на розыск. А я чувствую, силы меня покидают, кричать уже не могу. Из последних сил поднялся на руках, чтобы посмотреть вокруг. На мое счастье, боец совсем близко, я кое-как махнул ему рукой: остановись!

Подбежал он ко мне и тут уж я отключился. Последнее, что услышал:

— Потерпи, миленький, сейчас будет лошадь.

Сколько времени прошло, не знаю, только очнулся я уже в полевом госпитале. И здесь, надо же такому случиться: гляжу на врача, ведь это же наш пышминец — врач Муртазин, жили мы с ним даже по соседству!

Смотрит он на меня, смотрит и говорит:

— Ты Мантулло?

— Мантулло. А ты Муртазин?

— Муртазин, — отвечает. — Ты, наверное, покурить хочешь?

Дал он мне закурить, я только один раз затянулся и тут же уснул. Как при наркозе.

Отправили меня в тыл. Вторая-то нога у меня тоже подбитая оказалась. Привезли в Нижний Тагил в госпиталь, а потом в Свердловск перевезли — на протезирование. Отлежал я в Свердловске восемь месяцев. Жена часто навещала. А каково ей было добираться ко мне из Пышмы, да и на работу ведь надо было не опоздать: она тоже на заводе работала бухгалтером. Как только я чуть-чуть окреп, написал заявление с просьбой выписать меня домой.

Что было делать? Спасибо, взяли снова в шламовый цех, дежурным по режиму. Для меня, на костылях, работа эта была не тяжела. А потом эту должность ликвидировали и мне предложили перейти в КИП. Подучился, получил разряд, потом дорос до пятого. Там и работал слесарем-прибористом до ухода на пенсию в 1969 году.

Г. К. Мантулло. Как и брат, я в 1936 году поступил на ПМЭЗ, только в электролитный цех. В 1938 году был призван в армию, попал в пограничные войска, служил на Дальнем Востоке. Участвовал в боях на реке Халхин-Гол, был здесь легко ранен, лежал в госпитале в Иркутске.

Вскоре после моего возвращения на заставу нас направили освобождать Западную Белоруссию. В связи с финскими событиями был я переброшен в 88-й погранотряд, стояли мы в 800 — 1000 метрах от нашей западной границы.

Уже в четыре часа утра 22 июня гитлеровцы начали боевые действия. Четыре атаки мы отразили, потом по приказу прорвались с боем на свою заставу и здесь дрались еще четыре часа. Но силы были слишком неравные, и нам пришлось отступить.

Шли первые дни войны. Наши войска отступали, мы прикрывали отход, пока сами не оказались в окружении. С 29 июня по 4 июля были в окружении. Поскольку выйти всем вместе шестидесяти человекам было нельзя, наш командир — полковник Соколовский принял решение выходить группами.

Вышло нас пятьдесят пять человек. Присоединились к 16-й армии. И снова бои: Ярцево, Вязьма, Ржев, Великие Луки...

И вот — зима 41-го. Нас бросили под Москву. Здесь готовилось решающее сражение и сюда стягивались большие силы. На станцию Апрелевку прибывали эшелоны с уральскими и сибирскими дивизиями. И наконец 5 декабря началось контрнаступление советских войск под Москвой.

Здесь я был тяжело ранен. За участие в этих боях мне была вручена первая моя, самая дорогая награда — медаль "За отвагу".

Позднее в составе 70-й армии я участвовал в Курской битве, где опять был ранен, несколько месяцев лежал в госпитале и снова вернулся в свою дивизию. В 1943 году был ранен в грудную клетку и больше уже на фронт не попал.

Приехал в Пышму инвалидом второй группы, пошел на завод. Работал в ОТК, в электролитном цехе, был бригадиром дежурных по электролизу.

К. И. Палецкий. На Медный рудник я приехал в 35-м году, в ноябре. Сначала работал в охране, а потом на центральном складе. 22 апреля 1942 года получил повестку из райвоенкомата и 30 апреля уже выехал в составе 167-й дивизии на передовую, на Цимлянское направление.

Тяжелые там были бои, и вспоминать об этом до сих пор нелегко. 30 июня получил я здесь первое ранение, три месяца лежал в госпитале в Чкаловской области.

Когда выздоровел, после переформирования, опять прибыл на Цимлянское направление. Во время переправы через Дон меня ранило осколком. И снова — госпиталь. Выписался годным к строевой службе, в распоряжение Ижевского горвоенкомата. Тем и закончилась для меня война.

Вернувшись домой, снова работал на ПМЭЗе: на центральном складе, в электролитном цехе — паяльщиком, плотником по ремонту ванн, а перед пенсией — в порошковом цехе на просеве порошка.

И. И. Розин. Начало войны застало меня в Ленинграде, на флоте я служил. В конце августа — эвакуация из Ленинграда. А в конце ноября я уже в составе 75-й морской стрелковой бригады был в Подмосковье.

В начале января 1942 года нас перебросили на Северо-Западный фронт, в болота и леса. Воевали мы между Холмом и Старой Руссой. Реку Ловать я лично переходил там раз двадцать-тридцать. И под берегами ее не раз ночевал. А спали, как правильно говорит Иван Терентьевич, по-всякому: и на елочке, и под елочкой, в снегу. В хате не бывали. Ели, что бог даст.

Здесь 26 февраля меня ранило. Как я добрался до станции Пено в Калининской области — длинно рассказывать: где на корячках, где на лошадке, где на машинах подбрасывали.

Потом был госпиталь во Владимире — до конца мая 42-го. Из госпиталя снова в строй, на этот раз попал я в 27-ю отдельную гвардейскую минометную бригаду Резерва Главного командования. В этой бригаде и воевал до конца войны. Участвовал в крупных операциях: Корсунь-Шевченковской, Ясско-Кишиневской, в других. Видите ли, я был рядовым солдатом, автоматчиком, знал свое: "Нас толкнули — мы упали, нас подняли — мы пошли". И только сейчас, когда слышу рассказы о войне, читаю в книгах или газетах, сопоставляю факты и думаю: "Так ведь и мы там были".

Победу встретили в Оломоуце, в Чехословакии. Демобилизовался я уже в мае 1946 года. Приехал домой, снова устроился в теплотехнический цех. Работал до 1989 года, в общей сложности отдал комбинату 52 года.

Е. П. Благодарев. 22 июня 1941 года — этот день мне запомнился на всю жизнь. Я в то время служил срочную службу, был танкистом. Мы стояли в лагерях на востоке. Весть о войне взбудоражила всех. Думали: ну, долго она не продлится, ведь и на Хасане и на Халхин-Голе мы быстро разделались. Но в то же время сомнение грызло: ведь Гитлер, прежде чем напасть на нас, всю Европу покорил. Так что этот враг, пожалуй, будет посерьезнее.

Первого июля мы двинулись на запад. Воинские эшелоны шли на фронт не останавливаясь. Прибыли в Подмосковье, на станцию Кунцево, и направились в район Можайского шоссе. Расположились в лесу, вырыли землянки, закопали танк, сделали щели. Ночью слышим: у-у-у-у! Самолеты над нами летят. Взрывы, стрельба, лучи прожектров, шарящие по небу — не до сна нам было в эту первую ночь.

Вскоре мы получили одну роту танков Т-34. А остальные танки у нас были Т-26. Я был механиком-водителем у командира роты. В сентябре нас перебросили на Северо-Западный фронт.

Приехали мы в назначенный район. Мы с командиром роты вперед вырвались, смотрим: справа горит один танк, слева — еще. Оказалось, мы незаметно для себя ворвались в немецкую оборону. А горящие танки — те самые наши "тридцать четверки", которые, обогнав нас, пришли сюда первыми.

Здесь и наш танк подбили, мотор заглох. Мы через люк механика выбрались наружу. Так мы оказались в окружении, трое суток ходили. Неприятная это вещь, скажу я вам: у себя дома прятаться, не быть хозяином.

Вышли, наконец, из окружения. Оказалось, вышел из боя только один танк Т-34 командира батальона. Так мы приняли свое боевое крещение.

А потом я воевал на Калининском фронте. Прямо с ходу бросили нас в бой. Из 33 танков в строю осталась половина. Вскоре — снова наступление, в районе города Белого. И здесь тоже нам досталось, потеряли много танков.

В марте отправили нас на переформирование. Получили американские танки и в июне

1943 года выехали на Курскую дугу. Здесь командующий фронтом приехал посмотреть на американские машины. А они были хороши! На резиновом ходу (меньше шума), два синхронно работающих двигателя, мощная сирена (когда в бой пошли, мы их как включили! — впечатление устрашающее), пушка 75 мм, пулемет крупнокалиберный зенитный (у нас в то время таких не было), внутри танка все выкрашено белой краской, сиденья мягкие. Броня у танка была "вязкая", если попадал снаряд, он только пробивал дырку.

Пятого июля около 4 часов ночи вдруг началась артиллрийская стрельба. Что такое? Говорят, наши захватили "языка" и он сказал, что немец готовит наступление, мы его упредили. В 8 часов фашисты начали артподготовку, но внезапность была уже потеряна.

Мы располагались в полосе 13-й армии в районе Понырей до 12 июля. Что там было! Артиллерия, бомбардировщики, "катюши" — грохот стоял страшный. Здесь впервые мы все — и танкисты и пехотинцы — почувствовали радость победы. Ведь в предыдущие два года в основном "бегали".

До сих пор не могу спокойно вспоминать, как мы потеряли здесь бесследно четыре экипажа. Зашли мы в какое-то село, остановились. Я был в то время комсоргом. Вызвал меня комиссар и говорит: бери разведчиков, саперов и езжай на поле боя, ищите эти танки!

Едем, видим: стоит маленькая танкетка. Я говорю саперам: разберитесь-ка, ребята. Оказалось, это самоходная мина: 70 кг взрывчатки, два двигателя, аккумулятор. Скорость у нее — 3 км. Так вот в чем дело! Эти мины и подорвали наши танки. Хоть бы бумажка, хоть бы клочок какой сохранился — все разметало взрывом.

После Курской битвы, после переформирования двинулись мы к Днепру. Наша механизированная бригада вышла к реке одной из первых. Подошел катер, танк — на плот, командир машины, заряжающий и радист — впереди, перед танком, как на параде, механик-водитель — за рычагами. Выехали. А фашист-то ведь стреляет по переправе. И неизвестно, куда он попадет, неизвестно переправишься ты или нет.

Но мы благополучно переправились и 17 октября 1943 года пошли в наступление. Брали Киев, Житомир (наш корпус и называется Киевско-Житомирским), Львов, Сандомир, Катовице, Берлин и Прагу — вот такой путь прошли. Многих друзей за это время потеряли. Никогда не забуду своего друга — командира танка Колю Минаева. Он очень красиво пел нашу фронтовую песню "Дул суровый порывистый ветер". Погиб он уже в Берлине.

Всего не расскажешь, что довелось увидеть и пережить, многое забылось. Но когда начинаешь вспоминать, былое встает перед глазами, словно это было вчера.

Записала рассказ фронтовиков
Л. НИКИТИНА.

"За медь", № 18, 30.4.1991 г.

ОСВОБОЖДАЯ РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

Иван Семенович Узенцев. В Красной Армии служил с 1941 по 1946 год. Во время войны старший сержант. Награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

После кончания курсов радистов в Свердловске в декабре 1941 года я был направлен в 8-й истребительный отряд Северо-Западного фронта радистом. Истребительные отряды были созданы в конце 1941 года по приказу Сталина. В их задачу входило уничтожение прорвавшихся немецких частей и воздушных десантников.

В одном из боев по ликвидации прорвавшегося эсэсовского батальна 19 февраля 1942 года в районе Старой Руссы я был ранен в ногу и после выписки из госпиталя попал в 84-ю морскую стрелковую бригаду. В августе 1942 года нас перебросили на Кавказ, под Орджоникидзе, где враг отчаянно рвался к перевалу.

Бригада с марша была брошена в бой у станицы Эльхотово. В сильных ожесточенных

боях наши войска отстояли "Эльхотовские ворота" — седловину между гор, где протекал Терек. Враг был на этом участке остановлен.

Затем в составе нашей бригады, а позднее 227-й Краснознаменной стрелковой дивизии я участвовал в освобождении Кавказа и Кубани. В ночь на 3 ноября 1943 г. с косы "Чушка" наши части форсировали Керченский пролив и высадили морской десант на Крымский полуостров в районе Керчи. Эти кровопролитные ожесточенные бои за овладение небольшим плацдармом на крымской земле в районе завода им. Войкова, где погибло немало наших храбрых молодых солдат, отложились в моей памяти на всю жизнь. Плацдарм мы захватили и до апреля 1944 года с боями удерживали его.

11 апреля после продолжительной артподготовки началось освобождение Крыма нашей отдельной Приморской армией под командованием генерала Петрова. Были освобождены города Феодосия, Старый Крым, Бахчисарай, Симферополь, в результате ожесточенных боев занята Сапун-гора и 9 мая 1944 года освобожден легендарный Севастополь. Немецко-фашистские войска были разгромлены, и Крым полностью освобожден.

Затем в составе 227-й Краснознаменной дивизии я участвовал в освобождении Румынии, Венгрии и Чехословакии. Окончание войны застало нас в 40 км от Праги.

И. УЗЕНЦЕВ.

"За медь", № 24, 19.6.1991 г.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Яков Давыдович Коковин. В Красной Армии служил с 1942 по 1947 год. Во время войны младший сержант. Награжден орденом Отечественной войны второй степени и медалями.

Родился я на берегу Белого моря, в деревне Луда Приморского района Архангельской области. Закончил семь классов, затем ремесленное училище в городе Молотовске (ныне это город Северодвинск) Архангельской области, работал на судоремонтном заводе в Мурманске. К началу Великой Отечественной войны было мне шестнадцать лет. На моих глазах в 1941-1942 гг. фашисты сожгли, разбомбили Мурманск.

В ряды Красной Армии я был призван в августе1942 года. И вот — учебный стрелковый полк, а в марте 1943 года я отправился маршевой ротой на Брянский фронт. До летнего наступления мы находились в оборонительных боях.

Настоящее боевое крещение принял в июле 1943 года, когда началась Орловско-Курская битва. Я в составе 76-й гвардейской стрелковой дивизии участвовал в этом сражении как наводчик миномета. При поддержке огня нашей минометной батареи были освобождены несколько населенных пунктов Орловщины. В одном из боев мы понесли большие потери: погибли командир миномета Плылов, заряжающий Хасанов, тяжелые ранения получили командир и комиссар батальона капитаны Пермиловский и Скорик и другие замечательные воины. За участие в этих боях я был награжден орденом Отечественной войны второй степени.

18 июля 1943 года при очередном наступлении меня тяжело ранило: была перебита правая нога, я получил множественное осколочное ранение в правый бок и правую руку. Во время этого обстрела противника погибли все товарищи из моего минометного расчета, а я остался жив по-видимому только потому, что в результате близкого разрыва снаряда меня отбросило в окоп. Сколько времени пролежал здесь, не помню, очнулся уже в темноте, когда меня везли в полевой госпиталь. Придя в сознание, сообразил, что пролежал я в том окопе около пяти часов.

В начале ноября 1943 года из Барнаула, где я лежал в госпитале, меня направили в учебную танковую часть. После кратковременной учебы и подготовки, учебных стрельб на полигоне, получив танки СУ-100, мы сформировали экипажи и направились на уралмшевс-

ких танках на Ленинградский фронт. В конце января 1944 года прошли по израненному, но не побежденному Ленинграду. Здесь я участвовал в освобождении ленинградской земли: населенных пунтов Русско-Высоцкое, Волосово. Красное Село. Здесь, на Ленинградском фронте, в апреле 1944 года я был вторично ранен, лежал в госпитале в Ленинграде, на этом и закончились мои фронтовые будни.

Я. КОКОВИН.

"За медь", № 24, 19.6.1991 г.

ШОФЕРСКИЕ ДОРОГИ

Петр Всильевич Турчанинов День Победы встретил здесь, на родном заводе. Но за плечами его уже была война — и "полякам братскую руку подавал" в 1939-м, когда только начиналась вторая мировая, и на финской в 1940-м был. На Отечественной он воевал чуть больше года — до ноября 42-го. Но какими долгими казались потом те дороги, по которым он колесил, крепко держась за баранку! А к Дню Победы даже раны его не успели зажить как следует...

Сейчас Петру Васильевичу восемьдесят. Но он, похоже, не зачисляет себя в старики. Имеет рабочий стаж 58 лет и трудолюбив по-прежнему. У него завидная память...

— Я закончил курсы слесарей в 1932 году, после чего и попал в механический цех строящегося завода. Участвовал в первой анодной плавке, а потом и вайербарсовой — наша молодежная бригада слесарей тогда эти печи обслуживала. Потом на шоферских курсах учился.

В июне 41-го я третий раз на войну пошел. Был в доме отдыха, на Уктусе, там и узнал, что фашисты на нас напали. Домой приезжаю, мне — повестка, на третий день войны.

Наша 22-я армия месяц, наверное, формировалась в Свердловске, а по прибытии на фронт почти сразу попала в окружение. Прибыли мы в Калининскую область, наши только что освободили Великие Луки. Я попал в дорожно-эксплуатационный полк, в путевую роту, работал на ЗИСе, на трехтонке. Дороги мы ремонтировали.

Как-то стою у речки, прямо в воду заехал, солдаты в кузов песок грузят. Вдруг один выскочил, смотрит — у переезда танк стоит и стреляет. Тут все бросили меня и разбежались. Я кричу: "Разгружайте!" Каково там! Борта раскрыл, поехал. А там ложок, в аккурат на мое счастье. Первый снаряд не долетел метров 25, второй перелетел. Я опять — раз в ложок. Так и выехал на дорогу. Стоит полуторка с хлебом. Шофер говорит: "Слушай, заведи меня!" Я: "Булку хлеба дашь?" Он: "Нет, не дам!" А тогда строго за хлеб-то было — три года тюрьмы могли дать. Смотрю, ребята мои бегут — давай, кричат, поехали. Нет, говорю, выгружайте оставшийся песок. Быстро разгрузили, забрались в кузов, поехали. Приехали в Ушицы — совхоз это был, заправились. Там ко мне в кабину политрук пересел со сломанной полуторки. Намаялся я с ним потом.

В Ушицах сколько техники стоит, а раненых сколько — все коровники заполнены! Вдруг немец стрелять начал. Я своим скомандовал, чтоб садились, и помчался. Только успел мостик переехать через реку, как он взорвался. Что там, позади нас потом было, не знаю. Мы в тыл ехали 60 километров, в штаб армии. Ночью прибыли — никого нет, поехали дальше. Целую ночь проехали, а днем под бомбежки стали попадать. Солдаты-то в кузове стояли, сесть было некуда. Как налетит немец бомбить, они все из машины выпрыгивают — прячутся. А как забуксовал я, никто и не вылезает. "Ребята, — говорю, — что же вы?" Политрук сидит рядом, молчит. Говорю: "Не выйдете машину вытаскивать, возьму винтовку". На первый раз вытащили, а потом всю дорогу бросить меня хотели: дескать, далеко ли мы так уедем, с твоей машиной, разбомбят ведь. "Как хотите, — говорю, — а машину не оставлю, пусть хоть убьют меня".

Добрались все ж до переправы. Река широкая — Западная Двина, вроде. Переправа — бревна одни, без поперечин. Еще одна полуторка подъехала, и вот мы на свой риск, по очереди, по этим бревнам через реку перебирались. Солдаты — следом.

Немного погодя на пути нашем оказался автобатальон — бензин на фронт везли, несколько цистерн. Может, в этом батальоне брат мой был родной, это я потом узнал, после войны, что он служил в автобатальоне... И вот спрашиваю бензин, заправиться. "Не дадим", — отвечают. Я к командиру (политрук мой так и не показывается из кабины). "Вы что, — говорю командиру, — бензин немцам везете?" "Это почему же немцам?" "Да потому, что мы сутки из окружения выезжаем, немцы там!" Заправили нас, развернули цистерны и следом за нами поехали обратно, в тыл. Так вот не достался фашистам целый батальон с топливом... В Торопец прибыли, тут мой политрук повеселел, в баню пошел, потом в ресторан. Обо мне и вовсе забыл. Баталов его фамилия, до войны он в железнодорожном райкоме Свердловска работал. И после войны я его однажды встретил. Напомнил ему тот эпизод.

Вскоре ранило меня и машину мою. Она загорелась, я давай тушить. Обгорели кисти рук.

После выздоровления попал я уже в 10-ю Армию и сел за руль "Эмки" — возил командира штаба армии генерал-лейтенанта Еременко. Заботился он обо мне как о водителе здорово. В какую дивизию ни приедем, он меня — на кухню, покормить прикажет и на ночлег устроить. На фронт, под Рязань отправили армию. У немца уже отняли Михайлов, Тульскую область, Калужскую. На Москву немец шел. Там получил я полуторку и в составе минометного дивизиона развозил снаряды по батареям.

Был декабрь 41-го. Наши отвоевывали один за другим населенные пункты. Но вот перед самым Новым годом оставалось отбить наш подземный аэродром под Тулой. Отложили на завтра. А за новогоднюю ночь немцы там хорошо укрепились. Наши этот аэродром смогли взять лишь через несколько месяцев...

Дивизию нашу перебросили на подкрепление в армию Рокоссовского. Тут, под Сухиничами, меня вторично ранило. Осколок в шею наскозь прошел. Отвоевался. В санитарном поезде дальнего следования повезли в Новосибирск, в госпиталь. Гляжу, к родным местам подъезжаем: Свердловск скоро. Стал у врачей отпрашиваться, отгрузите, мол, здесь, — тут родители у меня, жена, сын. Работал тут на Медном руднике. Оставили. Я как в госпитале очутился, тут же позвонил соседям. Жена Мария и сестра сразу и прибежали. Не узнали — немного скрючило меня.

Так я, инвалид, с ноября 42-го снова пришел на завод и сел за руль — до конца войны возил директора завода В. А. Хренова.

Победу встретил с великой радостью. В тот день хотел я ехать мотор ремонтировать. "Какой мотор! Победа, Петр Васильевич. Праздновать надо, водку пить!" Так мы и сделали. Отпраздновали. И в конторе, где Мария Ивановна, жена работала, чаепитие устроили. Ждали мы ее, победу, очень ждали. Дождались все-таки. Это была такая радость...

Петр Васильевич Турчанинов, напомню, отработал на заводе 58 лет. Вместе с женой Марией Ивановной их стаж равен девяносто восьми годам. Но почему-то так случилось, что забыли его поздравить с 60-летием предприятия, с восьмидесятилетним юбилеем, с Днем автомобилиста. Поздравили внуки и правнуки. "Так теперь молодые там работают, вот и не помнят," — утешает его Мария Ивановна. Не понять этого ветеранам — память у них завидная.

П. ТУРЧАНИНОВ
Рассказ записала Ольга ПАВЛОВА.
"За медь", № 44, 14.11.1994 г.

"МЫ ВОЕВАЛИ НЕ ЗРЯ", — ГОВОРЯТ СТАРЫЕ СОЛДАТЫ

В канун Дня Победы народов нашей страны в Великой Отечественной войне (1941 — 1945 гг.) с немецко-фашистскими захватчиками корреспондент газеты встретился с ветеранами этой войны Петром Васильевичем Глушковым, Федором Васильевичем Воробьевым и Евгением Алексеевичем Совковым. Все они после войны многие годы работали в цехе электролиза меди.

Корр. В последее время во многих публикациях, выступлениях по радио и телевидению, на всевозможных митингах подвергаются переоценке различные события и целые периоды нашей истории. Это, в частности, касается одной из самых страшных страниц в жизни советского народа — Великой Отечественной войны. Говорят о том, что это была ненужная война, что ее и вообще могло бы не быть, если бы то или это... Каково ваше отношение к таким высказываниям?

П. В. Глушков. Я очень отрицательно отношусь ко всякого рода попыткам оценивать Великую Отечественную войну как ненужную, бесполезную. Ведь защищали-то мы свою Родину, что бы там ни говорили. И миллионы наших соотечественников отдали свои жизни за свободу и независимость Родины. Хотя бы ради их памяти не следует вести такие разговоры, я считаю.

Мы наказ Родины и свой долг перед ней, перед своим народом, своими отцами и матерями, детьми и внуками выполнили честно. Ведь если продолжить подобные рассуждения, то мы теперь можем тоже задать вопрос: ради чего в Афганистане, чужой стране, столько молодых ребят погубили? Сколько ошибок сделано! И все это ворошить, я считаю, неправильно. Ни к чему перекраивать историю в угоду каждому новому поколению. Ни в одной стране в мире не чернят так свой народ, как сейчас в нашей.

Ф. В. Воробьев. Я не понимаю тех людей, которые очень легко рассуждают о том, что мы воевали зря. Наше поколение гнило в болотах, гибло, а сегодня нас же и обвиняют. Это самая большая клевета на отцов и дедов сегодняшней молодежи.

Е. А. Совков. Я к таким высказываниям отношусь крайне отрицательно. Такого патриотизма, какой у нас был в то время, сейчас, как я вижу, нет и будет ли когда-то еще, трудно сказать. Сможем ли мы при том распаде по всем направлениям, который идет сейчас в нашей стране, воспитать молодежь в духе уважения, любви к своей Родине, своей Отчизне?

Меня очень больно все это затрагивает. Ведь уже до чего дошли — стали реабилитировать власовцев! Но я-то с ними на фронте сталкивался и что они из себя представляли, видел воочию. Спасая свои шкуры, они пошли на службу к врагу. Среди них было много бывших уголовников и уж они-то знали, что в случае чего пощады им не будет.

Поливать грязью наше участие в войне может только тот, кто не был свидетелем зверств гитлеровцев. А я видел своими глазами, что творили они, например, в лагерях смерти Майданеке и Освенциме. Я видел музей человеческой кожи с красивой татуировкой, видел настольную лампу из такой кожи. Видел горы женских кос. Мне, видавшему виды солдату, стало плохо, когда в Освенциме я увидел огромные горы всевозможной обуви — и дамской, и мужской, и детской , — и вдруг прямо перед ногами увидел крохотные детские пинетки с красными помпонами. Да, мне стало дурно, и если бы друзья не подхватили меня, я бы упал. И после этого мне говорят, что мы зря воевали? Нет. Не зря!

Корр. Вы часто вспоминаете свою боевую юность?

Ф. В. Воробьев. Почти каждый день.

— И с каким чувством?

— С болью. Думаю: вот сколько железа наш брат в себе носит...

П. В. Глушков. Да, эти годы из жизни не вычеркнешь. Я уходил на фронт с ПМЭЗа, сюда же и после демобилизации вернулся.

А детство у меня вообще было страшное. В 37-м году моего отца арестовали и только в 90-м году реабилитировали. Сколько я пережил за эти годы, сколько раз мне напоминали, что мой отец, как тогда говорили, враг народа! В декабре 1990 года я поехал в Свердловск, сделал запрос относительно отца и узнал все. 17 октября 1937 года он был арестован, а 20 нобря уже расстрелян. За что? Помню, как мать тогда сразу же уволили с работы и нас всех — а у матери было семь ребятишек — пустили по миру самым настоящим образом.

Корр. Так что у Вас были основания обижаться на ту власть, которая лишила Вас отца и детства?

П. В. Глушков. Да, много я пережил из-за этого, ведь меня и в партию долго не принимали. А я всю жизнь думал о том, чтобы получить документальное подтверждение, что отец действительно репрессирован незаконно. Вот это было для меня самое важое. Но Родина есть Родина. И во время войны я защищал ее, выполняя свой самый священный долг.

Корр. Вам не жалко, что те четыре года вашей юности пришлись на войну?

Ф. В. Воробьев. Кто любит свою Родину, никогда не будет обижаться на то, что так случилось. Требовалось защищать Родину — и мы защищали ее.

А какая дружба была в те четыре года! Да, боевая дружба скреплена совместно пролитой кровью. Никаких раздоров на национальной почве у нас тогда не было, никто друг перед другом не хвастался. Одной ложкой кашу ели, из одного котелка. А сейчас что творится — все разбежались по своим национальным квартирам, воюют друг с другом, как заклятые враги.

Е. А. Совков. Если бы мы тогда не воевали, не победили врага, наш народ оказался бы в рабстве у Гитлера. А что значил его "новый порядок", очень хорошо знали жители оккупированных территорий, и не только в нашей стране, но и в других странах Западной Европы.

Во время войны я был самым молодым командиром дивизиона у себя в бригаде. В 44-м году мне еще не было двадцати двух лет. У меня в дивизионе были солдаты двадцати пяти национальностй. И мы никогда не тыкали друг друга: ты русский, ты татарин, а ты башкир.

Боевая дружба на войне складывалась по-особому, потому что там ты видел человека как на ладошке, все его отрицательные и положительные качества. Каждый из нас был уверен друг в друге и мог положиться на товарища. Громко вроде сказано: я бы с ним пошел в разведку, но очень точно. Я, командир дивизиона, был уверен, что в случае чего меня, живого или мертвого, мои товарищи вытащат. А ведь в дивизионе было больше трехсот человек, и по головке я никого не гладил, отношения у нас строились по принципу: служба есть служба.

Корр. Что бы вы пожелали сегодняшней молодежи?

П. В. Глушков. Чтобы она занималась самовоспитанием. Человеку всегда нужен нравственный стержень, а сейчас у многих молодых людей этого стержня нет. Многого в жизни молодежь еще не понимает и порой ей бывает сложно разобраться. Сейчас, к сожалению, о воспитании все забыли. И порой страшно делается, в какие руки страна перейдет через десяток лет.

Ф. В. Воробьев. А я бы пожелал молодым людям помнить родство. Все меньше остается бывших фронтовиков, бывших ветеранов труда, которые работали на предприятиях в годы войны. Они не считались тогда ни с днем, ни с ночью, ни со здоровьем — как в тылу, так и на фронте. Я бы пожелал молодежи почаще вспоминать об этих людях. Тот, кто забывает о стариках, тот не человек. Он забудет про своих отца и мать, а его дети — его забудут.

Е. А. Совков. Я желаю, чтобы родители воспитывали в своих детях честное отношение, уважение к труду. Ведь в основе всей жизни человека лежит труд. И именно с труда надо начинать всякое воспитание.

"За медь", № 18, 7.05.1992 г.

КОМУ РОССИЯ МАТЬ...

Властно ли время над прошлым? Пока есть очевидцы этого прошлого — не властно. Именно поэтому звание ветеран обязывает. Человек становится связующей ниточкой с тем временем, которое нам, более молодым, не довелось пережить. Сегодня можно как угодно переоценивать политическую подоплеку Великой Отечественной, но нельзя отмахнуться от тех жертв, которые принес на алтарь Родины советский народ. Для него война была священной, миллионы людей ушли с этой верой в могилу. И слава Богу, что есть живые свидетели тех дней, тех событий. Здоровья им и долголетия.

Накануне 9 Мая мы пригласили в редакцию ветеранов Великой Отечественной войны АО "Уралэлекромедь" Владимира Яковлевича Задорина, Евгения Алексеевича Совкова, Петра Григорьевича Чиркова. В 70-е годы была популярна песня "Не стареют душой ветераны, ветераны второй мировой..." Прошло еще двадцать лет. Они по-прежнему молоды. Физический возраст не в счет, когда живы мальчишеские воспоминания, когда молода душа. Им — слово.

П. Г. Чирков. Про нас, тех, кто остался живым, дожил до этих дней, сейчас зачастую говорят: они войны не видали. Обидно. Я до Берлина дошел, Прагу брал, Польшу от фашистов очищал. Что мне теперь, умирать? Восемь лет назад нас, участников Великой Отечественной, было на комбинате 646 человек. Сейчас только 250. Большинству из нас — за семьдесят.

Е. А. Совков. Самое страшное, что современные писатели, не зная как следует истории, хотят ее переделать. Называют Великую Отечественую войной империалистической. Советский Союз — государством- завоевателем. Но кто из них видел воочию Освенцим или Майданек? Я, прошедший войну, видевший много крови, молодой, здоровый, мне было 23 года, в Майданеке упал в обморок. Представьте себе: пакгаузы, большие склады ангарного типа — метров 100 длиной, 20 метров в высоту и ширину, и почти до потолка — обувь: ботинки, сапоги, туфли... Но что меня поразило: впереди, как будто нарочно, детские пинетки с красными красивыми шариками. Сейчас говорят, что немцы были очень гуманны...

П. Г. Чирков. Когда мы пошли от Москвы и увидели деяния фашистов, мы стали злее.

Е. А. Совков. Чтобы понять, что значило получить благодарность за взятый пункт, подписанную Сталиным, надо был воевать. Я вырос в Стерлитамаке. Занимался большим спортом. В 17 лет стал мастером спорта по плаванию, в 18 лет получил звание кандидата в мастера по конькам. В 19 лет я начал воевать, в 23 — закончил. В нашей школе было четыре десятых класса, 86 мальчишек. Когда в 1986 году мы, наконец, списались и встретились, нас осталось шестеро. Тех, кто не пришел с фронта, было 61. Я не потерял детства, но потерял юность — она прошла на войне.

В. Я. Задорин. Мы все люди разные. И я бы сказал, что фронтовая юность не была потерянной юностью. Армия всему научила. Другое дело, что после войны пришлось многое наверстывать — учиться, жениться... Но жизнь после войны сложилась удачно — были хорошие друзья, я закончил техникум, здесь, в Пышме, живу с 47-го года, с демобилизации. Сорок с лишним лет отработал на руднике, никуда не уходил. Работал механиком участка, механиком шахты. Прожил жизнь, как дай Бог каждому.

Е. А. Совков. Я не спорю, армия дала закалку. Но она могла быть без войны. Я перестал активно воевать в 1944 году, когда назначили старшим адъютантом начальника главного артиллерийского управления. А до апреля 1944 года участвовал в боях, был командиром дивизиона "Катюш". Накануне войны девять месяцев был в учебной батарее Западного особого военного округа. Потом по приказу, нас, девятерых курсантов, направили в Московское артиллерийское училище имени Красина. В Москву мы приехали в 6 часов утра 22

июня, получили увольнительную и целый день ходили по Москве, не зная, что уже война. И только 23 июня после подъема и завтрака в училище состоялся митинг — начальник училища объявил: война. Мы, девять курсантов, подали рапорт, просились на фронт. А получили пять суток ареста. Начальник училища объяснил: "Вас сюда прислали, чтобы вы стали квалифицированными офицерами".

П. Г. Чирков. Я воевал на Халхин-Голе, был на финской, всю Отечественную прошел — с начала до конца, в 1946 году демобилизовался. Был заместителем командира роты по технической части танка. И раненый, и контуженый — "щипаный" вояка.

Е. А. Совков. Я всю войну был уверен, что если со мной что-то случится, то меня, живого или мертвого, мои офицеры, мои солдаты вытащат. Мы воевали на Западном фронте, когда немцы усиленно шли на Воронеж и на Сталинград. На Западном фронте дивизионы "Катюш" называли волчьими дивизионами, потому что под Москвой сеть дорог развитая, и нас перебрасывали с участка на участок. В составе дивизиона попал я под Сталинград. Наши позиции были как раз напротив Мамаева Кургана, на территории завода "Красный Октябрь". Командира дивизиона убило, я исполнял его обязанности. Когда сдавал дивизион, от 12 установок осталось 8. Под Сталинградом воевал до полного уничтожения Сталинградской группировки. Последний залп под Сталинградом сделал 2 февраля 1943 года. После этого уехал ремонтировать технику в Москву, там у нас была основная ремонтная база. Потом — Брянский фронт, I Белорусский, II Белорусский, Великие Луки, Витебск, где я практически закончил войну.

В. Я. Задорин. Я один из тех людей, которые не любят рассказывать, как воевали. Но были случаи, которые не забыть. Когда мы из Польши пошли на Кенигсберг, в Восточную Пруссию, это было начало января 1945 года. Под Кенигсбергом была артподготовка, которая длилась часов шесть. Стреляли все орудия, какие были. Я был командиром орудия противотанкового — 76 миллиметровой пушки. Выбили немцев из оборонительных линий, подошли ближе. Однажды ночью проходили один населеный пункт. Все в огне, темнота. Стоим в колонне. Попросил своих подежурить, а сам пошел портянки сушить. А тут мимо пехота проходила. Слышу, зовет кто-то: "Володька!" Со света в темноту не видно, подождал, опять зовут. Отошел от костра, смотрю — Сашка, сосед, старшина пехотного взвода. Тогда можно было бы от одной части отстать и присоединиться к другой, почему было много пропавших без вести. Саша говорит: "Я от тебя никуда не пойду". А я ему: "Сашка, знаешь, война кончается. Тебе надо идти". Проводил его, а через полмесяца получаю от него письмо из госпиталя. Выходит, только он от меня ушел, как ранило его. Вот такой случай был. Домой он вернулся, но жизнь не пошла. И вскоре от ранения умер. Война была работой, смертельно опасной работой.

Е. А. Совков. Страх всем людям присущ. Но если надо — зажмешь страх, потому что приказ надо выполнять. Чувство "надо" подавляло все остальные.

П. Г.Чирков. Да, за нами вся страна стояла. Бывало, танк подорвется, гусеницу порвет, думаешь, все, конец. Вылезешь из танка — ничего, вроде живой. Перед атакой давали нам сто граммов фронтовых — спирт. Но перед атакой я сам не пил и другим не давал, потому что соображение не то. Другое дело — после атаки, когда все позади. Говорят, у страха глаза велики. Был у нас один поляк — заряжальщик снарядов в танке. Слабенький, снаряд весом 80 килограммов еле поднимал. Как-то прямо на наш танк "Тигр" пошел. Так этот поляк снаряд схватил да как шлепнул по "Тигру". Умирать-то кому охота.

Е. А. Совков. Кому я на войне не завидовал, так это морякам и танкистам, не зря Т-34 называли братской могилой на четверых.

П. Г. Чирков. Да, без прикрытия пехоты танкисты как без глаз. А самое страшное оружие против танков было фауст-патрон. Дальность боя у него невелика — 150 метров, зато бьет наверняка. А стреляли фауст-патронами в основном смертники. Помню, зашли мы в

Дрезден — в городе никого нет. Остановились колонной. Танки я размежевал, поставил их друг от друга метров через двенадцать. Один танк остановился как раз напротив подвальчика. А там старик-смертник засел. Саданул он из фауст-патрона — и нет танка. Смертники-вервольфы в немецкой армии были обычным явлением.

Е. А. Совков. К началу войны у нас были танки КВ — Клим Ворошилов. Тяжелые, с крепкой броней. И вот под Сталинградом я увидел КВ, прошитый насквозь. Заинтересовался: чем можно пробить башню? Оказалось — подкалиберные снаряды. Война — разрушительная вещь. Но если бы не она, до многого в области техники мы дошли бы не скоро.

П. Г. Чирков. Да, на войне было так — бей врага и учись у него. Если бы не было потерь. На финской войне засекли мы как-то "кукушку" — финского снайпера. Нас было трое. Я — старшина. Говорю: "Давайте окружим его!" Вдруг бежит Лешка — ротный писарь, кричит: "Не стреляйте! Войне конец!" А снайпер по Лешке прямой наводкой и спокойно слезает с дерева. Политрук прибежал: "Не стрелять. На ком-то надо остановиться". Говорю ребятам: "Ведите в штаб". Повели и за попытку к бегству пристрелили финна. За Лешку.

Перед самой победой в Отечественной мы получили приказ: взять Прагу, уничожить остатки фашистов. Немцы не ожидали, что мы пойдем через горы. А мы рискнули, на танках, под углом 30 градусов. Не шли, рвались, думали: добьем и баста.

Е. А. Совков. Я прилетел из Берлина в Москву рано утром 8 мая. Вылетал из Берлина, мы слушали проповедь Кентерберийского епископа, англичане вовсю праздновали Победу.

9 мая 49 лет назад пришла Победа. На Красную площадь невозможно было попасть. Люди ликовали. А потом восстанавливали города, обустраивали свою жизнь. "Самое страшное, — сказал напоследок Евгений Алексеевич Совков, — что мы растеряли патриотизм, который был и до и после войны. Что такое Россия сегодня — государство, у которого нет даже границ?" Кому Россия мать, кому — мачеха, сейчас трудно разобраться. Но ветераны остаются ей верны. И не потому, что им поздно и некуда бежать. "Есть разные люди, — добавил Владимир Яковлевич Задорин. — Приходилось мне жить и за границей, но всегда тянуло домой". Тянуло, как к матери. России всегда везло на сыновей.

Марина ОСЕНКОВА, Ольга ПАВЛОВА.

"За медь", № 17, 2 — 8.5.1994 г.

ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛИ, ПОЛ-ЗЕМЛИ...

Вспоминают: Аглям Гимазетдинов

До войны я работал в электролитном цехе, в армию призвали в 1942 году. Учился на связиста. И — сразу под Москву. Оттуда начался мой боевой путь в составе 466-го артиллерийского полка. Воевал в Белоруссии, участвовал в боях на Орловско-Курской дуге, в Воронеже, форсировал Вислу, Одер, освобождал Польшу, дошел до Берлина.

Служба связиста — катушку на спину и вперед. Страшно было только в начале. Многие из молодых даже плакали. А потом сердце будто окаменело. О смерти не думаешь. Только вперед и вперед.

На Курской дуге меня ранило в ногу, контузило, лежал в госпитале.

В памяти остались многие события, особенно - трагические. Никогда не забуду, как форсировали мы Одер. Очень много людей там погибло. Плавать-то умели не все. Кто за бревно хватается, кто за доску... За форсирование Одера получил медаль "За отвагу".

Победу встретил в Берлине. Трудно передать, что творилось в этот день на улицах города. Кто плачет, кто смеется, кто вверх палит. Тогда мы об орденах, медалях не думали. Счастливы были, что в живых остались.

Иван Сергеевич Дербенев

Я начал войну с обороны Москвы. Служил в пехоте. В первых же боях меня ранило. Три месяца пролежал в госпитале. А потом всю войну прошел с танковой бригадой — от Москвы до Берлина.

Первое время бои были очень тяжелые. Я воевал на танке Т-34. Сколько сложных моментов пришлось пережить! Представляете, например, что значит танковой бригаде перейти реку? Хорошо, если неглубокая.

Вообще-то моя гражданская специальность — строитель. Но вот война заставила технику освоить. Сначала, как говорил, на танк сел, а потом стал ремонтником, следил, чтобы техника была на ходу. Случалось отправлять танки и на базу ремонта, эвакуировать. Война технику не щадила, как и людей.

Мы, как танковое подразделение, воевали по графику. Месяц воюем, потом на отдых, на пополнение. Так и дошли до границы. Потом была Польша, Германия.

День Победы встретил в Берлине. Был у Рейхстага, у Браденбургских ворот. Незабываемый день. А демобилизовался только в декабре 1945 года.

Алексей Степанович Пономарев

На Медный Рудник родители привезли меня в 1937 году. Окончил ФЗО, распределили меня в Каменск-Уральский на электростанцию. Там и работал, когда началась война. В 1943 году узнал, что формируется Уральский добровольческий танковый корпус. Вместе с друзьями решили проситься туда. Военком первый раз мое заявление отклонил: в тылу тоже работать надо было кому-то, да и роста я небольшого был. Дал военком время подумать, а через две недели повестка пришла.

Отправили нас в Дегтярку, где формировался корпус. Я хотел в танкисты, но к тому времени все три танковые бригады — Челябинская, Свердловская и Пермская уже набрали. Формировалась мотострелковая, в нее-то меня и зачислили пулеметчиком. В мае мы принимали присягу. Приехали мои мать и сестра.

Первое боевое крещение я принял на Орловско-Курской дуге. Страшнее этого сражения я позже не видел. В третьем часу утра мы заняли оборону. В начале четвертого начали бомбить. В ход пошли все виды оружия. С нашей стороны долбили часа два. После артподготовки началась танковая атака. Но танки прорваться не сумели: мы стояли в низине, а немцы на высоте. Нас от немцев отделяла только маленькая речка, которая для наших танков оказалась серьезным препятствием.

На вторые сутки мы пошли в рукопашный бой. В то время это было нормой. Били кто кого. К вечеру на третьи сутки разведка донесла, что немцы удрали на пятьдесят километров и мы пошли в наступление. Подобные по тяжести бои на моей памяти были только в Праге и Берлине.

Берлинскую операцию мы начали 16 апреля и закончили 2 мая. Все знали, что вот-вот Г. К. Жуков подпишет приказ о капитуляции Германии. После взятия Берлина нас сразу перекинули на Прагу. 9 мая И. В. Сталин объявил, что война окончена и только небольшая группировка продолжает оказывать сопротивление советским войскам в Чехословакии. Это были власовцы. И дрались против нас они сильно. Все-таки русские люди. Бои в Праге закончились 14 мая.

Начал я войну пулеметчиком, а потом кем только не был — и сапером, и связистом, и на танке воевал. Сам был ранен и многих с поля боя вынес. Помню, как во Львове шли сильнейшие уличные бои. Вынес я из-под пуль одного раненого. Оказалось — легендарная личность — Ишмухаметов. За Львов ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Мы с ним после войны встречались.

Габдула Габдрахманович Валеев

Родом я из Татарии, оттуда и на войну уходил. Попал в первый запасный полк. Направили нас под Сталинград. А мы знать не знали, что такое война. Привезли нас поездом ночью на станцию Филоново, в поле. Только стали из вагонов выгружать, откуда ни возьмись — немецкие самолеты, как начали нас бомбить. Во всем эшелоне нас было человек девятьсот, после бомбежки осталась половина. Сформировали из нас два полка. А мы — семь человек — из одной деревни были. Шестеро из нас в один полк попали, в одну роту.

Выдали нам настоящие ружья, патроны (до этого с деревянными винтовками учились), командир полка говорит: "Проверьте!" Мы давай стрелять — бах да бах. Еле остановились.

Часа в четыре утра нас подняли, и на передовую. Светает. Идем строем. Где труп лежит, где снаряды взрываются, пули шальные пролетают. У нас разговоры пошли: разве это война? Тут не то что не убьют, а даже не ранят. Скорее хотелось увидеть настоящую войну. По-настоящему миномет начал лупить, когда рассвело. Снега было мало, земля мерзлая, окопаться негде. Под вечер пальба стихла. Но к ужину из двухсот пятидесяти человек вышло только пятьдесят. Повар спрашивает: "Где остальные?" А где же им быть, когда из своих деревенских двоих я сразу потерял. Одного с тяжелым ранением унес санитар, а у другого кишки сразу вылетели. К следующему ужину из пятидесяти человек осталось двадцать. За неделю измолотили нас.

Под Сталинградом бои тем временем закончились и нашу дивизию отправили на формирование под Воронеж. Сделали себе казармы. Живем. Вдруг военная тревога. Думали — ученья. Оказалось нет. Так пешком и дошли до Курска.

Июль. Мы на марше. Вдруг — танк немецкий. Не знаю, в курсе были командиры или для них эта встреча была тоже неожиданной, только увидели мы невдалеке кустарник, и туда. Смотрим: вслед за танком солдаты немецкие идут. Неделю сидел наш батальон на болоте и никто нас не искал — ни свои, ни немцы. Командир батальна опытный был, сталинградский. Через неделю немцы стали отступать. Мы — за ними. Так ведь не догонишь: они-то на танках, а мы пешком.

Потом, в конце июля, на одной железнодорожной станции в районе Белгорода у нас тяжелый бой был. Как раз пришли новые пулеметы и мне как станковому пелеметчику предложили один опробовать. Только я отказался, не захотел свой "максим" менять. Говорю: "У меня в красноармейской книжке этот пулемет записан, с ним и умру". Так вот. Немцы наступают, а "максим" вдруг отказал. Второй номер говорит: "Ну, помирать, так с музыкой". А я не верю, что конец. Снял замок, смотрю — пружина сломана. Поставил новую и как начал поливать немца.

После боя вызывает меня командир батальона: "Мы вас представили к награде". А я: "Награда — не награда, умирать не хотелось". К наградам нас восемь человек представили, а когда в августе вручали, в живых осталось только двое.

На войне много значит командир. Уже под Харьковом к нам пришел лейтенант, молодой, необстрелянный, только из училища. И по незнанию выбрал такую позицию, что мы оказались отличной мишенью. Бежать было поздно. Как раз под обстрел немецкого миномета попали. Одна мина — недолет, вторая — перелет, а третья нас накрыла. Открываю глаза, а их будто припорошило. Второй номер согнулся и череп у него раскрыт, командир расчета тоже убит. Смотрю, а у меня кисть буквально на "нитке" висит. Смотреть-то смотрю, а ничего не слышу и не чувствую. Вдруг кровь как хлынет. У меня бритва была. Резанул... Перевязал руку и по бурьяну вперед. Пушку увидел, сорокопятку, думал помогут. А жара была невыносимая, градусов тридцать. Стал приглядываться. Только голову поднял — автоматной очередью пилотку сбило и погон срезало. "А, — думаю, — была-не была". Встал и побежал. Опять как свистнет. Метра на три откинуло. Смотрю, у одного сапога носок оторван, у другого пятка. А боли нет. Рядом старый окоп был, во весь рост копан. Я в него.

Думаю: "Умру — могилу рыть не надо". А потом то ли уснул, то ли сознание потерял: трое суток не пил, не ел. Очнулся — звезды и будто кто-то кашляет. А у нас так командир батальона прикашливал. Я начал кричать: "Товарищ капитан, товарищ капитан!"

В госпитале ничего не ел месяц, только пил. Веса было во мне 42 килограмма. Когда поправился и стали комиссовать, врач сказал: "Не думал, что этот человек выживет". А вот выжил.

Алексей Иванович Мигушев

Призывался я из Горьковской области 8 января 1943 года. Сначала в Казани учили нас на младших командиров, а потом — в эшелон и повезли. Два дня пробыли в лесу, а на третий день на рассвете — бой. Винтовки нам не дали, сказали:"В бою добудете". Ну, ничего не поделаешь. А со мной украинец был, коренастый такой мужик. У него винтовка была. Как пошли в штыковую, этот мужик на моих глазах четырех немцев заколол. На штык берет, через себя перебрасывает и прикладом лупит. Жутко. Мы бритые наголо были, а казалось, волосы от ужаса дыбом встали.

Воевать я начал на Украине, участвовал в боях на Курской дуге. Командовал отделением. Помню, как форсировали Днепр. Разобрали полдеревни на плоты. Погрузили на них человек по сорок. Тонут плоты, ничего не выходит. Вдруг сухонький такой паренек говорит: "А что, если форсировать вплавь". Так и сделали. Собрали небольшие плотики, погрузили на них обмундирование в вещмешках и — вперед. Было это в конце октября. Вода холодная, но переправились.

Потом освобождали Белоруссию. Дошли до пинских болот. В ноябре 1944 года меня ранило в ногу осколком. Санитаров не хватало. Командир подошел: "Что, ранило? Ползти сможешь?" Полз я километра два. Вдруг: "Стой!" Наши были. Довели до кухни, потом доставили в госпиталь. Ногу хотели ампутировать, на счастье хирургом оказалась землячка. Четыре операции сделали, а ногу спасли. На том война для меня и закончилась.

Алексей Дмитриевич Махновецкий

До войны я жил на станции Шувакиш, в армию призвали в 1940 году. Призвать-то призвали, а повестки все не было. Поехал я сам в Орджоникидзевский военкомат. Военком и говорит: "В танковую часть ты по росту не подходишь, там предел — метр семьдесят, а у тебя метр восемьдесят три. Будет отправляться 55-я команда на Тихоокеанский флот, туда и пойдешь". На флот мне посчастливилось попасть вместе с другом, 23 февраля приняли присягу. Зачислили нас в береговую охрану.

Служба нравилась: строгая, но посильная. Неожиданно 18 мая 1941 года старшина роты построил нас, привел на вещевой склад и скомандовал: "Раздевайтесь!" Сменили мы форму на стройбатовскую и стали работать на укреплении аэродромов Тихоокеанского флота. Нас было 1200 человек, да 5000 заключенных. Взлетные и посадочные полосы были в то время небетонированные. Мы бетонировали их и строили новые аэродромы.

В августе 1942 года нас направили на запад, в Казань, где формировалась восьмая отдельная лыжная бригада. Учились ходить на лыжах по специально проложенным, засыпанным хвоей канавкам, стреляли в рост, с колена. В конце декабря мы были уже под Воронежем. Там в деревне Верхнеатамановка наша бригада потерпела поражение. Недооценили силы противника, у которого была артиллерия, минометы, пулеметы. Пришлось отступать. Из десяти тысяч в живых осталось 112 человек. В Белгороде нас зачислили в саперно-маскировочную роту. Не успели обмундироваться, как Белгород начали бомбить немцы. Пришлось снова уходить. Дело было весной, а мы — в валенках. Так и шли в воде по колено.

Перед Курской битвой наша рота была преобразована в 154-ю отдельную роту химзащиты. Командование было обеспокоено тем, что терпящие поражение немцы могут

применить химическое оружие. Причислили нас к 1-й Гвардейской танковой армии, 8-му механизированному корпусу. Мы осваивали технику, учились дегазировать ее. Приходилось нам и охранять штаб танкового корпуса и помогать танкам выходить из окружения.

На Висле наша рота прикрывала переправу. Мне показалось тогда, что Висла шириной была не меньше полукилометра, а вода будто из глинистого карьера и течение быстрое. Переправили нас паромом на правый берег, и мы стали делать дымовые завесы. Шашки американские, горят десять минут. Самолеты немецкие налетят, паром не видят, давай нас бомбить. Улетят, мы из траншеи, откапываемся. Три дня так воевали. За переправу я получил медаль "За боевые заслуги". А водителем катера на переправе отчаянный парень был — Герой Советского Союза, быстро управлялся. А на каждом пароме был танк и сто пехотинцев.

Потом мне пришлось охранять капитана-шифровальщика, служившего при командире корпуса. Причем задание было такое: если вдруг капитан погибнет, шифры срочно передать командованию. Чтобы подстраховаться, когда спать ложились, я всегда закрывал капитана собой. Но смерть нас обошла стороной.

В январе 1945 года, уже на территории Германии, мы с двумя товарищами разыскивали разведывательный мотоциклетный батальон. Случалось и такое, что разведчики терялись. Связь прервется, как о себе дать знать? В то время в лесах было много "бродячих" немецких частей. Они могли напороться на наш батальон. Так и случилось, но разведчики успели уйти, бой принимать не стали. Мы же доложили данные о местонахождении батальона, выполнив тем самым задание начальника штаба корпуса. За эту операцию мы трое были награждены орденами Красной Звезды.

Вместе с корпусом мы форсировали Одер, три дня пробивали оборону немцев на Зееловских высотах. Во время Берлинской операции наша армия была переведена в 1-й Белорусский фронт, которым командовал маршал Г. К. Жуков.

Как мы радовались Победе! 9 мая наш корпус был в Берлине. И вот началась пальба: стреляли артиллеристы, зенитчики, пулеметчики... Мирные немцы попрятались. Потом оказалось, что в этот день от праздничных фейерверков в корпусе сгорели семь машин. Начальник штаба корпуса выстроил нашу неорганизованную армию и сообщил этот факт, а потом добавил: "Ради Дня Победы придется простить".

Из Берлина нас перевели в Лейпциг, где в составе 1-й Гвардейской танковой бригады я служил до 10 мая 1946 года.

Яков Давыдович Коковин

8 августа 1942 года. В этот день я был призван в ряды Советской Армии. Мне еще не было 18 лет. Пять месяцев учился в Вологде в отдельном учебном полку, после учебы меня определили в батарею 45-миллиметровых пушек. Но требовалась замена частей на Орловско-Курской дуге и для нас организовали учебу в минометной части. А затем отправили на Брянский фронт, где шли оборонительные бои.

Днем настоящего боевого крещения было 5 июля 1943 года. Брянский фронт готовился к наступлению и проводил артподготовку. Войска вели огонь из всех видов артиллерии, все гудело в течение 3-4 часов. Наш 237-й стрелковый полк 76-й гвардейской дивизии стоял на реке Зуше. Командование поставило задачу во что бы то ни стало занять село Никольское. Задача была выполнимая, но к этому времени наш минометный батальон уже понес потери. К тому же у немцев была более выгодная позиция: они стояли на горке, в заблаговременно подготовленных убежищах, хорошо нас видели.

Так с боями мы прошли до конца месяца. А 25 июля меня тяжело ранило. В минометном расчете четыре человека — наводчик, заряжающий, подносчик и командир. Я был на-

водчиком, мое место — слева. Снаряд упал справа, никого из нашего расчета не осталось в живых, а меня взрывной волной отбросило в траншейку и благодаря этому я остался жив. В меня попало 11 осколков: было перебито правое бедро, 4 осколка — в шее, 1 — под лопаткой. Истекая кровью, без памяти я пролежал до утра. Очнулся, когда меня везли в полевой госпиталь.

Почти три месяца лежал вначале в Туле, Верхотурье, затем в Барнауле. Поставили на ноги и отправили в Уральский военный округ в 39-й учебный танковый полк. А в январе отправили на Ленинградский фронт.

27 января 1944 года была прорвана блокада Ленинграда, а через неделю мы прибыли на Финляндский вокзал. Разгрузились и проехали на танках по израненному Ленинграду, страшно было смотреть.

Дальше наш 17-й гвардейский самоходно-ариллерийский полк направили в сторону Нарвы. Неделю шли с боями, два танка были подбиты, у нашего была порвана гусеница, мы соединяли ее во время боевых действий.

Под Нарвой был такой случай. Апрель. Болота. Дорог нет. Идет колонна танков. Встал один, за ним другой — и все: проход закрыт. Командир дивизиона сделал глупость, говорят, его потом за это расстреляли. Он приказал выйти из каждого танка по два человека, чтобы накинуть петлю буксирного троса и вытащить застрявший танк. С этим могли справиться 6-10 человек, а выскочило 30. В это время — немцы. Половина наших людей погибла. Меня ранило — и снова в правую сторону.

Около двух месяцев лежал в госпитале в Ленинграде. А затем отправили в Уральский военный округ инструктором огневой подготвоки. В апреле 1947 года вышел приказ о демобилизации. Сразу же поступил на работу на Пышминский медеэлектролитный завод, где и проработал 43 с половиной года.

Ситдик Ахметов

Меня призвали на службу в армию в октябре 1941 года, служил на Дальнем Востоке. Когда началась война, все курсанты написали рапорты с просьбой отправить на фронт. Но нам сказали: "Учитесь. Придет время — и вы будете воевать".

Учили нас хорошо. Стреляли из всех видов оружия.Тактику отрабатывали в сопках. Пока все не поднимутся на сопку, отбой не давали. Немного отдохнешь, спускаться надо. А потом командир проверит, цел ли НЗ (неприкосновенный запас). Нету? "Как же ты, солдат, воевать будешь, — говорит командир. — Привыкать надо".

На фронт нашу морскую пехоту отправили в ноябре 1942 года. 7 декабря мы прибыли в Сталинград. 9-го утром первый раз пошли в бой, дав клятву у гвардейского знамени выйти в нем победителями. И тихоокеанские моряки победили — продвинулись вперед на 20 км. Враги боялись, когда наступали морские пехотинцы с криками: "Полундра!" 10 декабря была еще одна атака — и снова наша победа! Против нас стояли отборные немецкие войска, но мы взяли верх. Я вот роста небольшого, а своим штыком заколол семь немцев.

Мы далеко продвинулись вперед и не заметили, что сзади осталась группа немцев. Я даже не заметил, как меня ранило из пулемета. Перевязали и пришлось мне пешком идти в санчасть, которая располагалась в совхозе. Было холодно, я устал и уснул по дороге. Шли пехотинцы к передовой и разбудили меня, думали, что немец. Месяц пролежал в госпитале — и опять в Сталинград, в танковый десант.

После победы под Сталинградом нас отправили на формирование. Получили новые танки. Наш танковый полк был прорывной. Где самый тяжелый участок, туда нас и направляют.

Однажды получили приказ взять населенный пункт с боя. Командир полка не подчинился приказу, сказав: "Мы возьмем село без боя". Так и получилось. Танки не сделали ни одного выстрела, потому что обошли село сзади и неожиданно появились в тылу у врага. Немцы удирали, побросав все.

Под Кенисбергом были последние бои, где я участвовал. Здесь меня ранило. Лежал в госпитале в Горьковской области. А затем меня отправили учиться в танковую роту. Демобилизовался уже в 1946 году.

Ефим Петрович Благодарев

Войну встретил на Дальнем Востоке, где служил после окончания школы младшего командного состава. Был командиром танка Т-26. 22 июня 1941 года заступил на дежурство по роте. Уже шла война, а мы ничего не знали, только в 6 часов вечера услышали по радио речь Молотова. Все мы думали об одном: Хасан, Халхин-Гол, финская война — ничто по сравнению с начавшейся войной с немцами.

Наш полк начал интенсивные учения. Я был командиром учебной машины. Весь день рота на ней училась, а мой экипаж за ней ухаживал. Измучались донельзя. Однажды днем роту отправили разгружать вагоны с углем, а нас отправили отдыхать. Была сильная гроза, а мы ничего не слышали — так крепко спали.

1 июля погрузились и двинулись на запад. Из Раздольного до Москвы доехали за 9 суток, так быстро тянули наш состав, пропуская на станциях. Примерно в 25 км от Москвы в лесу — снова учения. 22 июля немцы первый раз налетели бомбить Москву. Мы скоро на эти налеты перестали обращать внимание.

В начале сентября мы получили роту танков Т-34, это были отличные машины по сравнению с нашими Т-26, которые передвигались со скоростью не больше 30 км в час. 17 сентября нас погрузили и повезли в направлении Ленинграда, разгрузились в районе Валдая, до места назначения надо было двигаться своим ходом примерно 70 км. Т-34 раз — и там. А мы на своих танках добрались только под утро и сразу без разведки в бой. Я даже не знаю, с какой частью в этот день воевали, спрашивать было некогда. Мы вклинились в оборону противника, но нам дали жару, целым остался один только танк командира полка. Выползали из окружения трое суток, хорошо, был сентябрь, на полях можно было морковку найти.

Недолго служил на АГВ-2 (автодегазатор горячим воздухом). Всех танкистов по приказу главнокомандующего в 1942 году направляли в танковые училища. Я оказался в 43-м тяжелом танковом батальоне, здесь у меня была машина КВ. Затем отправили на формирование. В Горьком получили танки Т-34 и — на Калининский фронт. Здесь тоже, как только доехали до линии фронта, сразу в бой. Вернулись немногие. У нас осталось 4 танка, так что снова вывели на формирование. Здесь мы получили американские танки и на них вступили в бой летом 1943 года на Орловско-Курской дуге. Мы, танкисты, испытали настоящую радость: впервые мы победили и погнали противника, а до этого прятались в собственном доме. В нашем 229-м отдельном танковом полку случилась большая потеря: четыре танка пропали без вести. Командир полка дал нам разведчиков, саперов и отправил на поле боя искать танки. Смотрим, в одном месте танк, мы к нему, а там мина. Взрыв, и от танка не остается ничего.

После Орловско-Курской дуги двинулись на Днепр. Здесь меня контузило.

Пришлось форсировать много рек. Но одну хорошо помню — Вислу, где мы попали под ночную бомбежку. Мы двинулись по дороге вечером, а "мессершмидт" лавировал над нами. Как только стемнело, вокруг все засвистело, не знали, куда деться.

После Вислы прошли с боями по Германии до Берлина. Когда форсировали Шпрее, погиб мой друг Коля, с которым мы воевали вместе с Орловско-Курской дуги.

Получив танки Т-34, мы двинулись к Праге, где было восстание. Мы шли колонной, когда услышали известие о победе. День был ясный. В голубом небе над нами покружился "ястребок", помахал крыльями и улетел. Так закончилась война.

Записали Марина ОСЕНКОВА, Лидия ЗИМОВСКАЯ.

"За медь", № 5, 12.02.1995 г.

ЮНГА СЕВЕРНОГО ФЛОТА ГРИГОРИЙ ЧУПРИКОВ

Приехав в Верхнюю Пышму в начале 30-х годов, семья Чуприковых повторила судьбу многих семей того времени: люди бежали из голодных деревень. Не по призыву, не по комсомольским путевкам— по нужде ехали они на новостройки промышленных гигантов, среди которых были и Уралмаш, и Пышминский медезлектролитный завод.

На Медном руднике глава семейства Чуприковых обосновался в 1935 году, и вскоре из Туринского района, из деревни Урваново, сюда перебралась вся семья — жена и пятеро детей - четыре сына и дочь. Семья по тем меркам средняя. И жили, как жили тогда в поселке большинство.

Это сейчас Григорий Захарович Чуприков, один из тех пацанов, а теперь старший в династии, вспоминая бараки, в которых жило до ста человек, говорит: "Я той жизни не завидую". Теснота, никаких тебе перегородок, вши заедали. Но ребятня не знала взрослых проблем. А отцу, который работал на заводе грузчиком, буквально не покладая рук, за ударную работу дали жилье в двухэтажном камышитовом доме.

Еще до войны старший брат Григория Петр работал сцепщиком на мотовозе. В 1939 году пришла повестка — забрали на финскую войну. Потом — Великая Отечественная. Он не дожил до Победы сорок дней — погиб под Гданьском.

Окончив курсы шоферов, пришел на завод Иван. Его призвали в 42-м. Служил на подводной лодке.

Отца на войну не взяли — был тяжело ранен еще на первой мировой.

Григорий с друзьями то и дело бегали в военкомат, просились на фронт и — работали. Григория приняли помощником киномеханика в клуб "Цветмет". В 42-м году ему было пятнадцать лет. И считал он себя, как и сверстники, вполне взрослым. Со всей ответственностью заботился о том, чтобы вовремя привозить фильмы. Ездил за ними в областной центр. Каждое утро от завода в Свердловск уходил автобус. Обратно — на попутных. Выбирая фильм, невольно прикидывал: сколько весит? Самой большой картиной того времени был "Великий гражданин" — шестнадцать частей-катушек и каждая килограммов шесть весом.

В 43-м в военкомате друзьям дали "добро": на Соловецких островах открывалась школа юнг. От Верхней Пышмы поехали Гриша Чуприков, Аля Гурин, Толя Гребнев, Вася Колчин, Костя Власов, Коля Рыков. Кто не был комсомольцем, тут же в райкоме принимали. Со всей области набралось человек триста мальчишек. Шел август. Товарняком их повезли в Архангельск. Туда же прибыли посланцы из Московской, Горьковской, Куйбышевской областей — больше двух с половиной тысяч ребят.

Когда в 92-м году Григорий Захарович ездил на встречу юнг в Архангельск, в живых из 300 свердловчан оставалось сто юнг.

В школе юнг учились девять-десять месяцев на радистов, рулевых, боцманов. И не забывали посвятить ребят в историю русского флота. Жили курсанты в землянках и в кельях монастырского кремля. Теорию и практику профессий осваивали всерьез, знали — на корабле у каждого свое назначение. Звание юнг было утверждено официально, и ребята с гордостью носили его до восемнадцати лет, когда по рангу переходили в матросы. Из школы юнг одних направляли на Северный флот, других — на Балтику, третьих на Черное море. Брали их в основном на малые военные корабли — торпедные катера, "охотники", эсминцы. Валя Гурин, который после окончания школы служил мотористом на торпедном катере на Балтике, одним из первых среди юнг в 44-м году получил медаль Ушакова — за участие в морских сражениях при взятии порта Пиллау. Для моряков эта медаль больше, чем орден. Награжден ею и Г. З. Чуприков.

После школы он стал радистом на "охотнике". Сопровождал те самые караваны, о которых рассказывал В. Пикуль в своем "Реквиеме". Помощь от Америки, Англии шли к нам в основном по северному морскому пути вокруг Скандинавского полуострова. Норвегию, которая протянулась вдоль северного края полуострова, немцы оккупировали в начале войны. По водному коридору между Скандинавией и кромкой вечного льда шли караваны.

Григорий Захарович служил во Втором Гвардейском Краснознаменном дивизионе малых "охотников". В дивизионе было десять катеров, два из которых в войну погибли. На вооружении "охотника" были акустические приборы и глубинные бомбы. А когда немцы стали активно атаковать с воздуха, поставили еще три зенитных пушки и два крупнокалиберных пулемета.

Караван все равно, что город на море: 28-36 грузовых транспортов водоизмещением до двадцати тысяч тонн. Каждый транспорт — как шесть железнодорожных эшелонов. Охрана — линкоры, авианосцы, крейсера, подводные лодки, "охотники".

Караваны принимали на границе с союзниками — возле острова Медвежий. И сопровождали до места. Шли потихоньку — по восемь узлов в час. Шли осторожно, нащупывая каждый шаг, потому что оплошность могла оказаться смертельной.

— Во флоте так, — рассказывает Григорий Захарович, — или всех награждают или все погибают. Правда, если сбивали самолет, то главные награды — комендорам, подводную лодку потопили — награждают акустиков, которые ее "нащупали", минеров, которые сбрасывали бомбы, мотористов, которые выдерживали нужную скорость. Глубинные бомбы бросали на предельной скорости, чтобы самим не подорваться, а если шторм пять и более баллов — попробуй, набери скорость. Да и немцы не дураки: в шторм их подводные лодки поднимались выше, по шуму моторов сразу определяли класс нашего корабля и что от него ждать. Если эсминец — уходили сразу, потому что знали: достанет на любой глубине. "Охотник" в шторм был опасен глубинными бомбами.

Но воевать приходилось не только на море. Медаль Ушакова Г. З Чуприков получил за боевые действия в октябре 1944 года. Нашим генштабом была разработана операция по освобождению портов Печенги и Линахамари. "Охотники" шли с десантом. Впереди них — торпедные катера, которые должны были торпедировать немецкие корабли, стоявшие у причала, и установить дымовую завесу. Залив охранялся зенитными батареями, пулеметами. Катера-торпедники свою задачу выполнили быстро: у пирса стоял всего один транспорт. Подошли "охотники". На борту — по полсотни человек десанта. Высадили десант и начали из всех своих орудий "поливать" огневые точки, которые немцы разбросали в сопках. В десанте участвовали и пять человек с "охотника". Среди них — Григорий Чуприков. Бой продолжался четыре часа. Похоже было, что немцы не ожидали удара с моря. Они ждали нападения с суши. Так что морской десант облегчил задачу нашим сухопутным войскам. Печенга была очищена.

А до окончания войны оставалось еще много месяцев. И снова "охотник" шел в конвое, охранял караваны или выходил в дозор. Демобилизовался Григорий Захарович Чуприков в 1948 году. Вернулся домой, как и брат его Иван.

Больше двадцати лет после демобилизации работал на Пышминском медеэлектролитном заводе — электриком, инженером отдела главного энергетика, заместителем начальника, а потом начальником теплотехнического цеха. Рос завод, менялся буквально на глазах. До сих пор Григорий Захарович вспоминает те интересные, насыщенные событиями дни: и как "Селен" строили, и как на спортивные соревнования собирался чуть не весь город.

— Если хочешь сделать что-то большое, — говорит Григорий Захарович, — трудись коллективом. Потому мы и войну выстояли, и страну отстроили.

Сейчас Г. С. Чуприков на заслуженном отдыхе. Но династию Чуприковых продолжила дочь Ирина, она работает нормировщиком в медеплавильном цехе, а зять Григория Захаровича — мастер в химико-металлургическом.

Марина ОСЕНКОВА.
"За медь", № 10, 3.3.1995 г.

* * *

Большое видится на расстоянии"... Правда войны открывается без прикрас. Сегодня фронтовики, которые с нами, рассказывают о тех днях, как будто это было вчера. Им, оставшимся в живых, повезло. Тогда, на войне, они не загадывали, как сложится в дальнейшем их жизнь. Они просто работали на Победу, они знали: так надо.

Иван Иванович Розин

В армию меня призвали в 39-м году, во флот. Уходил из Верхней Пышмы, где работал на медеэлектролитном заводе автогенщиком в теплотехническом цехе. Сюда же вернулся после войны.

До войны во флот брали на пять лет. Так что к началу войны мы уже крепко сдружились. А застала меня война на Балтике. Честно говоря, до самого последнего момента мы не верили, что война может начаться, наивно верили: Сталин не допустит.

Начал воевать я в составе бригады морской пехоты. С нашего корабля в бригаде было шесть человек. Формировалась бригада в Казахстане. В ноябре нас погрузили в эшелоны и повезли под Москву. Стояли в резерве на станции. Правда, в обороне Москвы участвовать не пришлось. А в начале января 42-го года перебросили на Западный (тогда называли Калининский) фронт.

Под Старой Руссой шли страшные бои. Операция называлась "многослойный пирог". Русса несколько раз переходила из рук в руки — то наши там, то немцы. Воевали в лесах. Как у Твардовского: "крыша — небо, хата — ель". За полтора месяца в хате ни разу не ночевали. Да и какие хаты, когда все сожжено. Окапываться было нельзя. Шли по болотам, копнешь — вода. Сколько в тех болотах солдат полегло... Рассказывать, как оставляли полумертвых-полуживых и сейчас тяжело. На 26 февраля от нашего батальона осталось всего 47 боеспособных солдат. Это из нескольких сотен человек.

Я был посыльным между штабами батальона и бригады. Все время — в дороге. Так в дороге и настиг меня осколок, ранило в голову. Верный товарищ еще по корабельной службе, перевязал, назвал счастливчиком и отправил в госпиталь.

А после госпиталя пошла другая жизнь. Я попал в реактивную артиллерию. Все знают реактивные установки, которые называли "катюши". А были еще и "андрюши" — более мощные. Вот на "андрюшах" и пришлось воевать.

Наши части были резервом главного командования. Частенько нас перебрасывали с места на место. Бывало за ночь километров по 200-300 делали.

Конец войны встретил в Чехословакии, под Прагой, в городке Оломоуц. Там, возле костела, хоронили мы своих товарищей, погибших в последние дни войны.

9 мая утром узнали, что войне конец. Пир закатили горой. А потом еще, как говорил Сталин в приказе, доколачивали немцев. Демобилизовался я в мае 1946 года.

Вспоминая войну, вспоминаю друзей. Многие не дожили до Победы. В один взвод попали мы с корабля со Степаном Ильичом Косиновым, его убило наповал. А Василий Демьянович Догоненко, его ранило раньше меня, в ногу, когда я его перевязывал, сказал: "Выживем, Ванька". Так больше и не увиделись.

Разные люди встречались. Были и такие, что не брезговали чужими вещами, даже с жи-

вых снимали. А были и другие. Хотя бы астраханец Корней Алесандрович Баздеров. По тому времени он на две головы выше меня был — образование десять классов, у меня — пять. В то время со средним образованием на десяток один человек приходился. Очень хорошо развит был: пел недурно, на пианино играл. У нас в расчете трофейный патефон был с пластинками. Заведет он пластинку — вступление к опере "Сорока-воровка", а мне говорит: "Ты ложись, слушай, а я рассказывать буду". Хорошие друзья были, да после войны рассыпались все кто куда. У каждого своя жизнь.

Но День Победы — это день, который для себя мы будем отмечать всегда.

Сергей Иванович Топорищев

На войну я ушел в 43-м, в семнадцать лет. Нас, молодежь, напослед забирали, старшее-то поколение все давно воевало. Отец мой еще в 41-м ушел, как и все мужики в деревне. А жили мы тогда в Курганской области, в Шадринском районе. Погрузили нас в телячьи вагоны и в Чебаркуль. Зиму учили, а в мае 44-года — на фронт, в Белоруссию. Первый эшелон, который раньше нас ушел, немцы до Белоруссии не пустили, разбомбили. Ну а нам сразу пришлось маршировать. Днем лесами шли, ночью — где за городом, где — деревней. А деревни — одни трубы торчат — все выжжено, все разбомблено. Был я третьим номером на станковом пулемете — ленты подтаскивал.

Война и есть война: повидал всякое. Помню, как в первый раз мы реку форсировали. Нас, кто ростом поменьше, отобрали в две группы и на берегу оставили, а остальная пехота с винтовками, карабинами — в воду. Немцы открыли огонь. Почти вся наша часть полегла. Даже раненых мало было — всех потопили в реке.

После этого направили нас на переформирование и переобучение. Кого на сапера учили, кого на разведчика, кого на связиста. Я стал телефонистом. Дали катушку, аппарат и приставили к командиру роты. Так и шел за ним, связь поддерживал. В одном из таких переходов отстал. Повреждения случались часто: то мина, то снаряд линию перервут. Пока восстанавливал, командир роты ушел еще дальше. Только хотел догонять — опять порван провод. Я — восстанавливать. И попал под прицел снайпера. Разрывная пуля в левое плечо вошла и сделала во мне такую дыру — смотреть страшно. Четыре часа я лежал раненый. Пока светло было, снайпер не давал подняться. Только пошевелюсь — он меня из пулемета пригнет. А как стемнело, подползли и наши ребята, перевязали и в госпиталь.

Месяц в госпитале лежал, а как температуру сбили, нас, "грудников" — с ранениями груди, на самолет и в Горький. Сделали мне три операции, четыре ребра удалили. Когда пришел в сознание, сам стал на перевязки ходить, медсестра принесла зеркало, показала брешь в теле — все видно было: и горло, и как сердце бьется. Долго рана заживала. Даже День Победы как в тумане помню — лихо было.

После войны вернулся в свою деревню. И отец пришел, его в руку ранило. Еще один сосед вернулся. Единицы пришли, а на войну машинами увозили.

Долго еще рана о себе давала знать. Домой-то не отдыхать приехал. Надо было по хозяйству заботиться. Где вымокнешь, где застудишься, вот и нарывали раны, мучили. Но выжил.

В 1952 году приехал в Верхнюю Пышму, устроился на завод в охрану. Так и работал.

Петр Васильевич Турчанинов

Я был не новичок на войне, в армию призывался еще в 39-м. После финской вернулся домой, работал, а в июне 41-го отдыхал в Доме отдыха. Не успел домой приехать, как сразу повестка, на третий день войны. На Уралмаше, в 68-й школе, формировалась наша двадцать вторая армия, через месяц мы уже были на фронте.

Был я шофером, и повидал всякое. И хотя воевал недолго, до ноября 1942 года, до того

дня, как второй раз ранило, все помню очень хорошо. Как дороги ремонтировали и попали под обстрел немецких танков — было это под Великими Луками. Как из окружения солдат вывозил, полный кузов, а немцы на пятки наступали — сзади на мотоциклах едут так близко, что палкой достать можно, а мы все же прорвались. Потом мы по дороге один наш автобатальон развернули, который, не зная того, как раз шел навстречу фашистам... Помню, как после первого ранения попал я в другую армию — десятую, как возил на "Эмке" командира штаба армии, как работал потом на полуторке и развозил снаряды по батареям...

А вот уж после второго ранения вернули меня в Свердловск, где я и лечился в госпитале. Дали инвалидность, и я опять пришел на завод, и тут продолжал шоферить — возил директора, главного инженера, профессоров разных на завод доставлял — машина-то ведь тогда одна на всех начальников была, не то, что сейчас.

Вспоминаю, как все радовались Победе. В тот день я хотел мотор ремонтировать, а мне директор: "Какой мотор — Победа! Водку надо пить!" Для всех заводчан, для всего города праздник был.

Федор Васильевич Воробьев

Я воевал с 38-года по 46-й. На Халхин-Голе, в польской войне и финской участвовал. Карельский фронт, Сибирская 114-я дивизия, 563-й полк — там служил я разведчиком. Ранило меня четырежды.

Чего только не случается с солдатом на войне, а особенно за такой долгий срок службы. Однажды довелось мне даже роды принимать. Было это в 43-м, после очередного ранения. Я тогда из госпиталя сбежал, не долечившись, потому как начальник политотдела мне давал наставления: чуть только оклемаетесь, в госпитале не задерживайтесь, идите в часть. Я и сбежал. Всего-то 10 километров не дошел до передовой, решил в деревне какой-то на ночлег остановиться. В один дом зашел, в другой — нет никого. Зашел в третий, а там одна женщина на сносях, и, говорит, рожать собралась. "Иди, — говорит, — спи, а если что, поможешь, все на столе приготовлено — вода, мыло, полотенце". Сплю. Вдруг слышу — крики. Соскочил — кто, где? Оказывается, женщина рожает. Я и давай помогать: она подсказывает, я, что надо, делаю. Справился — парень родился. А я опять спать лег со спокойной душой. Проснулся, тут уже и бабка-повитуха пришла — опоздала она, меня похвалила. А женщина говорит, будешь жив, заходи обязательно. Но мне так и не пришлось их навестить.

А как Победу встретил? В Норвегии дело было. Командир полка приказал пакет доставить в другой полк, километров за двадцать. "Причем, — говорит, — два часа тебе на дорогу, если за это время не доставишь пакет, весь полк погибнет". Выдержал я, успел. Принес и докладываю — срочное что-то — два часа всего дали. Командир пакет прочитал, да как схватил меня в охапку, обнимает изо всех сил. Думаю, что это с ним случилось? А он: "Какую ты добрую весть принес — война-то закончилась!" Вот тут и началось: кто ревет, кто поет. А я автоматом занялся — то его разбираю, то собираю, то чищу, все поверить никак не могу, что войне конец. Ну, а прослужил я еще больше года, до 31 августа 46-го.

Записали Марина ОСЕНКОВА, Ольга ПАВЛОВА.

"За медь", № 16 24.4.1995 г.

"МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ НЕ ОТСТУПАТЬ"

21 июня 1941 года они получили аттестат зрелости. 22-го отдыхали на Балтыме. Когда Иван пришел домой, отец сказал: "Ну что ж, готовься, скоро призовут. Война". Как вспоминает Иван Семенович Узенцев, паники в городе не было. Напротив, подъем, энтузиазм. Многие шли добровольцами. Война не пощадила никого. Да и кто мог подумать, что будет она такой затяжной, кровавой.

Сказать, что классу, в котором учился И. С. Узенцев, повезло выжить, может быть, не совсем тактично: на Великой Отечественной погибли трое его одноклассников. Но тринадцать вернулись. С ранами, которые не давали спать по ночам, а кого-то раньше времени свели в могилу, и все-таки вернулись. Воевали девочки — защищали небо Москвы. И тоже вернулись. Каждому досталась своя война. Самые тяжелые и самые памятные для Узенцева воспоминания связаны с Крымом — он освобождал Керчь. "Мне посчастливилось, — говорит Иван Семенович — я ни разу не отступал. Когда в 42-м году попал на фронт, там уже был стабильный фронт. Как сообщали в сводках, шли бои местного значения".

До призыва Иван месяц проработал в шламовом цехе. Туда же, в цех, он вернулся после войны. И уже в мирное время к боевым наградам добавились медаль "За трудовую доблесть", орден Октябрьской Революции. Но это было позже, много позже. В 41-м об этом даже не мечталось. Слово — И. С. Узенцеву.

"Три месяца — с сентября по ноябрь я учился в Свердловске — на Сталинских курсах радистов. В январе 42-го направили на фронт, в район Валдая. Зачислили в истребительный отряд уральского лыжного батальона. Батальн был создан по приказу Сталина для уничтожения внезапно прорвавшегося врага. Все в батальоне были лыжники и ребята грамотные — после десятилетки или первого-второго курса УПИ. У меня в то время по лыжам был второй взрослый разряд.

Вроде все мы были значкисты, все физически подготовленные, но не сразу "притерлись" к боевой обстановке. Первое время с головой в снег зарывались. Как пойдет пальба — спереди рвется, сзади рвется — все, думаем, в окружении. Попасть под пулю — дело нехитрое. Никогда не забуду, как друг фронтовой, Федор Николаев, спас меня от смерти: я был под прицелом автомата и не замечал. А он увидел и уничтожил автоматчика.

В одном из февральских боев меня ранило. И много наших в госпиталь поступило. Спросил про Федора, оказалось, погиб.

После выздоровления попал в морскую бригаду, уже радистом, под Старую Руссу. А в августе 42-го нас перебросили на Северный Кавказ, под Орджоникидзе.

Хорошо помню 3 ноября, как отобрали нас, комсомольцев, для десанта под Керчью. Участвовало в десанте человек триста. Керченский пролив — три километра. Высаживались под утро — бомбежка страшная. Из всего отряда осталась половина: больше утонуло, чем убили. Бомбили катера и баржи, на которых были солдаты. Я тоже "плавал", подобрали.

Начальником связи нашей морской бригады был Брославкий — поляк. Он за эту операцию получил звание Героя Советского Союза. Когда высадился десант, командир отряда погиб, и Брославский, как старший офицер, возглавил операцию: пролив форсировали, плацдарм заняли и сумели укрепиться. Меня представили к медали "За отвагу".

До апреля держались за свой клочок земли. Особенно трудно было с водой. Пресная вода — только в колодцах, вокруг море. К одним и тем же колодцам шли то наши, то немцы.

11 апреля началось освобождение Крыма. В первую очередь подошли механизированные войска. После сильной канонады наши передовые части освободили Феодосию, это 80 километров от Керчи. Началось массированное наступление.

В течение буквально месяца отдельная Приморская армия, которой командовал генерал армии Петров, освободила весь Крым. 9 мая был взят Севастополь, 12 августа закончилась операция в Крыму, в плен было взято около 22 тысяч немцев.

Тогда же начали выселять крымских татар. И вся наша армия осталась убирать урожай — кому-то надо было это сделать. До сих пор не понимаю, почему целый народ должен расплачиваться за грехи отдельных своих представителей.

Потом началось освобождение Румынии, Венгрии, Чехословакии. Уже 1—2 мая мы знали, что война окончилась, хотя акт о капитуляции немцев был подписан только 9 мая.

Для нас, радистов, самая активная работа началась, когда наши войска пошли в наступление. Пока фронт был стабильный, основным переговорным средством был телефон, а про нас и забывали, и оставляли нас.

Сначала я служил радистом в батальоне, потом — в полку, до дивизии дошел — поддерживал связь с армией, позже был начальником радиостанции в армии. Штат у нас был семь человек, сама радиостанция помещалась на машине. А начиналась служба с радиостанции 6ПК, о которой радисты присказку сочинили: "6ПК — трет бока".

Пришлось участвовать и в войне с Японией. Но, честно говоря, японцев я видел только пленных".

И. С. УЗЕНЦЕВ.
Записала Марина ОСЕНКОВА.
"За медь", № 17, 5 мая 1995 г.

В БИТВЕ ЗА БУДАПЕШТ

Красив город Будапешт — столица Венгерской Народной Республики. Голубой Дунай делит город на две части — Буду и Пешт. Красивы мосты через Дунай в Будапеште. Но не таким, как сейчас, выглядел Будапешт в январские и февральские дни 1945 года. Город был превращен в крепость. Каждая улица, каждый дом, подвал, чердак, были забиты противником. Шли тяжелые уличные бои. Будапешт был окружен нашими войсками. Шло уничтожение окруженной группировки врага.

Несмотря на безвыходное положение, гитлеровцы жестоко сопротивлялись. К концу окружения у противника стали иссякать боеприпасы, продовольствие, горючее. Окруженных стали снабжать по воздуху. Самолеты сбрасывали грузы, которые часто попадали в руки наших войск. Стремясь вырваться из окружения, противник то на одной, то на другой окраинах города концентрировал свои войска и, бросая их в яростные атаки, нес большие потери в живой силе и технике, но прорвать железное кольцо ему так и не удалось.

Помнится бой за населенный пункт Сегетин-Миклош, который оборонял совместно со стрелковыми частями и наш 417-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Немцы бросили в атаку сначала одну пехоту, но дружным огнем артиллерии полка прямой наводкой она была отбита. Не прошло и часу, как атака повторилась. В последней, пятой атаке противник применил танки, самоходные орудия и бронетранспортеры. Видимо, гитлеровцы решили во что бы то ни стало взять населенный пункт. Но не тут-то было. Расчеты противотанковых пушек открыли огонь по танкам и самоходкам. Стрелковые подразделения из личного оружия уничтожали атакующих.

Вот справа загорелся танк, подбитый наводчиком сержантом Сурченко. Но в это время второй танк открыл огонь по орудию, и болванкой оторвало правую руку молодому солдату Захарову. Слева открыло огонь второе орудие нашей батареи и подожгло танк.

Бой разгорелся с новой силой. Противник приближался почти вплотную к нашим орудиям, но батарейцы не дрогнули и отбивали врага из автоматов и карабинов. День был на исходе. Противник, ничего не добившись, потеряв от огня нашей батареи четыре танка, один бронетранспортер и до двухсот солдат, отошел назад на старые позиции. В этом бою погиб наводчик ефрейтор Перепелица, рядовой Тугубаев, несколько человек получили ранения.

Описанный бой происходил на подступах к Будапешту. Сорок пять суток продолжалось уничтожение окруженной Будапештской группировки гитлеровцев, и вот 14 февраля 1945 года битва за Будапешт была закончена полным разгромом окруженной группировки. Наш полк стал называться Будапештским, а весь его личный состав был награжден медалью "За взятие Будапешта".

Д. БАРИНОВ.
"Красное знамя" № 23 за 23.2.1978 г.

ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА — АРМИИ

Многие верхнепышминцы в годы Великой Отечественной войны защищали нашу Родину, проходя воинскую службу в артиллерийских войсках и подразделениях. В их числе — полковник запаса Дмитрий Михайлович Баринов.

В 1943 году он окончил Ленинградское артиллерийское училище и был направлен в 417-й отдельный истребительно-противотанковый артполк командиром огневого взвода.

Боевое крещение Д. М. Баринов принял под Полтавой. Затем он участвовал в форсировании Днепра, в освобождении городов Кривой Рог, Пятихатка, Яссы, Бухарест, Будапешт. Во время ликвидации плацдарма на реке Драве Д. М. Баринов был ранен. После выздоровления он снова возвратился в свою часть и продолжал воевать. День победы застал его в городе Грац в Австрии.

Из многих боев, в которых принимал участие Дмитрий Михайлович, особенно памятными для него остались бои под Будапештом. В некоторые дни батарея, которой он командовал, отражала до четырех и более атак противника. Батарея подбила 30 вражеских танков, а лично Дмитрий Михайлович в первый день этих боев подбил танк, бронетранспортер и уничтожил большое количество пехоты противника. На второй день боев Дмитрий Михайлович подбил вражеский бронепоезд. За мужество и отвагу он награжден орденом Отечественной войны II степени.

В батарее, которой он командовал в годы Великой Отечественной войны, есть один Герой Советского Союза, весь личный состав батареи награжден орденами и медалями СССР. Сам Д. М. Баринов награжден двумя орденами Отечественной войны второй степени и многими медалями — всего он имеет шестнадцать правительственных наград.

Закончил военную службу Дмитрий Михайлович полковником. Всего он прослужил в Советских Вооруженных Силах около 33 лет. В последние годы службы был военным комиссаром Верхнепышминского горвоенкомата.

М. СЕМЕНОВ.

"Красное знамя", № 137, 18.11.1975 г.

ПО ЗАКОНАМ СОЛДАТСКОГО БРАТСТВА

Хочу рассказать о боевом пути моего товарища-фронтовика Владимира Ефимовича Амосова. Нет, мы с ним не однополчане, познакомились через много лет после войны, когда оба были уже на пенсии и подрабатывали в детских садиках сторожами. "Посты" наши находились по-соседству. Времени много. А нам, старым солдатам, есть что вспомнить. Солдатские судьбы всех ветеранов Великой Отечественной во многом схожи. И многое из того, что пришлось пережить и увидеть Амосову, пришлось пережить и увидеть и мне. Потому, думаю, что имею право писать о нем.

Итак, обычная солдатская судьба человека моего поколения.

Гражданская профессия у Владимира Ефимовича самая мирная — геолог, мастер буровик. Работал он до войны в Красноуральской буровой партии. Занимался поисками месторождений меди. В 1939 году призвали в армию. Проходил службу в кавалерийских войсках на Дальнем Востоке. Вторая мировая война уже была развязана гитлеровцами. Танковые армады вторглись в пределы Польши. А в части, где служил Амосов, все еще обучали кавалерийской выездке и лихой рубке лозы на всем скаку.

Теперь все знают, почему перевооружение нашей армии неоправданно затянулось. Сталин расстрелял наиболее талантливых военачальников и поручил командование тем, кто еще мыслил категориями гражданской войны. Потому в первый год битвы с фашизмом наша

страна и несла такие огромные потери. Но историю задним числом не исправишь, как и убитых не вернешь. И мы, солдаты Великой Отечественной, вынуждены были сражаться в тех условиях, в которых оказались.

В 1941 году, за несколько месяцев до вторжения гитлеровцев на нашу землю, кавалерийскую часть, в которой служил Амосов, преобразовали в стрелковый батальон и перевели в Мурманскую область. Кавалеристы стали пехотинцами. 22 июня в 4 часа утра они приняли свой первый бой. Правда, не с германскими фашистами, а с войсками Финляндии — союзницы Гитлера. Они напали на СССР одновременно с гитлеровскими полчищами.

— Сначала на нас обрушился бомбовый удар, — рассказывал Амосов. — В небе было черно от бомбардировщиков. Наверное, я никогда больше не испытывал на войне такого страха, как под этой первой в моей жизни бомбежкой. Лежал, зажмурив глаза и вцепившись в землю. А кругом вой падающих бомб и грохот взрывов. И, казалось, что вот, следующая, сейчас накроет именно меня... Потом, когда бомбежка кончилась, я не сразу смог подняться. Весь словно окостенел. Но прозвучала команда "в атаку", и мы, полуоглушенные бомбежкой, пошли вперед. Тут уже ярость просыпается в душе и прогоняет страх. Но все равно у необстрелянного солдата винтовка от страха ходуном ходит в руках. И все-таки тогда мы не дали неприятелю ни на шаг продвинуться по нашей земле.

Бои на этом участке фронта шли почти непрерывно. Ряды бывших кавалеристов таяли. Но те, кто оставались в строю, от атаки к атаке приобретали боевой опыт, учились воевать и подавлять в себе страх смерти...

В начале октября в одном из боев Амосов был ранен разрывной пулей в предплечье. Что такое разрывная пуля, фронтовикам хорошо известно. Она не просто пронзает тело, но еще и вырывает из него куски мяса. Такое ранение всегда тяжелое. Четыре месяца провел Амосов в госпитале, в уральском городе Златоусте. И снова на фронт.

1942 год. Ржев. 130-й стрелковый батальон, в который после госпиталя попал Амосов, находился в обороне. Положение наших войск было очень тяжелым еще и потому, что тылы из-за весенней грязи и распутицы не могли наладить снабжение ушедших далеко вперед бойцов.

— Мы буквально пухли от голода, — вспоминал Владимир Ефимович, — ели мясо павших лошадей. В перерывах между боями искали в окрестных полях прошлогоднюю картошку. Ну а там, где голод, там и вошь. Рубахи снимали и вытряхивали, держали над огнем. Не помогало. Правда, эпидемий не было. Но от голода все слабели ужасно. Здесь меня ранило опять. Когда поднимался из окопа в атаку, получил пулю в руку. Снова госпиталь. Теперь уже в городе Иваново.

После госпиталя его направили в школу связистов под Смоленском, а потом в 59-й батальон связи при 91-й гвардейской дивизии. В ее составе участвовал в наступлении на Витебск.

...Во время сражения за город телефонный провод между командиром полка и командиром дивизии оказался оборванным. Связь между войсками потеряна. Чем это грозит во время сражения, надеюсь, понятно без объяснений. Амосов получил приказ восстановить связь во что бы то ни стало. Солдат взвалил катушку на плечи и ползком вперед, пропуская через кулак оборванный провод, чтобы легче было найти и соединить место обрыва. А вокруг рвались снаряды и мины. Шальной осколок ударил в лицо, перерубил переносицу. Кровь хлынула потоком. Но из-за обстрела даже голову невозможно было поднять. Амосов продолжал ползти, сжимая в кулаке провод. Несмотря на ранение, он выполнил приказ, восстановил связь. За что и был представлен к первой своей боевой награде, ордену Славы III степени.

От госпиталя он отказался, лечился в санчасти. Не хотелось расставаться с товарищами по батальону, с которым уже сдружился.

Взяли Витебск. Через Белоруссию вошли в Литву и через некоторое время были уже на границе Восточной Пруссии. Здесь шли особенно ожесточенные бои. Дивизия прорвала фронт и заняла немецкий город Гермау. Он был абсолютно пуст. Зловещая тишина царила на улицах. Кругом валялись брошенные вещи. И тут произошло неожиданное — дивизия оказалась окруженной. Выходили из окружения 15 дней. С тяжелейшими боями. По тылам врага. Продовольствие кончилось. Таяли боеприпасы. Когда вышли к своим, от дивизии осталась едва ли треть...

Вторую свою награду — орден Красной Звезды — Амосов получил за участие в разведке. Здесь же в Восточной Пруссии. Надо было взять "языка". Амосова отправили вместе с разведчиками для обеспечения связи. Вышли глубокой ночью. В непроглядной темноте все же обнаружили вражеский дзот. Забросали его гранатами, ворвались во внутрь и вытащили оттуда вражеского офицера. Фашисты подняли тревогу. Темноту прорезали вспышки автоматных и пулеметных очередей. В небо взвились осветительные ракеты. Разведчики, отстреливаясь от гитлеровцев, отходили к своим. Хотя и не все, но дошли. А немецкого офицера доставили в целости и сохранности.

Данные, которые он сообщил, оказались очень ценными для нашего командования — впереди был город-крепость Кенигсберг. Бои за этот город были особенно жестокими и кровопролитными. И именно здесь на развалинах поверженного Кенигсберга бойцы встретили известие о Победе над фашистской Германией. Но для 91-й гвардейской дивизии война еще не кончилась. Ее отправили на Дальний Восток. Так Амосов вновь оказался в тех краях, где начал военную службу в кавалерийском полку. Но теперь ему предстояло участвовать в войне с милитаристской Японией. Дивизию перебрасывают в Монголию. Оттуда она и начала свое наступление.

— Мы пошли через горный массив Хинган, — вспоминал Владимир Ефимович. — Горы эти хотя и невысоки, но очень трудны для перехода. Японское командование считало, что через них вообще пройти нельзя. Но мы прошли. Танки переправляли на тросах через ущелья. И неожиданно для японцев оказались у них в тылу. Закончили мы поход в Порт-Артуре. А в 1946 г. меня демобилизовали. Вернулся в Красноуральск и узнал, что сестра моя переехала в Верхнюю Пышму. Ну я и решил перебираться поближе к родне. Вот так я и стал пышминцем. Работал старшим мастером в Среднеуральской экспедиции...

О многом мы переговорили с Владимиром Ефимовичем. И, пожалуй, не меньше, чем о войне, о делах современных. Вот, например, о бережном отношении к прошлому. Да, это очень правильно, что сейчас призывают сохранять древние памятники. Но почему только древние? Вот стояла на Балтыме дача прославленного полководца Великой Отечественной маршала Жукова. Где она сейчас? Говорят, один фундамент остался. То ли сломали, то ли сожгли. Дача-то была деревянная. А разве нельзя было там устроить музей памяти Жукова? Теперь уже все. Не уберегли.

Тяжело нам, ветеранам, читать и слышать и об обстановке в сегодняшней армии. "Дедовщина", "землячество". Ни я, ни Амосов так и не могли вспомнить ни одного случая из своих фронтовых лет, чтобы солдат помыкал солдатом. Не было такого. И откуда появилось — непонятно. А ведь и на фронте у людей был разный боевой стаж. Но мы все были друзьями. И даже в самые тяжелые минуты никому не приходило в голову урвать что-то себе за счет другого.

До сих пор среди нас действуют неписанные законы солдатского братства. И именно этим прежде всего была крепка армия. А уж потом танками да самолетами. И только потому мы прошли через все невзгоды, через кровь и смерть и победили.

В. МИННИКАЕВ,
ветеран Великой Отечественной войны.
"Красное знамя", № 88 24.7.1990 г.

"ВЕДЬ ЭТО НАША МОЛОДОСТЬ"

Вспоминают:

В. А. Горонько. 21 июня 1941 года у нас, в школе № 1, был выпускной вечер. Мы радовались окончанию школы, строили планы на будущее, мечтали... Война спутала все карты. 22 июня все наши ребята, вчерашние школьники, пошли в военкомат. Меня сначала не брали, по зрению не прошел, но я дважды подавал заявление и добился-таки своего.

Направили меня на курсы радиотелеграфистов в Свердловск, через три месяца я получил третий разряд и — на фронт, в 95-й гвардейский отдельный минометный полк, полк резерва Верховного Главнокомандования, короче говоря — полк "катюш".

Был у нас самый настоящий интернационал: командир взвода — татарин Уразбаев Шакир Темирханович, по-русски говорил с трудом, но мы все его отлично понимали и очень уважали, были украинцы, я сам — белорус, командир полка и командир разведки — евреи, прекрасные люди, много было узбеков. И все относились друг к другу по-братски, никто никогда и не вспоминал, кто какой национальности, а уж тем более никто никого не попрекал.

Когда приходило пополнение, мы тоже всегда нормально всех принимали, воспитывали новичков, помогали освоиться с нашим грозным оружием.

Вот сейчас, глядишь, многие юноши и их родители очень уж боятся армии. Мамочки-папочки стараются любыми способами "спасти" сына от службы. А мы, когда учились в школе, даже думать не думали о том, чтобы улизнуть от службы. Как это не служить в армии — мы этого не понимали, ведь это было так почетно.

Отец у меня прошел германскую и гражданскую войны, был простым солдатом, а посмотришь на фотографию — какой молодец! — подтянутый, форма на нем, как влитая. И мы тоже старались всегда подтянутыми быть, следили, чтобы все было на месте, чтобы гимнастерка была аккуратной и ремень чтоб не болтался неизвестно где. А сейчас, что греха таить, приходится видеть и неряшливых солдат. И я считаю, что в этом офицеры виноваты — они и сами порой для солдат не служат примером и с них не требуют аккуратности и подтянутости. И в этом одна из причин, пусть маленькая, падения уважения к армии.

Сейчас много говорят и пишут о дедовщине. Мне кажется, что в ее распространении в некоторых частях виноваты дежурные офицеры, которые не выполняют, как полагается, свою работу, отдав ее на откуп дневальным.

Вот родители оберегают своих сыновей от службы. А ведь и служба-то — всего два года. Из нас, старых солдат, наверное, никто меньше шести лет не служил: всю войну и еще два-три года, пока не демобилизовали. Вот и посчитайте: за шесть лет можно было институт закончить. Но я не считаю эти годы потерянными. Мы за эти годы возмужали, прошли, можно сказать, институт мужества и в моральном, и в физическом смысле. Ведь мы пришли на фронт мальчишками, снаряд "катюши" — 90 кг — вдвоем с трудом поднимали, чтобы зарядить миномет, а позднее натренировались так, что во время наступления, когда давалась артподготовка, один солдат ухитрялся этот же 90-килограммовый снаряд поднимать и зарядить орудие.

Да, дружный коллектив у нас был, все друг друга уважали. Были у нас офицеры моложе солдат, и никогда никаких обид, что младший командует старшими по возрасту, не было. Все делали одно общее дело — громили врага, и нам было не до мелочных придирок.

И. И. Розин. Да, действительно: похлебку хлебали, если она была, из одного ведра, кашу ели из одного котелка. И никто никогда никого не упрекал и не считал, кому больше досталось, кто дважды в котелок "съездил" ложкой, а кто ни разу.

Я призыва 39-го года, тоже из В. Пышмы. Нас в один день призывалось 26 мальчиков и только один — Виктор Жиряков — имел среднее образование, остальные — от станка.

Служить пошли, даже и не думая, что не надо служить. В Конституции была статья: "За-

щита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР", и мы честно выполняли и выполнили этот долг.

И. Г. Пронин. Мне представляется, что тот, кто сегодня критикует армию, тот в равной степени критикует партию и все, что у нас есть. Это те, кто не хочет перестройки, продвижения нашего общества вперед, те, кому это "вредно". Кто выступает против армии, она им не нужна, она им мешает.

Если говорить сегодня об армии, то 1941 — 1945 гг. нам показали, что такое армия. С помощью всего советского народа армия продемонстрировала образцы героизма, отстояла не только честь и независимость своей Родины, но и протянула руку братской помощи народам Европы и освободила их. Вот что такое армия.

Если говорить о моей службе — я тоже призывался в 1939 году, только из Воронежской области. Попал в кавалерийскую часть войск НКВД в Среднюю Азию. Командир эскадрона у нас был казах, командир отделения, о котором я и сейчас очень тепло вспоминаю, — украинец. В нашем кавалерийском взводе были представители разных национальностей: и русские, и удмурты, и марийцы. И жили все, как одна семья. Никаких проблем, никаких шуток на национальной почве у нас не было.

Сейчас много говорят о том, нужна ли нам армия вообще. Мне кажется, о том, что не нужна, говорят люди, которые не задумываются, к каким последствиям может привести ликвидация регулярной армии. И самое тревожное, что в этом убеждены молодые люди. Я был на встрече с выпускниками школы № 2. Ребята пытались доказать, что нам нужна вольнонаемная, "ограниченная" армия. Я предложил им посчитать, во что государству обойдется содержание такой армии, и сказал, что я со своим большим жизненным и экономическим опытом не берусь сделать такой подсчет, это не так просто, как может показаться на первый взгляд.

А с другой стороны, служба в армии — священный долг каждого гражданина СССР. Что может быть благороднее защиты Родины? Если у нас не будет армии, которая формируется по призыву, мы "ликвидируем" этот священный долг. И к тому же надо еще посмотреть, как будет защищать страну и народ человек, получающий за это деньги, и как человек, делающий это по убеждению.

Тот, кто начинал служить до войны, в войну и в первые послевоенные годы, тот знает, что такое служба в армии. Это и большая военная подготовка, и физическая, и нравственно-психологическая подготовка, воспитание настоящего мужчины. В армии он проходит громадную школу жизни.

Полагаться на то, что мы только допризывной подготовкой будем заниматься, как сейчас пытаемся давать начальную военную подготовку — это липа. А вдруг что-то случится и нам вольнонаемной армии не хватит? Придется призывать резервистов, и придут в армию люди-неучи. Тот, кто служил в войну, знает, что значит обстрелянный солдат и солдат-новичок. Можно привести десятки примеров, когда такие вот новички десятками гибли в первом же бою.

В. А. Горонько. И еще вот какая мысль мне не дает покоя: не промахнулись ли мы в том, что многие заводы, выпускающие военную технику, теперь "перестроились" и стали выпускать, например, кровати. Слов нет — товары народного потребления очень нам нужны, но разумно ли заставлять делать их предприятия, имеющие высочайшую технологию? Заводы по производству реактивных двигателей для самолетов могли бы, думается, продавать эти двигатели, которые наверняка нашли бы применение в народном хозяйстве страны.

И. И. Розин. В том, что пошатнулся авторитет армии, виновата, я считаю, в немалой степени пропаганда. Ведь нас воспитывали в духе любви и уважения к армии. И в песнях пелось: "Броня крепка и танки наши быстры". А теперь по телевизору стеснительно один

час в неделю идет передача"На службе Отечеству". Но это же мало! Надо больше показывать, как живет армия, как служат ребята, как они из мальчишек превращаются в настоящих мужчин. Надо, чтобы сами солдаты больше рассказывали об этом и по радио, и по телевидению, и в газетах.

А. И. Мигушев. Я служил в роте ПТР (противотанковых ружей), участвовал в Курской битве, Днепр форсировал... Жили мы с ребятами душа в душу, делились всем, что у кого было. Помню, как-то суток десять были в окружении. Рядом была деревня, видимо, минами или снарядами разбило крестьянский погреб. А мы были голодные — страсть! Поползли мы с одним солдатом в надежде чем-нибудь поживиться. Добрались, взяли пластину шпика, больше ничего не тронули. Принесли шпик товарищам, разделили его, всем по крохотному кусочку, не считаясь с тем, кто добыл это сало. Ну, а уж в боевой обстановке каждый знал — если тебя ранило, товарищи не оставят, помогут. И никто не спрашивал, татарин ты или русский, узбек или казах.

И. Г. Пронин. Какой там шпик — если кто на цигарку табаку нашел, так весь взвод накурится.

И. И. Розин. Да, вот так нас воспитала армия, воинское братство. А сейчас в Вильнюсе руководство рассуждает: хотите — идите служить, не хотите — не ходите. Что это за вольница? Да как же солдат будет служить с таким настроением? Случись какая заварушка, он ведь и запросто оружие повернет, куда вздумается.

А. И. Зайкова. А я сама себе путь солдатский определила. Жила я в деревне Долматово Курганской области. Когда на фронт мужчин взяли, я пошла трактористкой работать, девчонка еще была. Семья у нас была большая: семеро детей, тятя и мама слепая.

В 1943 году тятю призвали на фронт, и я пошла добровольцем, несмотря на то, что меня не отпускали, и мама очень протестовала. А я сказала:

— Никаких, я пойду тяте помогать.

Сначала служила в Кыштыме. Была у нас большая команда: 512 девушек со всего Союза. Жили дружно, как сестры, помогали друг другу.

Учились мы на поваров. Выучились, и отправили нас на запад, всю Карелию и Курляндию я своими ножками прошла. Оттуда и демобилизовалась.

А с отцом мы ходили рядом, можно сказать, по одной полосе, но друг друга так и не встретили. И выяснили это только дома. Он на двенадцать дней раньше меня вернулся, а потом и я пришла. Стали рассказывать друг другу, а он и говорит:

— Нюрка, мы ж с тобой на одной полосе были!

Ф. В. Воробьев. Вот мы сегодня говорим об армии, о том, что теперешняя молодежь иногда старается всякими правдами и неправдами увиливать от службы. А в наше время считалось, если парня не берут в армию, значит, он ущербный какой-то, рахитиком такого звали.

Я пошел служить 16 сентября 1938 года и демобилизовался только 31 августа 1946 года. Халхин-Гол, финская, Отечественная... Четыре с половиной года в разведке был. И всегда вспоминаю с радостью людей, с которыми довелось служить: командира полка Алексеева, командира разведки полка Григория Нохрина из Смоленска, солдат-разведчиков.

В нашей группе были представители шести национальностей, я один — русский. И чтоб мы друг про друга что-то недоброе сказали, что-то плохое сделали — не было этого. Если пошел один за едой — на всех несет, одного нет — никто не ест. Дружно жили. Да иначе и нельзя было. Надо было в соседе быть уверенным, как в себе. Ошибка одного могла стоить жизни всем остальным.

За всю войну я километров сто ползком прополз. В разведку в полный рост не ходили. 65 раз нас пополняли: как пойдешь, так троих-пятерых нету. Один раз, помню, семерых потеряли, сутки целые не могли перейти линию фронта.

Был случай однажды, уже в Норвегии. С нами в разведку пошел командир полка. И попали мы тут в перекрестный огонь: с одной стороны немцы стреляют, с другой наш пулемет строчит. А командир полка — без каски. Я толкнул его и прикрыл собой. И в это время как шарахнет! Хорошо, на мне был мешок, а в нем буханка хлеба, котелок масла и плащ-палатка. Осколок снаряда пробил все это, дошел до тела и здесь застрял.

А однажды аж четверо суток из вражеского тыла выходили. У нас закон был: идешь в разведку— пишешь домой письмо и оставляешь до своего возвращения. Вернулся — письмо рвешь. Если это письмо доходило до родных — значит, оно последнее.

В. А. Горонько. Да, что и говорить, эти годы каждому солдату вспоминаются. И хоть все мы сегодня уже пожилые люди, они не забудутся никогда, ведь это наша молодость.

Записала Л. НИКИТИНА.

"За медь", 8.5.1990 г.

РАНЫ ТЕЛА И РАНЫ ДУШИ

Мне 74 года. Я фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны. До сих пор ношу в своем теле осколки. Они порой заставляют болеть старые раны. Но к болям физическим я, можно сказать, уже привык. А вот с болью душевной от перенесенной много лет назад несправедливости справиться не могу. Мучает она меня пострашней вражеских осколков. Решил рассказать о том, что со мной произошло, через газету, может быть, на душе полегчает. Вот и выношу, так сказать, на суд людской бесхитростный рассказ о своей жизни.

Родился в 1924 году в Башкирии в деревне Славбаш. В августе 1942 года был призван в армию. Направили меня в Уфу в пехотное училище. Закончив его лейтенантом, стал командиром взвода. Боевое крещение получил в 1943 году на 3-м Украинском фронте в 913-м пехотном полку. В задачу этого полка входило преследование фашистов, отступавших после поражения в битве на Курской дуге. Но в наступлении наши войска несли большие потери. Матушку-пехоту не жалело даже собственное командование. За каждый дот, за каждую укрепленую высоту платили жизнями своих товарищей.

А ведь пары пушечных выстрелов хватило бы, чтобы уничтожить эти укрепленные точки врага и резко снизить наши потери. Но командование, считало, что солдатская кровь дешевле, чем снаряды или танк, выделенный нам для прикрытия. Короче говоря, приходилось брать немецкие укрепления в лоб без помощи артиллеристов, летчиков или танкистов.

Хорошо помню бои под Северодонецком. Нам поручили взять укрепленные высоты 2 и 5. Чтобы выполнить приказ, мы более 12 раз атаковали эти высоты и 12 раз откатывались назад. Место было открытое, оно отлично простреливалось, и немецкие пулеметчики косили нас, как траву. В этих боях погиб командир нашего полка. И только после 13-й атаки нам удалось сломить сопротивление немцев.

Но какой ценой! Полк потерял более половины личного состава! Сейчас я убежден, что это происходило не из-за неумения воевать. Опыта к тому времени нам было не занимать. Убежден, что дело тут совсем в другом: просто высшее начальство видело в нас всего лишь пушечное мясо. Убитых и раненых не считали. Причем этим даже гордились.

Вот так провоевал до января 1944 года. Последнее мое ранение (а всего их было три и одна контузия) получил, когда служил в 180-м гвардейском полку. Полк расширял захваченный плацдарм за деревней Томаковка. Нам обещали поддержку авиации и артиллерии, но никакой поддержки мы не получили. Как всегда, пехота — царица полей, обильно поливала эти поля собственной кровью.

Когда немцы были выбиты из своих укреплений, от нашего батальона в живых осталось всего семь человек. Но нам приказали занять еще одну высоту возле станции Мирный, сказав, что высота эта уже оставлена неприятелем. И действительно, пока мы подбирались к

ней, по нам не прозвучало ни выстрела. Но когда стали преодолевать проволочные заграждения, вдруг ударила пулеметная очередь. Мне перебило руку.

После госпиталя вернулся в Башкирию, в родную деревню. Но после фронта к тыловой жизни привыкнуть было непросто, к тому же война еще не закончилась — мои товарищи сражались, и я должен был быть с ними. Через несколько месяцев попросился на фронт добровольно, хотя рука моя после ранения действовала плохо. Меня взяли, но как потом выяснилось, не на фронт. Отправили охранять так называемые Колдубанские лагеря, что находились в Башкирии возле озера Колдубан. Там содержались наши солдаты и офицеры, побывавшие в немецком плену. А попасть в плен тогда считалось равносильным предательству. Потому многих из Колдубанских лагерей отправляли прямиком в ГУЛАГ. Весть о победе с восторгом восприняли бывшие военнопленные и мы, их охранники.

Но окончание войны не означало для меня окончание службы. После победы поток бывших советских военнопленных в Колдубинские лагеря значительно увеличился. По договору союзники должны были возвращать советских пленных на родину. К нам многие военнопленные поступали из английской зоны оккупации Германии. Например, я командовал взводом, который охранял около ста таких военнопленных. Все они были бывшие офицеры в чине не ниже лейтенанта. 21 июня, как раз в канун пятой годовщины со дня начала Великой Отечественной войны, в лагере предстоял банный день. Назначил 20 человек носить воду, дрова и растопить печь. Трое бывших военнопленных особенно настойчиво просили включить их в эту группу. Я не придал особого внимания этому и разрешение дал. А когда работа была закончена, оказалось, что именно этих троих в лагере нет — сбежали

Подобные случаи бывали у нас и раньше. Офицеры охраны, конечно, получали строгие взыскания, но, во всяком случае, до военного трибунала дело не доходило. А тут решено было устроить показательный суд, и я был первым, кому предстояло перед ним предстать. Меня лишили звания и осудили на пять лет. Причем по обвинению в "злоупотреблении служебным положением". Я был настолько напуган и судом, и приговором, что даже не поинтересовался, почему дана такая странная формулировка и где и в чем я превысил свое служебное положение. Отсидел полтора года. Потом меня помиловали.

Но звание мне не возвращено до сих пор. По военному билету я все еще рядовой. Выходит, что приговор трибунала до сих пор остается в силе? Давно уже реабилитированы те, кто был в фашистском плену. А я, получается, более полувека хожу в преступниках. В моей деревне некоторые убеждены, что я действительно совершил какое-то серьезное преступление, если сидел в тюрьме. Я пытался убедить их, что долг свой всегда выполнял честно и на фронте, и в тылу. Некоторые односельчане, мои сверстники, возражали: "Если ты и вправду не преступник, то почему тебе звание не вернули? С войны-то офицером пришел, а сейчас почему рядовой"? Кончилось это тем, что я уже много лет не посещаю родную деревню. Обидно слышать подозрительные реплики односельчан. Мне уже немного осталось жить на этом свете. Неужели так и сойду в могилу с позорным клеймом?

Александр Филиппович ФЕДОРОВ.
"Красное знамя", № 68, 4.6.1998 г.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ИХ ПОСЛЕ НАС

В двенадцать часов дня по радио объявили, что гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну. Странно, но я нисколько не испугалась. С убежденностью знатока уверяла подруг: через неделю все кончится, разгромим. Через неделю после начала войны призвали моего брата, потом отца. Девочки постарше поступили на курсы радисток и медицинских сестер. Сейчас мне 79 лет. До последнего дня своей жизни я не забуду, как провожала своих родных, ребят моего поколения. Наши ровесники были призваны на фронт все. Про-

вожая их, мы плакали и пели. Плакала я так, как плачут только на похоронах. Не знаю, из каких глубин души прорывались мои слезы. До этого я их не знала. Может, жили они где-то в крови вместе с вековечным горем моей жизни. Пели песню "Хорошо на московских просторах". Для нас самыми главными были слова: "И когда наши танки помчатся, мы с тобой пойдем воевать. Не затем мы нашли наше счастье, чтоб врагу его дать растоптать".

Мой отец не был великим человеком, биографию которого изучали в школе. Он был простым человеком, одним из многих, с обычными надеждами, мечтами и страхами, как миллионы других людей, он мечтал о хорошей жизни и, провожая на фронт своего сына, напутствовал: "Сын мой, ты много увидишь на свете, не забывай, что ты русский и гордись этим. Помни, что с каждым погибшим человеком умирает целый мир".

Наши ребята во время боя сдавали экзамены не перед комиссией, а перед жизнью своей: они шли по смертной черте, чтобы нам было свободно ходить. Родная земля слишком дорого обошлась им. Подвиг ветеранов войны переоценить трудно. Да, наши погибшие парни стали уже деревьями, вошли в круговорот природы. И они стали навек частью нашего сердца и наших детей, если мы сумели передать им эту боль и память. На полях боев, где они пролили кровь, давно шумят мирные золотые нивы. Встает по утрам светлое солнце над освобожденной ими от фашистских насильников землей, сверкает серебристой росою трава. Розовеют тихие зори, на которые они не успели налюбоваться. И растут над могилами воинов деревья, сок которых, может быть, до сих пор розов от их крови. И тянутся, тянутся к звездам.

Сейчас мы живем мирно. Эта мирная краса — высшая награда для них. Прошло столько лет, я уже стала старенькой. Моя мятущаяся душа все искала и искала в этом загадочном, в этом таинственном мире хоть какой-то след моих родных. Хоть какую весточку. Годы отбирают все больше, оставляя из прошлого только всплески воспоминания. Нельзя было сказать никому, как я о них переживаю. Только себе. Не вслух. В душе. Потому что объяснить это было невозможно. Нужны были какие-то другие слова, чтобы понять, как они мне дороги, а слов таких не находилось.

Я вас всех, дорогие мои дети, внуки прошу: не забывайте их после нас. Придите тихо к солдатской могиле, положите цветы. Постойте. Помолчите. Поклянитесь быть достойными павших, чья жизнь была подвигом во имя родной земли. С праздником, дорогие вы мои ветераны войны!

Всем, всем ясного неба над землей.

Е. КОПЕЙКИНА.

"Красное знамя", № 50, 8.5.1999 г.

ДЕД, ОТЕЦ, ВНУК: "НЕ СТРАШНО УМЕРЕТЬ ЗА РОДИНУ"

Все мужчины в нашем роду были солдатами. Мы бережно храним в своем архиве повестку на призывную комиссию, которую получил мой дед 1842 года рождения. В те далекие времена судьба призывника зависела от жребия, который он вытянет. В одном случае служба в армии в течение 25 лет, в другом — служба в ополчении.

В повестке значится: свидетельство о явке к исполнению воинской повинности, а в скобках — "бессрочное". Крестьянин Вятской губернии Елабужского уезда Граховской волости села Грахово Семен Гаврилович Грахов являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1875 года, и зачислен в ратники ополчения. Так как в повестке записано "бессрочное", то на протяжении всей жизни он считался ополченцем, а прожил он 92 года!

Младший его брат Иван вытянул жребий — служба 25 лет. Богатые люди, получив такую повестку, могли нанять за деньги другого человека на службу за себя. Он участник вой-

ны 1914 года, был ранен, лежал в госпитале. Царица при посещении госпиталя "облюбовала" этого солдата, и на него был сделан запрос в волостное правление, откуда была дана характеристика о принадлежности его к бедной крестьянской семье. По воле царя Иван был переведен в царский двор. Служба у него заключалась в охране и ухаживании за наследником царя. Просматривая хронику царской семьи по телевидению, мы видели Ивана Гавриловича в солдатской форме, видимо, безупречно выполнявшего свой солдатский долг. Дальнейшая судьба его нам неизвестна.

Читая фронтовые письма, связанные со службой наших отцов и дедов, можно ясно представить, как сложилась судьба каждого защитника Отечества. В их судьбах просматривается и судьба нашего государства. Бережно хранятся 129 писем с Великой Отечественной войны, написанные моим отцом с января 1942 по июнь 1945 года. Он в звании сержанта участвовал в составе 1236-го Краснознаменного ордена Александра Невского Выборгского полка Новгородской дивизии. Принимал участие в прорыве блокады Ленинграда, линии Маннергейма, в освобождении Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Восточной Пруссии и войну закончил в Германии. Имея контузии, вернулся 47-летним в победном 45-м году.

А отец моей жены Ольги Матвеевны Матвей Митрофанович Абрамов, сражаясь в рядах Красной Армии под Каховкой, был ранен и вновь стал на защиту своей Родины в годы Великой Отечественной войны.

По ранению вернулся в родные края. Ветеран трех войн, с оружием в руках отстаивал свое Отечество, а сын его Алексей, 1920 года рождения, в ноябре 1941 года в ожесточенных боях пропал без вести. От него было всего три письма с фронта.

Читая их живые строки, можно не сомневаться в верности Алексея своей Родине. Долгие годы то, что написано в них, было лишь достоянием семьи, бережно хранимым и чтимым. И вот спустя десятилетия хочется, чтобы голос идущего на смертный бой солдата из сорок первого услышали его земляки и молодое поколение.

В конце одного из писем он сообщает: "К боевой жизни привык и уже не страшно умереть за Родину, но хочется еще увидеться, побыть бы вместе, хоть дня два-три. Ну ничего, кончится война, если буду жив, то сразу приду домой. Если погибну, то память обо мне, Папаша, сохраните. Пока все. Крепко вас целую. Привет всем родным и знакомым, Сане, Нюре, Боре, Ванюшке. Полевая почтовая станция 658793 С. П. Алексей".

Письмо третье и последнее. "Здравствуйте, дорогие Папаша, Зина, Нюра, Оля и Славик. Шлю вам привет. Сегодня отправляемся на фронт. Валентинке письмо написать, наверное, не успею, ей прошу сообщить, что больше наверняка не увидимся. Бои идут жестокие, такие, что мир еще не видел в жизни, не только тысячами убивают людей, но и с лица земли стирают города. До свидания. Привет всем родным и знакомым. Алексей. Полевая почта № 8-а".

На этом связь с Алексеем прервалась. Семья так и не знает о его судьбе. Но, читая эти письма, можно сделать вывод, что Алексей был верен той клятве, которую дал отцу: "Папаша, идя в бой, я заверяю тебя, что буду храбрым, смелым, буду беспощадно, не жалея своей силы, бить врага, не жалея своей крови и жизни". Алексей пал смертью храбрых, выполняя свой воинский долг. Он видел исток победы в единении фронта и тыла. Он призывал своих земляков к повышению производительности труда, укреплению трудовой дисциплины.

Старший мой брат — Геннадий более семи лет прослужил в армии и после участия в войне с Японией вернулся домой. Сам я окончил Пермское пехотное училище в 1950 году. Служил на Дальнем Востоке командиром взвода 355-го отдельного батальона морской пехоты Тихоокеанского флота. В 1956 году батальон был сокращен. Я работал на опытном заводе и в школе № 25 преподавателем по военному делу и труду. Наш сын Андрей 20 лет отдал службе Отечеству и майором уволился в запас.

Л. ЩЕКИН.

"Красное знамя", № 67 22.6.1999 г.

ХОДИЛИ ПОХОДАМИ

Медаль Нахимова — знак матросской доблести и отваги. Среди награжденных этой медалью, Александр Дмитриевич Серебренников и Павел Иванович Семага. Есть и другие. Так у Анатолия Петровича Гребнева медаль Нахимова имеет номер 96.

А. Д. Серебренников: "Перед призывом в армию я окончил фабрично-заводское училище в Березовском. И вот Дальний Восток, Тихоокеанский флот. Был направлен в школу электромехаников, которая готовила специалистов для отряда легких сил флота.

Сразу же после окончания школы определили меня электриком на миноносец "Рьяный", где прослужил я больше года. А с этого миноносца перевели на миноносец "Резкий". Находились в постоянной боевой готовности. В августе 1945 года дождались своего часа и мы. Миноносец "Резкий", где я служил главстаршиной, принимает участие в рейдах, прикрывает артиллерийским огнем катера с десантом. Под огневым прикрытием "Резкого" и крейсера "Ретивый" наш десант высадился в порту Отомари на острове Хоккайдо.

А вот когда война закончилась, наш миноносец нес охрану Государственной границы СССР".

А. СЕРЕБРЕННИКОВ.

П. И. Семага. "До флота я работал маляром. Один год прослужил в учебном отряде Тихоокеанского флота. Год был предвоенный, в классах занимались по 12 часов в день. Стал сигнальщиком на посту службы наблюдения и связи. Здесь мы узнали о нападении фашистской Германии на нашу страну. Начали писать рапорты с просьбой отправить на фронт. Но нас не отпустили: "Придет еще ваш час", — сказали.

В 1942 году меня откомандировали на корабль — лидер эскадренных миноносцев "Тбилиси". В конце войны довелось в составе команды по приему военных кораблей побывать в Америке. Попал я на тральщик. Изучали технику, готовились. Когда вернулись на Родину, в Петропавловск-Камчатский, как раз началась война с Японией.

...А после службы на флоте я работал сначала в ЖКО, потом мастером-отделочником в отделе капитального строительства на медеэлектролитном заводе.

Строил Дворец металлуров, потом постоянно работал на комбинате "Уралэлектромедь". С должности инженера-сметчика ушел на пенсию".

П. СЕМАГА.

Воспоминания ветеранов записал К. ХАБИБУЛЛИН,
студент УрГУ.

"Красное знамя", № 88, 25.7.1981 г.

ЗАКАЛЕННЫЙ В БОЮ И ТРУДЕ

Детство Кибира Зинурова прошло в маленькой башкирской деревне. С юных лет, как и его сверстники, помогал родителям, помогал колхозу.

В четырнадцать лет, когда началась война, Кибиру, как и многим его сверстникм, пришлось заменить в труде ушедших на фронт колхозников. Работать приходилось в трудных условиях. Но он, как и все советские люди, делал все, чтобы быстрее была одержана победа.

Годы войны закалили характер Кибира Зиннурова, сделали его трудолюбивым, способным преодолевать любые трудности. А в 1944 году и Кибиру пришлось надеть форму советского солдата. Был отправлен на Дальний Восток. Кибир Зиннуров был зачислен в 112-й минометный полк и в его составе принял участие в войне с милитаристской Японией.

А с сентября 1945 года и до 1951 года он служил в составе группы войск в Германии.

Более двадцати лет трудился Кибир Хаматнурович в огнеупорном цехе города Верхняя Пышма. Награжден орденом "Знак Почета".

В. РИСОВАНАЯ,
старший экономист огнеупорного цеха.
"Красное знамя", № 105, 2.9.1980 г.

ДО ОДЕРА, ДО ПАМЯТНОЙ ВЕСНЫ.

Ровно три года прослужил Михаил Николаевич Мавриц: 16 ноября 1943 года его призвали в армию, 16 ноября 1946 года он сел в поезд, который вез его домой. Жизнь его не раз была на волосок от смерти, когда каждый день и каждую минуту можно было считать подарком судьбы. Хоть вслух об этом не говорилось, но он очень хотел уцелеть, вернуться к отцу, матери, в родной Таборинский район, в свой лес, в котором два года перед войной, так же, как отец Николай Тарасович Мавриц, работал лесником. Молодое пополнение, а в 1943 году Маврицу-младшему было 17 лет, отправили в Еланские лагеря. Попал он в 289-й стрелковый полк, который позже стал именоваться Нарвским.

В Ленинград на Финский вокзал их привезли, когда блокада города была снята. Куда дальше, до времени никто не говорил, военная тайна. О планах командования узнали позже, когда после пешего перехода оказались в лесах под Кингисеппом. Учились стрелять, ползать по-пластунски, перемещаться перебежками, обороняться и делать окопы в человеческий рост. Пятнадцать дней простояли на островах за рекой Лугой, готовились идти на Нарву.

Подтянулась артиллерия, значит —ждать осталось недолго. Для пехотинцев этот вид войск всегда был и ориентиром, и мощной поддержкой. Слава Богу, мост через Нарву остался цел. Деревянный, на ширину двух машин, замаскированный сетками, он связывал два берега — свой и чужой. Прорывались через него бегом, останавливаться нельзя, на другой стороне немцы. Река Нарва широкая — метров сто, и мост высокий — не меньше десяти метров. Пули свистят где-то рядом и шлепаются в воду. Казалось, время остановилось.

Немцы сопротивлялись, но это было сопротивление проигравших. После прорыва блокады Ленинграда преимущество было не на их стороне. Пехота шла вперед, меряя версты, одолевать которые было подчас не легче, чем врага. Эстония богата болотами, на редких островках перепадал отдых. В 1944 году, когда освободили Эстонию, Михаилу Маврицу исполнилось 18 лет. Бои, в которых довелось ему участвовать, шли на первом Прибалтийском фронте. А впереди уже "маячил" первый Украинский. На поезде, в теплушках пехотинцев перебросили сначала в Литву (солдаты были уверены, что едут под Кенигсберг). Но вскоре оперативная обстановка изменилась, и полк направили туда, где его участие было нужнее — за Львов, на Краков.

Что такое пехота, в полной мере знает только тот, кто сам пешком прошагал пол-Европы, пол-Земли. Иногда от усталости почва уходила из-под ног. Шли, поддерживая отстающих. От Львова за пять дней надо было преодолеть 300 км "пехом" в полном обмундировании — на себе винтовка, патроны, пехотинская лопаточка. И никаких привалов, присесть не давали. Шел январь победного 45-го года. Ладно, в Польше зима мягкая. У солдат даже присказка была: зимой в шинели не холодно, потому что суконная, летом не жарко, потому что нестеженая.

Бои перемежались долгими переходами, порой о том, что снова оказались на линии фронта, догадывались, только увидев наши самолеты или артиллерию. За каждую деревню, каждый населенный пункт дрались жестоко. "Попробуйте, — говорит Михаил Николаевич, — пройти 300 км и быть за это благодарными фашистам. Злость была такая, зубами бы фрицев разорвал".

Однажды ночевали в деревне. Расположение духа было хорошее. Как раз кухня догнала, в кои-то веки по-человечески накормили. На следующий день предстояло брать небольшой польский городок, один из тех, каких на боевом пути пехоты было немало. Не первый раз и не новички уже готовились к бою. Правда, условия на этот раз были не очень выгодные: от деревни, где стояла наша пехота, до городка — чистое поле, ни холмика, ни домика.

День, когда пехота пошла в атаку — 13 января 1945 года, М. Н. Мавриц до сих пор считает черной отметиной в календаре. Командир батальна Новохатько, опередив распоряжения командира полка, в полдень поднял солдат в атаку. Хотел отличиться или получить "героя"? Трудно сказать. Только за один час на том поле полегло сразу 200 человек. По ним палили, как по живым мишеням, они были как на ладони для снайперов, которые засели в церкви на окраине городка.

Как раз перед началом боя командир одного взвода получил письмо от дочери. Прочитал, заплакал — и вперед. Успел сделать только несколько шагов и упал замертво.

Отступили к деревне. Это были страшные часы. Солдаты думали, что командир полка Герой Советского Союза майор Южаков убьет Новохатько. "Кто тебя просил поднимать солдат? Кто их теперь воскресит? " — он поднял пистолет. Не убил. И на следующий день городок все-таки взяли. Новохатько теперь бежал впереди всех. Церковь разрушать не стали, оставили полякам.

А сами пошли дальше — через всю Польшу, до Германии, до Одера. Бои за Одер были боями далеко не местного значения. Не только по хрестматии, не только с точки зрения военных специалиств, позже давших оценку этим событиям. У очевидцев своя память.

Полк ждал четверо суток. К реке уходили машина за машиной — загрузят взвод 40 человек, увезут, и как не бывало. И снова отправляют пополнение. Немцы держали жестокую оборону, стояли насмерть. Силами одной пехоты было не обойтись. Подтянули "катюши". Пехотинцы разглядывали технику с нескрываемым любопытством. Скинули брезент — на рельсах висят шестнадцать ракет. Скомандовали: "Ребята, все в укрытие!" После 96 запусков мерзлая земля под "катюшами" была вырвана клочьями. Немцы в долгу не остались: двое суток "понужали" русских беглым огнем.

Перейти Одер по льду было нелья: его разбило снарядами. Сделали переправу. Неширокая речка пылала огнем. Те, кому повезло перебраться на тот берег, окапывались. В деревне за Одером удалось укрепиться. Наши и немцы находились метрах в 800 друг от друга, не стреляли.

31 января 1945 года, только солнце стало заходить, пошли в наступление. Вместе со всеми поднялся и Михаил. Он успел пробежать не больше 200 метров, по голове словно кто-то с размаху ударил. С поля боя его вынес старшина санинструктор, с которым встретились потом в госпитале: тоже получил ранение. Рассказывал, как вынес Михаила на нейтральтную полосу, как отправляли в госпиталь в Польшу. О награде за участие в боях на Одере — медали "За отвагу" Михаил Николаевич Мавриц узнал позже, так же, как и о дальнейшем движении 1-го Украинского фронта. До Берлина фронтовые товарищи Маврица не дошли, но форсировали еще реку Шпрее, а потом повернули на Прагу.

8 мая Михаила комиссовали, признали годным к нестроевой и снова отправили в Германию. А на следующий день, 9 мая, война закончилась, и дальнешую службу М. Н. Мавриц проходил в России.

Уже дома выучился он на киномеханика и тридцать лет ездил по райнам, показывая кино, в том числе и о Великой Отечественной войне, в которой сам принимал участие.

Марина ОСЕНКОВА.

"За медь", № 21, 4.5.2000 г.

ИЗ ЖИЗНИ ПОЛИТРУКА

Военная судьба для выпускника техникума политпросвета Семена Ермолаевича Складника началась за три года до начала воны. В 1937 году он был призван на действительную службу, так что к 41-му, пройдя школу младших политруков, службу в нескольких погранотрядах, был вполне зрелым, профессиональным воином.

Не знал младший политрук 1-го мотострелкового полка Министерства Внутренних Дел, находясь в полевом лагере под Каунасом, какой поворот в его судьбе сделает сообщение в роковой июньский предрассветный час.

В считанные минуты полк был поднят по тревоге, прозвучала команда: "По машинам". На пути уже встречались обстрелянные машины, раненые бойцы. Сотни женщин, детей, стариков шли неизвестно куда в поисках какого-нибудь укрытия. Такое не забыть ему до конца жизни. И их полк попал под обстрел с воздуха, пострадала техника, люди.

Полк постоянно находился в движении. Угнетало молодого политрука то, что двигались они на первых порах в обратном направлении, оборонялись да отступали. Механизированный полк, быстро передвигаясь, вел бои, оказывая помощь армейским подразделениям на территории Литвы, Белоруссии. 28 августа 1941 года в бою при исполнении обязанностей заместителя командира роты по политчасти под городком Старые Торопы Семен Ермолаевич был тяжело ранен. Пять месяцев находился на лечении в госпитале города Куйбышева. После госпиталя был направлен в полк МВД на охрану тыла Волховского фронта.

В 1943 году Семена Ермолаевича направляют в Свердловск, на учебу в школу МВД. Квалифицированные военные кадры внутренних войск, как вскоре выяснилось, стали очень нужны и на освобожденных территориях. Вдвойне неспокойно было на Западной Украине, которая перед самой войной, в 1939 году, вошла в состав СССР. Во время войны на освобожденной от фашистов территории стали действовать вооруженные банды украинской повстанческой армии, рьяно выступающие за самостийную Украину. Они были хорошо оснащены немецким оружием. Сюда и был направлен Семен Ермолаевич оперуполномоченным МВД по борьбе с бандами. Позже его назначили заместителем начальника отдела. Им были хорошо изучены окрестности города Ровно, вся Волынская область. Стычки с бандами, насчитывающими порой добрую сотню бойцов, происходили регулярно. В задачу С. Е. Складника входила организация операций по установлению местонахождения банд и их уничтожение совместно с войсковыми группами. Здесь за успешную операцию с бандами Семен Ермолаевич получил орден Отечественной войны. Всего же у него больше десяти наград.

Тринадцать лет носил С. Е. Складник военную форму. К моменту выхода в запас был он уже лейтенантом. В 1947 году, когда на Западной Украине стало относительно спокойно, его перевели в Пермскую область в управление МВД. Так что его военная служба закончилась только в 1950 году.

Был он уже семейным человеком. С женой Тамарой Николаевной познакомился в Свердловске, когда учился в школе МВД, так что не случайно после его увольнения в запас местом жительства они выбрали Урал. В Верхней Пышме Семен Ермолаевич устроился начальником охраны Пышминского рудника. Позже руководил жилищно-коммунальным отделом рудника, был начальником штаба гражданской обороны. С 1975 года работал заместителем начальника ЖКО комбината "Уралэлектромедь". Выйдя на пенсию, возглавил добровольную народную дружину. Так что в душе он остался военным, а опыт, приобретенный на фронте, ему пришлось использовать почти всю жизнь.

Людмила ПРИВАЛОВА.

"За медь", № 5, 3.2.2000 г.

ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ

ПИСЬМО С ФРОНТА О ГИБЕЛИ АЛЕКСАНДРА ПАТРУШЕВА

В 1942 году рабочий обогатительной фабрики, комсомолец Александр Патрушев добровольцем ушел в армию. Попал в противотанковые части. Была у него большая мечта: дойти до Берлина. Но не сбылась мечта. В боях за освобождение Литвы летом 1944 года немецкая пуля оборвала жизнь славного воина.

О том, как погиб герой, рассказывает начальник штаба воинской части капитан Черовал в письме к матери Александра Патрушева.

«...Рано утром большие силы противника перешли в контратаку. Наши воины встретили врага губительным огнем. Схватка была жестокой.

В числе принявших первый натиск немцев был и ваш сын Александр, командир отделения противотанковых ружей.

На огневую позицию двигалось десять бронированных чудовищ. Бойцы под командованием Александра Патрушева открыли по врагу огонь. Задымился один танк, второй, третий. Но фрицы все лезли вперед. Еще два танка запылали факелами. Остальные, не выдержав, повернули назад. Но не успели уйти танки, как показалась немецкая пехота. Храбрецов обходили с двух сторон. Воины встретили врага шквальным огнем автоматов и ручных гранат. Однако бой был слишком неравным.

Горстка смельчаков погибла, но не отступила. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, младший сержант Александр Патрушев посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени».

«Красное знамя», № 49, 28.03.1965 г.

РЕДАКТОР-ВОИН

За свою жизнь я работал со многими людьми. И одним из тех, кто оставил яркий след в моей памяти, стал коммунист Валентин Федорович Трусов — редактор городской газеты «Красное знамя» летом 1941 года.

Он родился в 1902 году в семье рабочего в Соликамске. Родители жили в бедности, и поэтому Валентин сумел окончить только начальную школу. С таким багажом знаний он и вошел в жизнь. Там, в Соликамске, и прошла его юность. Там он, рабочий Боровского государственного соляного завода, по ленинскому призыву в 1924 году вступил в ряды Коммунистической партии.

Все эти годы его не оставляет желание учиться. И Валентин Трусов едет в Свердловск. 1 августа 1930 года его зачисляют студентом газетного отделения Уральского областного коммунистического университета им. В. И. Ленина. Незаметно проходят годы учебы. Как лучшего выпускника, его назначают заведующим

кабинетом печати Свердловских областных курсов коммунистов-журналистов.

С 1938 года Валентин Федорович работает на СУГРЭС редактором многотиражной газеты. Через год, в марте 1939 года, он направляется работать заведующим парткабинетом райкома партии и заместителем редактора городской газеты «Красное знамя». Когда Александр Анисимович Чистов ушел на фронт, Валентин Федорович был назначен редактором газеты. Он и был им до призыва в армию в сентябре 1941 года.

Это был простой и чуткий к людям человек. К нему, как к работнику газеты, часто обращались со своими бедами, со своими горестями. И каждого он внимательно выслушивал, одним этим показывая уважение к собеседнику, каждому старался помочь. Все люди для него были дороги, радость и горесть любого он близко принимал к сердцу. Близкими были для него и все наши городские дела. О делах хозяйства города и села он хлопотал всегда настойчиво; к любому вопросу подходил так, будто он непосредственно в ответе за то, что встретил ненормальное в делах завода, колхоза или пошивочной мастерской.

Часто Валентин Федорович писал мне с фронта. Его интересовало все: чем жил город и наши села, часто спрашивал о наших общих знакомых. И это хорошо чувствуется из писем, отрывки из которых помещает сегодня наша городская газета. Очень любил он и детей. К ним часто обращался в письмах, особенно к младшей дочери Воле.

Являясь заместителем командира 716-го стрелкового полка по политической части и редактором дивизионной газеты, он звал воинов на разгром лютого врага. За свои боевые дела В. Ф. Трусов был награжден двумя орденами: орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени.

К концу шла Отечественная война. Окончательная победа была близка. И вот когда уже до Дня Победы оставались считанные дни, этот чудесный человек погиб на полях Восточной Пруссии, на подступах к Кенигсбергу.

Идут годы. Подросли и сыновья Валентина Федоровича. Валерий Трусов окончил Среднеуральский энерготехникум и сейчас работает дежурным инженером Верхне-Тагильской ГРЭС, Владислав является заместителем начальника производственно-технического отдела Среднеуральской ГРЭС. Воля закончила радиотехникум им. Попова и сейчас работает контролером в литейном цехе Исовского прииска.

Помнят Валентина Федоровича в Среднеуральске, помнят его и в Верхней Пышме. Именно на примере жизни таких людей и надо воспитывать подрастающее поколение. Имя коммуниста Валентина Трусова неплохо бы увековечить и в названии одной из улиц г. Среднеуральска. Своими трудовыми и боевыми делами он это заслужил.

Г. ШИРОКОВ.

Письма В. Ф. Трусова

14.06.42. Из газет узнал много нового и хорошего, прямо отличного про уральцев. Это из Указов о награждении и очерков о бойцах, стахановцах военного времени. Жаль только, что о сугрэсовцах и пышминцах упоминания нет. В чем дело, не понимаю. Есть и у нас успехи в продвижении. Живем мы одним — стремлением быстрее разгромить Гитлера.

19.07.42. Сегодня 19 июля — день моего рождения. Весь день до вечера был занят с очередным номером красноармейской газеты. Вечером пили чай и ели консервы. Вспоминали про гражданскую жизнь. Ребята расспрашивали про вас и всех родных. Видел Иванова, который работал на СУГРЭСе в типографии. У нас сегодня праздник есть еще больший: поганых фрицев побили и погнали на запад.

30.10.42. Здравствуй, Григорий Матвеевич! Поздравляю тебя и семью с великим празд-

ником — двадцатипятилетием Великой Октябрьской революции! Желаю тебе и семье многих, многих лет работы на пользу Родины!

Как-то вы нынче справляетесь со всей работой? Иван Степанович Мартьянов писал мне, что работали неплохо и заводы и колхозы. Медеэлектролитный завод знамя получил. Об этом я читал в газетах.

4.12.42. Здравствуй. Григорий Матвеевич! Рад за твои успехи и желаю еще больше! Готовьтесь к весенней посевной на преотлично!

1.01.43. Привет, Григорий Матвеевич! С новым годом, с новым счастьем поздравляю тебя, старина, твою семью, твоих товарищей и всех, всех. Ну, как ты живешь? Что нового? Я от Тани Чухниной получил письмо. Она от меня совсем близко, только до дому все равно не свидеться. Читал про молодцов-горняков пышминцев, но ничего не знаю о сугрэсовцах.

Как в Мостовой, Балтыме? Каковы успехи А. Ф. Секачева? Привет ему!

8.02.43. (сыну Валерию). Приняли ли тебя в комсомол? Посылаю тебе газетную вырезку о юном герое Отечественной войны Ване Андрианове.

22.02.43. На заседании вспомните о Саше Чистове (годовщина его гибели). Не забудь о золотом человеке! Хорошо?

29.08.43. Гоним немца на запад, а это значит, дел, ой, как много, и дел горячих. Он-то ведь огрызается еще здорово на отдельных участках. Тут его измотают, обескровят и прикончат, и опять вперед и вперед. Освобождаем родную Украину. Так что дел много, а впереди еще больше и больше. Бьем и добьем все же фрицев. Тыл помогает крепко, ой как крепко и отлично.

12.09.43. Григорию Матвеевичу от Трусова после длительного молчания большой, большой привет! Привет боевой с родной Украины! Да, дела, Григорий Матвеевич, дела! Бьем фрицев день и ночь успешно. Правда, огрызается враг порой и очень здорово, но бежит, бежит зверь в свое логово. ...Кто у вас теперь вторым секретарем РК ВКП(б)? Рад за успехи твои в стройке, в сельском хозяйстве.

15.10.43. (письмо жене). Здравствуй, Оля! Успехи наши на фронте хорошие. Желаю вам: помогайте нам крепче, быстрее разобьем немца-гада. Читал в «Правде» о награждении Мартьянова и Труфанова. Привет им, привет! У Днепра здорово бьем немца, бьем все сильнее и сильнее.

23.12.43. Да, пишу редко, т. к, все время в движении. Теперь уж близко от бывших государственных границ СССР. Продвигались с боями, воевали неплохо и бьем опять фрицев смертным боем. Работаю я на той же работе, что и дома.

17.01.44. Григорий Матвеевич! Посылаю тебе вырезку из красноармейской газеты «Вперед за Родину» от 1.07.42 о батальонном комиссаре А. А. Чистове. Хранить мне ее сейчас, при движении, усиленном преследовании немцев, опасно. Пропадет, потеряю. Прочти ее в райкоме партии, на райисполкоме, может, и на собрании партактива, потом я о нем напишу в газету. Живу ничего. Будет лучше. Не писал домой потому, что болел и двигаемся вперед успешно, так что все в заботах. Ну, будь здоров, дорогой.

14.09.44. Живу по-старому. Работы много, дела еще больше. Фрица гоним в берлогу. У нас тут еще и осенью не пахнет. Ночью-то, правда, холодновато, а днем тепло все же. Дождей нет. Так что спать под открытым небом можно и хорошо.

19.10.44. Здравствуй, Оля! Сегодня во время нашего продвижения по вражеской территории получил два письма. Большое спасибо! О себе и товарищах могу сказать одно: успешно и с жаждой великой мести гадам-фрицам идем по территории берлоги вражьей. Привет вам, привет! Писать больше некогда. Идем вперед.

15.12.44. Получил от вас книги. За книги огромное спасибо и от меня и от друзей моих. Зачитываемся, хотя канонада стоит день и ночь. Добиваем врага. Книги сохраним и вернем обратно. На фронте были они, памятные будут.

21.12.44. Здравствуй, моя милая Оленька! Можешь поздравить меня, награжден вторым орденом в этом году — орденом Отечественной войны II степени. Это мне объявил сегодня командир наш. Получен он мною за боевые дела по прорыву вражеской обороны в Восточной Пруссии. Что были за дела, расскажу при встрече. Встреча недалека. Поздравляю тебя, и ребят, и бабушку с Новым 1945 годом! Годом встречи постоянной нашей и детишек.

Ребята! Любите бабушку! Она вас выходила и вырастила. Дети! Любите маму! Она вас воспитала, она вам жизнь дала. Милые, помните Андрюшу. Он так жить хотел. Жизнь у него фашист отнял. Ну, будьте здоровы.

21.12.44. (Письмо дочери). Здравствуй, Воленька! С новым годом, с новым счастьем поздравляю тебя. Уж в новом-то году мы с тобой встретимся обязательно и навсегда будем вместе. Привет тебе новогодний! Ну как, ребята и мама елку сделали тебе к новому году или нет? Бегаешь ли ты, моя милая, на улице в новых валенках? Напиши мне письмо. Нарисуй домики, твои лыжи, что тебе Валерий и Владик сделали. Воля! Папу твоего наградили вторым орденом — орденом Отечественной войны II степени. Поздравь меня. Ну, будь здорова, дочка! До скорой встречи. С новым годом, деточка, с новым годом! Будь здорова!

ПАПА.

3.01.45. Здравствуй. Оля! Сегодня я получил и прицепил на грудь орден Красной Звезды. Сегодня же получил письмо от Широкова Григория Матвеевича. Пишет, что Саша Брагин был дома. Как там у вас жизнь? Как погода? Что читают ребята? Как живет Мария Петровна Минеева?

3.01.45. Григорий Матвеевич! Могу тебя порадовать: сегодня получил и на грудь прицепил орден Красной Звезды. Ну, а все-таки, Григорий Матвеевич, как дела в вашей округе? Как цементный? Как Мостовской колхоз? Как Ваганов в Мурзинке? А Федор Федорович Попов все еще в Исетском совхозе? Что пишет Георгий Васильевич Волков? Бурлаков?

Передай привет всем-всем: Маше Дементьевой, Даше Зыковой, Наде Солодковой, Трошковой, Минеевой, Ивашкевич, Серковой и всем знакомым. Представь! Хотел много написать и ничего не вышло. При встрече больше расскажу. Эх и погода же у нас: то холодно, то мокро. И что с погодой? У вас на Исети-то ведь снег, валенки.

13.01.45. Сейчас бьем фрица на его земле. Гоним и гоним. До Берлина! Домой с победой буду! Ну и все пока, родные!

Это письмо было последним.

21 января 1945 года Валентин Федорович Трусов — замполит 716-го стрелкового полка, редактор дивизионной газеты — погиб. Похоронен он в отдельной могиле в местечке Радмен (теперь г. Озерск Калининградской области).

Письма подготовил к печати В. ГРИНЕВИЧ.

«Красное знамя», № 54, 8.05.1973 г.

ПИСЬМО С ФРОНТА 22.01.1943 Г.

Недавно Федор Прокопьевич Игнатов получил письмо из действующей армии, в котором командование пишет о его сыне Тимофее. Сегодня мы печатаем это письмо.

«Поздравляем Вас, отец Федор Прокопьевич и мать с новым 1943 годом! Желаем здоровья, счастья!

Выносим командирскую благодарность за воспитанного Вами сына, патриота Родины Тимофея Федоровича. Находясь в нашем подразделении, он четко выполняет приказы командования, служит примером дисциплинированности и чуткости. Восемь истребленных фрицев имеет Тимофей Федорович на своем боевом счету. Мы гордимся вашим сыном. Он стал у нас любимцем всего подразделения.

Вы, Федор Прокопьевич, можете гордиться сыном. Он честно выполняет долг пред Родиной, очищая нашу священную землю от немецкой нечисти.

Недалек тот день, когда окончательно уничтожим гитлеровскую армию и вернемся к своим родным жить счастливой свободной жизнью. Примите от нас привет.

Командир роты, лейтенант Файзулин,

зам. командира роты по политчасти Кочетков».

«Красное знамя», № 10, 22.01.1943 г.

* * *

ПИСЬМО С ФРОНТА В. ЗАХВАТКИНА 17.10.1941 Г.

В своем письме родителям Владимир Захваткин рассказывает, как он с боевыми товарищами выполняет боевые задания командования.

Он служит в батальонной разведке. Каждую ночь посещает укрепления немцев и пишет, что это очень интересно. Одно из таких посещений он подробно описывает в письме. Он пишет:

«Темной ночью мы пробрались на опушку леса, где находился секрет противника. Неожиданно обстреляли врага из винтовок, бросали гранаты в окопы. В суматохе, которая поднялась у немцев от неожиданного обстрела, мы скрылись, не имея потерь. Боевое задание было выполнено — секрет взят».

«Красное знамя», № 121, 17.10.1941 г.

ПИСЬМО И. П. ФОМЧЕНКОВА 17.10.1941 Г.

«Бойцы и вся наша армия очень довольны вашими подарками и вашей заботой о нас.

Мы знаем, что у нас крепкий тыл, а поэтому каждая вещь и подарок, полученные от вас, это крепкий удар по врагу».

«Красное знамя», № 121, 17.10.1941 г.

ПИСЬМО С ФРОНТА ПИШУТ ТАЛАЛАЕВ, СТЕРЛИКОВ, КОЖНЕВ И МОЧАЛОВ.

Бывшие рабочие коммунального отдела тт. Талалаев и Стерликов и рабочие электролитного цеха тт. Кожнев и Мочалов пишут с фронта:

«Тт. рабочие! Больше давайте стране меди, металла! Овладевайте военным делом!

...Заверяем вас, что в скором будущем враг будет побежден, что вся наша советская земля будет очищена от проклятых извергов».

Тов. Талалаев был свидетелем того, как фашистские звери живьем зарывали в землю двух красноармейцев. Под пулеметным огнем заставили это делать мирных жителей. А после этого стали отбирать скот.

«Красное знамя», № 123, 22.10.1941 г.

ПИСЬМО ОТ КАПИТАНА И. ШЕВЧЕНКО

На днях редакция получила письмо от капитана И. Я. Шевченко, редактора газеты «За победу!» В ней он пишет о верхнепышминце Петре Васильевиче Никифорове.

Петр Васильевич последнее время работал начальником вооруженной охраны, а раньше был плотником. Он член партии, активно участвовал в нашей газете.

«Тов. Никифоров пользуется среди бойцов нашей части большим авторитетом и уваже-

нием. Он — бывший лесоруб, а сейчас — фрицеруб. Так его у нас называют» — пишет в письме И. Я. Шевченко.

Ниже мы помещаем две заметки П. В. Никифорова, напечатанные в красноармейской газете «За победу!»

Убил 40 фрицев

Я — не снайпер и даже не отличный стрелок, а просто назван охотником за фрицами. Охота бывает разная, я помню, когда ходил на охоту за птицей — это было моим развлечением. А эта охота, здесь на фронте, вызвана глубочайшей ненавистью к фашистским захватчикам. Даже моя пятилетняя дочь пишет мне: «Папа! Бей фашистских гадов!» Ненависть к врагу проникла в детские сердца. «Папа! Бей фашистов!» — написано в письме буквами, похожими на домики. Я над этим задумался, это меня взволновало. Ибо, находясь на фронте несколько месяцев, я не имел на своем счету ни одного убитого фашиста. Надо убить немца — такая задача стояла передо мной. Несколько дней ходил на охоту — и все неудачно. 6 ноября — день исполнения моих желаний: я убил двух фашистов. 7 ноября убил шесть фашистов. 8 ноября сразил двух фрицев. Сейчас на счету имею сорок уничтоженных фрицев. Теперь я дочурке напишу: «Бью фашистских гадов! Бью и буду бить бандитов, которые пришли грабить нашу страну.

Снайпер П. НИКИФОРОВ».

Передаю свой опыт

На моем счету уже имеется 45 истребленных фашистских мерзавцев. Но я считаю своим долгом одновременно передать свой опыт другим бойцам, заботиться о расширении снайперского движения.

В нашем подразделении, как и в других, имеются такие бойцы, которые не верят в свои силы, считают, что они не способны стать снайперами, а некоторым выполнение этой задачи кажется непосильным делом.

Я стал разъяснять бойцам, что снайперское дело не так уж хитро. Надо только по-серьезному взяться и дело выйдет наверняка. Бойцы слушали мои рассказы, ходили со мною на «охоту», наблюдали, как я истребляю гитлеровских бандитов. Вскоре они сами стали ходить на «охоту» и уничтожать фашистскую нечисть.

Так открыли счета сержант Ахимов, комсомолец сержант Шадрин, кандидат в члены ВКП(б) сержант Тимофеев и другие.

Рост снайперского движения в нашем подразделении дал хорошие результаты: за ноябрь мы истребили восемьдесят фашистских мерзавцев.

Снайпер П. НИКИФОРОВ».

«Красное знамя», № 7, 15.01.1943 г.

ПИСЬМА ВИКТОРА КУРМАЧЁВА

Верхнепышминец Виктор Курмачёв родился в 1922 г. в селе Усениново Туринского района. В Верхнюю Пышму семья Курмачёвых приехала в 1931 году.

Жили в доме № 15 по улице Октябрьской, а потом отец построил маленький домик в районе рудника. Учился Виктор в школе № 23 (ныне школа № 2) с первого класса по шестой, а потом поступил в только что открытое в Свердловске ремесленное училище. Вместе с братом Александром участвовал в художественной самодеятельности клуба «Цветмет», играл в стунном оркестре на домре. Летом увлекался рыбалкой, футболом, плаванием, зимой — коньками и лыжами. Увлекался Виктор и военными играми. Смастерит, бывало, пулемет с трещеткой, наберет ватагу ребят и хороводит ею. В играх он постоянно был командиром, сверстники слушались его беспрекословно.

«У Виктора был очень спокойный характер. Его отличали выдержанность, корректность

в обращении с товарищами! Он никогда не зазнавался», — отмечает его брат Александр Константинович Курмачев.

Семья Курмачевых, как, впрочем, и многие наши семьи в те, тридцатые годы, жила очень тяжело. Отец работал конюхом на конном дворе рудника, мама — санитаркой в больнице. Семья большая, постоянные недостатки и это, может быть, сказалось на отношении детей (а их в семье было много) к людям, к жизни. Дети во всем старались помочь родителям, не огорчать их. О том, чтобы ребята даже курили, и речи об этом не было. И сыновья росли крепкими, здоровыми. Помогали и занятия спортом. Зимой постоянно катались на лыжах на Маниной горе; здесь же проводили время и летом. Рыбачить ходили на Балтым. Купались на Ключах, на разрезах за обогатительной фабрикой, но чаще всего ходили на Балтым. После окончания ремесленного училища Вектор работал сантехником.

Началась война. Просился добровольцем, не взяли. Но вскоре призвали и направили на Дальний Восток. Месяца четыре служил на подводной лодке, а в сентябре 1941 года Виктора направили в военное училище в городе Шуя.

Два года прошли в напряженной учебе. Виктор уже опасаться начал, как бы там без него война не закончилась, но войны хватило и на него, даже с избытком.

30 ноября 1943 года Виктор писал из училища: «Дорогие родители! Сообщаю вам, что учебу свою закончил на «отлично» и «хорошо» и выпущен в звании лейтенанта. Сегодня у нас выпускной вечер. А в ближайшие дни отправляемся на фронт. Обо мне не беспокойтесь. Поеду судьбу свою еще раз решать до полного разгрома немецких захватчиков».

Попал Виктор в Белоруссию в состав 1193-го стрелкового полка 360-й Невельской стрелковой дивизии 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. Принимал участие в боях у городов Великие Луки и Полоцка, в освобождении г. Даугавпилса, в наступлении на Ригу.

За бои под городом Великие Луки в феврале 1944 года Виктор был награжден орденом Красной Звезды.

18 июня 1944 года, в день получения первого ордена, он писал своему брату Аркадию:

«У меня очень много комсомольцев. Правда, молодые, необстрелянные, но думаю, что воевать будут хорошо».

В августе 1944 года за бои на Западной Двине 1193-му стрелковому полку, в котором служил Виктор, было присвоено наименование «Двинский» и об этом он с гордостью пишет 4.08.1944 г. в В. Пышму:

«Фронтовой привет! Здравствуйте, мои дорогие родители! Посылаю вам свой горячий, сердечный привет и массу самых хороших пожеланий!

Мама! Сообщаю, что я жив и здоров. Успешно двигаемся вперед. Уже две благодарности получил от Верховного Главнокомандующего и это для нас большая радость. Сегодня у нас затишье и я пишу вам письмо. Могу еще сообщить вам, что представлен ко второму ордену — ордену Отечественной войны II степени. (Орден Виктор получил 9 сентября 1944 г.)

Комсомольцы мои дерутся как львы. И в этом есть и моя заслуга. А где нужно мне быть впереди, там и я появлюсь. То и дело то ползешь, то лежишь, то бежишь. Так и поседеть недолго.

...А в Западной Двине много фрицев потопили. Ну, вот и все. Остаюсь жив и здоров. Ваш сын Виктор».

Но не все было так спокойно, как об этом писал Виктор. В начале октября при взрыве вражеского снаряда Виктор был оглушен, контужен и засыпал землей. Несколько дней провел в госпитале. В письме от 10.10.1944 г. об этом несколько строк:

«Думал, что достанется сильнее, но мне повезло. ...Судьба моя еще впереди».

В ноябре 1944 года войска 4-й ударной армии в рядах которой находился старший лей-

тенант Курмачев, сражались за освобождение западной части Латвии, за ликвидацию Курляндской группировки противника.

В письме от 15 ноября 1944 года он писал:

«Задача наша состоит в том, чтобы еще раз ударить по врагу и добить, добить его... Работа моя все с молодежью. А молодежь, если ее нацелить правильно, она очень хорошо действует. И я своими солдатами очень доволен.

...Посылаю фотографию. Она неважная, но возможность сняться лучше будет только в Берлине. Тогда и вышлю». Но это письмо Виктора Курмачева было последним. 27 декабря 1944 года командование полка направило матери Виктора Екатерине Ивановне Курмачевой письмо следующего содержания:

«Уважаемая Екатерина Ивановна!

С чувством огромного сожаления вынужден сообщить вам печальную весть о смерти вашего сына Виктора, последовавшей 22 декабря сего года. Сообщаю вам некоторые подробности.

Находясь в боевых порядках пехоты на одном из рубежей, по личной инициативе Виктор организовал отражение контратаки противника; своей храбростью и стойкостью способствовал удержанию важного рубежа. Здесь же вражеской пулей и был убит.

Мы не собираемся вас успокаивать, уважаемая Екатерина Ивановна, ибо нам понятно горе матери и, естественно, трудно найти слова утешения, потеряв такого сына, как Ваш Виктор. Вместе с Вами, не в меньшей мере, тяжела утрата и для нас — его боевых товарищей. В течение долгого времени мы делили сообща и радость и трудность наших фронтовых будней.

Ваша утрата — наша утрата. Самой лучшей памятью о нем является наше мщение ненавистному врагу. За смерть Виктора враг немало пролил уже крови в последних боях. Самым лучшим утешением для всех нас и для Вас — матери, является тот факт, что погиб Виктор смертью героя в борьбе за наше справедливое дело.

И Вы, Екатерина Ивановна, должны гордиться таким сыном, воспитав его воином-большевиком.

С глубоким уважением к Вам майор ДАВИДОВИЧ,
капитан ВЛАСЮК».

А в феврале 1945 года Екатерина Ивановна вместе с личными вещами Виктора получила орден Отечественной войны II степени и письмо от начальника штаба полка:

«Уважаемая Екатерина Ивановна!

Высылаю Вам орден Вашего сына старшего лейтенанта Курмачева Виктора Константиновича, геройски погибшего в бою с немецкими захватчиками за свободу и независимость нашей Родины, как память о нем и Великой Отечественной войне.

Начальник штаба майор Асанов.
10 февраля 1945 года».

И этот орден — единственное, что осталось от сына Виктора, Екатерина Ивановна хранит, как святыню. Когда поблизости никого нет, развернет она красную тряпочку, в которую завернут этот орден, и целует, целует холодный металл. Этим она отдает дань так рано ушедшему из жизни сыну Виктору.

Так жил, так сражался и так погиб наш земляк Виктор Константинович Курмачев.

В том, что он вырос настоящим патриотом, заслуга учителей школы № 2 (в прошлом школы № 23): классного руководителя Анны Ивановны Березиной, учителя географии Валентины Петровны Деменевой, математика Вассы Дмитриевны Ретневой и многих, многих других.

Виктор Константинович Курмачев — это славный сокол, славный сын советского народа. Он — один из тех, кем во все времена должна гордиться Верхняя Пышма.

В. ГРИНЕВИЧ.

«Красное знамя», № 39, 2.04.1970 г.

ПИСЬМО В. М. СОЛОМЕИНА ОТ 15.08.1944 Г.

На мемориальной доске над входом в здание школы высечены десятки фамилий бывших учеников и учителей, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны. Есть здесь и фамилия учителя Виталия Матвеевича Соломеина, фотография которого хранится в школьном музее.

В 1938 году в школу пришел новый учитель физкультуры. Голубоглазый, светловолосый, с открытым мужественным лицом. Как только он появлялся в коридоре школы, его сразу же окружали ученики.

В 1941 году Виталий Матвеевич ушел на фронт, но со многими своими учениками и учителями школы поддерживал переписку. В 1943 году писем от него долго не было, и многие подумали, что он погиб. Как вдруг в августе, а затем и в октябре 1944 года, он написал бывшему в те годы председателем райисполкома Григорию Матвеевичу Широкову. Эти письма Григорий Матвеевич не так давно подарил следопытам школы на встрече выпускников военных лет, и теперь они публикуются впервые.

«Здравствуйте, дорогой Григорий Матвеевич! Шлю вам свой привет и массу наилучших пожеланий в вашей работе и жизни. Вы, конечно, очень удивитесь моему письму, но прошу этого не делать. Я просто выбрал свободную минутку и решил напомнить вам о себе. Я сейчас нахожусь в Польше. Изгоняем поганых фрицев из польской земли. Польский народ нас встречает хорошо. Я служу в разведке и иду всегда по пятам фрицев впереди наших частей. Так что часто мы, разведчики, входим в населенные пункты первыми представителями Красной Армии. Наши машины засыпают цветами, а на остановках предлагают фрукты, молоко, мед, зовут гостить в дом и т.д. Был я в отрядах польских партизан. Был и в тылу врага не раз. За рейд в тыл врага во Львов я и получил орден Красной Звезды.

Здоровье и самочувствие отличные. Погода нам благоприятствует, особенно сегодня (15 августа 1944 года). Только что мы были зрителями «концерта», который начали наши славные «катюши», а в заключение выступили «Илы», истребители и другие сталинские соколы. Многие фрицы от этого «концерта» ушли в преисподнюю. Ну и пусть! Они только этого и заслужили.

Ну вот пока и все. Привет от меня и от моих друзей, боевой гвардейский привет всем вашим трудящимся и молодежи Верхнепышминского района. Привет Т. Мартоянову, М. П. Минеевой, В. П. Анисимовой, П. П. Трошковой, Рязанову, Н. Солодковой и другим, кто меня знает.

Если у вас найдется свободное время от вашей работы, то я очень прошу черкнуть парочку слов бывшему преподавателю физкультуры школы № 1, ныне офицеру-разведчику войск маршала Конева.

Очень жду вашего письма,
В. М. Соломеин.»

Последнее письмо Григорию Матвеевичу Широкову Соломеин послал 1 октября 1944 года в момент длительной передышки от боевых действий. Поблагодарив предрайисполкома за вести о том, что район справляется с поставленными государственными задачами и поставками, разведчик сообщил о себе:

«Чтобы услышать о боевых делах наших соединений, следите в сообщениях о войсках соединения Рыбалко. Вот отдохнем, накопим силенок — и двинемся в последний решающий бой, который принесет гибель и разгром немецким варварам, а русским людям принесет славу, победу и счастье. Ибо дорога домой у каждого солдата русской армии лежит только через Берлин»...

Учитель не вернулся в свой город, к своим мирным занятиям. Больше не звучит его заразительный смех в коридорах школы. А его ученики и теперь не знают, где и при каких

обстоятельствах он погиб. Но юные следопыты школы продолжают поиск, пишут письма в центральные архивы страны. Они уверены, что такой мужественный и любящий свою Родину человек, как В. М. Соломеин, до конца остался верен себе, воинскому долгу. Поэтому свято хранят память о нем. Воспоминания о Соломеине часто звучат на вечерах встреч с выпускниками школы военных лет. Его имя носит один из пионерских отрядов.

Л. ФЕФЕЛОВА.

* * *

Учитель средней школы № 1 Виталий Матвеевич Соломеин одним из первых верхнепышминцев ушел на фронт добровольцем.

В наш город он приехал в 1937 году. Было ему тогда 28 лет. Воспоминания о нем учеников, учителей создают портрет живого, обаятельного, энергичного человека.

«Был Виталий Матвеевич обаятельной личностью, обладал большой душевной щедростью и для нас был авторитетом и любимым учителем», — пишут Антонина Абрамовна Лепинская и Прасковья Павловна Трошкова.

«Очень часто вспоминаю любимого учителя В. М. Соломеина и своих соучеников, погибших на фронте. Это о них напоминает нам Вечный огонь», — говорит П. И. Изюмова.

«Был он (Соломеин) остроумен, любил пошутить. Это был очень интересный и, мне кажется, красивый человек. Рост выше среднего, стройный, сильный, подтянутый, аккуратный», — рассказывает Ю. П. Подкин.

Е. АНТИПОВА.

«Красное знамя», № 55, 8.05.1984 г.

ПИСЬМО С ФРОНТА ВОЛГАЕВА МАСТЕРУ МЕХАНИЧЕСКОГО ЦЕХА ПЫШМИНСКОГО ЗАВОДА ТОВ. ГАЙНУЛЛИНУ

Сообщаю, что я жив и здоров. Передаю свой чистосердечный привет. Желаю Вам и всему коллективу цеха доброго здоровья и производительного труда для быстрейшего разгрома ненавистного врага.

Здесь, на фронте, мы честно выполняем свой долг перед Родиной, преодолеваем все трудности.

За самоотверженную борьбу с немецкими захватчиками я награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Призываю коллектив цеха работать так, как герои сражаются на фронте.

Жду ответа, ВОЛГАЕВ.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО КОЛЛЕКТИВА МЕХАНИЧЕСКОГО ЦЕХА

Дорогой тов. Волгаев! Передаем привет от коллектива, в котором ты работал и рос. Искренне поздравляем тебя с боевыми заслугами и награждением двумя орденами.

Коллектив цеха гордится тобой — своим земляком, как замечательным защитником нашей великой отчизны. Желаем тебе добиться еще больших успехов по уничтожению проклятых гадов и возвратиться к нам с победой. Со своей стороны коллектив цеха приложит все силы и все знания для того, чтобы еще лучше помогать вам, фронтовикам.

Для строительства вооружения и боеприпасов продукции мы будем давать все больше и больше. В предмайском соревновании усилим борьбу за первенство. Ведь в коллективе у нас есть замечательные люди — токарь тов. Хабаров, стропали тт. Потаскуев, Маляхина, Тихомиров и многие другие выполняют до двух-трех норм.

Сейчас наш цех готовит оборудование завода. Постараемся сделать все, чтобы завод имел возможность удвоить выпуск своей продукции.

Передай от нас привет своим товарищам по оружию. Пиши нам письма. Мы рады им и будем отвечать.

По поручению коллектива начальник цеха АСТАПКОВИЧ,
мастер ГАЙНУЛЛИН.

«Красное знамя», № 27, 14.03.1949 г.

ПИСЬМО КОМСОМОЛЬЦА СТРУКОВА

Боевой новогодний привет с фронта всем родным и знакомым!

...Недавно получил от вас письмо. Я горд вами за ваш труд.

Возьмешь патрон, гранату или другой «гостинец» для фашистских извергов, и везде есть хоть небольшая частичка продукции нашего завода. Везде есть медь!

...С боевым приветом, комсомолец Струков.

«Красное знамя», № 14, 30.01.1942 г.

ПИСЬМО ПОЛИТРУКА СОРОКИНА

Товарищи шахтеры! В 106-м гвардейском полку в минометной роте служит наводчиком Михаил Татауров, ваш земляк, бывший шахтер. Он — смелый и отважный воин.

Так только за 4 сентября 1942 года под ураганным огнем противника Михаил Татауров, благодаря точной наводке, уничтожил до двух взводов вражеской пехоты и два миномета с прислугой.

Тов. Татауров представлен к правительственной награде.

Гвардии политрук СОРОКИН.

«Красное знамя», № 125, 16.10.1942 г.

ПИСЬМО БОЙЦОВ ГУРЬЕВА И БОЙКО

Дорогие земляки-пышминцы! Сейчас мы на фронте. Прочитав в газете Правда» о ваших достижениях в 1942 году, гордимся вами.

Большое расстояние разделяет нас, но единит нас одно — стремление скорей победить ненавистного врага.

У нас горячая боевая жизнь. Но где бы мы ни были, мы следим за вами. Нас радует, что наши друзья и товарищи по работе, оставшиеся в тылу, честно выполняют свой долг перед Родиной. Они также самоотверженно работают для победы над врагом.

Дорогие товарищи! Примите от нас новогодний привет и самые лучшие пожелания!

Поздравляем вас с получением переходящего Красного Знамени Государственного Комитета Обороны! Желаем дальнейших успехов в работе!

Действующая армия. Бойцы ГУРЬЕВ, БОЙКО.

«Красное знамя», № 19, 14.02.1943 г.

ПИСЬМА С ФРОНТА

«Здравствуйте, мои дорогие родители, сестренка Ниночка и браток Виктор! Шлю я вам свой боевой командирский привет. Поздравляю вас с новыми производственными успехами. Дорогие папа и мама, я очень рад и благодарю вас за всемерную помощь фронту, Красной Армии.

Папа, ты прости, что я задерживаю ответы на письма, но ведь у меня только недавно начала действовать рука. Здоровье идет к лучшему.

...Часто вспоминаю боевых друзей — политрука Александрова, красноармейца Шулепова. Они — настоящие герои. Однажды во время жаркого боя у пулеметчика Шулепова отказал пулемет. Он, несмотря на ураганный огонь противника, на месте исправил пулемет, и в тот момент, когда решалась судьба многих товарищей, открыл уничтожающий огонь по вшивым мерзавцам. В этот момент опять несчастье — ранило нашего политрука. И когда его стали уносить с поля боя, он приподнялся и отдал приказ: «Анатолий, командуй!» Проводив глазами своего любимого друга, я быстро оценил обстановку и поднял роту в атаку. И когда бежал впереди, меня ранило. Но я не выпускал винтовку из рук, а только на мгновение задержался от боли в плече, а мои товарищи были уже впереди. И вот когда выбивали этих вшивых голодранцев из деревушки, я начал терять силы, рука моя не владела. Но приказ был выполнен.

Отец, ты знаешь меня. И вот я скоро снова вернусь в ряды доблестной Красной Армии, чтобы еще сильнее бить фашистскую нечисть. Клянусь тебе, отец, что не запятнаю твоего имени старого коммуниста.

До свидания. Ваш сын Анатолий ЧИЖОВ.

«Красное Знамя № 24, 22.02.1942 г.»

...Сегодня нашей части присвоено звание гвардейской. Свое слово — беспощадно разить врага — мы сдержали. Гордимся, что наши груди украшены почетными знаками «Гвардия» и медалями «За оборону Сталинграда» и это сознание гордости вливает в нас новую силу на борьбу с лютым врагом.

Дорогие товарищи! Я не мог равнодушно читать о ваших достижениях. Каждая строчка напоминала наш красавец завод, шахты, обогатительную фабрику, весь наш Урал. Каждая строчка вызывала во мне огромную радость. Я знал, что ваши достижения — это мои боевые успехи, наши победы, что это неразрывно все связано, несмотря на расстояние, которое нас разделяет.

Ваш друг и товарищ, ваш воспитанник
гвардии сержант Вадим РУСЯЕВ.

«Красное знамя», № 44, 30.05.1943 г.

* * *

Здравствуйте, дорогие земляки! Я — в действующей армии. Правительство, народ призвали меня защищать Родину. Это великое доверие я оправдываю. Я открыл личный счет по уничтожению гитлеровского зверья. Уже 31 фриц убит мною.

Правительство оценило мое старание и наградило меня медалью «За боевые заслуги». Эту награду я оправдаю — Родину буду защищать до последней капли крови.

Сейчас я вступаю в ряды Коммунистической партии. Товарищи земляки! Только вашей самоотверженной работой в тылу, нашей стойкостью и отвагой на фронте можно сокрушить ненавистного врага. Увеличивайте производительность труда, выпуск продукции для фронта.

Ваш земляк, бывший рабочий ПМЭЗ Н.В. ГОЛУБЕВ.

«Красное знамя», № 12, 29.1.1943 г.

СУДЬБА ФРОНТОВИКА АНАТОЛИЯ ЧИЖОВА

Уважаемые товарищи! В рубрике газеты «Письма с фронта» («Красное знамя» за 28 апреля 1990 г.) опубликовано письмо фронтовика Анатолия Петровича Чижова, датирован-

ное 22 февраля 1942 года. Прочитав газету, мы тут же позвонили Анатолию Петровичу в Москву (где он живет в настоящее время), зачитали письмо (мы— это я и моя супруга Нина Петровна Чижова, упоминаемая в письме» ...сестренка Ниночка»), Сам факт опубликования его письма в газете он не помнит, но был очень тронут, даже растерялся, а немного придя в себя, попросил меня написать в редакцию и от всей души поблагодарить сотрудников газеты за добрую память и поздравить их от его имени с Днем Победы. Вот я и выполняю его просьбу.

Мне же кажется, что нелишне было бы рассказать о дальнейшей судьбе фронтовика. В этом году Анатолию Петровичу Чижову исполнилось 70 лет. В конце своего фронтового письма Анатолий пишет: «...Я скоро снова вернусь в ряды доблестной Красной Армии...» — писал-то он из госпиталя, еще не ведая, что два тяжелых ранения не позволят ему вернуться в строй. После госпиталя он стал инвалидом. Однако не мог он смириться с такой судьбой. Убедил медиков снять с него инвалидность, чтобы трудиться.

Тяга к технике и довоенная учеба в аэроклубе позволили ему (не без труда, конечно, одна рука плохо действовала) до конца войны работать авиатехником в Свердловском авиаотряде. Затем, чуть более двух лет, электриком Пышминского медеэлектролитного завода, а с 1948 года Анатолий Петрович до выхода на пенсию (в 50 лет) трудился в оборонной промышленности. Но и после выхода на пенсию он трудился еще 15 лет (последние годы в мастерских МГУ им. Ломоносова). Только состояние здоровья заставило его оставить работу. Всего два с небольшим года тому назад ему вручили красную книжечку инвалида Великой Отечественной. Трудолюбие и скромность — его главные качества.

В. КРУЗЕМЕНТ,
участник Великой Отечественной войны.
«Красное знамя», № 56, 10.05.1990 г.

ПИСЬМА ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЖУКОВА

8 июля 1944 года при ликвидации группировки противника, окруженной восточнее Минска, пал смертью храбрых гвардии майор, коммунист, кадровый военный с 1933 года Василий Михайлович Жуков. На фронт он отправился из Верхней Пышмы. В извещении было сказано, что похоронен Василий Михайлович на Долгобродском военном кладбище города Минска в 70 метрах северо-западнее церкви.

Шли трудные военные и послевоенные годы, родным было не до поездок в Белоруссию. И могила была утеряна. Несколько раз родственники ездили в Минск, но безуспешно. И только в октябре 1973 года Зинаида Васильевна Федотова, жена Василия Михайловича, получила из Минска письмо, в котором было сказано: «Могила вашего мужа найдена. Приезжайте!» Это писала жительница Минска Елизавета Николаевна Гулис, одна из старейших членов компартии Белоруссии, партизанка.

И вот в декабре 1973 года сын Василия Михайловича Владислав Васильевич Жуков, инженер опытного завода, выехал в Минск. Елизавета Николаевна проводила его на Долгобродское кладбище. Прошли аллеей, где похоронены освободители Минска — Герои Советского Союза и крупные военачальники. Здесь же — могилы комсомольцев-подпольщиков Минска, партизан. Некоторые из них погибли в 15—17 лет.

«А вот и могила вашего отца, Владислав Васильевич!» — сказала Елизавета Николаевна и указала на холмик...

Отца Владислав Васильевич не помнит. Он родился в канун войны. Ему было три года, когда в Верхнюю Пышму после пребывания в госпитале с кратким отпуском приехал его отец, майор в то время, Василий Михайлович Жуков.

Он родился в 1914 году в деревне Б. Петрово Славковского района Псковской области,

но жизнь его, Василия Михайловича Жукова, полностью связана с Уралом, с Верхней Пышмой.

29 апреля 1941 года Василий Михайлович вместе с женой приехал в Верхнюю Пышму к матери жены и здесь 7 мая 1941 года получил телеграмму такого содержания: «Срочно выезжай в часть».

В бой Василий Михайлович вступил в Белоруссии 3 июля 1941 года. Но все наши танки Т-26 сгорели в том бою. Наши части попали в окружение. Трудно было. Был эпизод, когда при движении ночью что-то заставило его обернуться. И Василий Михайлович увидел занесенную для удара руку с кинжалом. Это гитлеровец пытался поразить советского офицера. Мгновенная реакция и рука гитлеровца крепко сжата. Этим же кинжалом он и убил врага.

А лес был наводнен людьми. Подчас было трудно разобраться, где наши, а где немцы. Шли на восток ночами, шли лесами, шли тихо. Вышли из окружения уже на Смоленщине. Получили новые танки и снова в бой.

Зинаида Васильевна вот уже 30 лет бережно хранит десятки писем мужа с фронта.

Читать равнодушно эти документы невозможно, от них веет огненным дыханием тех боевых дней.

14 июля 1941 года.

Я нахожусь сейчас в районе Орши. Дерусь с противником. Бьем сукиного сына крепко, да и он дерется неплохо. Но это будет недолго. Скоро крепко обломаем ему зубы.

16 августа 1941 года.

Василий Михайлович пишет жене в Верхнюю Пышму: «Я живу, Зиночка, по-боевому, воюю с подлой гитлеровской сворой. И имею одно желание— как можно быстрее разгромить врага. Война серьезная, противник хитрый и коварный, но мы его все равно победим.

Ненависть моя к ним велика, как и у всего нашего народа. И я на танке со своей частью буду биться, не щадя своей жизни, чтобы освободить советскую землю от извергов человечества, чтобы дать возможность свободно жить советскому народу, счастливо жить молодежи нашей — молодому поколению и, в частности, нашему сынку».

Осенью 1941 года старший лейтенант Василий Михайлович Жуков в качестве заместителя командира танкового батальона участвует в боях под Вязьмой и Наро-Фоминском, в героической обороне Москвы, а в августе 1942 года — в боях под Погорелым Городищем, Зубцовом и Ржевом. С июня 1942 года он воюет в составе 31-й армии Западного фронта.

15 августа 1942 года.

«Вот уже несколько дней идут наступательные бои, в руководстве которыми принимаю непосредственное участие. Все время на передовых. Потерял всякое различие между днем и ночью. Спать приходится урывками, когда час, когда два.

Но когда пройдешь, посмотришь, прочувствуешь, что оставляет после себя это всеми проклятое гитлеровское зверье, бледнеет и теряется всякая усталость, весь организм до глубины души пронизывается жгучей ненавистью к врагу. Появляется одно стремление — идти вперед и бить зверя, иначе он будет бить тебя, твоего товарища, мучить женщин и детей. Ведь они и пришли к нам для того, чтобы поработить наш народ, уничтожить все лучшее, сделать нашу страну своей колонией, страною рабов. Но это им не удастся! Не такой наш народ, чтобы становиться на колени перед врагом. Мы победим во что бы то ни стало, иначе нам не простит история. Ваша задача — помогать нам всеми силами и всем, какая только есть возможность.

... Письмо пишу в то время, когда кругом рвутся снаряды и бомбы, а над головой почти беспрерывно воздушные бои. Вот только 10 минут назад наши ястребки сбили немецкий бомбардировщик. Оторвался я от письма и смотрел, как он загорелся и грохнулся о землю».

27 августа. 1942 года.

«... Бьем немцев неплохо. Имеем приличный успех и продвигаемся вперед. Правда, здорово устаю. Все мечтаю выбрать часов 5—6 и выспаться. В общем, когда-нибудь выберу и высплюсь. А сейчас нужно быстрее Родину освобождать от нечисти».

9 сентября 1942 года.

«Каждый день у нас происходят жаркие бои. Наши войска идут на запад, противник упорно сопротивляется, цепляется за каждую преграду, выгодную для обороны. Это ему не удается и он вынужден откатываться. Мы гоним его, а он беспрестанно огрызается. Уж очень не хочется ему уходить с нашей доброй земли. Нравится она ему. Ведь они же ее уже распределили: кому какой кусок будет принадлежать, кто будет владеть им и нашими людьми как рабами. А теперь приходится удирать.

Я ежедневно общаюсь с мирным населением, которое было временно под пятой гитлеровцев. Встречают наших бойцов со слезами радости на глазах, угощают чем только могут, предлагают последнее своим освободителям, говоря: «Мы теперь знаем, что такое фашисты. Это разбой, убийство, насилие, скотское обращение со всеми не арийскими».

Когда наши части наступали, в одной из деревень человек 15 женщин, детей и стариков спрятались в погреб, чтобы немцы не угнали их с собой. Так эти гитлеровские выродки со спокойствием садистов закрыли этот погреб и подожгли сверху. Все люди погибли. Спрашивается, за что? Вот вам фашистский порядок, вот их обращение с нашим народом. Можно ли спокойно смотреть на весь этот разбой? Можно ли быть безучастным ко всему, что происходит? Конечно, нет! Быстрее разгромить врага и изгнать его с нашей земли — это самое жгучее наше желание. Этим мы и живем».

3 ноября 1942 года.

«Скоро праздник — 25-я годовщина Октября. Как когда-то к нему мы готовились и как торжественно и весело его проводили!.. Помнишь Забайкалье? В этот день всегда было весело и людно. Утром я уходил на парад, а когда приходил, у тебя, Зиночка, все было готово к встрече: испечено, сжарено, сварено. А помнишь, как ты дня полтора жарила гуся? Но зато какой он вкусный был! Я его часто вспоминаю.

Как бы мы этот великий праздник встретили нынче! Ведь 25 лет, четверть века существования нашего советского государства! Как бы весь народ торжествовал! Но помешала нам черная, кровавая свора.

Сегодня я был в небольшом городке, из которого только что выбили врага. Кругом торчат разрушенные и полуразрушенные дома — дело рук фашистских мерзавцев. А ведь совсем недавно здесь были уют и порядок. И когда все это сопоставишь: недалекое прошлое и настоящее, такая ненависть появляется к врагу злая, какая-то мучительная, даже не нахожу слов выразить».

9 февраля 1943 года.

«Я фронтовик и я живу жгучим желанием как можно больше уничтожить гитлеровской мрази, быстрее победоносно закончить войну и с победой над лютым врагом вернуться домой».

15 февраля 1943 года В. М. Жукову присвоено звание майора.

22 марта 1943 года.

«Сейчас мы успешно идем вперед на запад. Настроение прекрасное, ведь каждый день приносит новое и новое освобождение родной земли, деревень, городов и нашего народа.

Гитлеровцы всеми способами огрызаются и стараются задержаться, мы их выбиваем и опять гоним на запад. Они с каждым днем стервенеют все больше и больше — грабят население, и до того уже до нитки ограбленное, жгут деревни, разрушают, насилуют, издеваются над беззащитными, это ведь их профессия. Ироды, отбросы человечества! Но наш народ им никогда не победить! Никогда!

19 августа 1943 года.

«Пиши, Зина, пиши чаще! Ведь получить письмо на фронте от родных — это же праздник для солдата: оно и театр, и музыку заменяет, и грусть солдатскую в мрачные минуты развеет, и дает возможность ярко представить лица близких, родных и их жизнь в тылу. А если редко с фронта получаешь письма, не особенно обижайся, ведь не всегда же есть возможность часто писать».

В декабре 1943 года Василий Михайлович Жуков направляется в Москву на всеармейское совещание. Вот что писала об этом совещании 30 декабря 1943 года газета Министерства обороны СССР «Красная звезда»:

«Закончилось продолжавшееся три дня фронтовое совещание офицеров, ведущих в соединениях работу по изучению опыта войны.

...Весьма поучительным был доклад майора Жукова об использовании танков в наступлении. Анализируя опыт боев, докладчик сделал ряд ценных выводов об условиях, обеспечивающих наиболее эффективное применение танков в наступлении». Этим докладчиком был Василий Михайлович. В Москве он побывал и еще раз.

20 февраля 1944 года.

«Вчера вернулся из командировки в Москву, куда был послан на военно-научную конференцию при академии бронетанковых и механизированных войск. Пробыл там с 7 по 18 февраля. На конференции, делая доклад, поделился опытом войск нашего фронта, послушал доклады больших величин науки и специалистов военного дела.

Из-за уплотненного рабочего дня не удалось, к сожалению, даже в театр сходить или в кино. О Москве могу сказать, что живет полным ходом, кипучей жизнью, все такая же многолюдная и оживленная, к чему очень трудно привыкнуть, приезжая с фронта. На несколько дней вылез из землянки и прожил в большом доме, на мягкой кровати поспал и к тому же на двух простынях — даже дико стало с непривычки».

3 мая 1944 года.

«...Одновременно с вашим получил три письма с Родины, со Псковщины. Пишут, что много друзей детства гитлеровцы повесили или расстреляли, а некоторых замучили в тюрьмах. Село Славковичи сожгли, в том числе и мамин дом. Родные места превращены в пустыню».

3 июля 1944 года.

«... Простите, что задержался с ответом. Идем вперед. Сначала били и гнали врага, а сейчас гоним и бьем; бьем так, что он и опомниться не успевает. В результате за 6 дней боев освобождены Орша, Борисов, а сейчас деремся на окраине Минска. Надеемся, что, не останавливаясь, пойдем дальше. Чувствую я себя хорошо, хоть спать в сутки приходится часа два, а то и того меньше.

С приветом, Василий».

Вечером того же дня он пишет домой последнее письмо:

«...Бьем врага. Освободили Минск. Двигаемся дальше. Нас теперь ничем не остановишь. Вперед на запад!»

8 июля! 1944 года, штабу бронетанковых и моторизованных войск 3-го Белорусского фронта, в котором работал В. М. Жуков, грозило нападение врага. По приказу своего начальника Василий Михайлович вылетел на самолете в одну из наших частей, чтобы подтянуть ее поближе для охраны штаба. Вручив командиру части приказ, он на автомашине выехал обратно. Товарищи потом писали: «Около деревни Рудня, что недалеко от Минска, он попал в засаду к власовцам, переодетым в гражданскую одежду. В упор был обстрелян и ранен гранатными осколками.

«Так, при выполнении ответственной задачи по уничтожению большой окруженной, группировки противника погиб В. М. Жуков, — писал Зинаиде Васильевне его друг, его со-

служивец Дмитрий Васильевич Широбоков. — Он не раз подвергался обстрелу при полетах на самолете над территорией, где было большое количество немчуры, и всегда выходил победителем.

Василий Михайлович относился к числу лучших офицеров Советской Армии: скромный, грамотный, тактичный, культурный офицер и особенно точный и аккуратный был в исполнении боевых задач. Со временем он обязательно был бы генералом. Вы должны гордиться им. Это был мой любимый командир и друг».

28 августа 1944 года парторг соединения, майор Павел Иванович Омета писал в Верхнюю Пышму: «Уважаемая Зинаида Васильевна! Горе Ваше велико и понятно нам, фронтовикам. Фашистские шакалы вырвали из нашей семьи замечательного воина и товарища Василия Жукова. Много черной вражьей крови прольют бойцы и офицеры Красной Армии за Василия.

...На днях подписали приказ о посмертном награждении Василия орденом Отечественной войны II степени. 4 июля он был награжден орденом Красного Знамени (получить его не успел), а еще ранее, в 1943 году — орденом Красной Звезды... Василий погиб за счастье других. Мужественно перенесите большое горе! Берегите себя и ребенка!»

29 сентября 1944 года Павел Иванович писал: «Василия ожидали богатые перспективы в будущем. Парень он умный, толковый, пользовался в войсках и среди нас огромнейшим авторитетом. Его образ сильный и светлый. Я лично очень обожал его. Но война есть война. Неизвестно, кто из нас увидит ее победный конец и будет радоваться за себя и других... Я лично ранен пятый раз. Бывали случая, когда из горящего танка выбрасывался сам, а бывало и так, что вытаскивали другие...

Сейчас готовимся к новым боям. Очень много работы.

... Сейчас два часа ночи. В стекла бьет липкий осенний дождь. По телефону беспрерывные звонки. Наши ребята разъехались на задания, кто на крытых машинах, а кто и на мотоциклах. А на дворе осень. Темень, хоть глаза выколи».

Такова история фронтовой жизни коммуниста и большого патриота нашей великой Родины Василия Михайловича Жукова. Пусть знают о ней жители нашего города, те, кто сам видел войну и те, кто знает о ней только по книгам.

К печати письма подготовил В. И. ГРИНЕВИЧ.

«Красное знамя», № 154, 24.12.1974 г.

* * *

Майор Жуков В. М. приказом по войскам 31-й армии Западного фронта № 060 от 13 мая 1943 года награжден орденом Красной Звезды, орден № 154242.

* * *

Майор Жуков В. М. приказом командующего БТ и МВ III Белорусского фронта № 011/Н от 2 августа 1944 года награжден орденом Отечественной Войны II степени. Орден № 208627.

* * *

Майор Жуков В. М. приказом № 0503 от 4 июля 1944 года во войскам III Белорусского фронта награжден орденом Красного Знамени.

СУДЬБА ПАВЛА ВАТОЛИНА

Сейчас глубокие, пушистые снега лежат на земле Новгородской. И, наверное, метель замела пути к солдатским могилам всех тех, кто погиб за деревню Володиху, за село Кипино, за эти поля, перелески, снега. К Дню Советской Армии — 23 февраля — дорожки к памятникам павших бойцов будут старательно разметены. И, как всегда, в праздничный день школьники принесут сюда цветы и венки; почтят память павших минутой молчания. На Урал,

в город Верхнюю Пышму, придут снова десятки писем Анне Ефимовне и Степану Петровичу Ватолиным.

В самый первый раз она даже испугалась. В почтовом ящике лежала пачка писем. Сначала Анна Ефимовна подумала, что они для всей улицы: когда нет почтальона, письма разносит один из жителей, вот ей и положили их. Стала читать адреса — вся пачка писем была только ей, ей одной!

«Я, ученица Кипинской школы Люся Михайлова, возлагала венок на могилу вашего сына. Мы будем помнить его вечно!

Анна Ефимовна, Степан Петрович, вы не беспокойтесь: у могилы вашего сына будет чисто. Весной мы посадим там всякие цветы, а осенью уберем все листья»...

Письма идут вот уже несколько лет. В них слова гордости и благодарности. В них продолжается короткая жизнь Павлика Ватолина, ставшего командиром разведчиков в 16 лет и погибшего восемнадцатилетним.

Каким он был? В школе любил общественную работу. Приходил в рабочий клуб писать лозунги и рисовать плакаты. Учился на курсах противовоздушной обороны и ГСО, был ворошиловским стрелком. В комсомол вступил 14-летним.

С начала Отечественной войны Павлику запала мысль пойти добровольцем на фронт. Его старшие товарищи уезжали в действующую армию. Шестнадцатилетнему Павлику говорили: «Рано тебе воевать, надо еще учиться». Он обращался в райвоенкомат — отказали, не успокоился, поехал в областной военкомат. Когда и там услышал прежние слова: «Рано воевать, учись», вскипел от обиды: «Я наркому обороны напишу и вам за это попадет!..»

Его послали на трехмесячные курсы радистов, после окончания курсов присвоили звание старшего сержанта и направили на Северо-Западный фронт, в Новгородскую область. Полтора года проходил здесь передний край обороны. Полтора года атак, бомбежек, обстрелов выдержали бойцы.

В январе 1943 года от Павлика пришло последнее письмо:

«Мама, через полтора часа иду в бой, вернусь или нет, не знаю. А все же жить хочется, хочется дышать, хочется посмотреть на вас хотя бы одним глазом. Сегодня вступил в ряды ВКП(б) и пойду в бой коммунистом. Если погибну, считайте, что был коммунистом...»

Командир взвода разведчиков Павел Ватолин погиб 17 февраля, а в день Советской Армии, 23-го, наши части выбили немцев из этих мест.

Анна Ефимовна и Степан Петрович тоже были на фронте,

Спустя 20 лет А. Е. Ватолина решила поехать в те места, где сражался сын, и разыскала его могилу. Сейчас там установлен памятник.

Скольких друзей нашла она в Володихе и Кипино! Вот тогда и познакомилась Анна Ефимовна с заведующей школой Н. И. Петровой и ее учениками, которым рассказывала о сыне. Встречи, обмен письмами, отправка детям посылок со сластями стали теперь уже традиционными.

Близится 23 февраля. Н. И. Петрова пишет: «Получайте письма от наших детей. И разрешите присоединиться к детям: спасибо за них и огромное спасибо от меня лично за все доброе, человечное, что исходит от вас».

А. БОРИСЕНКО.

«Красное Знамя», № 18, 13.02.1971 г.

ПИСЬМА С ФРОНТА ПАВЛА ВАТОЛИНА

26 августа 1941 года, прибавив себе год, Павел Ватолин добровольцем ушел на фронт. Ему было тогда всего 17 лет. Был он радистом, потом командовал взводом разведчиков. Воевал на Северо-Западном фронте — в Ленинградской и Новгородской областях.

Сохранилось всего несколько писем Павла с фронта. Все они хранятся в музее первой школы.

11 января 1943 года.

Здравствуйте, мои дорогие мама, бабушка, Нина, Юра, Ольга. Шлю свой горячий привет и желаю самых наилучших успехов в вашей жизни. Это письмо пишу перед боем, в бой иду часа через полтора. Вернусь или нет, не знаю. Потому решил написать вам мое, может быть, последнее письмо. А все же жить хочется, хочется дышать, хочется посмотреть на вас хоть бы одним глазом.

Сегодня вступил в ряды ВКП(б), так что в бой пойду коммунистом. И если погибну, то считайте коммунистом.

До рассвета осталось еще немного времени, и в голову лезут всякие мысли. И жить хочется. Ведь вы сами знаете, как я провел свою юность. И все же жить хочется. Но жить под ярмом немцев тоже не хочу. Лучше погибнуть, чем жить под ярмом.

Писать времени больше нет. Не осудите за писанину. Очень торопился.

Жму всем крепко-крепко руки и крепко целую.

Ваш Павел.

22 января 1943 года.

Привет с фронта! Здравствуйте, дорогие мама, бабушка, Нина, Юра и сестра Ольга! Шлю вам свой горячий привет и желаю самых наилучших успехов в вашей жизни.

Ждал, ждал от вас письма и решил сам написать. Только что вернулся с передовой, помылся в бане. И тут вызвали в штаб для получения партийного документа.

Живу по-старому. Сегодня так совсем весело. Пришли посылки из Монголии да выдали водки, и все, что было, позабылось. Но скоро снова пойдем в решительное наступление. Ну ничего, мы тоже научим фрицев, как нужно воевать. Словом, дело пошло к концу войны. А все же как надоела такая жизнь. Я так ко всему привык и считаю, что так и надо. Пойдешь к деревне, а там ни одного дома нет, сметено с земли, все разрушено, кругом — убитые фрицы.

Мама, я вам посылаю фотокарточку, сфотографировался неделю тому назад. Правда, плохо, но тем не менее очертания лица заметны. И я думаю, что очень во многом изменился. Особенно это в характере чувствуется. Все нервы потрепал. Ох и псих стал. Даже сам не знаю, какой. Мама, я попрошу вас мою фотокарточку пошлите папе (его отец Степан Петрович в это время тоже находился на фронте). Я бы и ему послал, но у меня только одна, а остальные — на документе.

Работаю по-старому, все идет своим чередом. Почему вы так редко пишете письма? Я даже недоволен сегодня остался. Все ребята получили хоть по одному, а то и больше, а я ни одного.

Ну, писать пока кончаю. Жду от вас хоть одно письмо, если можно, то два. А насчет фото, то папе пошлите, пусть посмотрит, а то ведь тоже соскучился.

Ну, пока, до свидания, крепко всех целую.

Ваш сын Павел. Через месяц, 17 февраля 1943 года, Павел погиб. Похоронен в деревне Володиха на Новгородщине, в которой до войны было 140 домов, после развернувшихся здесь боев осталось 12. На берегу реки поставлен скромный памятник с фамилиями похороненных бойцов. Есть там и фамилия Павла Ватолина. Было ему тогда всего 18 лет.

«Красное Знамя» № 43, 15.04.2000 г.

ПИСЬМО С ФРОНТА ЯКОВА КАРЕЛИНА И ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ЕМУ

Единой мыслью, единым дыханием жили советские люди в годы Отечественной войны. Даже самые суровые испытания — поражения на фронте — не поколебали веры в победу.

Мы публикуем письмо фронтовика Якова Калинина, любезно предоставленное

нам Г. М. Широковым, бывшим в те годы председателем райсовета.

Прочтите это письмо и убедитесь, как простой советский человек мог здраво оценить обстановку и предсказать конец гитлеровской авантюры.

Миллионы писем отправлены нашими матерями, сестрами на фронт. Весточки из дома придавали силу, смелость и уверенность солдатам.

С фронта

Привет, друзья! Поздравляю с 24-й годовщиной Октября и желаю успехов в вашей работе. Итоги за 24 года вы будете подводить под звуки оркестра, а мы, бойцы и командиры, под залпы орудий.

Не могу представить, о чем вам написать. Так много хочется сказать!

Нахожусь на Западном фронте, на Можайском направлении. Бои идут яростные. Противник сильный. Но не поймите это так, что мы ничего не стоим. Народ наш сплочен волей к победе. Армия наша крепкая. Если перечислять рода войск, то не уступает немецкой. Почему же терпим поражения?

Считаю, что нет организованности. Враг пользуется этим. Отдельные эпизоды героизма и смелых боев не решают успеха. Это мое личное мнение. Может, я и ошибаюсь. Уверен, что все отрицательные стороны будут учтены. Организуемся — и победа будет наша. Не сомневаюсь. Пока отступаем. Но положение выправится. Уже несколько дней на одном участке идет наступление. Враг лезет. Но здесь его удержали и сбросили обратно. Я работаю на машине. Вожу, что нужно, на передовую и с передовой. Едешь, а машина дрожит от взрывов и стрельбы. Пока не привык, было страшно. А сейчас считаю в порядке вещей. Попадешь под обстрел, скроешься, полежишь, потом дальше едешь. Бывает, и бой отобьешь. Тут уж не дрожит рука и автомат не подводит! Научился стрелять с автомашины.

Езда, конечно, затруднительная. Без света. Движение большое. Все спешат. Патроны нужны на передовой. Накатал я на своем автомобиле 3200 километров. А пуля меня не нашла.

Бываю в Москве. Иная она теперь. Подступы, укрепления. А бои и днем, и ночью. Есть разрушенные здания. Мы обеспечены и одеждой и пищей. Только в эти дни похуже: немцы разбили кухню. Приходится готовить самим.

Извините. Спешу. Нужно отдохнуть. Устал. Только что с передовой. Приехал в Москву за запчастями. Завтра схожу в баню и снова в поездку. Вообще, здесь и жить и воевать можно, если бы не убивали.

Передайте привет всем. Обидно, что писать мне некому, да и получать письма не от кого. А письма здесь, ой как нужны. Всего хорошего.

Яков Калинин. 1 ноября 1941 года.

На фронт

Здравствуй, родной мой! Вот не ждала, не гадала — попасть в тыловые корреспонденты. Что ж, очень рада, что мои письма ты читаешь своим товарищам, нашим землякам. Рада, что вести из тыла придают вам бодрость.

Конечно, вас прежде всего интересуют заводские новости. Начну с них. В мае у нас был митинг. Председатель завкома К. И. Патрушева (ты ее знаешь), сказала, что металлургические заводы, рудники, обогатительные фабрики цветной металлургии объявили всесоюзное соревнование за лучшую помощь фронту.

В это соревнование включаемся и мы, работники медеэлектролитного завода. Надеемся занять не последнее место. Знаешь, на заводе многие смены перешли на скоростную плавку. Пока лучше ее освоила смена мастера Ф. М. Моисеева. Она плавку выдала за 12,75 часа. Сэкономила более шести часов. А помнишь, ты все сокрушался, что в норму не укладываются. Вот уложились. Да еще как!

Скоростные анодные плавки дают мастер Т. М. Степайкин, старшим рабочим у него сей-

час Д. К. Горохов, мастера Д. Е. Никифоров, Ф. М. Моисеев, Я. Г. Каплун, старшие рабочие Л. Г. Батуев, Х. Абайдуллин, А. В. Есинак.

Знаю, знаю, не терпится тебе узнать, в чем же суть такой плавки. Ходила, хороший мой, в цех, выпытывала секреты у мастеров. Говорю, на фронт сообщить нужно. Объяснили. Совмещают они различные стадии процесса, например, дразнение с концом окисления ванны. И операцию окисления с концом плавления. Это первым Каплун применил. А вот Зотеев предложил заменить древесный уголь торфом. Получается. Только торф высокого качества должен быть. Еще наши заводские новости. Директор Хренов издал приказ, в котором разрешает в цехи на основные профессии принимать женщин. Чем это вызвано, ты, конечно, понимаешь. В медеплавильном цехе на разливе меди работают сейчас Наталья Алексеева, Анна Лихачева, Прасковья Легалова, Дарья Копасова. А в теплотехническом кочегаров-женщин много. Это и А. В. Бессонова, и П. С. Кабакова, и Е. К. Коршункова. Специально много фамилий сообщаю. Возможно, встретишь там на фронте их родных, порадуешь.

О нас ты не беспокойся. Живем, как все. Сын наш уже большой. Говорит все. Фантазер. Веду его однажды из садика, а он мне: «Знаешь, мама, вот красная корова дает чай с молочком и сахаром, а черная — только с сахаром».

Не видят наши детишки молочка. Но это ничего. Временно. Наше подсобное хозяйство в первую очередь продукты поставляет детям.

А семья, эвакуированная с запада, я тебе писала, что она во второй комнате у нас поселилась, уже оживает. Гелия Борисовна устроилась на работу. Малышка ходит в садик. Только пугается она всего. Загромыхает что-нибудь, а девчушка присядет, головенку прикроет и молчит. Бомб боится.

Вот видишь, какое длинное письмо я тебе написала. А так еще многое хочется тебе сказать.

Радость моя! Передай, пожалуйста, Саше, пусть он не боится писать жене письмо. Примет она его. Обязательно примет. Что ж, что калека. Раны его не в буйной драке получены.

Ох, как мы вас ждем!

Возвращайся скорее с победой!

Твоя Анна.
1941 год.
Газета «Красное знамя», № 16, 9.05.1965 г.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ МОИ ДОРОГИЕ...»

Бумага тоже стареет. Становится хрупкой недотрогой, боится небрежных рук, неосторожных прикосновений. Это общее свойство истории. В какой бы форме она до нас ни доходила - хроникальных кинолентах или пожелтевших фотографиях, документах под грифом «секретно» или простых солдатских треугольниках. История вправе рассчитывать на понимание потомков. В ее анналах есть место подвигам и героизму, равно как человеческим слабостям и бессилию.

Она констатирует не только факты, ей подвластно заглянуть в души тех, кто были ее современниками, кто оставил ей свидетельства своих страданий, чаяний, любви. Скорее всего, не рассчитывая на прочтение спустя годы. А просто из желания в то уже такое далекое от нас время, стать ближе к родным, знакомым хотя бы на краткий миг, хотя бы посредством письма.

«И если умирает человек, с ним умирает его первый снег, и первый поцелуй, и первый бой — все это забирает он с собой...» Письма — самые сокровенные свидетели. И когда они предстают пред нами как музейные экспонаты — это значит, что пришло время вникать и сопоставлять. И мы вчитываемся в них, задавая вечный вопрос: «Чем жив человек?» От-

куда он черпает силы, чтобы противостоять стихиям зла, насилия, разрушения? Неслучайно экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне, открывшаяся в историческом музее, объединяется симоновскими строками — «как я выжил...» Письма с фронта, письма на фронт. В них нет патетики и высоких слов. В них все то, чем жили люди на фронте и в тылу — как прожит день и что нового, о чем говорят сводки и где взять хлеб. И еще — тепло слов, которое от тепла души.

Адресат — Георгий Дмитриевич Карташов. Письма — от дочки. Из письма в письмо рассказывает она отцу, как помогает победе в меру своих детских сил. Но письма эти не по-детски мужественны. Они шли и шли на фронт. И в одном из них слова, которые не говорились вслух — о том, что устали ждать, о том, что папа нужен, очень нужен дома.

Письма с фронта Николая Рябкова. Он погибнет в Польше. А до того: «Здравствуйте, дорогие родители, сестры и брат. Нахожусь на Сталинградском участке фронта. Немцы оставляют много трофеев. Наше подразделение отправили на их охрану...»

Вряд ли перечитывали свои письма те, кто вернулся с фронта. Для них жизнь продолжалась. А письма оседали в дедовских сундуках и ждали своего часа, когда подрастут дети и внуки. Но еще больше было других писем — окропленных вдовьими слезами. Они хранились как реликвия, как напоминание о прошлом, безвозвратно ушедшем и потому особенно дорогом.

Треугольник датирован июлем 42-го года. Писал его мой дед — Максим Артемьевич Журавлев бабушке и детям. Это было его последнее письмо с фронта — пропал без вести:

«Живем все еще на старом месте, стоим на берегу Волги, и как только пойдет пароход вверх по реке, так и хочется впрыгнуть на него и поехать к вам. Хлеба и вообще довольствия хватает. Стали давать табачку, вот уже дали 200 грамм на десять дней. Погода вот уже как неделю установилась ведренная, в шалашах стало сухо. На полях хлеб наливается, начинает черстветь рожь.

Нового пока ничего не слышно. Политинформбюро читают редко. Мне особенно понравилось письмо Миши (сына). В нем видно мужество борьбы с нуждой. Так и нужно делать, трудность надо переживать и применяться к жизни.

Милая Агаша и вы, Миша и Маруся, пишите ответ. Нового здесь пока ничего нет. Все по-старому, учимся и учимся, и готовы на борьбу с врагом, который нарушил нашу мирную и счастливую жизнь».

Марина ОСЕНКОВА.

«За медь», № 17, 15.05.1995 г.

ИЗ ДНЕВНИКА САШИ ШАМАНАЕВА

Сестра Саши Шаманаева Анна Георгиевна вспоминает, что у брата был необыкновенно дружный класс. Выпускали газеты, ходили на танцы, учились, любили, смеялись... Саша погиб 8 апреля 1944 года. Командир танка, лейтенант, последнюю весточку он подал из Мелитополя. В письме фотография — Саша с другом и девушкой. Они улыбаются. И — как будто нет войны. На обороте фотографии — стихи: «Я приеду, родные, увидите, если ждать не устали меня. Если вы, как и я, ненавидите тех, кем начата эта война».

Саша ушел на фронт вместе с однокашниками, только-только окончив школу. А дома остался его дневник, который он начал вести еще в мирное время. Последняя запись в дневнике датирована 20 февраля 1942 года. Сейчас дневник Саши хранится в городском историческом музее. Выдержки из него мы публикуем.

27 мая. 25 с утра погода была сносная, но к вечеру испортилась в худшую сторону: по-

шел дождь. С утра посмотрел на учебник географии, лежавший на столе, и... пошел доделывать забор.

1 июня. Вчера сдавал литературу (устно). Конечно, играли в волейбол. Погода замечательная. Во-первых, из-за солнца. Во-вторых, сегодня я слышал первый гром.

12 июня — 12 июля. За этот период произошли такие огромные перемены в жизни нашей страны — страна ведет отечественную войну с фашистским агрессором. Как это случилось? Почему Германия напала (именно напала, воровски, без объявления войны, хотя это теперь не практикуется...) на нашу страну? Гитлер — этот знаменитый демагог, увидав и поняв, с какими трудностями даются победы на Западе, Юге, Ближнем Востоке, решил напасть на нашу страну, которую он, видимо, считал (и считает?) слабее, чем Англия, Франция и т. д. Но не только на это надеялся Гитлер. Он хотел заключить легкий мир с Англией, которую он в борьбе против СССР считал своим союзником.

Вышло все наоборот: 22 июня в 4 часа утра германские войска предательски напали на мою страну. Началось продвижение Гитлера на Восток. Но это продвижение продолжалось до тех пор, пока не были подведены наши регулярные войска, которые уже развертывались под огнем фашистских батарей. Слабая (по мнению Гитлера) страна оказалась сильной.

22 июня вечером была объявлена мобилизация, введено военное положение в ряде областей СССР; 24 было образовано Советское Информбюро, которое стало передавать сводки с фронта, утром и вечером. С 3 июля организуется народное ополчение. Война продолжается. В стране спокойствие.

13 августа. Вот уже 9 дней, как у нас введено что-то вроде карточной системы. Норма хлеба — 1 кг на рабочего и 400 г на иждивенца. Не знаю, кого это устраивает, только не меня. А потому мне приходится совершать регулярные рейсы на УЗТМ. За хлебом. Это далеко не безопасно, так как хлеб отбирают «лягавые». Кроме того, это пахнет большим штрафом, но что делать: голод не тетка... Наконец, произошло еще много событий, и одно из важных событий — трехкратная бомбардировка Берлина.

3 сентября. Два дня проучились в школе. Впечатлений от первого дня нет. Только учителя стали заносчивее, или нет; у нас в классе настоящая немка — Руфа Гризбург! Вот это да!

9 октября. Во-первых, мне удалось избежать «плохо» по физике, во-вторых, я освободился от контрольной по «немке». В-третьих, наши войска оставили вчера город Орел. Орел!

17 октября. Вчера был драмкружок. На драмкружке был я, была и она.

Позавчера германские войска на западном направлении прорвали линию обороны. Вчера — огромные потери с обеих сторон.

Сегодня был разбужен в 3 часа, отправился на УЗТМ за хлебом. Очередь растянулась метров на 700-800 (даже километр!) — но хлеба надо: кушать хочется. Заняли вторую очередь в гастрономе (напротив 22 школы). Там очередь гораздо ближе — 70-75 только лишь!

20 октября. Введена военная подготовка по 10 ч. 40 мин. на неделе и, может быть, 4 часа в выходной.

Пошли в клуб после занятий, здесь какой-то молодежный вечер. Все танцуют. А я стою возле Кирки Тыжновой и рассуждаю о замечаниях и выговорах, о занятиях и школе, о танго и фокстротах.

26 октября. Воскресенье. Весь день занимался «ничем» — обида великая разобрала: ходить не в чем. Не считая разве того, что прочел книжонку Гайдара «Судьба барабанщика» о похождениях мальчика, оказавшегося в особенных условиях: отец в тюрьме, мать на Кавказе, а он у «дяди»-шпиона. Конец благополучен: благодетель торжествует, порок наказан.

7 ноября. Пятница. Во-первых, поздравляю себя самого (сам!) с праздником! Во-вто-

рых, в ночь на 7 ноября спать почти не пришлось — до 5 часов утра писали "Боевой листок", а с 9 до 1 часа писали классную стенгазету «За Победу!» № 2. Редактором обеих газет является Шаманаев Александр, то есть я.

22 ноября!!! Целых три восклицательных знака. И готов их ставить хоть тысячу: я получил подарок от Тамары — фотографическую карточку.

Под новый 1942 год в сашином дневнике — пожелания друзей. Самые обычные пожелания — счастья, любви, отличной учебы. И — как отголосок военного времени — скорей стать военным, начать бить фашистов. А потом был новогодний бал. И продолжалась жизнь. И мальчишки не думали о смерти, уходя на фронт.

«За медь» № 17, 5.05.1995 г.

ОБЕЛИСК В ПОСЕЛКЕ КРАСНОМ

В каждом населенном пункте, а ближе к западной границе страны — и просто на полях, на пригорках, в виноградниках встретишь такие обелиски, как в поселке Красном. Это память о схватке с фашизмом, победу над которым вот уже 34 года празднует весь советский народ. Далеко, за тысячу верст от Красного шла эта битва, а кровавый след ее оставлен и здесь. Вот он тяжелым камнем обелиска лег на площади, навечно отгородив от живых десятки сельчан. С. Поспелов, А. Хомутецкий, А. Рублев, два брата Юрьины, четыре брата Глазырины — а список тех, кто навечно ушел из поселка в бой за свободу Родины, за наш сегодняшний счастливый день, так и тянется.

...Анна Леонтьевна, мать Андрея Хомутецкого, возьмет авоську — вроде бы в магазин соберется, а как увидит серебристую ограду обелиска — забудет, зачем и шла. Подойдет и низко поклонится. Если дома есть хоть какие цветы — сюда отнесет, ровно здесь лежит ее сын. Да и где искать его могилу? На каких полях и дорогах войны, если матери известно лишь одно: погиб на Курской дуге. А «дуга» эта, говорили еще внуки-школьники, не на одну сотню верст раскинулась.

— Здравствуй, Леонтьевна, — окликнет ее кто-нибудь из соседок и как бы невзначай вернет к будничным заботам. — Иди, хлеба свежего в ларек привезли. Встрепенется мать, взглянет печально на соседку и пожалуется:

— А Андрюша мой так и не поел хлеба досыта. Голодом жил, а все учился. Перед самой войной техникум окончил... Диплом с пятерками так и лежит у меня теперь без нужды...

Желая ободрить и поддержать в горе старую женщину, соседка обязательно скажет:

— Не плачь, Леонтьевна. Не только у тебя такое горе. Зато твой второй сын, Степан, лучше которых двоих будет.

— И то правда, — утрет мать слезы. .

Степан — ее утешение в старости. Вместе с Андреем они бедовали, но учились. Степана как токаря высокого разряда оставили по брони на заводе, а Андрея взяли на фронт. С тех пор, как братья расстались, Степан, и без того скромный и трудолюбивый по натуре, работал и вовсе за двоих. Вот уже 52 года Степану, и живет он и поступает так, словно в вечном долгу перед братом. И дети его, и внуки хорошо знают последнее письмо незнакомого им, но очень близкого дяди Андрея:

«20 июня 1943 года. Теплый солнечный вечер в яру возле дубового леса на зеленой ласковой траве. Здравствуйте, дорогие родители, батя и мама, и любимый брат Степа! Шлю вам свой горячий боевой привет и желаю всего наилучшего в вашей жизни. Сейчас мы вышли из боя, из двух окружений, и пока отдыхаем. Недельные бои выдержали с честью, за что многие награждены орденами и медалями, а части присвоили звание «гвардейской». Меня, как ручного пулеметчика первого номера, наградили орденом Красной Звезды и приняли кандидатом в члены ВКП(б).

Более подробно о наших боях написано в газетах и сообщается в сводках «От Советского Информбюро» Все это правда. Ее подтверждают разбитые и уничтоженные хваленые немецкие «тигры», которые ползли на один только наш батальон в количестве двухсот штук вместе со средними танками.

Нечего хвалиться — жарко было и нам, но они сгорали от снарядов и бутылок с горючей смесью. Пока все, дорогие, незабываемые, многоуважаемые родители и горячо любимый, особенно сейчас, брат Степа».

...Вот судьба связи одной только фамилии с обелиска с нашими днями, с пионерами и школьниками, которые ежегодно 9 Мая возлагают сюда цветы и венки. Эта связь пока еще очень конкретна. Вместе с Марией Филипповной Юровских к обелиску приходят внучата — дети сына и дочери — послушать рассказ о дедушке, парашютисте-десантнике, провоевавшем почти всю войну, раненом, и погибшем в боях под Варшавой.

У Анастасии Степановны Рублевой нет на обелиске фамилии ее сына, потому что провожала она его не на фронт, а на службу. И переехала в Красный без него. Три месяца не дождалась Александра со службы — ушел на войну, да так и погиб в сорок первом... Но к обелиску Анастасия Степановна непременно идет вместе со всеми почтить память всех погибших в этой священной войне.

Большая семья значится здесь и у Анны Васильевны Юровских: муж и пятеро его братьев. Троих детей без мужа подняла на ноги. Анна Васильевна. Теперь у них свои дети. И те спрашивают бабушку про деда, как дети спрашивали про отца...

И пока дети спрашивают, пока с почтением идут к обелиску, держась за руки мам и бабушек, а потом и самостоятельно, — не зарастет священная тропа народной памяти о подвиге героев, сложивших головы за Родину.

Л. ФЕФЕЛОВА.

"Красное Знамя" № 52, 08.05.1979 г.

НЕ ДАЙ ВАМ БОГ ПИСАТЬ ТАКИЕ ПИСЬМА...

Прошлое полно парадоксов. Оно исполнено великим и трагическим, торжеством и страданием. А потому каждый из нас имеет право на свои чувства к истории.

Беспристрастнее всего говорят о тех далеких днях письма. Сколько еще солдатских писем лежат где-то на дне старых сундуков. Может, какая-то старушка, вспомнив былое, и прочтет в тысячный раз: «Добрый день, Маня! Во первых строках своего письма сообщаю, что я жив и здоров, чего и тебе желаю...». И куда он, ее муж потом делся — об этом порой и никто не узнает. Сколько страдали во время войны, ожидая весточки, сколько наплакались после, надеясь на чудо!

Вот и настали дни нынешние... Давно привычными стали слова: «Никто не забыт и ничто не забыто». Не хочется верить, что коротка память людская, что слова эти станут просто словами...

Я предлагаю Вам внимательно прочитать строчки из военных писем. И пусть возникшие чувства подскажут Вам, как относиться к далекому и близкому нашему прошлому.

"Мы прорвали 12.07.43 линию фронта... Повсюду валяются битые фрицы в бледно-зеленом обмундировании лягушиного цвета...

Сижу в поле среди ржи и пишу это маленькое письмо. Меня ненадолго сменили. Нужно выспаться за трое суток без сна как следует..."

"...Валя, наверное, все ещё бережет для меня горох, бобы, то, что посадила своими ручонками в огороде? Пусть это все она кушает сама вместе с тобой. Я ни в чем не нуждаюсь... Очень жаль, что Валя пойдет в первый раз в школу без меня, но ничего не поделаешь. Пока не кончится война. Как идет у вас сенокос? Пиши мне о твоих делах..."

"...Как хочется увидеть вас, отдохнуть от всего пережитого, ходить, не сгибаясь, спать, разувшись и раздевшись, и не на кулаке под головой, а на подушке. Сейчас бы с удовольствием... обул теплые с печки валенки..."

"Круглые сутки около наших шалашей поют, заливаются соловьи... вот ведь какой этот соловей, меньше воробья, а так громко поет и беспрерывно именно в то время, когда самая темнота.., будто хочет облегчить нашу участь и дать нам все то, чего мы лишены на передовой".

"Никогда не забыть мне 1 сентября 1943 г. За эти сутки моя шинель была пробита осколками в одиннадцати местах... Страх и дрожь берет после боя... Пока остаюсь жив, здоров и невредим..."

"...подходит тот час, когда мы будем мстить немцам за все зло, которое они нам причинили, за наши слезы, за наши преждевременные морщинки на лице, за мои мучения в разлуке с вами, за вынужденную жизнь в землянках и траншеях, в воде и грязи. Ох, и бить мы их будем... Не сгибайтесь и вы от трудностей, верьте в будущее..."

Прочтенные Вами, уважаемые читатели, строки из писем принадлежат нашему земляку Георгию Дмитриевичу Карташеву, добровольно ушедшему на фронт в январе 1942 года. Его боевые действия не остались незамеченными: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени и многочисленные медали бережно хранит Георгий Дмитриевич.

Пишу эти строки и мне подумалось, а сколько еще простых солдат заслужили награды. Солдат 41-го лютейшего и кровавого. Когда миллионы безвестных уходили в небытие, не помышляя о медалях. Порой и могил-то у них не было! Так и оставались лежать, растворяясь навеки в русских лесах и болотах, среди трав и цветов; они исчезли, лишенные даже посмертной славы, отдав жизнь и не оставив имен...

Передо мной лежат письма бойцов, погибших в 1943-1944 годах. Их родственники долгое время хранили письма дома, а теперь волею судеб эти пожелтевшие, исписанные химическим карандашом или чернилами странички жизни будут представлены в экспозиции музея, чтобы болью строчек взывать:

"Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем".

Из письма Василия Ивановича Мельчина:

"...дом и все родные ни на минутку из ума не выходят, очень, очень уж я о вас соскучился и не знаю, какая будет дальше моя судьба, увижусь или нет больше с вами, товарищей уже некоторых нет... Пишите почаще, каждое письмо придает мне больше сил..."

9 января 1943 года Василий Иванович погиб в Смоленской области.

"Забыл, которое число, — так начинается письмо, присланное Александром Васильевичем Бахтиным — фрицев и гансов колотим так, что у них эрзацы во все стороны летят...у нас деньки, что абсолютно письмо написать некогда: все вперед да вперед... Посмотрели бы на этих вояк. Глядишь, идет длинный, худой фриц в пилотке, окутанный шалью или платком. Эх, такой сукин сын (извините за выражение), что смотреть-то противно, — плюнешь и отвернешься..."

В декабре 1942 года штурман Николай Николаевич Петров писал жене:

"...летаю бить немцев в их далеком логовище. Летаю ночью... Осколком зенитки попали ко мне в кабину, каблук сапога оторвало. Меня фрицы по запаху чувствуют. Как не полечу — всегда в сумасшедший огонь попадаю..." В апреле 1943 года Николай Николаевич погиб. Ему было 30 лет.

И еще одно письмо я привожу полностью. Написано оно перед боем, 19.12.44 года Закиром Каримовичем Бахтияровым.

"Здравствуй, мамочка. Привет всем моим родным и знакомым. Пишу с передка. Фриц —

сто, сто двадцать метров. Писать не знаю что. Да мысли сбиваются. Жив, здоров. Вернусь из атаки, напишу. Ваш сын".

Больше писем не было. Почтальон принес похоронку.

Великая. Отечественная. Страшная. Они ее выиграли: Карташевы, Мельчины, Бахтияровы, Петровы... Выстояли перед отборными войсками, отборной техникой, отборными полководцами, имея, порой, одну винтовку на двоих...

Здравствуйте все! Шлю вам свой горячий красноармейский привет и желаю всего наилучшего. О себе сообщаю..."

Материал к публикации подготовила
директор музея Е. СЕЛИНА.
«Красное знамя», № 94, 18.08.1994 г.

«ЖДИ МЕНЯ...»

1941-й год. Жизнь перевернулась, все исчезло, рухнуло. Трудно об этом говорить. Трудно и страшно писать: война будто топором разрубила то, что было единым, отняв сына у матери, мужа у жены, отца у детей...

Письма стали глотками воздуха для опаленных огнем солдат и тех, кто молился за них. В каждом — ничем не прикрытое горе. Особенно в письмах первых военных лет. Нет ни одного, в котором бы не повторялась просьба: пиши, не забывай.

Мужчины, женщины — такие все разные — писали об одном и том же. И если не обращать внимания на почерк, то такое впечатление, что все письма написаны одним и тем же человеком — человеком, которому больно. К тому, что сказано в этих строчках, и добавлять ничего не надо.

«...Нахожусь на передовой... от тебя давно не получал писем. Почему редко пишешь? Или забывать начинаешь?..»

(Из письма Степана Николаевича Лебедкина жене. Август 1942 г.).

«...Вот разгромим немчуру, и тогда уж будет замечательная встреча... Крепко-крепко целую тебя и жму к своей груди, как когда-то было...»

(Из письма С. Н. Лебедкина. Октябрь 1942 г.).

«...Редко бывают такие дни, когда бы я не просматривал все твои фотографии, и как сон проходят мгновенно все прожитые дни и годы. Другой раз так и слезы хотят пойти...»

(Из письма Георгия Васильевича Языкова жене. Июнь 1944 г.).

«...Родина, семья, жена — дороже всего. Приходят мысли повидаться с вами... Все это выдерживает только русская душа, которая способна переживать все человеческие лишения...»

(Из письма Г. В. Языкова. Октябрь 1944 г.).

«...Я сожалею, что ты, бедняга, где-то далеко работой гробишь себя... У тебя настал кризис переутомления, нужен тебе отдых... Береги себя...»

(Из письма Г.В. Языкова. Июнь 1944 г.).

«...Накажи всем, что пущай не забывают, что нахожусь на фронте, а мне хочется знать, как живут все мои родные и ты, как первый мой друг по жизни, дорогая Зоя... Я вступил в бой второй раз. Фрицы крепко сопротивляются...»

(Из письма С. Н. Лебедкина. Сентябрь 1942 г.).

Тяжело было солдату на фронте. А «каждого солдата проводила хоть одна женщина когда-то». И каково было ей, женщине, год за годом тянуть лямку солдатки, трудясь с утра до ночи, живя впроголодь в бараках или у чужих людей с малыми детьми?

Каково было женщине-матери, проводившей на фронт даже не одного сына, а троих или

пятерых? С каким замиранием сердца встречала она почтальона: «Далекий мой, родимый мой, живой ли, мертвый — где ты?».

В дом Евдокии Ефимовны Ярцевой беда пришла в 1942 году — погиб сын Василий. И верно говорят: одна беда не ходит. В 1943 году принял смерть сын Дмитрий, а в 1945 году пришло извещение — пропал без вести Сергей. И только двое ее детей — Петр и Полина — инвалидами вернулись в родной дом.

Пережила троих своих детей Ксения Федоровна Уфимцева: двадцатилетними отдали жизни за Родину Григорий и Степан, а в 1944 году из Белоруссии получила Ксения Федоровна похоронку на девятнадцатилетнего сына Васю.

Пятеро братьев ушли из родительского дома Дубинкиных. Криком кричало сердце матери, когда пришли похоронки на Ивана, Петра, Сергея...

Погибали солдаты — сыны Родины, погибали чьи-то дети, выполняя священный долг. Мы помним их имена, ставим памятники героям. Честь им и слава! Но давайте запомним и имена их матерей, чьи сердца смогли вынести все это!

«Ах, война! Что ж ты сделала, подлая?!». Сколько принесла людям немыслимых страданий!

Не один десяток извещений — «пропал без вести» — пришли па Медный рудник в годы войны. Их, пожалуй, боялись больше похоронок. Ведь нет ничего хуже неопределенности, хотя, вроде бы, надежда оставалась: может быть, жив. Но вот как раз эта неопределенность и выматывала душу, по капельке отнимая надежду.

Помните прекрасный фильм «Журавушка», роль солдатки в нем играла Людмила Чурсина? Там был очень трогательный кадр, где героиня фильма наизусть читала письмо от мужа своему сынишке: «Здравствуй, дорогая моя журавушка». Я этот фильм вспомнила потому, что он о судьбе и наших женщин. У нас в селе Балтым тоже жила «журавушка» — Лидия Михайловна Возчикова. Ее муж Павел Максимович пропал без вести 15 мая 1942 года. Одной пришлось поднимать детей, тащить хозяйство. Она так и не вышла больше замуж. Не позволила себе, чтоб другой забрал ее любовь. Потому что ждала. Сколько лет верила, что придет! И отлюбит она тогда за все потерянные годы...

Клавдия Андреевна Карачева. Ее многие знают и подтвердят мои слова о судьбе этой женщины. Ее муж Георгий Григорьевич Хаминов пропал без вести в Литве еще в самом начале войны. Был август 1941 года, когда Клавдия Андреевна узнала страшную новость — пропал. Ни одного письма не успел написать Георгий Григорьевич своей горячо любимой Клавдии. Всю войну она не теряла надежды. И верите, пятнадцать лет после победного 45-го ждала мужа с войны!

Наши женщины. Работящие и выносливые, они трудились на заводе и в шахте, собирали урожай на полях и делились последним куском хлеба, согласно лозунгу «Все для фронта...».

С тяжкой думой о том, как прожить этот день, а завтра будет другой, они выстояли перед смертельной усталостью, глухой тоской и бессилием. Потому что «умели ждать, как никто...» Честь им и слава.

Материал к публикации подготовила директор музея Е. СЕЛИНА.

«Красное знамя», № 111, 27.09.1995 г.

В ОДИН ГОД ДВЕ ПОХОРОНКИ В СЕМЬЮ ПОТАСКУЕВЫХ

Хочу рассказать о нашей семье, о моих двух братьях — Борисе и Вениамине Потаскуевых которые ушли на фронт и не вернулись...

Нас, детей, у родителей было семь человек. Мы с сестрой как самые старшие после окончания семилетки (дальше учиться не было возможности) пошли работать. Я окончила счетно-бухгалтерские курсы, организованные при отделе кадров Пышминского медэлект-

ролитного завода. Позднее мы с сестрой вышли замуж и отделились, а в семье осталось еще пять ртов, и вся надежда у отца была на сыновей: вот подрастут — помощниками будут... И Борис с Вениамином оправдали его надежды. Сразу после окончания школы они пошли работать на ПМЭЗ. Семья зажила легче. Да вот беда, недолго пришлось им работать...

В 1940 году Борис ушел в армию, а уже в следующем, 1941 году, грянула война, и Вениамин ушел на фронт в 18 лет защищать Родину...

И стала наша семья жить от письма до письма. С тех пор прошло более сорока пяти лет, но письма братьев продолжают храниться у нас в доме. Хочу процитировать некоторые из них, чтоб стало яснее, какими они были — Борис и Вениамин. "Добрый день, дорогие папа, мама, Тамара, Веня, Вова и Виталька! Шлю я вам свой красноармейский привет и желаю вам всего хорошего в вашей жизни. Писать вам хотел еще из Львова. Все думал написать, когда снимусь на фотокарточку, но так и пособирался. С самого начала войны — с 22-го июня и до 12-го июля — все на фронте, в бою чуть не круглые сутки. Только заправишь машину, и опять в бой. А сейчас пока в тылу. Не знаю, сколько придется здесь жить, наверное, дня три или четыре отдохнем, а там опять на фронт.

Адрес мой: действующая Красная Армия, Юго-Западный фронт. Полевая почтовая станция № 735, п/я 21/3.

Фронтовые новости, я думаю, вы узнаете из газет и по радио.

Наши части местами отошли, потому что действовали только пограничные отряды, которые не смогли удержать напора механизированных полевых частей Германии. Но сейчас дело должно наладиться. Участники финских боев говорят, что в Финляндии было гораздо трудней и, несмотря на такой мороз, на такое укрепление, как линия Маннергейма, сделанная по последнему слову техники, и то победили, а тут ерунда, дело поправимое...

Ну, пишите вы, как у вас дела. Буду ждать. С приветом, Борька.

Июль, 1941 г."

"Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Тамара, Вова, Витя, Тася, Юрик, Борис. Шлю вам свой красноармейский привет и крепко всех целую. Во-первых, сообщаю, что от Пушкаревых получил известие, что убили Бориса. Да, это очень печально, но ничего уж не сделаешь. Как-нибудь все переживем, может, еще и я приду домой жив...

Папа, напиши, где и когда убили Бориса. Узнай, может еще с ним какие ребята были с Медного. Живы они или нет?

Я живу хорошо, но только очень скучаю. Уж очень я привык дома к клубу, а тут ходил только один раз да и то слушали лекцию, на которой уснул. Не знаю, почему, но от вас нет писем. Пишите, как только получите. Всегда веселей, когда получишь письмо из дому...

Венька, 19 апреля 1942 г."

"Здравствуй, Витя!

Витя, я тебе собирался написать маленькое письмо перед новогодними праздниками. Витя, учись, как учился в прошлом году, будь отличником, и чтобы маме не приходилось ходить и краснеть из-за тебя в школу, а я здесь буду бить немца за нас, чтобы он не прошел дальше, будем его гнать и громить до конца.

Витя, я тебе посылаю немного денег. Можешь что-нибудь себе купить для школы...

Ну пока все. Твой брат Веня".

"Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Тамара, Вова, Витя, Тася, Юра и Борис. Шлю вам свой красноармейский привет... Письма, которые писали мама и Тася, получил сразу оба, за что, мама, тебя очень и очень благодарю, а также и Тасю, а то писала одна Тамара.

Мама, ты пишешь, чтобы я писал, как здесь живу. Я живу хорошо, питание хорошее. Хлеба дают 880 граммов, дают крупу, суп-пюре, сало, сахар и масло, дают консервы — банку на двоих. Так что варим сами, варим два раза в день.

Мама, я твой наказ выполню с честью. Не жалея сил, буду идти всегда впереди. Сегодня или завтра снова вступаем в бой... так что доверие твое оправдаю.

Ну, пока, как будто о себе я написал все. Ну, как, мама, много, нет, нарубили дров, хватит нет, на зиму. Наверное, очень тяжело Тасе и Тамаре. И так устают на работе, а тут еще и дрова. Вова молодец, что работает стахановцем.

Тася, ты пишешь, что мне послать. Мне ничего не надо, а за посылку большое спасибо.

Ну, пока все, писать больше нечего. Передайте привет Зое и Анатолию, пусть пишут еще Аркашке Еремину...

Ваш сын Венька.
5 июня 1942 г.".

"Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Тамара, Вова, Витя, Тася, Юра и Борис. Шлю вам красноармейский привет. Во-первых, сообщаю, что письмо, написанное вами, я получил. Тамара, извини меня, что я так долго не отвечал на него. Я получил его в походе и ответ писать было некогда. А сейчас нахожусь на отдыхе после боя. Тамара, сообщаю вам, что 31 числа ходили в наступление, результаты хорошие — заняли одну деревню... Сначала как будто было страшно, но когда пошли в наступление, позабыли про все. Только одно было желание — разбить немцев...

Я жив, здоров, за меня не беспокойтесь. Живу хорошо. Володька Пушкарев со мной живет вместе.

Ну, а как сейчас вы живете? Наверное, уже собираетесь убирать в огороде. Опять маме будет работа. Ну, а Витю поздравляю, он уже начинает, наверно, учиться в 3-м классе. Пусть учится ладом, а мы здесь будем бить немецких захватчиков до конца.

Ну, пока все. Писать как будто больше нечего на сегодня. Завтра снова вступаем в бой, ждите писем...

С приветом к Вам ваш сын Венька.
12 сентября 1942 г.".

Вот такие добрые, бесхитростные письма получали мы с фронта, пока не пришли одна за одной две похоронки, а с ними и неизмеримое горе в нашу семью:

"Ваш сын красноармеец Потаскуев Борис Иванович, 1924 года рождения, уроженец п. Медный рудник Свердловской области, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 11 января 1942 года, похоронен на хуторе Каменский Солнцевского района Курской области".

"Ваш сын красноармеец Потаскуев Вениамин Иванович, уроженец п. Медный рудник Свердловской области, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был 'убит 7 октября 1942 года, похоронен в районе г. Ржева Калининской области".

Вот так погибли мои молоденькие братишки. Спасибо школе № 1, где они учились, где их помнят и не забывают. В музее школы хранятся их письма, фото и рисунки Бориса, который очень любил рисовать. Есть имена моих погибших братьев и на обелиске у Вечного огня.

Таисья Ивановна ПАРФЕНОВА (ПОТАСКУЕВА); 80 лет.
«Красное знамя», 25.01.1994 г.

ПИСЬМО С ФРОНТА НА ПМЭЗ

В дни обороны Сталинграда в адрес коллектива медеэлектролитного завода пришло письмо следующего содержания:

«Дорогие товарищи! Шлем мы вам свой фронтовой привет. Настал час расплаты с кровавым немецким фашизмом. Мы, фронтовики Юго-Западного фронта, призываем вас, как

лучший коллектив, мобилизовать все силы на выпуск готовой продукции. Каждая тонна металла, выпускаемая вами для фронта, будет нам поддержкой в быстрейшем разгроме немцев на Юго-Западном фронте и особенно под Сталинградом.

Мы, члены вашего коллектива, посланные вами защищать свою Родину от фашистов, не пожалеем для этого ни сил, ни своей жизни.

Оба мы, уезжая на фронт, давали клятву драться с врагом так, как дерутся наши гвардейцы. С раннего утра до поздней ночи мы ведем артиллерийский огонь. Враг несет огромные потери.

Мы еще раз заверяем вас, что все силы отдадим на быстрейший разгром фашизма, на окончательное освобождение советской земли от гитлеровской погани.

С приветом ваши товарищи:
младший лейтенант А. А. Малыгин,
младший политрук В. К. Мишатин.
23 октября 1942 года.

«Красное знамя», № 24, 24.02.1967 г.

ПИСЬМО НА ФРОНТ С ПМЭЗ

Медеэлектролитчики написали ответное письмо «Боевые друзья тт. Мишатин и Малыгин!

Ваша героическая борьба с гитлеровскими захватчиками воодушевляет нас на еще большую помощь фронту.

Развернувшееся социалистическое соревнование помогает идти к успеху.

Завод выполнил план по основным видам продукции на 108 процентов, перевыполнил задание по производительности труда на 18 процентов, сэкономлено 70 тонн мазута, 465 квт·час электроэнергии.

Наиболее высокую производительность труда показывают наши гвардейцы тыла. Это Нестеров, выполнивший месячное задание на 416 процентов. А 12 октября 1942 года он дал 11,2 нормы.

В цехе, где начальником тов. Минскер, смена тов. Малыгина справилась с месячным заданием на 368 процентов, тов. Вавиловой — на 351%.

В другом цехе, который возглавляет тов. Горский, бригада тов. Колтышева дала 117% задания, тт. Батуева и Спицына — 116%, тов. Тимофеева — 120%. Тов. Мингалев выполнил задание на 192%, тов. Потаскуев — на 198%.

Мы обещаем вам, что основным законом нашей работы будет лозунг: «Взял обязательство — выполни, дал слово — сделай!». Мы не будем уходить с рабочего места до тех пор, пока не выполним задание.

Письмо обсуждено на общем собрании всех цехов».

«Красное знамя», № 24,24.02.1967 г.

Материал заимствован из газетного фонда библиотеки им. Ленина в Москве.

...А ПИСЬМА ШЛИ

Какое-то непонятное чувство тревоги с утра не давало Антонине покоя. И спеша по хрустящему, искрящемуся снегу на почту, она пыталась успокоить себя, хотя понимала, что-то, чего она так боится, может случиться в любую минуту.

Наступила зима озаренного пожаром войны 1941 года. Где-то там, далеко на западе, сражались ее земляки — исетцы. И она, почтальон Антонина Обыденных, первой приносила в их семьи вести с передовой. Какими они будут сегодня?

— Что-то ты, Тоня, так раненько? — спросила ее начальник почты Евдокия Захаровна Щепанская.

— Не спится.

Развязав мешок, Антонина привычно начала перебирать письма, открытки. И вдруг один конверт как бы ожег ей руку: Ястребковой Ефросинье Андреевне. Нет, не адрес заставил вздрогнуть почтальона, а черная кайма на конверте: похоронка. Она хорошо помнила всех четверых братьев Ястребковых, помнила и слезы их матери, которая, проводила всех сыновей на фронт, осталась одна. Как идти теперь к ней, что сказать? Ведь никто другой не согласится нести за нее весть о смерти в переполненный горем и ожиданием дом.

Почтальоны военных лет. Как ждали и как боялись их матери, жены, дети фронтовиков. В их сумках, пропитанных запахом пороха, сырых окопов и как бы являвшихся частицей передовой, в неуклюжих, наспех склеенных треугольничках и конвертах рядом лежали счастье, радость и смерть. С мольбой, ожиданием и страхом смотрели на них полные слез глаза тех, кто давно не получал вестей с фронта. Старались быстрее уйти почтальоны из тех квартир, куда приносили они радостные вести. И подольше оставались там, куда входили вместе с горем, как бы принимая часть его на себя...

—Ничего не поделаешь, надо идти, — самой себе сказала Антонина. И, вскинув на плечо показавшуюся необыкновенно тяжелой сумку, вышла на улицу. В этот день она изменила маршрут: все не решалась войти в дом Ястребковых. А когда вошла...

— Проходи, Антонина, небось устала, — засуетилась Ефросинья Андреевна, — все никак не могу почтовый ящик приколотить. — Что это с тобой? Ты что мне принесла?! Читай.

Антонина раскрыла конверт, вынула листок бумаги, начала читать: «В бою... ваш сын Петр... погиб...» Увидела, как исказилось болью лицо женщины, как судорожно заметались ее руки, как бы ища опоры...

С тех пор в сумке почтальона Антонины Обыденных рядом с письмами всегда лежал флакон валерьянки.

А письма все шли. Только каждый день проходила Антонина мимо дома Евдокии Межецкой — не подавал вестей ее муж Василий. Уж все сроки прошли. Не было дня, чтобы либо сама Евдокия, либо кто-то из ее детей не выходили встречать почтальона. И что-то странное было в их глазах. Они надеялись, что отец жив, но в этом случае с большей вероятностью могли ждать только похоронку. Три года, более тысячи дней продолжались эти необыкновенные по нервному напряжению встречи почтальона с женой и детьми фронтовика, не подававшего вестей.

К концу войны писем прибавилось. И Антонине приходилось после разноски почты поздно вечером идти в отделение связи, чтобы сортировать почту на завтра. Было уже 11 часов вечера. Заканчивался семнадцатичасовой рабочий день почтальона. Антонина рассортировывала последние письма и увидела письмо, которое так хотела увидеть уже более тысячи дней. Поняла, что наконец-то Василий Межецкий нашелся. Быстро начала одеваться.

— Да ты что, Антонина? — остановила ее Щепанская. — Завтра с утра и отнесешь.

— Не выдержу я до утра, спать не смогу. Три года Евдокия ждет письма, неужто я час пожалею.

И мало кто из жителей поселка Исеть догадывался, почему это в полночь в доме Межецких горит свет, доносится оттуда веселый детский смех.

А через два месяца, когда, и сам Василий приехал домой, то в первые же дни, не успев отдохнуть после фашистского плена и госпиталя, он вместе с женой пришел к Антонине, чтобы сказать солдатское спасибо ей за то, что больно ей от чужого горя.

Все дальше на запад катилась война. И все чаще черным крылом смерти доставала затерявшуюся в уральских горах маленькую Исеть. И первой об этом узнавала Антонина

Ивановна Обыденных. Изо всех сил старалась она не показывать виду, с какой вестью идет в дом. Но это ей не удавалось. И люди за много десятков метров догадывались, что несет она им в сумке. Только разве что один из сыновей пропавшего без вести мужа Фелицаты Постыляковой вот уже много месяцев ежедневно с детской наивностью и настойчивостью задает ей один и тот же вопрос:

— Где мой отец, почему ты нам от него письмо не несешь?

Пришлось Антонине за эти годы дважды приходить в дом к своим родственникам: пали смертью храбрых два ее племянника.

Сумка почтальона военных лет. Старенькая, потертая, сплющенная. Трудно представить, сколько горя и радости вмещалось в нее одновременно. Вспоминая о тех годах, Антонина Ивановна говорит:

— Я ушла на пенсию в 1958 году и до последнего времени, правда, редко, но все же приносила своим землякам известия о гибели во время войны родственников.

Почтальон военных лет был единственным звеном, связывающим фронтовика с родным домом. Это сейчас телеграммы, телефоны, а тогда почти у всех солдат была одна возможность — послать домой письмо. По тому, как склеен треугольник, каким почерком подписан, можно было догадаться, в какой обстановке оно писалось. Тогда в нашем селе грамотных было не много. И большую часть писем, которые я приносила, меня просили тут же прочитать. Письма с разных фронтов, разных родов войск, людей разного звания. Для меня и у нас была война.

Ко многому привыкла во время войны, к горю не смогла привыкнуть. И всегда пробуждалось во мне необъяснимое чувство вины, когда я приносила в чей-нибудь дом плохую весть. В городе проще: там почтальон зачастую не знает многих людей со своего участка. Я же знала в своем селе всех и все знали меня.

Антонина Ивановна задумалась. Наверное, вспоминала она, как сама все четыре долгих года ежедневно со страхом бралась за пачку пришедшей почты: не лежит ли в ней и для нее конверт с черной каймой. Ее муж был тоже там, откуда приходили в село похоронки.

Многое может вспомниться почтальону военных лет, для которого и здесь, в глубоком тылу, была война.

З. КРАСНОВА

«Красное знамя» № 95, 16.08.1979 г.

В ТРУДЕ, КАК В БОЮ

В юбилейный год Победы в Великой Отечественной войне не раз мы будем вспоминать добрым словом имена земляков, переживших героические и трагические события многотрудной истории нашей Родины.

Солдатские письма и воспоминания помогут нам мысленно перенестись во времена всеобщего горя, когда сделались ничтожными мелочи жизни. Всех объединила одна великая цель, самая праведная — выстоять и победить! Ведь тогда, в трагических 1941-42 годах, наши бабушки и матери, читая сводки Совинформбюро, плакали...

А солдат... Тот, кто выжил в катаклизме 1942-го года, он ни на минуту не переставал думать о тех, кого оставил дома. Вот письмо, датированное 2 июня 1942 года. Лебедкин Степан Николаевич просит жену Зою Петровну: «Передай привет электролитчикам. Я прочитал в газете «Известия», что они показывают образцы работы по выпуску своей продукции. Передай мой армейский большевистский привет тов. Хренову (директор ПМЭЗ) и Затееву. Желаю им дальнейших успехов в их созидательной работе на оборону нашей страны от немецких оккупантов. Еще передай привет Зайцеву, вашему начальнику. Прошу тебя, сообщи, где находится Носков Андрей и Сисин Афанасий, помнишь, с которым были на ве-

чере 8-го Марта у тов. Середкина? Сообщай, Зоя, что нового у вас на Медном? Как идет работа...».

В следующем письме, от 5 сентября 1942 года, Лебедкин С. Н. успокаивает жену: «...ты пишешь о своих трудностях, верю, но надо переживать и помнить, что в этом виновен фашизм, который затеял эту проклятую войну, которая всему прогрессивному человечеству надоела. Но наша задача — нужно приложить все усилия и уничтожить гитлеризм...

Зоя, напиши мне, хотя бы частично, как идут дела и работа нашего завода и что нового в районе, или попроси, пущай напишет П. Сисин. Передавай всем работникам РКВ КП (б) по привету. Ну, и очень коротко о своей жизни: живу пока хорошо, как дальше — не знаю: Пока жив, здоров. Еще раз прошу, Зоя, пиши почаще».

Те люди, которых упоминал в письме Степан Николаевич, жили и работали на Медном руднике по единому принципу: «В труде, как в бою». Без выходных и праздников, на непрекращающихся сверхурочных и без отпусков до конца войны. Они подписывались на заем даже на три оклада, да еще соревновались до кровяных мозолей, получая на день по 400 граммов хлеба из несеянной муки с отрубями. Кто сразу съедал, кто делил на несколько частей...

30 октября 1942 года В. Ф. Трусов послал с фронта Григорию Матвеевичу Широкову в исполком поздравление с праздником и спрашивал: «Как-то вы нынче справились со своей работой? Иван Степанович писал мне, что работали хорошо и заводы, и колхозы. ПМЭЗ знамя получил — это я читал в газетах... Привет всем знакомым сугрэсовским, мостовским, исетским, балтымским, первомайским, ну, и пышминцам тоже».

Мало сказать, что работали хорошо. Работали невероятно, исступленно. На каком-то фантастическом пределе сил. Да и нет таких слов, чтобы оценить труд женщин, детей, работавших за мужчин. «Женщины вдвоем с корня пилили сосны на дрова в лесу, очищали, складывали в поленницу. Норма на каждого была по 15 кубометров. И ее выполняли».

(Из воспоминаний И. М. Хромовой, фельдшера госпиталя в годы войны).

Оплакивая погибших на фронте сыновей, отцов, мужей, братьев, они не переставали верить в победу.

«Без жалоб и стонов, ибо Москва слезам не верит, они, труженики тыла, налаживали выпуск биметалла, добычу кобальта, на свои деньги покупали гигроскопическую вату, пряли ее и вязали носки и варежки для солдат».

(Из воспоминаний К. А. Карачевой, лаборанта химической лаборатории обогатительной фабрики в годы войны).

Разгружая вагонетки с сырой, примерзшей рудой с помощью кувалды, женщины и девушки работали, бывало, по две смены подряд, заглушая голод курением. Есть хотелось постоянно. «От недоедания люди опухали, особенно у кого большие семьи. Таких приводили в больницу, кормили их кашами и супом».

(Из воспоминаний И. М. Хромовой).

Ради дополнительного питания ходили еще на тяжелые работы: переворачивать торф, корчевать пни. За это получали суп, кашу и 200 граммов хлеба. Фаина Александровна Ровкина вспоминала, что хлеб детям носила, а суп съедала сама. «Приду домой, дети плачут, голодные, угорелые. До полуночи с ними отваживалась...». А детей у нее было шестеро.

Ну, а как наши мужчины трудились на заводе, шахте, на полях, про то не раз уже писалось. Нестеров, Степайкин, Секачев, Бененсон... До сих пор люди помнят помощника механика обогатительной фабрики Павла Семеновича Топоркова, исключительно самоотверженного и смелого человека. Бывали случаи, неделями не уходил с фабрики. Да разве всех их перечислишь...

В годы воины наши земляки являли собой образцы высочайшего мужества, что еще раз доказывает: народ, обладающий такой огромной силой, не мог не победить.

Доблесть бывает воинской. Доблесть бывает трудовой. А потому я ставлю знак равенства между медалями «За трудовую доблесть» и «За боевые заслуги» и низко кланяюсь всем, кто выстоял и победил.

Е. СЕЛИНА, директор музея.
«Красное знамя», № 3, 10.01.1995 г.

"...ВСЕ, ЧТО УСПЕЛ Я ТЕБЕ НАПИСАТЬ"

Сегодня я хочу познакомить вас, уважаемые читатели, с двумя необычными фронтовыми письмами.

В сентябре 1942 года был призван на фронт Шадрин Константин Николаевич, на себе испытавший проклятье страшного тридцать седьмого, побывавший в сталинградском аду. Из этого пекла он отправил жене вот такое письмо:

«Моей дорогой Верочке.

За свою отчизну,
За тебя, родная,
В бой идет твой милый
Средь разрывов мин,
Чтоб счастливой жизнью
Жили, не тужили
Ты и милый сын.

Чтобы в небе синем,
Над родною нивой,
Не крутился черный
Вражий самолет.
Чтоб жила ты с сыном
Мило и счастливо,
Радостной, просторной
Жизнью без забот.

Пусть метель бушует,
Заметает тропы,
Снегу понаносит
На поля горой,
Сердце затоскует
В земляном окопе,
— О тебе я вспоминаю,
Выходя на бой.

И когда взовьется алая ракета
И сожмет винтовку
Верная рука,
Захлебнется немец
Кровью на рассвете
Под напором дружным
Русского штыка.

Пусть метель бушует,
И мороз морозит,
Сядешь ты обедать
И прильнешь к окну:
Сердце что-то щемит,
Пусть беды не носит.
Жди меня с победой,
Скоро я вернусь».

Но нет, не вернулся домой автор этих стихов. Гвардии лейтенант Константин Николаевич Шаврин погиб в ноябре 1944 года.

Второе письмо написано Федором Малышкиным. Оно пришло в марте 1944 года в село Балтым. На конверте нет адреса: ни дома, ни улицы, а просто — Малышкиной Анисье Дементьевне.

Федор писал:

"Привет с фронта!

Привет тебе, моя дорогая мамаша! Родным и знакомым привет боевой, привет от меня деревушке всей нашей, поклон тополям и сирени зеленой. Ты пишешь, родная, что очень страдаешь, что грустно на свете тебе без меня. Родная моя! Ты, наверное, знаешь, что я не боюсь ни воды, ни огня. И, если на то уж пошло, я не струшу, в позор не введу я родительский дом. Всю силу свою я на немцев обрушу, возьму их тараном, пойду напролом. Ты пишешь: посевы в полях зеленеют, сирень распустилась у нас под окном, в лесу ароматные

ягоды зреют и все так отрадно и мило кругом. Нести нам приходится тяжкое бремя, но воинам русским оно по плечу, дотла истребим людоедское племя, огнем беспощадным сожжем саранчу.

Мамаша, мы верим, победа — за нами! И сил не жалея, с врагами я бьюсь. Вот это письмо сохрани ты на память, прочтем его вместе, когда я вернусь. Целую тебя и прошу лишь не плакать. Так хочется нежно тебя мне обнять — минут через десять иду я в атаку. Вот все, что хотел я тебе написать.

Пишите, пока вы живете. Я пока еще жив и здоров. До свиданья. Целую вас.

19.04.44 г. Федя"

Эта лирическая весточка с фронта хранится сейчас в музее вместе с орденом Отечественной войны I степени, которым Федор Малышкин, деревенский парень, двадцати лет от роду, был награжден посмертно. «За героизм и мужество, проявленное в бою, за освобождение латвийской деревни Цирета»...

Еще Маяковским замечено: слова от частого употребления теряют исконный смысл, «ветшают, как платье». Но когда ставишь рядом такие понятия, как Родина, свобода, жизнь, то всегда заново открываешь для себя фразу: «героизм и мужество, проявленные при защите Родины...» Вот тогда и понимаешь истину, которую это выражение несет: она уводит в бессмертие.

...Время сравняло могилы павших. Нам осталось жить и помнить: они действительно завоевали себе бессмертие.

Материалы подготовила
директор музея Е. СЕЛИНА.
"Красное знамя", № 134, 22.11.1994 г.

ГЕРОЯМ СТАЛИНГРАДА
(из письма рабочих пышминского завода)

... За работу в декабре 1942 года коллектив завода получил переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. В январе мы увеличили темпы, и Знамя ГКО продолжает развеваться над нашим заводом.

Вся страна знает нашего знатного плавильщика Тимофея Степайкина, знает про его скоростные плавки. В тот день, когда ваш разведчик-снайпер тов. Столбиков брал на мушку очередного фрица-пулеметчика, наш плавильщик скоростник тов. Батуев отвоевал у печи дополнительные тонны меди. В этот день он сократил время плавки на три часа.

В часы, когда вы, герои Сталинграда, шаг за шагом выбивали фашистов из дзотов и дотов, наши стахановцы проявили чудеса трудовой доблести. Плавильщики вайербарсового передела тт. Конов, Спицын, Тимофеев, мастера тт. Соколов, Усольцев и Чернов давали сверхрекордные плавки, проходящие быстрее обычных на 8-10 часов. Победным стуком обрубочного молотка знатный зачищальщик продукции тов. Нестеров ответил на последний выстрел на сталинградских улицах. И в эти дни Нестеров работал за пятерых.

Мы собрали на строительство боевой техники из своих личных сбережений 229 тысяч рублей наличными деньгами.

Директор завода ХРЕНОВ,
парторг ЦК ВКП(б) на заводе ШАХМИН,
председатель завкома УСОВ,
комсорг ЦК ВЛКСМ на заводе ПАНОВА.
(Газета «Красное знамя» от 18 февраля 1943 г.)
"За медь" № 24, 17.06.1981 г.

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

Дорогой читатель! Сегодня мы начинаем печатать отрывки из дневника Бориса Суворова. Кто он, Борис Суворов? Обыкновенный русский парень, парень из нашего города. Он один из многих тысяч молодых солдат, ушедших на фронт прямо со школьной скамьи.

Уже бегло взглянув на фотографию, вы увидите открытое лицо этого юноши. Мать рассказывает, что на широком и нежном лице его почти всегда играл здоровый румянец во всю щеку. У него были волнистые каштановые волосы, светлые зеленоватые глаза, невысокий рост, фигура плотная и крепкая. С детства он был жизнерадостным, подчас даже восторженным и всегда впечатлительным.

В семье он рос послушным и внимательным, почти никогда не приносил огорчений родителям.

К дневниковым записям Борис имел особую склонность и вел их всегда, начиная с 4 класса, но, к сожалению, ни один из прежних дневников не сохранился. Очень любил рисовать. В школе был бессменным редактором, художником, корреспондентом стенных газет, а с началом войны стал выпускать «Боевые листки». Особенно Борис увлекался астрономией, а свой «Звездный атлас», который ему подарила любимая учительница географии и классная руководительница Валентина Петровна Деменева, считал самой дорогой книгой для себя. Он даже брал его с собой на фронт.

В 1941 году Борис, как всегда, отлично окончил 8-й класс. Он жил тогда в нашем городе, бывшем еще поселком Медный рудник. И детство его, и отрочество ничем не отличалось от детства его друзей-сверстников. Разве только Борис был чуточку серьезнее других.

Началась война. Еще больше появилось упорства в учении. В каникулы работал на медеэлектролитном заводе. Лучшие воспоминания своей короткой жизни Борис сохранил о Медном руднике, о ребятах и друзьях, о любимых учителях школы. Именно в нашем городе он вырос в зрелого человека.

В 1942 году семья Суворовых переехала в Саратов. Учиться Борису много не пришлось. Окончив артиллерийское училище, в звании младшего лейтенанта он отбыл на фронт.

Борис Суворов был рядовым участником и рядовым летописцем войны. В его дневнике и в письмах мы находим не только живые зарисовки войны, но и видим автора, человека, богатого и мыслями, и сердцем.

День за днем вел свой дневник юный воин, убористо исписал чернилами и карандашом около двухсот тетрадных страниц. Вычертил четыре схемы-карты своего боевого пути, вплоть до польского местечка Серпц. Наряду с каждодневным перечислением событий, описанием нелегкой фронтовой жизни, мы встречаем в дневнике постоянные размышления их автора. Размышления о жизни и войне, о людях и фашизме, о дружбе, о мечтах, о любви. Поистине мыслям было тесно в его голове. И конечно, — преданность своему делу, своему долгу — вот что оставил нам в своих размышлениях, в своих записях этот комсомолец 40-х годов.

Имя Бориса Суворова безвестно миру. Но разве он, простой уральский парень, комсомольцем вступивший в Великую Отечественную войну и с честью выполнивший свой долг перед Родиной, разве он не герой?

Наш народ одержал победу над злейшим врагом человечества — фашизмом потому, что партия сумела воспитать поколение таких, как Борис Суворов, идейно убежденных, беззаветно преданных делу, Родине советских людей. Дневник Бориса Суворова — отражение взглядов молодежи, которая родилась при Советской власти, которой дорога Советская власть и все ее достижения.

9 мая 1965 года на здании 1-й школы была открыта мемориальная доска в память погибших учителей и учеников этой школы.

...Звучит музыка Баха, Бетховена, звучит проникновенно и беспрерывно. В глубоком молчании застыли учителя, школьники, гости, жены учителей, матери тех учеников, кто сложил головы в боях. К микрофону подходят знавшие погибших, делятся воспоминаниями. Говорит пожилая невысокая женщина, волосы которой посеребрила седина, — заслуженная учительница РСФСР Валентина Петровна Деменева. Война отняла у нее мужа, учителя этой школы. Война отняла любимых учеников, среди которых был Борис Суворов... Спадает светлое покрывало и обнажается белая мраморная доска, на которой сияют золотой факел вечного огня и золотом тисненные надписи фамилий. Склонив головы, стоят люди...

Дневник Бориса Суворова

25 октября 1943 г. Только зашли в столовую — приказ: все выпускники на улицу! Построились в каре. Пришло наше командование, и Антонов зачитал приказ маршала Воронова о присвоении всем нам звания младший лейтенант. Я поступаю в распоряжение командующего артиллерией Западного фронта. Выступая, полковник Пыпин отметил, что «здесь вы прошли трудную школу». С оркестром разошлись. Быстро пообедали и через 40 минут выступили.

5 ноября. Минули Павелец. Снег, мороз. Где-то здесь проходит полоса, до которой доходили немцы осенью 1941 года. Вдоль поезда тянется холмистая равнина. В лощинах — рощи и деревеньки, ужасно похожие друг на друга. У полотна попадаются воронки, груды камней.

Станция Епифань, разбитый вокзал. Немцы здесь были 18 дней. Забежал в один домик, чтобы купить картошки. Старушка насыпала полную шапку, но от денег категорически отказалась. Часов 5 стояли в Бобрик-Донском. Какая разница в отношении населения к бойцам по сравнению с саратовчанами! Попросишь воды — «Пожалуйста, сынок, пей». Вспомнит своего сына-фронтовика и время, когда немцы тащили все, что попадет под руку.

Проезжали угольные шахты Подмосковья. Когда совсем стемнело, медленно въехали в Узловую и стали рядом с высоким, полуразрушенным бомбами зданием.

6 ноября. Город Тула. Город, устоявший против немцев, хотя фашистские танки ворвались на центральные улицы. Крепкий мороз, яркое солнце в голубом чистом небе, костер, на котором я готовлю кашу-концентрат для себя и Вовки, и, наконец, бодрящая музыка «Кармен» — разве этого недостаточно, чтобы создать бодрое настроение? Моемся ледяной водой, едим и отправляемся в город — я, Борис и Бородулин. На первом же перекрестке «рассеиваемся», спрашиваем у прохожих о дороге. Затем сходимся и, суммируя все ответы, получаем солидный запас знаний. По широкому мосту через реку Упа попадаем в центр города. Прежде всего в глаза бросаются две особенности: густая радиофикация и чистота улиц, где все проходы и дорожки тщательно посыпаны песком.

С Борисом зашли в редакцию областного «Коммунара». На третьем этаже я обратился к какому-то сухощавому работнику: «Простите, но я из офицерской группы, несколько дней едем в поезде и не знаем никаких новостей». И через пару минут я получил свежий, пахнущий краской номер...

Сходили подзакусить на станцию и снова целой компанией в кино, смотрели «Два бойца». Возвращаясь назад, узнали, что наши войска взяли Киев. Да, это хороший праздничный подарок.

19 ноября. ...На Украине зверствуют «освобожденческие» отряды. Вот сволочи эти германцы: не берет силой — идут на подлую агитацию.

Все силы сейчас нужно отдать на борьбу с немецким фашизмом, спасти Родину. Я никак не могу себе даже представить жизнь, если в перспективе не было бы борьбы за общество без частной собственности.

12 декабря. ...Командир полка дал нам еще день на работы. С утра я следил за рытьем котлованов для «студебеккеров», бродил по лесу. Написал письмо домой. С каждым

днем убеждаюсь, что в настоящей работе нужно больше требовательности, учусь командовать. Вечером с Ивановым составляли конспекты занятий на завтра.

На нашем фронте появились новые направления, но карты нет. На Украине немцы переходят в жестокие контратаки. В Тегеране состоялась конференция глав 3-х держав. За подписью Сталина, Рузвельта и Черчилля вышла Декларация, где говорится, что между ними достигнута полнейшая договоренность о сроках и масштабах разгрома Германии с севера, востока и юга, и о таком устройстве мира после войны, которое многие поколения людей избавит от ужасов и страха войн, от тирании, рабства и национальной нетерпимости, даст народам право развиваться и жить согласно их стремлениям и совести. Да, хорошие слова, хорошие замыслы. Но надолго ли можно восстановить мир в условиях империализма? Не похоже ли это на стремление заставить плюс и минус стать взаимно инертными? Эх, как мало я еще знаю, сколько еще нужно учиться... Но война, нужно воевать. Здесь, правда, тоже школа, учишься у самой жизни. Но этого недостаточно. От многих я слышал, что на войне люди черствеют, тупеют, грубеют. Неверно. Видишь, как попусту гибнут сотни и сотни людей, как в дым и груды развалин превращается труд миллионов людей — и невольно начинаешь мечтать, да, именно мечтать о будущем, о новом обществе счастливых, здоровых, людей, о коммунизме. В Москве умер Е. Ярославский. На Тихоокеанских островах и в Италии союзники мало-помалу подвигаются вперед.

17 декабря. ...Назначили комсоргом батареи.

20 декабря. В Харькове эти дни идет процесс над несколькими немцами — работниками гестапо и одним предателем-русским. Вскрываются страшные преступления фашистов в наших городах: десятки тысяч мирных советских людей, расстрелянных и удушенных в «газовых автомобилях», в этом омерзительнейшем изобретении германской техники. Что все старые «страшные» романы с кровавыми картинами убийств? Они бледнеют, эти фантазии, перед простым реальным документом, судебным отчетом, где пойманные фашисты, как о чем-то обычном, говорят о том, как они из пистолетов и автоматов стреляли в беззащитных женщин, стариков, детей... Нет, даже смертный приговор — слишком легкое наказание для этих гадов.

21 декабря. Последние дни пасмурно. Харьковский процесс кончился, всех приговорили к повешению.

9 января... Снова читал Чехова, особенно понравились «Пассажир 1-го класса», «Дома», «Зиночка».

29 января. Вьюжка, но снег мокрый, орудия ржавеют и с ними много возни. Я — член бюро ВЛКСМ дивизиона, сегодня принимали новых.

8 февраля. Получил пару фото, правда, плохонькие. Послал одно домой: если сам не доживу до конца войны, пусть хоть сохранится эта фронтовая карточка. Был на семинаре комсоргов, на офицерском собрании, на репетиции.

22 февраля. Получил письмо от Николая Горонько — все еще работает в радиокомитете и не может решить вопроса: в какой идти институт?

23 февраля. Наши овладели г. Кривой Рог.

27 февраля. Последнее время в Англии начали произносить нехорошие речи. Черчилль как-то размазанно говорит о сроках войны в Европе, крутит дипломатию вокруг да около, пугает возможностью нового германского нападения на Англию при помощи радиоуправляемых самолетов и ракет. Иден дает понять, что между СССР и союзниками очень много недоговоренностей, говорит, что если Россия после войны вернется к «старой цитадели», то это не позволит создать устойчивый и длительный мир. В Лондоне изучаются польские газеты с антисоветскими статьями. Что же еще можно ожидать от наших капиталистических «союзников»?

16 марта. Забавная весна: снег, снег, снег. И вода. Читаю Чехова. Особенно отлично

написана «Скучная история». Замечательная цитата: «Наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, она всегда была и будет высшим проявлением любви, и только ею одною человек победит природу и себя». Что б отдал я сейчас за возможность побродить по Третьяковской галерее, по историческим и краеведческим музеям, побывать в Планетарии!.. А затем вечером в кругу хороших друзей долго говорить и спорить об этом и о другом. Смогу ли я еще учиться? Не будет ли слишком поздно? Вечером провел комсомольское батарейное собрание.

17 марта. Пасмурно. Ходил к майору с конспектами приказа и засиделся на полтора часа: с Гончаровым говорили о наших писателях и поэтах, он много рассказал интересного о Москве в октябре 1941 г.

30 апреля. Прохладный ветерок, резкие смены солнца, дождя и снежной крупы. Из фосфорных немецких пуль мастерим себе «зажигалки». Уже зеленеет свежая травка, вокруг цветут подснежники, уральские «медунки». Помнится, еще в училище я перед Сусликовым развивал теорию «больших» и «малых» настроений. Малые настроения, как им и подобает быть, сейчас различны, но большое — одно: глубочайшая ненависть, отвращение к войнам, ко всему, что связано с ними, когда человек ежеминутно ожидает смерти, не уверен — в своем завтрашнем дне.

Почему я веду дневник? Уже несколько раз готов был бросить его, но не могу. Втянулся, как алкоголик, и два-три дня без записи кажутся мне прошедшим даром, канувшими бесцельно в вечность.

2 мая. ...Скорее бы кончилась война и за учебу! Ведь здесь я учусь постольку, поскольку это необходимо в повседневной жизни на фронте. Ум не работает творчески, только приобретаются навыки, действия зачастую почти рефлективны. Боюсь, не потеряет ли мой мозг вообще способности обобщать наблюдения и делать выводы. Мозг ведь требует, как и мышцы, постоянной тренировки, чтобы не засорились, не заросли травой дорожки, соединяющие между собой отдельные его центры. Свободная умственная работа — это же громадное наслаждение. Очевидно, из-за любви к ней я, будучи на Медном руднике, занимался стихоплетством, сочинял рассказы. Учиться было трудновато, зачастую в желудке урчало от пустоты, но я до 2—3 часов ночи, напялив на лампочку бумажный абажур, сидел за «Популярной астрономией» Фламмариона или конспектировал «Жизнь Земли» Яковлева. И ложился спать, шатаясь от утомления, чувствуя, что голова наливается чем-то тяжелым, пухнет — но счастливый...

С каким наслаждением поставил бы я эпиграфом всей своей жизни цитату, выписанную мною 16 марта! Но война не щадит никого. Мы боремся в этой войне за прогрессивное, правое дело. Воевать нужно: это долг перед Родиной, долг совести. Но если к концу войны на моих плечах все еще будет торчать голова — безусловно, приложу все усилия, чтобы продолжать учиться. Только не было бы поздно: ведь на фронте люди стареют гораздо быстрее, это я вижу по моим теперешним товарищам.

Максим Горький писал:

«...Животное начало в человеке неугасимо до поры, пока в буржуазном обществе существует огромное количество влияний, разжигающих зверя в человеке». А самое отвратительнейшее, омерзительное порождение классового общества — это война. Она губит человека и физически и морально, кромсает и рвет на части не только живое тело, но и живую душу (душа, конечно, не в библейском понятии). Но мне кажется, что «зверского» во мне не так уж много, и атавизма не произойдет. Гораздо страшнее распространенные человеческие пороки: курение и пьянство, обойтись без которых на фронте очень трудно. За полтора года армейской жизни трудно было бы не привыкнуть к «мату», слушая его по 24 часа в сутки. Но если раньше я с этим мирился, а иногда позволял сорвать зло или обиду на размотавшуюся обмотку, на лягающегося, упрямого коня, на муху в щах — то теперь,

услышав брань, я испытываю чувство, подобное тому, что чувствует человек, проглатывающий жабу, червяка или вообще что-либо холоднее, скользкое, гадкое.

16 мая. ...От комбата узнал обстановку. Против нас стоит 57-я немецкая гренадерская дивизия в составе трех полков. Состав каждой ее роты: 24 немца, 8 французов, 8 русских, 8 чехов и 8 румын. Месяц тому назад дивизия прибыла из Варшавы. По показанию пленных «языков», настороение солдат плохое.

Сейчас сижу у стереотрубы и веду наблюдение. До наших передних траншей около 100— 140 метров, дальше 500—600 метров нейтральной, «ничьей» земли — и два ряда немецких окопов. На нейтральной полосе поблескивают мины, тянутся рогатки и проволочные заграждения, стоят сгоревшие черные танки. Дальше — две разрушенные деревни.

То тут, то там бродят немецкие солдаты, в трубу можно различить даже кое-какие детали одежды. За день я «засек» их около 20 солдат: одни что-то тащат, другие копаются в обломках, ищут картофель. Противник почти не ведет огня, а мы сегодня всем полком били по деревне Арвяница. Я наблюдал за разрывами из кустов в бинокль.

17 мая. ...К утру возможна атака противника. Настроение бойцов хорошее. Сам чувствую себя отлично во всех отношениях; уверен, что если придется встретиться с бронированными «тиграми», то моим «старичкам» в Саратове краснеть за меня не придется. Вот только что-то долго нет машины со снарядами и гранатами.

30 мая. Вечером получил сухой паек на 2 дня и отправился на наблюдательный. У немца за бугром обнаружили наблюдательную вышку, замаскированную под ель. Но только я сел к трубе, начался обстрел, меня осыпало порцией песка, а в 60 метрах справа разбило блиндаж. Как только стемнело, взял разведчика и отправился на смену Сомову.

Пересекли наши окопы, перешли речушку и достигли боевого охранения, которое представляет собой небольшой холм с траншеями круговой обороны среди нейтральной полосы. Подходы к нему простреливаются, и днем мы отрезаны от наших основных сил. Здесь у меня блиндажик с телефоном, разведчик, радист с рацией и связист.

Основная задача: в случае атаки противника на нас как можно быстрее вызвать огонь в 80 метрах впереди. Всю ночь бродил по окопам, познакомился с командирами взводов пехоты. Разговариваем только вполголоса, ибо до противника около 200 метров. Немцы все время освещаются ракетами, не прекращается тиканье автоматов и пулеметов. В полночь противник дал налет из миномета, наповал убило командира роты (так я и не успел с ним познакомиться).

31 мая. Когда рассвело — все затихло, только изредка шлепнется мина или пискнет пуля. Льет дождь, гремит гром. К вечеру прояснило. Все ночи здесь я почти полностью провожу в траншее или у пехотных командиров. Ночью никто не спит, все на своих местах: в ячейках, у пулеметов. На день остаются только часовые. Впереди нас в 200 м распускает листья яблоневый сад. В нем, безусловно, сидят немецкие «глаза» и «уши», поэтому я часа в 2 ночи попросил у комбата «огонька». Через 4—5 минут раздался приближающийся свист и в 80 метрах впереди нас с хрустом рванули два наших снаряда. Над головой, как жуки, вразнобой прожужжали осколки. Я по телефону передал комбату: «Недолет 50, левее 150». По сигналу выпущенной мною белой ракеты два новых снаряда врезались в сад. Пехота осталась довольна: «Хорошо бьют, точно».

6 июня. Человеку, не бывшему на фронте, трудно понять психологию фронтовика. Только плотно прижавшись лицом к сырой, теплой и пахнущей травой земле, чувствуя, как эта земля вздрагивает от взрывов и вокруг совсем рядом с тупым звуком шлепаются осколки, понимаешь, что значит для тебя жизнь и как безумно ты ее любишь. И кажется, что самое главное — это выйти живым именно из этого боя. Появляется желание бросить все и идти, идти все дальше от опасности. Самое главное — это в первый раз перебороть себя:

«Борька, — спокойно: ты командир и отвечаешь за людей, за орудия. Да и вообще с

тобой ничего не может случиться». И подобное самовнушение помогает.

7 июня. В районе Яссы наши части отбивали все новые и новые атаки противника. В Италии занят Рим. Войска союзников высадились в северной Франции между Шербуром и Гавром, ведут бои на этом плацдарме. Стало быть, второй фронт, которого тщетно ждали 3 года, почти открыт.

13 июня. Наступление здесь должно быть обязательно, ибо натянули очень много артиллерии.

23 июня. Несмотря на дождь, рано утром началась подготовка. Иногда все выстрелы сливаются в общий гул, приходится орать во всю силу глотки, я совершенно охрип. Мы стоим на крайнем правом фланге прорыва. Разорвалось несколько вражеских снарядов — и баста. Очевидно, немцам не до стрельбы. С НП передают, что мы подавили минбатарею, уничтожили блиндаж и 2 пулемета, рассеяли группу немецких солдат. После обеда две батареи снимаются, а я продолжаю стрельбу по отступающим по шоссе немцам. Над нами проходят эшелоны штурмовиков и ястребков, кое-где ввязываются в бой немецкие «мессершмидты».

25 июня. ...У деревни Пудовня мост взорван. Разворачиваем гаубицы. У околицы села скопилась толпа человек в 300, большинство — старики, дети, женщины. Встречают нас со слезами, благословляют. Меня ловит какой-то дед, целует... Вдруг в толпе разрыв... Летит еще снаряд, и еще. Ранен командир полка. Стреляют фашистские «фердинанды». Ну и ожесточились же тут мои ребята, да и я сам был полон злобы и ярости. Открыли шквальный огонь по врагу.

Немецкие снаряды ложились совсем рядом, но ни один из нас не дрогнул. Разведчики другого полка показывают мне нахождение немецкой автомашины-корректировщика. Переношу огонь туда, после 3-го снаряда за селом поднимается клуб дыма.

Вечером цепляем орудия и ждем маршрута. Когда стемнело, снова подошел «фердинанд». Рвутся снаряды, посвистывают пули автоматчиков. В 200 м немцы поджигают несколько домов. Чтобы не быть открытой мишенью, отъезжаем за рощу и готовимся к отражению атаки.

29 июня. До полдня стоим на скрытной поляне, но вдруг рядом рвутся снаряды. Очевидно, шпион дает координаты по радио. И точно: в лесу находят двоих «фрицев», тут же расстреливают. Это русские в немецкой одежде, «власовцы». Сволочи, я их ненавижу! Через некоторое время после нашего отъезда противник дает такой огневой налет, от которого нам бы не посчастливилось.

30 июня. Утром чуть-чуть отдыхаем и снова едем. Основная тактика нашего сейчас наступления — это непрерывное движение вперед, не обращая внимания на соседа и не боясь обнажать фланги. Поэтому получаем маршрут до реки Березина, хотя дорога еще у врага. В 20-25 километрах южнее нас проходит шоссе Могилев—Минск, но немцы крепко за него уцепились. И мы должны выйти к реке севернее — почти по бездорожью.

У Кунсов готовимся стрелять, а немец обстреливает нас с востока, сзади. Но мы снимаемся и едем на запад. У Староселья попадаем под обстрел автоматчиков. Козлов ранен в живот. Мы отвечаем из пулемета. Стихает. Только занимаем позиции— слева появляется «фердинанд» и открывает огонь.

Кононыхин выкатывает свое орудие, я разворачиваю еще свое, стреляем. С пригорка «сваливаются» две конные упряжки 45-милимметровых противотанковых пушек. Снаряды рвутся рядом, лошади обезумели... Одна упряжка проскочила в рожь, успеваю перерезать дорогу другой. Солдат выпучил глаза и изо всех сил стегает коней. Сую ему под нос наган: «Стой! Убью, сволочь!» Кое-как останавливаю. Осталось 2 бойца.

Беру еще двух своих, катим на бугор, стреляем. «Фердинанд» уходит в лес. Едем дальше, все глубже вовлекаясь в узкий коридор прорыва. Лес, болота. Буксуем, стелем дорогу

ветками, но едем. Леса полны оставших немцев и бежавших полицейских. На дорогу выбегает пехотный разведчик: «Стой! Сзади вас село заняли немцы!» Но, наша задача: «Вперед». И я только говорю водителю: «Жми, Замычкин, на полный!..».

11 июля. Перехожу на ту же должность — командира взвода— во 2-ю батарею. Майор сказал, что меня представили к награждению орденом Отечественной войны.

22 июля. Разведка идет вперед, мы за нею следом сменяем 4 огневые позиции, с последней стреляем. Около часу простояли в местечке Михалово, осматривая которое, я нашел чудом уцелевший пакальный завод. Набрали много пакли для очистки орудий.

Местное население относится к нам как к своим родным (и белорусы, и — что важно — поляки). Вчера четверо наших бойцов наделали шума во всем немецком гарнизоне местечка — и сегодня жители говорят: «Вот это действительно чудо-богатыри!» Пожилая, худенькая женщина с неподдельной искренностью спрашивает: «Что же вы не пришли сразу, не прогнали в тот же день немцев? Может быть, они и не сделали бы этого...» И она рукой показывает на сожженные дома и текстильные фабрики. Эх, были бы у нас тогда снаряды! Мы не дали бы врагу закрепиться ни на одном рубеже. Седой старичок начал рассказывать мне о том, как вели по дороге немцы наших пленных бойцов — и не мог договорить. Его душили слезы...

Трудно передать, какое благотворное влияние оказывает такое прекрасное отношение на бойцов. Сколько, новых сил чувствуешь в себе! Ежедневно встречаясь с опасностями, со смертью, с кровью, начинаешь глубоко ненавидеть войну, но, видя и слушая бывших в оккупации людей, понимаешь, что воевать нужно, что борешься за правое дело.

По радио сообщили, что на Гитлера было покушение, многие его приближенные ранены, но сам «фюрер» отделался ожогами и ушибами. Мы все чрезвычайно сожалеем, что ему так мало досталось.

25 июля. Били по предместьям Белостока, по шоссе. Отличная погода, стоим в уже переспевшей ржи. Много раненых, ибо проклятый «фриц» дает налет за налетом. Брожу по Каменке, разговариваю с беженцами из Белостока. Они рассказывают ужасные вещи о расстрелах, еврейских погромах. Полуживых людей фашисты засыпали легким слоем земли и пускали по этому месту взад и вперед автомашину.

28 июля. Наши взяли Львов, движутся к Варшаве. Немец снова укрепился у реки. Очевидно, завтра снова будем «выкуривать» его, а пока ведем ленивую перестрелку. Подтягивается артиллерия. На позиции остался мой «старичок» лейтенант Чернов, а я с выздоравливающим Сомовым и артмастерами отправился в центр города.

За несколько дней до сдачи города фашисты начали его уничтожение. Сейчас в центре города нет почти ни одного целого здания. Взорваны жилые корпуса, лазареты, театры, библиотеки. Все уцелевшее — заминировано.

31 июля. Гаубицы стоят у небольшой уютной деревеньки Толче. Не стреляем, противника тоже почти не слышно. Наши войска приближаются к Варшаве: выходят к Рижскому заливу. Идет дождь, перестает, но сумрачно. Чтобы рассеяться — иду в деревню, слушаю гармошку.

4 авуста. К полудню установилась отличная погода. Немецкие позиции с утра «прочесываются» нашими штурмовиками. Изредка показываются немецкие «мессера». Ведем огонь почти на юг, орудия батареи бьют одно через другое, в ушах боль и звон. (Теперь понимаю, почему глушится рыба в воде!..)

Расчеты работают с большим напряжением, ибо ведем огонь по району скопления немецких танков. Вечером выехали на новые огневые, километров в 5 южнее. Заняли позиции, построили веер, и бойцы, утомленные, легли спать. Но я долго еще стоял, прислонившись спиной к колючей копне золотистой ржи.

Из-за темных зубцов леса выкатилась багровая, громадная луна с темными пятнами ее

морей. Воздух, был тих, холоден, прозрачен. В памяти вставало все пережитое за последние месяцы. Не хвастаясь, могу сказать, что в боях мои ребята не сплоховали, перед «фердинандами» не трусили. Поэтому после войны мне не стыдно будет вернуться домой к родным. И смело смогу я подойти к девушке, на которой остановится мой выбор, ибо она не назовет меня «тыловой крысой».

Мы возьмем от жизни все, чего лишили нас немецкие фашисты, ведь за это право жить погибла не одна молодая жизнь, пролита не одна капля крови. И еще... еще я хочу учиться. Это желание не оставляет меня ни в траншеях, ни в часы отдыха, ни под противными, по-свински визжащими немецкими снарядами.

8 августа. До утра окапывались, но на рассвете заметили, что противник видит нас с фланга. Пришлось отъехать за следующий холм, снова окопались. С его вершины в бинокль отлично просматривается противник, на его стороне два пожара.

Ночью наши У-2 бомбили «фрицев», что-то подожгли. Пролетел какой-то самолет с приглушенным мотором — и вдруг раздался «голос с неба». Ну ни дать, ни взять какой-нибудь Илья-пророк!.. Громкий чистый голос произнес: «Наши войска! Покажите линию фронта ракетами в сторону противника!» На земле все темно. Просьба с неба повторилась... Началась стрельба трассирующими пулями. Голос заявил: "Предупреждаю! Зачем, русские, стреляете по своему самолету?» Самолет прошел на восток, и издали еще доносилось его бормотание. До сих пор не пойму: был ли это «фриц» или «иван»?

11 августа. Ночью бомбили наши У-2, с утра полетели «ИЛы». Переезжаем, с полчаса стоим с развернутыми орудиями у старого НП у костела. Снова едем, проезжаем по Каменке, по которой мы вчера вели огонь: воронки, разбитые дома, пожарища, трупы лошадей и солдат. Колесим по ужасной местности: сюда когда-то дополз ледник и рельеф составлен из бугров, камней-валунов, озерец. Все свободное место засеяно люцерной, лютиком и пшеницей, среди которых темнеют сосновые и лиственные лески.

Получили маршрут до реки Бобр (р. Бобжа), но еще за 10 километров до нее идет жаркий бой за деревню Лутихи, ни на минуту не смолкают разрывы и пулеметная дробь. Быстро разворачиваем орудия и ведем огонь по немецкой пехоте.

Нравятся мне мои ребята. Если по правде сказать, то кричать и ругаться приходится, но нельзя же без этого. Зато в бою дружны, в дело вкладывают всю душу, весь задор. А это — главное. Более расхлябан подобранный нами «отставший» от пехоты Самохин, но на него жмут сами же хлопцы из расчета.

Сегодня отлично работает авиация: самолеты устроили над противником настоящую «карусель».

13 августа. Утром тронулись дальше. На шоссе у заминированного моста скопилась масса транспорта: лошади, тягачи, танки, пушки. Вдруг со свистом начали шлепаться немецкие болванки. Поднялась суматоха, обозники погнали коней по болоту, тыловые машины со старшинами и интендантами повернули назад, а мы газанули дальше и развернули орудия на песчаной, покрытой дюнами и сосняком местности. Я устроил свой «КП» в большой воронке диаметром в 7 метров.

Через час началась артподготовка, мы дали 3 налета беглого огня по крепости Осовец. Грохот стоял немалый, хорошо шипела "катюша». Авиация наша работала отлично. Вначале немецкая тяжелая зенитная батарея подбила наш «ИЛ», и он с отбитым крылом рухнул вниз. Но следующие партии штурмовиков заставили ее замолчать. Из облаков вынырнула было тройка «мессершмидтов». но наши зенитчики подняли такой невообразимый треск, что «фрицы» позорно «драпанули». Вечером «мессера» все-таки подожгли 2-х «ястребков». Но Осовец — наш!

16 августа. Дежурю. Утром строил дивизион. Орудия привели в парковое положение. На автомашинах ездили за 3 километра на Нарев, купались. Часа 2 провел с младшим лей-

тенантом погранвойск, катались с ним на лодке. Союзники высадили морской и воздушный десант на юге Франции между Марселем и Ниццей. Да, теперь можно уверенно сказать, что союзники оказывают нам свою помощь, оттягивая войска и технику.

17 августа. С утра начали занятия, но вскоре поступило приказание готовиться к переезду, поэтому отдыхаем. После обеда меня вызвал комдир: «Ну, сынок, поздравляю с орденом Отечественной войны!» (Он, почему-то, зовет меня «сынком», хотя сам еще молод). Значит, награда не пропала,

25 августа. Вечером вызывали в штаб полка, где Варшавский вручил мне орден.

Союзники во Франции продвигаются хорошо, вступили в Марсель. Париж—в руках восставших французов! Эти французы действительно горячие и прекрасные люди!..

1 сентября 1944 г. Наши части вступили в Бухарест.

4 сентября. ...В голове рождаются мысли, которые трудно изложить короткими заметками дневника. Часто они до крайности грустны, горьки, ведь в них противопоставляется самое лучшее, что есть у людей: поэзия, музыка, любовь, наука — с самым жестоким и омерзительным: с войной. Человек и война...

28 сентября. Пристреляли несколько реперов. Мылись в бане. Батарея находится в полном «минном» окружении со всех сторон, даже между 3-м и 4-м орудиями тянется широкая полоса противотанковых мин и проволочное заграждение, среди которых мы устроили лишь узкий проход. Вчера в одном старом блиндаже мы обнаружили труп зверски изнасилованной и убитой пьяными «фрицами» молодой девушки... Она охраняла здесь свои спасенные из сгоревшего дома пожитки. Нет, никакая контрибуция, никакие груды золота не окупят всего, что натворили фашисты в оккупированных местах! С каждым таким фактом, с каждым рассказом поляков в душе крепнет злоба, ненависть к этим «плюдри» — «фрицам». Пусть немецкий солдат читает научные журналы, носит длинные волосы и чистое суконное обмундирование, но он — варвар. Не «культурный солдат», а «культурный варвар, убийца».

3 октября. Моросит дождь. Наши войска закончили очищение Эстонии; по договору с маршалом Тито наши вступили на территорию Югославии. Получил письмо от Валентины Петровны со школьными новостями.

Вечером заступил оперативным дежурным по дивизиону. Тревожная, бессонная ночь.

Утром противник сделал артподготовку и потеснил наш левый фланг на 4-6 километров.

Положение становится серьезным. Командующий немецкой армией на этом участке, по рассказам пленных, дал слово «уничтожить плацдарм, сбросить русских в Нарев».

6 октября. Туманное утро. Ведем редкий огонь по участкам. К обеду проясняется — и противник пустил в контратаку 67 танков типа «тигр» и «фердинанд». Началась такая стукотня, которой не было и при артподготовке. С рычанием проносятся «Илы».

Ведем почти непрерывный беглый огонь по танкам, которые то отходят в лес, то вновь пытаются атаковать. Связь порвана, работаем по радио. Снова, как в Белоруссии, я охрип. Дым, гром... Хлопцы мотаются, как в аду. Снаряды на исходе, осталась дюжина... На автомашине еду в 3-ю батарею, забираю 70 штук. Бой длился дотемна. Немец дает ответные налеты из тяжелых орудий. За день мы выпустили 460 снарядов. Готовимся к отражению новой атаки.

7 октября. Всю ночь и утро не прекращался обстрел. За отражение вчерашней контратаки весь личный состав нашего участка получил благодарность командования. Утром нас предупредили, что, по показанию пленных, в 16-00 противник готовит генеральное наступление. Приготовили все к бою, проверили еще раз готовность. Провели небольшой митинг, настроение бойцов хорошее. Многие заявляют: «Если умрем, то только в окопе, у орудия». Часа за полтора до предполагаемой атаки начала работать наша авиация, штурмовики, по-

чти все время «висели» над противником. То ли вследствие этого, то ли немцы просто передумали, но день прошел относительно спокойно.

21 октября. В Югославии наши войска заняли Белград; прорвались на территорию Чехословакии; подходят к Будапешту. А о наших боях в газетах ни полслова. Просто «бои местного значения»... Война еще черт знает сколько продлится, а уже началась дипломатическая дележка шкуры еще не убитого зверя. Союзники стараются вместо Осубки-Моравского подсунуть различных «миколайчиков», маршала Тито заменить ожиревшим на лондонских харчах югославским королем. Да у какого русского, советского человека не обольется кровью сердце, когда он узнает, что в то время, когда в районе Петсамо еще продолжаются жестокие бои, еще льется кровь русских солдат — английские капиталисты уже добиваются у советского правительства выплаты золотом за бывшие у них в Петсамо никелевые концессии? Как фронтовик может спокойно читать строчки о том, что «немцам нужно помочь», что «Германию нужно не наказать, а лечить» — в то время, когда рядом с ним рвутся немецкие снаряды, за спиной тысячи могил и сотни разрушенных городов, а «требующие лечения», больные фашизмом «фрицы» бросают листовки с угрозами применения «нового сверхмощного оружия», когда Гиммлер призывает немецких детей, женщин, стариков «защищать каждый дом, двор, каждый куст»?

7 ноября. С утра побрились, приобрели «праздничный вид». Вдвоем с «Федорычем» подняли фронтовые кружки, провозгласив тост за Родину, победу и за то, чтобы следующую годовщину встречать дома, с родными и любимыми... Закусили консервами, еще коечем, и лежа пели прекрасные фронтовые песни: «Жди меня", «Темная ночь», «В землянке» и другие.

17 декабря. Пасмурно, поэтому мороз несколько спал. Утро, как обычно, началось возней, борьбой — как в балагане! Польза для мышц. Пишем открытки с поздравлениями к Новому году. Вчера вечером слушал концерт из Англии для России. Чудная музыка! С наушниками на голове чувствовал себя на седьмом небе... Но музыка — музыкой, а английские войска продолжают бои с греческими партизанами, британские «спитфайеры» с карательной целью бомбят окраины Афин... В истории английского империализма появилось еще одно грязное несмываемое пятно.

18 декабря. Дежурю по дивизиону. Со стороны южнее Пултуска все время доносится гул артиллерийских налетов. Составлена вновь программа занятий до конца года, так что вечером корпим над конспектами занятий. Читаю книгу «Хроника Малевинских», которую я «стащил» у медичек в Замброве. Хорошая и полезная вещь.

19 декабря. ...Лес засыпан свежими немецкими листовками. В обращении молодежь запугивается перспективой войны с Японией, чего «добивается от Сталина Черчилль». В своей речи Геббельс говорит так: «Теперь ясно, что победу мы можем одержать не количеством техники, чего мы не имеем, а качеством, вводя в бой новые виды оружия, против которых противник будет бессилен бороться. Применение «V-1» — это начало эры нового оружия».

26 декабря. Чуть порошит легкий снежок. Продолжаем долбить землю. Из дому пишут, что скоро стройка перекочует в Среднюю Азию. Цены в Саратове снизились по сравнению с 1942-м годом почти втрое, стало быть, страна оправляется после годов оккупации. Мне кажется, что теперь восстановление хозяйства должно пойти громадными темпами.

Вечером противник левее нас дал крепкий артналет. Солнце стоит весь день очень низко, поэтому длинными вечерами ведем беседы и споры на самые разнообразные и неожиданные темы быта и политики. Многие офицеры наши сейчас говорят:

«Солдат — это просто солдат»... Глупый, вредный подход. Каждый боец — это, прежде всего, наш советский человек, имеющий, конечно, ряд собственных, личных качеств. Имен-

но с этой стороны и нужно подходить к солдату, и тогда он пойдет за тобой в огонь и в воду. При этом один из решающих факторов — смелость командира.

31 декабря. Немного нездоровится, день провел «дома». Новогодняя ночь оказалась гораздо шумнее, чем обычная будничная. Кругом, «салютуя», трещат автоматы, пулеметы, винтовки. После 12 ночи то там, то тут начала греметь артиллерия. В воздух летят разноцветные ракеты. Итак, мы вступаем в Новый, 1945-й год... И самым первым, самым лучшим пожеланием для каждого честного человека является желание скорейшего окончания кровопролитной, жестокой войны.

* * *

Так кончается дневник Бориса Суворова. Автору сейчас было бы чуть меньше лет, чем нашей стране. При жизни он получил одну награду — Орден Отечественной войны. Стране Советов 50 лет. И только 19 лет успел прожить в этом полстолетии Борис Суворов. Он погиб.

Он погиб за Отчизну, за наше 50-летие. И в этом его подвиг, независимо от наград и званий.

В начале января 1945 года на втором Белорусском фронте, где служил Борис, проходили упорные наступательные бои. Врага изгоняли с польской земли.

Едва находилось время посылать короткие весточки родным и близким. Сохранилось более 150 его фронтовых писем. Последнее письмо датировано 19 января 1945 года. В этот день Борис Суворов, лейтенант Советский Армии погиб в районе польского города Серпц. Вот как сообщают об этом его боевые друзья:

«...Полк двигался по шоссе на новую огневую позицию. Батарея, где командиром одного огневого взвода был лейтенант Борис Суворов, подверглась атаке немецкой авиации численностью более 20 самолетов бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Все бойцы укрылись в кюветах. Выпрыгнул из машины и Борис и укрылся в железобетонной трубе мостика через кювет. В это время разорвалась авиабомба...

Когда прибежали туда, Борис был мертвым. У него не было никаких ран и царапин, он был как живой. Он, очевидно, погиб от удара сильной взрывной волны.

А батарее дали команду идти вперед...»

В Серпце стоит памятник погибшим советским воинам. Там захоронены останки 760 погибших солдат и офицеров. Как сообщают из Польской Народной Республики, удалось установить фамилии только 36 человек. Кто знает, может это и есть могила нашего уральского комсомольца, фамилия которого на постаменте не значится. На памятнике надпись: «Героическим бойцам Красной Армии, освободителям Польши, погибшим в борьбе с гитлеровскими оккупантами, благодарные жители районов Серпца, Плоцка и Млавы». Люди помнят своих освободителей.

Он остался в польской земле. Он никогда не вернется в родной дом. Не будет встречи матери с сыном. До сих пор горько оплакивает его Наталья Федоровна. Уже долгие годы одиноко живет она, Борис был ее единственным сыном.

Никто не забыт, ничто не забыто.

Бориса Суворова помнят благодарные соотечественники. На здании школы, где он учился, мемориальная доска, и золотом вписана на ней рядом с другими фамилия Бориса Суворова. В нашем городе, где прошло детство и отрочество юного героя войны, стоит обелиск в честь известных и безвестных героев. Помнит павших благодарная страна, воздвигнув Памятник Неизвестному солдату.

И, оглядываясь сейчас на нашу 50-летнюю историю, мы склоняем головы перед всеми, кто создал нашу Советскую власть, кто защитил ее у самых истоков, кто отстоял ее в труде и в бою. Это сделали обыкновенные советские люди с необыкновенно богатым человеческим сердцем.

Публикацию подготовила Л. НИКИТИНА.

У входа в школу № 1 на мемориальной доске, где записаны фамилии учителей и учеников школы, погибших в годы Великой Отечественной, есть фамилия Бориса Суворова. До войны он вместе с родителями жил в поселке Медный рудник, отлично учился в школе, хорошо рисовал, был редактором стенной газеты.

Когда мирную жизнь прервали гитлеровцы, Борис, как и тысячи его сверстников, встал в ряды защитников Родины.

В 49-й Краснознаменный орденов Александра Невского и Кутузова Верхнеднепровский артиллерийский полк Борис прибыл осенью 1943 года после окончания Саратовского военного училища. В первое время он воевал в составе 1-й батареи, а позже во 2-й батарее командовал огневым взводом. Борис писал с фронта своей учительнице Валентине Петровне Деменевой:

«Преследуем удирающих немцев. Стрелял как на большие дистанция, так и прямой наводкой по «фердинандам». Ребята у меня хорошие, с ними можно хорошо воевать...».

С первых же дней Борис проявил себя грамотным, дисциплинированным и смелым офицером. Однополчане относились к нему с большим уважением. В самые трудные минуты боя Борис быстро принимал решения.

Однополчане Бориса Василий Федорович Чернов и Моисей Иванович Иванов рассказывают: «Был такой случай... После артиллерийского обстрела в батарее загорелись запасные ящики со снарядами. Борис не растерялся: бросился к месту опасности под обстрелом артиллерии и изолировал огонь от снарядов, предотвратив тем самым их взрыв».

Борис в боевой обстановке меньше думал о себе, а больше беспокоился о товарищах, о солдатах. В связи с этим Моисей Иванович вспоминает:

«Мы стояли в обороне. Разведка донесла, что немцы на нашем участке готовятся к контратаке. Чтобы дезорганизовать контратаку немцев, от нашего полка до передовой линии обороны был организован наблюдательный пункт на нейтральной полосе, вблизи от немецких траншей. Место этого наблюдательного пункта было тщательно пристреляно. В случае, если немцы пойдут в контратаку, пункт должен был вызвать огонь нашей артиллерии на себя. Здесь дежурили поочередно наши офицеры. Пришла очередь дежурить нашей 1-й батарее. Надо было идти мне или Борису. Тогда он подходит ко мне и говорит: «Иваныч, у тебя дома жена, дети, а на пункте обстановка весьма рискованная. Я человек холостой, одинокий, поэтому разреши на пункт идти мне. Я договорился об этом в штабе дивизиона». И пришлось мне разрешить ему идти на НП». Этот маленький эпизод говорит о многом...

Борис погиб 19 февраля 1945 года, когда войска Второго Белорусского фронта перешли в наступление с Наревского плацдарма, в районе города Пултуска, в направлении на город Серпц (Польша). Товарищи похоронили его в братской могиле в Серпце.

Дневник, который на фронте вел Борис, и документы после его гибели В. Ф. Чернов переслал своей сестре в г. Канаш Чувашской АССР для передачи родителям Бориса, которые в то время жили в Свердловске. Мать Бориса, Наталья Федоровна Суворова, передала дневник в школьный музей.

В дневнике есть такая запись: «1 октября 1944 года. Ездил за лесом на наши блиндажи, почти полдня провел в доме Лендо в хорошей компании их обоих, Казимира и пяти девушек. Все они из Остроленки, учились в одной гимназии. Вопросов и тем для разговоров сколько угодно. Обменялись фотографиями». В письме В. П. Деменевой Борис пишет: «...В нескольких десятках километров от фронта в местечке, куда я часто ездил за лесоматериалом на блиндажи, я нашел себе хороших знакомых. Вначале их было двое — мать и девятнадцатилетняя дочь Кристина. Хорошие, веселые, умные люди. И даже как-то не верится, что за несколько дней до нашего прихода они были в числе смертников и только чудом (зная немецкий язык) избежали расстрела. Они остались живы, но больше 30 женщин и девушек были убиты. Разве можно смотреть на это спокойно?»

И вот, узнав из дневника и писем Бориса о семье Лендо, члены школьного клуба интернациональной дружбы решили разыскать ее. Помогала нам в этом польская девушка Веслава Граглевская — один из наших постоянных адресатов. Она написала более ста писем на радио, телевидение, во все польские центральные газеты с просьбой откликнуться семью Лендро. И хотя прошло уже 30 лет с тех пор, как кончилась война, Веслава не отчаивалась, верила в успех.

И вот перед нами письмо, пришедшее из памяти через долгих 30 лет. «Я помню Бориса хорошо, хотя был он у нас 2—3 раза. Я рада, что он чувствовал нашу сердечность и возвращался к нам. Я радуюсь, что узнала об этом его мать и, может быть, ей было немного легче, что на далекой польской земле он находил дружбу людей.

Борис интересовался нашей жизнью. Пришел он к нам вместе с другими воинами, участвовавшими в освобождении нашей Родины. Все было так просто и естественно...» Так писала нам Кристина Волош (Лендо).

Сейчас мы переписываемся и с Кристиной, и с ее матерью Софьей. Кристина написала нам о себе: «После войны окончила среднюю школу (во время войны я училась в подпольной гимназии), потом изучала психологию. В течение нескольких лет работала в министерстве просвещения, а потом учительницей в деревне под Варшавой. Теперь работаю логопедом в столичной школьной консультации в Варшаве».

Каждый год ко Дню Победы мы высылаем памятную ленту на могилу Б. Суворова в г. Серпц. На ленте надпись: «Советскому солдату. СССР, г. В. Пышма. Учителя и ученики средней школы № 1». Ленту возлагает жительница города Серпц Халина Урбанская. Мы познакомились с ней так. Веслава выступила по радио, рассказала о нашем поиске. Халина написала нам. В 1976 году она прислала фотографию в момент возложения ленты.

Больше тридцати лет прошло с тех пор, как погиб в боях за освобождение Польши славный уральский парень Борис Суворов. Но имя его живет.

Е.ХАРЛОВА, О. МУЗАФАРОВА,
члены КИДа, члены комитета комсомола.
«Красное знамя», № 138 за 19.11.1977 г.

ОН МОГ БЫ СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ

На городской краеведческой выставке в экспозиции школы № 1 я обратила внимание на «Боевые листки». В них сообщалось о встречах учеников с ветеранами войны, помещены фотографии.

Истоки этой традиции уходят к началу войны. Передо мной один из «Боевых листков», выпущенных к школе в военные годы. Этот антифашистский выпуск под лозунгом «Под гитару и гармонь по захватчикам — огонь!» по остроте сатирических стихов и карикатур весьма напоминает творчество «синеблузников» в годы гражданской войны. А подготовлен он учеником девятого класса Борисом Суворовым. Борис был бессменным редактором школьных стенновок. И вообще он очень любил литературу.

«Борис привык писать дневники с четвертого класса, — вспоминает его мать Наталья Федоровна Суворова. — Делился в них сам с собой раздумьями, мыслями о жизни, обо всем на свете. Блокнотиков, которые сделал отец сыну, накопилось довольно-таки много, и все они уже были заполнены ровным мелким почерком Бориса. Перед самой отправкой на фронт сын перебрал их, некоторые перечитал с улыбкой, но все оставил дома».

Эти строки взяты из книги, подготовленной к печати. Пока существуют только два ее экземпляра. Один — у автора, Григория Александровича Мещерякова, который в шестидесятые годы работал в нашем городе заведующим гороно и преподавал историю в школе № 1. Здесь-то он и познакомился с дневниками бывшего ученика этой школы, заинтересо-

вался его судьбой. Впоследствии фронтовой дневник Б. Суворова он частично опубликовал в журнале «Юность», а потом написал о нем книгу, второй экземпляр которой недавно подарил школе.

Борис Суворов мог бы стать писателем или журналистом, а стал... солдатом. Он ушел на фронт, не успев сдать выпускных экзаменов. Со страниц его дневников встает образ молодого командира, человека высокого духовного накала. Но этот образ был бы неполным без воспоминаний Ю. Г. Кровицкого, бывшего сокурсника Суворова по Ленинградскому артучилищу, а ныне заместителя начальника Главка Министерства химического машиностроения. В январе этого года следопыты школы получили от него письмо. Он пишет:

— С Борисом Суворовым мы оказались в одном взводе. Взвод у нас был совсем «зеленым»: в основном только что призванные ребята 1925 года рождения, и только два фронтовика 23—25 лет, которые нам казались очень взрослыми людьми. А я, наверное, был «зеленее» всех, потому что с целью побыстрее попасть на фронт (общее стремление ребят) подправил себе в метрике год рождения с 1926 на 1925, и был в январе сорок третьего года призван в армию.

Во взводе я ближе всех контактировал с Борисом и Валерием Трынкиным (правильно ли я помню имя?). Видимо, по причине некоторой общности в воспитании. Сказалось, наверное, то, что мы были из городских более или менее интеллигентных (в лучшем смысле этого слова) семей. Повыше у нас был и уровень подготовленности. Борис был более близок с Трынкиным. Но очень часто мы бывали, занимались, разговаривали и втроем.

Конечно, обо всем этом можно говорить с учетом нашей крайней загруженности в училище. Борис, думаю, писал об этом в своем дневнике. Десять часов занятий, два часа обязательной самоподготовки, уход за лошадьми (училище конное), конечно, это был изматывающий режим для 17-летних пареньков. Но выпадало время и для контактов, и для чтения.

Но все-таки главное воспоминание об училище — это необычайное физическое напряжение, осложненное сумасшедшим темпом обучения военному артиллерийскому делу. Даже очень скромный тыловой курсантский паек на фоне юношеской потребности в еде, ощущение постоянного желания поесть, не оставили столь заметного следа в памяти, как физическая усталость.

И вот в этих условиях помню Бориса всегда очень подтянутым, чистым, аккуратным, неизменно с полной полевой сумкой через плечо. Такое давалось далеко не всем. Многие даже, чего греха таить, увиливали от умывания по утрам, лишь бы отдохнуть лишние десять минут. Не хочу сказать, что у Бориса была врожденная офицерская выправка. С теперешнего взгляда могу сказать, что в его осанке просматривался гражданский человек. Но аккуратность, подтянутость, уважение к своему внешнему виду были у него всегда. Образ его, лицо уже как бы скрыты в тумане времени. Но внимательный взгляд со слегка прищуренным одним глазом прочно отпечатался в моей памяти.

Помнится и его полная полевая сумка, ведение на занятиях каких-то записей. Теперь понимаю, что это был дневник.

Бориса не помню участвующим в ссорах, мелких склоках. Ведь все бывало. Люди мы были молодые, еще мало заторможенные. Себя помню нередко участвующим в таких схватках во время споров — четыре детдомовских года наложили отпечаток на поведение. Борис же до этого не снисходил.

В учебе, дисциплине Борис был верным помощником нашего взводного лейтенанта Злобина (по имеющимся у меня сведениям он добился отправки из училища на фронт и погиб). Не подстраиваясь под желание хвалить Бориса в курсантские времена, должен честно сказать, что он был образцовым курсантом».

Лейтенант Красной Армии, командир огневого взвода 49-го Краснознаменного, ордена

Кутузова и Александра Невского Верхне-Днепровского гаубичного полка, Борис Семенович Суворов погиб в бою близ польского города Серпц 21 января 1945 года за 110 дней до победы. А его дневник в обыкновенной коричневой клеенчатой общей тетрадке, выдержки из которого были опубликованы 1968 году в журнале «Юность», и теперь хранится в музее школы № 1.

Л. ФЕФЕЛОВА.

«Красное знамя» № 39, 30.03.1985 г.

ОТКРЫТКА С ФРОНТА ОТ А. КОРЕШКОВА

Открытка с фронта. Приходилось ли вам держать в руках такую открытку — с призывом «Смерть немецким оккупантам» в правом верхнем углу и с обязательным штампом «Просмотрено Военной Цензурой»? Как ждали их, весточек с фронта, в тылу, как жадно читали и перечитывали родные, близкие, друзья строки, написанные в коротких промежутках между боями!

Одна такая потемневшая от времени, написанная карандашом открытка лежит сейчас передо мной. Послал ее почти пятьдесят лет назад, в 43-м году, на родину боец Уральского добровольческого танкового корпуса Алексей Александрович Корешков. Адресована она Я. М. Лисицыну.

Вот текст этой открытки:

«Здравствуйте, Яков Михайлович и вся ваша многочисленная семья. Сообщаю вам, что живу хорошо и уже немного поучаствовал в боях и кое-что повидал. А пуще всего поражают меня зверства фашистских людоедов, которые не считаются ни с чем, жгут деревни и села, расстреливают мирных жителей, и эта картина никогда из головы не выйдет. Но Красная Армия за это жестоко отомстит, я сам своими глазами вижу, как гады бегут в панике, бросая все на поле боя, и падают трупами сотни фрицев и гадов. В скором будущем страна заживет счастливой жизнью. Много бы можно написать, да все не опишешь. Пока до свидания, жду от вас ответ.

А. Корешков».

А кто же такой Яков Михайлович Лисицын? Как рассказал мне Алексей Александрович, перед уходом на фронт он жил у Якова Михайловича и Анны Андреевны Лисицыных на квартире и во время войны писал им письма.

Людмила НИКИТИНА.

«За медь», № 18, 07.05.1992 г.

ПИСЬМА С ФРОНТА ВЛАДИМИРА НОВГОРОДЦЕВА

Взгляните на эту фотографию. На ней изображен совсем мальчишка, 1924 года рождения. Мальчишек этого года рождения почти полностью выкосила война. Не обошла эта горькая участь и Володю Новгородцева, только что начавшего познавать в цехе № 2 Пышминского медеэлектролитного завода азы слесарного дела. 25 мая 1942 года его мобилизовали на фронт. А 6 февраля 1945 года, за три месяца до окончания войны, он погиб в боях за освобождение Польши.

Сообщил об этом печальном событии родителям его товарищ по оружию Григорий Колясник. Вот что он писал в своем письме:

«Сегодня, 12 февраля, ровно в 9 часов 30 минут вечера получили от вас подарок сыну Володе. Как ни грустно об этом говорить, но ваш сын погиб смертью русского героя в неравном бою с немецкими фашистами. Похоронили его у барского дома, в садике, под са-

лют имеющегося у нас вооружения. Скоро вам должны прийти по почте некоторые его документы: орден, медали и благодарности от товарища Сталина за его умелые боевые действия. За смерть Владимира Германовича будем мстить до последнего дыхания».

А вот строки из писем самого Владимира Новгородцева.

7 декабря 1943 года.

«Здравствуйте, родные папа, мама, Веня и Леля. Пишу письмо в 4 часа ночи. Рядом железная печка топится. На столе лампа горит. Светло. Тепло. Сегодня дежурю. Находимся во фрицевских блиндажах. Блиндаж большой, теплый. Фрицы хотели в нем зимовать, но не пришлось.

5 декабря выпал снег. Ночью застывает, а днем тает. У вас, наверное, снега уже по колено. Кончаю писать. Надо дров подложить, а то прогорают.

Ваш сын Новгородцев В. Г.».

26 декабря 1943 года.

«Вы много раз спрашивали у меня, где я нахожусь. Подробно я вам объяснить не могу, а если кратко, то в Запорожской области, на правом берегу Днепра. А погода здесь такая, что день мороз градусов 15, а два дня грязь. Валенки нам дали, но мы и сапоги носим с собой.

Ваш сын Новгородцев В. Г.».

5 марта 1944 года.

«Сейчас два часа дня. Сижу в ровике, накрытый плащ-палаткой. Изредка фриц кидает мины. Но это все ерунда. Погода, правда, сырая. И не только сегодня, а уж дней пять. Но все же мы не грустим, а изредка да затянем песню. Ничего, скоро будет лето, и будет совсем другое дело. Скоро должны принести обед. Ждем. Пока все.

Ваш сын Новгородцев В. Г.».

2 апреля 1944 года.

«Новостей у нас, конечно, много. Это вы сами знаете по газетам. Скоро настанет час, когда кончится эта война и, быть может, будем опять все вместе.

За все пакости, что наделали эти макаки здесь, на Украине, мы им мстим и мстим. Нахожусь в Николаевской области, недалеко от самого города.

Пока все. До свидания. Жду ответа.

Ваш сын Новгородцев Владимир».

8 августа 1944 года.

«Пытаюсь описать, как прошел сегодняшний день. С утра ходил за завтраком, так как подошла моя очередь. Хлопцы сходили в сад за фруктами, но принесли только сливы. Больше ничего нет, все выбрали. И вот пишу письмо и уплетаю сливы. Ох и сладкие!

Минут пятнадцать назад наш комбат гонял фрицев. И я, участник этого, передавал команды. Это моя работа. А также ходил за обедом. А время уже собираться за ужином. Вот так примерно в данное время проходят дни.

Купаться в Днестре уже не хожу. Нельзя: малярия меня трясет после купания. Да и надоело уже. Скорее бы вперед. Там, впереди, все наши трофеи. Вот видите, на чем пишу. Ну ничего, будем живы, все будет.

Ваш сын Владимир».

27 ноября 1944 года.

«Привет из Польши. 2 часа ночи. Все уже спят, а мне не спалось и я решил написать. Пишу при лампе, а то уже гаснет: нет горючего. Не знаю, хватит или нет.

Немного о себе. Жизнь проходит по-старому, то есть по-тыловому. По правде сказать, уже и надоело.

А между прочим, сегодня мой день рождения. Но справить его я позабыл. Попозже, но

все-таки я его справлю. Ведь, как говорится, лучше позже, чем никогда. А, в основном, прекрасная маркиза, все хорошо, как никогда. Ну и так далее.

Живу у пана. Вот он сейчас подошел и рассказал мне, как он служил в русской армии. Вообще старина веселый. Впрочем, ну его к монаху. Порубать что-то захотел. А пюре картофельное рядом. Ну что же, он на него Богу не молится? Ведь дело солдатское: встал ночью — рубай.

Ну, пожалуй, хватит, а то уж совсем заболтался.

С тем до свидания. Ваш сын Владимир».

30 ноября 1944 года.

«Ну, что ж! Еще раз здравствуйте, пишу 28 ноября. Решил еще с грузчиком (очевидно, брат Веня) поговорить, вернее, не поговорить, а спеть ему песенку. Так слушай.

Спит деревушка.
Где-то старушка
Ждет — не дождется сынка.
Сердцу не спится, старые спицы
Мелко дрожат в руках.
Ветер соломой шуршит в трубе,
Песню мурлычет кот в избе.
Спи, успокойся, шалью укройся,
Сын твой вернется к тебе.
Утречком ранним ветром нежданным
Сын твой вернется домой.
Крепко обнимет, валенки снимет,
Сядет за стол с тобой.
Будешь смотреть, не спуская глаз,
Будешь качать головою не раз,
Нежно и сладко плакать украдкой,
Слушая сына рассказ.
Ласково солнце глянет в оконце,
Стает с окошечка лед,
Жизнь фронтовая, даль голубая,
Где протекал полет.
Глянешь на сына разок-другой.
Летная куртка и брови дугой.
Крепко прижмешься и улыбнешься,
Не пропадет, мол, такой.

Вот и все. Мировая вещь? А?».

«Красное знамя» № 46, 22.04.2000 г.

«ПОКА ЖИВУ — ПОМНЮ»

Родилась и росла я в Ленинградской области. А в тот день была на свадьбе. Нет, свадьба не моя, замуж мне тогда было еще рановато — всего 15 лет исполнилось.

Свадьба была в соседней деревне. Сейчас уже не помню, у кого. Все пели, плясали под гармошку, словом, веселились. И вдруг появились какие-то незнакомые мрачные люди и сказали: «Война». Все веселье, как ножом отрезало. Стало очень тихо. Некоторые женщины заплакали. Мужчины их успокаивали: «Не горюйте, глупые, через месяц—два разобьем Гитлера. Не успеют ваши слезы высохнуть, а мы уже дома!»

Кто мог знать тогда, что многие из них не увидят больше ни своего дома, ни своих лю-

бимых? И что женщинам нашим придется долгие четыре года не просто ждать Победы, а приближать ее и в тылу и на фронте.

Буквально на другой день мужское население наших деревень призвали на фронт. Остались только женщины, дети, старики да больные. За горизонтом бухала канонада. Но бои шли в стороне от нас. На десятый день после начала войны мы увидели фашистов. Нескончаемые полчища шли на восток. Танки, грузовики, пушки, мотоциклисты, пехота. Недалеко от деревни были расположены склады, оставленные нашей армией. Там было оружие и продовольствие. Фашисты все это начали громить и жечь. А еще через несколько дней по той же дороге только в обратную сторону потянулись колонны наших пленных. Шли изможденные люди. Много было раненых в грязных, пропитанных кровью бинтах. Видно было, что пленных мучает голод. Наши женщины пытались через головы конвоиров перебросить им кусочки хлеба. А конвоиры стреляли в этих женщин.

Немцы говорили, что армия наша уже не существует — разбита. Но летом 42-го мы с подругой случайно столкнулись уже не с пленными, а с нашими десантниками. Пошли мы как-то раз в лес за ягодами. Шли-шли, и вдруг кто-то негромко, но твердо скомандовал нам: «Стой!» Мы застыли от страха. Глядим, выходят какие-то люди в зеленых маскхалатах, вооружены карабинами с примкнутыми штыками, один из них спрашивает:

— Когда немцы в деревню пожалуют?

Тут мы поняли — наши! На окруженцев не похожи. Форма, оружие — все у них с иголочки. Значит, заброшены к нам в тыл с самолетов. Значит, врут фашисты, не погибла наша армия. Мы объяснили десантникам, что немцы у нас постоянно не квартируют. Бывают только наездами. И тут со стороны дороги послышался шум моторов. Фашисты оказались легки на помине. Десантники нам говорят: «Вы, девчонки, бегите отсюда — сейчас здесь бой будет...». И мы побежали вглубь леса. А сзади слышим стрельба, крики, взрывы гранат. Домой вернулись только ночью — пришлось сделать здоровенный крюк по лесу. Дома плач — думали, что мы погибли в перестрелке. Потом нам рассказали, что десантники напали на небольшой отряд гитлеровцев. А мама все причитала, что завтра заявятся каратели и сожгут деревню. А наутро, действительно, заявились к нам каратели, вооруженные до зубов. У каждого на груди стальная бляха с орлом. Выгнали всех на площадь. И начали шарить по домам. У нас за зеркалом нашли партизанскую листовку.

Мой отец был белобилетчиком, на фронт его не взяли, и он был с нами. Немцы его забрали. Но деревню не сожгли. Потом, когда каратели ушли, мать пошла к старосте, просила его помочь отца освободить. Староста этот, как потом выяснилось, только притворялся, что служит врагу, а на самом деле был связным партизан. Перед самым приходом наших немцы об этом разнюхали и на глазах у всей деревни его повесили. А тогда я уже не знаю, что он предпринял, но отца выпустили.

Фашисты хотели создать у нас в деревне отряд самообороны. Чтобы мы стреляли в наших же партизан. Но их план провалился. Никто в деревне не взял от фашистов оружия. За это нас вскоре под конвоем угнали в Белоруссию. Пригнали нас в белорусскую деревню, поселили в большом сарае. Днем заставляли ремонтировать дороги. Кормили баландой да хлебом пополам с опилками. Потом, видно, что-то перепутали и повезли нас обратно. Правда, не в свою деревню, а рядом. Там нас так же, как в Белоруссии, гоняли на работы.

В начале октября налетели наши самолеты. Фашисты приказали нам строиться по двое. Сами стали стрелять по самолетам. Я вижу: они увлеклись и про нас забыли. Говорю своей подруге:

— Пока они палят, попробуем в лес уйти.

Мы и пошли осторожно. К нам еще двое наших ребят присоединилось. Когда мы уже были близко от леса, немцы увидели и стали по нам стрелять. Но мы успели скрыться между деревьями. К ночи вышли на дорогу. И слышим — по дороге чей-то обоз идет. Но чей —

не знаем. Близко подойти не решились — вдруг фашисты. Утром, когда все стихло, вышли на дорогу и тут встретили наших пехотинцев. Это были уже не десантные соединения, а основная армия. Не могу передать, как все мы были счастливы! Фашисты выбиты из наших мест навсегда! Наконец-то! Я вернулась в свою деревню. Там стоял советский военно-полевой госпиталь. Мы с сестрой пришли туда и заявили:

— Хотим у вас работать, ухаживать за ранеными...

И нас взяли. Госпиталь этот назывался ГЛР, то есть госпиталь легкораненых. Располагался он всегда у самой линии фронта, и всех без исключения раненых везли сюда. Легких оставляли, а тяжелых после оказания первой помощи отправляли дальше в тыл.

Сколько человеческих страданий, ужасных ран, оторванных рук и ног довелось мне видеть, сказать не могу — раненые шли сплошным потоком. И днем и ночью. И госпиталь наш без устали оперировал, перевязывал, сортировал эту страшную «продукцию» войны. Бывало, налетали фашистские самолеты. Бомбили. Попадали мы и под артобстрелы. Словом, на войне, как на войне.

День Победы встретили в Кенигсберге. Помню, в ночь на 9 мая я была на дежурстве. Сменилась рано утром. Только прилегла немного отдохнуть, как слышу шум, крики... Вскочила, ничего не понимаю. Вижу, раненые обнимаются, кричат «ура», а некоторые, что постарше, даже плачут от радости. Оказывается, Победа! Конец войне! Мир!

Но мир наступил не для всех. Многим советским солдатам предстояли новые бои уже на Дальнем Востоке с армией империалистической Японии. Был переброшен на Дальний Восток и наш госпиталь. Там встретилась со своим будущим мужем ефрейтором-артиллеристом Николаем Тороповым. Он попал к нам по ранению. Мы познакомились, полюбили друг друга. А поженились, ни за что не угадаете где,.. в Пхеньяне, в Корее, незадолго после разгрома Квантунской группировки японцев. Свадьба, таким образом, была вдвойне радостная. Я была в звании сержанта, а мой Коля только ефрейтор. Шуток по этому поводу было много. Словом, веселая, озорная получилась свадьба, хотя особенных разносолов на столах не было.

Вскоре нас с мужем демобилизовали, и мы вернулись в Союз. На Урале живем с 1975 года. Я работала в Верхнепышминском торге. У нас трое сыновей, внуки. Чего больше всего желаю детям и внукам? Чтобы никогда и нигде не было войны. Ни большой, ни малой, никакой.

Часто ли вспоминаю войну? Да разве можно это забыть? Пока живу — помню.

Рассказ Веры Николаевной ТОРОПОВОЙ
записал С. ГРЖЕБИНСКИЙ.
«Красное знамя», № 40, 04.04.1989 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ПРОНИНА ИВАНА ГЕРАСИМОВИЧА

Война застала меня в Московском военно-техническом училище имени Менжинского войск НКВД, где я учился с сентября 1940 года. Первое «боевое» задание получил уже 22 июня 1941 года. Мне, как и другим курсантам училища, поручили поднять по тревоге командный состав училища, который находился на отдыхе в Москве или ее пригородах. Настоящее боевое задание я получил значительно позже.

В июле-августе 1941 года Министерство обороны приняло решение сделать досрочный выпуск из училища. Всем нам присвоили звание «Воентехник 2-го ранга» и разослали по воинским частям.

Многие были направлены в формирующиеся под Москвой части и соединения. Я же получил назначение на должность начальника ружейной мастерской в свой полк, находившийся в городе Ташкенте.

Когда я приехал в часть, то увидел, что идет ее переформирование: из горноартиллерийского шло преобразование в мотострелковый.. Ясно было видно, что идет подготовка к отправке на фронт. В январе 1942 года нас погрузили в вагоны, а технику на платформы, и эшелон отправили на запад. Но куда? Об этом мы узнали в самый последний момент. Командир полка собрал командный состав в штабном вагоне и сообщил, что нас везут в городе Ростов-на-Дону, только что освобожденный от немцев. Перед нами была поставлена задача: вести борьбу с лазутчиками, шпионами, диверсантами, которых могли оставить немцы после ухода из города.

О том, что в городе было оставлено много диверсантов и других наших врагов, мы убедились в первый же день пребывания в Ростове-на-Дону.

Мы прибыли в Ростов ночью. С большой осторожностью разгрузились и разместились на территории отведенного нам военного городка. Но как только наступил рассвет, первая партия немецких бомбардировщиков стала бомбить нашу часть, причем бомбить со знанием дела. На артиллерийские склады полетели фугасные бомбы, на автогаражи — зажигательные. А со всех концов города в направлении нашей части летели сигнальные ракеты и трассирующие пули, указывая немцам наше расположение. Так продолжалось несколько дней.

Потеряв значительное количество техники, мы перебазировались на другое место. Но и там бомбежки не прекращались. С тем, чтобы спасти артиллерийский склад и запасы вооружения, мне было поручено на другом берегу реки Дон организовать запасной артсклад. Я организовал его в лесозащитной полосе на окраине хутора Веселый за Батайском.

В один из летних дней 1942 года я на автомашине направился в мастерские, где ремонтировались и собирались новые станковые пулеметы. Забрав их из мастерской, я вернулся в распоряжение части, но никого наших на месте не было. Я поехал в расположение штаба полка, где при экстремальных условиях он должен находиться. И там никого, но узнал, что на окраине города немецкие танки.

Я знал, что в таких случаях я должен ехать на запасной артсклад в хуторе Веселый, где должен быть штаб полка. С трудом, под непрерывной бомбежкой, я к утру переправился на другой берег Дона и прибыл в штаб полка. Здесь мне было поручено оставаться на запасном артскладе и в том случае, если немцев задержат на Дону, ждать возвращения своих. В том же случае, если наши передовые части будут отходить, то взорвать артсклад, и следовать по маршруту в район города Майкоп.

Итак, вдвоем с солдатом я остался в полном неведении, как развернутся события дальше. Ночью я пытался узнать обстановку у проезжавших по дороге командиров. Но никто мне вразумительного ничего не сказал или потому, что они сами не знали обстановки, или не хотели сказать правду какому-то затерявшемуся воентехнику.

На рассвете я увидел отходящие наши части. Шли они, не соблюдая дороги, уставшие, грязные. Мне стало ясно, что наступил момент взрыва артсклада, к тому же четко слышалась стрельба на левом фланге далеко в глубине Северного Кавказа. И мы взорвали артсклад.

А дальше двинулись по указанному маршруту. Через несколько дней мы настигли своих в районе ст. Апшеронской. Там я узнал, что наши части окружены, полка нашего фактически нет, знамя утеряно. Нам предстояло в одиночку, мелкими группами выбираться из ловушки, в которой мы оказались. В связи с тем, что сплошной линии фронта не было, нам удалось сделать это сравнительно легко. После выхода из окружения группы солдат и строевых командиров шли на пополнение поредевших воинских частей, а меня и двух интендантов направили в штаб фронта.

После выполнения нескольких разовых заданий, я получил назначение на должность оружейного техника в 359-й, а позже во 2-й стрелковый полк 50-й стрелковой дивизии, которой поручено держать оборону на реке Северский Донец в районе города Красный Лиман.

Летом 1943 года наши части перешли в наступление, прорвали оборону противника и пошли вглубь Украины. На подступах к Запорожью мы остановились, и не потому, что нас остановил противник, а потому, что далеко оторвались от своих тылов и были практически без боеприпасов. Нужно было пополнить запас боеприпасов, продовольствия, да и людям нужно было хотя бы немного отдохнуть.

Характерен эпизод этих дней. Мы занимали позиции на одной стороне противотанкового рва, а немцы на другой. При этом позиции, занятые противником, более выгодны для последующих боевых действий. Нам во что бы то ни стало нужно было столкнуть немцев с занимаемых позиций. А боеприпасов нет. Было принято решение атаковать и победить в рукопашном бою. С криками: «Ура! За Родину! За Сталина!» наши бросились вперед.

Немцы были ошеломлены напором нашего полка и неожиданностью операции, оставили свои позиции. Чуть позже опомнились. На основе анализа операции пришли к выводу, что наши части действовали без достаточного количества боеприпасов. Изрядно подвыпивши, немцы пошли в психическую атаку и заставили наш полк вернуться на ранее занимаемые позиции. Таким путем противотанковый ров неоднократно переходил от немцев к нашим, а от наших — к немцам.

Поздней осенью 1943 года началось очередное наступление наших войск.

Наша дивизия освободила город Запорожье и с боями двигалась вперед на запад. В ходе тяжелейших боев мы освободили Кировград, Пятихатку, станцию Помошную и много других населенных пунктов. Впоследствии освободили Винницкую область, северную часть Молдавии, с ходу форсировали пограничную реку Прут. Заняли важный плацдарм на подступах к румынскому городу Яссы. Этот плацдарм имел большое значение, так как он открывал путь для освобождения стран Восточной Европы. Для немцев очень важно было столкнуть нас с этого плацдарма за реку Прут. Поэтому немцы пытались выбить наши войска, контратаковали по несколько раз в сутки с использованием танков и авиации.

Эти бои особенно памятны и для меня. От меня, от моих действий во многом зависел успех нашего полка. Я занимался доставкой боеприпасов на полковой патронный пункт, расположенный на правом берегу реки Прут под склоном горы (рядом с командным пунктом командира полка), а мин и снарядов непосредственно на огневые позиции. Ежедневно, и днем, и ночью, под артиллерийским обстрелом, бомбежкой, я на лошадях и волах мотался с одного берега реки на другой, доставляя боеприпасы. С поставленной задачей я справился успешно. Не было ни одного случая несвоевременной поставки боеприпасов. Именно за эти бои я был награжден орденом Красной Звезды.

Бои под Яссами изматывали наши части, приводили к большим потерям. Пополнение приходило из недавно освобожденной Винницкой области. Приходило оно без оружия, в гражданской одежде. Мы их переодевали, вооружали, обеспечивали боеприпасами, разбивали по ротам и направляли на боевые позиции. В день прибытия в полк они вступали в бой.

С одним из пополнений прибыл к нам Роман Смищук, коренастый мужчина лет 45. Мы переобмундировали его, выдали автомат с комплектом боеприпасов и связки противотанковых гранат.

Ночью его вместе с другими отправили на боевые позиции, а утром он вступил в бой.

Контратаки немцев следовали одна за другой. В этих боях за один день Р. Смищук подбил противотанковыми гранатами шесть танков противника, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

20 августа 1944 года наши части перешли в наступление, прорвали оборону противника, заняли Яссы, а через несколько дней в районе румынского города Хуши соединились части нашего 2-го Украинского фронта с войсками 3-го Украинского фронта. Было заверше-

но окружение большой группировки противника. Эта операция вошла в историю войны как Ясско-Кишиневская операция.

После этого мне довелось участвовать еще в одной крупной военной операции — в боях на Сандомирском плацдарме.

В августе 1944 года нашу дивизию вывели из боя, погрузили в эшелоны и направили на 1-й Украинский фронт, на Сандомирский плацдарм на реке Висле в Польше.

Несколько месяцев держали оборону, а 12 января 1945 года вместе с войсками фронта перешли в наступление, прорвали оборону противника и пошли вперед, освобождая польские города Кельце, Катовице, Ченстохов и другие.

В начале апреля в районе города Бреслау нашу армию повернули на юг, и мы с боями шли по территории Чехословакии.

Конец войны застал меня в 20 километрах от Праги, которую освободили танкуисты 4-й танковой армии. Таким образом, в действующей армии я находился более трех лет, с января 1942 года по май 1945 года. Как видно из воспоминаний, за это время я ни разу не ходил в атаку, не был в штыковом бою. В мою задачу входило обеспечивать полк необходимым набором боеприпасов, исправным оружием в любую погоду, и днем, и ночью, во время артобстрела и бомбежки. И до сих пор горжусь тем, что за всю войну не было ни одного случая отсутствия боеприпасов в части по моей вине или не было оружия или оружие, доставляемое мной, отказывало в бою.

А подстерегала ли меня опасность? Конечно, на каждом шагу: и во время доставки боеприпасов, и во время, когда находился в боевых порядках, ремонтировал оружие, и в то время, когда приходилось собирать оружие, отечественное и немецкое, на нейтральной полосе.

В начале февраля 1942 года в результате бомбежки я был легко контужен, а в июле 1944 года был ранен в шею и поясницу. И тем не менее, я преклоняюсь перед теми, кто был в первых рядах и непосредственно воевал с противником.

И. ПРОНИН.

МЫ МУЖЕСТВО, КАК ЗНАМЯ, ПРОНЕСЛИ

Верхнепышминец Георгий Дмитриевич Карташев в армию ушел добровольцем 8 января 1942 года. Окончил находящееся в эвакуации Одесское артучилище и с 12 декабря 1942 года находился на фронте. Был командиром взвода управления батареи, а потом — начальником разведки артдивизиона. На фронте получил несколько легких ранений и контузий. Награжден четырьмя боевыми орденами и десятью медалями. С апреля 1946 года до ухода на пенсию в мае 1959 года работал в Верхнепышминском рудоуправлении на разных должностях.

Георгий Дмитриевич, похоже, один из немногих наших фронтовиков, которые оставляют потомкам свои фронтовые воспоминания. В своем письме в редакцию он пишет:

«Представляю вам рукопись кратких фронтовых воспоминаний о боевых буднях Великой Отечественной войны. Не обладая даром писателя, как умею, по памяти, правдиво решил поведать о том, что я пережил на фронте как участник и свидетель многих эпизодов».

Первый бой

С 10 февраля 1942 года в поселке Сухой Лог я стал курсантом Одесского артучилища. Изнурительная учеба длилась девять месяцев. 3 ноября в звании «лейтенант» со станции Кунара я и мои товарищи отправились на фронт. Не доезжая до места назначения, подверглись бомбежке немецкой авиации, так что состав был разорван. Я и еще пять человек

по крышам вагонов добрались до тендера паровоза и таким образом добрались до села Погорелое городище в районе города Ржева.

Вечером по проводу телефонной связи отправились на передовую. Получил должность помощника командира батареи. А через сутки участвовал в первом бою. Мои товарищи шли на врага в полный рост, а я полз по снегу, опасаясь пуль. Самому потом стыдно стало.

— Уж не болен ли ты, лейтенант? — спросил меня командир батареи.

— Нет, не болен, — ответил я и рассказал о своих переживаниях. Командир расхохотался:

— Лейтенант! Ты в самом деле первый раз в бою?

— Да! Только позавчера прибыл с Урала.

— Так вот, слушай меня внимательно! Все молодые командиры в первых боях ползают по земле, пока не привыкнут. Это неизбежно для всех. У тебя этот срок будет небольшой, ведь ты с Урала. А уральцы и сибиряки быстрее всех привыкают. Так что не горюй!

Я вздохнул с облегчением после добрых слов командира. Больше со мной подобного не было.

Первое ранение

Никогда не забуду утро 27 декабря 1942 года, когда на моих глазах снарядами наших «Катюш» был накрыт приготовившийся к атаке высоты Нога батальон сибиряков и уральцев в количестве 206 человек. Дивизионом «Катюш» командовал молодой офицер. То ли по неопытности, то ли по какой иной причине, но в установке прицела была допущена грубейшая ошибка. При сильном, встречном ветре не была сделана поправка, и залп всех двенадцати «Катюш» обрушился не на немцев на высоте, а на своих под высотой. Погибли все двести шесть. Не удалось спасти и раненых.

Вскоре я сам был ранен. Осколок термитного снаряда впился мне в левое бедро. Жгучая, острая боль заставила меня оторваться от стереотрубы, выковырять и выбросить осколок. Вскоре наложили повязку. Строя я не покинул. А через неделю рана зажила.

16 февраля 1943 года мы снялись с занимаемых позиций и тронулись в направлении города Вязьма. Вместе с пехотой вели бой за деревню Лепешки. В первой цепи шли автоматчики в белых халатах. Шли по глубокому снегу. По проделанным ходам в снегу вторым эшелоном двигались мы. Сделав несколько перебежек, поддерживая огнем друг друга, мой ведущий замер на месте в наклонном положении после того как справа от него разорвался немецкий снаряд. Подбежав к автоматчику, я услышал около него шипящий звук. Увидел, что это выходит из головы кровь и льется в снег от снесенного осколком лба солдата вместе с глазами. Помочь ему уже ничем нельзя. В занятой нами деревне я передал командиру роты автомат погибшего солдата и указал место, где он погиб.

Рейд на станцию Ново-Дугино

При движении к Вязьме наше командование узнало о намерении фашистов уничтожить поселок Ново-Дугино вместе с жителями. Погрузившись на аэросани, мы сразу же помчались в направлении поселка. Вскоре увидели бегущую навстречу девочку-подростка, босую, в длинной холщовой рубахе, которая сообщила нам, что спаслась одна из первого сожженного дома. Девочка сказала, что как только стали рваться снаряды советских пушек, немцы побросали все и бросились бежать. Успели поджечь только один дом, где сгорели 16 человек, в том числе трое детей.

Мы быстро освободили обреченных, но спасти всех не смогли. Две женщины умерли от стресса. А в сгоревшем доме под останками взрослого человека мы обнаружили два детских черепа. Разговаривая со спасенными (а их было около ста человек), наши бойцы остро ощущали на себе великую человеческую благодарность, выражаемую святыми слезами радости. Они не знали, где нас усадить, чем угостить, что еще сказать в знак благодарности. Ходили, суетились, о чем-то хотели нас спросить, но не смели. В них так светилась выстра-

данная радость, что это трудно описать, нужно видеть. Мы дали ответ на их немой вопрос: «Нет, не придут сюда больше изверги, кончились ваши мучения».

Выполнив задание, мы продолжили путь по прежнему маршруту.

Взятие г. Вязьма

В конце марта 1943 года, вечером, мы начали наступление на полностью разрушенную и сожженную Вязьму. Мост через реку был взорван. Нам в зимнем обмундировании пришлось форсировать ее вброд. Достигнув другого берега, намеревались переобуться, вылить воду из валенок и немного отжаться. Но был жесткий приказ:

«Не задерживаться! Только вперед!». Так мы «прошлепали» весь город, преследуя отступающих немцев всю ночь и весь следующий день. Когда остановились на отдых, сушить и отжимать уже было нечего. Все высохло на ходу.

Ребенок на поле боя

Продвигаясь на Дорогобуж, мы заметили около разрушенного дома женщину и возившегося около нее ребенка, мальчика 2-3 лет. Вблизи стало ясно, что лежащая на спине женщина мертва. Услышав родную речь, мальчик доверился нам, и мы несли его на руках по очереди до ближайшего населенного пункта. Подошли к сожженной деревне и попали в окружение жителей. Я обратился к женщинам, чтобы они приютили ребенка. Они тут же подозвали к себе обезумевшую от горя молодую мать, у которой на днях отступающие немцы вырвали из рук ее грудного ребенка и бросили в колодец.

Увидев у нас ребенка, она с радостью произнесла: «Отдайте, отдайте мне его!» Когда мальчик оказался в ее руках, она крепко прижала его к себе и убежала. Женщины заверили, что ребенок попал в надежные руки, что они помогут ей. Нам осталось поблагодарить жителей деревни и продолжить свой путь дальше.

Кончилась зима

Преследуя отступающего врага, мы быстро продвигались вперед. 1-го мая ночевали на станции Вязьма Брянская. Здесь нам выдали погоны, новую военную форму, гимнастерки со стоячими воротниками. Много хлопот было с прицеплением погонов и новых знаков различия. Здесь же нам сообщили новое название части. Вместо 17-го гвардейского пушечно-артиллерийского полка — 13-я гвардейская артиллерийская тяжело-пушечная бригада 4-й гвардейской артиллерийской дивизии Резерва Главного Командования. Наш Западный фронт стал называться 3-м Белорусским. Батареи, состоявшие из двух 12-миллиметровых пушек, стали четырехорудийными, более совершенными и более мощными.

Кончилась зима, а с нею и много зимних лишений и неудобств. Не нужно было больше долбить мерзлую землю для окопов и блиндажей, добывать воду из снега, испытывать зимние холода. Нужно особо отметить, что все солдаты и офицеры были вполне обеспечены теплым зимним обмундированием: полушубками, валенками, меховыми шапками и рукавицами, в южных районах — ватными фуфайками и брюками, плащ палатками и накидками. Кроме того, были согревающие пакеты, тепла которых хватало на три часа в сутки, благодаря чему мы привыкли спать по три часа в сутки. Не было в нашей части простудных и инфекционных заболеваний. Весенняя пора, успешный ход войны подняли дух фронтовиков и вселили надежды на скорое окончание войны.

Было, к сожалению, и такое

После разгрома немцев под Москвой спесь и наглость с гитлеровцев была сбита. Кончились их успехи. Но в это же время кое у кого из наших офицеров стали проявляться непозволительные замашки. Так командир нашего 1-го артдивизиона капитан Кузнецов стал очень любить покушать вкусно за счет продуктов из солдатского пайка. Скоро об этом стало известно командиру бригады, и нужные меры были приняты. Случались и зуботычины с выбиванием зубов. По дошедшей до командира бригады жалобе провинившийся офицер был вызван в штаб и, по слухам, таким же образом наказан.

Как-то мой комдив-1 хотел продемонстрировать свой кулак перед моим носом. Я нечаянно коснулся рукой своей кобуры с пистолетом и тут же заметил, как владелец кулака побелел. Он прекрасно знал, что у меня пистолет всегда в боевой готовности. Так мы тогда и разошлись. Я прибыл в эту часть в английской шинели, которая очень приглянулась командиру дивизиона. И он не раз предлагал мне сменяться с ним шинелями. Я не соглашался. И он начал мстить. Давал мне опасные задания. Я их выполнял. Называл «женишком» и трусом.

Один раз приказал мне вместе со штрафной ротой моряков пойти в разведку боем с целью захвата «языка». Фронтовики знают, что такое разведка боем. Это когда одна или две сотни штрафников без всякой подготовки операции среди ясного дня кучей посылаются открыто на траншеи немцев, чтобы захватить и привести живым одного или нескольких «языков» для получения от них нужных разведданных. Даже ценой гибели всей роты. Вступив в контакт с командиром роты моряков, я как артиллерист-корректировщик обеспечивал операцию огнем наших пушек, и рота выполнила задачу с малыми потерями, вернулась в свое расположение.

В мой взвод прибыла девушка-радист. Так капитан забрал ее к себе и жил с ней, не позволяя ей выполнять обязанности радиста. Держал ее, как заложницу. Позднее он сдал ее, беременную, в госпиталь города Молодечно.

Был у нас и еще один субъект — званием пониже, младший лейтенант с барскими замашками, командир взвода управления батареи. Пожелав испить родниковой водички из родника, который систематически обстреливался минометами немцев, он послал двух своих солдат принести ему котелок воды. Солдаты попали под обстрел. Один был убит на месте, другой ранен. Была назначена другая пара за водой, но он вовремя спохватился и отменил свой приказ. А в одной из деревень этот младший лейтенант расстрелял из пистолета своего солдата, поймавшего курицу на глазах у жителей. На этот раз он угодил в штрафную роту.

«Сын» полка

Командир нашей бригады во время одной из поездок подобрал плачущего над мертвой женщиной юнца, пожалел его и привез в часть. Комиссар батареи, живший в отдельной землянке на отшибе, взял мальчишку на жительство к себе и приставил для обучения к находившейся в его землянке рации. Очень был доволен и радовался успехам «сыночка». Через некоторое время на расположение 9-й батареи начались артиллерийские налеты гитлеровцев. К тому же в районе огневых позиций батареи была оборудована дивизионная баня, куда однажды пришли помыться артиллеристы со второй батареи.

Только они разделись, как в районе бани разорвались два немецких снаряда. Выходов из бани было много. Все голыми бросились бежать к лесу. Обстрел прекратился. Никому и в голову не пришло, что этот обстрел неслучайный.

Между тем обстрелы огневых позиций 9-й батареи изредка продолжались. Выходили из строя орудия, люди, тракторы, и было заметно, что только около землянки комиссара не рвались немецкие снаряды. Как-то в наше расположение 2-й батареи заехали два офицера из «Смерша» — нашей контрразведки. «Смерть шпионам» и спросили, нет-ли где в наших подразделениях сынов полков. «Как же, — ответили мы, — есть такой в 9-й батарее. Комиссар его повсюду рекламирует». Оказалось, что юнец 16 лет, житель Смоленской области, окончил у немцев школу радистов, был подброшен к мертвой женщине, совершенно чужой, где и был подобран командиром нашей бригады, и под крылышком ротозеев творил свое черное дело, передавая по рации немцам интересующие их сведения, корректировал огонь немецкой артиллерии.

Фронтовая баня

Находясь годами во фронтовых условиях, мы ухитрялись устраивать в лесах бани в любое время года. Подбирали зимой в лесу площадку, утаптывали снег, по всей площади устилали ее хвойными ветками, огораживали от ветра плащ-палатками и — мыльня готова. В бочках из-под горючего топили на кострах снег. Вместо отсутствующих тазов использовали каски. Вместо мочалки у меня была маленькая одежная щетка, которой пользовался весь мой взвод. Эту щетку я привез потом домой на память.

Стреляю по самолету

С наступлением ясной погоды в феврале 1943 года, стала проявлять активность разведывательная авиация немцев. «Фокке-Вульф» буквально висел над нашими головами. Солдаты называли этот самолет «рамой», так как он не имел фюзеляжа и хвоста, что заменяла ему дугообразная пустотелая труба. Самолет нам надоел, и я решил стрельнуть по нему из противотанкового ружья. Прицельный выстрел вертикально вверх получился. Трассирующая пуля попала в силуэт самолета, но прошла в пустоте. Это я увидел, лежа на полу, с ноющей болью в плече и в скуле. Оказалось, что это ружье не для вертикальной стрельбы. Самолета в тот день я так и не подбил.

Как-то около нас совершил вынужденную посадку подбитый немецкий истребитель «Мессершмидт-109». Немецкий летчик на русском языке заявил:

«Этот самолет подбит простой пулей, которая перебила маслопровод».

А как-то рано утром при налете вражеских самолетов заметили, что на снег падают какие-то красные листовки. Оказалось, что это бланки партийных билетов ВКП (б). Местами они лежали кипами. Собранными бланками мы отапливались несколько дней.

Пуля снайпера

Продвигаясь однажды с передового наблюдательного пункта на основной по тропинке вдоль реки Вытебеть (это было на Орловской дуге летом 1943 года), меня обогнал лейтенант пехоты. Он был на голову выше меня и пошел впереди. Вдруг с моей головы чем-то сшибло пилотку. Я наклоняюсь за ней и падаю, подсеченный внезапно упавшим лейтенантом. Оказалось, что нас поймал на мушку немецкий снайпер. Лейтенант получил пулю в затылок и был убит, а с меня пулей сбило пилотку. Так малый мой рост спас мне жизнь.

Подвиг санитарки

На нейтральной полосе между нашими и немецкими окопами после боя остался раненый полковник с важными документами, которые не должны были попасть в руки немцев. Вызвалась доставить документы и, по возможности, самого полковника санитарка взвода армейской разведки.

Взяв с собой небольшой моток телефонного провода, она среди бела дня, искусно маскируясь, поползла к раненому. Мы из траншеи с тревогой наблюдали за отважной девушкой. Добравшись до места незамеченной немцами, она обнаружила полковника мертвым и все-таки решила доставить его тело к нашим вопреки приказу: «в таком случае» доставить только сумку с документами, оружие и ордена.

Санитарка решила не торопиться в обратный путь, не рисковать при дневном свете, а дождаться наступления темноты. Около километра ползла она с телом полковника на спине. Около траншеи ее встретил генерал. Он снял с себя плащ, накрыл отважную санитарку. Приказал привести ее в порядок, напоить чаем и уложить спать, так как от подобного метода ползанья на санитарке остались бюстгалтер да трусы. Это был подвиг. Сумка полковника с документами, его тело и ордена не были отданы врагу на поругание.

Свидетельства зверств врага

Проходя мимо оставленного немцами блиндажа, мы увидели труп молодой женщины, лежащей на спине в одной ночной рубашке, с большим немецким штыком в груди в позе,

говорящей о коллективном надругательстве и насилии над ней. Позже от пленных узнали, что немецкие разведчики укараулили нашу санитарку, уволокли ее к себе и тешились по очереди над ней. А потом закололи штыком, буквально прибив ее к земле.

Наступление

12 июля 1943 года с рубежа реки Вытебеть-Волосово началось наше наступление на Орел. В 4 часа утра по врагу ударили сотни орудий. Начали же артподготовку «Катюши». Такого я еще не видел. Над позициями немцев стоял сплошной гул от рвущихся снарядов, ракет и мин, авиабомб, столбы пыли и дыма. Били по заранее определенным целям. Разговаривать было невозможно от сплошных выстрелов из орудий сзади и гула разрывов впереди.

В конце артподготовки заключительные залпы снова дают «Катюши». Это сигнал для атаки нашей пехоты. И вот наши бойцы пошли в решительную атаку. Полетела бомбардировочная авиация, пошли танки. Надо было видеть своими глазами это зрелище. Молодые, здоровые парни ровными цепями идут вперед. Рукава закатаны по локоть. За поясами запас гранат и патронов. Спросил я проходящего мимо меня солдата: «Как самочувствие? Не страшно?» «Что вы? — весело ответил солдат, — нисколько не страшно. Ведь мы не в первый раз, привычные. А тут еще такая артподготовка и техники много».

...Проходя по району, где только что наша артиллерия и «Катюши» поработали, я стал свидетелем такой сцены. На пустом ящике сидел «чокнутый» и весь оплеванный немецкий офицер. Склонив лохматую голову, он все время повторял по-русски:

«Откуда у них столько артиллерии, откуда столько артиллерии?». Этот эпизод был заснят нашими кинооператорами на пленку и неоднократно показывался в фильмах.

Ночью мы прочесали занятую нами местность и наткнулись на стоящее на огневой позиции немецкое орудие. Рядом с пушкой стоял брезентовый шалаш, а около его входа — начищенные офицерские сапоги. В шалаше спал пьяный немецкий вояка. Его мы ликвидировали. А сапоги мне очень даже пригодились, так как свои развалились.

Второе ранение

Развивая наступление, мы выбрали себе наблюдательный пункт в только что освобожденной от врага траншее. С восходом солнца в наш блиндаж один за другим попали два немецких снаряда. Накаты из бревен снесло. Мне взрывной волной с песком разорвало на ленты правый рукав гимнастерки, руку вывернуло в плече и забросило за спину. Взглянув на свой разорванный окровавленный рукав и не обнаружив руки, с ужасом подумал: «Угораздило же оторвать правую руку». Выбежал из остатков блиндажа и потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел на коленях свою окровавленную грязную руку, которую мне вправили на место в санвзводе. Это было мое второе ранение.

Под бомбежкой

Продвигаясь на Ельню со Спасс-Демянска, в лесу около хутора Веселый попали под жестокую бомбежку немецкой авиации.

В этом лесу на опушках устроились на отдых различные части. Противнику об этом стало известно, и утром 1 сентября 1943 года с восходом солнца над лесным массивом появились немецкие бомбардировщики, начался ад... Выйти же из зоны бомбежки не давал артиллерийский и минометный огонь. Мы все лежали обессиленные на земле лицом вниз. Вдруг на меня свалилось что-то тяжелое, накрыв голову и туловище. Шум в голове громкий. Что-то горячее льется за шею. Подумал, что это туша казачьей лошади, которые были около нас. Начинаю проверять себя. Рука правая и ноги — на месте, а вот левой руки и головы нет. Понял, что завалены голова и левая рука, но ноги свободны. Нужно выбираться из-под убитой лошади ползком назад... Когда выполз из-под того, что накрыло меня, отряхнулся, прочистил глаза и увидел, что на мне лежал большой старый пень со своей корневой системой, а за шею мне бежала не

кровь коня, а нагретая взрывом жижа. Авиабомбой крупного калибра старый пень был вырван из земли и после небольшого полета приземлился на мою голову.

Все, вроде бы, обошлось хорошо. Остался жив и на этот раз. Но образовавшийся после падения пня шум в голове остался на всю жизнь. Это врачи назвали «контузия головы». Немного отдохнув за ночь, утром слабые, едва стоящие на ногах, мы вышли из этого леса. Решили отойти подальше, чтобы снова не попасть под бомбы. Вдруг невдалеке услышали жалобный стон. Решили помочь.

Раненая лошадь

Подошли поближе и увидели молодую вороную лошадь с перебитыми передними ногами. Рядом валялась тачанка, загруженная продовольствием. Там были хлеб, сухари, консервы мясные, масло сливочное, чай и другие продукты.

Мы тут же накормили лошадь хлебом и напоили ее, стонущую как человек. Сами хорошо позавтракали и пополнили продуктами свои вещмешки. Тяжело было смотреть на лошадь, делающую попытки подняться на ноги. Встав на задние ноги, она тут же со стоном падала на бок, а из черных больших глаз лились крупные слезы. Нужно было прекратить ее муки, но никто из нас не в силах был лишить жизни такое прекрасное животное. Так мы и оставили ее, надеясь, что кто-нибудь постарше нас сделает это. Вскоре мы услышали выстрел. Из леса вышел пожилой солдат и, вытирая слезы, сказал: «Пристрелил я ее, бедняжку. За что же они-то страдают?».

Огонь на себя

На высоте около станции Малая Надежда я со связистом Ф. Капустиным начал оборудовать наблюдательный пункт. Мы увлеклись делом и не заметили немцев. Доложив по телефону о своем местонахождении и поняв, что нас ожидает, потребовал дать огонь на себя, так как приказа покинуть высоту не было, да и было уже поздно уходить.

В траншее мы нашли два ручных немецких пулемета с патронами. Долго не могли их освоить, а немцы подходили все ближе и ближе. Наконец пулеметы заработали. Но мне острым углом приклада задело правый глаз. Обильная слеза мешала видеть цель. А справа слышалось: «Рус, сдавайся!».

В этот момент ударили наши орудия. Первый снаряд разорвался там, откуда пробрались в траншею немцы. По телефону скорректировал падение снарядов. Наши взрывы делали свое. Но и нам нужно было укрываться, так как снаряды рвались впереди и сзади нас.

Немцы, накрытые нашими снарядами, отказались от попыток вновь овладеть высотой. Мощность же наших орудий мы проверили на себе. Огромная воронка на месте бывшего пулеметного гнезда с блиндажом оголила траншею.

Мы же с Капустиным не смогли устоять на месте от взрыва в каких-то десяти метрах от нас.

Пропавшие без вести

На путях к Витебску немцами были заминированы большие площади как по фронту, так и в глубину. Для разминирования этих полей была применена новинка. К тяжелому танку КВ впереди были прикреплены катки, которые во время хода танка давили своей тяжестью противопехотные мины. Они взрывались, и по ширине танка возникали проходы, свободные от мин. По этим проходам шла пехота, шли и мы. Преодолев полосы минных заграждений, дальше стали продвигаться по дорогам.

Медленно по дороге двигался и мой взвод. Шли, как обычно, тяжело нагруженные. Телефонные катушки проводов, аппараты, шансовый инструмент, оружие, недельный сухой паек — все несли на себе.

Нас обогнал танк КВ и скрылся за поворотом дороги. Мимо нас прошел младший лейтенант с двумя солдатами. И вдруг на повороте дороги раздался сильный взрыв противотанковой мины. Поднялся столб огня и дыма. Мы все попадали на землю. Когда рассеялись

дым и пыль, мы не поверили своим глазам. Шли три человека, офицер посредине, солдаты по краям, и вдруг вмиг все исчезли. От них ничего не осталось. Только фуражка лейтенанта лежала в гнезде полотна дороги, где была установлена мина. Никаких документов, вещей погибших не нашли. Откуда? Так и остались чьи-то три сына навечно без вести пропавшими.

Гибель полкового врача

Прибыв для связи в блиндаж командира полка, который мы поддерживали, я стал свидетелем трагической гибели вернувшегося из отпуска полкового врача. Она должна была рассказать однополчанам о встречах с родственниками фронтовиков, раздать письма. Вдруг послышались разрывы мин и снарядов. Врач взглянула в окошечко палатки и тут же замертво опрокинулась на пол. Осколок мины попал ей в правую бровь. Крови не было ни капли. Рану перекрыло глазное яблоко. Вот так, не успев никому что-либо сообщить о родных, ушел из жизни прекрасный человек.

Немцы сдаются в плен

В июле 1944 года продолжалось наступление наших войск в Белоруссии. Немецкие солдаты все чаще стали сдаваться в плен. Но наша агитация «Убей немца!» сделала свое дело. Много пленных расстреливали. В ответ на это немецкие солдаты стали прибегать к различным уловкам: приносили наших раненых бойцов и под их прикрытием сдавались в плен.

Однажды вечером у нас исчез старший сержант Сапко, отправившийся в туалет. Все подразделение провело тревожную ночь. Рано утром 12 немецких солдат привели старшего сержанта к нам и потребовали офицера для переговоров. Они обвинили нас в невыполнении приказа Верховного командования о прекращении расстрелов сдающихся в плен солдат, о чем были напечатаны и разбросаны среди немецких войск листовки-пропуска. В наших войсках о таком приказе не знали или замедлили распространить его в передовых частях, а на почве этого возникали тяжелые встречные бои. Только в момент, когда произошла история с Сапко, в наше подразделение поступил означенный приказ.

Группа немецких солдат, пришедшая под прикрытием Сапко, была принята, а большая часть их издали наблюдала, что мы будем делать со сдавшимися в плен.

Наш старший сержант Сапко в кратковременном плену вел себя достойно, о чем говорил тот факт, что его привели со срезанными пуговицами, а результаты его действий хорошо были видны на физиономиях немцев.

Как было у нас заведено, спать на ночь укладывались всегда в вырытые для этой цели ровики, обычно один на двоих. Спать прямо на земле было опасно из-за частых минометных обстрелов. Подобные ровики мы предложили копать и нашим пленным. Они сразу помрачнели, улыбки исчезли с их лиц. Один из солдат лег на спину с явной обреченностью, малой лопатой сделал отметку на земле у головы, затем в ногах, отмерил себе длину, как он понял, могилы, хотел начинать копать. Я подошел к нему: «Вас махен зи? (Что вы делаете?)». Стал объяснять: «Гешиссен никс (Стрелять не будем). В ямке будем шляфен — спать, мы — в своих, вы — в своих». Хоть и с трудом, но солдат понял, о чем я говорил. Все как переродились, громко смеясь над собой, быстро выкопали шесть ямок (одна на двоих), благополучно перекочевали в них и успокоились. Размякли и наши солдаты, стали угощать немцев сухарями, куревом.

Еще более забавный случай произошел в июне 1944 года на Минском шоссе. Рота немецких солдат во главе с офицером в полном вооружении подошла к посту регулировщика, остановилась перед стоящей на посту девушкой. Козырнув, офицер на русском языке обратился к ней: «Рота немецких солдат в количестве 120 человек желает сдаться в плен к русским. Укажите пункт сбора военнопленных». Наша регулировщица с карабином за спиной от страха лишилась дара речи. Придя в себя, выдала офицеру пропуск за своей подписью, махнула флажком в нашу сторону. Офицер, козырнув, подал команду, и рота зашагала

на восток. И только тогда постовая воскликнула: «Девочки, ведь у меня со страху-то детский грешок случился. Замените на минутку меня. Мне нужно сбегать под кузов».

Радушный прием

Продвигаясь с боями по Польше, мы встречали исключительно радушный прием со стороны польского населения. Особенно женщин. Кормили нас на специально установленных столах. При остановках на отдых нам вручали цветы, стирали наше обмундирование, поили молоком.

В Литве на границе с Восточной Пруссией перед строем взвода мне был вручен второй орден Красной Звезды. Первым орденом Красной Звезды я был награжден приказом командира 13-й гвардейской артбригады от 25 сентября 1943 года.

Мы в Восточной Пруссии

18 октября 1944 г. в 18 часов мы перешли границу Восточной Пруссии в районе пограничного знака «83». Ваббельн — таково название первого занятого нами городка, покинутого жителями. Поразила нас разница в строениях. На нашей стороне дома сплошь деревянные, с соломенными крышами, у немцев же только каменные дома, с подвальными этажами, с садами, аккуратными дорожками и даже с водоемами для водоплавающей птицы. Из кирпича построены и скотные дворы. А рядом — выгоны для выгула скота. Кругом чистота и порядок.

В пограничных районах Германии осталось много брошенного скота, коров. Далеко был слышен их дурной рев, давно недоенных, с распухшим выменем. Среди наших бойцов нашлось много добровольных дояров. Вскоре коровы успокоились.

С вступлением в Восточную Пруссию у нас, можно сказать, отпала жилищная проблема. Повсюду мы видели добротные кирпичные дома. Они заменили нам блиндажи, траншеи и ровики. Улучшились продовольственное снабжение и быт. Мы остановились в покинутом большом двухэтажном доме, где сбежавшие хозяева оставили много мясного фарша, мясорубку, муку, тесто, камин с топливом.

...И весь взвод приступил к стряпне пельменей, причем они получились разных размеров — от маленьких сибирских до украинских вареников. Растопили камин, вскипятили большой котел воды. Варили и ели до умопомрачения. Все съесть не смогли. Остатки положили в котелки и взяли с собой.

При наступлении на город Инстербург я оборудовал НП на чердаке 3-этажного дома с единственной высокой дымовой трубой, выходящей из обшитого железом помещения в центре этого большого дома. Все дымоходы от квартир дома сходились к этому помещению. Это была коптильня. Открыв входную дверь, мы были ошеломлены количеством колец различных колбас, окороков, тушек птиц.

Очень кстати была нам эта находка. Мы целиком перешли на подножный корм. В дальнейшем дома с одной трубой были центром нашего внимания и пунктами довольствия, пока об этом не узнала пехота.

...30 января 1945 года мне было присвоено звание «старший лейтетант», а приказом командующего артиллерией 5-й армии от 21 февраля 1945 года я был награжден третьим боевым орденом — орденом Отечественной войны II степени.

Гибель товарища

9 апреля 1945 года пал Кенигсберг, и мы, расположившись на отдых на бывшем артиллерийском складе немцев, приводили себя в порядок, отсыпались после непрерывных многодневных боев. Неожиданно среди ясного дня 15 апреля подверглись минометному обстрелу. Наш лучший запевала разведчик А. Дунайский лежал на полянке и писал своей девушке письмо о том, что вот-вот война окончится и скоро все солдаты вернутся домой... но не дописал. Осколком ему перервало аорту. Помочь ему уже было нельзя. Похоронили мы его тут же, в одном из окопов, которых было много вокруг. Недописанное его письмо со следа-

ми крови я переслал по адресу. Через некоторое время получил ответ от матери и от девушки Марии Рясной, благодаривших меня за скорбную, но так необходимую весть.

Смертельный риск

После взятия Кенигсберга продолжалось очищение Восточной Пруссии от остатков врага. В районе Меденец-Крагау ночью натолкнулись на остатки полка нашей пехоты в количестве семи человек, разместившихся в одной воронке от авиабомбы. Это все, что осталось от стрелкового полка. Вдруг впереди показались немецкие танки. Мне со своими шестью солдатами пришлось приземлиться в той же воронке. Мы все приняли позы сваленных в яму убитых. Слышали, как танк на минуту остановился у края воронки. Открылся, затем закрылся люк, и танк пошел своей дорогой. Видимо, мы всерьез были приняты за кучу убитых. Если бы это случилось в начале войны, немцы обязательно бросили бы гранату в воронку.

Здесь, на территории Восточной Пруссии, для меня и моих товарищей окончилась война.

Доктор, похожий на Маркса

8 октября на одной из остановок я выпил кружку кипяченого молока, после чего упал, как подкошенный. Очнулся в своей санроте от сильной боли в желудке. Первоначальный диагноз — отравление молоком — не подтвердился. Однако анализы показывали высокую кислотность. С тех пор и начались мои путешествия по госпиталям. Тильзит, Инстербург, санаторий «Раушен». Ни одного дня не лежал в госпиталях по ранениям и контузиям, а вот после войны по болезни пришлось. Я стал падать духом. Почти все мои однополчане находятся со своими семьями, а я за какие-то грехи вот уже три месяца мучаюсь желудком, не имея определенного диагноза, следовательно, и лечения. От таких мрачных дум мое здоровье еще более ухудшилось.

На мое счастье откуда-то появился пожилой немецкий доктор, похожий на Карла Маркса. Он забрал меня в свое отделение и установил диагноз. Но сделал это довольно оригинальным способом. Усадил за стол против себя и стал всячески оскорблять: называл симулянтом, притворщиком, лентяем. Я все терпел. Но когда он произнес с усмешкой, что я и ордена-то свои, наверное, с убитых насобирал, бросился на него с кулаками.

Но тут со мной повторилось то, что было после выпитого молока. Я потерял сознание. Пришел в себя в палате со связанными руками и ногами, и во мне снова поднялся гнев против ненавистного доктора: да как он посмел оскорбить советского офицера, имеющего три боевых ордена? И вдруг до моего слуха донесся разговор врача с медсестрами. «Слушайте, девчата, — говорил он им тихо. — Я добился своего. Я знаю наверняка, что у него за болезнь. Я должен извиниться перед ним за свой метод определения диагноза. Как только он придет в себя, сейчас же бегите за мной».

Я лежу и ушам своим не верю, Выходит, что все это делалось ради моего спасения. Мне стало стыдно за себя. В это время в палату вошел доктор и с порога произнес:

«Старший лейтенант, будешь еще драться?». «Нет, — ответил я. — Я все слышал, что вы говорили сестрам». Доктор сел ко мне на койку и долго рассказывал о причинах моей болезни.

Дело в том, что все фронтовики на передовой подвержены переключению своих нервов, можно так сказать, на «боевой взвод». Все бывшие ранее болячки подавляются новым состоянием организма, и боец живет во время пребывания на войне как бы на одних нервах.

«Вот у тебя, — объяснил доктор, — по твоим рассказам, еще до войны побаливал желудок от высокой кислотности. На войне за все эти годы ты ни разу не испытывал болей в желудке, хотя жил на «сухом пайке». Это тебя все нервы охраняли. Когда кончилось пребывание на передовой и ты осознал, что остался жив, что скоро вернешься к семье, нервы стали «уходить с поста», и прежние болячки стали снова заявлять о себе. Вот у тебя и получился нервный припадок после выпитого молока.

Теперь мне осталось определить на твоей спине точку, против которой находится центр нервной системы желудка. Для этого тебя снова свяжем по рукам и ногам. Уложим животом на стол и будем растягивать туловище. Думаю, что теперь ты сопротивляться не будешь?».

Определив на спине нужную точку и очертив карандашом квадрат вокруг нее, доктор наказал сестрам делать кварцевое прогревание.

«Вот тебе и необходимое лечение, — сказал он в конце беседы. — А диагноз твой по-военному называется так: контузия нервной системы желудка».

Вот такая история произошла со мной осенью победного 1945 года. И сколько осталось мне жить, всегда буду с благодарностью помнить старого немецкого доктора, который спас мне жизнь.

Сестра «Диета»

В санатории «Раушен» на берегу Балтийского моря в декабре 1945 года долечивались наиболее травмированные войной офицеры советской армии. Это были в основном контуженные в голову танкисты, больные с поражением речи и других органов. Некоторые из них слова не произносили, а напевали. Почти все страдали бессонницей, отсутствием аппетита.

Была в санатории медсестра. Рослая, красивая девушка Аня. Она хорошо играла на гитаре и пела.

У нее выработался свой метод ухода за контуженными. Хорошо изучив каждого из своих «больных», она брала наиболее слабого на руки, как маленького ребенка, носила его, прижимая к груди, и мурлыкала песенки. Больной, ощущая что-то материнское, давно забытое, быстро засыпал. Осторожно уложив уснувшего, брала другого, третьего.

Через некоторое время все больные научились засыпать на ее руках и спать в своих койках как в тихий час, так и ночью. Одновременно меньше стали «петь». Подобным же образом сестра вернула своим подопечным и аппетит.

В столовой, где мы обедали, был балкон с видом на море. Когда наступало время обеда, медсестра брала в руки гитару, прогуливалась по балкону и между столами, с улыбкой пела наши любимые песни. Ее красота, молодость, чарующий девичий голос возбуждали в больных жажду к жизни, желание скорее поправиться. Все были, конечно, влюблены в эту девушку, которую часто в шутку называли сестра «Диета». Со всеми «сестра» была одинаково приветлива, часто по просьбам прямо в палате пела песни, играя на гитаре.

Время шло, больные поправлялись, ко многим возвратился дар речи, укреплялись нервы. Однажды утром наша Аня объявила, что на днях вышла замуж за своего вылечившегося жениха, морского офицера, и попросила поздравить ее. Какая-то жуткая тишина на миг воцарилась в столовой. Пауза затянулась. Медсестра медленно вышла из столовой. Только тут все опомнились, разом заговорили. Кто-то побежал за медсестрой, чтобы вернуть ее и попросить прощения.

До последних своих дней мы будем благодарны этой доброй фее за ее высочайшее человеческое милосердие, за великую Любовь к больным воинам. Век будем помнить свою медсестру «Диету».

В конце декабря 1945 года я прибыл в свою часть из санатория в город Рагнит и, получив приказ о демобилизации, 1 февраля был уже в Москве. На Казанском вокзале у всех питательных пунктов стояли длинные очереди солдат, сержантов и офицеров. Не было очереди только у столовой для генералов и Героев Советского Союза. Прежде чем пообедать, мы должны были пройти специальную проверку. Задавали обычно вопрос: «Был ли в окружении?». Если ответил «нет», задавались наводящие вопросики: «А может быть, вам удалось вырваться из окружения?», «Может быть, вас освободили товарищи?» Дальше следовали вопросы: «Были ли вы в плену?», «Может быть, вас спасли товарищи?» и т.п. Если кто-либо отвечал на эти вопросы положительно, ему тут же предлагали пройти в другую комнату, и больше мы этого человека не видели.

Чтобы попасть в столовую для офицеров, нужно было выстоять около 6 часов. Как-то в очереди меня и еще одного офицера отвел в сторону танкист, и попросил нас, если хотим быстро и

вкусно пообедать, помочь ему осуществить несложную операцию. Мы, конечно, согласились. Тут танкист рассказал нам, что был контужен в голову, не мог говорить и длительное время выражал слова пением. В заключение сказал: «Сейчас пойдем в генеральскую столовую. Я буду, как в госпитале, петь с пристрастием о том, что мы пришли сюда поесть, так как уже третьи сутки голодны. Вы удерживайте меня, называйте «Саша», ведите ко входу в столовую, затем к ближайшему столу, поясняйте словами, что нам нужно».

После «инструктажа» мы подвели «Сашу» к двери столовой. Тут он хриплым голосом завопил свою «арию». Вышедший к двери старик швейцар с белой бородой преградил ему путь: нельзя, мол, не положено. Тогда «Саша» схватил его за бороду, выволок на улицу, и мы вошли в помещение. «Саша, Саша, успокойся». Но «Саша» все больше входил в роль, пел, пинал стулья. Подошедшей официантке мы объяснили, что лейтенант третий день не может попасть в свою столовую, он голоден. Так, благодаря находчивости танкиста, нам удалось в тот день вкусно, а, главное, быстро пообедать.

5 февраля 1946 года я переступил порог своей квартиры, где четыре года, двадцать пять дней и ночей в тревоге провела моя семья. Было тогда мне 37 лет.

В. КАРТАШЕВ.
К печати подготовил В. И. ГРИНЕВИЧ.
«Красное знамя», № 14—22, 1995 год.

ПИСЬМО СОЛДАТА

Благодарю вас за опубликование моих фронтовых воспоминаний. Я горжусь тем, что за два с половиной года пребывания на передовой линии фронта, после ранений и контузий не выходил из строя, не стремился попасть в госпиталь. Всегда помнил, что я — доброволец. И считал себя обязанным не хандрить, не унывать. Стойко переносить все фронтовые трудности и лишения. Мы тогда были уверены, что все это нужно для победы, для защиты Родины. А сейчас мне не нравится настроение и поведение многих родителей, особенно матерей будущих и настоящих солдат в воспитании своих сыновей. О чем говорят факты: широко распространились уклонение ребят от службы в армии, от призыва в армию, дезертирство из воинских частей. Нужно ли говорить, что такие явления ослабляют военную мощь страны, ее обороноспособность. «Сердобольные» мамаши обрекают своих сыновей на уголовные, воинские преступления. На измену родине и заслуженное наказание.

В нашей стране, как и во всех государствах мира, служба в армии — почетная и святая обязанность для всех юношей. Ратный труд их, геройские подвиги соответственно поощряются и награждаются.

Я считаю, что в обществе должна быть поднята воспитательная, патриотическая работа среди населения, среди юношей. Хорошо бы и в печати разоблачить позорные факты отказа от военной службы.

Г. Д. КАРТАШЕВ,
ветеран Великой Отечественной войны.
«Красное знамя», № 109, 21.09.1995 г.

НА ЛИНИИ ОГНЯ
Воспоминания Петра Алексеевича Кузьминых

Это произошло 14 июля 1941 года. В бою с фашистскими захватчиками было испытано оружие, какого еще не знала военная история. В народе оно получило широкую известность под ласковым названием «катюша».

В составе 52-го отдельного дивизиона гвардейских минометов — этих самых легендарных «катюш» — прошел путь от Сталинграда до Риги по нелегким воен-

ным дорогам Петр Алексеевич Кузьминых. О том, что эти дороги оказались для него нелегкими, свидетельствуют контузия, семь ранений, одно из которых привело к ампутации ноги, 423 дня в госпитале и солдатский дневник.

Только на фронт

Поезд все дальше уходил на запад. Дробно стучали под ногами колеса да лишь изредка на ночных полустанках протяжно ревели гудки, сжимая сердце щемящей тоской. Кругом, куда ни погляди, темнели незнакомые поля, стиснутые со всех сторон сплошным звездным кольцом.

Петр Кузьминых стоял на платформе, прислонившись спиной к орудию. А колеса все продолжали выбивать на стыках рельс... война... война... война...

... Студенты второго курса Молотовского речного училища только что сдали последние экзамены. Многие уже разъехались по домам. Общежитие опустело. А 22 июня тишину общежития разорвал крик: «Ребята! Война!» А на следующий день Петр вместе с другими студентами уже был в военкомате. Пожилой военный в чине майора, посмотрев на притихших ребят, устало сказал:

— В пехотное училище хотите?

— Нет, — ответил каждый из них.

Все они мечтали только о военно-морском или летном. Многие закончили аэроклуб. И море, и небо с детства манили каждого из этих ребят. И майор это знал. Но он знал еще, что на войне нужны не только летчики и моряки, но и пехотные командиры, истинные творцы любой победы.

— Если не хотите в пехотное, — подумав, добавил он с явной ехидцей, — есть еще места в Астраханское интендантское училище. Прекрасное училище.

По никто не хотел в интенданты, а все хотели как можно скорее попасть на фронт.

Из военкомата ребята все вместе отправились в горком комсомола. Там уже было настоящее столпотворение. Вызывали по одному и каждому задавали одни и те же вопросы:

— Винтовку знаешь?

— Знаю!

— Гранату знаешь?

— Знаю!

— Пулемет знаешь?

— Знаю!

— Родину любишь?

— Люблю!

— Защищать ее будешь?

— Буду!

— Добровольцем на фронт пойдешь?

— Пойду!

В начале июля Петр уже был курсантом Рязанского пехотного училища. Занимались по 14 часов в сутки. 3 сентября был получен приказ: «Прекратить занятия и выехать под Смоленск. Там формировалась курсантская дивизия, но батальон, в котором был Петр, в пути задержался. Когда же прибыли на место, дивизия уже выехала на фронт.

В это время формировались гвардейские минометные части. Отбор в них производила специальная комиссия. Проверяли родословную чуть ли не до седьмого колена: не было ли в роду паразитических элементов (помещиков, капиталистов, кулаков или подкулачников), не служил ли кто из родственников в белой армии, нет ли близких за границей. Пройдя через все это сито, Петр был зачислен в отдельный 52-й дивизион гвардейских минометов.

Учились на «колесах». Где-то в пути, ночью, к эшелону, в котором ехал дивизион, прицепили несколько вагонов с гвардейскими минометами. За три дня, пока ехали на фронт, знакомились с материальной частью и несли караульную службу.

В боях за Крым

Дивизион все время менял места своей дислокации. Да и на огневых позициях не задерживался ни одной лишней секунды. Вместо 8-12 минут по нормам бойцы успевали навесить 36 снарядов за четыре минуты, делали залп и уходили. Часто приходилось стрелять прямой наводкой. Не глуша моторы, ставили машины так, чтобы создать отрицательный угол, и били по фашистам.

В конце 1941 года дивизион участвовал в Керчинском десанте. В это время как назло зарядили дожди. Дороги превратились в хлипкое холодное месиво и стали настоящей ловушкой для техники. Из-за бездорожья снаряды приходилось носить к установкам порой за несколько километров. А вес двух снарядов (солдатская норма) равнялся почти пуду. И вот когда принесешь эти снаряды, ноги действительно становятся в прямом смысле этого слова пудовыми, и требуются неимоверные усилия, чтобы оторвать их от земли. Из-за всех этих причин операция сорвалась.

С нового года до мая дивизион стоял в районе Владиславовки — Семи Колодезей. За это время немцы укрепились и 9 мая стали наступать. Начались новые ожесточенные бои. Вот только несколько записей весны — лета 1942 года из дневника Петра Кузьминых.

9 мая 1942 года. Немцы наступают на всем участке. Мы сделали несколько залпов и стали отходить. Фашистская авиация накрыла нас сверху. Две установки сгорело. Меня и четырех наших товарищей ранило. Мартынова, с которым вместе служили с первых дней, кажется, очень тяжело. Его отправили в госпиталь.

11 мая 1942 года. Отходим на Керчь. По дороге опять попали под сильную бомбежку. Трактор, который нас тянул, вышел из строя. Орудие взорвали. Километров 30 шли пешком под дождем и по грязи. Пришли еле живые.

16 мая 1942 г. На переправе немцы снова бомбили с воздуха. Три орудия уничтожено, два подбитых мы подорвали сами. Переправиться не удалось. Ночью подверглись опять артобстрелу. Что творится кругом, трудно представить. Сотни убитых и раненых. Кругом все горит.

17 мая 1942 года. Отбивали атаки фашистов, которые подошли вплотную к переправе и обстреляли нас из автоматов. Ходили в контратаки и отбросили их. Временами дело доходило до рукопашной. Немцы, оставив около 500 человек убитыми и ранеными, бежали. С нами был оркестр, который играл «Интернационал».

27 июня 1942 года. Заняли позицию на «Ч». «Ч» — это коса, ширина которой у входа достигает 20 метров. Кругом море и болота. Все время рвутся снаряды. Похоже, что мы находимся в пасти крокодила, которая открыта, но в любую минуту может закрыться. Готовимся к новым боям. Подготавливаем опорный пункт.

23 июля 1942 года. Писать было некогда. Рыли окопы для орудий, ровики, землянки. В ночь на 22 июля выезжали на огневую. Сделали два залпа. Результаты хорошие. Живем прямо в степи. Стоит жара. Нет воды. Немцы наступают. Пункт Красный Яр несколько раз переходил из рук в руки. У нас два орудия вышло из строя.

22 августа 1942 года. Все время в переходах или наряде. Орудий нет. Отправили на ремонт в Сталинград. Северо-восточное Котельникова слышна пулеметная и артиллерийская стрельба. После четырехдневных ожесточенных боев, когда немцы по 15 раз в день ходили в атаку, ценой огромных потерь им удалось на одном участке продвинуться на три километра вперед.

По дорогам войны

Войска отступали по направлению на Котельниково. Бурая пыль, взбиваемая колесами машин и тысячами солдатских сапог, повисла над степью. Она закрывала все небо, и сквозь нее солнце казалось тусклым бесцветным шаром.

Петр лежал на крыле машины. Его гимнастерка, лицо, руки покрылись густым слоем степной пыли. Во рту пересохло. Страшно хотелось пить. Но вода во фляге давно кончилась. Иногда он забывался, и жажда ненадолго отступала. Но стоило только пошевелиться, провести языком по пересохшим губам, как все начиналось сначала, как в те февральские дни сорок второго.

Тогда после контузии Кузьминых два с половиной месяца провалялся в госпитале. Только на четырнадцатый день он пришел в сознание. Первым ощущением его было такое же мучительное чувство жажды. Он хотел приподняться и из его груди, словно стон, вырвалось: пить... пить... Но он не услышал своих слов. Кто-то поднес к его губам кружку с водой. Петр приподнял отяжелевшие веки, но ничего не увидел — черная густая темнота со всех сторон окружала его. Жадно выпив всю воду, он снова забылся. Через месяц восстановилось зрение. Слышать стал немного позднее. Но когда слух вернулся, снова пропало зрение. Только через два с половиной месяца Петр вернулся в свою часть.

Надсадно выли машины, буксуя на ухабах. Сверху все так же нещадно палило солнце. Запах бензина, жара, пыль шли на восток вместе с солдатами по дорогам войны. Далеко позади остался Крым, впереди их ждал Сталинград.

Многим из этих солдат было по девятнадцать. Но далеко не всем им посчастливится дожить до победы. Многие останутся навсегда в этих бескрайних степных просторах. Как остался лежать на крымской земле с пробитой осколком снаряда головой Опенков и много других друзей Петра Кузьминых.

Петр и сейчас хорошо помнит тот яркий весенний день, когда они подъезжали к совхозу имени Ленина, раскинувшемуся недалеко от поселка Семь Колодезей. Тогда над головой стояло чистое весеннее небо. Лишь одно белоснежное облако скользнуло по его синеве, и тень от него медленно ползла по земле. Дорога, извивавшаяся между холмами, покрытыми первой изумрудной зеленью, привела их в долину. По обеим сторонам ее раскинулись поля. Непаханная земля зарастала уже травой. Недалеко от дороги стояло несколько домиков. Командир колонны приказал свернуть к ним. Машины одна за другой пошли прямо по полю. Вдруг на горизонте показались несколько немецких танков. За ними, рассыпавшись цепью, бежали автоматчики.

С передней машины заметили танки и повернули обратно. Петр стоял на крыле второй машины. Когда она стала разворачиваться, он увидел, как из-за домиков выбежали немецкие солдаты и стали устанавливать противотанковое орудие. «Пушка! — едва успел крикнуть он, как сзади хлопнул артиллерийский выстрел.

Машину как-то боком стало заносить в сторону. Мотор надрывно ревел, но колеса бессильно взрывали рыхлую землю. Петр соскочил с крыла: от задних скатов остались одни только клочья. Рядом разорвался снаряд. Кто-то страшно закричал. Петр, инстинктивно закрыв голову руками, упал на землю. Когда он поднялся, у передних колес, широко раскинув руки, лежал Опенков, из виска его на сочную землю медленно падали капли крови.

Третий разрыв снаряда Петр уже не слышал. Его будто кто-то ударил по спине огромной дубиной. Земля вдруг покачнулась, как палуба корабля, и стала уходить из-под ног. Когда он очнулся, кругом стояла непривычная тишина. Немцы уже перестали стрелять. Ему показалось, что он пролежал здесь несколько часов, хотя прошли какие-то доли минуты.

Осмотревшись, Петр заметил недалеко от убитого Опенкова молодого солдата, который, уткнувшись лицом в землю, казалось, сладко спал. Он подполз к нему, словно во сне, не сознавая, что делает, вытащил из гимнастерки документы, взял его карабин, панораму Опенкова и поджег шнур. Отполз на несколько метров подальше от машины и стал ждать.

У первых ракетчиков был суровый приказ: ни одну установку не оставлять врагу. Для этого под каждой установкой было заложено по 25 килограммов тола. Но взрыва не последовало. Тогда Петр поднялся с земли, швырнул в машину гранату и побежал к дороге. Он слышал, как сзади раздался взрыв и один за другим стали рваться снаряды. Но в это время он уже бежал по дороге.

Солнце било прямо в глаза, и Петр не заметил, как над ним появились два фашистских стервятника. Он бросился в кювет, но фашистские летчики уже заметили его. Пулеметные очереди, как бритвой, срезали траву в нескольких метрах. Когда истребители пролетели, он снова побежал. Но те, сделав разворот, снова спикировали над ним, и снова пули со свистом прошивали землю рядом с ним.

Вдруг где-то у дороги выстрелила пушка, летчики бросили гоняться за Петром и занялись ей. Он видел лишь, как рядом с ней загорелась копна сена, а истребители делали заход за заходом.

Своих Петр нашел за горой в овраге. Тело как-то внезапно ослабело, ноги подкосились, и он рухнул на траву. Только вечером в санбате ему сделали перевязку. Потом еще долго он не мог лежать на спине: она была вся изрешечена маленькими, словно булавочные головки, осколками.

А машины все шли и шли по степи, оставляя за собой огромные бурые шлейфы пыли. Где-то впереди была Волга.

У стен Сталинграда

В конце августа 1942 года 18-й полк гвардейских минометов, в котором служил Петр Кузьминых, был переброшен к деревушке Ивановка, которая находилась недалеко от линии обороны наших войск, защищавших Сталинград. Прямо в степи, лепясь друг к другу, стояло несколько полуразрушенных саманных домиков. Рядом раскинулся молодой яблоневый сад. Хотя стоял еще август, листья на деревьях, опаленные взрывами, пожухли и пожелтели. Несколько яблонек, не успевших еще дать свои первые плоды, были подломлены, их кроны вдавлены в землю гусеницами танков и колесами машин. Совсем недавно, может быть, всего несколько часов назад, здесь шел бой. Об этом напоминал едкий чад, расстилавшийся по земле от горящих невдалеке танков.

Не успели бойцы полка рассредоточиться и укрыть машины, как раздалась команда: «Приготовиться к бою».

— Заряжай! — крикнул командир орудия сержант Сулаберидзе. Расчет быстро занял свои места. Петр прильнул к панораме. Через несколько минут реактивные снаряды со щемящим душу воем пронеслись над степью.

Полк успел сделать лишь три залпа, как в небе появилась девятка «хейнкелей». Они шли тройками, одна за другой. Их бомбовый удар пришелся на огневые позиции пехоты. Лишь одна бомба попала в сад, где стоял полк. Кто-то рядом с Петром вскрикнул, и все снова потонуло в грохоте разрывов и вое пикирующих бомбардировщиков.

Когда самолеты улетели, Петр вскочил на ноги. Но острая боль в правой ноге заставила его снова опуститься на землю. Осколок бомбы, пробив сапог, повредил сухожилие.

— По машинам! — раздалась команда. Надо было менять позиции. Фашистские самолёты в любой момент могли накрыть полк. Превозмогая боль, Петр, прихрамывая, побежал к своему расчету.

Вот только две записи из дневника Петра тех дней.

5 сентября 1942 года. Перешли под Сталинград. За это время трижды ремонтировали реактивные установки. Все время кочуем. Обстановка очень тяжелая. Враг при поддержке авиации и танков рвется к Сталинграду. Пишу, когда кругом рвутся снаряды. 18 сентября 1942 года. Стоим на одном месте. В Сталинграде идут ожесточенные бои. Небо над городом затянуто пылью и дымом.

В середине октября полк был переброшен в район Купоросного. Недалеко от берега виднелись руины судоремонтного завода. Темные громады цехов зияли черными провалами окон. Внизу широкой серебристой лентой расстилалась Волга.

Долиной смерти назвали после войны эту узкую полоску земли между Купоросным и Волгой. Много защитников Сталинграда осталось навеки лежать на этом клочке волжской земли.

Расчеты гвардейских минометов 18-го полка изрядно поредели с начала обороны Сталинграда. В некоторых оставалось по три-четыре человека. Одни реактивные установки были подбиты, у других действовала только одна направляющая. Почти все машины вышли из строя. А те, что уцелели от бомбежек, ходили, как говорится, лишь на матюгах води-

телей. У «газика» Саши Киселева, шофера первого дивизиона, были разбиты тормоза, как он ухитрился ездить, одному богу было известно.

Исчезли ранги и звания. Все, от командира орудия до командира полка, превратились в простых бойцов. Когда раздавалась команда «К бою», заряжающими становились и рядовые, и командиры батарей и дивизионов.

Как-то в конце октября полк попал под сильный минометный огонь. Немцы, как правило, выбрав какой-нибудь участок нашей обороны, с присущей им педантичностью обрабатывали его. Мины ложились как раз впереди реактивной установки, в расчете которой был Петр Кузьминых. И с каждым залпом ложились все ближе и ближе. Водитель из-за установки ничего не видит, что творится сзади, и высунуться из кабины боится — осколки так и свистят рядом. Петр не выдержал, выбежал из-за укрытия, вскочил на крыло машины и, заметив в десятке метров полуразрушенную стену здания, стал командовать шоферу, куда сдать. Когда машина свернула за стену, он стал отряхивать шинель от пыли и с удивлением увидел, что вся правая пола ее как ножом срезана осколком.

Через несколько дней Петр пошел к старшине за новой шинелью.

— Нету шинелей. Нема, — ответил тот. — Вот, если хочешь, бери пару портянок.

— Мне шинель надо, — настаивал Петр. А ребята стоят рядом и хохочут:

— Ну, Петро, теперь до конца войны будешь ходить куцым.

За оборону Сталинграда полк был награжден орденом Красного Знамени. В конце обороны из 24-х реактивных установок осталась целой только одна, остальные были подбиты.

В болотах

И снова, как в начале войны, дробно стучат под ногами колеса. Но сейчас на стыках рельс колеса выбивают уже другой напев, а в вагоне звучат веселые песни и шутки. Поезд идет под Ленинград. За окнами мелькают леса и болота с чахлыми карликовыми кустами.

4 августа 1943 года прибыли на станцию Жихарево, — пишет в своем дневнике Петр Кузьминых.—Кругом болото. Прямо по нему из бревен настлана дорога, но такая узкая, что по ней не разъехаться двум повозкам. Не дай бог на такой дорожке попасть под бомбежку. На сотни метров кругом нет кусочка твердой земли.

В три часа началась артиллерийская подготовка. Она длилась почти два часа. Залпы следовали один за другим через каждые семь минут. За день каждая реактивная установка сделала по восемь залпов. К вечеру все в конец измотались. Сказалось плохое питание и двое суток без сна.

А ночью нас снова подняли и перебросили на новый участок. И опять бессонная ночь. А утром тяжелая изнурительная работа по оборудованию огневой. Днем дали девять залпов. Каждая установка выпустила 98 снарядов. Едва успевали заряжать. Как результат, по недосмотру командира 56-го орудия произошел преждевременный выстрел. Три человека получили ожоги.

7 августа 1943 года. Вчера выезжали на левый фланг и попали под сильный артиллерийский огонь. Все же два залпа успели дать. До 12 часов оборудовали новую огневую. А потом таскали и закапывали снаряды.

Слушали приказ Сталина, в котором он объявляет благодарность войскам Брянского и Степного фронтов за взятие Орла и Белгорода. Там дела идут хорошо. А мы ежедневно выпускаем тысячи тонн снарядов, а прорвать немецкие укрепления не можем. Фашистские дзоты из десяти накатов, доты сделаны из рельсов и залиты бетоном. За полтора года успели понастроить, гады.

Сейчас отдыхаем. Кто пишет письма, а кто песни поет. Снова собирается дождь. Немцы бьют по наблюдательному пункту, который находится по соседству на опорах линий электропередач. А осколки от снарядов летят к нам.

Вечером хоронили Писарева, нашего товарища. Дали салют по фрицам из одной установки.

10 августа 1943 года. Немцы все время обстреливают наши позиции. Вчера снаряд попал прямо в землянку. Одного связиста убило, другого сильно ранило.

11 августа 1943 года. Ночью немецкий ночной истребитель сбил три наших самолета. Сейчас стоим недалеко от небольшого городка Апраксин на перекрестке дорог, идущих в Верхнюю Назию и Ленинград. До Ленинграда всего несколько километров. Когда там начинается стрельба, у нас слышно.

На следующий день в 4 часа утра немцы начали обстреливать наш передний край обороны. В это же время заговорила артиллерия Ленинградского фронта. Потом все стихло.

В 10 часов началась наша артподготовка. Ствольная артиллерия бьет мало. В основном действуют наши гвардейские минометы. Через каждые семь-восемь минут мы делаем залп. Сделав шесть залпов, переехали на старую огневую. Слева от нас рвутся снаряды. А справа бьют тоже «катюши».

13 августа 1943 года. За вчерашний день наши части продвинулись на два километра и заняли первый населенный пункт.

Сейчас лежим в землянке. Погода стоит холодная. Опять идет дождь. Михеич умылся, закурил, забрался на свое место и рассуждает вслух: «Кабы не война, ни за что бы не надел шинель. А вот кавказцы любят. Смешно».

Михеич крутит головой и надолго замолкает. Через некоторое время снова начинает:

«А интересно, как бы мы выглядели, если бы были одеты, как комсостав».

Потом стали вспоминать, как жили перед войной. Я рассказал, как учился в училище, Алексей — как недавно потерял пилотку и случайно нашел ее у Степанова. Все долго смеялись.

5 сентября 1943 года. Дни стоят на редкость погожие. Днем солнце греет, как в июле, а ночью холодно, аж уши щиплет. Ходим за грибами. Сейчас Михеич их варит, а я читаю вслух книгу Виноградова «Три цвета времени». В ночь с 3 на 4 первый раз видели северное сияние.

8 сентября 1943 года. Вот уже второй день немецкая артиллерия бьет непрерывно ночью и днем. Один снаряд попал в бруствер орудийного окопа, тяжело ранило Горбенко. Несколько снарядов разорвалось в нашем расположении. Осколками посекло машину. Один снаряд угодил в землянку сапожников, но не пробил ее. Вечером занялись укреплением землянок.

18 октября 1943 года. Сегодня получили приказ выехать в район селения Воронове. Там образовался «мешок»-клин, который вдался глубоко в оборону противника. Туда ведет лишь одна дорога из настила бревен. Жаль покидать насиженное место, где уже обжились, все оборудовали. Но ничего не поделаешь, такова наша солдатская жизнь.

Последний год на войне

10 января 1944 года. После обеда в землянку зашел комбат. Разговорились о жизни, тыле, справедливости. Михеич лежит на своем месте и мечтает: вот если бы он одел на два часа гражданскую одежду, война бы кончилась. Мы ему предлагаем на 24 часа, только бы она кончилась.

21 января 1944 года. Сегодня отмечали двухлетие полка. Учились танцевать. Немного получается. После обеда в клубе был концерт. Говорят, что немцы начали отступать. Кругом тишина, словно нет войны.

29 января 1944 года. Прибыли на новое место. Это километрах в 15 от Новгорода. Ночевали прямо в поле под брезентом.

Ехали по местам, где не было фашистов. Селения целые. Только некоторые дома

пострадали от бомбежек. На улицах много жителей. На душе стало как-то веселее. А то все время одни солдаты да пушки, танки да доты, да руины сожженных селений.

12 февраля 1944 года. Проезжали через Новгород. Весь город разбит. Вместо домов стоят одни стены. Кремль пострадал меньше.

Едва успели закончить ремонт, как получили приказ выехать на огневую. Всю ночь блуждали. Темно, хоть глаз выколи. Как назло, через несколько километров застряли. Выбирались три часа.

Через неделю наши войска прорвали оборону противника шириной километров восемь и продвинулись вперед примерно километров на двадцать. Ночью немцы обстреляли наши позиции, зажгли село и отошли.

13 марта 1944 года. Вчера после обеда выехали из Подпорожка. В районе кордона Петсурки перешли старую государственную границу с Эстонией. Стоим на правом берегу Нарвы. С обеих сторон, не умолкая, бьет артиллерия. Немецкие пикировщики бомбят наши позиции.

21 июня 1944 года. Строили 600-метровую дорогу по болоту. Кругом трясина. Упал с настила — сразу проваливаешься по пояс. Лес носить далеко. Все плечи сбили.

Машины стоят на помостах, которые делаем так, чтобы можно было развернуться. Весь вечер готовили снаряды. Где-то больше 700 штук.

Готовится наступление. Наша задача выйти к заливу и отрезать нарвскую группировку противника и двигаться на Таллин. Несмотря на то, что еле держимся на ногах от усталости, настроение хорошее. Хочется поскорее идти в бой.

26 июня. Ночью выехали на правый фланг. Нарва вся горит. Наши войска ее взяли и идут дальше. Видели оборонительные сооружения фрицев: бронекупола, дзоты, доты.

День чуть не закончился трагически. Вечером проезжали мимо высотки. Немцы засели там и видят нас, как на ладони. Попали под их огонь. Потапова ранило. Но все кончилось благополучно.

10 сентября 1944 года. Выехали на новое место. Ехали всю ночь и весь день, не останавливаясь. После переправы вступили на территорию Эстонии. Дороги замечательные. По обеим сторонам виднеются небольшие холмы и темные островки леса.

В лесу скрывается много разной сволочи. Ночью сигналят ракетами самолетам.

21 сентября 1944 года. Три дня как началось наступление. Идем вперед быстро. Но в лесу остается много автоматчиков. У них есть и артиллерия, и минометы. Вот и сейчас идет бой на правом фланге. Мы проскочили вперед вслед за танковой разведкой раньше пехотной части, которую поддерживаем. Сегодня заскочили в село с одного конца, а на другом все еще не улеглась пыль от немецких машин.

12 октября 1944 года. Почти две недели кочевали по Латвии. Мазалец, Вальсентера, Цейсис. Сегодня выехали на новую огневую на окраине Риги. Правая часть города и центр уже очищены от фашистов. Они еще держатся на той стороне Западной Двины и по побережью. Город весь горит. Вчера утром ранило Елизарова, сегодня Шаирова, Терчикова, старшину Прохорчука убило.

На этом записи в дневнике обрываются.

Горький привкус победы

Хмурым был тот октябрьский день 1944 года. Серые лохматые тучи низко нависли над Рижским портом. У причала виднелись силуэты немецких кораблей.

Петр Кузьминых со своим расчетом укрылся за полуразрушенными складскими зданиями. Рядом на земле залегла пехотная рота, в распоряжение которой был придан расчет. До причала оставалось не больше 500 метров. Но плотный пулеметный огонь не давал пехоте подняться.

— Дайте огоньку, ребята,— просил ракетчиков командир роты.

Реактивные снаряды, сорвавшись с направляющих, с воем пронеслись над головами пехотинцев. С криком «ура» они бросились к пристани. Но последний немецкий корабль уже отходил от причала.

Петр решил на прощание дать по нему еще один залп. Но не успела машина развернуться, как все потонуло в грохоте взрыва. От чудовищной боли в ногах у Петра потемнело в глазах, он потерял сознание. Очнулся в гражданской больнице Риги. Левая нога выше голени словно горела в огне. Страшно хотелось пить.

На другой день пришли друзья попрощаться: полк уходил дальше на запад.

Через несколько дней Петра перевели в военный госпиталь. Пожилой военврач, молча, осмотрев рану, сухо бросил: «На стол».

После операции на ноге появилась опухоль. И снова операционный стол. Шесть операций пришлось вынести Петру. Но рана не закрывалась. Началась гангрена. Через месяц ногу ампутировали.

Когда состояние Петра немного улучшилось, его эвакуировали в Ленинград, а через несколько дней еще дальше на восток—в Кировскую область. Только в середине декабря он стал подниматься с постели.

Когда Петр читал письма, которые приходили с фронта, он на минуту забывал, что находится в госпитале. Ему казалось, что он снова в родном полку с друзьями. Но после таких минут его охватывало гнетущее чувство одиночества, и тогда он целыми днями лежал на кровати, уставившись в одну точку. Кругом были люди, кто разговаривал, смеялся. Но Петр ничего не слышал, не видел.

Шло время. Оно лучше всяких лекарств залечивало рану. Чувство одиночества постепенно отступало. Петр стал все чаще задумываться о будущем, стал читать книги и отвечать на письма. Из писем он узнал, что за операцию в Рижском порту награжден орденом Славы III степени. Это тоже приободрило его.

Он все еще лежал в госпитале, когда радио сообщило о капитуляции Германии. Петр смотрел в окно, за которым весело шумел яркий солнечный день, и думал, сколько «лет они вместе с друзьями ждали этого часа. И вот он настал. Но на душе вместо радости было горько оттого, что этот час он встречает не в кругу друзей, а на госпитальной койке.

Г. ДМИТРИЕВ.

«Красное знамя», 1993 год.

Я ПОМНЮ, ВСЕ ПОМНЮ...

Фронтовая песенка

Машина по полю вертится,
Осколки сыпятся на грудь,
Прощай, родная, не волнуйся
И про танкиста не забудь...

Нас извлекут из-под обломков,
Поднимут на руки каркас,
И залпы башенных орудий
Проводят нас в последний раз.

И полетят тут телеграммы
Родных, знакомых известить,
Что сын их больше не вернется
И не приедет погостить.

В углу заплачет мать-старушка,
Слезу смахнет платком отец,
И дорогая не узнает,
Каков танкиста был конец.

Прощай, голубка дорогая,
И ты прощай, старушка-мать,
Прощайте, братья мои, сестры,
Прощай, мой старший брат КВ*.
Тебя я больше не увижу,
Лежу спокойно на земле.

Эти незамысловатые, но очень искренние стихи прислал мне в 1943 году дядя Коля. И сегодня, спустя более полувека, я не могу без слез читать эти строки. Дядя словно предчувствовал, что не вернется с той войны. Я до сих пор храню и эту его песенку, и открытки, которые он писал с фронта, и единственную его военную фотографию.

Прим. Танк КВ («Климент Ворошилов») — тяжелый танк, бывший на вооружении Красной Армии в начале Великой Отечественной войны.

Когда я слышу название «Старая Русса», на меня веет необыкновенным теплом. Этот маленький курортный городок и его окрестности — родина всех моих родственников по маминой линии. И моя — тоже. С ним связано очень многое и в том числе горькие минуты моей жизни.

Я хорошо помню, хотя мне было пять лет, первый день Великой Отечественной войны, помню, как мы с дедушкой Иваном Васильевичем Гороховым сидели на берегу реки, когда над нашими головами пролетели самолеты и вскоре где-то вдалеке раздались взрывы. Дедушка сказал: «Не бойся, внучка, это учения», а сам взял меня на руки и быстро пошел к дому. Там, на улице, под репродукторами уже собрались люди и слушали Молотова. Война!

Помню, как мы с мамой уходили пешком из Старой Руссы вместе с другими беженцами. Сорок километров (как потом говорила мама) мы шли до какой-то станции, где стояли открытые платформы. На них залезали, кто как мог, старики, женщины, дети. Помню, мы долго ехали на этих платформах, «замаскированных» только ветками деревьев. Много раз эшелон внезапно останавливался, раздавался чей-то крик: «Воздух!», и с платформ мы вместе с другими людьми прыгали на землю и бежали подальше от поезда, стараясь спастись от вражеских стервятников. Помню, как однажды утром на какой-то станции мы увидели искореженные догорающие вагоны и груды тел: на состав, двигавшийся перед нами, налетели фашистские самолеты и разбомбили его. Только по чистой случайности мы не ехали в нем. Можно ли забыть такое?

Недели через две, кажется, мы добрались, наконец, до Архангельска, до своего дома (в Старую Руссу мы ездили к дедушке и бабушке на лето). Помню, как позднее однажды мама увидела в «Правде» фотографию о зверствах фашистов в Старой Руссе и из подписи в одном из казненных узнала своего двоюродного брата. Помню, как плакала она, ругая себя за то, что не настояла, чтобы дедушка с бабушкой тоже ушли из города вместе с нами. Мама с ужасом думала о том, какая участь ждет их, сестру, племянницу. Тяжелые предчувствия ее не обманули: уже после войны, когда мы поехали в Старую Руссу, чтобы узнать что-либо о родных, на месте отцовского дома она нашла только пепелище. Оставшаяся в живых старушка-соседка рассказала, что, как только гитлеровцы заняли пригород, где жили наши родные, они загнали дедушку в его же баню и сожгли заживо, так как дознались, что пять его сыновей и два зятя были в Красной Армии. Бабушка погибла во время бомбежки, а тетю Таню с дочерью фашисты угнали в Германию. Вот так прошлась война по нашей семье: погибли десять ближайших родственников, в том числе мой отец.

С войны вернулся, израненным в боях, из пяти братьев только старший — Павел, вернулся, чтобы попасть в сталинские лагеря в Воркуту: ведь он был в плену. А вот о судьбе самого младшего моего дяди — няни Коли (я до сих пор называю его так: когда я была маленькой, он в Старой Руссе нянчился со мной) я узнала только в 1958 году, когда получила письмо от тети Тани (она с дочерью вернулась в Старую Руссу из фашистской неволи). Мы с мамой считали няню Колю погибшим, но, как оказалось, в одном из боев его танк был подбит, и он, раненый, попал в плен. Был в концлагере, бежал и попал в интернациональный отряд, который действовал на севере Чехословакии в местности, которую называют «Чешским раем» за ее красоту. Храбро действовали партизаны, не давая покоя врагу. Война уже кончилась, когда 7 мая, во время засады на дороге, по которой должны были пройти

фашисты, няня Коля был смертельно ранен. Ему было только двадцать лет. Обо всем, что случилось с дядей, я узнала из письма, которое прислали мне чешские друзья.

Надо ли говорить, что я решила во что бы то ни стало побывать на могиле дяди. И вот в 1960 году по туристической путевке я поехала в Чехословакию и посетила могилу тринадцати советских партизан в г. Ровенско-под-Тросками, где похоронен и мой любимый дядя. Я встретилась и поговорила с людьми, которые его еще помнили, побывала в тех местах, где он воевал. Ему поставлены два памятника — в деревне, около дома, где он скрывался, и на месте гибели, у дороги. Судьбе было угодно, чтобы я еще раз -побывала на могиле дяди. Это было в 1975 году, когда праздновалось тридцатилетие нашей Победы. Тогда я по приглашению чешских друзей Иржи и Итки Гошковых провела в Чехословакии две незабываемые недели...

А в Старой Руссе, родном городе Николая Ивановича Горохова, в память о нем была переименована одна из улиц, и в музее города есть стенд, посвященный ему. О нем рассказывается в книжке «Старая Русса».

Я помню, как мы жили в Архангельске всю войну. В августе 1942 года погиб мой отец, кадровый военный. В это же время немцы разбомбили наш дом, так что мы с мамой остались в том, в чем ушли из квартиры во время воздушной тревоги. Я до сих пор помню запах пепелища, который почувствовала, когда мы вылезли из «щели» — бомбоубежища, вырытого в нашем дворе жильцами дома. В 1942 году немцы страшно бомбили город, он, в основном деревянный, почти весь сгорел. Тогда впервые я услышала слово «погорельцы».

Как-то в газете «Аргументы и факты» я прочла: «В 1942 году норма выдачи продуктов в Архангельске снизилась почти до нормы блокадного Ленинграда, а в госпиталях вместо ваты и марли использовали мох — сфагнум» (АиФ, № 19 за 1998 год). Помнится, тогда же мама впервые сдала кровь и регулярно сдавала ее всю войну (у нее была редкая группа крови, и за ней частенько приходили к нам домой или в мастерскую, где она работала, когда раненому требовалась именно эта группа). Скольким нашим раненым бойцам мама спасла тогда жизнь! Я уж не говорю, что она, конечно же, спасла жизнь и мне, потому что на донорские талоны она выменивала на рынке хлеб. Помню, как однажды она повела меня в столовую, где кормили доноров после сдачи крови, и мне принесли тарелку необыкновенно вкусной соевой (как мне потом сказала мама) каши. Я ела, а мама смотрела на меня и по ее щекам текли слезы. Можно ли это забыть?!

Помню, как в 1943 году я упросила маму «отдать» меня в школу — тогда дети начинали учиться с восьми лет, а мне было еще только семь, но я уже умела считать и писать. Меня приняли! Мама сшила мне сумку из капюшона папиного офицерского плаща, и я, гордая, отправилась в школу. В моей сумке, кроме тетрадки и огрызка карандаша, лежала маленькая мисочка: учительница Анна Ивановна предупредила родителей, что в школе нас будут кормить. И действительно, на большой перемене она принесла в класс кастрюлю, на тарелке — крохотные кусочки хлеба, и налила каждой из нас по несколько ложек похлебки, в которой плавали кусочки картошки и крапива. Это был наш обед!

До сих пор не могу без грустного смеха вспоминать, как я смастерила себе счетные палочки из деревянных лучинок и додумалась «выкрасить» их маминой губной помадой — хотелось, чтобы было красиво, а ни красок ни цвентых карандашей не было и в помине. Анна Ивановна тогда похвалила меня за находчивость, а у самой смеялись глаза (ведь после манипуляций с палочками все руки у меня были красные). Я уже молчу о том, что после этого инцидента у меня был «серьезный» разговор с мамой.

Сколько еще горьких и радостных воспоминаний! О том, как ждали вестей с фронта, как радовались сообщениям Совинформбюро о нашем наступлении, о том, как я

ездила с мамой на лесозаготовки и т. д. и т. п. И, конечно, отчетливо помню День Победы, всеобщее ликование и всеобщие слезы, и салют на набережной Северной Двины. Все это забыть невозможно. И я помню!

Людмила НИКИТИНА.

"За медь", № 21, 4.05.2000 г.

МИХАИЛ ЧЕРЕПАХИН

Лирика и война. Кажется, они несовместимы. Однако на войне любили, писали стихи, пели песни. 55 лет прошло с последних залпов Великой Отечественной. А она все помнится, не дает душе покоя и выливается в стихотворные строчки. Как не дает она покоя израненной душе Михаила Ивановича Черепахина.

Сейчас ему 85 лет. В далекие предвоенные 30-е годы молодой призывник пошел служить в армию, учился на курсах летчиков-штурмовиков, не предполагая, что скоро ждет его долгая и трудная война. В первые ее дни М. И. Черепахина направили на переподготовку. А потом в составе 212-й бригады воздушно-десантных войск пришлось не раз рисковать жизнью. Гитлеровцы еще продвигались на восток, наши войска большой кровью сдерживали натиск, попадали в окружение. На помощь им с воздуха сбрасывали десантников. Часто еще в воздухе этих смелых бойцов ждала смерть. Так было весной 1942 года под Вязьмой. К окруженной тройным кольцом 33-й армии поспешил батальон десантников, чтобы вывести ее из окружения. Задача стояла сложная. Армия обескровлена: не было боеприпасов, горючего, продуктов, большинство бойцов были ранены и больны. И десантники высадились неудачно — прямо во фронтовой полосе. Многие парашютисты сразу погибли. И это только один эпизод из фронтовой судьбы старшего лейтенанта Черепахина.

Демобилизовался он в 1946 году, вернулся домой в Воронеж, город стоял в руинах. Жизнь налаживалась трудно. Михаил Иванович поступил на работу на авиазавод. А тут узнал, что на Пышминский медеэлектролитный завод приглашают на работу. И собралась молодая семья: Михаил Иванович, его жена Анна Егоровна, медсестра, и маленький сын Алексей в дорогу. С 1948 года они — уральцы, а сын Виктор — коренной верхнепышминец. Цех электролиза меди, рудник, обогатительная фабрика — вот коллективы, где работал М. И. Черепахин.

А причем тут лирика? Притом, что Михаил Иванович пишет стихи и картины. После первых детских рифмованных строк был очень длинный перерыв. Не только израненное тело и контузия мешали взяться за перо. Целые десятилетия должны были пройти, чтобы он написал стихи о войне. В его стихах зримо встают эпизоды войны. Так мог написать человек, который это сам видел и испытал.

Лидия ЗИМОВСКАЯ.

"За медь", № 21, 4.05.2000 г.

СТИХИ МИХАИЛА ЧЕРЕПАХИНА

Клянемся

Рябины куст, семья березок
И светло-желтый зверобой,
Шиповник, подорожник
И колокольчик голубой.
Опушка леса. Ствол «Максима»
Полузасыпанный торчит.
Землянка миною разбита
Здесь все о битве говорит.
Да, видно, здесь, на этом месте
В такой-то день, в такой-то год
Бойцы сдержали слово чести
Погиб весь пулеметный взвод.
И, выполняя долг последний,
Наказы матери родной,
Они на этом самом месте
Остались с чистою душой.
Клянемся мы над вашим прахом,
Что враг не будет вас топтать!
Клянемся! На могиле вашей
Цветам вовек не умирать!

Сорок пятый

Я не забыл восьмое мая!
Да и могу ли я забыть,
Когда моя сквозная рана
Меня хотела утром рано
В постель навеки уложить.

Я не забыл, как солнце мило
Лучи бросало мне в окно,
А птицы, пусть они чужие,
Но, как и наших там, в России,
Мне слушать было хорошо.

Цвела сирень — она на поле.
Медовый запах плыл волной.
А я один, как будто в поле
Бегу, и я забыл все боли,
Как в детстве в стороне родной.

Иль я иду лесной тропинкой
В деревню милую мою,
А мать стоит, в глазах слезинки,
Светлее утренней росинки.

С улыбкой... Сон? Но я не сплю.
Лежу в просторной я палате,
А за окном... Не верю... Тишина,
И только слышу смех солдата
Да тихий голосок медбрата:
«Вставай, солдат, капут — война».

И в самом деле непривычно
Лежать и слушать тишину
Да сожалеть, ведь так обидно:
Война закончена, как видно,
А я один вот здесь лежу.

Участникам войны

Друзья! Стоим мы у порога,
Года уносят нас с собой.
Пусть на душе и есть тревога,
Уйдем мы с чистою душой.

Пускай считают нас в запасе,
Но если к нам придет беда,
Пойдем мы вновь, друзья, в атаку,
Не дрогнут сердце и рука.

Пред нами есть еще задача,
Она из главных всех задач:
Чтоб сын иль внук глаза не прятал
И дармовой не ел калач.

Друзья! У юности суровой
Счастливых было много дней:
Когда шагая по Европе,
Улыбки видели людей.

Ветер северный колючий

Ветер северный колючий
Снег гоняет шумно, зло,
Налетает плотной тучей,
Обжигает нам лицо.

Мы идем. Но мы устали,
Каждый думает о том:
"Эх, скорей бы на привале
Отогреться кипятком.

Снять промерзшую шинелю,
Отогреться за неделю».
Но вдруг слышится команда:
— Эй, ребята, веселей!
Шире шаг! Нам к сроку надо!

Зашагали мы быстрей,
Ни дороги, ни тропинки,
Нет ни звезд и нет луны.

Только видим мы лишь спины
Нас идущих впереди.
Кромка леса. Плоскогорье.
Мы пришли. Теперь привал.
Будет милое раздолье...

Ротный думу оборвал:
— Рыть немедленно окопы.
Здесь мы будем ждать врага.
Отступать? Нам нет дороги
Позади у нас Москва.

Ветер северный колючий.
Ветер севера жесток.
Но для нас он самый лучший,
Охлаждает в теле пот.

9 Мая

Под веселый ритм гармошки
Заплясал наш дед Ион.
Он, конечно, выпил трошки,
Но был крепким самогон.

Он с припевом бьет в ладоши,
Заискрилися глаза,
Сбросил в сторону калоши,
И в присядку — прочь года.

Ходит весело по кругу,
Молод, как в семнадцать лет.
Вызывает он подругу
И плясать, и песни петь.

Вот выходит озорная
И лебедкой поплыла
Так, как будто молодая,
Бабка, дедова жена.

И пошло... По-русски ходят.
Пляшут так все на Руси,
Под гармонь и с ритмом ладят
Позабыв года свои.

В день Победы как не вспомнить
Ветеранам, старикам...
День и ночь ведь сердце стонет,
Что друзья осталась там...

«За медь», № 21, 4.05.2000 г.
Письмо с фронта ВАРГАНОВА

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТОВАРИЩ ПАНОВА!

Читая «Комсомольскую правду» от 22 сентября 1942 года, я натолкнулся на Вашу заметку «Личные счета патриотов». Вы рассказываете о том, как отмечают комсомольцы свою сверхплановую выработку.

Правильно делаете, товарищи! Это совсем, как у нас, гвардейцев Западного фронта. Если у вас комсомолец Зарипов дает 170—175% плана, то у нас отделение комсорга Чеботова уничтожило 120 немцев, а батальон тов. Шпындина только за две атаки истребил более 250 немцев.

Только за месяц августовских боев комсомольцы нашей дивизии уничтожили до трех тысяч немецких солдат и офицеров.

«Лицевые счета» и «Личные счета» — документ комсомольца, определяющие его любовь к Родине и ненависть к врагу.

Будем же достойны Славы и в бою и в труде. Передайте от меня привет и лучшие пожелания всем комсомольцам.

Помощник по комсомолу гвардейской дивизии ВАРГАНОВ».
«Красное знамя», № 125, 16.10.1942 г.

ПИСЬМО С ФРОНТА ЗАКИРА БАХТИЯРОВА

Есть в городском музее на одном из стендов, посвященных Великой Отечественной войне, крохотное письмецо и фотография молодого красивого бойца, на которые работники музея обязательно обращают внимание посетителей. Вот полностью текст этого короткого письма:

«Здравствуй, мамочка! Примите привет всем родным и знакомым.

Пишу с передка, фриц в 100—120 метрах. Писать не знаю что, мысли сбиваются. Жив, здоров.

Вернусь из атаки, напишу

17 декабря 1944 года. Ваш сын Закир».

Увы, не дождалась обещанной весточки от сына его мать Анфиса Гафиятовна Бахтия-

рова. Письмо оказалось последним. Уже через несколько дней семья получила извещение, что Закир пропал без вести, освобождая Прибалтику. В музей это последнее письмо передала племянница фронтовика Созида Апасовна.

Она хорошо помнит дядю Закира. Когда началась война, он работал токарем в ремонтно-механическом цехе ПМЭЗа. Рвался на фронт, обивал пороги военкомата. И, наконец, его призвали в армию.

Помнит Созида, как он в 1944 году приезжал с фронта на Уралмаш за танками и, конечно, побывал дома. Помнит, как просил ее, девочку, спеть ему и сплясать. Коротка была эта командировка, всего 3 дня. Уехал Закир снова в часть. И вскоре пришло то самое, последнее, письмо от него.

«За медь», № 19, 7.05.1997 г.

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ

Время заживляет раны, но людям, которые пережили фашистский гнет, никогда не забыть ужасов войны.

Моему отцу, Алексею Петровичу Варняге, было 12 лет, когда в его родное украинское село Шпендовку Киевской области пришли «завоеватели мира». Отец часто вспоминает обо всем, что пережила их семья и другие сельчане во время фашистской оккупации.

— 22 июня. Война, — рассказывает отец. — Сколько слез пролито народом в этот день! Но хотя самое страшное было впереди, все мы верили в Советскую Армию, в освобождение. На собрании наши колхозники решили уничтожить сельскохозяйственную технику, чтобы не досталась врагу, выкопать окопы для укрытия семей и не создавать паники. К этому времени крупный рогатый скот был угнан за Днепр, на восток, свиней разобрали по хозяйствам, закололи и закопали. Ни крохи врагу!

В середине июля в селе появились немцы. Ехали на танках, на лошадях. Они выгоняли нас из домов и укрытий — всюду искали советских солдат. А на следующий день мы увидели колонну наших пленных. Нельзя забыть усталые, серые лица этих людей. Только глаза жили: горели ненавистью, презрением... Через неделю пленных куда-то увезли.

Мы видели, что это такое — фашизм. Горели поля с хлебом. Мы-то знали, сколько труда вложено в эти поля, как нужен хлеб людям... Школу нашу превратили в немецкую комендатуру. Только комендатуре должно было подчиняться население, как гласил немецкий приказ. Вскоре появились первые полицаи, староста: бывшее кулачье польстилось на немецкое вознаграждение:

1 сентября нас, учеников, пригласили в школу. Учителя чужие. Был и новый предмет— закон божий. Сельский поп Тихон, который никогда не учился в школе, стал «учителем». Нас били по всякому пустяку. В те дни я часто вспоминал Павку Корчагина и его учение у попа. Через три недели вышел приказ: «Школу закрыть!».

Жизнь сельчан становилась все тяжелее. Немцы отбирали у людей продукты, домашнюю птицу, тех, у кого ничего не было, угоняли в Германию. Ввели налоги. Был даже налог за дымоход. Жители старались не попадаться на глаза озверевшим фашистам.

Первая оккупационная зима.

Топить было нечем, одежду немцы забрали, утянули даже грязные половики. Да и весна была безрадостной. Женщины пахали на коровах.

Но вера в скорое освобождение не угасала. Был у нас в селе почтальон Митрофан Шандренко. Он где-то узнавал и рассказывал людям, о чем сообщает Совинформбюро, о том, что отпихнули немцев от Москвы и гонят обратно.

Все свирепее становились фашисты: хватали, на улице детей, женщин и машинами увозили на станцию, оттуда отправляли в Германию.

Пришлось и мне побывать на работе у немцев. Они забирали подростков прямо на улицах и увозили на табачные поля, на аэродром, где мы работали по нескольку дней. Мать, опасаясь облав, стала прятать меня дома, не пускала на улицу.

В это лето удалось убрать часть хлеба. Я часто ходил чистить зерно в хлебный амбар. Заведовал амбаром бывший учитель Евтух Архипович. Сколько проклятий посылали в его адрес односельчане! А в день освобождения он был награжден орденом Красной Звезды. Оказалось, что он работал по заданию ушедшего в подполье горкома партии: почти весь наш хлеб доставался тогда партизанам...

Так прошел жестокий 1942 год. А летом 43-го забеспокоились немцы и их прислуга. Возле комендатуры застрелился полицай: видно чувствовал, что близок конец.

Наступил 1944-й год. В небе часто появлялись наши самолеты. Забегали по хатам, голодные, страшные немцы: забирали все съестное, но уже никого не трогали. В 11 часов утра 6 января пришли наши. Это был самый счастливый день, самый долгожданный. Люди ждали его, как чуда».

Воспоминания отца на этом кончаются.

Мы не должны забывать тех страшных дней, когда родную землю топтали чужие кованые сапоги, не должны забывать, чтобы не допустить нового фашизма, чтобы никогда не плакали матери, не было обездоленных детей.

30 лет Победе! Пусть эта победа будет последней военной победой. Этого хочет вся наша земля.

Н. ЧЕПКАСОВА, пос. Красное.

«Красное знамя», № 55, 8.05.1975 г.

СОЛДАТСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Тысячи книг написаны о величественном подвиге советского солдата, об испытаниях, которые легли на его плечи на дорогах Великой Отечественной. Но, по-моему, никто не напишет, не расскажет так достоверно, так правдиво о тех грозных событиях, как могли это сделать сами фронтовики в письмах домой. Солдатские треугольники, которые все еще хранятся в некоторых семьях, рассказывают правду, о чем думал солдат перед боем, о чем мечтал, как оценивал обстановку.

У педагогов старшего поколения средней школы № 1 появилась мысль, которую поддержали сотрудники городского исторического музея, собрать и опубликовать эти письма с тем, чтобы внуки и правнуки этой Великой войны смогли услышать живой голос солдата.

Вот они. Письма-треугольники со штампом "проверено военной цензурой", почтовые открытки с мелкой надписью "Смерть немецким оккупантам", пожелтевшие от времени, с выцветшими карандашными записями, хрупкие от полувековой давности, читанные и перечитанные со слезами и горечью матерью, женой, детьми. Читаемые сегодня с волнением и нежной трепетностью внуками и правнуками тех, кто не долюбив, не докурив последней папиросы, ушел на фронт и не вернулся...

Сегодня письмо с фронта — это память, это документы того трудного и горького времени, это суровая правда окопной жизни, это опасные будни ("бьем фашистских гадов"), это, наконец, связь поколений — духовное завещание потомкам.

В нашей семье таких писем много, потому что ушли на фронт пять человек (вернулась одна!).

"... Когда я пишу вам письмо, я счастлив, потому что тогда я как бы разговариваю с вами, как бы нахожусь с вами рядом, на родине.

... Все думаю о Вешухе. За 16 месяцев войны нагляделся на его род войск (Вениамин — танкист, младший лейтенант). Молодой слишком. Боюсь за него".

А 20 июня 1944 года Екатерине Степановне Куминовой пришло извещение: "Ваш сын младший лейтенант Куминов Вениамин Иванович, уроженец села Куминово Слободо-Туринского района Свердловской области, в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, убит 25 января 1944 г.".

За 11 дней до смерти он отправил письмо сестре Марии: "... Я тебе уже писал, что первую машину у меня подбило, из экипажа целым остался один я, двоих убило, одного ранило. Сейчас получил опять новую машину, скоро поеду на передовую...".

Вот еще одна весточка из далеких сороковых: "Сегодня получила письмо из дома. Пишут, что папку тоже взяли в армию, так что мама осталась одна"... (из письма Марии Ивановны Куминовой от 7 июля 1943 г.).

Вот что писал брату Александр Алексеевич Куминов 7 июня 1943 г.: "Про себя — фронт, очередные бои, всё это вошло в привычку, ведь уже 8 месяцев, и все время думаем, что сегодня жив и здоров, ну и слава Богу, а через час не знаем, что с тобой будет... Мы ведем активную оборону и, может быть, в скором времени разгоним людоедов и снова вернемся к мирной жизни...". В письмах есть все: советы, наставления, утешения, размышления о жизни и смерти, мечты о будущем, но нет стенаний по поводу тягот фронтовой жизни, нет растерянности, а есть вера в Победу.

"... Ничего не поделаешь, дорогая Елизавета Ивановна, надо мириться с жизнью! Скоро будет конец Гитлеру и войне. Я вернусь. Надо переносить все невзгоды. Сейчас война. Как только разгромим врага, я приеду и сделаю все, чтобы вы были лучше, грамотнее нас с братом Иваном.

... Сейчас, девчатки мои, вам надо полоть в огороде, таскать траву, дрова, а с осени убирать картошку и собирать в поле колоски. Старайтесь хорошо учиться, это поможет вам в жизни. Тебе, Тамара, надо ехать учиться в техникум, но с расчетом, чтобы до этого выкопать всю картошку. А в техникуме, надеюсь, что хоть и с опозданием, ты догонишь, так как способная.

... Валя, учись хорошо, я приеду проверю отметки. В чем ты ходишь в школу?..."

Умиляют редкие надписи на письмах, сделанные неровными буквами, корявым почерком девочки-первоклассницы на только что полученном письме с фронта:

"... По арифметике у меня только отлично, да и вапще по всем предметам кроме рисования. Там — посредственно".

Как ждали в каждой семье письма с фронта! Пришло письмо, — значит, жив. "Почтальонка идет!" — первыми сообщали ребятишки и смотрели, в какой дом, чей барак она зайдет. А в доме вглядывались сначала в этот треугольник, с облегчением вздыхая:

"Его почерк, его почерк". Тут же в дом забегали соседки: "Моего не встречал, ничего не пишет?".

Скупые строки письма, а сколько информации.

"... Вешута пишет, что получил носки, и сейчас тепло, а то писал, что в ботинках замерзал. Нас всех одели тепло: валенки, полушубки. Ждем решительных боев по разгрому врага. Прошу, дорогой брат Иван, как ты нынче с хлебом, сеном, сколько оставил скота на зиму. Кто остался дома из наших ребят. Прошу передавать всем привет. Если будете посылать посылку мне, то пошлите чесноку, луку, табаку. Здесь цинга. Болят зубы. Но ничего. Лечиться будем дома после войны. Ваш брат, отец, муж Александр Иванович".

Давно стали бабушками и дедушками дети военных лет. Уж был бы прадедушкой красивый, совсем юный Вешута — младший лейтенант, танкист Вениамин Иванович Куминов. "Ах, если б не было войны". И был бы он врачом, о чем мечтала его мама Екатерина Степановна, а может быть, пахал бы землю или ходил бы в ночное с внучатами... Ах, если б не было войны.

Для него время остановилось. Остались письма и память. Сохранить эту память, па-

мять о мужестве, о подвиге, о любви советского солдата к своей земле, к своей Родине, сохранить живые строки войны — так велит нам, детям военного времени, наш долг.

В наших руках воскресить память и о тех, про кого горько и страшно сказано в документах "пропал без вести" или "пропавший без вести". Слово это "пропал" так не подходит к тому и тем, кто жизнь отдал за наши жизни.

Давайте все вместе отдадим наш последний долг всем, кто погиб, всем, кто выстоял в этой мясорубке, и издадим пусть для начала небольшую брошюру "Солдатский треугольник".

Мы будем рады всем, кто предоставит письма той поры в недолгое пользование.

В. АЛЕКСАНДРОВА, школа № 1,
сотрудники городского музея.
«Красное знамя», № 10, 29.01.2000 г.

АХ, ВОЙНА, ЧТО ТЫ, ПОДЛАЯ, СДЕЛАЛА?

Из дневника К. В. Коптеловой — вдовы погибшего на фронте В. А. Шустрова

Клавдия Васильевна Коптелова родилась в 1918 году в селе Филиппово Ярославской губернии. В десять лет осталась без матери, в семнадцать — без отца. От голодной деревенской жизни уехала в Ярославль искать лучшей доли, устроилась на работу.

В конце августа 1938 года вышла замуж за Володю Шустрова. Он работал на Пышминском медеэлектролитном заводе, в Ярославль приезжал в отпуск к родственникам и познакомился с Клавдией. В сентябре они приехали на Медный рудник, И уже через три дня Клавдия Васильевна устроилась на работу кладовщиком на центральный склад. Уволилась с работы, когда в ноябре 1939 года родился сын Анатолий.

Ровно за месяц до начала войны — 22 мая 1941 года — К. В. Коптелова снова устроилась на ПМЭЗ. А последняя запись в ее трудовой книжке датирована 1979 годом. И родным домом, и семьей стал для нее завод, вернее энергетический цех, где она 25 лет работала на химводоочистке. Была одним из лучших аппаратчиков, о чем говорят многочисленные благодарности, грамоты и орден Знак Почета.

22 июня 1941 года. Был выходной день, воскресенье. Муж ушел в управление завода, у него были неотложные дела (он работал при снабжении завода). Я, управившись с домашними делами, с сыном Толей пошла гулять. При выходе встретила соседку по квартире, она мне сказала, что началась война с Германией. Я сначала не поверила, но это была правда. Была объявлена мобилизация и отправка на фронт.

С продуктами стало плохо, все подорожало на рынке. Стали прибывать эвакуированные с западных районов. Карточной системы еще не было введено, а запасов тоже никаких не имели. На ночное время электричество отключали, пользовались коптилками. Мужу чаще пришлось ездить по командировкам: то за сеном для конного двора (тогда перевозка, подвозка между цехами велась на лошадях), то за маслом, мазутом, бензином на отдаленные предприятия.

Август 1941 года. Из Ярославля приехала Володина сестра Анна с дочерью, нам пришлось их прописать, на 18-ти метрах мы стали жить 5 человек, а я второй раз собиралась стать матерью. Золовка Анна устроилась на работу.

16 декабря 1941 года. Сын Толя заболел скарлатиной, его положили в больницу в Свердловск.

Январь 1942 г. У меня родился второй сын — Валерий. Толю из больницы привезли 20 января. Он был сильно опухший после скарлатины, признали осложнение на почки. Лежал он дома, я была в родовом декрете, питание было плохое и мне приходилось подкармливать его своим молоком. Декретный отпуск 2 месяца (1 месяц до родов и 1 месяц после родов). Валерика устроила в ясли № 2, туда устроили и Толю,

18 февраля 1942 г. Пришел посыльный от военкомата, принес повестку мужу по призыву в армию: явиться в военкомат сразу же после получения повестки. Вернулся из военкомата с другой повесткой:

19 февраля 1942 года явиться для отправки на фронт. Ночь прошла в слезах и сборах. 19 февраля к 16 часам он ушел. Проводить я его не могла, дома у меня было двое маленьких детей: Толе 2 года, Валерику 1,5 мес. И больше мужа я не видела и не слышала. Их отправили на сборный пункт в клуб Уралмаша, а оттуда 20-го февраля в город Камышлов. С Уралмаша он позвонил на конный двор завода и попросил конюха дойти до меня и передать, что отправляют на Ленинградский фронт. Его мать, жившая с младшим сыном на Уралмаше, получила с дороги на фронт письмо. Он писал, что зачислили его в заградбатальон наводчиком, что обо всем напишет с места. Но больше писем от него не было. Маленькую записку получила жена Левушина, с которым он призывался и был зачислен в один полк, он прислал адрес. По этому адресу я писала письма, мне они возвращались назад с надписью:

«Передать нет возможности».

В начале 1943 года по состоянию здоровья вернулся с фронта Винокуров — бывший юрист ПМЭЗ, который призывался вместе с мужем и находился в одной части с Володей, только служил при штабе. Я с ним встретилась, он сказал, что по прибытию на фронт их часть попала в окружение.

Так потянулись трудные голодные дни, годы. Ребятишки в яслях голодали, вместо каши мочили им хлебные черные крошки с чаем и все. Была установлена карточная система: на детей 400 г хлеба, взрослым 600 гр., сахар детям — 200 г, взрослым — 400 г, масло — 400 г (вернее жиров). Молоко стоило на рынке 60-100 руб. за литр, буханка хлеба — от 150 до 200 руб., крынка картошки —- 20-30 руб. Ребят надо чем-то кормить, продала валенки за 150 литров молока — беру по литру в день,

1943 год. От мужа вестей нет, ребята часто болеют, живем впроголодь. Продала ружье за 4,5 тыс. рублей, деньги вроде большие, а проели за 4 месяца. Валерик болеет рахитом, опухает, не встает на ножки.

1 декабря 1943 года. Мне 24 года, но я устала жить, сил нет. Моральное положение плохое, а материальное еще хуже. Хлеба получила 600 г и один обед. Суп жидкий и постный и каши — ложки две, не знаю, самой есть или ребят кормить. Эх, лучше не жить, себя не жалко, жалко ребят, если меня не будет, их ожидает то же самое. От мужа ничего нет, страшно подумать: неужели не вернется?

2 декабря 1943 года. Настроение плохое, хоть и стараюсь, но не могу взять себя в руки. С утра съела две картошки без хлеба, и Толя тоже две, и так до вечера. На рынке купила крынку картошки за 50 руб. Продала соли 3 стакана по 15 руб., купила молока поллитра и хлеба 300 г, потратила на все 130 руб. В столовой за обедом простояла до 7 часов, выкупила обед и зашла за Толей в садик. Он просит есть, голоден. Валерика пришлось оставить в яслях, знаю, что будут ругаться.

3 декабря 1943 г. Как будто вечером поели досыта, ночь хорошо спали, а утром ужасно хочется есть. У моей квартирантки Дуси купила 2 венские булочки за 30 руб., выкупила хлеб, день прожили. В яслях немного дали каши для Валерика. Сварила картошки и размешала с кашей, ребята с удовольствием ели. Валерик вижу, что не наелся, скоблит ложкой по пустой чашке, что я могу сделать, добавить мне нечего.

Что-то надо продавать, я и так много продала. Если вернется Володя, что он скажет?

4 декабря 1943 года. Валерик спал хорошо и Толя чувствует себя хорошо. И у меня настроение лучше. Собираюсь завтра поехать в Свердловск что-нибудь продать, но не получается, ребят оставить не с кем. Придется у мастера проситься отпустить на неделе.

14 декабря 1943 года. За прошедшие 9 дней произошел ряд событий. Пришлось продать Володин костюм новый и демисезонное пальто, за все это получила 3500 руб. Купила карточку хлебную на месяц по 300 г в день за 900 руб., пропуск-карточку в столовую за 350 руб. и на полмесяца детскую продуктовую карточку за 500 руб., а на остальные деньги приходится покупать картошку по 45 руб. крынка.

Вызвали в детский сад с работы. Заболел старший сын Толя. Грипп в тяжелом состоянии, t° ночью 39,6°, ничего не может кушать, кроме молока, а оно 70 руб. литр. В садике обеды плохие: капуста зеленая да картошка гнилая.

Пришло письмо от сестры Дуси. Она живет в деревне в моем доме, работает в колхозе, живется ей тоже нелегко, трое детей, муж тоже на фронте. Имеет небольшое хозяйство. Зовет меня вернуться домой, на родину в Ярославскую область. Но как в военное время с детьми и без средств существования ехать куда-то?

16 декабря 1943 года Толя чувствует себя немного лучше, но температура держится высокая — грипп и ангина. Валерик тоже плохо себя чувствует, дышит тяжело, грудная клетка деформировалась, стала бугром, как у петуха.

Погода стоит холодная, ветер, снег. По радио сообщили: освобожден Новгород. Володя ведь находится где-то в этом направлении, может, и придет какая весточка. Толя часто его вспоминает.

19 декабря 1943 года Толя поправляется, но сильно кашляет. Валерик очень плохой, температура ночью доходила до 38°, днем 35,8°. Ясельный врач его приняла, но положила в бокс, я пошла на работу, а он сильно заплакал. Вечером пришла за Толей в садик, у него не оказалось головного платка. Пришла за Валериком в ясли, спрашивают карточку на дополнительное питание, которую я отдала утром. Разобрались. Стали собираться домой, не оказалось в ящике простынки. Ну прямо напасть. Расстроилась и наплакалась. Пришли домой, Валерик недомогает, всю ночь качала его на руках, да и накормить-то нечем, кроме кислых щей и мороженной картошки. От такой пищи у взрослых желудки болят, а про детей и говорить нечего.

Хоть бы Владимир вернулся, сил больше нет так жить. Свекровь живет на Уралмаше тоже впроголодь. Сын ее Николай, мой деверь, на фронте, второй сын Александр работает на Уралмаше по 13 часов в сутки, помочь мне не могут. Золовка, которая жила у меня, вернулась в Ярославль. С ней случилось несчастье: в их дом попала бомба во время бомбежки Ярославля. Они с дочерью были дома, у Анны ранило руку, оторвало большой палец, а дочь ее Алю засыпало, ее откопали, теперь обе лежат в больнице.

2 января 1944 года. Валерик лежит в больнице четвертый день. Прошел 1943 год, для меня это самый трудный год. И вообще для всех уральцев. На Урале много эвакуированных, а кормить нечем.

1944 год встретили со слезами. Для Толи достала елку. У нашей табельщицы отец лесник, вот он нам с моей начальницей подарил по елочке. Достали фольги, нарядили елочку немудреными игрушками. Электричество сейчас не отключают до 12 часов вечера. На елку пришли знакомые по работе с детьми, близкие соседи, хоровод с детьми поводили, ребята пели, стишки рассказывали. Ребятишки смеялись, а мы тайком утирали слезы.

13 января 1944 года. Сегодня узнала, что на Кузьмина, товарища мужа, работавшего на ПМЭЗ, пришла похоронка. Как тяжело слышать о гибели знакомых и близких. Как хочется узнать, что с моим Володей: жив или нет? Неужели эта ужасная похоронка? Нет, лучше ничего не получать.

23 января 1944 года. Отдыхаем второй день в память смерти Ленина. Выходные дни одно мучение, кормить детей нечем. Сильно задолжала.

Вчера пригласила нас Нюра Палецкая, знакомая из соседнего дома, слушали патефон. Толю увела соседка по квартире Палецких Клава Гаглоева. Он вернулся и хвастает, угощали его котлетами, картошкой жареной, супом, а Нюра угостила киселем и хлебом с медом. Мне было так тяжело, что я не могу приготовить для своих ребят такое угощение хотя бы раз в месяц. Муж у Палецкой был ранен в руку, после выздоровления был направлен на военный завод в город Ижевск, там жизнь немного полегче, больше сельской местности. Она собирается переехать к мужу, приглашает и меня. Но мне с двумя больными детьми это невозможно. Но так жить, как я живу, нет возможности. Сколько я вещей продала, мне их больше не нажить.

7 июня 1944 года. Умер сын Валерик.

9 мая 1945 г. Наконец-то кончилась война, всеми проклятая.

К печати подготовила Ирина ФИЛИППОВА,
«За медь», № 22, 11.05.2000 г.

ОДНА БЕДА НЕ ХОДИТ

Война. 55 лет прошло со дня ее победного окончания, а те, кто перенес длинные дни военных лишений, не могут без слез вспоминать о них. Одну беду легче было бы выстоять. Но, кроме явного врага — фашистов, обуяла в те годы нашу страну всеобщая подозрительность, поиск врагов народа среди своих. И «врагами» порой становились самые преданные, всем сердцем желающие своей Родине процветания и отдающие все силы победе. Две беды пережила в военные годы Анна Васильевна Федорова (Ряшкина).

До войны жила семья Ряшкиных — отец Василий Петрович, мать Анастасия Егоровна, сестры Шура, Аня и Вера в мордовской деревне. В 1938 году глава семьи поехал в город Свердловск работу искать. Устроился на Широкореченское торфопредприятие, что в пригороде Свердловска. Здоровый, под два метра росту, работящий мужик быстро заслужил уважение в округе. «Жена к Богатырю приехала», — говорили соседи, когда в конце года перебрались на Широкую речку Анастасия Егоровна с Аней. А вскоре вся семья жила вместе, дали им комнату в бараке.

Когда началась война, Аня после воспаления легких отдыхала в санатории на Шарташе. Мать ее оттуда сразу забрала. Готовились, что отца заберут на фронт. В 1941 году заводы переоборудовали под выпуск военной продукции. На ВИЗе срочно достраивали цех, плотника и столяра В. П. Ряшкина мобилизовали туда.

В конце апреля 1942 года у отца выпал редкий выходной. Мать ушла на собрание по отводу земель под огороды. В дверь постучали. Зашли люди, показали документы на обыск. Детей из комнаты не выпроводили. Перерыли все в комнате на их глазах. Не нашли ничего подозрительного и ценного, кроме 50 серебряных монет, их и забрали. Мать пришла, когда Василия Петровича уже уводили. «Не беспокойся, какое-то недоразумение, разберутся, отпустят», — сказал он жене. Когда вывели его из барака, Анастасия Егоровна упала без сознания. Дочки испугались, выбежали на улицу, закричали: «Мама умерла». Он дернулся назад. Да не тут-то было. Его затолкнули в машину и увезли.

Конечно, он не вернулся. Семья осталась без кормильца. К Ряшкиным постоянно приходили и требовали выселиться из комнаты. Кто-то надоумил Аню обратиться в НКВД в Свердловск, вроде как над ребенком сжалятся. Зашла она в здание, плачет, дежурный спрашивает, в чем дело. «Папу арестовали, а нас на улицу выселяют, мне надо к старшему прокурору», — говорит. Проводили ее в какой-то кабинет, выслушали, сказали: «Иди домой, никто вас не тронет», но документа никакого не дали. И еще не раз пытались их выгнать из

комнаты. Мать пряталась в лесу в шалаше, думала, может, пока ее нет, детей не тронут.

У одноклассников отцы воевали. А девочек Ряшкиных нередко презрительно обзывали детьми «врага народа». Ни в пионеры, ни в комсомол не приняли. Сколько раз, бывало, Аня плакала: «Не пойду больше в школу».

Как только растаял снег, уроки сократили до одного-двух, школьников стали посылать на торф. Мокрые брикеты тяжеленные — килограммов десять, да еще колючие. Рукавиц не выдавали. Девочки голыми руками их переворачивали для просушки, а на другой день сухие складывали в штабеля. Вера на два года моложе, уставала сильнее. Сядет на землю и плачет. Аня ее уговаривает: «Если мы норму не сделаем, хлеба не дадут». Кормили детей после работы: суп да 200 граммов хлеба. Суп они съедали, а хлеб несли матери домой. Боялись, если мать с голоду умрет, и им не жить. Изрезанные торфяными брикетами руки кровоточили, мать разведет в тазике марганцовку, подержат в ней руки, чуть-чуть успокоятся раны. А назавтра снова на торф. Анастасия Егоровна нанялась на торфопредприятие плести корзины. Помогали ей все девочки. А стоила огромная торфяная корзина всего 1 рубль. Разве на эти деньги семью прокормишь?

Летом посадили огород. Немного картошки накопали. Сена корове на всю зиму накосить не сумели. И зимой чуть всей семьей с голоду не умерли. Как-то пришли Аня с Верой из школы, мать лежит без сознания. Вызвали «скорую», оказалось, дистрофия уже в последней стадии. Ее увезли в больницу, а вскоре и девочки от голоду не смогли ходить в школу. Тоже в больницу попали. Но все выжили. И корова-то чуть не околела. Скормили ей все гнилое сено, еле дождались, когда пошла весной трава.

Старшая из дочерей Шура в школе уже не училась, ее мобилизовали в ФЗО. И самая младшая Вера тоже по мобилизации попала в ремесленное училище. Девчушки не столько учились за партами, сколько работали в цехах эвакуированного завода: зачищали наждаками болванки для снарядов, сбивая руки до крови.

От отца первая весточка пришла через два с лишним года. Из Верхотурья приезжал человек и сообщил, что Василий Петрович Ряшкин работает там на лесоповале, очень истощен, едва ли выживет. Мать отоварила все карточки, собрала продукты и уехала. Девочки остались дома голодные. Сергей Михайлович, тот человек, что передал весть об отце, жил в Верхотурье уже расконвоированным. У него была жена, маленький сын, держали козу. Он посоветовал сразу все продукты не отдавать. Мать оставила все, что привезла с собой, и уехала домой. Сергей Михайлович потихоньку кормил отца: сначала по 50 граммов хлеба, потом по 100, да стакан козьего молока. Так и поставил Богатыря на ноги. Не умер он с голоду. Ни разу не задела его и пуля конвоира. Когда вели заключенных на валку леса, не разрешали даже наклониться, чтобы сорвать съедобную травку. А соблазн был так велик: набрать медунков да сварить потом похлебку! Конвой стрелял без предупреждения, и ежедневно оставались на дороге трупы.

Богатырь и здесь, на лесоповале, давал по несколько норм. Домой В. П. Ряшкин вернулся в 1949-м, отсидев 8 лет, хотя «тройка» осудила его на 10 лет лагерей. Вернулся, получив справку о досрочном освобождении, но не о реабилитации. Жить «врагу народа» в областном центре было запрещено. Выдали предписание: выселиться в 24 часа. Куда ехать? Посоветовали: есть в 30 километрах от Верхней Пышмы Кедровое, там и устроишься на торфопредприятие. Анастасия Егоровна съездила в Мордовию, забрала с собой свекровь, а на деньги за проданный в деревне дом купили домик в Кедровом. И поселились там, где жили пленные немцы.

Позже Аня спрашивала отца, за что же его обвинили, как политического преступника. Он рассказал. Единственное, о чем на допросе спрашивали: «Утром, когда включилось радио, ты говорил: «Пой, пой, соловушка, да неизвестно, где сядешь?». Вызывали на очную ставку соседа Александрова: «Говорил это Ряшкин?» — «Да, вроде, говорил». — «Как это

вроде. Вот сейчас тебя на его место посадим». — «Говорил». — «Побойся Бога, — сказал Ряшкин соседу, — у меня ведь трое детей, жена больная». И правда, наказал Александрова Бог, случился заворот кишок, и он умер.

Только 12 декабря 1963 года дело В. П. Ряшкина было пересмотрено Президиумом Свердловского областного суда и отменено за отсутствием состава преступления.

Голод, унижение, преследование, лишения — все враз навалилось на детские плечи вместе с войной. Все вынесли и выжили.

Анна Васильевна Федорова в начале 50-х годов переехала к родителям в Кедровое, вскоре стала жить в Верхней Пышме. Она всю жизнь устраивала людям праздник: работала в кедровском клубе, директором кинотеатра, более двух десятков лет возглавляла городскую киносеть. Жители самых отдаленных сел и деревень видели фильмы благодаря тому, что об этом заботилась Анна Васильевна. Все крупные кинотеатры города были построены с ее участием. Грамоты комитета кинематографии СССР и звание «Отличник кинематографии СССР» — это достойные награды А. В. Федоровой за многолетнее служение искусству кино. Несмотря ни на что Анне Васильевне повезло в жизни: она всегда занималась любимым делом, воспитала двух прекрасных детей. Ее доброта, сила духа, женская красота и обаяние неизменно вызывают восхищение окружающих. И только далекие воспоминания иногда возвращают пережитую в детстве боль.

Лидия ЗИМОВСКАЯ.

«За медь», № 22, 11.05.2000 г.

ВОСПОМИНАНИЯ КУЗНЕЦОВА АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА, ЖИТЕЛЯ ГОРОДА ВЕРХНЯЯ ПЫШМА

Война моими глазами

Военную службу я, Кузнецов Александр Степанович, уроженец села Тюбук Уфалейского района Челябинской области, начал со дня призыва 21 мая 1942 года в Чебаркульском лагере. В этом лагере формировались части и маршевые роты и по мере их готовности направлялись на фронт. Там же рядом с нами формировалась и эстонская дивизия.

Я же был зачислен в спецбатарею запасного артиллерийского полка, готовящего будущих курсантов артиллерийских училищ.

В августе 1942 года мы были направлены в училище в город Ирбит. В этом училище по ускоренной программе из нас готовили командиров взводов, т. е. лейтенантов. Занятия ежедневно проводились в течение 12—14 часов. Для личного времени выделялся всего 1 час, в который нужно было и письмо написать, и пуговицу пришить, и подворотничок постирать. Все это сделать нужно в этот час, ибо другого времени у тебя уже не будет. Такой ускоренный темп продолжался до февраля 1943 года. В феврале я сдал экзамены и приказом Уральского военного округа от 17.02.1943 года мне было присвоено воинское звание «лейтенант». Получил обмундирование. Частично солдатское, частично командирское. Из корочек «Боевого устава пехоты» (они были красные) вырезали кубари, нитками пришивали к петлицам (погон еще не было). Начали красоваться друг перед другом. Буквально через 2 дня нас строем ведут на станцию Ирбит, садят в товарный вагон и везут на запад. Маршрута следования мы не знали. Во время следования поезда некоторых высаживали: и в Свердловске, и в Казани, и в Москве, в зависимости от того, кому на какой фронт нужно было. Нашей же группе, командированной на Волховский фронт, пришлось добираться до станции Жихарево, где тогда находился штаб 8-й Ударной армии. В штабе армии нас распределили по частям. Мне и лейтенанту Хомищенко был предложен отдельный артиллерийский дивизион (командир — майор Ананенков), который входил в состав 56-й отдельной

стрелковой бригады. По прибытии в дивизион я был назначен командиром огневого взвода, а Хомищенко — командиром взвода управления (погиб в марте 1944 года).

Наша бригада занимала оборону на Синявинских болотах, в направлении дома отдыха Поречье. В описываемое время Волховский и Ленинградский фронты 18 января 1943 года соединились и тем самым частично сняли блокаду, освободив город Шлиссельбург и значительную часть побережья Ладожского озера и соединились с плацдармом «Невская Дубровка». Верховное руководство страны бросило значительную часть военных строителей для прокладки железнодорожного пути от станции Войбокало до Ленинграда. В рекордные сроки железнодорожная ветка была построена и начала работать на нужды фронта и города. Снабжение Ленинграда улучшилось.

Наша часть, да и многие другие, постоянно находилась в соприкосновении с противником, обеспечивая безопасность железнодорожной ветки. А ведь каждый эшелон противник встречал огнем дальнобойных орудий. Но наши контрбатарейщики сразу же открывали огонь, который заставлял противника прекращать стрельбу.

Завидного, конечно, было мало, т. к. враг находился в более выгодном положении. Он располагался на гряде Синявских высот. Наши же подразделения находились на отдельных островках-возвышенностях среди этих болот, на которых можно было хоть и неглубокие, но откопать траншеи и хода-сообщения и устроить землянку с перекрытием от осколков и пуль, в которой можно было отдохнуть.

Но это все я увидел позднее, получив направление на батарею.

Нам дали солдата, который сопровождал нас до расположения батарей. Повел он нас вечером, после захода солнца, т. к. днем движения до передовой не было. Вел он нас по болоту. Кое-где были брошены жерди, чтобы не провалиться в трясину. Все обошлось, и мы прибыли на командный пункт батарей. Ознакомившись с моим направлением, командир по телефону вызвал командира орудия и представил меня. Я, познакомившись с обстановкой, сразу же с командиром орудия ушел к расчету в землянку.

Я пишу только об одном орудии и одном расчете, потому что после предыдущих боев второе орудие было отправлено в ремонт как пострадавшее. Так у меня, как у взводного, вместо двух орудий оказалось только одно. Взвод состоял из орудий образца 1927 года, 76-миллиметровых пушек, транспортируемых в походном положении лошадьми. Даже колеса у них были деревянные и транспортировка их была рассчитана на конную тягу.

С этого дня началась боевая и трудовая работа. Ночью расчет очищал траншеи ото льда, грунта, свалившегося с бруствера. Чистили ходы-сообщения делали много другой работы и непрерывно вели наблюдение за противником.

Мне, еще не искушенному во фронтовых делах, пришлось учиться у бывалых солдат. И за это им большое спасибо.

В ночное время, ленясь идти ходами сообщения, передвигались поверху. Противник же постоянно вел огонь из стрелкового оружия, причем у него было много трассирующих пуль, которые ночью создавали красивое зрелище, когда пули как бы играли вперегонки.

Первую смерть я увидел, когда в землянку внесли заряжающего орудия, который, передвигаясь поверху в согнутом положении, был смертельно ранен. Пуля, войдя в правое плечо, вышла из левого. Он жил всего 15—20 минут. Только тогда я понял, что эти красивые пули могут убить человека. А до этого случая я и сам пренебрегал в ночное время ходьбой по траншеям. С этого времени я категорически запретил передвигаться поверху и потребовал ходить только ходами сообщения. Линии связи были проложены под самым бруствером. Однажды связист, идя по линии, решил поправить ее и поднял руку. Тут же снайпер противника сумел отстрелить ему палец руки.

В дневное время никаких работ не велось, кроме наблюдений. Засекали цели, по которым позднее вели огонь прямой наводкой из своего орудия. Расскажу, как это осуществля-

лось. Для этого ночами оборудовали для орудия капонир (укрытие) с площадкой для стрельбы, строили ровики для укрытия снарядов и людей расчета, а также ходы сообщения до окопов нашей пехоты. Это было необходимо. Когда противник начнет обстрел, можно было удалиться из зоны обстрела. Конечно, предварительно орудие с площадки мы спускали в капонир, чтобы противник его не видел.

Было очень много стрельб, но свою первую стрельбу я, конечно, никогда не забуду. Ведь она была первая... Пушку из капонира мы выкатили перед самым рассветом. Установили. Закопали сошник станины. Выверили все механизмы наводки. Приготовили снаряды, удалив с них смазку. Короче говоря, ждем, когда будут видны в панораме цели, чтобы можно было открыть огонь. К панораме встал наводчик — участник 1-й мировой войны Целищев. Ему в то время было 54 года. Заряжающим у него был Яковлев 52 лет, а другие люди расчета были моложе.

«Цель видно!» Целищев производил первый выстрел. Перелет. Второй выстрел — уже в амбразуре. Затем третий и для достоверности еще четвертый. Цель поражена. Небольшой доворот станиной, и Целищев открывает огонь по землянке, из трубы которой шел дымок. Для ее поражения потребовалось тоже четыре снаряда. Но немца мы разбудили. И он открыл по-нашему орудию огонь. Первый его снаряд — перелет, второй — недолет, т. е. взял нас «в вилку». Тут уж нам некогда было испытывать свою судьбу, зная, что третий его снаряд будет уж точно наш.

Мы быстренько пушку спихнули в капонир и ходами сообщения бегом смотались в сторону от оси его стрельбы. Ну, а он уже вошел в раж и стал вести стрельбу на поражение. Сколько снарядов выпустили немцы, мы не считали, но вся местность вокруг нашей пушки была перепахана. А днем дважды нам устраивали концерт своими реактивными снарядами. И в дальнейшем не забывал. Иногда подбрасывал огонька. Вот так, мы и кочевали со своим орудием вдоль передовой. Как только обнаружим и засечем цель, две-три ночи готовим огневую позицию со всеми ее атрибутами: капонир, площадка, ровики, хода сообщения. И в одну из ночей силами расчета перевозим пушку на новую огневую позицию. Когда все подготовим, опять же с рассветом, открываем стрельбу по обнаруженным и засеченным нами целям. Это продолжалось до июля 1943 года.

В первых числах июля нас с прямой наводки сняли и перевели на закрытые позиции в двух—двух с половиной километрах от переднего края.

Мне хорошо запомнилась первая артиллерийская подготовка наших войск, в которой я принимал участие. В ней была задействована большая масса ствольной артиллерии от 45 миллиметровых пушек до орудий калибра 150 мм, от батальонных 82-миллиметровых минометов до полковых — 120-миллиметровых. Очень много было совершено налетов наших гвардейских минометов, а также реактивных снарядов, базирующихся на наземных установках. Наши самолеты-штурмовики Ил-2 звено за звеном штурмовали оборону противника. В воздухе шли воздушные бои истребителей.

Небо над обороняющимся противником было черным от разрывов. Итак, в течение двух с лишним часов мы его бомбили. Зрелище для нас было радостным. И мы думали, что у противника ничего не осталось живого. Но когда поднялась наша пехота, то он открыл огонь из всех видов стрелкового оружия. Его артиллерия и минометы огня не вели. Лишь вечером их отдельные орудия начали вести огонь.

Но наша пехота не продвинулась, т. к. мы не смогли взломать его оборону, которую он укреплял в течение двух лет и, которая располагалась на Синявских высотках, господствовавших над нашей обороной. У него были глубокие траншеи. Блиндажи и дзоты имели 2—3 наката, глубоко зарытых в землю. В траншеях и окопах были устроены так называемые «лисьи норы», в которых во время налетов солдаты прятались. Строительству такой обороны способствовало то, что не было грунтовых вод. А у нас оборона проходила по болоту. Тут

ничего не построишь, лишь бы немного себя обезопасить. Эти бои местного значения шли ежедневно и этим противника мы держали в напряжении. Я не знаю, как на других участках, но на нашем, в районе Гонтовая Липка—дом отдыха Поречье—Русановская платформа—Апраксин разъезд—Гайтолово—Тортолово бои продолжались чуть не месяц.

Да, тяжелые были бои. За это время только один батальон в районе Гайтелово смог продвинуться на 600 метров. Но потом бои начали постепенно стихать.

Во время обстрела противником нашей батареи 30 сентября 1943 года осколком разорвавшегося снаряда меня ранило в голень правой ноги без повреждения кости. Я от госпиталя отказался и лечился в своем медсанбате.

Во второй половине октября 1943 года нас вывели на отдых и формировку в Малую Вишеру, где мы до половины декабря получали пополнение, материальную часть, конский состав. Вели учебу и занимались хозработами.

Перед новым 1944 годом наш дивизион, получив задание, перебазировался к середине января в устье реки Мста на берег озера Ильмень, где мы готовились к форсированию по льду части озера.

И 18 января 1944 года мы без какой-либо огневой поддержки в предутренние часы начали движение на западный берег озера. Расстояние, которое нам надо было преодолеть по льду, составляло около шести километров. Противник обнаружил нас только при выходе на берег. Сразу же начался бой. Мы поддерживали пехоту огнем с прямой наводки. Расход снарядов был большой, но нам их доставляли из тыла аэросанями, которые в первый момент даже ошеломили противника и он стал отступать в сторону Новгорода.

После его освобождения нас на неделю разместили в Софийском соборе, где приводили в порядок материальную часть, пополнялись боеприпасами, дали отдых людям и привели себя в божеский вид. Стали готовиться к новым боям, которые предстояли в недалеком будущем. Наш дивизион получил направление на Лугу. В районе железнодорожного узла Батецкая мы встретили сильное сопротивление противника и оказались в полуокружении. Тут мы познали горечь поражения.

Несмотря на наши героические усилия, враг сильно потеснил нас. Часть техники пришлось бросить, ибо нечем ее было транспортировать. Конский состав был выведен из строя. Часть орудий была подбита. Командир взвода Ковалев, когда у одного орудия было разбито прицельное устройство, наводил орудия по каналу ствола. Но это ему стоило жизни. Танк противника, выползший из-за пригорка, прямым попаданием разбил пушку и убил Ковалева.

На следующий день нас сменила другая часть. Нас же передали в 792-й артиллерийский полк 256-й стрелковой дивизии. Здесь мы получили новую технику: пушки ЗИС-3 образца 1942 года, американские автомашины «студебеккер», «шевроле», «додж $^3/_4$» и «виллисы». А с лошадьми и мулами (были и такие») мы больше до конца войны дел не имели.

Нас вместо Лужского направления направили в Эстонию за реку Нарва. Заняли участок обороны на плацдарме в районе станции Йыхви города Кохтла-Ярве. Там мы вели огневые бои с противником. Я в то время был переведен командиром взвода управления. В моем распоряжении были: отделение разведки, отделение связи и отделение радио.

Я со своими людьми постоянно находился в боевых порядках пехоты, откуда мы вели разведку, выполнялись задачи, поставленные перед нами командирами пехотных подразделений. Мне же приходилось вести подготовку исходных данных по стрельбе — по целям, как нами обнаруженным, так и указанным пехотными командирами.

Что представляли мои отделения? Разведчики 5—7 человек, ребята молодые. Связисты, тоже 7 человек. За исключением командира отделения и старшего связиста, были молодые девушки, которые в выполнении боевых задач не уступали мужчинам, ну и отделение радистов — 5 человек. Из материальных ценностей во взводе были: одна стереотруба,

две рации, 4 телефонных аппарата и несколько биноклей. У каждого было личное оружие. Такое положение сохранялось до 6 апреля 1944 года. Чтобы ликвидировать наш плацдарм, противник в этот день обрушил на нас лавину огня. Повел подготовку, в которую задействовал все виды огневых средств, вплоть до того, что огонь велся и со стороны Финского залива. По нам вели огонь орудия его флота калибра 200-миллиметров и более и этот огонь продолжался более двух часов. Наш передний край был полностью разрушен. Наши средства подавления на переднем крае вышли из строя или были уничтожены и они достойно встретить врага не могли.

Сразу же за переносом огня в глубину нашей обороны — район огневых позиций, тыловых частей — он пустил танки и так как на переднем крае нам нечем было задержать врага, он устремился в глубину нашей обороны. И мы разрозненными группами оказались в тылу у противника.

Приведу пример мужества одного из наших воинов, который, надо полагать, остался безвестным.

Когда танки врага проходили вблизи его окопчика, он выскочил из него и заскочил на один танк. Башня танка была открыта. И он связку гранат бросил внутрь танка. Танк взорвался, но и сам герой погиб. Я же со своим разведчиком-радистом находился в небольшом леске среди развороченных корней деревьев, сучьев и стволов сосняка. После установления связи мне по радио дважды удалось вызвать огонь по своему квадрату, когда противник появлялся вблизи нашего расположения. Я связался с командиром дивизиона и спросил, что же мне дальше делать. Получил ответ: «Ждите!» Скоро придет Маруся», т. е. пехота. По радио мы слышали, что наши занимают новый участок обороны, значит наше дело — труба.

Из нашего убежища, если можно его так назвать, мы никуда переместиться не могли. До ближайшего леса, в котором мы могли бы укрыться, нужно было преодолеть поле — метров 800, на что я не решился, т. к. перед этим группа из пяти человек хотела перебежать, но вся погибла. И я принял решение: будем здесь находиться до темноты. Конечно, если бы немец обнаружил нас, то боя бы не избежать. Но Бог нас хранил. «Маруси» мы так и не дождались, пехота сама уже отступила на 3–4 км от переднего края. Мы только по гулу определяли, где идет бой.

Как только начало смеркаться, мы эту пашню, где перебежками, где бегом, где ползком, преодолели и углубились в лес. В лесу встретились с группой солдат (человек в двадцать) во главе со старшим лейтенантом, которые, как и мы, пробирались к своим.

Всю ночь мы посвятили тому, чтобы выйти на свой новый передний край. Немец же через громкоговорящие установки нас агитировал, чтобы мы шли к нему. В лесу, на просеках у него были установлены пулеметы, которые изредка вели огонь. Нам нужно было перейти дорогу. Солдатам объяснили, что она также простреливается и преодолеть ее нужно только ползком. Но куда там! Первые ползут. За ними — вторые — уже на четвереньках. Ну, а последние — во весь рост. Каждому хотелось скорее ее проскочить. Правда, немец открыл огонь, но мы уже все перебрались через дорогу. Идем на звуки выстрелов, и вдруг перед нами завал леса, разговоры, а понять не можем: не то немцы, не то власовцы (были и такие). Короче говоря, осторожничаем и вдруг забористый мат зовет ужинать. Ну, думаем: «Свои!» Но ведь если идти всей группой, то как бы нас не посчитали противником, не открыли бы огонь по нам. Тогда мы со старшим лейтенантом пошли в разведку. И правда, это наш саперный батальон строит оборону.

Нас провели к младшему лейтенанту. Рассказали ему про все наши злоключения. Он сказал: «Пусть и люди ваши выходят». Старший лейтенант со своими остался здесь же, а мне с моими людьми дали сопровождающего — бойца, который приносил ужин, и он нас провел. Их кухня, очень кстати, находилась вблизи нашей батареи. Я упустил, что во время

артподготовки командир батареи со связистом шли ко мне на НП (капитан Гусев), его ранило и он был отправлен в медсанбат. Когда я пришел на батарею, то меня сразу же назначили командиром батареи — подручным командира дивизиона.

Я сразу же с начальником штаба дивизиона ушел опять на передний край, который проходил по лесу. Мы заняли одну небольшую землянку, которая представляла сруб в срубе. Между срубами стены толщиной в 80 см заполнены торфом. Ранее в этих землянках располагались тылы частей. Сейчас же они оказались на переднем крае обороны.

Организовав ведение разведки и связь с батареей, приступили к планомерной работе.

Корабельная артиллерия противника вела огонь по площадям расположения наших частей. И вот один из снарядов, уйдя глубоко в торф под нашей землянкой, разнес ее взрывом. Я только помню, что меня куда-то бросило, и тут я потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел, что лежу в воронке, которую образовал взрыв. Никого рядом нет. Попробовал встать, ан нет, сильные боли в позвоночнике. Минут через 10–15 подходит связист Васильев и говорит: «Никого не осталось, вот только ты да я, остальные пять человек вместе с начштаба погибли». Он же где-то нашел санитаров с носилками и меня унесли метров за 50 в другую землянку. На мое счастье, из соседней батареи лейтенант и сержант шли на огневую позицию. Они меня с километр, а, может, и больше, несли до медсанбата. Когда же пришли в расположение медсанбата, все уже было эвакуировано. Стоял только один ЗИС с упакованной палаткой, чтобы отбыть за Нарву. Лейтенант договорился со старшим машины, меня подняли и положили на палатку и таким образом вывезли с плацдарма в Эстонии. Так начиналось мое путешествие по госпиталям и окончилось мое командование батареей.

Сначала был госпиталь в городе Сланцы, потом госпиталь в Лавре Александра Невского города Ленинграда и закончил лечение в бывшей школе глухонемых по улице Дзержинского (Большая Гороховая), где располагался тогда эвакогоспиталь 992. Диагноз был: общая контузия тяжелой степени с переломом отростков поясничных позвонков 2-3-4-5. Госпитальную койку я покинул 26 июня 1944 года. В отделе кадров фронта (Невский, 2) получил направление в 919 артполк 358-й стрелковой дивизии, куда прибыл 28 июня в район боев на Сайменском канале за городом Выборгом.

В этом полку принял взвод управления, в котором мне пришлось воевать 3 дня и 3 ночи, а 1 июля я был ранен в правое бедро и голень и вывезен в Ленинград в эвакогоспиталь 2222, который располагался в институте Герцена (Мойка, 48).

28 июля меня выписали и направили в резерв фронта на станцию Всеволожская, где, пробыв 5 дней, получил направление в 9-й артиллерийский Ленинградский, ордена Кутузова полк 72-й Павловской Краснознаменной ордена Суворова дивизии.

В полк я прибыл 19 сентября, когда начались бои за город Раквере в Эстонии.

На следующий день город был освобожден, и наша дивизия, ломая сопротивление противника, 21 сентября освободила и город Тапа, устремясь на Таллин. Он был освобожден 22 сентября. Затем получили новое направление на Хаапсулу, взяли его 24 сентября. Там мы получили передышку. Ремонтировали материальную часть и вели учебу с таким расчетом, что нам придется участвовать в десанте на остров Хийумаа. И так в течение целого месяца мы то устанавливали пушки на понтонах и крепили их, то снова снимали с понтонов, добиваясь автоматизма при десантировании. Но, увы, наши усилия и знания не потребовались, ибо наш десант не состоялся.

Ввиду того, что Ленинградский фронт ликвидировался, нас железной дорогой направили на 3-й Белорусский фронт к границам Восточной Пруссии, а точнее, к знаменитой станции Гумбинен, где нам пришлось сменить наших легендарных конников и занять их позиции.

Активных действий как противник, так и мы не вели. Обменивались артиллерийскими налетами. Такое противостояние продолжалось в течение 3–4 недель. Затем нас выводят с

огневых позиций в Вилкавишкис, где мы грузимся и нас везут на юг в распоряжение 1-го Украинского фронта.

На одной из станций за Львовом разгружаемся, приводим себя в порядок. Шли первые числа января 1945 года. Нас начали готовить к боям на Сандомирском плацдарме. Но ввели нас в бой только тогда, когда наши войска 12 января прорвали оборону противника и начали наступление вглубь его обороны. Нашей задачей было как можно быстрее выйти к реке Одер и форсировать ее, что и было нами выполнено — 23 февраля 1945 года. В районе гор. Крапицы форсировали Одер и, развивая успех, устремились к реке Нейсе, где завязались тяжелые кровопролитные бои. Во время этих боев при корректировке огня своей батареи под населенным пунктом Гроссэнцендорф меня 15 февраля 1945 года опять ранило и я был отправлен в госпиталь города Намслау, в котором я пролечился до 5 мая 1945 года. Но последние залпы войны мне все-таки пришлось слышать и частично управлять огнем своей батареи.

У меня остается всегда в памяти гибель на пороге победы 6 мая 1945 года орудийного расчета старшего сержанта Ампилова. При занятии населенного пункта танки противника начали уходить в Судетские горы. И тогда расчет решил подбить хотя бы один танк и выкатил орудие на прямую наводку. Расчет не видел, что один танк стоял в стороне, и когда расчет приготовился стрелять, выстрел из танка его опередил. Погибли 4 человека, ребята, которые пережили 900-дневную блокаду Ленинграда.

К вечеру этого же дня мы получили приказ на движение в сторону города Вальденбурга с таким расчетом, чтобы помочь восставшей Праге. Но мы опоздали. Там справились с группировкой Шернера без нашего участия. Наше дальнейшее движение было остановлено уже на территории Чехословакии в местечке Милетин недалеко от города Двур Кралова. Здесь мы и встретили день Победы.

Сколько было радости, счастья!

Здесь мы орудия привели в порядок «по-походному» и для нас началась мирная жизнь.

R.S. Несколько слов о себе вдобавок к сказанному.

За время моего пребывания на фронте я был 3 раза ранен и один раз тяжело контужен.

8 мая — конец войне, а грудь лейтенанта украшала только медаль «За оборону Ленинграда». Обидно, пройдя через горнило войны, иметь на груди только одну медаль. Но ничего не поделаешь. Хорошо, что хоть остался жив.

Но позднее выяснилось, что я не был обойден наградами. Не мог их получить, ввиду частого перемещения из части в часть, в госпиталь. Но работники наградного отдела сумели мне вручить награды, которыми я был награжден ранее. В декабре 1945 года мне вручили орден Красной Звезды, в 1956 году — второй орден Красной Звезды, а в 1957 году — третий орден Красной Звезды. В 1996 году мне был вручен орден Отечественной войны I степени.

Хочу добавить к моему повествованию, что мне пришлось быть участником боев на Волховском, Ленинградском, 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. Поэтому нет ничего удивительного, что награды меня искали столь долго.

А. КУЗНЕЦОВ.
13.03.1996 г.

ПУТИ-ДОРОГИ ВОЕННЫЕ...

Сегодня, в канун Дня Победы, мы знакомим наших читателей с Германом Дементьевичем ЩЕРБАКОВЫМ, ветераном войны и труда.

Г. Д. Щербаков родился в 1921 году. В армию был призван в 1940 году. Сначала служил на Дальнем Востоке, а в мае 1941 года его часть перебросили под Одессу.

Войну Герман Дементьевич прошел рядовым солдатом: в 1941 году он — пехотинец, с 1942-го — разведчик в артиллерийских частях. Был трижды ранен. Награжден орденами Отечественной войны первой и второй степеней, двумя орденами Красной Звезды и двенадцатью медалями, в том числе «За оборону Киева», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Уже по этим наградам можно проследить путь, который довелось с боями пройти простому русскому солдату, одному из десятков тысяч солдат, переживших и горечь поражений в первые дни войны, и радость победы. Своими глазами видел Герман Дементьевич то, чего не увидишь, пожалуй, ни в одном фильме. Об этом он и рассказывает в своих записках, переданных в редакцию.

Переправа

После неудачного, а вернее недостаточно подготовленного наступления на Харьков в начале лета 1942 года наши войска снова, как и в 1941 году, понеся большие потери под натиском танков и непрерывными бомбовыми ударами, отступали на восток. Под жарким июльским солнцем по степям Воронежской области части отходили к единственной оставшейся в наших руках переправе через Дон. Через балки и овраги, по полям начинающей зреть пшеницы двигались изнуренные жарой и неудачными боями тысячи и тысячи солдат. Двигались тракторы, тянувшие тяжелые орудия и прицепы со снарядами. Конные повозки тянули солдатские кухни и легкие пушки. Без дорог, прямо по полям, шли машины и уцелевшие в боях танки.

Над всей этой движущейся массой беспрерывно висели фашистские самолеты, обстреливая из пулеметов, сбрасывая противопехотные и осколочные бомбы по скоплениям войск и техники. После этого в степи, в хлебах оставались трупы солдат, разбитые повозки и машины. А масса продолжала двигаться к своей магической цели — на восток, к переправе, как будто там, за Доном, кончалась война, не лилась кровь, не витала смерть.

Вся эта масса войск сосредоточивалась на возвышенности, но в город к переправе не спускалась - не могла. Над городом, сменяя друг друга, беспрерывно кружили эскадрильи вражеских пикирующих бомбардировщиков, бомбя и обстреливая город и переправу. Черный дым застилал и город, и Дон, и переправу. Тяжело было смотреть на горящий город.

Кое-кто, те, что посмелее, или не выдержавшие нервного напряжения, спускались в город, надеясь прорваться к переправе, но, попав под бомбовый удар или пулеметный огонь врага, гибли. Большинство же ждало ночи, когда уйдут последние самолеты — немцы ночью не воюют.

И вот зашло солнце. Последняя партии самолетов улетела. Все стихло. С наступлением темноты войска начали спускаться в город, разбитый и горящий, продвигаясь к переправе. Но... переправа была взорвана.

А войска все плотнев и плотнее набивались в широкую улицу, ведущую к переправе.. Двигались и кони, и повозки, и автомашины, и тракторы с орудиями, и танки, и даже несколько «катюш», закрытых брезентовыми чехлами, вдавились в эту массу людей и боевой техники.

Взорванную переправу саперы — хозяева ее — начали восстанавливать. Подвозили сваи и доски, несли гвозди и скобы, в места сильного повреждения подогнали понтоны. Всю ночь стучали топоры и звенели пилы. Саперы вбивали новые сваи, укрепляли настил моста, закрепляли понтоны.

Войска, скопившиеся в городе и у переправы, с тревогой ждали окончания ремонта. Всех тревожила страшная мысль: «С рассветом налетят, и кровью покроется тихий Дон». С первыми проблесками зари — летняя ночь коротка — мост был отремонтирован, но опустившийся над рекой туман упал и на переправу, мост сделался сырой и скользкий.

Не успели еще уйти с моста саперы, закреплявшие последние доски настила, как на

мост двинулись ближние: бегом — пехотинцы, проехали несколько повозок с солдатским скарбом и ранеными, промчались стоявшие у самого моста машины. На мост вошел трактор, тянувший тяжелое 152-миллиметровое орудие и прицеп со снарядами. Мост под их тяжесть» вздрагивал и скрипел. Вот трактор и орудие взошли на понтонный участок моста. Мост качнулся и чуть накренился. Орудие скользнуло по сырым доскам настила и сползло с моста, потянув за собой трактор с трактористом и прицеп со снарядами. Все это рухнуло на понтон. Понтон не выдержал удара, сломался и затонул вместе с трактором и орудием — мост перевернулся.

Утонули и солдатские надежды на благополучный переход на тот «счастливый» берег Дона, на спасение от возможной гибели. Ближние к берегу и переправе бросились на разбитый мост, перебирались по его обломкам, многие кинулись вплавь. Артиллеристы снимали замки с орудий, бросали их в канавы и воронки от бомб, шоферы обливали бензином и поджигали автомашины, чтоб не достались немцам. Танкисты, портили свои танки, обозники рубили постромки у лошадей» бросали повозки, и все пробирались к Дону, плыли через реку кто с доской, кто на бревне, кто просто так.

Через полчаса в горящем городе не осталось ни одного солдата. Только догорали машины и прицепы, стояли разбитые орудия и испорченные танки, искалеченные повозки, и дым пожара тянулся по реке...

Ни немецких самолетов, ни танков не появилось.

Под Сталинградом

Выжженная солнцем степь под хутором Котлубань. В начале сентября 1942 года после ожесточенной атаки занимаем немецкие окопы на одной из высот. Двигаемся по траншее, скрываясь от непрерывных разрывов снарядов и мин, от пуль и разрывов ручных гранат. Вдруг над блиндажом, к которому вела траншея, раздается автоматная очередь. Шедший впереди нас разведчик Яковлев падает, насмерть сраженный этой очередью.

Мы бросаемся на дно траншеи и открываем огонь по дверям блиндажа. Немцы не выходят. Кричим: «Сдавайся! Хенде хох!». Они через двери дают автоматную очередь. Тогда наш разведчик Губанов вылезает из траншеи, ползет на крышу блиндажа и бросает через дымовое отверстие две гранаты. Раздаются взрывы. Из блиндажа с поднятыми руками выходят три немца. Один из них офицер. Еще один наш разведчик Искандаров, показав пальцем на офицера и на нашего убитого товарища, крикнул со злостью: «Ты!» и выпустил по нему очередь из своего автомата.

Вечером, когда закончился бой и спустилось за горизонт жаркого сталинградского неба солнце, мы хоронили погибшего товарища, опустив его в одинокий окоп. Один из разведчиков сказал над могилой: «Прощай, наш дорогой товарищ!. Затем, посмотрев на заходящее солнце, добавил: «Завтра и нас жди»...

Декабрь 1942 года. Снег покрыл израненную боями сталинградскую группировку немецких войск. Готовится новая очередная атака.

В нейтральной полосе стоит наш подбитый вчера танк. Мне и моему товарищу Плетневу командир дает задание: подойти к танку и узнать, есть ли в нем немцы. Если есть, то они могут пулеметным огнем уничтожить наши поднявшиеся в атаку войска.

Светлый день, чистый снег, ровное поле, ни кустика, ни оврага. Танк и поле вокруг него видны хорошо и нашим и немцам.

Мы вылезли из окопа и перебежками двинулись к танку, до него было не более 350–400 метров. Пройдя таким образом 100–150 метров, мы залегли в старой воронке и начали наблюдать. Но никаких признаков наличия немцев не видно.

Что делать? Ползти — видно, перебежками — видно. И вот оба мы встали и пошли к танку с мыслью: если немцы там есть, они нас расстреляют, но это увидят наши и уничтожат танк. Иного выхода нет...

Пошли, сжимая в руках автоматы и сжав нервы в один крепкий комок. Немцы в танке были. Они, конечно, могли нас подпустить метров на десять и расстрелять. Но, видимо, у них не выдержали нервы и они дали по нам пулеметную очередь. Мы упали в снег и начали отходить.

При очередной перебежке немецкая пуля ударила мне в ногу. Я упал. В это время наша артиллерия открыла огонь, и танк был взорван. А меня мой товарищ вытащил из-под обстрела, и я попал в госпиталь.

Под Курском

4 июля 1943 года. Курская дуга. Станция Поныри, вечер. Вглядываюсь в предвечернюю синеву высоких степей и перелесков, немецкие траншеи и окопы, где не видно никакого движения — ни перебежек немецких солдат, ни двигающихся машин. Нет даже выстрелов из минометов, ни автоматных, ни пулеметных очередей. Тишина, мертвая тишина. Я каким-то седьмым или десятым чувством уже отвоевавшего более двух лет солдата почувствовал в этой зловещей тишине надвигающуюся бурю и сказал командиру батареи: «Завтра немцы начнут наступать». Он улыбнулся: «Мы будем скоро это делать». Я попал в эту часть из госпиталя — они еще не воевали.

5 июля, три часа ночи. Сзади нас где-то в тылу недалеком и чуть дальше в один миг озарилось все небо. Словно летними всполохами пробивалась красная заря среди ночи, и в те же секунды над нами послышался рокот и шум летящих через нас на немцев снарядов. Все пространство перед нами, где были немецкие окопы и их оборона, заблистало от взрывов. Где-то поднялось пламя пожара, где-то прогремели сильные взрывы, видимо, наши снаряды попали в склады боеприпасов.

Полтора часа продолжался этот неистовый артиллерийский огонь: красные вспышки выстрелов сзади по всему горизонту и белые всплески разрывов впереди у немцев. Затем все стихло. Рассвело.

В небе с немецкой стороны показались самолеты. Один, два, десять, пятьдесят, сто... невозможно сосчитать. Самолеты дошли до расположения нашей обороны, развернулись в пике, и в это время вся уцелевшая немецкая артиллерия открыла огонь по нашим окопам и траншеям, по нашей обороне, то есть по нам. Светлое утро превратилось в темную ночь от разрывов немецких снарядов и бомб. Воздух наполнился воем пикирующих бомбардировщиков, грохотом взрывов, страшным треском снарядов. Взошедшее было солнце снова скрылось в облаках дыма, пыли и поднятой в небо земли. Вся земля тряслась и дрожала. Обваливались и осыпались выкопанные в полный рост траншеи, заваливались блиндажи и дзоты, хороня убитых и живых.

Скоро пошли немецкие танки. На нашу высоту откуда-то сбоку ворвались 15—20 танков, ведя огонь и давя гусеницами окопы. Но стоявшие здесь же две батареи противотанковых пушек и несколько наших танков открыли по ним огонь. Завязалась кратковременная кровавая битва. Мало осталось в живых наших артиллеристов, танкистов и пехотинцев. Один немецкий танк рванулся на наше орудие. У него оставался последний солдат, он успел зарядить орудие и выстрелить в упор в танк, уже зашедший на бруствер, и упал.

Танк взорвался и с бруствера упал в орудийный окоп, раздавив орудие, лафетом которого нашему солдату придавило ноги. Танк горел, запасная бочка с горючим лопнула. Горящая солярка разлилась по окопу, солдат вспыхнул и заживо сгорел. Фамилию этого героя я не знаю.

Все прорвавшиеся в этот день на высотку немецкие танки были уничтожены.

В Берлине

2 мая 1945 года. С утра тишина, нет стрельбы, не рвутся снаряды, только горят и дымятся разрушенные здания поверженного города, откуда началась эта страшная война. Немцы еще не сдаются: идут переговоры, и они сидят у пулеметов и минометов, у амбра-

зур в окнах полуразбитых домов, ожидая приказа о сдаче-капитуляции или о продолжении военных действий до последнего солдата. Земля и воздух Берлина наполнены слухами: Гитлер застрелился, Гитлер капут, Германия капут.

Нас, группу разведчиков во главе с лейтенантом Шапетовым, посылают на территорию, занятую врагом. С какой целью, с какой задачей, что узнать, что делать и что сделать, я не знаю. Солдат не всегда посвящают во все вопросы.

Садимся в машину и едем по улице Фридрихштрассе. Вот мы уже и на территории, где только немцы. Улица перекрыта баррикадой. Выходим из машины и через баррикаду, через завалы, по подвалам домов и по задворкам зданий пробираемся дальше вглубь немецкой обороны.

По радио через громкоговоритель на все улицы, на весь город передают приказ немецкого командования в Берлине о капитуляции гарнизона и прекращении сопротивления. Мы подходим к станции берлинского метро, откуда выходят немецкие солдаты и офицеры — сотни и сотни солдат бросают в кучи оружие, строятся в колонну. Мы подходим к ним, говорим «Гитлер капут», «Криг капут, нах хауз» — эти понятные во время войны всем слова.

В это время из верхних этажей дома раздается автоматная очередь по нам, по сдающимся немцам. Падают убитые, раздается крик раненых. Моментально немцев охватывает паника: поднялся крик, стрельба, затрещали автоматы, начали рваться гранаты и фаустпатроны. Кое-кто бросается снова в метро, кто-то падает в воронки от снарядов на улице, кто-то прыгает в разбитые окна домов.

Мы с разведчиком Садовым прыгаем в подвал разбитого дома, а наш лейтенант и разведчик Морозов вместе с немцами бросаются в метро. На улице и в метро еще минут пятнадцать продолжаются стрельба и разрывы.

Как только все стихло, мы с Садовым пробрались к тому месту, где только что разыгралась эта драма. Немцев нигде не было. На улице лежали десятки убитых, раздавались стоны раненых. Среди них наших не было. Мы спустились в метро. Там тоже было очень много убитых немцев. Среди них мы нашли и погибших наших товарищей. Это были последние жертвы войны в нашей части.

Г. ЩЕРБАКОВ

«За медь», № 19, 32, 33, май, август 1987 г.

ПАРТИЗАНЫ

КОМИССАР ИДЕТ ВПЕРЕДИ

В период войны я воевал против фашистов в составе 4-й партизанской бригады Ленинградской области... В первых числах марта 1942 года от начальника штаба Ленинградского партизанского движения командование нашей бригады получило указание выйти в тылы противника, перейти линию фронта и явиться в поселок Фанерный завод Старорусского района. Город Старую Руссу занимали еще немцы.

С партизанами были комиссар бригады Семен Глебов, автор этих строк, и другие командиры. Здесь, на недавно освобожденной от фашистов территории, по указанию секретаря Ленинградского обкома партии А. А. Жданова нам представлялась возможность пополнить бригаду из числа местных жителей.

ми. Потом они быстро заполнили бочку нечистотами. Так удачно они сделали несколько ездок.

На рассвете Леня пошел в партизанскую бригаду по маршруту, указанному Иваном Семеновичем, чтобы доложить о выполнении задания. С наступлением темноты мальчик провел партизан к месту, где были зарыты мины и снаряды. Штаб бригады сообщил по рации в Ленинград о выполнении задания. Ночью прибыл самолет, а с ним представитель Ставки Верховного Командования советских войск. В беседе с Леней его интересовали малейшие подробности. Взяв с собой мины и снаряды, под утро самолет вылетел в Москву.

Советское правительство высоко оценило мужество юных разведчиков. Юра Соколов был награжден орденом Красной Звезды, а Леня Голиков орденом Боевого Красного Знамени.

И. ВОРОБЬЕВ,
бывший начальник штаба 4-й партизанской бригады,
подполковник в отставке.
пос. Кедровое.
«Красное знамя», № 18, 11.02.1975 г.

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»? НИКОГДА!

Вспоминаю 1941 год. Закончились занятия в школе. Не угасли еще впечатления от выпускного вечера. Мы пошли работать в колхоз. 21 июня— суббота. В колхозном клубе кинофильм «Веселые ребята». Расходимся веселые и счастливые. А утром 22 июня слово «война» заставило посмотреть на все глазами взрослых, вспомнить испанских ребят, рассказы учителей и старших об ужасах войны.

Значит, враг хочет отнять у нас то, что дороже всего: Родину, право считать себя человеком и жить. Он хочет быть хозяином того, что сделано нашим народом.

А уже через месяц все поняли, что значит фашизм и что значит «новый порядок». Евреи — это не люди, их необходимо всех уничтожить. Приказы для населения оккупированной Белоруссии заканчивались одним словом: расстрел. Не выдало село коммунистов — всем жителям расстрел, а село сжечь. Поймали в лесу мужчину — партизан, повесить! Не вышел на работу по указанию старосты — 50 плетей. А все сводилось к одному — смерть или рабство.

Но наш народ не покорился «новому порядку» и по призыву Коммунистической партии поднялся на борьбу против немецких оккупантов и их прихвостней. Повсюду стали возникать партизанские отряды и соединения, подпольные группы и комитеты. Рядом с участниками гражданской войны шли в бой вчерашние школьники, женщины, девушки.

Я был одним из самых молодых участников партизанского движения в Белоруссии.

16 июля 1944 года в Минске состоялся партизанский парад, а после парада — вручение наград и характеристик. Меня наградили медалью «Партизану Отечественной войны» II степени и выдали боевую характеристику, в которой было написано, что я проявил себя преданным делу партии партизаном. Читая, я не совсем верил глазам. Ведь мне еще не было и восемнадцати, и я не совершил подвига, который поставил бы меня в один ряд с коммунистами, но для меня тогда эта характеристика была самой высокой наградой.

И в моей памяти промелькнули все партизанские боевые дела против оккупантов в отряде имени Фрунзе партизанской бригады «Красное знамя», которая действовала в Червеньском районе Минской области. Вспомнились погибшие товарищи, тревожные ночи блокад, засады, «рельсовая война» и другие боевые дела отряда, в которых я принимал участие.

И только позже, вспоминая хвастливые заявления гитлеровцев о непобедимости не-

мецкой армии, я понял, что подвиг совершен всенародный. Совершили его погибшие и оставшиеся в живых. И в этом большом всенародном подвиге была частица моего ратного труда.

В авангарде борьбы против немецких оккупантов были коммунисты и комсомольцы. Наши старшие товарищи и командиры своим мужеством и отвагой увлекали молодежь на борьбу против оккупантов. И мы следовали их примеру, ибо знали, что защищаем свою Родину, свой народ и святое достояние человечества — социализм.

А. БАБИНОВИЧ,
участник партизанского движения в Белоруссии,
директор школы № 4.
«Красное знамя», № 56, 9.05.1975 г.

ПАРТИЗАНСКИЕ НОЧИ

Февраль 1944 года выдался в Белоруссии морозным. В одну из стылых ночей группа партизан вышла на задание. Холод пробирал до самых костей. Анатолий Бабинович его не замечал, как не замечал и звезд, высыпавших на небе и сияющих яркою чистотой. Вот уже неделя, как не удается партизанам подобраться к железнодорожному полотну.

Анатолий волновался. Акимов, командир отряда, впервые поручил ему возглавить группу по подрыву эшелона. Следом за ним шли Янославский, Камель, Подосиновик, трое испытанных товарищей, с которыми не раз ходил он на задания. А вот Осипов и Воропаев — новенькие. Кажется, хорошие, надежные ребята. Они будут на прикрытии.

— Странно в жизни получается, думал Анатолий. Мечтал стать машинистом, водить по рельсам послушные громадины. А сейчас шагаешь вот для того, чтобы взрывать эти рельсы, разрушать их. Лишь, бы не служили они ненавистному врагу!

Толовые шашки оттягивали карманы. Ах, какой фейерверк однажды с этими шашками устроили партизаны, когда усилиями трех партизанских бригад вывели из строя на целый месяц железнодорожный путь на бобруйской ветке от станции Осиповичи! Как-то будет сегодня?..

Остановились, еще раз обсудили задачи каждого, договорились о месте сбора при отходе. Луна закатилась, и в наступившей темноте, кажется, стало еще холодней. К железнодорожному полотну подошли тихо. Кажется, сегодня повезет. На путях было спокойно. Анатолий вместе с Янославским осторожно поползли к насыпи, стараясь плотнее втиснуться в землю, слиться с ней воедино. Остальные, спрятавшись в укрытие, следили, чтобы не пропустить опасность. Вот и насыпь. Лежа на боку, ловко орудуя финкой, они подрыли землю под рельсами, заложили шашки, соединили шнуры, тщательно их замаскировали и — в укрытие. Осталось только ждать. Все шло, как по маслу. Когда состав достиг заминированного места, Анатолий дернул шнуры. Раздался грохот, и в свете огня он увидел вздыбившиеся платформы. Дело сделано! А теперь скорее в лес, под его защиту! Охрана с насыпи ударила по партизанам. Но было уже поздно! На один эшелон с техникой стало у гитлеровцев меньше.

Это только один из эпизодов партизанской борьбы Анатолия Кононовича Бабиновича, ныне учителя истории в школе рабочей молодежи.

«А. К. Бабинович, будучи в партизанском отряде имени Фрунзе партизанской бригады «Красное знамя», проявил себя смелым, мужественным и преданным делу партии», читаем мы в его боевой характеристике.

Война в жизнь четырнадцатилетнего мальчишки ворвалась как гром среди ясного, безоблачного неба. Примчавшись из соседней деревни, куда сбегались все ребята из окрест-

Работу по комплектованию провели успешно, быстро. В партизаны вступило более 500 человек. Для переброски партизан в тыл немцев самолетов не было, и мы должны были прорвать оборону противника. Переход линии фронта решили осуществить южнее Старой Руссы.

22 марта 1942 года все партизаны были сосредоточены на переднем крае обороны наших частей. Головную разведывательную группу возглавил комиссар С. Глебов. Он взял с собой для связи самого молодого партизана 13-летнего Леню Голикова, впоследствии Героя Советского Союза. Леня — воспитанник нашей бригады.

Семен Глебов и его группа, преодолев ночью без выстрела нейтральную полосу, ворвались в передние окопы противника, и враг, казалось, был уничтожен. Но неожиданно немцы открыли шквальный огонь из минометов и стрелкового оружия.

Фашисты, получив подкрепление, пошли в наступление на группу комиссара. Я находился у рации. Рядом со мной был генерал — командующий нашими войсками этой линии обороны. Комиссар по рации открытым текстом просил дать артиллерийский и минометный огонь на себя.

Сколько прошло времени, я не помню, но вот в окоп наблюдательного пункта скатился Леня Голиков и, даже не отдышавшись, доложил: «Комиссар приказал дать огонь на него». Видимо, Глебов не знал, что мы ясно слышали его просьбу по рации, и послал связного Леню. Взрослому сквозь такой огонь было бы не пройти. Я повернулся к генералу. По его щекам текли крупные слезы. Генерал резко отвернулся, взял трубку полевого телефона и стал говорить с начальником артиллерии.

Назвав номер квадрата, он дважды повторил, что в передних окопах противника находятся партизаны, и приказал создать огневой вал защиты, а остальную мощь огня сосредоточить по наступающему противнику.

Внезапный, все потрясающий артиллерийский гул разрывов словно сделал всех глухими. Видно было, что люди открывают рты, но слов было не слышно.

Генерал подошел ко мне, по-отечески похлопал по плечу и сказал, наклонившись к уху, только одно слово: «Добро!» Это слово было для нас приказом идти на прорыв и пожеланием успехов. Когда противник был не только отбит, но и разгромлен, я нашел комиссара в немецком блиндаже раненым, но продолжающим руководить бойцами, а рядом с ним был Леня Голиков.

Обстановка требовала немедленно уходить в тыл противника, пока фашисты не подбросили свежих сил. Построившись в походную колонку, партизаны пошли в свой трудный боевой путь. Комиссар С. Глебов отказался идти в госпиталь, лечился в «боевых порядках», как принято было у партизан. Позднее, беседуя с ним, я спросил: «Семен! Почему ты не отошел, не отступил со своей группой?». Он ответил: «Это была воля коммунистов и комсомольцев и я ее вместе с другими выполнил». Так сражались коммунисты и комсомольцы и весь советский народ в Великую Отечественную войну.

И. ВОРОБЬЕВ,
бывший начальник штаба 4-й партизанской бригады Ленинградской области,
подполковник в отставке.
«Красное знамя», № 23, 22.02.1973 г.

ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА

В начале марта 1942 года четвертая партизанская бригада Ленинградской области, в которой я служил начальником штаба, получила приказ штаба партизанского движения. В нем говорилось, что немцы сконцентрировали в нашем районе большое количество боеприпасов с какой-то секретной «начинкой». Перед

нами ставилась задача — добыть несколько экземпляров мин и отправить их в Москву.

Склад мы обнаружили. Он был обнесен колючей проволокой, через которую пропускался электрический ток высокого напряжения. Каждый метр земли простреливался из пулеметов и автоматов. Солдаты находились в дотах и при первой угрозе вызывали подкрепление. Дважды делали мы попытки проникнуть к складу, но оба раза были вынуждены отходить, неся большие потери. И тогда было решено отправить к фрицам под видом детей, потерявших мать, юных разведчиков бригады — Леню Голикова и Юру Соколова.

...В деревне их приютила сердобольная женщина. Она предупредила ребят, чтобы они были осторожны. Вечером, сидя за прялкой, она рассказывала:

— Еще морозы стояли — немцы согнали население из разных деревень и начали строить. Когда кончили, никто из деревенских не вернулся. К зоне никого не подпускают, без предупреждения стреляют. Почти два месяца по ночам немцы возили туда какие-то ящики. В зоне работает один русский, чистит уборные. Он, говорят, ищет себе помощника из ребят, обещает паек, но местные мальчишки не соглашаются.

Прошло три дня, ребята помогали женщине в огороде, ходили за хворостом, носили воду, знакомились с деревней и окрестностями, подружились со сверстниками. Вечером между собой долго шептались, а перед тем как заснуть, Леня сказал товарищу: «Я как можно скорее должен поступить помощником к ассенизатору».

Скоро эта возможность представилась. Однажды мальчик увидел проезжавшую мимо телегу с деревянной бочкой. На телеге сидел мужчина. Отъехав немного, телега вдруг наклонилась на бок. Треснула ось.

— Мальчик, подержи лошадь, — сказал мужнина, а сам пошел в конец улицы. Леня быстро подбежал и взял лошадь под уздцы. Вскоре вернулся хозяин повозки, неся колесо и березовую жердь. Достал из-за пояса топор, сунул его в руки мальчишке — шкури.

Леня быстро выполнил задание. Скоро ремонт был закончен. Мужчина внимательно посмотрел на мальчика и, произнес простуженным голосом:

— Меня зовут Иван Семенович.

— А меня Леня.

— Ну вот и познакомились, — сказал мужчина, сел на телегу и поехал.

Вечером Леня снова увидел Ивана Семеновича. Он ехал в зону.

— Если хочешь работать со мной, садись. Для немцев ты мне племянник, я тебе — дядя.

Когда подъехали к зоне, из проходной вышли два солдата с автоматами. Один подошел к подводе, забрался на телегу, жестом руки показал на крышку. Иван Семенович открыл бочку. Убедившись, что она пуста, обыскав обоих, немец крикнул: «Шнель» (быстрее), второй открыл ворота.

Пока Леня находился в зоне, он внимательно все рассматривал и запоминал. Когда возвращались, солдат приказал свернуть с дороги и остановиться. Потом он обыскал Ивана Семеновича и Леню, снова жестом показал, чтобы открыли крышку бочки, железным прутом прощупал содержимое и разрешил ехать.

Итак, первое поручение ребята-разведчики выполнили: один из них даже лично был на территории склада. Юра вернулся в бригаду, а Леня остался в деревне.

Многодневная работа сдружила мальчика с Иваном Семеновичем. И вот однажды он сказал Лене:

— Мы должны сделать очень важную и опасную работу. Ты мне поможешь.

На следующий день, пройдя проверку и обыск, подъехали к месту работы. Мимо них прошел немецкий патруль, несущий охрану внутри склада. Когда его шаги затихли, Иван Семенович нырнул в склад. Вскоре он вернулся, неся в руках снаряд и мину, быстро уложил их внутрь, к стенкам бочки, подперев заранее сделанными деревянными перегородка-

ми. Потом они быстро заполнили бочку нечистотами. Так удачно они сделали несколько ездок.

На рассвете Леня пошел в партизанскую бригаду по маршруту, указанному Иваном Семеновичем, чтобы доложить о выполнении задания. С наступлением темноты мальчик провел партизан к месту, где были зарыты мины и снаряды. Штаб бригады сообщил по рации в Ленинград о выполнении задания. Ночью прибыл самолет, а с ним представитель Ставки Верховного Командования советских войск. В беседе с Леней его интересовали малейшие подробности. Взяв с собой мины и снаряды, под утро самолет вылетел в Москву.

Советское правительство высоко оценило мужество юных разведчиков. Юра Соколов был награжден орденом Красной Звезды, а Леня Голиков орденом Боевого Красного Знамени.

И. ВОРОБЬЕВ,
бывший начальник штаба 4-й партизанской бригады,
подполковник в отставке.
пос. Кедровое.
«Красное знамя», № 18, 11.02.1975 г.

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»? НИКОГДА!

Вспоминаю 1941 год. Закончились занятия в школе. Не угасли еще впечатления от выпускного вечера. Мы пошли работать в колхоз. 21 июня— суббота. В колхозном клубе кинофильм «Веселые ребята». Расходимся веселые и счастливые. А утром 22 июня слово «война» заставило посмотреть на все глазами взрослых, вспомнить испанских ребят, рассказы учителей и старших об ужасах войны.

Значит, враг хочет отнять у нас то, что дороже всего: Родину, право считать себя человеком и жить. Он хочет быть хозяином того, что сделано нашим народом.

А уже через месяц все поняли, что значит фашизм и что значит «новый порядок». Евреи — это не люди, их необходимо всех уничтожить. Приказы для населения оккупированной Белоруссии заканчивались одним словом: расстрел. Не выдало село коммунистов — всем жителям расстрел, а село сжечь. Поймали в лесу мужчину — партизан, повесить! Не вышел на работу по указанию старосты — 50 плетей. А все сводилось к одному — смерть или рабство.

Но наш народ не покорился «новому порядку» и по призыву Коммунистической партии поднялся на борьбу против немецких оккупантов и их прихвостней. Повсюду стали возникать партизанские отряды и соединения, подпольные группы и комитеты. Рядом с участниками гражданской войны шли в бой вчерашние школьники, женщины, девушки.

Я был одним из самых молодых участников партизанского движения в Белоруссии.

16 июля 1944 года в Минске состоялся партизанский парад, а после парада — вручение наград и характеристик. Меня наградили медалью «Партизану Отечественной войны» II степени и выдали боевую характеристику, в которой было написано, что я проявил себя преданным делу партии партизаном. Читая, я не совсем верил глазам. Ведь мне еще не было и восемнадцати, и я не совершил подвига, который поставил бы меня в один ряд с коммунистами, но для меня тогда эта характеристика была самой высокой наградой.

И в моей памяти промелькнули все партизанские боевые дела против оккупантов в отряде имени Фрунзе партизанской бригады «Красное знамя», которая действовала в Червеньском районе Минской области. Вспомнились погибшие товарищи, тревожные ночи блокад, засады, «рельсовая война» и другие боевые дела отряда, в которых я принимал участие.

И только позже, вспоминая хвастливые заявления гитлеровцев о непобедимости не-

мецкой армии, я понял, что подвиг совершен всенародный. Совершили его погибшие и оставшиеся в живых. И в этом большом всенародном подвиге была частица моего ратного труда.

В авангарде борьбы против немецких оккупантов были коммунисты и комсомольцы. Наши старшие товарищи и командиры своим мужеством и отвагой увлекали молодежь на борьбу против оккупантов. И мы следовали их примеру, ибо знали, что защищаем свою Родину, свой народ и святое достояние человечества — социализм.

А. БАБИНОВИЧ,
участник партизанского движения в Белоруссии,
директор школы № 4.
«Красное знамя», № 56, 9.05.1975 г.

ПАРТИЗАНСКИЕ НОЧИ

Февраль 1944 года выдался в Белоруссии морозным. В одну из стылых ночей группа партизан вышла на задание. Холод пробирал до самых костей. Анатолий Бабинович его не замечал, как не замечал и звезд, высыпавших на небе и сияющих яркою чистотой. Вот уже неделя, как не удается партизанам подобраться к железнодорожному полотну.

Анатолий волновался. Акимов, командир отряда, впервые поручил ему возглавить группу по подрыву эшелона. Следом за ним шли Янославский, Камель, Подосиновик, трое испытанных товарищей, с которыми не раз ходил он на задания. А вот Осипов и Воропаев — новенькие. Кажется, хорошие, надежные ребята. Они будут на прикрытии.

— Странно в жизни получается, думал Анатолий. Мечтал стать машинистом, водить по рельсам послушные громадины. А сейчас шагаешь вот для того, чтобы взрывать эти рельсы, разрушать их. Лишь, бы не служили они ненавистному врагу!

Толовые шашки оттягивали карманы. Ах, какой фейерверк однажды с этими шашками устроили партизаны, когда усилиями трех партизанских бригад вывели из строя на целый месяц железнодорожный путь на бобруйской ветке от станции Осиповичи! Как-то будет сегодня?..

Остановились, еще раз обсудили задачи каждого, договорились о месте сбора при отходе. Луна закатилась, и в наступившей темноте, кажется, стало еще холодней. К железнодорожному полотну подошли тихо. Кажется, сегодня повезет. На путях было спокойно. Анатолий вместе с Янославским осторожно поползли к насыпи, стараясь плотнее втиснуться в землю, слиться с ней воедино. Остальные, спрятавшись в укрытие, следили, чтобы не пропустить опасность. Вот и насыпь. Лежа на боку, ловко орудуя финкой, они подрыли землю под рельсами, заложили шашки, соединили шнуры, тщательно их замаскировали и — в укрытие. Осталось только ждать. Все шло, как по маслу. Когда состав достиг заминированного места, Анатолий дернул шнуры. Раздался грохот, и в свете огня он увидел вздыбившиеся платформы. Дело сделано! А теперь скорее в лес, под его защиту! Охрана с насыпи ударила по партизанам. Но было уже поздно! На один эшелон с техникой стало у гитлеровцев меньше.

Это только один из эпизодов партизанской борьбы Анатолия Кононовича Бабиновича, ныне учителя истории в школе рабочей молодежи.

«А. К. Бабинович, будучи в партизанском отряде имени Фрунзе партизанской бригады «Красное знамя», проявил себя смелым, мужественным и преданным делу партии», читаем мы в его боевой характеристике.

Война в жизнь четырнадцатилетнего мальчишки ворвалась как гром среди ясного, безоблачного неба. Примчавшись из соседней деревни, куда сбегались все ребята из окрест-

ных деревень, чтобы покачаться на качелях, он взахлеб пил воду. Отец, сидевший у окна и чем-то явно встревоженный, попросил:

«Ну-ка, Анатоль, сбегай-ка в школу, разузнай, что случилось. Народ бежит». И правда, со всех дворов, их всего 17, кто помоложе — бегом, скорым шагом семенили старые к школе. Сюда обычно сходятся всегда, чтобы узнать новости, обсудить события, происходящие в соседних селах, в стране. Сюда и прибыл нарочный из сельсовета, чтобы сообщить о войне.

«Война» — Анатолий увидел, как полоснуло холодом это слово по лицам его матери, отца, который прошел гражданскую, сражался под Царицыным, видел Ворошилова, Сталина и об этом часто рассказывал ему и брату.

...Сначала Анатолий был связным, а затем перешел в партизанский отряд, куда впоследствии привел и своих родителей.

17 июля 1944 года. В Минске — парад партизанских соединений. А. К Бабинович печатает шаг по площади вместе со своим отрядом. И шаг за шагом встают в сознании картины партизанской жизни: морозные ночи в лесу, тревога в глазах родителей за судьбу меньшого, о старшем, Николае, ушедшем на фронт с первых дней войны, не было никаких вестей. Это потом они узнают, что всю войну он сражался в партизанском отряде в соседней области. И как сильно потрепал их немец в последней блокировке, когда бросил против них крупные силы, предназначенные для наступления на Белорусском фронте. Чудом тогда, благодаря внезапно начавшемуся ливню, удалось спастись, выйти из окружения вместе с обозами.

— Да, смерть ходила рядом не раз, — рассказывает Анатолий Кононович. — Это было в конце сентября. Возвращаюсь ночью с задания, подошел к речке Уса. И как-то тревожно мне стало на душе. Дай, думаю, не пойду по мостку, лучше вброд. Отошел метров сто в сторону, прислушался— тихо. Разделся донага, собрал все в котомку и — в речку. Раз, правда, ухнул по горло, вылез, побивал дробь зубами, но в целости вернулся на базу. Следом же почти за мной связной из другого отряда попал здесь в засаду, которую устроили полицаи.

...Много лет прошло с тех пор и много воды утекло. Из партизанского отряда попал в регулярные соединения советских войск, чуть не дошел до Варшавы, в конце войны учился в пехотном училище, стал кадровым военным, потом многие годы учительствования в школе. Но партизанская жизнь, те партизанские ночи остаются в памяти самыми яркими воспоминаниями. Как самую дорогую награду хранит Анатолий Кононович медаль «Партизану Отечественной войны».

С. ДУЛЕПОВА.

«Красное знамя», № 56, 9.05.1985 г.

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

Великая Отечественная война 1941–45 годов оставила в памяти людей нашего поколения неизгладимый след патриотических дел и представление о войне во всех ее проявлениях. Особенно это касается жителей Белоруссии, которая фактически стала театром военных действий на протяжении трех лет. Белоруссы с глубокой болью в сердцах пережили отступление Красной Армии в 1941 году; партизанскую войну, участниками которой стали многие из них; и, наконец, наступление Красной Армии в 1944 году, закончившееся полным освобождением всей территории от фашистских оккупантов.

Мое место рождения и жительства в то время расположено в 100 км на восток от Минска, по шоссейной дороге Минск—Могилев. Это деревня Старая Подволошка Минской области.

Нетрудно догадаться, что это было одно из главных направлений в наступлении немецкой армии на Москву. А поэтому эта территория стала местом формирования партизанских отрядов и соединений. В 1941 году ядром этих боевых единиц были коммунисты-подпольщики, а также бойцы и командиры Красной Армии, которые оказались в окружении. А в 1942 году партизанское движение стало массовым. С 1943 года и я стал партизаном партизанской бригады «Красное Знамя»; парт. отряд имени Фрунзе. Базировалось это соединение в Червеньском и Осиповичском районах Минской области. Было мне тогда шестнадцать лет.

Перед партизанскими соединениями стояли серьезные задачи: это помощь и охрана населения, создание для немецкой армии и ее прислужников невыносимых условий, уничтожение живой силы и техники противника, лишение ее продовольствия и сырья для немецкой промышленности, сохранение своих собственных сил, ведение разведки. Этим определяются и методы партизанской борьбы. Это подрыв железнодорожных путей и эшелонов, повреждение шоссейных дорог и мостов, линий связи. Засады с целью уничтожения живой силы и техники, захват трофеев, особенно оружия. Разгром немецких гарнизонов, ведение разведки, разоблачение лживой немецкой пропаганды. В связи с этим партизанам приходилось преодолевать большие трудности: это и длительные переходы, холод и голод, огорчения за неудачные операции, потеря товарищей.

1943 год был для партизанских отрядов особенным. Началась «рельсовая война» в полном смысле этого слова. В одном из таких выходов на железную дорогу участвовал и я. Это было в июне месяце 1943 года. Бригада в составе трех отрядов (а это около 500 человек) совершила подрыв железнодорожного полотна и прочих сооружений на перегоне Осиповичи—Татарка. Если учесть, что этот участок находится вблизи Минска, то задача была нелегкой. Но нас там не ожидали. Далее подход к железнодорожному полотну был опасным, потому что лес и кусты, не менее чем на 100–150 метров от полотна, были вырублены и сожжены. Были возведены препятствия из заградительной проволоки и спирали «Бруно», установлена круглосуточная охрана полицейскими силами. Операция проходила двумя группами. Первая — это штурмовая группа. Ее задача: снять охрану и подавлять огневые точки. Вторая — подрывники. И вот началось. Где-то в 2–3 часа ночи раздались первые пулеметные, автоматные и винтовочные выстрелы. Перестрелка с обеих сторон продолжалась минут 30–40. Затем, справа и слева взвились зеленые ракеты и начали выдвигаться на железнодорожное полотно подрывники.

Каждый из подрывников имел 2 толовые шашки. Задача подрывника состояла в том, чтобы выйти на железнодорожное полотно, закрепить шашки и поджечь бикфордовы шнуры. Для быстроты использовали проволочные скобы. Это знаит так: прикладываешь шашку к рельсу и закрепляешь скобой, поджигаешь шнур и уходишь. Кто будет читать мои воспоминания, может подумать, что все это очень просто. Но это не так. Ведь стрельба вокруг продолжается. Да и охрана частично разбежалась, затаилась в темноте. Началась сплошная канонада взрывов. Все это я пережил, прочувствовал и знаю, как тяжело подыматься на железнодорожное полотно и как легко сходить в откос, когда горят подожженные тобой шнуры. Примерно, через час взрывы прекратились и взвились красные ракеты. А это значит отход. Начался рассвет. И несмотря на то, что все были усталые, несли раненых и убитых, но задание выполнено и раздавалась в лесу любимая партизанская песня.

«Мы шли на дело ночкой темной,
Громить коварного врага.
Кипела злоба неустанно.
Нам жизнь была недорога».

Результат: железнодорожное сообщение Минск-Бобруйск было прервано более чем на неделю. И это в то время, когда фашисты готовили наступление на Курской дуге.

В феврале 1944 года я участвовал в подрыве железнодорожного эшелона на перегоне

23 Заказ 3356

между станциями Жодино—Плиса. (Это Борисовское направление, недалеко от Минска). На такие задания времени отводилось один месяц. Группа из 5–8 человек выдвигалась в район железной дороги и вела подготовку. Ибо подорвать эшелон в 1944 году было нелегко. Об охранных мероприятиях, которые немцы предприняли на железной дороге, я указал ранее. Но в данном случае нужно еще дополнить тем, что воинские эшелоны немцы пропускали в светлое время суток, скорость сократили и ставили 2-3 платформы с песком перед паровозом. Партизанам-подрывникам приходилось находить наиболее уязвимые участки железной дороги. А они находились вблизи станций. Такой участок избрали и мы. Это станция Плиса. Подготовка шла более недели. И вот 17 февраля. Казалось бы, все подготовлено. На рассвете выдвигаемся к железнодорожной станции. А вот и «железка». Время действовать. Иду с миной я. (Мина весит 10–12 кг и шнур более 50 метров). За ремнем, на поводке, штык от СВТ. Мороз. Двое выдвигаемся, остальные пятеро прикрывают. На полотно взбираюсь «по-пластунски», ложусь на бок и начинаю делать подкоп под рельс. Мерзлая земля со щебнем трудно поддается рыхлению. Кажется, работа идет очень медленно. Но подкоп готов и я ставлю мину, привязываю шнур, маскирую и спускаюсь в кювет. Самое ответственное дело сделано. Медленно отходим и разматываем шнур. Двое остаемся у шнура, а остальные отходят метров на 50. Ждем поезда, время идет очень медленно. Но вот появляется и все усиливается звук идущего поезда. В этот миг становишься каким-то каменным. Одна мысль — не порвался бы шнур. А вот и поезд на подходе. Все тихо. Пропускаю платформы, тяну шнур. Взрыв. Все стихло. Отходим. Охрана открыла беспорядочную стрельбу. То ползком, то пригибаясь, отходим к лесу, на стрельбу не обращаем внимания. В лесу берем в сторону и отходим дальше. Потерь нет. Задание выполнено. Теперь небольшой отдых в тихой, глухой деревеньке и возвращение на базу. Борьба продолжается, продолжается и песня.

«Свистели пули, ветер злился,
Метель подняла снежный вой.
Мой друг-товарищ повалился,
Подкошен пулей роковой».

К счастью, никто из товарищей в данной операции не упал и это придает нам силы для будущих боевых дел.

И последняя крупная операция, которая совершилась в конце июня 1944 года — это бой за шоссе Минск—Могилев, в 40 километрах от Минска, возле деревни Колодищи. Обстановка была такова, что, начиная с 25 июня, по шоссе шли почти непрерывно автомашины отступающих оккупантов. Наша бригада сделала массовую засаду, обстреляли противника и удачно отошли. В тот же день мы встретились с разведкой Красной Армии, которая просочилась из района Бобруйска. А через день всю нашу бригаду привлекли к совместным действия с Красной Армией с целью перерезать шоссе, не дать противнику отступать в плановом порядке на Минск. Бой длился почти сутки и по всем правилам войны. Красноармейцев было около роты, но они имели батарею 45-миллиметровых орудий. И вот объединенными усилиями началась эта последняя операция.

Операцией руководили командиры Красной Армии. Окопались. Орудия установили на удобном повороте шоссе. И первый выстрел из орудия по бронетранспортеру возвестил о начале операции. Буквально в считанные минуты загорелась одна, вторая, третья машины; создалась пробка, среди немцев поднялась паника. Но, как правило, после недолгого замешательства противник начал попытку восстановить положение. А для этого необходимо было уничтожить огневые точки: батареи 45-миллиметровых орудий и пулеметов. Фашисты начали атаки. Они атакуют, мы отбиваемся. И так в течение всего дня. И только к вечеру атаки прекратились. Немцы решили использовать рокадную дорогу, справа на деревню Реваничи, где они полностью были взяты в плен. В то время мы не знали, что уже идет окру-

жение города Минска, а мы тем самым не допустили подкрепления минской группировке с Востока. А 3 июля был освобожден Минск. Операция «Багратион» завершилась, и очень успешно.

После этого боя в лес мы не возвратились, а расположились в городском поселке Червень до особого распоряжения. Потом путь на Минск, где 16 июля состоялся партизанский парад белорусских партизан. Участником парада был и я. А через пару дней было построение бригады. Нам вручили документы, а многим награды. Меня наградили медалью «Партизану Отечественной войны II степени». Кто служил в армии, тех в армию, кого домой, кого на восстановление Советской власти. А нас 26-го года рождения оказалось двое — в военкомат, который определил нас в 206-й запасной полк. А там через две недели маршевая рота и на фронт. Попал я в 150-ю стрелковую дивизию, где в качестве пулеметчика 1-го номера станкового пулемета воевал на Наревском плацдарме в Польше. В декабре 1944 года меня направили с фронта на учебу в Свердловское пехотное училище. На этом моя боевая страничка окончилась. Началась мирная жизнь и служба. А песня не забыта, продолжается.

«Прощай, товарищ, славный воин,
Пусть пронесется злой буран.
Высокой почести достоин,
Наш Красный партизан».

А. К. БАБИНОВИЧ,
9.01.2000 г.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ...

Занимаясь судьбами среднеуральцев, не вернувшихся с войны, я просмотрел в горвоенкомате сотни извещении из фронтовых воинских частей. Во многих этих скорбных документах сообщается: «пропал без вести». Что означают они, столь неопределенные слова? Затерялся ли бесследно в глухих лесах солдат при выходе из окружения, или попал в плен и погиб в концлагере? А может пристал под видом родственника к какой-нибудь семье в оккупированном селе, да осточертело ему прятаться под чужой личиной и пошел один в открытую на врага и сгинул? Все может быть. Война по-разному и круто поворачивала людские судьбы. Об одной из них я и хочу рассказать.

Месяца два назад я снова просматривал документы военных лет и обнаружил вот такую справку, присланную в сентябре 1944 года военным комиссаром города Навля Брянской области:

«Справка. Выдана в том, что лейтенант Кириченко Павел Елисеевич, попав в плен или окружение, в 1941 и 1942 годах находился в Девичьевском сельсовете Навлинского района Брянской области, не подчинился немецким властям, организовал партизанский отряд и ушел в лес. Отряд распался, а Кириченко скрывался от немцев. 7 мая 1942 года полиция окружила дом в селе Девичьем, где находился Кириченко. Он отстреливался из автомата... и был убит полицией. Был похоронен на конском кладбище.

Основание: акт, составленный председателем и секретарем Девичьевского сельсовета».

На обороте справки карандашом написано: «Кириченко П. Е., рождения 1920 г., призван Орджоникидзевским РВК 17 июня 1941 г. Служил в 629 отдельном стр. батальоне. Мать Кириченко Анна Ивановна, жена Гаранжа Мария Тимофеевна. Верх-Пышм. р-н Свердл. обл. квартал 323».

Это все, что я узнал о Павле из документов. Мне захотелось найти его родственников и поговорить с ними. Выяснилось, что бывший квартал 323 — теперь поселок Нагорное. Здесь

я и разыскал брата Павла — Константина Елисеевича, который работает кузнецом в отделении совхоза. С ним разговаривал по телефону. Константин Елисеевич к моим сведениям добавил немногое: да, Павел его брат, в декабре 1941 года с фронта пришло извещение, что он пропал без вести. А позднее о Павле написала девушка из той деревни, где он погиб. Переписку с девушкой вела сестра Павла и Константина — Софья, которая живет на станции Тинской Красноярского края.

Я написал Софье Елисеевне и — о, радость! — получил ответ. В ее письмо было вложено еще одно — пожелтевшее от времени, — сложенное треугольником, с оторванным углом. Датировано оно 12 октября 1943 года и адресовано матери Павла — Анне Ивановне. Написала его Евдокия Рыжонкова из села Девичье. Софья Елисеевна сообщает, что с Евдокией она переписывалась до 1949 года, но уцелело только первое письмо, остальные сохранились лишь в памяти. Из писем Евдокии Рыжонковой и Софьи Елисеевны о Павле Кириченко я узнал вот что.

Жил он в Нагорном, потом в Красном окончил школу ФЗУ на Уралмаше и работал кузнецом. На фронт пошел комсомольцем и рядовым солдатом в июне 1941 года, А в декабре, когда попал в окружение, бы уже лейтенантом. Сам факт его быстрого роста говорит о том, что воевал Павел хорошо, как подобает патриоту и комсомольцу. В селе Девичьем Павел прожил с 20 декабря 1941 года по 7 мая 1942 года. Приняли его в одну семью под видом зятя. Павел исподволь подбирал товарищей в партизанский отряд, собирал оружие и готовил в лесу базу, намечал начать весной активные действия против оккупантов. Но, по независящим от него причинам, Павлу не удалось довести задуманное до конца.

В ночь с 6 на 7 мая 1942 года в крайней избе села Павел собрал товарищей на совет. К тому времени оккупанты уже показали истинное лицо «нового порядка». В Девичьем уже было немало людей, которые готовы были взять в руки оружие для борьбы с фашистами и их прихвостнями полицаями. Вот и надо было окончательно обо всем договориться. Но...

Утром избу окружили полицаи. Прикрывая отход товарищей, Павел вступил в неравный бой. Он отстреливался из автомата до последнего патрона. У Павла еще было три гранаты. Две он бросил в приближающихся к избе полицейских, третью — себе под ноги...

Вот так ушел из жизни наш земляк Павел Кириченко. Софья Елисеевна прислала мне довоенную фотографию Павла. Волевое лицо, открытый взгляд... Он был очень молод, когда уходил на фронт. Многое не успел сделать из того, что мог бы. Но главное смог — показал свою беззаветную преданность Родине и народу, достойным сыном которых он был.

В. ГРИНЕВИЧ,
«Красное знамя», № 148, 18.12.1969 г.

ПОДВИГ, СТАВШИЙ ЛЕГЕНДОЙ

В № 148 газеты «Красное знамя» за 18.12.1969 года был опубликован мой очерк «Без вести пропавший...» о нашем земляке из поселка Нагорное Павле Кириченко, который героически погиб в неравном бою с немцами в селе Девичье Брянской области. Эту газету прочитала боевая соратница Павла по борьбе с оккупантами Евдокия Трофимовна Рыжонкова, теперь Шумакова. Сейчас она живет в Краснодарском крае в станице Дондуковской. Она прислала нам письмо с новыми сведениями о Павле Кириченко. Вот это письмо: «С течением времени многие события забываются, а вот то, что случилось с Павлом, я никогда не забуду. Расскажу о его жизни в нашем селе Девичьем, о его боевых делах. Как-то в село приехал немецкий обоз за очередной данью. Оккупанты рыскали по хатам, забирали зерно, муку, свиней, птицу. К вечеру нагрузили телеги награбленным добром и выехали в районный центр Навлю. Километрах в пяти от села обоз был обстрелян из засады. Немцы сбросили с первых подвод продоволь-

ствие и удрали налегке, бросив груженые повозки. Это нападение было совершено Павлом Кириченко, жителем нашего села Станиславом Тихомировым и еще одним окруженцем, фамилию которого я забыла.

А вот еще случай. В апреле 1942 года в село пришли партизаны, собрали жителей на митинг, рассказали об обстановке на фронтах, о жизни страны, о делах партизан. Люди, узнав правду, выше подняли головы. Фашисты ведь брехали всякие небылицы и правдивое слово было на вес золота на оккупированной территории. О митинге узнал начальник волостной полиции Ермольцев и грозился расстрелять всех полицейских села, если они еще раз допустят партизан.

В нашей сельской полиции служили тогда два негодяя — И. Рыженков и Р. Петухов. Они вызвались выследить партизан, но их подлые намерения не сбылись: предателей застрелил Павел Кириченко.

Бесстрашный он был человек. Обезоруживал постовых полицейских, собирал и уводил в лес попавших в окружение наших солдат, писал листовки и с помощью надежных парней и девушек распространял их.

Листовки писать он умел, его слова правды доходили до умов и сердец, будили ненависть к захватчикам.

У Павла была склонность к литературному творчеству. Он писал стихи, полные гнева к фашистам. Может, он и стал бы поэтом.

Как он погиб, вы уже знаете. Полицейских было больше полусотни и бился Павел с ними долго. Они все кричали ему: «Сдавайся!», но он стрелял до последнего патрона. А когда его автомат замолк, Павел во весь голос крикнул: «Нет, мерзавцы, я не сдамся продажной сволочи! Придет на вас возмездие. Красная Армия близко!» Потом раздался взрыв и все стихло.

Как вороны слетелись к телу Павла полицаи. Даже их мерзкие души не могли не восхищаться героем. Помню, один из них сказал: «Да, силен был парень!» Павел и мертвый был непримирим к врагам. Ладони его рук были крепко сжаты в кулаки, брови сурово сдвинуты. Казалось, он сейчас встанет и снова бросится в бой.

По приказанию полицейского начальника Павел был похоронен на могильнике, куда свозили павших животных. Так решили враги его осрамить мертвого, но жители села тайком приносили цветы на могилу героя. После освобождения села Красной Армией тело Павла было перенесено на братское кладбище. Мы поставили над его могилой памятник и посадили тополек. Теперь тополь стал могучим, он шумит листвой над Павлом, словно рассказывает ему о нашей жизни, успехах.

Убийцы Павла не ушли от возмездия, их судили. А подвиг героя-уральца не забыт моими односельчанами. О нем написаны стихи, о его подвиге писала районная газета. Мало пожил Павел Кириченко в селе Девичьем, но пожил достойно, мужественно, и память о нем, как прекрасная легенда, передается людской молвой.

С приветом и уважением Евдокия Шумакова.

Кое-какие сведения о Павле Кириченко сообщает и его сестра Софья Елисеевна. Она пишет: «Провожала я Павлика на фронт из Перми. При прощании он сказал мне: «Сестра! Если что со мной случится — знай, что твой брат не погибнет позорно. Стыдно вам за меня не будет». Он просил не плакать по нему в случае гибели и беречь сына. Кстати сказать, что сын родился уже после призыва Павла в армию и он узнал об этом перед самой отправкой на фронт. Так Павел и не увидел свое дитя. Сын Павла — Владимир — вырос достойным отца. Живет он в Крыму, работает механизатором в совхозе, является чемпионом Крыма по стрельбе.

В. ГРИНЕВИЧ.

«Красное знамя», № 11, 27.01.1970 г.

ОН ЖИЛ В КРАСНОМ

В последние дни учебного года музей боевой славы во Дворце энергетиков посетила большая группа четвероклассников средней школы № 16 поселка Красного. Ребята внимательно осмотрели экспонаты, задали много вопросов. Увидели они в музее и две газетные вырезки с фотографией жителя поселка Красного, бывшего ученика их школы лейтенанта Павла Кириченко, который, оказавшись в 1941 году в окружении, не сдался врагу.

Организовав отряд из комсомольцев и жителей села Девичье Брянской области, он устраивал засады на гитлеровцев и полицаев, распространял листовки, уничтожал предателей.

7 мая 1942 года, прикрывая отход товарищей, в течение нескольких часов Павел отбивался от более чем полусотни полицаев. Когда кончились патроны в автомате, он взялся за гранаты. Последнюю гранату он бросил себе под ноги, когда его собирались схватить подбежавшие полицаи.

...Я был на месте гибели героя, был на его могиле, разговаривал со свидетелями последнего боя уральца. До сих пор люди не перестают восхищаться мужеством патриота Родины.

Внимательно слушали ребята рассказ о подвиге бывшего ученика их школы. В книге отзывов музея учащиеся Патраков, Габайдуллин, Норина, Наумова, Кармацких, Распов, Бражникова, Гаранина записали:

«Преклоняемся перед памятью павших. Обещаем свято хранить в памяти своей их имена. Обещаем в своем поселке начать поисковую работу по выявлению воинов-участников Великой Отечественной войны, наших земляков».

В. ГРИНЕВИЧ.

«Красное знамя», № 69, 8.06.1976 г.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ПАВЛА КИРИЧЕНКО

Двадцать лет назад в нашем горвоенкомате я узнал о том, что лейтенант Кириченко Павел Елисеевич, призванный в армию из Верхней Пышмы 17 июня 1941 года, попав на Брянщине в окружение, организовал партизанский отряд и ушел в лес. 7 мая 1942 года он был убит полицией. Связавшись с родным братом Павла Константином Елисеевичем, живущим в поселке Красное, я нашел нить дальнейших поисков, получив письмо от очевидца тех далеких событий Евдокии Рыжонковой, живущей ныне на Северном Кавказе. Привожу выдержки из писем, полученных от Евдокии Трофимовны. Первое письмо датировано 12 октября 1943 года. Написано оно сразу же после освобождения Брянщины от немецких оккупантов и адресовано матери Павла.

«...Пишу вам о судьбе вашего сына Павла. Его я знала с 20 декабря 1941 года, с момента появления в нашей деревне Девичье Брянской области, до момента гибели — 7 мая 1942 года. За эти 4 месяца и 19 дней Павел вел в селе большую подпольную работу, а когда в селе организовалась полиция, он ушел в лес, откуда иногда наведывался ночью на деревню, где забирал оружие, приготовленное его близким товарищем Тихомировым.

7 мая 1942 года он погиб, отбиваясь от большой своры полицаев, подорвав себя последней гранатой.

Зарыли Павла на скотском кладбище. Такова была воля полицейской сволочи.

...Так героической смертью погиб наш друг и верный товарищ, а ваш сын Павел. Вечная ему память!»

Подробное письмо с ответами на интересующие меня вопросы я получил в январе 1970 года. Вот текст этого письма:

«Уважаемый Виктор Иванович!

К сожалению, Ваше письмо и номер газеты «Красное знамя» от 18 декабря 1969 года я получила с большим опозданием по той лишь причине, что я живу не в селе Девичье, а в Краснодарском крае. Мне сюда переслала письмо сестра моего мужа из села Девичье. Но лучше поздно, чем никогда. Не так ли?

Что могу я добавить о нашем Павле Кириченко спустя 28 лет назад? Да, с течением времени многое в памяти поистерлось, а, с другой стороны, на все смотришь другими глазами, но вот случай с Вашим земляком и сейчас в памяти сохранился ясно, будто это произошло вчера только.

Но я отклонилась, извините. Отвечаю на Ваши вопросы:

Участвовал ли Павел в диверсиях? Да. Помню, наехал в деревню обоз немцев за очередной данью. Начали рыскать по хатам, выгребая рожь, муку, ловили птицу, убивали свиней. В общем, к вечеру они нагрузились награбленным добром и поехали в районный центр Навлю через лес. Отъехав километров пять от села, обоз был обстрелян. Немцы, не ожидая засады, растерялись. Бой вели Павел, его друг Стас Тихомиров и еще один бывший военнопленный, не знаю его фамилию. В результате чего две первых подводы, сбросив груз, быстро уехали, побросав все остальные.

Потом еще случай. Это было, кажется, в апреле 1942 года. В село пришли партизаны тайно, конечно, но сумели в колхозной конторе провести собрание и разъяснить людям действительное положение дел на фронте. Люди выше подняли голову, узнав правду. Вскоре об этом пронюхали полицаи. Начальник волостной полиции Ермольев, бывший преступник, пришел в ярость и грозился всю полицию расстрелять, если опять впустят в село партизан. Тут как раз и вызвались два полицая жизнь положить, а подкараулить и задержать партизан.

Все знали этих предателей только с плохой стороны. Один был очень недалекий человек, который за 100 немецких марок и отца с матерью свободно продаст, другой был тоже вьюн и подлипала.

Кириченко как житель села вызвался сам быть на посту (это край деревни от леса), где были постовыми два этих шкурника. Однажды ночью пришли в село партизаны. Полицаи эти — Р. Петухов и И. Рыженков — подняли тревогу, и тут же их уложил обоих Кириченко. На выстрелы сбежалась полиция. Кириченко взяли. Но через два дня выпустили. Ему удалось доказать, что полицаи были убиты партизанами.

Павел был бесстрашный. Часто вечером пройдет по постам, обезоружит всех постовых и прогонит домой. Он даже самого старосту держал в устрашении и тот его боялся, знал, что Павел — опасный для них человек.

Кроме работы с комсомольцами и окруженцами-солдатами в лесу (у них там был полный арсенал всякого оружия, потом его передали партизанам), он широко вел разъяснительную работу среди населения, организовав на это дело девушек и парней, составлял листовки, в которых горячо призывал народ, не верить в фашистскую брехню, смелее подниматься на борьбу с врагом. Мы расклеивали листовки в своем селе, а он с ними проникал в самое пекло полицаев в село Литовня и клеил их прямо на домах самых ярых помощников немцев начальника полиции, старшины. Я сама однажды решила проверить, правда ли это. Пошла в Литовню к знакомой женщине, у нее жил сам начальник полиции. Она стала жаловаться, что нет жизни от партизан, даже на их дом клеят листовки, и показала мне одну из них.

После гибели Павла у него в боковом кармане нашли дневник и тетрадь со стихами и даже поэмой о Ленине. Что там было, не знаю. Знаю, что стихи он писал неплохо, с душой, он в них излагал горечь временных неудач и пылающую ненависть к непрошеным гостям.

Теперь о его гибели коротко, ведь это Вам уже известно. Да его предал такой же солдат-окруженец, но человек с другой моралью. Не знаю фамилию, знаю только, что он из Москвы, звали его Василием.

Не забыть этот неравный бой одного человека со сворой полицаев под предводительством старшины. Их было человек 60, если не больше. А бой-то был продолжительный. Строчили из автоматов, рвались гранаты, слышались выкрики полицаев: «Сдавайся!" И вот бой стих и во весь голос крикнул Павел: «Нет, я не сдамся, мерзавцы, продажная сволочь! Берегитесь возмездия! Красная Армия близко!» И раздался оглушительный взрыв. Все стихло.

Как вороны слетелись к бездыханному телу убийцы. Но даже эти, отпетые негодяи с завистью глядели на мертвого героя, один из них проговорил. «Силен был парень!»

Тело Павла было приказано зарыть на скотском кладбище. Полицаи, ограбили дом, убили хозяйку, забрали своих убитых и раненых и уехали в своё логово.

Павла положили на перила крыльца. Он лежал с плотно сжатыми губами, брови сдвинуты в лютой ненависти к врагам, руки крепко сжаты в кулаки. Смотришь и, кажется, сейчас бросится на врага. Он лежал без единой царапины, только со стороны затылка все из головы было выброшено. Так как гранату он бросил не под ноги, а взорвал, наверное, у головы.

Народ стоял молча, женщины плакали. После писали о нем стихотворения, а могилка его вся была в цветах, которые менялись ежедневно. Пытались полицаи подкараулить, но ничего не получалось, потому что это кладбище было между полями и лугами. Люди, работая в поле или на лугу, обязательно заходили к нему, к своему герою, вили венки, ровняли холмик.

После освобождения села тело Павла было перенесено в братскую могилу. На ней был поставлен памятник, забор и посажены цветы. В намять о славном герое мы посадили на могилке тополь. Теперь над головой Павла шумит могучее дерево, рассказывает ему о нашей жизни. Мы никогда его не забудем и, как легенду, передадим его подвиг потомкам.

Да, еще забыла рассказать о последствиях. Через неделю после смерти Павла полицаи арестовали директора школы Тихомирова и его сына Стаса — товарища, друга Павла, но от них ничего не добились и расстреляли их. А дня через два старшину волости вызвали на площадь и в упор расстреляли. Это была месть партизан за гибель своего товарища Павла. Потом полицаи расстреляли еще комсомольца В. Акулова, братьев Богдановых.

Понесли наказание и полицаи, и их начальники. Их сурово судил народ. Они получили большие сроки и больше уже не вернулись домой.

Большое спасибо за газету, особенно за помещенный в ней портрет, но он лишь немного напоминает Павла. Это, наверное, фотография со времен учебы в ФЗО, на Уралмаше. Потом он был уже возмужалый, с решительным выражением лица и вместе с тем очень обаятельный».

К сказанному могу добавить, что тогда же, в 1970 году, во время своего отпуска я ездил в деревню Девичье. Разговаривал с местными жителями, побывал на месте первоначального захоронения Павла. Побывал и на братской могиле. Поклонился его праху и праху всех погибших. Поблагодарил местных жителей за добрую память о нашем земляке.

Переписывался я и с сыном героя Владимиром, живущим ныне в Крыму и работающим механизатором в совхозе. Несколько лет он был чемпионом Крыма по стрельбе.

А закончу я рассказ просьбой к исполкому поселка Красный назвать одну из новых улиц именем верного сына Родины, настоящего героя Великой Отечественной, именем Павла Кириченко, партизана и подпольщика.

В. ГРИНЕВИЧ,
руководитель музея боевой славы среднеуральцев при ДК энергетиков.
«Красное знамя», № 55, 8.05.1990 г.

НАГРАДНЫЕ ЛИСТЫ И ВЫПИСКИ ИЗ ЛИЧНЫХ ДЕЛ

НАГРАДНЫЕ ЛИСТЫ
на комсорга стрелкового полка Виктора Курмачева

В освободительных боях на севере Белоруссии отличился верхнепышминец, бывший ученик средней школы № 2 города В. Пышма лейтенант Виктор Константинович Курмачев, комсорг 1193-го стрелкового полка 360-й Невельской дивизии 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. В музее боевой славы среднеуральцев хранятся его залитые кровью документы. Поднимая своих ребят в атаку в декабре 1944 года, Курмачев был убит пулей гитлеровца. Виктор Курмачев был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. В представлениях к награждениям записано: «Тов. Курмачев перед боевой операцией по прорыву обороны противника в районе деревни Тихоново 29.04.1944 г. провел большую политико-воспитательную работу среди комсомольцев подразделениях полка. Слаженный коллектив комсомольцев, их действия обеспечили успех в прорыве сильно укрепленной обороны и уничтожении опорных пунктов врага...», а также: «За период боевых действий с 23 июня по 29 июля 1944 года при освобождении городов Полоцк, Дрисса, Краславль т. Курмачев принимал активное участие в отражении контратак противника, где лично руководил расстановкой огневых средств. 27.7.1944 г. в районе деревни Юзефово на подступах к городу Двинск возглавил группу бойцов и автоматчиков, которые овладели домами и прочно удерживали их до подхода наших частей. На всем протяжении боевых действий Курмачев находился в первых рядах и своим личным примером воодушевлял бойцов и офицеров на героические подвиги в борьбе с врагом. Проявлял при этом стойкость и мужество».

А вот что писал сам Виктор Курмачев 4 августа 1944 года: «Комсомольцы мои дерутся, как львы. И в этом есть и моя заслуга. А где нужно мне быть впереди, там и я появляюсь. То и дело то ползешь, то лежишь, то бежишь. Так и поседеть недолго. А солдатами своими я очень доволен. ...А в Западной Двине мы много фрицев потопили».

В том, что Виктор Курмачев вырос настоящим патриотом, заслуга и учителей школы № 2 (в прошлом — школы № 23) — классного руководителя Анны Ивановны Березиной, учителя географии Валентины Петровны Деменевой, математика Вассы Дмитриевны Ретневой и многих других, заслуга комсомола.

В. ГРИНЕВИЧ.

«Красное знамя», № 94, 7.08.1984 г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на лейтенанта, начальника связи эскадрильи 99-го бомбардировочного авиационного полка Томилова Михаила Васильевича

Ранее награжден орденом Красного Знамени в сентябре 1941 года. Призван Туринским РВК Свердловской области.

К 1.11.1941 года совершил 68 боевых вылетов. Бомбит отлично. Метко поражает цели. В каждом полете внимательно ведет разведку, доставляя командованию ценные сведения.

Будучи сбитым вражескими истребителями, на территории, окруженной противником, сбил из пулемета ШКАС самолет Ю-88.

На земле хорошо организовал работу оружейников, в результате чего задержек с вылетами или отказов вооружения не было.

Достоин награждения орденом Красного Знамени.

Командир 99 ап.
Военком 99 ап, батальонный комиссар.
5.11.1941 г.

* * *

Из боевой характеристики на адъютанта авиаэскадрильи 99-го ближебомбардировочного авиационного полка старшего лейтенанта Томилова Михаила Васильевича.

Родился в с. Дымково Туринского района Свердловской области в семье крестьянина-бедняка.

За период Отечественной войны работал как стрелок-бомбардир и выполнил 69 боевых вылетов, из них 8 на разведку. В бою показал себя хорошим бомбардиром. В одном из ответственных полетов разрушил прямым попаданием переправу противника, несмотря на сильный заградительный огонь.

30 апреля 1942 года.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на Томилова М. В. от 10.09.1943 г.

10 сентября 1943 года Михаил Васильевич Томилов, капитан, помощник командира 270-й бомбардировочной авиационной дивизии по воздушно-стрелковой службе представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени.

В наградном листе, в частности, сказано: «22.07.1943 г. в составе группы 18-ти самолетов ПЕ-2 в качестве штурмана с пикирования успешно бомбардировал артиллерийские позиции и скопления войск противника в пункте Калиновка. В результате отличного бомбометания в тот же день Калиновка была занята нашими наземными частями.

3.08.1943 г. в составе 17 самолетов ПЕ-2 в районе высоты 277,9 м бомбардировал укрепленный район. Результат выполнения отличный. Подтверждено фотоснимками.

18.08.1943 г. в составе 8 самолетов ПЕ-2б произвел бомбардирование в пункте Калиновка по штабу стрелковой дивизии противника. Результат был эффективный, после чего пункт был занят нашими наземными частями.

В тот же день во втором вылете в составе 8-ми самолетов ПЕ-2 с пикирования произвел успешное бомбометание укреплений и артиллерийских позиций в Мариенгейме, что подтверждено фотоснимками и после чего пункт был занят нашими наземными частями.

В третьем вылете того же дня 18.08.1943 г. в составе 9-ти самолетов ПЕ-2 успешно произвел бомбардирование скопления автомашин и танков противника в населенном пункте Алексеевка, что подтверждено фотоснимками.

За смелость, решительность и мужество, проявленные при выполнении боевых заданий командования, представляю капитана Томилова к правительственной награде — ордену Отечественной войны II степени.

Командир 27 БАД, полковник Чучев.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на гвардии майора Томилова Михаила Васильевича — штурмана эскадрильи резерва командующего 1-й Воздушной армией от 15 мая 1945 года

Ранее награжден:

орденом Красного знамени 11.09.1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР. Орден вручен 2.06.1942 г.;

орденом Отечественной войны II степени приказом № 046/н по 8 ВА 8.10.43;

орденом Отечественной войны I степени 8.08.1944 г. № 049/н по 1 ВА;

медалью «За оборону Сталинграда».

Ранен в 1941 и в 1945 годах.

За время пребывания на фронтах Отечественной войны произвел 213 боевых вылетов на бомбардировку войск и техники противника, из них 116 на самолете ПЕ-2 и 98 на самолете ПО-2. За отличное выполнение 99-и боевых заданий на самолете ПЕ-2 и умение руководить службой воздушной стрельбы дивизии трижды награжден.

После последней награды произведено 114 боевых вылетов на бомбардировку войск и техники противника в операциях над Восточной Пруссией. Принимал участие в операциях по разгрому окруженных группировок немецких войск юго-западнее Кенигсберга, в городе Кенигсберг, на Земландском полуострове и на косе Фришнарунг.

В результате бомбардировочных действий уничтожил и повредил 11 самолетов противника при групповом налете на аэродром Пиллау, вызвал 10 очагов пожара, два взрыва, взорвал склад с горючим. Кроме того, на самолете ПО-2, выполняя задание по бомбардировке площадных целей, мест скопления войск и техники противника в городах, населенных пунктах, лесных массивах и дорогах, наблюдал разрывы 112-ти бомб на площадных целях. За время боевой работы после последней награды перевез и сбросил на противника 610 бомб общим весом 12950 кг.

Из 114 боевых вылетов 108 выполнены успешно. Эффективность боевых вылетов подтверждена показаниями других экипажей, наблюдениями проверяющих и фотоснимками.

Боевую работу вел с большим желанием, несмотря на сложные метеоусловия. Стремился работать с максимальным напряжением, давая в отдельные ночи по 9–11 боевых вылетов. При выполнении боевых заданий проявлял настойчивость, мужество и самоотверженность. За отличное выполнение боевых заданий достоин награждения орденом Красного Знамени.

15 мая 1945 года

Командир 17-го ночного бомбардировочного авиационного Оршанского ордена Суворова полка Боровков приказом по 1-й Воздушной армии № 063/н от 8.06.1945 г. М. В. Томилов награжден орденом Александра Невского.

Боевая характеристика на штурмана эскадрильи резерва командующего 1-й Воздушной армией при 17-м ночном бомбардировочном авиационном Оршанского ордена Суворова полке гвардии майора Томилова Михаила Васильевича.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на лейтенанта, начальника связи эскадрильи 99-го бомбардировочного авиационного полка Томилова Михаила Васильевича

Ранее награжден орденом Красного Знамени в сентябре 1941 года. Призван Туринским РВК Свердловской области.

К 1.11.1941 года совершил 68 боевых вылетов. Бомбит отлично. Метко поражает цели. В каждом полете внимательно ведет разведку, доставляя командованию ценные сведения.

Будучи сбитым вражескими истребителями, на территории, окруженной противником, сбил из пулемета ШКАС самолет Ю-88.

На земле хорошо организовал работу оружейников, в результате чего задержек с вылетами или отказов вооружения не было.

Достоин награждения орденом Красного Знамени.

Командир 99 ап.
Военком 99 ап, батальонный комиссар.
5.11.1941 г.

* * *

Из боевой характеристики на адъютанта авиаэскадрильи 99-го ближебомбардировочного авиационного полка старшего лейтенанта Томилова Михаила Васильевича.

Родился в с. Дымково Туринского района Свердловской области в семье крестьянина-бедняка.

За период Отечественной войны работал как стрелок-бомбардир и выполнил 69 боевых вылетов, из них 8 на разведку. В бою показал себя хорошим бомбардиром. В одном из ответственных полетов разрушил прямым попаданием переправу противника, несмотря на сильный заградительный огонь.

30 апреля 1942 года.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на Томилова М. В. от 10.09.1943 г.

10 сентября 1943 года Михаил Васильевич Томилов, капитан, помощник командира 270-й бомбардировочной авиационной дивизии по воздушно-стрелковой службе представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени.

В наградном листе, в частности, сказано: «22.07.1943 г. в составе группы 18-ти самолетов ПЕ-2 в качестве штурмана с пикирования успешно бомбардировал артиллерийские позиции и скопления войск противника в пункте Калиновка. В результате отличного бомбометания в тот же день Калиновка была занята нашими наземными частями.

3.08.1943 г. в составе 17 самолетов ПЕ-2 в районе высоты 277,9 м бомбардировал укрепленный район. Результат выполнения отличный. Подтверждено фотоснимками.

18.08.1943 г. в составе 8 самолетов ПЕ-2б произвел бомбардирование в пункте Калиновка по штабу стрелковой дивизии противника. Результат был эффективный, после чего пункт был занят нашими наземными частями.

В тот же день во втором вылете в составе 8-ми самолетов ПЕ-2 с пикирования произвел успешное бомбометание укреплений и артиллерийских позиций в Мариенгейме, что подтверждено фотоснимками и после чего пункт был занят нашими наземными частями.

В третьем вылете того же дня 18.08.1943 г. в составе 9-ти самолетов ПЕ-2 успешно произвел бомбардирование скопления автомашин и танков противника в населенном пункте Алексеевка, что подтверждено фотоснимками.

За смелость, решительность и мужество, проявленные при выполнении боевых заданий командования, представляю капитана Томилова к правительственной награде — ордену Отечественной войны II степени.

Командир 27 БАД, полковник Чучев.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на гвардии майора Томилова Михаила Васильевича — штурмана эскадрильи резерва командующего 1-й Воздушной армией от 15 мая 1945 года

Ранее награжден:

орденом Красного знамени 11.09.1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР. Орден вручен 2.06.1942 г.;

орденом Отечественной войны II степени приказом № 046/н по 8 ВА 8.10.43;

орденом Отечественной войны I степени 8.08.1944 г. № 049/н по 1 ВА;

медалью «За оборону Сталинграда».

Ранен в 1941 и в 1945 годах.

За время пребывания на фронтах Отечественной войны произвел 213 боевых вылетов на бомбардировку войск и техники противника, из них 116 на самолете ПЕ-2 и 98 на самолете ПО-2. За отличное выполнение 99-и боевых заданий на самолете ПЕ-2 и умение руководить службой воздушной стрельбы дивизии трижды награжден.

После последней награды произведено 114 боевых вылетов на бомбардировку войск и техники противника в операциях над Восточной Пруссией. Принимал участие в операциях по разгрому окруженных группировок немецких войск юго-западнее Кенигсберга, в городе Кенигсберг, на Земландском полуострове и на косе Фришнарунг.

В результате бомбардировочных действий уничтожил и повредил 11 самолетов противника при групповом налете на аэродром Пиллау, вызвал 10 очагов пожара, два взрыва, взорвал склад с горючим. Кроме того, на самолете ПО-2, выполняя задание по бомбардировке площадных целей, мест скопления войск и техники противника в городах, населенных пунктах, лесных массивах и дорогах, наблюдал разрывы 112-ти бомб на площадных целях. За время боевой работы после последней награды перевез и сбросил на противника 610 бомб общим весом 12950 кг.

Из 114 боевых вылетов 108 выполнены успешно. Эффективность боевых вылетов подтверждена показаниями других экипажей, наблюдениями проверяющих и фотоснимками.

Боевую работу вел с большим желанием, несмотря на сложные метеоусловия. Стремился работать с максимальным напряжением, давая в отдельные ночи по 9–11 боевых вылетов. При выполнении боевых заданий проявлял настойчивость, мужество и самоотверженность. За отличное выполнение боевых заданий достоин награждения орденом Красного Знамени.

15 мая 1945 года

Командир 17-го ночного бомбардировочного авиационного Оршанского ордена Суворова полка Боровков приказом по 1-й Воздушной армии № 063/н от 8.06.1945 г. М. В. Томилов награжден орденом Александра Невского.

Боевая характеристика на штурмана эскадрильи резерва командующего 1-й Воздушной армией при 17-м ночном бомбардировочном авиационном Оршанского ордена Суворова полке гвардии майора Томилова Михаила Васильевича.

Выполняя боевые задания по бомбардировке войск и техники противника в Восточной Пруссии с 1 февраля по 4 мая 1945 года, произвел 106 боевых вылетов, из них: 14 боевых вылетов на самолете ПЕ-2 и 92 боевых вылета ночью на самолете ПО-2.

Принимал активное участие в разгроме немецких войск в городе Кенигсберге, юго-западнее Кенигсберга, на Земландском полуострове, в порту и крепости Пиллау и на косе Фришнарунг.

Выполняя боевые задания с большим желанием и настойчивостью, в отдельные напряженные боевые ночи производил по 10 боевых вылетов. При выполнении боевых заданий проявил себя опытным штурманом и отлично выполнил задания в самых сложных метеоусловиях. Энергичен, инициативен.

5.05.1945 г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Соколовский Тимофей Афиногенович

Гвардии майор, зам. по политической части командира 354-го гвардейского тяжелого самоходного артиллерийского Краснознаменного полка, член ВКП(б) с октября 1932 г., русский.

За период боевых действий в составе 1-го танкового Краснознаменного корпуса полк действовал в прорыве с 89-й танковой бригадой. Своими решительными действиями на территории противника в Восточной Пруссии резал стратегические коммуникации Тильзит—Инстенбург.

Личный состав полка был воодушевлен успехами и личным примером гвардии майора Соколовского, который всегда был там, где требовала сама обстановка. Весь личный состав полка был ... мобилизован на выполнение поставленной боевой задачи.

В результате смелых и решительных действий полк нанес противнику следующие потери: совместно с 89-й танковой бригадой уничтожено 150 автомашин, 17 орудий разного калибра, 1060 повозок с лошадьми и военными грузами, до 300 солдат и офицеров. Кроме того за период с 17 по 23 января 1945 года отдельно полком уничтожено до 100 солдат и офицеров, 150 автомашин и 2 танка.

За проявленное мужество и отвагу тов. Соколов достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени.

24 января 1945 г.

Командир полка Волков.

командир корпуса, лейтенант танковый войск Бутков, 22.01.45 г.

Приказом командующего 65-й армии от 12.02.45 г. Т. А. Соколовский награжден орденом Красного Знамени.

За участие в боях под Бобруйском и в Белорусской операции приказом № 0376/н от 3.08.1944 г. командующего 3-м Белорусским фронтом награжден орденом Отечественной войны II степени.

5.06.1939 г. награжден значком «Хасан».

6.02.1945 г. Т. А. Соколовский награжден орденом Красной Звезды.

11.10.1954 г. Т. А. Соколовский награжден вторым орденом Красного Знамени.

В Курской битве капитан Т. А. Соколовский участвовал в качестве заместителя командира полка по политчасти в 1-й танковой армии.

В Белорусской операции майор Т. А. Соколовский принимал участие в составе 354-го тяж. САП. 65-й армии зам. командира полка по политчасти.

В боях в Восточной Пруссии принимал участие в составе 354-го гвардейского тяжелого самоходного артиллерийского полка (САП) в составе 1-го танкового корпуса, зам. командира полка по политчасти.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на Пронина Николая Герасимовича

«Пронин Николай Герасимович, старший лейтенант, командир батареи 120-мм минометов 497-го стрелкового полка 135-й стрелковой дивизии.

1915 г. рождения, русский, член ВКП(б), представляется к ордену Отечественной войны II степени.

Ранее награжден орденом Красной Звезды.

Приказ № 071/н от 18.02.43 г. по 167-й стрелковой дивизии 38-й армии Воронежского фронта.

В бою 31.07.44 г. юго-западнее населенного пункта Ихаитамо в Карелии батарея под командованием тов. Пронина уничтожила 4 станковых пулемета, разрушила один блиндаж и подавила огонь одной минометной батареи.

Во время разведки боем батарея поддерживала своим огнем действия разведгруппы. Батарея под руководством Пронина вела массированный прицельный огонь по переднему краю и глубине обороны противника. Этим батарея обеспечила разведке близкий подход к противнику без потерь и захват двух пленных. В этом бою батарея тов. Пронина уничтожила 2 пулемета и подавила огонь одной минометной батареи противника. За добросовестное выполнение поставленной задачи т. Пронин достоин правительственной награды — ордена Отечественной войны II степени.

1 августа 1944 г. командир 497-го стрелкового полка полковник Иванов.

Приказом № 033/н от 22.08.44 г. по 94-му стрелковому корпусу Ленинградского фронта Н. Г. Пронин награжден орденом Отечественной войны II степени. А позднее приказом № 0189/н от 20.05.45 по стрелковому корпусу 1-го Украинского фронта он был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Приказом № 071/н от 18.02.43 по 167-й стр. дивизии 38-й армии Воронежского фронта Н. Г. Пронин был награжден орденом Красной Звезды.

3 декабря 1941 года в боях за Москву Н. Г. Пронин был ранен.

С октября 1948 года Николай Герасимович Пронин работал на ПМЭЗ.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на Александра Петровича Гладышева

Гладышев Александр Петрович, 1909 года рождения, член ВКП(б) с 1938 года, ст. лейтенант, зам. командира 3-го стрелкового батальона по политчасти 504-го стрелкового полка 107-й Кременецкой стрелковой дивизии.

В боях с немецкими захватчиками за период наступательных действия с 20 августа 1944 года, действуя отважно и решительно, бесстрашно продвигался со своим батальоном вперед. Во время наступательных действий хорошо организовал и поставил агитационно-политическую работу среди личного состава батальона. Сам лично находился во время боев все время в боевых порядках батальона, воодушевляя своей отвагой и мужеством бойцов и офицеров батальона.

В боях за высоту 235,0 поднимал наступательный порыв бойцов и офицеров своим бесстрашием и мужеством в бою. Во время контратаки он отбивал наступление противника с большими для него потерями, умело удерживал огневой рубеж, делая его

неприступным для врага, чем способствовал успеху боевых действий. Проявил себя при этом мужественным и достойным защитником социалистической Родины.

1.12.44 г.

Приказом № 0233 от 4.12.1944 г. по 60-й армии награжден орденом Красной Звезды.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на А. П. Гладышева

Гладышев Александр Петрович, старший лейтенант, парторг 522-го стрелкового полка 107-й Кременецкой стрелковой дивизии 60-й армии.

В боях по прорыву обороны противника в районе с. Бехув 12.01.1945 г. по овладению городом Краков и в последующих боях тов. Гладышев умело организовал партийную работу во время боев, нацеливая ее на выполнение поставленных задач. Повседневно помогал и контролировал работу низовых партийных организаций, добиваясь авангардной роли коммунистов в бою. Сам лично, находясь в батальонах, на лучших подвигах коммунистов и воинов, воспитывал личный состав, воодушевляя на подвиги.

Лучших воинов, отличившихся в боях и подавших заявления о приеме их в партию, оформлял прямо на поле боя.

За умелое руководство партийной организацией в бою тов. Гладышев достоин правительственной награды — ордена Отечественной войны II степени. 1.02.45 г.

Приказом № 005/н от 9.02.1945 г. военным Советом 60-й армии А. П. Гладышев награжден орденом Отечественной войны II степени.

Из боевой характеристики.

«В боях парторг Гладышев находится там, где требовала обстановка, где создавалась трудная обстановка или требовался стремительный и глубокий бросок во фланг и тыл врага. При этом проявлял себя смелым, решительным и волевым офицером, спокойно трезво оценивал обстановку и принимал решение.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на Логинова Н. М.

Логинов Иван Михайлович, старший лейтенант, пом. начальника штаба по тылу 525-го стрелкового полка 171-й стрелковой Идрицкой Краснознаменной ордена Кутузова II степени стрелковой дивизии.

В бою при прорыве обороны противника 16.04.1945 г. в районе Золиканте и при преследовании противника на пути к Берлину, а также в период уличных боев за Берлин и его центр Рейхстаг старший лейтенант Логинов напряженно руководил работой тыловых подразделений в условиях непрерывного движения вперед, растянутости коммуникаций, сумел обеспечить линейные подразделения полка своевременным снабжением боеприпасами, фуражом и продовольствием, чем значительно способствовал отличному выполнению боевых задач полка.

За обеспечение непрерывного снабжения линейного подразделения полка боеприпасами, продовольствием и фуражом старший лейтенант Логинов достоин правительственной награды — ордена Отечественной войны I степени. 20.08.1945 г.

Приказом по 3-й Ударной армии № 106/н от 29.05.1945 г. Логинов награжден этим орденом.

В послевоенные годы коммунист И. М. Логинов работал кочегаром котлов-утилизаторов на медеэлектролитном заводе. Жил по ул. Лермонтова, 74.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на Карташова Г. Д.

Карташов Георгий Дмитриевич, гвардии лейтенант, командир взвода управления 13-й гвардейской артиллерийской Краснознаменной пушечной бригады Резерва Главного командования.

Гвардии лейтенант Карташов, находясь все время с передовыми частями пехоты, в наступательных боях 1944 года показал образцы работы, мужества и личной храбрости. 24.06.1944 г. в районе реки Лучеса он обнаружил две пулеметные точки, которые были подавлены нашим огнем, в результате чего пехота пошла вперед, не подвергаясь сильному обстрелу.

26.07.44 г. в районе Вейзее он обнаружил два самоходных орудия и засек одну артиллерийскую батарею противника. Корректируя огонь своей батареи, он добился того, что огонь самоходных орудий и артиллерийской батареи врага был подавлен нашим огнем. 27.07.44 г. в этом же районе он принимал личное участие в отражении контратаки противника и личном оружием из автомата ППШ убил три немца.

15.08.44 г. в районе Матерны наши части пошли в наступление. Немцы, накапливаясь, с юга силой до роты, хотели контратаковать наши части.

Тов. Карташов, выдвинув пулемет во фланг немцам, открыл по ним огонь и заставил врага откатиться назад, потеряв при этом 10 человек ранеными и убитыми.

За умелую работу и личную храбрость достоин награждения орденом Отечественной войны II степени. 20.08.44 г.

Приказом № 019 от 20.08.44 г. по 4-й гвардейской артиллерийской Смоленской пушечной дивизии, награжден орденом Красной Звезды.

Ранее, приказом № 02/н от 25.09.43 г. по 13-й гвардейской артиллерийской пушечной бригаде Западного фронта Г. Д. Карташов тоже был награжден орденом Красной Звезды.

Позднее приказом командующего артиллерией 5-й армии № 014/н от 21.02.45 г. Г. Д. Карташов награжден орденом Отечественной войны II степени.

1909 года рождения, русский. Участник Отечественной войны с января 1942 года, призван Невьянским РВК Свердловской области.

В послевоенные годы Г. Д. Карташов работал начальником отдела организации труда Пышминского рудоуправления.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
на Дмитриева Федора Ефимовича

Родился 2 июля 1903 года. Член КПСС с августа 1929 г. награжден орденом Красного Знамени за боевые отличия и орденом Отечественной войны I степени.

С августа 1942 года по октябрь 1942 года участвовал в боях на Южном фронте в составе 1942-го артиллерийского полка 18-й армии, комиссар артполка.

Ф. Е. Дмитриев представляется к награждению орденом Красного Знамени.

В период апрельского наступления 1945 года майор т. Дмитриев большую часть времени находился в передовых частях и совместно с ними в боями прошел от реки Одер до реки Эльбы. В первые дни наступления, находясь в 89-й стрелковой дивизии, участвовал в прорыве обороны немцев на плацдарме южнее г. Франкфурт-на-Одере и оказывал помощь политаппарату в обеспечении боевых действий частей и эвакуации раненых с поля боя.

Как инспектор по артиллерии, тов. Дмитриев, находясь в последующий период наступления в артиллерийских частях и, в частности, в 22-й артиллерийской дивизии, совместно

с политорганами проделал большую работу по политическому обеспечению взаимодействия артиллерии с пехотой, что способствовало успешным боевым действиям.

Будучи непосредственно на огневых позициях, помогал в организации доставки боеприпасов и отражения огнем артиллерии атак противника. Достоин награждения орденом Красного Знамени.

15 мая 1945 года.

Ф. Е. Дмитриев с марта 1941 года работал директором энерголесокомбината СУГРЭС, а в июле 1941 года был назначен директором цементного завода города Верхняя Пышма. В сентябре 1941 года перешел на работу на ПМЭЗ в ряд начальника отдела кадров.

В армию призван в ноябре 1941 года.

ВЫПИСКИ ИЗ ЛИЧНЫХ ДЕЛ ФРОНТОВИКОВ

Холодов Иван Васильевич, гвардии капитан, командир батареи, родился 12.11.1917 г. в селе Титово Щигровского района Курской области. В армию призван Щигровским РВК 29.08.1938 г.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, пр. № 05/н по 107 АК от 22.01.44 г.; орденом Красной Звезды. пр. № 028/н по 47-й армии от 21.08.44 г.; орденом Отечественной войны II степени, пр. № 07/н команд. артиллерии 47-й армии от 9.02.45 г.; орденом Красного Знамени, пр. № 0200/н от 10.06.45 г. по 47-й армии.

Награжден медалями «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

С ноября 1951 года работал бурильщиком в Верхнепышминском рудоуправлении.

Бардышев Петр Павлович награжден орденом Красной Звезды, 65-я армия, пр. № 054 от 26.01.44 г.; орденом Отечественной войны II степени, 129 стр. корпус, пр. № 043 от 13.09.44 г.; орденом Отечественной войны I ст. 77-го стр. корпус. пр. № 056 от 23.05.45 г.

После войны работал начальником снабжения на автобазе № 10.

Пермяков Сергей Александрович, старший лейтенант — орденом Красного Знамени, пр. № 583/н от 25.10.44 г. по 48-й армии; орденом Отечественной войны I степени, пр. № 075/н от 20.01.45 г. по 29-му стр. корпусу. На 1-м Белорусском фронте был командиром стрелкового взвода с августа 1944 года по январь 1945 года.

На 3-м Белорусском фронте — командиром стрелкового взвода в 73-й стр. дивизии с февраля 1945 года по май 1945 года.

Из боевой характеристики: «В бою хладнокровен, находчив, умело использует огневые средства и своевременно организуя связь с соседями и командиром роты в ответственный момент боя самостоятельно решает задачу боя».

В послевоенные годы работал главным инженером на щебеночном заводе на станции Исеть, жил по улице Дружбы, 2, кв. 8.

Дряхлов Александр Григорьевич, мл. лейтенант, родился 10.07.1916 г., умер 14.02.1964 г. В армию призван в июле 1941 года. В Великой Отечественной войне участвовал на Северо-Западном фронте в составе 191-й гвардейской стр. дивизии, отдельного артдивизиона, командиром огневого взвода с декабря 1941 года по март 1942 года. 13 марта 1942 года был ранен в ногу и контужен. С марта 1942 года по июль 1942 года находился в эвакогоспитале. В июле 1942 года уволен в запас как специалист народного хозяйства. С февраля 1950 года работал начальником топливо-транспортного цеха СУГРЭС.

Коренев Виталий Федорович, артиллерист.
Награжден орденом Красного Знамени № 501297. Жил по улице Спицына, 2, кв. 22.
Жена Валентина Михайловна — учительница школы № 2.

Авдеенко Нил Адамович награжден орденом Красного Знамени, находясь в составе 4-й гвардейской танковой армии. Жил по ул. Красноармейской, 3, кв. 2.

Шамаев Александр Иванович — бывший председатель Балтымского сельсовета, на фронте был командиром пулеметной роты. Награжден орденом Александра Невского, пр. № 1867, орденом Кутузова III степени, пр. № 6724, орденом Красной Звезды.

Беляев Александр Андреевич, танкист, политрук роты. Награжден орденом Александра Невского. Жил в пос. Исеть, по ул. Мира, 3, кв. 7.

Ненахов Валентин Матвеевич, родился 3.08 1921 г. В/ч 5457 гор. Брест. 22.06.41 г. оборона государственной границы. Старший разведчик. Первый раз ранен 22.06.1942 года.
В 1942 году награжден медалью «За отвагу». Участник обороны Москвы. В 1945 году награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Москвы». Учитель, директор школы в 1944—1957 гг., председатель колхоза, директор совхоза в 1957—1976 гг., директор хлебокомбината. Жил по ул. Калинина, 37, кв. 71.

Захаров Иван Иванович, родился в 1925 г. Автоматчик 62-й бригады Уральского добровольческого танкового корпуса.
Награжден орденом Славы III степени, орденом Славы II степени, орденом Красной Звезды.
Работал в Пышминском рудоуправлении машинистом электровоза. Жил по ул. Уральских рабочих, 3, кв. 8.

Воробьев Михаил Кузьмич, родился в 1906 году. 7-й гвардейский мотоциклетный батальон Уральского добровольческого танкового корпуса. Участник освобождения Орла, взятия Берлина и освобождения Праги.
Награжден орденом Славы III степени, орденом Славы II степени. Жил по ул. Спицина, 9, кв. 9.

Мальцев Николай Николаевич, родился в 1907 году. Старший лейтенант, командир роты противотанковых ружей, командир стрелковой роты. В Сталинграде воевал в составе 93-й стрелковой дивизии, в Сталинграде ранен.
Награжден орденом Суворова III степени (№ 11536) в 1943 году, орденом Красной Звезды в 1943 году, орденом Красной Звезды в 1947 году. Жил по ул. Орджоникидзе, 12, кв. 5.

Мантулло Григорий Кузьмич. С 22.06.41 по 3.07.41 г. служил в 88-м погранотряде Западного фронта. Участник обороны Москвы.
В декабре 1941 года награжден медалью «За отвагу». Работал на ПМЭЗ. Жил по ул. Мичурина, 39.

Фролов Кузьма Андреевич, командир стрелкового взвода. Награжден орденом Славы III степени (пр. № 600998), орденом Славы II степени (пр. № 48793).
Комбинат «Уралэлектромедь», ул. Мамина-Сибиряка, 4, кв. 5.

Полухин Леонид Михайлович, родился в 1917 г. Партизан 1-й ленинской партизанской бригады «Разгром», командир стрелкового взвода, младший сержант. Орденом Красного Знамени (пр. № 87407) награжден за подрыв железной дороги.

В последние годы работал на опытном заводе.

Ул. Энтузиастов, 4, кв. 2.

Глебов Дмитрий Николаевич награжден орденом Славы III степени, орденом Славы II степени. Ул. Загородная, 2.

Мешков Александр Петрович, артиллерист, командир батареи 9-й противотанковой истребительной бригады Резерва Главного командования.

Награжден орденом Отечественной войны I степени (пр. № 100239) за бои на Орловско-Курской дуге и отражение танковых атак немцев, орденом Отечественной войны II степени (пр. № 57727) за форсирование Днепра и отражение танковых атак противника, орденом Красной Звезды (пр. № 128734) за форсирование Одера, отражение атак врага и удержание плацдарма. Ул. Ленина, 34, кв. 19.

Налетов Семен Иванович, родился 2.02.1917 г. Артиллерист. Командир отделения. В составе 16-й отдельной железнодорожной батареи Черноморского флота принимал участие в боях под Туапсе. Дважды ранен. 19.01.42 г. награжден медалью «За боевые заслуги».

Ул. Орджоникидзе, 2, кв. 1.

Мухаметхабиров Фатхурахман Шайхутдинович, родился в 1924 году. Гвардии старшина минометной роты (до этого был разведчиком, командиром минометного расчета 82-мм минометов), награжден тремя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Ул. Кооперативная, 26.

Прохоров Иван Константинович. На Сталинградском и Донском фронтах был командиром огневого взвода «катюш». Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

В послевоенные годы, с 1949 года находился на партийной советской работе. Был секретарем горкомов КПСС в Верхней Пышме, Красноуральске, Свердловске.

Награжден двумя орденами «Знак Почета», орденами Трудового Красного Знамени и Ленина.

Родин Николай Яковлевич, родился 12.12.1920 г. Участвовал в боях на Западном фронте за освобождение города Ржева с мая 1942 г. по декабрь 1942 года. Сначала в составе 718-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии 30-й армии в качестве командира взвода. В августе 1942 года был ранен. С октября 1942 года по декабрь 1942 года — заместитель командира стрелковой роты в 118-й стрелковой дивизии, 308-й стрелковый полк, 31-я армия. В декабре 1942 года снова ранен.

После войны работал на партийной работе в городе Верхняя Пышма.

Титков Виктор Алексеевич участвовал в боях по прорыву обороны противника. 16.12.1942 г. под городом Богучары на Дону был тяжело ранен.

А после войны Указом от 15.02.1974 г. бригадир паяльщиков по винипласту В. А. Титков был награжден орденом Ленина.

Баранов Виктор Игнатьевич, родился 24.11.1918 года. Лейтенант, парторг дивизиона

в 70-й танковой бригаде 4-й танковой армии. Награжден орденом Отечественной войны II степени, приказ от 27.05.1945 по 4-й гвардейской танковой армии.

В 1965 г. жил в с. Балтым.

Мартьянов Дмитрий Георгиевич, призван 17.11.1941 г. из г. Богдановича. Капитан, с 16.08.42 г. по 13.9.42 г. в боях под Сталинградом был командиром пулеметного расчета в 40-й стрелковой дивизии. С 14.03.43 г. по 30.06.43 г. — командир пулеметного взвода, с 24.12.43 г. по 2.08.45 г. — командир пулеметной роты.

Награжден орденом Красного Знамени (пр. № 47798), орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Будапешта», За взятие Вены», «За освобождение Белграда».

После войны жил на ст. Исеть, работал электромехаником на гранитном карьере.

Лобачев Борис Иванович — автоматчик 1283-го стрелкового ордена Суворова полка 60-й стрелковой Севской Краснознаменной ордена Суворова дивизии.

В наградном листе на него говорится:

«15 января 1945 года в наступательном бою за населенный пункт Хрубин Варшавского воеводства Лобачев с группой автоматчиков отыскал слабое место в обороне противника и проник к нему в тыл. Выйдя в назначенный пункт, устроил засаду на пути отхода противника, где лично из автомата уничтожил семь немцев, пять взял в плен».

За этот подвиг он награжден орденом Отечественной войны II степени.

В недавнем прошлом он работал начальником планового отдела рудоуправления.

Гирев Геннадий Никифорович, гвардии майор, воин 4-й гвардейской танковой армии Лелюшенко. Участвовал в боях на реке Халхин-Гол в 1938 году. Участвовал во взятии Берлина и освобождении Праги.

Награжден орденом Красного Знамени.

Работал экспедитором на опытном заводе.

Шадрин Анатолий Михайлович из деревни Пышма. Пехотинец, стрелок, награжден орденом Красного Знамени. Этой высшей солдатской наградой награжден еще в 1938 году за участие в разгроме врага на озере Хасан. Номер его ордена 1998.

Но, к сожалению, мы больше ничего о нем не знаем. Не помогло и обращение через газету, не помогли и расспросы в деревне Пышма. Как все-таки коротка человеческая память!

Захаров Николай Артемьевич, родился в 1918 году. Лейтенант, в армию призван 6.08.1938 года из Верхней Пышмы, с Пышминского медеэлектролитного завода, где работал токарем в ремонтно-механическом цехе.

Родился в селе Гарашки Богдановичского района Свердловской области. После окончания 1-го Киевского артиллерийского училища в городе Красноярске был командиром огневого взвода в 886-м артиллерийском полку 322-й стрелковой дивизии 60-й армии 1-го Украинского фронта.

Имел три легких ранения и одно тяжелое, в руку 22.08.44 г. Указом от 9.05.1945 г. награжден орденом Красного Знамени (пр. № 244435). Ранее был награжден медалью «За боевые заслуги» (пр. № 83124).

После демобилизации работал на ПМЭЗ. С декабря 1945 года по ноябрь 1947 года работал помощником секретаря райкома КПСС в г. Верхняя Пышма. В дальнейшем переехал в Свердловск. Жил там на ул. Бабушкина, 25, кв. 17.

Федотовских Леонид Константинович. С июня 1942 года находился в составе 342-й стрелковой дивизии на Центральном (1-м Белорусском) фронте. За освобождение Орла дивизия получила наименование 121-й гвардейской.

В декабре 1943 года из состава 3-й Ударной армии генерала Горбатова на 1-м Белорусском фронте 121-я гвардейская стрелковая дивизия была передана в состав 13-й армии 1-го Украинского фронта, в состав 77-го стрелкового корпуса. В составе этой армии Леонид Константинович Федотовских участвовал в освобождении северных районов Житомирской и Ровенской областей, в соединении с партизанами Сабурова на реке Горынь, в летнем наступлении 1944 года с выходом на Сандомирский плацдарм, в Висло-Одерской операции 1945 года, в наступлении на Берлин в апреле 1945 года и на Прагу в первых числах мая 1945 года.

Баринов Дмитрий Михайлович работал Верхнепышминским горвоенкомом с 5.04.1968 года по 9.08.1975 года.

Орденом Отечественной войны II степени награжден приказом № 044/н от 18.11.1944 г. Командующего артиллерией 2-го Украинского фронта, орденом Отечественной войны II степени, награжден приказом № 089/н от 27.12.1944 г. командующим артиллерией 46-й армии.

ТЫЛ — ФРОНТУ

МЫ ЖИЛИ ЗАБОТАМИ СТРАНЫ

В первый же год Великой Отечественной войны на фронт ушли 16 наших комсомольцев: Вася Суворов, Володя Староверов, Толя Румянцев, Маша Сироткина, Лида Цедилкина, Феня Осотина, Таня Никонова, Валя Завьялова и другие ребята. Многие из них не вернулись, отдав свои молодые жизни в борьбе с врагом. Но многие, перенеся бремя войны, остались в живых. Имея несколько ранений, вернулся домой Константин Устюжанин. Отважно дрался с врагом комсомолец-танкист бывший секретарь комсомольской организации рудника Костя Ушаков;

Фашисты сожгли его танк, Костя лишился обеих рук, но он выжил. Сейчас коммунист Константин Никанорович Ушаков работает механиком Верхнепышминского автопредприятия.

Вернулась с войны Хажира Хабирова. О том, как она выполняла на фронте Устав Ленинского комсомола, говорят ее правительственные награды — медали «За отвагу», «За победу над Германией», «За победу над Японией». А сейчас коммунист Хажира Хабирова уже более 30 лет работает у нас на руднике лаборантом химлаборатории.

... Шел 1943 год. Враг еще был силен. Когда формировался Уральский добровольческий танковый корпус, вместе с уралмашевской колонной танков добровольцем уходит на фронт комсомолец слесарь обогатительной фабрики Саша Патрушев. Отважно сражался Саша с врагом. Но в неравном бою на литовской земле он пал смертью героя. Посмертно Александр был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Что же делали комсомольцы рудника здесь, дома? Шефствовали над госпиталем, работали в шахте, непосредственно участвовали в добыче руды комсомольцы из конторы

рудоуправления и других цехов. После дневной смены ходили на откатку руды в ночные смены (вагоны с рудой тогда катали вручную). На обогатительной фабрике после двенадцатичасовой смены комсомольцы вместе со всеми грузили тачками в вагоны концентрат.

В химлаборатории работал штаб помощи фронту. Здесь пряли вату, вязали носки, варежки, вышивали кисеты, организовывали продуктовые подарки — все шло на фронт. Все это делалось при непосредственном участии секретаря комсомольской организации обогатительной фабрики К. А. Карачевой.

Особо хочется рассказать о Тимофее Баулине. С четырнадцати лет начал работать Тима учеником слесаря. А когда в 1943 году его принимали в комсомол, он уже был квалифицированным слесарем по ремонту шахтных вагонеток. Справлялся Тимофей со всей работой так, что в 15 лет его портрет красовался на Доске почета в ряду с лучшими бурильщиками рудника. В 18 лет комсомолец Баулин был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Тимофей Иосифович Баулин и сейчас работает на руднике электрослесарем. Хорошо работали ребята Станислав Эйсак, Толя Коршунков, Саша Белов, Миша Левшин, девчата Тамара Потоскуева, Лида Петрова, Валя Титаренко и другие. Несмотря на все трудности, мы занимались спортом — играли в волейбол, ходили на лыжах. После прогулок на лыжах как поощрение каждому мужчине выдавалось полпачки легкого табака.

В день 25-летия комсомола мы проводили собрание. После собрания директор рудника Л. А. Каграмонян устроил ужин — каждый получил винегрет, чай и 100 г хлеба. Это был праздник!

Что можно сказать о комсомольцах военных лет? Чувство долга, желание работать как можно лучше, высокая, я бы сказала, сознательная дисциплина — вот характерные черты подавляющей массы комсомольцев тех лет. Мы жили большими заботами своей страны и старались внести свой вклад в разгром ненавистного врага.

Е. ЯЗЫКОВА,
секретарь комсомольской организации
Пышминского рудника 1942–43 годов.
«Красное знамя», № 28 от 6.03.1975 г.

ИСТОКИ

...Великая Отечественная война застала рудник вполне подготовленным к добыче и извлечению металлов. Никогда еще коллектив рудоуправления не был так сплочен, не работал так самоотверженно, как во время войны.

В 1942 году рудник решительно и смело переходит на новую высокопроизводительную систему разработки месторождений, предложеную **М. П. Агошковым** ныне членом-корреспондентом Академии наук СССР. Увеличивается высота уступов при отбойке руды, растут скорости проходки горных выработок. За военные годы резко увеличилась добыча руды. За это время она возросла почти к полтора раза, а выпуск одного из видов концентратов — в три с лишним раза. Из 46 военных месяцев коллективы рудника и обогатительной фабрики выходили победителями Всесоюзного соцсоревнования 19 раз, получая переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны, ВЦСПС и Министерства цветной металлургии. Коллективу обогатительной фабрики за самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны знамя ВЦСПС и Министерства цветной металлургии передано на вечное хранение.

В Свердловском областном партийном архиве хранятся характеристики стахановцев рудоуправления за 1943 год. Вот некоторые из них: «**А. Е. Сальников** — лучший каталь,

нормы выполняет на 165 процентов, **П. А. Янковский** — член КПСС, кузнец, норму выполняет на 150 процентов, **П. П. Климин** — бурильщик, инициатор соцсоревнования, награжден знаком «Отличник соцсоревнования», **П. С. Топорков** — помощник механика обогатительной фабрики, член КПСС, лучший стахановец, награжден орденом Трудового Красного Знамени, **М. И. Нохрина** — флотатор, стахановка, дает лучшие технологические показатели, **И. И. Корешков** — рудоспусчик, стахановец, норму перевыполняет, всегда первым откликается на политические мероприятия, **Д. И. Кучевасов** — каталь, один из лучших стахановцев, норму выполняет на 158 процентов, **И. Мингазизов** — каталь, стахановец, пользуется исключительным уважением у горняков...»

В годы войны в шахтах работало много женщин, причем на очень тяжелых операциях. Погрузка руды в вагоны вручную, вся околоствольная служба: стволовые, приемщицы, дежурные подстанций и насосных — все это делали только женщины. Лучшей из лучших была нагребщица руды **Екатерина Каракозова**. Она ежесменно, вручную, грузила всю отпалку руды — 15-20 вагонов. И так — каждый день. Далеко не каждый мужчина мог так работать.

Самоотверженно трудились горняки и обогатители и в послевоенные годы. Была проделана огромная работа по внедрению новой технологии добычи и переработки руды, новой техники, увеличению выпуска продукции, повышению производительности труда, снижению затрат на единицу продукции.

М. НЕНАХОВА, Е. ЯЗЫКОВА,
сотрудники музея.
«Красное знамя», № 105 от 31.08.1985 г.

КАЛЛИМУЛ ГАЯЗЕТДИНОВ

Работает он бурильщиком на шахте «Александровская».

...На военный заем он подписался на 1 тысячу рублей, на денежно-вещевые лотереи — на 200 и 250 рублей.

...В огне гражданской войны прошли его молодые годы.

«С 1918 года по 1921 год от Самары до Актюбинска я дрался за советскую власть в рядах 24-й Симбирской железной дивизии — говорит он. — А когда прогнали Колчака, я вернулся к труду».

Ф. М. ШАПОВАЛ,
«Красное знамя», № 150 от 13.12.1942 г.

В ФОНД ОБОРОНЫ

32 тысячи рублей из личных средств внесли в фонд обороны колхозники сельхозартели им. XVIII партсъезда (председатель тов. Горожанин).

Поставлено и около 700 литров молока. Большую помощь колхоз оказал лесозаготовкам Уралмаша. Колхозники организуют воскресники, заработанные средства с которых передают в фонд обороны.

Н. ХОТИЕНКО.
«Красное знамя», № 23, 22.02.1943 г.

ПОДПИСКА НА 2-й ВОЕННЫЙ ЗАЕМ

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 4 июня 1943 года в стране выпускается 2-й Государственный Военный Заем.

В нашем районе подписка на заем прошла на высоком идейно-политическом уровне. По району план реализации займа выполнен на 119,5 процента.

158 тысяч рублей трудящиеся внесли наличными. На обогатительной фабрике помощник электрослесаря тов. Сегал дал взаймы государству заработок за 3,5 месяца. Чернорабочий Кириллов подписался на 4-месячный оклад. Комсомолец Семенов внес 2-месячный оклад.

«Красное знамя», № 46, 6.06.1943 года.

НЕ СЧИТАЛИ НАЖИТЫХ МОЗОЛЕЙ

Накануне Дня Победы в городском историческом музее встретились шахтеры и рабочие обогатительной фабрики. Они вспомнили, какой ценой досталась им Победа — одна на всех.

В годы войны в шахтах работало много женщин. Самой знаменитой из них считалась **Екатерина Каракозова**. За смену в забое она убирала лопатой при помощи кувалды до 20 тонн(50 вагонов) руды. И так — каждый день!

На откатке руды в шахте работали **Елена Константиновна Языкова** и **Юлия Еремина**. Они вспоминали, как катили вдвоем вагонетки с рудой по рельсам. Как шел дождь со снегом, как стучали их девичьи коленки о замерзшие юбки. И не холод им был страшен, не ночная усталость, а только одно — не сошла бы вагонетка с рельс: вдвоем придется ставить обратно...

Восхищение работой женщин **Эйсак Станислав Алексеевич**, который работал в то время маркшейдером шахты, в своих воспоминаниях выразил так: «Из всех женщин ИТР нельзя не отметить **Елену Константиновну Языкову** и **Агнию Ивановну Ботеву**, которые многие годы работы на руднике, пожалуй, больше жили интересами своего коллектива, чем личными».

Вспомнились и самые горькие страницы: в шахте Александровской случилась трагедия, потрясшая весь Медный рудник.

Леонид Петрович Арбузов, заместитель начальника шахты, наотрез отказал мастеру **Тройнину** и бурильщику **Ефстанову** в обурении целика. Крайне опасна была эта идея. Но шахтеры решили рискнуть: ведь каков был целик, с каким содержанием металла! А как фронту нужен был этот самый металл! Но произошла страшная трагедия: многотонная масса обрушилась и завалила проходчиков...

Живая легенда обогатительной фабрики — **Алексей Николаевич Подопригора**. Ему было 14 лет, когда он пришел сюда работать электриком, а до верстака... не доставал. Плотник **Иван Михайлович Балашов** выручил пацаненка — сколотил ящик для работника.

Много тогда подростков работало на обогатительной фабрике. Чтоб семьи прокормить, шли на сверхурочную работу. **В. Д. Бенсон**, директор, сам водил мальчишек в столовую, чтоб тарелку супа — дополнительный паек — им выдали. **Янковский Иван Поликарпович** тоже помнит вкус того супчика. Работал он токарем по 12 часов в сутки, а было Ивану 15 лет...

Как молоды они были тогда! Сейчас сами удивляются, где силы брали?

Еще один случай вспомнился из той далекой поры. **Ее звали Валентина. Его — Павел.** На двоих им не было и тридцати, когда пришли работать. На обогатительной фабрике про их любовь, да дружбу долго вспоминали. Кругом горе, а тут любовь расцвела, как цветок на скале. Как Павел ухаживал, про то стихи писать надо! Сколько лет прошло, а глаза **Валентины Ивановны и Павла Архиповича** и сейчас любовью светятся. Многие знают эту дружную семью Шариковых.

С военной поры работали в шахте **Арасланов Минигарей, Ахметханов Авходи**. Кавалерами ордена Трудового Красного Знамени стали **Закиев Куттуз** и **Манулович Мефодий Радионович**.

Приближая день Победы своим трудом, они не считали нажитых мозолей и болячек, веруя, что одна на всех, великая и долгожданная, она обязательно придет.

Е. СЕЛИНА, директор музея,
«Красное знамя», № 54 от 14.05.1996 г.

ИХ НИКТО НЕ НАЗЫВАЛ ГЕРОЯМИ

Из воспоминаний Станислава Алексеевича Эйсака:

«В мае 1941 года с шахты «Левиха-II» я был переведен трестом «Кировградмедьстрой» на работу в Верхнепышминское рудоуправление. Город тогда представлял собой зрелище довольно унылое: барачная застройка, грунтовые неровные дороги, в весеннюю распутицу и осенние дожди превращающиеся в непроходимые озера жидкой грязи, кое-где деревянные тротуары, полное отсутствие зелени. До конца сороковых годов автобусного сообщения со Свердловском не было, люди добирались пешком или на редком попутном транспорте. Не думал я тогда и не гадал, что вся моя жизнь будет отныне связана с этим городком, что судьба рудника станет моей судьбой.

Период, о котором пойдет речь, это 1940—70 гг. — время, когда за всю 122-летнюю историю (1854—1976 гг.) существования рудника был достигнут самый высокий уровень его развития; период, отражающий, как никогда ранее, яркий расцвет творческой мысли, горячего энтузиазма, инициативы, плодотворной деятельности коллектива.

Итак, с мая 1941 года я начал работать маркшейдером шахты «Центральная». В то время месторождение отрабатывалось тремя шахтами: «Александровской», «Центральной», и «Ивановской». Вспоминаю своего учителя и друга, главного маркшейдера рудоуправления **Михаила Георгиевича Лавриновича**. Он был горняк, что называется, от Бога, опытный практик, человек, обладающий отличной интуицией. До него маркшейдерское обслуживание (а это «глаза» и «уши» горняков) находилось в запущенном состоянии. И как результат: горизонты шахт «Александровская» и «Центральная» оказались на разных уровнях. В 30-е годы на «Центральной» произошла авария — подземные воды из пустот еще дореволюционной выработки внезапным прорывом затопили шахту. Погибли люди. Чтобы беда не повторилась вновь, Лавринович настоял на сооружении между встречными забоями этих двух шахт стойки ствола. Михаил Георгиевич буквально возродил веру в маркшейдерскую службу, разработав ряд мероприятий, направленных на обеспечение безопасности проходчиков, улучшение производительности их труда. Помню двух парней-забойщиков, **Вершинина и Ибрагимова**, высоких, сильных, немногословных. Как красиво, талантливо работали они в забое!

В 1941 году из руд Пышминского месторождения извлекались в концентраты медь, золото, серебро, кобальт и сера. Медный концентрат мы отправляли на переработку на Кировградский медеплавильный завод, а сульфидный — в Пермскую область, в город Березняки. Но вскоре наши обогатители научились сами извлекать из добываемой породы кобальт, так необходимый для оборонных нужд. Получилось так, что с захватом фашистами кобальтовых месторождений на Кольском полуострове, страна, по сути дела, оказалась полностью на Верхнепышминском кобальте. А ведь этот металл шел на изготовление брони для танков, режущего инструмента в машиностроении, в горном деле, в качестве коронок для бурения и так далее. Добывали кобальт не только из руды, но из отвалов обогатительной фабрики, так называемых «хвостов». Раньше этот ценнейший металл оттуда не извлекался.

Война забирала людей, средства. Мы вынуждены были повышать производительность труда, вводить более эффективные системы и методы, чтобы обеспечивать оборонным сырьем Родину. Но никакая система не сработает без самоотверженного труда людей. Без их мужества и полного самоотречения во имя дела. Люди гибли за Родину не только на фронте. Мастер смены **Тройнин** и бурильщик **Ефстанов**, получив наряд от заместителя на-

чальника шахты «Александровская», опытного горняка **Л. П. Арбузова**, попросили его разрешения по окончании выпуска оставшейся руды произвести обуривание целика в нем (целик имел высокое содержание металла). Работа эта была крайне опасна, и **Арбузов** запретил ее производить. Но шахтеры, привязавшись веревками, все же стали обуривать этот целик. Многотонная масса обрушилась и похоронила проходчиков.

В годы войны множество женщин работали в шахтах. Все околоствольные службы (ствольщики, дежурные подстанций, насосных) осуществлялись только женщинами. Много их трудилось нагребщиками и даже взрывниками. Особенно тяжел был труд нагребщика. **Екатерина Каракозова** в забое за смену убирала лопатой при помощи шахтерской кувалды до 15—20 тонн (50 вагонов) руды. И так каждый день. Какому современному мужчине это под силу? Молодая скромная девушка, стволовая шахты «Центральная» **Елизавета Шадрина**, показывала чудеса виртуозности и мастерства, ворочая вручную тяжеленные вагонетки с рудой, закатывая их вкладь.

И что удивительно, несмотря на сумасшедшие темпы работы, тяжелейший, опасный труд, несчастных случаев было совсем немного. Хотя условий для них более чем достаточно. Однажды к нам в шахту приехал гость — ученый-горняк. Мы спустились в забой, начали освещать выработанное пространство под нами. При виде зияющей черной пропасти, камней, гулко падающих в бездонный мрак пустоты, ученому сделалось плохо. Он сел на целик, возле которого стоял, парализованный ужасом, боясь сделать хоть шаг. А шахтеры находились там сутками, работали на пределе сил, показывали высший класс производительности. Полуголодные, в никудышной спецодежде, без добротного инструмента. И ведь случаев травматизма было совсем немного!

Немалый вклад в выполнение заданий военных лет внесли ИТР и служащие предприятия. Они постоянно свою прямую работу совмещали с выполнением работ по погрузке концентратов, уборке руды в забоях, распиловке леса на лесопилке, работая на разных работах в подсобном хозяйстве и т. д. и т. п. К примеру, начальника планового отдела рудоуправления **Туева Михаила Ефремовича**, начальника отдела труда и зарплаты **Свечкова Николая Ивановича** часто можно было видеть в забое, работающих забойщиками.

Можно приводить еще много примеров на тему самоотверженного труда Пышминских горняков, обогатителей, тружеников подсобных цехов, но для истории следует отметить таких как: бурильщики **В. А. Мухорин, Щ. В. Яницкий, М. Р. Манулович, Ф. И. Зунд. М. М. Барсуков,** крепильщики — **И. А. Замарин, Г. М. Лобанов, Логунов**, рудоспускчик **И. Н. Ивонин, электрики Я. Е. Стерхов, А. Г. Шмелева, горные мастера Степан Логинович Дядя, Георгий Петрович Меринов, Пикулев, Климин**, начальники (зам. начальников шахт) **Леонид Петрович Арбузов, Иван Федорович Бороздин, Гурьян Яковлевич Шалаев, Константин Петрович Бородин**, флотаторы **М. Т. Григорьева, Н. М. Комиссарова**, слесари, электрики обогатительной фабрики М. М. Беклемышев, М. М. Кожевников, И. Т. Волегов, А. **М. Лебедкин, А. А. Ватропин, В. К. Истаров, М. А. Вольхин, Федор и Павел Шариковы**, инженерно-технические работники фабрики **Василий Васильевич Стенин, Павел Семенович Топорков** и другие.

Добрым словом следует вспомнить заведующую автогаражом Е. И. Глушкову, воспитавшую двух замечательных сыновей. Из всех женщин ИТР нельзя не отметить Елену Константиновну Языкову, Агнию Ивановну Ботеву, которые свои многие годы труда на руднике (и затем, уйдя на заслуженный отдых), пожалуй, больше жили интересами своего коллектива, чем личными.

Весь военный период и несколько послевоенных лет директором рудоуправления работал **Лалазар Аракелович Каграмонян**, по характеру человек требовательный, справедливый. О таких людях говорят: хорошо сам умел «расправляться», но в обиду чужим не давал. Памяти занимать ему у других не нужно было, по-моему: у него и записного блокно-

та-то не было, но кому что пообещает, то обязательно сделает. Настойчив в своих действиях, не допускал невыполнения приказов. Его настойчивость подтверждает случай, когда он вновь строящееся здание под контору рудоуправления (ныне семейное общежитие АО «Уралэлектромедь»), несмотря на приказ министра, не передал под контору управления Пышминского медеэлектролитного завода, заселив еще не полностью сданное строительное здание. Как директор военного времени он был на своем месте, но в послевоенные годы, к сожалению, не мог себя перестроить...

Коллектив в военные годы потрудился отлично, в знак оценки его труда обогатительной фабрике передано на вечное хранение Знамя ВЦСПС и МЦМ».

Их тогда никто не называл героями, и они не считали себя таковыми... Просто время никому не давало пощады. Тогда человек легко проверялся на право называться человеком.

Пусть не говорят, что все в этом мире забывается. Имена этих людей, которые не щадили ни своих сил, ни своей молодости, ни своей жизни, останутся в нашей памяти. Эта публикация — одно из доказательств тому.

М. Д.

«Красное знамя», № 102 от 28.08.1992 г.

ГЕОЛОГИ — ФРОНТУ

В годы Великой Отечественной войны геологи Среднего Урала сосредоточили свои усилия на разведке и поиске важнейших полезных ископаемых, потребность в которых испытывала наша оборонная промышленность. Работы выполнялись в тесном содружестве с геологами ведомственных служб и работниками научных организаций. Образованная в предвоенные годы Пышминская геологоразведочная партия занималась разведкой месторождения, известного под названием Пышминско-Ключевского. Благодаря активной деятельности этого коллектива и сотрудничавших с ним работников рудника и научных сотрудников Свердловского горного института были увеличены запасы и уточнены представления о геологическом строении месторождения, открыты новые рудные участки и рудопроявления. В годы войны месторождение стало крупнейшим и главным поставщиком для металлургической промышленности Урала. В 1943—45 годах в пределах Пышминского рудного поля открыты и разведаны новые рудоносные зоны и детально изучены фланги и глубокие горизонты ранее известных зон. Все это существенно пополнило запасы Пышминско-Ключевского месторождения.

Разведкой месторождения в военные годы занимались **В. В. Щербаков, О. Ф. Кравчук, Г. В. Осипов. В. В. Маслов, И. Д. Карначева (Маслова), В. Н. Бабушкин.** Эксплуатационная разведка проводилась под руководством геолога Пышминского рудника **П. Н. Пасенко.** Геологическим изучением окрестностей месторождения и района в целом в военные годы занимались **Е. И. Ненахов, И. В. Лепинский, А. В. Буторина** и многие другие.

Трудовыми достижениями встретил коллектив нынешний май. Встав на трудовую вахту в честь 40-летия Великой Победы, Среднеуральская геологоразведочная экспедиция успешно выполняет свои задачи. Завершена детальная разведка крупнейшего в мире Баженовского месторождения хризотил-асбеста, создана надежная сырьевая база для Богдановичского огнеупорного завода, закончена детальная разведка крупнейшего на Урале Басьяновского месторождения формовочных песков. Всего за четыре года 11-й пятилетки в промышленное освоение передано 24 месторождения.

А. ДЕМИДОВЦЕВ, начальник экспедиции.

«Красное знамя», № 59 от 16.05.1985 г.

ВОЕННЫЕ СТРАШНЫЕ ГОДЫ

Мне было всего пять лет, когда отец ушел на фронт. Военные страшные годы. Мама опухла от голода, а младший братишка, уже делавший первые шаги, разучился ходить... Мы собирали все, что можно было есть: старую картофельную ботву, листья липы, головки клевера, старые кости... Чуть подрастая, мы становились не только помощниками по дому, но и работали в колхозе. Чтобы заработать больше трудодней, я со старшей сестрой пасла колхозное стадо в 90—100 голов несколько лет с восхода до позднего вечера. Вскоре сестра стала ходить с мамой на полевые работы, и я осталась за старшего пастуха, а помощником был братишка. Так трудно жили и по-взрослому работали дети в годы войны и после нее почти в каждой семье нашей деревни. Мир — это счастье, и все мы должны беречь его как зеницу ока, крепить своей хорошей работой.

Ю. ТРИФОНОВА,
воспитатель-методист детсада № 39,
«Красное знамя», № 56 от 09.05.1985 г.

НАС ОСЕНЯЛА ПОБЕДА

В октябре 1943 года война переломилась. Сталинград и Курская дуга сделали свое дело. Но еще в блокаде был героический Ленинград, впереди было освобождение Киева, Минска, Таллинна... Впереди был заграничный освободительный поход Советской Армии.

Тыл в те грозные годы жил напряженной суровой жизнью. Военную продукцию в основном давали женщины и подростки — вот почему на комсомольских организациях предприятий и колхозов лежала особая ответственность. Вот почему на Пышминском медеэлектролитном заводе, на руднике, СУГРЭС, в колхозах были созданы фронтовые комсомольско-молодежные бригады.

Такие бригады действительно находились на фронтовом положении. Подростки 15—16 лет часто прямо в цехах оставались ночевать, чтобы, не теряя ни минуты дорогого рабочего времени, выдавать продукцию фронту.

Ребята росли, им требовалось усиленное питание; хлебной нормы, выдаваемой по карточкам, явно не хватало, но парнишки не унывали, не пищали, знали, что фронту надо — и делали.

В первый год войны на Урал из прифронтовых районов было эвакуировано много заводов. СУГРЭС недоставало энергетических мощностей. Стали ее расширять.

Как-то приглашает меня первый секретарь райкома ВКП(б) **Иван Степанович Мартьянов** и говорит: «Ты знаешь, не хватает электроэнергии, чтобы давать вооружение фронту. Поезжай на СУГРЭСстрой и организуй комсомольско-молодежные бригады на строительстве нового энергоблока».

На расширение СУГРЭС тогда прибыло много молодежи из Чувашии. Мне удалось отыскать активного комсомольца Гришу Архипова, он и стал первым бригадиром этой комсомольско-молодежной бригады, которой вскоре присвоили почетное название фронтовой, а затем и комсоргом на СУГРЭСстрое.

Страшно трудное было время. Но ребята и девчата не сдавались. Работали по-фронтовому. А на СУГРЭСе и по-настоящему жили на казарменном положении.

Теплым словом хотелось бы вспомнить комсорга ЦК ВЛКСМ на СУГРЭС инженера **Ивана Шутова**. Он, кажется, не знал ни дня, ни ночи, все свое рабочее и свободное время проводил среди ребят, вместе с ними трудился, и вместе с ними отдыхал, когда

удавалось, вместе боролся за экономию топлива (тогда станция работала на угле), за экономию электроэнергии на собственные нужды. Человек незаурядных способностей, Иван Шутов умело воспитывал ребят, находил подход к каждому. Учил житейской мудрости в хорошем понимании этого слова. А ведь сам он был совсем молодым человеком.

Парторгом ЦК ВКП(б) на СУГРЭС в тот период работал **Алексей Петрович Шешуков**. Он ненавязчиво, как-то по-дружески, по товарищески направлял работу комсомольцев станции. Он сам, например, подаст идею, а сделает так, что она будто бы идет от комсомольцев, и ребята дерутся за ее осуществление.

Большая, по-фронтовому, шла борьба за хлеб в колхозах района. Секретарь комсомольской организации колхоза имени 1-го Мая (с. Балтым) Миша Чепуштанов неоднократно сопровождал хлебные обозы на элеватор: ни один грамм зерна не должен быть потерян!

Особо хотелось бы сказать о школьном комсомоле, который во время войны и в первые послевоенные годы не только учился, но и убирал урожай, участвовал в субботниках, заготовлял топливо для своих школ. Под руководством таких учителей, как **Мария Петровна Минеева, Прасковья Павловна Трошкова, Валентина Петровна Деменева** и многих других, школьники убирали в колхозах района по 100 — 150 гектаров картофеля.

Разумеется, и во время войны молодежь занималась спортом, танцевала, ходила в кино и в театр. Как бы нам ни было трудно, а вспоминаем мы те дни с хорошим чувством. Это были дни нашей боевой молодости! Запевалами всех трудовых дел и отдыха молодежи были комсомольские организации и их вожаки.

Ф. СТАРКОВ,
первый секретарь Верхнепышминского райкома ВЛКСМ
с октября 1943 по март 1946 года.
«Красное знамя», № 28 от 26.10.1978 г.

КОММУНИСТЫ! ДВА ШАГА ВПЕРЕД!

В Верхней Пышме военных лет это было законом — коммунисты шли на самые тяжелые участки...

С медеэлектролитного завода на фронт ушли неквалифицированные рабочие, в том числе и грузчики. Пришли вагоны с сырьем. Их надо разгружать.

Коммунисты! Два шага вперед!

И на субботник по разгрузке черновой меди первыми идут коммунисты. За ними — беспартийные рабочие. Вагоны свободны. Печи заполнены сырьем. Завод действует на полную мощь. Большевик-плавильщик Тимофей Степайкин, тысячник Иосиф Нестеров, все члены коллектива медеэлектролитчиков дают Родине сверхплановую медь.

Печи требуют «дразнилку» — сосновые бревна длиной до десяти метров. Причем бревна эти надо «задавать» в печи сырыми, т. е. возить их с Красного Адуя каждый день. Но вот уже разбиты дороги...

Коммунисты! Два шага вперед!

И дороги отремонтированы. Разят врага снаряды, пояски которых изготовлены из пышминской меди.

Коммунисты! Два шага вперед!

И. ШАХМИН,
бывший первый секретарь горкома партии.
г. Москва.
«Красное знамя», № 21 от 18.08.1978 г.

БЕРЕГИТЕ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ...

В редакцию пришло два письма, которые объединяет одна тема — об отношении молодых людей к людям старшего поколения, к ветеранам войны и труда.

Письмо первое. Его автор А. В. Чапышев — ветеран медеэлектролитного завода — 28 лет проработал в медеплавильном цехе. Вот что он пишет:

«Совсем скоро наш народ отметит день Победы — великий праздник всего человечества. Тяжело досталась победа нашему народу. Многие не вернулись с поля боя. Тяжело было и нам — медеэлектролитчикам, работавшим в тылу. Оборудование было устаревшим, поломки были частые. Привод разливочной машины был тросовый, тросы рвались. Особенно мучили наклонные конвейеры. Не пройдет, бывало, ни одна плавка, чтобы цепи не лопнули один-два раза. В это время металл в печи переокислялся и его нужно было снова восстанавливать.

Почти через каждую плавку меняли форму изложниц. А тут еще энергию часто отключали, так как ее не хватало на все заводы. Людей в цехах тоже не хватало. И работали мы все столько, сколько требовало производство. Иной раз едва сил хватало дойти до дома — настолько мы уставали.

Подростки 14 лет работали токарями, слесарями, электриками, работали за взрослых, ушедших на фронт. Много было занято женщин на, казалось бы, непосильной для них мужской работе. А ведь дома их еще ждали дети, старики. Надо было что-то приготовить семье, чем-то накормить, постирать, починить, о дровах позаботиться. И они все успевали: на себе таскали дрова из леса, старые пни к своим баракам. И несмотря ни на что жили, работали и дождались светлого дня Победы.

Утром 9 мая по радио объявили, что Германия капитулировала, что война закончена. Что тут началось! Кто плачет, кто поет, кто пустился в пляс. Этот день никто не забудет никогда.

Прошло 30 лет. Но нам, ветеранам труда, все это дорого. Со всем этим связана наша молодость, наша жизнь, наше здоровье, которое мы отдали родному заводу. Фактически заново построена Верхняя Пышна. Душа радуется. Даже не хочется стареть. Но нас становится все меньше и меньше.

И вот здесь хочу высказать обиду.

Стоит только куда-нибудь поехать на автобусе, всегда увидишь неприятную картину. Отталкивая всех, в передние и задние двери лезут молодые люди. И уже только после них в автобус могут зайти женщины с детьми, старики. В автобусах на сиденьях нередко — молодые люди. Отвернувшись к окнам, они не обращают внимания на то, что рядом с ними стоят женщины, старики. А сделаешь замечание — в ответ услышишь грубую брань.

Нет! Эти молодые люди не представляют себе, что такое непосильный труд в 14 лет, что такое голод, нужда. Они не представляют, как много пережили люди старшего поколения, ценой какого огромного труда досталась нам победа. Некоторые из них не понимают простых человеческих отношений. Неужели их не учили этому в школе, в техническом училище, в техникуме, в вузе? Где вы, товарищи учителя, все те, кто имеет отношение к воспитанию?

Ветераны войны и труда вправе потребовать от нашей молодежи должного уважения».

Письмо второе. Его пишет участник Великой Отечественной войны из пос. Красного А. С. Султанов.

«В городском транспорте очень явственно видны недостатки в воспитательной работе среди нашей молодежи. Вы зашли в автобус. А передние места, предназначенные для стариков, женщин с детьми, беременных женщин, уже заняты молодыми пассажирами, которые и не подумают уступить место старушке. Смотришь на них и становится не по себе. Дума-

ешь: «В чем же наше упущение? Почему молодые люди растут такими черствыми?»

С хамским отношением к окружающим со стороны отдельных молодых людей можно встретиться на улице, у кинотеатра, у столовой, у кафе, на остановках городского транспорта. Трезвые или захмелевшие, они позволяют себе нецензурные слова, не обращая ни малейшего внимания на окружающих. А попробуй сделать замечание.

Но бороться с подобными явлениями нужно. Необходимо вести разъяснительную работу в школах, в пионерских и комсомольских организациях, в цехах и бригадах, где большинство составляет молодежь. Нужно усилить в этом направлении и работу народных дружин.

А кондукторам автобусов следует почаще напоминать молодым пассажирам о необходимости уступать места женщинам и инвалидам, более пожилым людям».

Теперь расскажу о случае, который произошел лично со мной. В автобусе № 111 из Среднеуральска я ехал в Верхнюю Пышму на заседание организационного комитета по подготовке к празднованию дня Победы. Народу в автобусе было много. Стоял я, как обычно, на задней площадке. Когда же один из молодых людей лет двадцати, оберегая свою подругу от излишней толкотни, надавил с большой силой на остальных, я сделал ему замечание.

Он промолчал, но когда мы вышли на остановке у горсада, зло бросил мне: «Одной ногой в могиле стоишь и еще замечания смеешь делать!» Вот так, и не меньше...

Мне нет еще и пятидесяти. Из всех участников войны — среднеуральцев — я самый молодой и, честное слово, было дико слышать подобные слова от этого, спортивного телосложения, молодого человека — молодого специалиста или студента.

Как только у него язык повернулся бросить подобное более пожилому человеку, сделавшему ему справедливое замечание! Ничего не сказала, не остановила его и подруга, у которой будут расти собственные дети. Чему доброму они могут научить, эти два молодых хама, которым государство дало образование, но которых родители не научили элементарной порядочности.

Таковы факты, случившиеся в разных концах нашего славного города. Факты тревожные. Они должны насторожить многих. Эти факты, которые могли бы дополнить и читатели газеты, должны заставить провести соответствующую работу по воспитанию добрых чувств, по воспитанию уважения к ветеранам войны и труда, к людям более старшего поколения во всех учебных заведениях города, во всех коллективах, где трудится молодежь. И здесь мне приходит на память стихотворение Людмилы Татьяничевой «Берегите старых людей»:

Для веселых весенних ветвей
Корни более чем родня...
Берегите старых людей
От обид,
Холодов,
Огня.
За спиной у них — гул атак,
Годы тяжких трудов
И битв...
Но у старости
Ломок шаг
И неровен дыханья ритм.
Но у старости
Силы не те.
Дней непрожитых
Мал запас...
Берегите старых людей,
Без которых не было б вас!

Наша молодежь — чудесная молодежь. Но даже отдельные проявления хамства, нежелания считаться с другими должны тревожить нас. В нашем обществе подобного быть не должно!

Хотелось бы, чтобы этот материал стал предметом разговора и родителей со своими сыновьями и дочерьми.

В. ГРИНЕВИЧ,
член совета ветеранов войны г. Среднеуральска.
«Красное знамя», № 32 от 15.03.1975 г.

НА ТАНКИ И САМОЛЕТЫ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Мы, пионеры и школьники начальной школы № 12, собрали 830 рублей и сдали их на постройку эскадрильи самолетов «Школьник Урала».

К дню Красной Армии решили провести сбор денег на танковую колонну «Юный пионер». Первыми внесли 108 рублей Юра и Тамара Колтышевы, Лида Морозова и Нюра Сергеева — 50 рублей, Шура Фетисова — 60 рублей, Таня, Варя и Юра Борзенковы — 77 рублей.

В первый же день мы собрали 460 рублей. Сбор денег продолжается.

Призываем всех пионеров и школьников района последовать нашему примеру.

По поручению пионеров и школьников школы № 12
отличница Нина Пентюрина.

* * *

1650 рублей внесли работники кассы взаимопомощи пенсионеров на постройку эскадрильи «Верхне-Пышминский рабочий». К дню Красной Армии отправили фронтовикам подарок — продовольственную посылку. Семьям красноармейцев-фронтовиков вывезено 400 кубометров дров.

А. ПАРФИЛОВ, председатель правления.
«Красное знамя», № 17, 10.02.1943 г.

* * *

2400 рублей — весь сбор от вечера-концерта в клубе «Цветмет» направлен на постройку эскадрильи «Самодеятельное искусство Урала».

Б. КВАСМАН.
«Красное знамя», № 12 от 29.01.1943 г.

* * *

18 января 1943 года в колхозе имени XVIII партсъезда прошло отчетное собрание. Лучшие колхозники были премированы. Тт. А. Жигалов, Я. Мезенцев, Борисенко и Щегода премированы по 300 рублей. Тт. Язовских, О. Смолякова, Алексеева, Трофимова и Бунькова по 200 рублей. Полученную премию они тут же на собрании внесли на постройку эскадрильи самолетов.

ТИХОМИРОВА.
«Красное знамя», № 10 от 22.01.1943 г.

ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ВАС ДЕНЬ ПОБЕДЫ?

Этот вопрос я задала нескольким ветеранам войны нашего предприятия.

В. А. Титков: Разве это объяснишь двумя словами. Дня Победы ждали все, жили надеждой. Вы, конечно, не видали женщин, запряженных вместо лошадей в плуг? Не знаете, что такое пахать на себе? В войну это было привычное дело. Человек семь женщин впрягутся, а немощный старичонка за плугом идет. Так пахали поле в 50-60 соток. Тогда сеяли много,

а вдоволь хлеба поесть не мечтали — все выращивали для фронта, все работали на победу.

В. Минхазов: Не легче и горожанам было. Работа, например, в нашем цехе электролиза меди тяжелая, кое-кто на серии электролизных ванн без помощи других не мог забраться. В столовой комбината скудная пища — повара ходили крапиву собирать, чтобы рабочим в суп добавлять. Я в общежитии жил, холостяком был, о питании не очень заботился. Со смены идешь на рынок, покупаешь булку хлеба. Вот ее и ел. На ужин да на завтрак кусок оставлял. По нормальному только раз в сутки питались, А работали без выходных, без отпусков.

В. С. Титков: Настроение у людей повышалось по мере того, как дела на фронте лучше пошли, когда наша армия стала освобождать города один за другим. Я на фронте недолго был, после ранения и лечения на фронт не вернулся. Вот вы спрашиваете, что значит победа? Делайте вывод сами, если люди, даже небогатые, последние сбережения отдавали на строительство танков, военных самолетов. А уж день Победы...

Помню, встречал я его еще будучи военным в Ленинграде, куда приехал в командировку. Переночевал я, да еще двое военных, у моего дяди Петра Григорьевича. Утром услышали сообщение о капитуляции Германии. Что тут началось! Смех, слезы, радость, ликование! Незнакомые люди, увидев человека в военной одежде, спешили его обнять, сказать добрые слова. Дядя вечером с работы поздно приехал; везде митинговали, в том числе и на их заводе. Вечером ленинградские родственники собрались у дяди на квартире. Много нас было, больше десяти лет не встречались. Радости не было предела. И радости, и грусти. Потому что за праздничным столом не сидел с нами хозяйский сын, ополченцем был...

Да и сам дядя во время блокады не чаял выжить. От голода, от холода собрался было помирать. Надел пальто, шапку, лег на кровать. Вдруг слышит в коридоре: «Есть кто живой?» А это племянник зашел, двери-то уже не было смысла на запор закрывать. Оказывается, он раздобыл полголовы лошади для родственников, зашел сказать, чтобы ее забрали. Бульон, сваренный на этом мясе, и спас жизнь Петру Григорьевичу и его жене. А вскоре была открыта дорога жизни. Дядька же прожил еще 31 год.

В. Минхазов: И в тылу умирали от истощения, прямо в приемной у врача здравпункта, помните, в здании проходной?

Ю. В. Жданович: С окончанием войны появилась возможность просто выспаться спокойно. А это, знаете, великое благо, которое дает людям силы. Но не это главное, главное в том, что война научила понимать и ценить жизнь. И следствием этого был энтузиазм, с которым люди восстанавливали народное хозяйство. Вы посмотрите: за послевоенную пятилетку люди сделали столько, сколько за две последующие.

Добавлю, что при этом те люди делились с государством своим скудным заработком. Я имею в виду заем. Да минус подоходный налог. Из 400 заработанных рублей на руки выдавали чуть больше половины. Ничего удивительного в том нет, что еще в 1948 году у некоторых людей случались голодные обмороки. У нас на предприятии было много награжденных различными знаками трудового отличия в период с 1946 по 1970 годы. А ордена и медали просто так не выдаются.

День Победы в Великой Отечественной войне — не просто история. Это бесценное достояние, которое не стареет, не утрачивает своего значения, не становится будничным. Это такая ценность, которая всегда способна затронуть самые сокровенные струны души.

Стремительно летит время. Солдаты войны, бойцы гвардии труда, обремененные грузом лет, многотрудными, никогда не скончаемыми заботами, утратили порывы молодости, превратившись в слабых — и не только физически — старичков. Наш сыновний долг — быть чуткими, терпеливыми к слабостям своих родителей, ведь в опыте наших матерей и отцов много глубинного, народного, проверенного жизнью.

Из 650 ветеранов войны нашего предприятия их осталось 250. И чуткость, и внимание к ним — наша обязанность. Поздравляя ветеранов со светлым праздником Победы, хочу, чтобы остаток своих дней они прожили спокойно, счастливо, чтобы реже встречалась одинокая старость при здравствующих детях, чтобы реже обжигало сердце болью от бытовых неурядиц, нравственной глухоты окружающих. В наших силах помочь им испытать полноту жизни.

Зоя ЧЕРНЫШЕВА.

«За медь», № 18 от 09.05.1993 г.

ТЕПЛЫЕ ВЕЩИ — ГЕРОИЧЕСКИМ БОЙЦАМ КРАСНОЙ АРМИИ

Под таким заголовком газета «Красное знамя» 14.09.1941 года (№ 110) публикует обращение коллектива Уралмашзавода ко всем трудящимся Свердловской области.

«Сбор теплых вещей и белья для Красной Армии — это важнейшее государственное дело. Пусть еще сильнее будет наша помощь фронту!»

Призыв уралмашевцев сразу же был подхвачен всеми тружениками Верхнепышминского района.

В деревне Балтым прямо на митинге начался сбор вещей. Бригадир-овощевод М. Ф. Секачев подарил теплые носки и варежки, А. И. Калугина — теплое белье, А. Щетинкина — теплые брюки и варежки, П. Земляков — теплую шапку и шарф. Правление колхоза выделило 30 кг шерсти и 3 теплых матраца.

«Красное знамя», № 111 от 17.091941 г.

ПОЛУШУБКИ, ВАЛЕНКИ, ОДЕЯЛА

20 сентября 1941 года работники медеэлектролитного завода П. В. Никифоров сдал шинель, М. Е. Медведевский — полушубок и валенки, П. А. Горбато — по паре теплого и нательного белья, И. К. Крюков — телогрейку, М. А. Кузнецов — полушубок.

Всего в этот день на приемном пункте от рабочих и служащих завода было принято 6 полушубков, 3 пары валенок, 3 телогрейки, ватные брюки, байковые одеяла, шапки-ушанки и другие теплые вещи.

«Красное знамя», № 113 от 21.09.1941 г.

ИДЕТ СБОР ТЕПЛЫХ ВЕЩЕЙ

Одним из ярких проявлений любви к Родине является сбор и изготовление теплых вещей для бойцов Красной Армии.

Трудящимися Верхне-Пышминского района собрано и изготовлено свыше 350 пар валенок, более 170 полушубков, около 470 ватных брюк и фуфаек, 800 штук шапок-ушанок, 700 комплектов нательного белья, 1000 полотенец, 600 пар шерстяных перчаток, 81 меховой жилет и другие вещи.

«Красное знамя», № 146 от 14.12.1941 г.

ВЗНОС ПЕТРА ЕГОРОВИЧА

Петру Егоровичу Рябову перевалило за восьмой десяток. И он задумался, чем бы помочь Красной Армии. После продолжительной беседы агитатора, зашедшего поговорить о сдаче теплых вещей для армии, Петр Егорович заявил жене: «Давай-ка, старушка, отдадим овчины». И дедушка Рябов извлекает с чердака две добротные, теплые пушистые овчины.

КАПЛАН.

«Красное знамя», № 118 от 10.10.1941 г.

ПОДВИГ ЖЕНЩИНЫ

САНДРУЖИННИЦЫ

Шел 1941 год. В Свердловск стали поступать первые эшелоны с ранеными бойцами. Октябрьский райком партии обратился к нам, женщинам района, с просьбой организовать санитарные дружины в помощь военным госпиталям.

Окончив курсы медсестер, я возглавила одну из дружин Октябрьского района. Дружина состояла из 50 человек. Все мы работали на разных предприятиях. Я тогда была преподавателем автошколы в Свердловске. Днем работала в автошколе, а вечером все свое время отдавала госпиталю.

Мы не считались ни с усталостью, ни со временем. Когда ожидалось прибытие эшелонов с ранеными, по цепочке к 10 часам вечера вся дружина собиралась в госпитале. Здесь мы садились в машины и направлялись на эвакопункт, который находился за городом. В полной готовности ждали прибытия поезда. Как только приходил поезд, мы на носилках переносили раненых в зал эвакоплощадки, а затем развозили по госпиталям.

Мне запомнился такой случай. Ночь. На улице пурга. Все мы очень устали и озябли. И вот нам с напарницей на носилки положили солидного мужчину. Мы с большим напряжением понесли его. Внезапно поскользнувшись, упали на коленки, но раненого все же не уронили. Боец почувствовал, что нам тяжело, и говорит: «Милые сестрички, извините меня. Я знаю, что тяжел для вас, но если бы не был ранен, то никогда бы не допустил, чтоб вы мучились». У меня колени болят, ветер хлещет в лицо, но я нашла силы перебороть себя и говорю: «Да вы, товарищ, не волнуйтесь. Вот мы сейчас санитаров позовем, отнесем вас в вокзал, а потом отвезем в госпиталь».

Смотрю, раненый и успокоился.

Или вот еще такой случай. Привезли в госпиталь тяжелораненых бойцов. Понесли мы одного мужчину на третий этаж. Он сначала как будто дремал. Все было хорошо, а потом мы как-то нечаянно тряхнули его. Раненый стал приподниматься и закричал: «Товарищи, за мной, за Родину, вперед!» Пришлось поставить носилки и успокоить бойца. Мы начали говорить ему, что он находится далеко от фронта, в госпитале Свердловска, что ему здесь ничто не угрожает. Успокоив раненого, мы унесли его в палату.

Однажды прибыли дети из блокадного Ленинграда. Нам поручили отвезти их временно в школу, так как для детей госпиталей еще не было. Жутко было смотреть на ребятишек: ноги и руки висят, как плети, глаза опали, сами они, как скелеты. Идти они не могли, и мы носили их на руках.

Положили 8—10-летних ребятишек на кровати, а сами решили передохнуть и прийти в себя, так как ни одна из нас не могла спокойно смотреть на детей. Только сели в другой комнате, как слышим: стук поднялся. Бежим в спальню, а детей на кроватях нет. Что такое? Куда девались дети? Ищем; Они оказались под кроватями. Выясняем причину. Оказалось, ребята испугались грохота машин на улице и попрятались под кровати. Достали их, приласкали, сносили в столовую, покормили, уложили спать, наказали воспитателям не оставлять детей одних, а сами поехали снова в госпиталь.

Нелегкими днями нашей работы в госпитале были операционные дни. Нужно было привести бойцов в операционную, сделать всем повязки, а потом снова отнести в палату. Часто мне приходилось помогать врачу при операции, я подавала необходимые инструменты. Выполняли мы и другие работы: кормили тяжелораненых, писали письма под диктовку их родным и знакомым, читали книги, газеты.

Мы не боялись никакой работы: в санитарные дни мыли полы, трясли постели, застилали их чистым бельем и. т. п. Все члены дружины были донорами, причем кровь часто сдавали безвозмездно.

Раненые к нам относились очень хорошо. Придешь, бывало, в палату п приветствуешь: «Здравствуйте, товарищи! Как себя чувствуете? Как отдыхали?» А бойцы почти в один голос говорят: «А, сестрички пришли». Видишь, если кто-нибудь загрустил — подойдешь, посидишь, поговоришь с человеком и, смотришь, плохое настроение рассеивается.

А как приятно было видеть, когда бывшие тяжелораненые начинали ходить сами! Невольно думалось: есть и моя заслуга в их выздоровлении.

В. ТЕСТОВА,
преподаватель вечерней школы № 1.
«Красное знамя», № 9, 21.01.1975 г.

СЕСТРЕНКА

Работница производственного объединения «Радуга» Р. Шах на фронте была старшиной санитарной роты, награждена орденом Отечественной войны.

Вот что она писала в городской газете «Красное знамя» № 45 за 21 марта 1965 года.

«На фронт я попала из Витебска. Осенью 1941 года наша часть находилась на подступах к Москве у Волоколамского шоссе. Была я тогда старшиной роты. Из четырех санитарок, подчиненных мне, особую симпатию вызвала у меня Зоя Фатхутдинова, совсем еще молоденькая девчушка с Урала. Бала она отчаянно храбрым человеком.

Однажды во время затишья после боя послали нас с Зоей проверить, не осталось ли за линией обороны раненых бойцов. Бой кончился, но время от времени то в одной, то в другой стороне, как отголоски горячей схватки, вспыхивали короткие перестрелки. И мы волновались, не пострадает ли кто от шальной фашистской пули.

На опушку леса, куда мы вышли, опускались густые сумерки. Мы с Зоей разошлись в разные стороны. Осматривали каждый кустик, ощупывали каждую ложбинку.

Вдруг со стороны, где была моя подруга, раздался выстрел. Зоя звала меня. «Ты в кого это?» — только сказала я, и осеклась. Зоя не спускала оружия с рослого раненого в ногу фашиста. «Вот гад. Еще и бежать вздумал! Стрелять пришлось... Иду я, вдруг из-за куста выскочил человек , — рассказывала она. — Я не вижу, кто, в темноте не разобрать. Кричу ему: «Стой!» А он и руки поднял. Ну, думаю, фашист! Подхожу к нему, а он руки вниз и бежать. Вот я и выстрелила».

«Я тут побуду с ним, — кивнула она в сторону своего пленника, — а ты беги к нашим, позови кого-нибудь!» Через некоторое время в штаб нашей части ввели немецкого лазутчика. И только тогда мне стало страшно за маленькую, хрупкую Зойку.

Как это она не побоялась идти на поединок с рослым и сильным фашистом, не испугалась, не растерялась в решительный момент...

Была я свидетельницей и еще одного подвига санитарной сестры Зои Фатхутдиновой. Случилось это во время наступления немцев под Москвой. Гитлеровцы хотели прорваться к нашей столице любой ценой.

На нас обрушилась лавина вражеской техники — танков, самолетов.

Я видела, как моя подруга выносила с поля боя тяжело раненого в живот нашего ко-

мандира. Тучей шли фашистские бомбардировщики. Во время взрыва Зоя своим телом прикрыла раненого командира...

Ее доставили в госпиталь. Больше мы с Зоей не встречались. Никогда не думала я, что мне, воспитаннице одесского детдома и в общем-то жительнице южных районов страны, придется долго жить на родине моей боевой подруги — на Урале, и даже в городе, откуда была она. Зоя говорила, что она родом с Медного рудника.

Где она теперь, жива ли? Может быть, в В. Пышме остались родственники отважной фронтовой сестренки? Отзовитесь».

Р. ШАХ,
работница фирмы «Радуга».
«Красное знамя», № 45 от 21.03.1965 г.

БОЙ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Прошлое хорошо хотя бы тем, что уже прошло. Смысл этих слов я отношу и к событиям жаркого лета 1941 года. И хотя нашему современнику тоже дают «понюхать пороху», трагедия тех лет еще долго будет отзываться эхом в сердцах соотечественников.

Прискорбно, что в наш быт снова возвращаются слова — «война», «смерть», «горе».

Прискорбно и до крика в душе горько видеть кадры хроники гибели молодых ребят в Чечне, разыгравшуюся на глазах всего мира трагедию в Буденновске. Прискорбно, что снова, как пятьдесят лет назад, врачи изучают пособия по лечению огнестрельных ран, по удалению пуль и осколков. И все это в наши дни.

А тогда, летом 41-го, медики нашего рабочего поселка, хотя линия фронта проходила в тысячах километрах от них, одними из первых вступили в отчаянный бой со смертью: на территории района были организованы три эвакогоспиталя. К слову сказать, Свердловская область в годы войны была третьей по величине в РСФСР госпитальной базой для тяжело раненых воинов, требовавших особо тщательного ухода и квалифицированной помощи.

Ночью 31 июля 1941 года прибыл первый эшелон раненых бойцов в Среднеуральск. 300 человек сразу принял госпиталь № 2548. Дни и ночи, оперируя, перевязывая, оказывая помощь бойцам, трудились врачи, медсестры. Заготавливали травы, настои из хвои пихты. Когда не хватало перевязочного материала, несли из дома старые простыни. Вместо ваты использовали торфяные мхи.

Вместе с медработниками первых раненых встречал весь поселок. Жители делились с ранеными вещами, постельным бельем, продуктами, табаком, бумагой для писем.

Сухая статистика свидетельствует, что только в госпиталях Урала свыше полумиллиона защитников Родины прошли лечение и 87 процентов из них, благодаря таланту и мужеству хирургов и санитарок, снова вернулись на фронт.

Кто сейчас подсчитает, сколько людей поставили на ноги и вылечили от болезней наши врачи З. Д. Волкова, А. А. Лобастова, Баязитова, И. М. Хромова (Рудая).

Ирина Макаровна Хромова, работавшая в годы войны дежурным фельдшером в госпитале № 3744 на Медном руднике, вспоминает:

После ночных дежурств в госпитале приходилось ездить по вызовам к больным. Иногда доходило до 40 вызовов в день. Вместе с фельдшером К. К. Рождественской на дом ходили и к детям, и к взрослым. Заболеваемость была высокая, особенно дизентерией.

Большая смертность была от дифтерии, прививок от нее детям почти не делали.

Многие болели открытой формой туберкулеза, страдали анемией и дистрофией.

Много лет прошло, а не могут забыть врачи всего пережитого. И той слезы, которая скатывалась на улыбку от слов «Спасибо, доктор!»

От Мурманска до предгорий Кавказа вели свою неустанную борьбу за жизнь бойцов

К. П. Бардышева, М. И. Бутова, Л. А. Шишкин, А. И. Зверева, К. М. Благодарева, Л. П. Харлова, П. Я. Беклемышева, Р. П. Каргина и другие наши земляки.

Августа Андреевна Лобастова была призвана в армию в сентябре 1941 года, когда ее малышу шел четвертый годик. Сначала она была начальником эвакогоспиталя № 3859 в поселке Исеть, а через год попала в действующую армию. Закончила войну на Дальневосточном фронте.

Лейтенант медицинской службы медсестра Павла Михайловна Богдашева была начальником эвакогоспиталя на катерах. Домой вернулась с медалью «За оборону Ленинграда».

Старшая операционная сестра Ксения Митрофановна Благодарева награждена медалью «За оборону Кавказа». В сражении на Курской дуге участвовала медсестра Павла Яковлевна Беклемышева.

Евдокия Михайловна Лихачева рассказывала, как однажды в момент операции в полевой госпиталь залетел неразорвавшийся снаряд. Не задумываясь, она его схватила и выбросила назад. Страшно стало потом, когда представила, что могло бы случиться...

Медаль «За отвагу» и эмблема медицинской службы на гимнастерке молодой девушки... Это парадоксы войны, к которым никогда не привыкнешь, как никогда нельзя привыкнуть к смерти.

В нашем музее собраны материалы о сорока медицинских работниках, в том числе и о погибшей 24 апреля 1945 года под Берлином медсестре Марие Ефимовне Лебедевой. Откровенно говоря, это в основном анкетные данные, фотографии и совсем короткие воспоминания. А как бы хотелось знать больше.

Мы благодарны И. М. Хромовой, З.Д. Волковой за предоставленные документы, а также Зинаиде Васильевне Федотовой, передавшей для оформления экспозиции медицинский инструмент военных лет.

Трудно представить, сколько людей в благодарном поклоне склоняют головы перед подвигом военных врачей, их сединами и ранами, перед силой их духа и патриотизма.

Светлая память тем, кого уже нет с нами. Доброго здоровья всем, для кого бой длиною в жизнь продолжается.

Е. СЕЛИНА, директор музея.

«Красное знамя», № 69, 22.06.1995 г.

САНИТАРКА МАРИЯ ФЕДОТОВА

В боях под Ленинградом принимала участие Мария Ивановна Федотова, перевязочная сестра горбольницы № 1 города Верхняя Пышма.

Она была санитаркой прифронтового госпиталя. Нередко во время операций начиналась бомбежка, вылетали стекла окон, гас свет.

...Когда госпиталь стоял в Боровичах, трое суток не спала Мария Ивановна, настолько много было раненых. Операция за операцией, раненый за раненым... И когда на минуту она выходила на свежий воздух, нередко теряла сознание.

...А однажды под Ленинградом пять суток пришлось ей голодать.

...Медаль «За боевые заслуги» — память о тех днях военной молодости.

А. ИЛЬИНА.

«Красное знамя», 22.02.1963 г.

ПЕРЕДОВАЯ КСЕНИИ БЛАГОДАРЕВОЙ

Как будто задавшись целью вконец измучить и без того измотанных долгой дорогой людей, дождь шел, не переставая. Вымокшая за день одежда к ночи покрывалась инеем. Костры жечь было нельзя, и чтобы обогреться, надо было двигаться и двигаться. Но как всему

на свете, и этой дороге пришел конец. Дивизия добралась до места назначения, а медсанбат расположился километрах в трех от передовой. Людей обступали лес и синие горы. Не успели как следует устроиться, с передовой начали поступать раненые солдаты и офицеры. Ксения, старшая операционная сестра, отвечавшая за стерильность всех материалов, инструментов и растворов для операций, поначалу растерялась: как обеспечить стерильность, если оперируют под открытым небом? Но рассуждать было некогда.

Страшно мерзли руки, когда Ксения стояла у операционного стола, держа металлические инструменты. Усталость накатывала волной и, чтобы не упасть, приходилось до боли закусывать губу. Немцы донимали обстрелами и бомбежками, но оставить раненых было нельзя, и Ксения, когда особенно громко ухало и гудело, лишь тихонечко шептала: «Мама, мамочка...» Как-то лицо одного раненого, поступившего после боя в медсанбат, показалось ей знакомым. А тот, заметив взгляд сестры, улыбнулся:

«Что, сестричка, не узнала? Так вы ж меня резали. Ранен я был в живот. Выздоровел. Снова на фронт и снова ранен. Так что возвращайте в строй!». На сердце у Ксении потеплело:

«Выжил, миленький, выжил, а ведь такую сложную операцию перенес, да еще в таких-то условиях».

...А на фронт Ксения попала так. Когда началась война, ей было двадцать три и она состояла на учете в военкомате, как операционная сестра. Получила назначение в госпиталь, номер которого теперь не помнит, города Донецка. Проработала там месяц, пока не вызвал их трех операционных сестер начальник медслужбы и не сказал: «Решайте, кто из вас поедет на фронт». У одной были дети, у другой — муж. Словом, на фронт поехала Ксения. В конце июля 1943 года она прибыла в 488-й медсанбат 383-й стрелковой дивизии на должность операционной сестры.

...Когда похолодало, оперировать стали в землянках, при свете керосиновой лампы. А бывало, что оперировать и обрабатывать раны приходилось в машинах, крытых брезентом, согнувшись в три погибели.

Когда Ксения не стояла за операционным столом, то давала эфирный наркоз сразу троим-четверым оперируемым и, надышавшись, едва не падала с ног. Когда становилось невмоготу, кто-нибудь подменял ее часа на два. И снова — на сутки к операционному столу.

Доставлять раненых с гор, где шли боевые действия, было очень трудно, поэтому врачи и медсестры шли сами на передовую. Там, в горах, в землянке, оказывали они первую помощь раненым, а потом эвакуировали их в тыл. Спускали раненых на веревках, везли на волокушах, несли на носилках. Карабкались, лазили по горам, как альпинисты, ежечасно и ежеминутно рискуя жизнью.

Пришел приказ — Ксении и санитарочке Моте прибыть на центральную базу медсанбата. Пока девушки спускались с гор, стемнело. Моросил дождь. Шли с трудом, перебираясь через множество горных речушек. Чтобы не забрести к немцам, решили заночевать в лесу. Завернулись в плащ-палатки, противогазы — под голову и тут же заснули мертвым сном... Остаток пути Ксения должна была пройти одна. Передвигаться можно было только ночью — днем за каждым человеком гонялись «мессеры».

Плотной стеной обступил ее лес. Ночь, луна светит ярко. Морозно. Каждый куст таит опасность. Ксения, тоненькая, хрупкая, стоит одна на дороге и ждет: может быть, кто-то в ту сторону поедет, куда ей нужно... И по сей день помнит Ксения Митрофановна ту ночь в горах, когда, казалось ей, осталась она одна на всем белом свете.

Когда наступало затишье, в медсанбате занимались боевой и политической подготовкой, изучали оружие, стреляли в цель. Жили в землянках. Вечером, сняв с себя только сапоги да ремни, лежали на нарах. Горела печурка. Кто-то запевал песню под настроение, все подхватывали.

В конце 1943 года Ксения попала в госпиталь, а вылечившись, была направлена операционной сестрой в госпиталь для легкораненых, тоже расположенный близко к линии фронта. Когда на Украинском фронте началось мощное наступление наших войск, госпиталь передвигался по следам наступления. Участились бомбежки. Однажды на глазах Ксении был тяжело ранен хирург. Началась бомбежка, Ксения прижалась к стене и закрыла глаза, когда же их открыла — врач, истекая кровью, лежал ничком на столе, где недавно оперировали раненого.

После войны Ксения оказалась вместе со своим госпиталем в Австрии, где долечивали раненых. Горько было сознавать, что умирают от ран наши бойцы уже после победных залпов. Демобилизовалась Ксения Митрофановна в 1946 году. Вышла замуж. С 1960 года Благодаревы живут в Верхней Пышме. Работала Ксения Митрофановна в горбольнице № 1, сейчас на пенсии. Не ходила она в атаку на врага, не стреляла, не бросала гранаты, но сделала для победы немало: скольким бойцам спасли жизнь ее умелые руки, зоркие глаза, горячее сердце русской женщины! Она была всегда на передовой, где шла борьба за жизнь.

А. ЛИСИЦКАЯ, внешт. корр.

«Красное знамя» № 141, 24.11.1984 г.

ПРИЗВАНИЕ РАИСЫ КАРГИНОЙ

Военврача третьего ранга Раису Петровну Каргину срочно вызвали на наблюдательный пункт.

— Заболел командир дивизии.

Раиса Петровна быстро собралась, взяв с собой все необходимое. Часть дороги проехали на телеге. Но вот остановка — впереди болото. Врач с сопровождавшим ее санитаром пошла пешком. То и дело загорались осветительные ракеты. Фашисты заметили пешеходов, открыли огонь. Врач и санитар бросились бежать. Только вперед! Там нужна их помощь...

В блиндаже у командира дивизии тепло и дымно. Здесь много офицеров. Строгие, сосредоточенные, они молча курят. Появление врача было неожиданным.

— Как вы сумели под таким обстрелом? — удивились они. — Хорошо, что быстро пришли. Больной у нас командир...

Раиса Петровна определила, что у комдива гриппозное состояние, повышенная температура. Да вдобавок к этому обострение радикулита. Оказала необходимую помощь, назначила лечение, успокоила, что все будет хорошо. А он, закаленный во многих боях, командовавший тысячами солдат, внимательно и с уважением слушал наставления молодого врача, только что бывшего под вражеским обстрелом...

В лихую военную годину вся страна встала на защиту Родины от фашистских захватчиков. В ноябре 1941 года молодой врач Каргина была направлена в Московский военный округ. Командование хотело оставить ее в московском госпитале, но Раиса Петровна просилась на фронт.

— Там я нужнее. Сделаю больше.

Трижды беседовал с ней начальник госпиталя. И трижды повторяла о своем желании врач Каргина. И вот она назначена старшим врачом санитарной службы 117-го полка связи на Северо-Западном фронте. Воинские части, к которым была придана медицинская служба, вели бои под Старой Руссой. Много забот сразу легло на ее плечи: из нового пополнения нужно было подобрать медсестер, санитаров, шоферов, обеспечить службу медикаментами, укомплектовать оборудованием.

Многим солдатам и офицерам спасла жизнь Раиса Петровна. Очень пригодилась ей

практическая работа хирургом еще до войны сразу после окончания Уфимского медицинского института.

Пришлось Раисе Петровне во время войны пережить и окружение, и голод, и многочисленные бомбежки. Но всегда вовремя приходила на помощь к раненым бойцам врач Каргина.

Однажды во время боя Раису Петровну засыпало землей от близко разорвавшегося снаряда. Потеряла сознание. Очнулась, все тело как бы зажато в тисках. Мелькнула мысль: «Может быть, ранена, может, нет ног...». Но вот сумела освободить одну руку, другую, ноги. Встала, осмотрелась. Бой уже идет в стороне. Сколько времени пробыла тут — неизвестно...

Раиса Петровна считает, что никаких подвигов она не совершала: шла война, надо было идти на фронт и пошла, как тысячи других. Но именно благодаря им, таким людям, как Р. П. Каргина, благодаря массовому подвигу народа советские люди живут мирной, счастливой жизнью.

И. КАРГАШИН, горный инженер.
пос. Санаторный.
«Красное знамя», № 55, 09.05.1972 г.

КОГДА ЗАКАНЧИВАЛАСЬ ВОЙНА

В ранней юности Хаджира Файзрахманова мечтала стать врачом. Но она была старшим ребенком в многодетной семье, а значит, прежде всего ей предстояло помогать родителям в воспитании младших братишек и сестренок.

В 1938 году, когда семья Файзрахмановых переехала в Верхнюю Пышму из поселка Верхокосье, на месте которого теперь раскинулся город Качканар, Хаджира училась в 7 классе. Училась неплохо и все же после восьми классов учебу пришлось оставить. Но она не унывала. Ведь впереди еще целая жизнь, и все еще можно изменить. А пока пошла табельщицей на рудник.

Этот солнечный летний день она не забудет никогда. Люди, столпившиеся у громкоговорителей на улицах. Суровые, напряженные лица мужчин, женщины украдкой смахивают слезы. Мирная жизнь словно перевернулась, как жестяная фигурка, «подстреленная» в тире. Все личное ушло на второй план. Смех и улыбки почти исчезли. Даже дети выглядели повзрослевшими.

Но, как ни странно, именно в эти особенно тревожные дни мечта девчонки-восьмиклассницы Хаджиры Файзрахмановой вдруг вроде бы начинает сбываться. Ее направляют на годичные курсы медсестер. После окончания курсов должны были направить на фронт. Но дорога Файзрахмановой пролегла не на запад, как девушка ожидала, а в противоположную сторону — на Дальний Восток. Воинским эшелоном прибыла она в Приморье, под город Ворошилов, в автороту при 694-м батальоне аэродромного обслуживания. Здесь были нужны не медсестры, а шоферы. Пришлось срочно менять профессию — осваивать автомобиль. О своей мечте — стать врачом — она больше не вспоминала. Изучала шоферское дело так, словно всю жизнь стремилась сесть за баранку. Потому что военное время не признает слова «хочу», оно признает только слово «надо». И это «надо» для каждого подчинялось великому всенародному стремлению к Победе. Но до Победы было еще ох как далеко. Правда, с Запада приходили радостные вести о боевых успехах сражающейся Советской Армии. А здесь, на Дальнем Востоке — настороженная, недобрая тишина. Со дня на день наши части ожидали удара японских дивизий. А они были рядом. В жаркие летние дни бойцы батальона аэродромного обслуживания не раз видели, как японские солдаты купались в пограничной реке. По ночам с той стороны порой доносилось рычание танковых моторов. А

днем, сверкая в солнечных лучах, бывало, проносился вдоль границы боевой самолет с эмблемами страны Восходящего солнца на плоскостях... Словом, чувствовалось присутствие крупных соединений противника. Потому в советских войсках учение сменяло учение, тревога — тревогу. Расслабляться было нельзя. Полная боевая готовность поддерживалась постоянно.

Авторота, в которой служила Хаджира, могла бы называться женской. В нее входило 15 девушек. Самолеты тогда заводились стартером, установленным на автомобиле-полуторке. Всеми этими полуторками управляли девушки. Они же подвозили и боеприпасы, и горючее к самолетам.

— Жили мы дружно, единой семьей, — вспоминает Хаджира Ахадеевна. — Помогали друг другу освоить необычную для нас профессию шофера. Я в то время работала на транспортной машине и меня частенько отправляли в дальние командировки. Расстояние между населенными пунктами огромное. Кругом леса. А граница рядом. И знаешь, что прямо возле границы стоит огромная вооруженная до зубов вражеская армия. Нам сообщали о захваченных на нашей территории японских диверсантах. Что было самое трудное в это время? Конечно же, ожидание начала боев. Они могли начаться в любую минуту. И каждая учебная тревога могла перерасти в боевую. И даже тишина вокруг казалась зловещей, а красота природы — неестественной. Все это могло лопнуть, как мыльный пузырь.

Больше всего она опасалась, что начало боев может застать ее в командировке. Ищи тогда своих. Но вот однажды, возвратившись в свою часть, застала там всеобщее ликование. Все кричали «ура», обнимались. Можно было не сомневаться — пришло сообщение о том, что самый сильный и страшный враг нашей страны — немецкий фашизм — побежден. Над поверженным Берлином — красное знамя, гитлеровские генералы подписали безоговорочную капитуляцию.

— Видно, не только до нас дошли эти вести, — рассказывает Хаджира Ахадеевна. — На противоположном берегу все вроде бы затаилось, притухло. Враги больше никак не выказывали своего присутствия. Будто все вымерли. Но нам было ясно: пока милитаристская Япония не побеждена, победа еще не полная.

В начале осени 1945 года ночью батальон в который уже раз подняли по тревоге. Теперь было приказано подцеплять бомбовый груз и запускать моторы. Самолеты уходили в черное ночное небо.

«Началось», — подумала Хаджира, провожая их глазами. Они летели в сторону границы. Там тяжело и глухо гремело. Вскоре на аэродроме не осталось ни одного самолета. Батальону аэродромного обслуживания предстояло перебазироваться на новое место, на какой-то другой аэродром, предназначенный их подопечному, авиационному полку. Этот аэродром расположился где-то на юге, на территории, еще не освобожденной от японских захватчиков. До него предстояло добираться своим ходом, на машинах автороты, по дороге готовить к вылетам самолеты других советских авиасоединений. Бомбежки, нападения недобитых вооруженных групп противника — все это было впереди. Они шли по земле, еще не остывшей после только что отгремевших боев. Это была чужая земля, Корея, но она встречала их с неподдельной искренней радостью. В бедных корейских селениях жители счастливы были поделиться последним со своими освободителями. Прямо на улицах расставляли угощение, приглашали принять участие в праздничном застолье. Но они проезжали мимо, от аэродрома к аэродрому. Догоняли свой полк. Как-то несколько девушек, в том числе и Хаджиру отправили на машине в другую часть за продуктами. Для большей безопасности с ними отправили и двоих мужчин — капитана Сегова и шофера Тихонова. Их машина шла впереди. Маленькая автоколонна была уже недалеко от цели, как вдруг из-за сопок ударил пулемет. Первая машина слепо завиляла и ткнулась в кювет. Колонна сразу остановилась. Девушки-водители выскочили из кабин, залегли у обочины и ответили автомат-

ным огнем. Но стрелявшие со стороны сопок атаковать не решились. Дав несколько очередей, они ушли. И тогда девушки бросились к головной машине. В кабине они обнаружили окровавленные изрешеченные пулями тела капитана Сегова и рядового Тихонова. Так впервые девчата увидели смерть на войне. Они знали, что подверглись нападению японских фанатиков, не пожелавших сложить оружие. У этих обреченных осколков отступающей армии была единственная цель — захватить с собой на тот свет как можно больше наших солдат. Рассчитывать на победу японским воякам уже не приходилось. — В автороте меня считали везучей, что ли, — улыбается Хаджира Ахадеевна. — Вот, например, прибудет рота на место, а кто-то отстал: мотор подвел или еще какая поломка. Вот меня часто посылали обратно на подмогу... Бывало, ночью едешь пустынной дорогой и не знаешь, на что нарвешься — земля-то чужая.

На дорогах тогда случалось всякое. И не только с одинокими водителями. Однажды автороту остановили два человека в гражданской одежде и с чемоданами. Назвались корейцами. Попросили подвезти. Их уже собирались посадить в машины, но тут один из командиров приказал проверить их чемоданы. Этот приказ многим показался чрезмерным, ну, что может быть в чемоданах у двух полунищих? Зачем оскорблять недоверием таких доброжелательных, улыбчивых людей? В чемоданах обнаружили оружие и взрывчатку... «Улыбчивые люди» оказались офицерами японской армии. Теперь они уже не скрывали этого, улыбки исчезли, задержанные смотрели высокомерно и презрительно... Их расстреляли тут же у дороги. На шпионов и диверсантов, как известно, не распространяется статус военнопленных. Таков закон войны.

Бои на Дальнем Востоке длились недолго. И прежде всего потому, что большинство советских воинов имело огромный боевой опыт, полученный в сражениях с гитлеровцами. Но не следует думать, что победа над японскими милитаристами далась легко и просто. Перед советскими воинами был враг хитрый, коварный и беспощадный, покоривший гигантские территории на азиатском материке. Сдаваться без боя он не собирался. И все-таки был повергнут.

С. ТЮМЕНЕВ.

«Красное знамя» № 121, 10.10.1989 г.

...И ВЕРИЛИ В ПОБЕДУ

Когда взрослым приходится трудно — так, как это было в годы войны, они всеми силами стараются облегчить жизнь детям — пусть они не знают лишений, не видят страданий... Именно тогда, в военное лихолетье, принимали ребятишек под теплую крышу детского сада № 5 эти женщины — совсем молодые воспитательницы.

Сейчас они встретились, бывшие сотрудницы детского сада № 5, и вспомнили военные годы. За одним столом с ними были на этой встрече и женщины, которые работали тогда в заводской столовой.

Клавдия Григорьевна Шишова

У меня самое приятное воспоминание о работе в Верхней Пышме — это то, как нас здесь приняли. Приехали мы, две подруги, из деревни с сундучками, после окончания педучилища в 42-м году. Заведующая детским садом № 5, где мы должны были работать, встретила нас, как родных: тут же и устроила, и накормила. И работать мы с Зинаидой Николаевной стали здесь с радостью — садик новый, красивый, малышки ласковые, улыбчивые, родители отзывчивые.

Во время войны и нам трудно пришлось, но ребятишек мы очень старались уберечь. Детей в группах было много, по 42 человека, и почти половина — эвакуированных. Любое

наше умение пригождалось. Нитку с иголкой вообще из рук не выпускали. Пуговицы пришивали покрепче — если потеряется, маме негде будет взять. Дрова мы сами для садика заготавливали, так что в группе часто приходилось управляться одной с ребятами: и посуду перемыть, и полы, и на прогулку сходить. Помню, был такой запевала — Володя Новицкий, а с ним Вова Кириленко (умер он уже). Посуду моешь, а они песни поют для всей группы.

Игрушек очень мало было. Куклы старые-престарые, немного тряпочек, на которых девочки вышивали. А мальчишки только с кубиками потертыми играли, машин не было. Мы, воспитатели, пели, плясали с ними, концерты устраивали, книжки потрепанные перечитывали, ребята рисовали на газетных лоскутах, а так как карандашей было мало, менялись: сначала один красным рисует, другой синим, потом наоборот. Мы даже их рисунки умудрялись сшивать в альбомчики, а потом рассматривали. Более опытные воспитатели — Мария Николаевна, Нина Евгеньевна, помогали нам. Дружно мы работали. А после работы нас еще на военную учебу гоняли. Стрелять учили.

Мария Николаевна Голубева

Да, во время войны мы старались, чтобы ребятишки в нашем детском саду видели побольше хорошего. Делали для них праздники, а родители нам помогали. Всегда в наших праздниках активно участвовала Софья Ивановна Комаревич. Конечно, детей много было, но со временем мы не считались, а чтобы доставить детям радость, и до глубокой ночи сидели накануне праздника — мастерили из бумаги, картона. Летом ходили с ребятами в лес по ягоды. Наберем полный чайник, и на полдник всем разложим по тарелочкам.

Полина Дмитриевна Пересмехина (Кузнецова)

Я пришла как раз в начале войны в пятый детский сад. Помню, дети ходили и полуголодные, и грязные, и оборванные, а то и со вшами. Техничка, с которой мы работали вместе — Клавдия Степановна Зимина — снимала с них грязную одежду, стирала, на кухне сушила, а потом штопала. Прачек у нас тогда не было, нянечки стирали все.

Ездили мы с детьми и на дачи летом: в Аятку, в Красный Адуй. А там все 24 часа в сутки с детьми. А в свой выходной день, помню, я на всех ребят нашей группы одежду сама стирала.

Зинаида Николаевна Налобина

В 43-м особенно тяжело было. С питанием стало жестковато. Весной всю крапиву порезали, всю лебеду съели. Картошки очень мало было. В супе одна другую догнать не может. А крапивы наложим — суп погуще. Правда, жир был — американский. За грибами еще с детьми ходили, на кухню отдавали.

И о войне детям рассказывали, читали. К Дню Советской Армии всюду танки из картона развешивали, а на них — надписи: «Вперед, на Берлин!», «За Победу!» Кругом звезды. Военных приглашали. Родители помогали — мастерили для ребятишек деревянное оружие. Однажды настоящий военный оркестр пригласили — такой был праздник!

Все делали, чтобы дети меньше всего от войны страдали, чтобы верили, что она скоро кончится. А сами до 12 часов ночи на военной подготовке, а иногда еще и на танцы успевали забежать.

Садик у нас был круглосуточный. И многих детей мамы оставляли на неделю. Живут, например, на Развилках, автобусов тогда в городе не было, бывает, и пальтишка у ребенка нет. Завернет мать его в одеялко, до садика донесет, через неделю — домой. В 43-м давали карточки по 400 граммов хлеба на семью, по 200 — ребенку отдавали. Дети есть дети — и бегали по группе, и играли. А некоторые придут, встанут к теплой печке и стоят, греются, даже и играть им не хочется. 50 граммов хлеба — сырого, тяжелого — было для них так мало. Потом крупу из Америки стали получать, тогда мы и каши начали варить.

А в День Победы ребятишки были дома. Но мы их собрали, чаепитие устроили. Сами плакали от радости. Пели и плакали.

Сагида Шайхаттдарова

Мне было 24 года, работала я ночной няней. Никогда не забуду то время: ночевать оставляли по 50-70 детей. Воспитатели уходят в 8 часов вечера, а я принесу в спальню бак с картошкой — по 2 мешка гнилой картошки надо было вымыть, перебрать, почистить. Морковки принесу. Дети радуются: «Сегодня тетя Лиза пришла, нам морковки дадут». Я овощи чищу, а чтобы еще и ребят спать уложить, говорю им:

«Вот Коля сказку расскажет, ему — морковка». Потом Валя расскажет, потом остальные — так всех ребят и угощала. В другую смену им сухариков раздам понемножку.

Ребята спят, а я овощи чищу, печку со сторожем топим, дрова пилим. Печка греет плохо — дрова сырые, ребята мерзнут, простывают. Ушки простудят, плачут, мы их лечим.

Тамара Алексеевна Афанасьева

Я приехала в Верхнюю Пышму перед войной в феврале 1941 года. Работала в Пышмастрое. В 1943 году вступила в партию, меня пригласили инструктором в горком партии, а затем направили в Продснаб заместителем директора по кадрам.

Больше всего внимания уделяли столовой №1, она была по сути единственной в городе. На заводе в цехах были только раздачи. Там стояли самодельные плиты, на которых разогревали обеды. Ни о каких холодильниках и мечтать не приходилось.

Возле столовой № 1 стояла санэпидстанция, они были отгорожены забором. Только его сделают, повара опять разберут на дрова, потому что плиты топить было нечем. Работала у нас повар Циулина, для нее главным было накормить рабочих, так что она в 5 часов утра приходила и начинала день с поиска дров.

Трудно работали, но народ был очень дружный, помогали друг другу. Иначе нам было не победить. С 1943 года с продуктами стало полегче, стали поступать американские продукты.

Я проработала 26 лет заведующей столовой №1, а вместе с Продснабом мой стаж на одном месте 42 года. Здесь мне присвоили звание «Заслуженный работник торговли РСФСР». Мой коллектив, моя работа стала мне мила, как второй дом.

Мария Андреевна Кожина

В 1942 году я приехала в Верхнюю Пышму и сразу стала работать в ИТРовской столовой. В ней мы кормили раненых, инвалидов, пришедших с фронта. Их старались кормить хорошо. Но обедали все по карточкам: сколько нужно, вырежешь талончиков на хлеб, крупу, жир.

Устраивались на заводе и праздники. Бывает, целый день возишь со склада продукты, а вечером на обслуживании. Много сил уходило и на мытье посуды, ведь в столовой печи топили дровами, на них и варили, и воду грели. Но посуда была всегда надраена, полы чистые.

После войны я перешла работать насосницей в цех электролиза меди, но по состоянию здоровья вынуждена была оставить вредный цех. Снова вернулась в столовую № 1, оттуда и ушла на пенсию.

Екатерина Васильевна Ракитина

Я начала работать пробирером в лаборатории с 1938 года, а в 1940 году перешла в ОТК, мы принимали продукцию от ворот и отправляли за ворота, то есть вели контроль от поступающего сырья до готовой продукции. Когда во время войны приходили вертушки, чтобы загрузить их, бегали по цехам. Грузчики были — золото. Голодные, уставшие, они валились с ног, но не уходили, пока не закончат работу. В 1944 году меня перевели диспетчером завода, а потом по семейным обстоятельствам я не смогла работать по 12-часовому графику и перешла в исследовательский сектор.

С первых лет работы на заводе я занималась общественной работой в совете жен ИТР. Первое, что мне поручили, — пошить наволочки и простыни для больницы. Потом Е. И. Со-

лодянникова предложила организовать ИТРовский дом. Нам выделили помещение, мы его сами с помощью рабочих отремонтировали. Шуру Чижову назначили директором этого дома. Е. Н. Хохлова была хорошей художницей. Она организовала детский кружок художественной вышивки, вместе с детьми занимались в нем и мы. И вдруг война... Наш дом забирают под столовую ИТР.

Е. И. Солодянникова говорит: «Надо нам оставить о себе память заводу!» И мы решили вышивать знамя. Вышивали четверо — Хохлова, Волкова, Горбатова и я. Покупали ленту для погон, распускали ее и этой золотой нитью вышивали. Работали потихоньку, чтобы никто не знал, в свободное от работы время. Если мне на смену в ночь, то днем я вышиваю. Работу закончили и подарили знамя заводу. Я думала, оно потеряно. А тут пришла в музей, смотрю — наше знамя, не смогла слез сдержать, мне на нем каждая ниточка знакома.

Записали Лидия ЗИМОВСКАЯ
и Ольга ПАВЛОВА.

«За медь», № 1, 09.01.1995 г.

ОНИ ПРОШЛИ ЧЕРЕЗ ЭТО. И ВЫЖИЛИ

Тяжело было во время войны на фронте, нелегко и в тылу. Мужчин, ушедших воевать, в цехах заменили подростки и женщины. Работа, работа, работа и еще вечное чувство голода.

Но труднее всего было тем молодым женщинам, что остались с маленькими детьми на руках. Свой скудный кусок они делили в первую очередь между ними. И очень ждали писем с фронта, и боялись, что почтальон вместо письма принесет похоронку. Совсем становилось тяжело, когда получали известие, что муж погиб. Но надо было продолжать жить и работать — ради детей.

У каждого пережившего войну похожая судьба, но у каждого были свои беды и заботы. Послушаем их воспоминания о тех трудных годах...

Анатолий Константинович Провалов

Когда началась война, мне было 16 лет. В ремонтно-механическом цехе работал мой отец и меня он тоже устроил в свой цех. Степан Петрович Рушков взял в свою бригаду фрезеровщиком. В 1941 году почти всех мужчин забрали на фронт, работали в основном женщины. Я им помогал — тяжести поднять, перенести, ведь никаких кранов в цехе не было.

Работали по 12 часов почти без выходных. Закончишь смену, руки, лицо кое-как умоешь и прямо в грязной спецовке идешь домой. Не успеешь выспаться, опять уже надо на работу. А носить было нечего — одежды нет, ботинки деревянные.

Я всю жизнь проработал в ремонтно-механическом цехе — 45 лет стажа. Все станки освоил и все специальности.

Ефросинья Лукинична Ведерникова

Мы жили в деревне, а брат — на Медном руднике. Когда началась война, мама говорит: «Поехали к нему, а то возьмут на фронт, вдруг мы его больше не увидим». Так мы сюда и перебрались. Здесь я встретила своего будущего мужа, через три дня вышла замуж, а через месяц его взяли на фронт.

Вначале я устроилась в медеплавильный цех табельщицей. Проработала четыре месяца, когда стали набирать людей в комсомольско-молодежный цех БМ, и я попросилась. Работали там вместе с Зоей Завьяловой, Лизой Моисеевой. Потом они ушли добровольцами на фронт, а меня поставили бригадиром.

В бригаде было 30 человек — в основном ребята лет по тринадцать и чуть старше, да женщины. Особенно ребят было жалко. Работал у нас Митя — самый маленький. Бывало, спрячется в цехе в ящик, а я ищу его. И вот этим ребятам приходилось наравне со всеми

работать по 12 часов без выходных. Иногда, когда идет пересменка, так и спали в столовой, постелив пальто.

Работа была тяжелая, а у нас, комсомольцев, еще общественной работы полно: золу для села собирали, теплые вещи для фронта и для эвакуированных собирали, школу под госпиталь готовили. Да еще учиться успевали. Я поступила в техникум. В 1943 году цех биметалла закрыли. А раз я училась на электрика, то надо было работать по специальности, вот и написала заявление о переводе. Взяли меня в электрический цех по 1 разряду, а в цехе БМ был восьмой. В электроцехе я и проработала до 1977 года.

Муж вернулся с фронта живым. А брат погиб в 1943 году под Белой Церковью.

Киркира Аполлинарьевна Узенцева

В сорок первом я окончила школу и сразу пришла на завод, в электроцех, вместе с подругами. Встретил нас начальник цеха Комаров, привел на умформерную. Там и стала работать.

Однажды в час ночи отправила меня дежурная на подстанцию, записывать показания приборов. Сижу, вдруг как громыхнет! Поворачиваюсь — огонь сплошной. Я бегом оттуда, а вахтер меня остановил и обратно отправил: по инструкции нельзя уходить с места аварии. Смотрю, идет дежурная, испуганная, бледная:

«Все, тюрьма мне — весь завод отключился». Потом после всех разбирательств перевели ее в цех, а меня на ее место назначили — мол, видела аварию, теперь не сделаешь ее. Как я боялась! В 42-м девочки стали уходить на фронт. И я прошла все комиссии, рюкзак собрала. Но начальники нас не отпустили, оставили работать. И вместо фронта отправили на лесозаготовку. А в 43-м организовали комсомольско-молодежную бригаду, 1 мая мы поехали поднимать подсобное хозяйство. И работали там до сентября: убирали с поля булыжники, были прицепщицами на сеялках, потом на картофелекопалках работали, с четырех утра до двенадцати ночи.

Однажды в подсобное приехал директор Хренов. Говорит нам «Девушки, кто будет хорошо работать, тому дадим премию — отрез на платье и на костюм». А у меня вырвалось недоверчивое:

«Да что вы?» И тогда Хренов со мной поспорил. Закончили мы посевную, он приехал — итоги подводить. А я в передовики вышла. И вот награждение, называют мою фамилию, а я не выхожу — прячусь, вдруг директор узнает. Мастер меня за руку вывел. Хренов тут же вспомнил: «Стойте, мы с этой девушкой спорили. Давайте ей еще отрез на костюм, я обещал»,

Очень хорошо помню День Победы. В марте 45-го я замуж вышла, а в тот майский день была в Свердловске, у мужа. Приезжаю на работу, все кругом на улицах смеются, плачут, обнимаются, водку пьют. Ликование всеобщее.

Ефросинья Петровна Андреева

Мы приехали на Медный рудник перед войной. Муж работал заведующим сберкассой, тут же мы и жили. Как началась война, он написал заявление с просьбой отправить на фронт. Его отговаривали: «Дети матери не родные. Что же ты их оставляешь?». Но он мне говорил: «Все бьются с врагом и у всех дети». Страшно мне было одной, но что же делать. И осталась я с двумя детьми да еще ждала ребенка. Старшей девочке было пять лет.

Устроилась контролером в клуб. Детей дома закрою, чуть только свободное время — сбегаю попроведаю их. А на завод перешла уже в 1949 году, когда дети подросли.

Муж вначале на учебе был в Шадринске всю зиму. Аттестовали их досрочно и отправили на фронт. Доехали до Свердловска, у него на лице фурункулы выступили и его оставили на лечение. Четыре дня он был у нас, а потом поехал догонять свою часть. Их везли на Керчь, но не успели, город уже сдали. Тогда повернули на Севастополь — в самое пекло. Одно письмо оттуда прорвалось, он писал, что воюют на маленьком клочке своей земли и

будут биться до последнего. Письмо принесли 12 мая. Вскоре слышу по радио: Севастополь сдали. Я вся обмерла. Ждала весточки, ждала. Как почтальону идти, я все надеялась, что будет мне письмо. Но так ничего и не было; ни письма, ни похоронки. Три года я не теряла надежды, а потом отчаялась. После войны делала запросы, но вразумительного ответа не получила. Пока была помоложе, все собиралась съездить в Севастополь, думала, может, где имя его написано среди погибших. Но так и не собралась. А дети выросли все трое.

Мугалима Сафаргалеева

Муж ушел на фронт в октябре 1941-го. Осталась я с ребенком двух с половиной лет. Сначала только подрабатывала — ходила дороги чистить, там давали талоны на питание. А в 1942 году поступила на завод. Уходила на работу, дочь одну закрывала. Она беспокойная, ночь не спит, под утро уснем вместе и на работу просплю.

От мужа было всего одно письмо с дороги. Писал: куда едут, не знает, И где он пропал без вести, я так и не узнала. Мой отец уходил на германскую войну, когда мне еще года не было, и погиб. И мужа потеряла на войне с Германией.

Дождались Дня Победы — все радуются, а у меня на душе горе — мужа-то не вернешь. Дочь выросла, два внука у меня, оба военные.

Мария Васильевна Антропова

Приехала я сюда, в Пышму, в 37-м году, пошла работать на стройку. Вышла замуж в 38-ом. Мужа взяли в 39-м на действительную службу в армию. В декабре 40-го пришел он домой, побыл полгода, а 8 июня 41-го взяли его на переподготовку в военные лагеря на два месяца. Но через неделю их уже отправили неизвестно куда. Только и пришло письмо с дороги, из Кирова: «...поехал неизвестно куда». И больше ничего не было.

В октябре сорок первого родился у меня сын. Так и пришлось всю войну одной с маленьким ребенком. Родственники мужа помогали, конечно. Я на стройке работала всю войну, летом картошку садила. Очень было тяжело жить.

Лидия Сергеевна Зеленкова

Когда война началась, жила я в деревне, в Башкирии. У нас мужиков в семье было трое. Их взяли на фронт, а меня сразу отправили на лесозаготовку, с моим маленьким сыном дома свекровь осталась. Работали мы далеко от дома целых два месяца. Всегда мокрые, посушиться даже негде, И хозяйка, у которой квартировали, плохая попалась. Только мы оттуда домой приехали, как нас опять отправили — на сплав. Лес гнали по реке, и тоже натерпелись за два месяца — всегда грязные, голодные, и вошь нас заела. Домой вернулись, нас тут же на строительство послали, где мы ногами глину месили. Весна пришла, нас погнали таскать со станции, что за 70 км, мешки с семенами для сева — лошадей-то не было, пропали все. Несешь на себе пуд, силы потеряешь, упадешь, очнешься и понять ничего не можешь — куда шла и зачем. Потом мы пахали — в плуг нас впрягали вместо лошадей. И лопатами тоже вскапывали поле — до кровавых мозолей на руках. День и ночь работали. 3 сотки вскопаешь, 200 граммов муки дадут.

От мужа только и было письмо одно-разъединственное: «...мы поехали на фронт, если что со мной случится, маму не бросай».

Как победу встретили, хорошо помню. Мы работали на мельнице, как узнали, что победа, бросились сразу домой. Надо было через реку перебираться, так мы, не дожидаясь лодки, бросились вплавь. С войны в деревню вернулись 2-3 солдата...

Потом я из деревни сбежала, ночью, без документов. Здесь мне земляки помогли устроиться на работу, отхлопотали паспорт. Со свекровью 40 лет прожила вместе и похоронила ее здесь. Детки выросли, и теперь у меня 12 внуков и 12 правнуков.

Клавдия Васильевна Коптелова

Мужа взяли на фронт 8 июля 1942 года. В этом же году у нас родился второй сын. Мне

всего 21 год был, а муж на 13 лет меня старше. Как пришла повестка, он ушел на другой день. Матери (она жила на Уралмаше) прислал записку из Камышлова: отправляют на Ленинградский фронт. Больше ничего от него не было. Когда вернулся его однополчанин, с которым он призывался вместе, я ходила к нему узнать что-нибудь о муже. Только и сказал, что они попали в окружение.

В войну я работала в теплотехническом цехе. На квартире у меня жили две девушки: Киркира (вот она рядом со мной) и ее подруга Галина. Спасибо, от них помощь была — иногда ребят на них оставляла, да и повеселее вместе.

А дети у меня очень голодали — в яслях кормили плохо. Всю одежду, какая была, я продала — покупала хлеб, картошку, молоко детям. Пока младшего грудью кормила, он вроде ничего был, а потом рахит начал развиваться и в конце 44-го года он умер. Родителей у меня не было, с десяти лет осталась я без матери, а с тринадцати — без отца.

Записали Лидия ЗИМОВСКАЯ
и Ольга ПАВЛОВА.

«За медь», № 12, 27.03.1995 г.

«А БОЛЬШЕ ВСЕГО НАМ ХОТЕЛОСЬ ХЛЕБА»

Воспоминания Анны Васильевны Федоровой — о трудном своем детстве, которое как раз пришлось на войну. Как они выжили тогда, девочки и мальчики сороковых, они и сами не могут теперь понять. Да и кто знает, кто может объяснить все это? Никто. Было...

Мы приехали в Свердловск из Мордовии — папа завербовался рабочим на Широкореченское торфопредприятие. Сначала семью, где нас было трое дочерей, поселили в общем бараке — от чужих отделялись ширмой. Потом дали комнатушку, в которой помещались только одна кровать и тумбочка рядом. Позже выделили комнату попросторнее, тоже в бараке, где мы и жили до конца войны, пока нас не выселили.

Папу на войну не взяли — он был хорошим плотником, а наложили бронь и отправили на ВИЗ, на строительство оборонного цеха. Пока он работал, мы, дети, не знали беды, хотя уже шла война. Горе свалилось на нашу семью в апреле 1942-го: папу забрали, но не на фронт, а как врага народа — по доносу товарища по работе.

Ночью, когда сделали обыск и папу увели, мама упала без сознания, а я выбежала и кричу:

«Папа, мама умерла!» Ему не дали вернуться, посадили в «черный ворон» и увезли. Мы остались без кормильца...

Мама нашла работу — плести корзины под торф. Мы все научились это делать: ходили за прутьями, обрабатывали их в своей крохотной комнатке, а по ночам плели вместе огромные корзины. Норма была 10 штук, сплетешь на две больше — получишь дополнительные двести граммов хлеба. Мама как рабочая получала восемьсот. Летом все принялись сажать огороды. Мама подоит корову, я несу молоко на рынок — продавать или менять на картошку. «Глазки» вырезали, сажали, остальное варили. Но пока росла картошка, мы ели траву, лишь только она появлялась. Есть нам хотелось все время — это я помню очень хорошо.

Я удивляюсь сейчас, как мы ходили ночью, пешком через весь город, если узнавали, что где-то продают отруби или еще что съедобное. Как-то зимой мы услышали, что одна воинская часть, которая стояла за 4 км от нас, ушла и после себя оставила поле неубранной капусты. И мы с сестрой ходили и за ней, по морозу. Принесем и тут же варим ее, мороженную, и едим. Голод гнал нас, верно.

Старшую сестру мобилизовали в ФЗО. А мы с младшей и со всеми старшеклассниками из нашей школы все лето ходили на работу на торф. Сырой его переворачивали, отдирали

от травы — сушили. Домой приходили с окровавленными ладонями. Наутро опять шли на поля. Помню, сестренка сядет и плачет: «Не могу больше!» А я ее уговариваю: «Ну, давай закончим, ведь нам потом супа дадут бесплатно».

Самый страшный был 43-й год и начало 44-го. Люди умирали на улицах, особенно старые. Помню, шли перед нами две женщины, вдруг упали вместе. Мы подбежали, а они уже мертвые.

Однажды приходим домой, а мама лежит бездыханная. Как начали мы кричать на весь барак! Соседи вызвали врача, и маму забрали в больницу: обморок, дистрофия последней степени... Чудом она выжила — спасибо соседям, это были замечательные люди. Кто хлеба, кто молока принесет. А мы — ей, сами от гостинцев наотрез отказывались, и ее все-таки выходили. И потом, если что нам в школе давали, мы там никогда не съедали, маме несли, а она отрезала себе тоненький кусочек, остальное — нам.

Продавали продукты и на рынке. Только там буханка хлеба стоила до двухсот рублей — по тем временам это была самая высокая зарплата. Однажды нам с мамой «повезло». Подходит к нам мужчина с сумкой: «Хлеба надо? Подержите сумку». Вдруг кричат: «Милиция!» Он рванул от нас, а сумка осталась в руках у мамы. Заглянули мы в нее, а там куча карточек на хлеб, на продукты, денег много. Мама и говорит: «Нет, Аня, взять нельзя, это грех». Тут он сам бежит, разыскивает, а мы ему навстречу. Вернули мы ему сумку, а он нам булку хлеба за это отдал.

Школа наша шефствовала над эвакогоспиталем. Он располагался в другой школе, на улице Заводской в районе ВИЗа. Зимой по вечерам мы приходили туда, ухаживали за ранеными, мыли полы и ставили концерты. Раненые всегда ждали нас и припасали, кто кусочек сахара, кто конфетку, а кто и пирожок. Мы шли в госпиталь с радостью, но и со страхом — каждый вечер кого-то из наших знакомых «переводили», то есть они умирали, как мы сами понимали. И вот мы дознались, где хоронят умерших раненых. Это было то место, где сейчас стоит Широкореченский мемориал. Мы видели: роют траншеи, кладут деревья, потом трупы, на них снова деревья, все это обливают, сжигают и закапывают. У нас волосы дыбом вставали — сколько же там полегло!

А потом я бросила школу, пошла работать в цех. Было мне 14 лет, стояла у станка на ящике, наблюдала, как детали точатся, в нужный момент мастера кричала. Все же зарабатывала, а то ведь мы с мамой вдвоем остались, младшую сестру тоже в ФЗО взяли.

Но именно поэтому нас стали выселять из нашей комнатки — много, дескать, вам места как семье врага народа, не полагается. И тогда я по совету нашего участкового милиционера пошла в КГБ, на Ленина, 17. Открываю первую дверь и начинаю выть:

«Дяденька, помоги, папу забрали, он не виноват, а нас выселяют!» Он дал мне бумажку, где было написано, чтобы нас, детей, не трогали, велел дверь никому не открывать, а про папу сказал, что он жив, только еще не осужден. А вскоре из лагеря в Верхотурье пришел человек, и сообщил нам, что папа при смерти, и ему требуется наша помощь. Человек этот сам за ним тайно ухаживал. Мы собрали, что могли, мама поехала к этому человеку — он работал в лагере пекарем, и он папу нашего поднял на ноги. Осужден папа был на 8 лет, отпустили на год раньше, а потом уже пришел документ, что осужден он был неправильно. Когда он пришел, нас все равно выселили — в Кедровку.

...Всю жизнь помнить буду день нашей Победы. Весь наш барак радовался, плакал, и просто с ума все посходили от счастья и от горя, которое в тот день у всех, наверное, обострилось. Не дай Бог всем вам такого горя и всего, что пережили мы в военном нашем детстве.

Записала Ольга ПАВЛОВА.

ЖИЗНЬ НАЗУКИНОЙ, ПОСВЯЩЕННАЯ ДОБРУ

18 февраля старейшей жительнице нашего города Валентине Петровне Назукиной исполняется 96 лет. Но не только своим долголетием она заслуживает уважения и восхищения. Всю жизнь эта замечательная женщина деятельно служила добру. Много хорошего сделано ею и для Верхней Пышмы, где она живет уже более 40 лет. Например, немалую роль сыграла общественная деятельность Назукиной для увековечения памяти выдающихся верхнепышминцев, в частности двух Михаилов: председателя первого волостного исполкома Петрова, имя которого теперь носит одна из улиц города, и другого нашего земляка героя Великой Отечественной войны летчика-истребителя Талыкова, чье имя присвоено городской школе № 2.

Когда сталкиваешься с долгожителями, то неизменно спрашиваешь у них, как это им удалось дожить до столь преклонных лет. И, как правило, слышишь в ответ, что они избегали волнений и вообще отрицательных эмоций. Что касается Валентины Петровны, то она никогда не жалела себя, да и жизнь ее не жалела. Во всяком случае, трагедий, которые выпали на ее долю, с лихвой хватило бы на десять жизней.

Она родилась в 1902 году в Екатеринбурге в семье типографского рабочего. Отец умер от чахотки, когда девочке едва исполнилось три года, а в 12 лет после смерти матери вообще осталась круглой сиротой. В этом возрасте она начала работать в типографии. До 1917 года имела только четыре класса церковно-приходской школы. Потом, уже при советской власти, закончила рабфак и юридический вуз. Стала адвокатом. Вышла замуж. Ее мужем был большевик с подпольным стажем Степан Андреевич Назукин. В 1935 году его арестовали, как врага народа. Должны были арестовать и ее, но друзья помогли ей скрыться. Находясь фактически на нелегальном положении, ей все же удалось добраться до Москвы и добиться встречи со всесоюзным старостой Михаилом Ивановичем Калининым. Просила восстановить справедливость, освободить мужа. Через некоторое время Степана Назукина, действительно, освободили, но вернулся он фактически инвалидом из-за зверских пыток, которым подвергался в застенках НКВД, когда из него выбивали признания в антисоветской деятельности. Она лечила мужа сама и в конце концов подняла его на ноги.

До лета 1941 года они оба работали в сельскохозяйственном институте, находившемся в степи в 80 километрах от Ростова-на-Дону. Там их и застало начало войны. Степан Назукин сразу ушел на фронт. А через несколько дней после этого их степной институтский городок подвергся страшной бомбежке немецкой авиации. Под бомбами погибли двое из троих детей Назукиных: пятилетний мальчик — в детском садике, и восьмилетняя девочка — в школе. А еще через несколько дней новая трагедия постигает безутешную мать — погибает старшая дочка Степана Андреевича и Валентины Петровны, восемнадцатилетняя студентка консерватории, приехавшая к родителям под Ростов на летние каникулы. Она с группой сверстников отправилась в оставленный отступающими советскими войсками неподалеку от институтского городка полевой госпиталь. Помогала ухаживать за ранеными. Но поблизости высадился немецкий парашютный десант. Все, кто мог держать оружие, встретили врага огнем. Девушке тоже вручили пистолет. Немцы быстро расправились с почти беспомощными людьми. Ее пытались захватить живой, но она, как рассказали чудом уцелевшие очевидцы, застрелилась. Так в первые дни войны погибли все дети Назукиных.

Валентина Петровна перебралась в Москву. Теперь все ее помыслы были обращены к мужу. Но где он воюет, куда слать письма? И все же ей удалось раздобыть его фронтовой адрес. Правда, вскоре переписка оборвалась. Она терялась в догадках, пока не пришло письмо от его фронтового друга. В нем сообщалось, что Степан Назукин снова арестован и должен предстать перед военным трибуналом. Его собирались судить только за то, что, идя в бой, ни он, ни его солдаты не кричали «За Сталина!», а только «За Родину!» Однако вско-

ре на этот участок фронта приехал Г. К. Жуков. Он хорошо знал Назукина и спас его от трибунала, отправив служить на другой фронт. Однако клеймо антисталинца на Степане Андреевиче осталось.

В 1945 году, всего израненного, его привезли в один из московских госпиталей. Валентина Петровна наконец-то увидела своего мужа. Но радости эта долгожданная встреча не принесла.

— Он умирал, и никто не мог ему помочь, — вспоминает Назукина. — Весь был буквально начинен осколками — и ноги, и живот, и голова.

Степан Андреевич умер на девятый день после встречи с женой. А ей вручили более чем странную справку, где значилось, что причина его смерти, оказывается, не в страшных ранениях, полученных и фронте, а в обычной гипертонии. Таким образом ничего не забывающая власть лишила несчастную женщину даже пенсии вдовы фронтовика.

Последняя трагедия — смерть мужа — окончательно подкосила ее здоровье. Она не могла уже не только работать адвокатом, но жить в Москве. Думала только об одном — скорее вернуться на Урал. Здесь она чувствовал себя дома, а дома, как известно, и стены помогают.

Через несколько лет ее мечта о возвращении на родину осуществилась. С тех пор Валентина Петровна — верхнепышминка. Сегодня она очень больна и беспомощна. Едва передвигается по своей однокомнатной «хрущевке». И почти ослепла. Но страшные испытания не ожесточили ее душу. Она всегда добра и отзывчива к людям. И они платят тем же. Вот уже много лет за Назукиной ухаживает Евгения Васильевна Солодянкина.

В канун дня рождения Валентины Петровны коллектив редакции поздравляет ее с этой датой не только как старейшую из жителей Верхней Пышмы и бывшего внештатного корреспондента «Красного знании», но и как прекрасного человека, являющегося примером стойкости, мужества и неиссякаемой доброты.

«Красное знамя» № 16, 10.02.1998 г.

ПОЛЕ СМЕРТИ, ПОЛЕ МИННОЕ

На долю Алевтины Латышевой, в девичестве Ильюшиной, в годы Великой Отечественной войны выпала тяжелая работа — она была минером, разминировала поля, напичканные смертельной начинкой. Поля были свои и чужие — мины, оставленные фашистами, мины, оставленные Советской армией. Но разве имеет значение, чья мина оборвет жизнь.

Перед войной, года с тридцать седьмого, Ильюшины зажили отлично. Отец — лесоруб, стахановец, зарабатывал хорошо. Подросли сыновья — опять подмога. Тогда и построила семья двухэтажный дом, деревянный, со светлыми окнами. Кто проходил мимо, любовался: не дом — санаторий. И только раз до войны постучалось в семью горе, когда умер совсем маленьким братишка Али.

Ильюшиных в деревне было немало: не один и не два дома. Обживались в этих местах давно, вот и пошли семейные ветви. Деды предвоенных поколений занимались по торговой части: ездили за товаром в Санкт-Петербург, в самих-то вологодских деревнях, кроме моченого лыка для дубления кож, да даров леса, ходовых товаров не было.

Одним словом, жили мирно и безбедно. Может, потому, что вдали от больших городов, а, может, и потому, что дорожили своим краем и умели хозяйствовать без подсказки. «Бабушка, мамина свекровь, — говорит Алевтина Петровна, — четырех детей без мужа вырастила. Как — один Бог знает. Трех коров держала, а без них бы никак. Из кулька в рогожку перекручивалась, а держалась».

В одном из тех ильюшинских домов вырос и Сергей Ильюшин — будущий авиаконструктор, гордость российской авиации. Всех Ильюшиных родство связывало крепко, среднему

брату Алевтины Петровны Сергей Владимирович приходился крестным. Привез он как-то своему крестнику балалайку, а тот с палатей слезал и наступил на нее, ох, и слез было. Ильюшин-старший успокаивал: «Не плачь, Валька, я тебе другую балалайку куплю. Разве стоит из-за балалайки так убиваться?» Кто знал, что скоро придет горе, которое всеми слезами не оплакать.

Война для Али началась в октябре, когда всем селянам приказали срочно эвакуироваться. Никто из мирных жителей не ожидал, что Ленинградский фронт так скоро дойдет до них. Эвакуация застала врасплох так же, как первый снег. Уходили ночью, оставляя впопыхах все, даже документы. Чтобы не достались немцам, наши «Катюши» спалили дотла село Ошту, большой поселок Вознесенское, что на южном берегу Онежского озера.

Шли этапами: три километра, еще двенадцать. Хотели остаться в бараках, но партизаны приказали: уходите, мол, здесь нельзя, прифронтовая полоса. Потом был детский дом в Вытегре, полный беженцев. «Люди лежат — проходы между ними уже, чем на минных полях. И прямо по людям белые тифозные вши», — так запомнилось Алевтине Петровне отступление.

Алиной матери удалось уехать в село под Вытегру. Там с детишками и прожили до 43-го года в эвакуации. Разработали сотку земли под картошку, а земля — камень на камне. Наголодались вдоволь. А как разрешили вернуться на свои исконные места, так Ильюшины недолго собирались, несмотря на то, что местные уговаривали остаться.

Откуда ж им было знать, что на месте села доты да дзоты остались, вздыбленная земля да минные поля. Но ничего не поделаешь. Надо было жизнь восстанавливать: пахать, сеять. Вот это все и выпало на долю тех, кто вернулся. И не только это. Прежде чем пахать, поля надо было разминировать.

Военное время — и меры военные. Набрали две роты по двести человек комсомольцев-добровольцев и под страхом тюрьмы (не пойдешь — пять лет) — на минные поля. Набрали не через военкомат, а через сельсовет. Но форму выдали, пилотки.

Сестре Али этой участи удалось избежать только потому, что, прибавив год в возрасте, она поступила в ФЗУ. Одну сестру приняли, а другой сказали: «Работай в колхозе». Так и получилось, что попала Аля разминировать поля. Работали минерами, как сезонники, — с апреля по октябрь, пока снег на полях не лежит. Але выпало три таких сезона — с 1943 по 1946 год. Три сезона на полях смерти, пока сама не попала на противотанковую мину. Ей еще повезло: три месяца госпиталя и инвалидность. Другим повезло меньше: из двух рот — из четырехсот человек — в живых остались считанные единицы — человек пятнадцать-двадцать. Недалеко от церкви целое кладбище погибших на тех минных полях — звездочки, звездочки.

— Как только День Победы, — говорит Алевтина Петровна,— я все плачу. Вспоминаю девчат наших, ребят. И папу. Он ведь тоже без вести пропал. Ушел в 41-м, когда мне шестнадцать лет было. Последнее письмо получили от него в феврале 44-го. Больше писем не было. И как мы его ни искали, в списках ни живых, ни мертвых не значился. Где он воевал, там полным полно болот. И такая заваруха была.

Начинающих минеров никто как следует не обучал. Некому было. Рядом поля разминировали воинские части. И собак давали. А комсомольцам — ни одной, сами вместо собак подставлялись. Один разминирует, четверо смотрят. Если он ошибется, все пятеро на куски. Ранения были страшные, до самолета донести не успевали.

Алевтина Петровна называет имена девушек. Одна на почте работала. Другая — из Белозерска, Шура Добрякова, единственная дочь у родителей, подорвалась на немецкой мине (помзе).

Помзы немцы устанавливали на колышках в лесу. Проводки тоненькие, не видно простым глазом. А где летом в траве найдешь эти проводки.

— В земле миночки-то закопаны, да на колышки привязаны, — говорит Алевтина Петровна. — На одних полях мины в шахматном порядке, здесь искать полегче, других — вразброс. Поди не ошибись. Металлические мины искали миноискателями, но были и другие, на которые нужны были «щупы» — палки деревянные с наконечниками. Мины зарыты в землю на десять сантиметров. Идешь и через каждые пять сантиметров поле прощупываешь.

У многих нервы не выдерживали. Однажды одной из девушек ногу оторвало до колена. Остальные упали у костра, ревут, не идут на мины. Командир взвода, тоже молодой, говорит Але: «А ты, Ильюшина, пойдешь?» Аля отвечает: «Пойду. И что будет, то будет». «Я не торопилась, — рассказывает Алевтина Петровна. — Ту проклятую мину два часа искала. В лесу щепа, камни. Все срослось с травой, не видно».

Дисциплина была суровая. Раз с подружкой Аля ушла на выходные домой без разрешения командира отряда. Вернулись — им гауптвахту перед строем объявили. Гауптвахта — это пять суток под арестом. Девчонки стали просить: «Не знали мы...». Пожалели их на на первый случай. И дали два наряда вне очереди. Ночь склад с горючей сместью охраняли, да ночь дрова для кухни пилили. А днем, как положено, поля разминировали, не выспавшись.

В День Победы бригадир дала им с мамой разнарядку — жерди для изгороди рубить. Прибегает второй раз: «Не ходите на работу, идите к сельсовету, митинг будет — война кончилась». Пошли на митинг. Наплакались.

«Красное знамя», № 34, 23.03.1995 г.

КАК ДВЕ ДЕВЧОНКИ В ПЛЕН ТРЕХ НЕМЦЕВ ВЗЯЛИ

Живет в поселке Исеть немолодая женщина, добросердечная, чуткая, приятная собеседница. Юные годы ее, как и всех ровесников, опалила война, оставив неизгладимый след в памяти и в душе. И живут воспоминания о тех годах. Александра Гавриловна Беляева рассказывает:

— До войны я была учительницей. Потом закончила курсы медсестер и немного поработала в детских яслях. А 15 июля 1942 года меня мобилизовали на фронт. Служила я на Западном фронте медсестрой в сортировочном отделении. Особенно запомнились мне бои подо Ржевом. Раненых было так много, что когда первые уже обедали, последние еще завтракали. Не хватало перевязочного материала. Приходилось стирать грязные бинты. Потом стерилизовали их в автоклаве. Так пять месяцев мы жили и работали в лесу.

Еще один эпизод. Это случилось в период Ясско-Кишиневской операции. Мы дежурили тогда в штабе дивизиона. Сидели как-то мы с подружкой в ровике кукурузного поля. Немцы прорвались на нашем участке. Штаб быстро свернулся, а нас двоих забыли. Мы сидим и не знаем, что делать. И тут один военный, армянин, говорит нам: «Девчонки, убегайте. Штаб снялся!» Мы отвечаем: «Приказа не было». А тут уже пули в кукурузе засвистели. И вот тогда мы побежали. Видим — командир пехоты. Он закричал: «Куда? Остановитесь!» Мы как вкопанные встали. А он нам показывает дорогу, куда надо бежать. И мы побежали. А там овраг и речушка. А пули прямо в берег летят. Передо мной убили нашего связиста, молодого паренька.

Бежим дальше. Смотрим, лежит немец, старичок, небольшой такой, френчик на плечо накинул. Мы к нему: «Пух-пух есть?» Он : «Найн, найн». Потом: «Гитлер капут!» «Ну, все, — говорим. — Поднимайся. Пойдем с нами».

Подружка у меня немного меньше меня была, худенькая. Она говорит: «Шура, не могу больше идти». Я ей говорю: «Там танки. Иди туда. Танкисты тебя подвезут. А я с немцем по этой дороге пойду». И вдруг из-под моста выходят еще два немца, молодые парни. Оружия у них не было. Один из них говорит по-русски: «Мы в плен, в плен». После этого смешно

28 Заказ 3356

было рассказывать, как мы, две девчонки, трех немцев в плен взяли.

Ну, в общем идем мы, подходим к деревне, а оттуда три всадника выехали, посмотрели на нас и обратно. Подходим ближе, а там уже паника. Как выяснилось позднее, деревню эту немцы уже занимали, и жители очень боялись, что они обратно вернутся. Вот и решили, что это нас немцы в плен взяли.

Потом нам рассказывали, что из-за нас командир дивизиона от командира части «нагоняй» получил: «Если девушки не появятся, под трибунал пойдете. Срам. Уехали, а девчонок оставили!» Но мы пришли, да еще пленных привели. И нас потом наградили медалями «За боевые заслуги».

15 июля 1945 года мы с подружкой возвратились домой. Идем полем. Там женщины работали, увидели нас, подбежали, обнимают, целуют, спрашивают, не видели ли их родных. Но на фронте разве всех увидишь?

После войны более 30 лет я работала в здравоохранении. Вырастили мы с мужем двоих сыновей. Сейчас память, бывает подводит, забываю то, что было недавно. Но то, что было в те далекие годы, помню прекрасно, до мельчайших подробностей.

«Красное знамя», № 50—51, 6—9 мая 1995 г.

СЛАДКИЙ МИГ СВОБОДЫ

С особым чувством смотрела телевизионные репортажи с праздника Победы наша землячка Анна Дмитриевна Савина. А когда показывали американского президента Билла Клинтона, то на глаза невольно набегала слеза. Ведь именно американцы освободили ее и многих других из фашистской неволи в мае 1945 года.

Поистине тяжелой выдалась судьба у Анны Дмитриевны. До войны жила она в многодетной семье Сафроновых в деревне Шоховка, что на Брянщине. Жили трудно, но дружно. Однако в тридцать седьмом волна сталинских репрессий не обошла и их дом. По абсурдному обвинению арестовали ее отца. Увели — и, как оказалось, с концом. Мать едва не умерла от потрясения. В семье пятеро детей мал мала меньше — чем кормить, как одевать? Безвыходность положения заставила отдать старших детей «в люди». Так стала Аня в одиннадцать лет работать по найму. Два года была домработницей в учительской семье в Вязьме. Нянчила детей, прибирала по дому. Но в сороковом хозяина забрали на финскую войну, где он вскоре погиб, и юной домработнице пришлось вернуться в деревню. А вскоре грянула та страшная война, искалечившая миллионы жизней и судеб.

Фронт докатился до Шоховки быстро. Но страха перед оккупантами не было, и жители Шоховки, как могли, помогали раненым солдатам, оказавшимся в окружении. Скрывался один солдат и в семье Анны.

Помнит она такой эпизод. В обеденную пору подкатили к их дому на мотоциклах немцы. Все запаниковали, не растерялся только раненый. «Говорите — тиф, в доме больной», — твердил он. Мать встретила непрошенных гостей у порога, энергично стала объяснять гитлеровцам, что в доме тифозный больной. Наконец, они уразумели и опрометью бросились из дома. На воротах сделали предупреждающую наклейку и больше не появлялись здесь. А раненый вскоре ушел к партизанам.

Так перебивались до 1943 года. В конце лета в село пришла беда: немцы при активном участии старосты и полицаев стали выявлять физически здоровых девушек для отправки на работу в Германию. Когда пришли забирать Аню, то мать намертво ухватилась за нее и кричала, как по умершей. Только удар сапогом в живот заставил ее оторваться от дочери. Но в это время она уже была без сознания. Навеки прощались родные и с другими девчатами.

Увезли их в Гобичи и целую неделю держали голодных в холодном сарае. Потом погрузили в вагоны и повезли в неведомую неметчину.

Попала Анна Сафронова к немецкому бауэру Отто Шпаненбергу, который объяснил, что работать они будут на тяжелых работах.

И действительно, хозяин держал свое слово с немецкой пунктуальностью. Работали невольницы от зари и до зари, жили в скотских сараях, питались жидкой баландой. Им постепенно внушалось отношение к себе, как к хозяйской скотине.

Шепотом передавали невольники друг другу то, что удавалось узнавать о событиях на фронтах. Надежды на скорое освобождение связывались и с нашими войсками, и с американскими. Второй фронт набирал силу. И вот наступил май 1945 года.

8 мая рано утром у лагеря появились огромные автомашины, в кузовах которых сидели американские солдаты-негры. Это были освободители. Радостным возгласам, объятиям не было конца.

Через два месяца состоялась передача пленных нашей стороне и возвращение домой. Впрочем, дом был разрушен, мать постарела, исплакав все слезы по Анне, которую не ожидала увидеть живой. Не дождалась Аню и младшая сестра. Вскоре Анна встретила и полюбила хорошего человека. Кстати, он пять лет тоже провел в плену, и понять им друг друга было легко. Михаил Яковлевич Савин немного не дожил до нынешнего юбилея Победы, сказались болезни, полученные в плену. Но Анна Дмитриевна благодарна, что в ее жизни был такой внимательный и заботливый человек.

В нашем городе А. Д. Савина работала мотористкой на торфянике, в детских дошкольных учреждениях. Сейчас на пенсии.

— Трудно представить, что бы было со мной и другими невольниками, осуществись планы Гитлера, — говорила Анна Дмитриевна. — Я была благодарна и нашим, и американским солдатам за то, что они победили фашистскую чуму, дали свободу народам Европы. Низкий поклон вам, солдатам-освободителям.

В. АЛЕКСЕЕВ.

«Красное знамя», № 53, 13.5.1995 г.

ПРОСТОЙ ЖЕНСКИЙ РАЗГОВОР

О хорошем человеке говорить приятно, но трудно — он весь укладывается в самые простые слова: любовь, добро, милость. Даже если всегда помнить, что за этими словами — понятия вечные, глубокие — как передать эту память тем, кто не знает твоего героя?

О женщине — тем более. Ведь если убрать все сиюминутное, то женская неизменная суть выразится только в одном слове — любовь.

Об этом мы говорили с Евгенией Яковлевной Ланевич.

— Евгения Яковлевна, вы говорите, что жизнь у вас самая обычная — не стоит и писать. Но ведь была война? А это уже — целая эпоха жизни.

— Да, война была. 22 июня мы — студенты-первокурсники пединститута — разносили по Гомелю повестки. Город бомбили страшно, так что война настигла нас сразу. Потом, помню, мы рыли противотанковые окопы за городом. А в саду у дома, где жили с соседями, вырыли яму — укрываться во время бомбежек.

Никогда не забуду, наверное, один случай. При очередной бомбежке соседская девочка увидела, как ее кошка мечется по саду, и выскочила из ямы — спасать. На наших глазах ей снесло полголовы. А нам надо было уже уходить, мы ее даже похоронить не могли. Наказали деду-старику, взяли с собой мать девочки — она была в шоке. И пошли. Пешком — до Воронежа. С несколькими сухарями на всех. Потом погрузились в эшелон, идущий в Ташкент, но не доехали. Урожай же на полях вызрел. Нас в Саратовской области высадили, мы стали урожай убирать. Да так до мая 1942 года и жили там, работали.

— Это была война тыловая. А как вы попали на войну другую?

В 1942 году объявили комсомольский набор. Меня послали в Москву в училище при московском флотском экипаже. Так я стала химиком береговой обороны Балтики.

— Что, нужны стали химики?

— Да, под Севастополем были применены отравляющие вещества, а у нас специалистов не хватало. Так после училища началось «путешествие» по Балтике: острова Даго, Курисари. Войну закончили в Кронштадте. А в сентябре 1945 года вышла замуж, детей своих прекрасных стала воспитывать.

— Мы сейчас жалуемся: тяжело детей выходить. А каково было тогда?

— Когда мужа демобилизовали, я пошла в детский садик работать с детьми. Как и сейчас делают. Закончила заочно пединститут. Потом приехала в Нижний Тагил, к сестре, стала работать в школе. В 1966 году, после работы инструктором РК КПСС, меня поставили секретарем партбюро племзавода тагильского. До сих пор не могу понять — как я могла согласиться? Но в райкоме так тепло ко мне относились, обещали помочь и помогали. Потом по семейным обстоятельствам перешла на работу в училище. В общем, стала пускать корни.

— А потом вас пригласили в Верхнюю Пышму, где закончилось строительство СПТУ-90...

— Я пришла сюда заместителем директора по АХЧ. Восемь месяцев жила... в кабинете.

— Интересно было бы знать ваше мнение: в чем основная беда наших школ, училищ?

— Давайте, я лучше один случай расскажу. Были у нас семь детдомовцев, считали их отпетыми. А тут училище собралось лагерь труда и отдыха в Сысерти организовать. Все отказались, а я согласилась поехать с ними и жить с ними в палатке. Поймите: я ничего особенного не делала. Просто рано утром варила им кашу, будила, кормила, провожала на работу, туда обеды носила, рубашки штопала — стирала... Зато разве я могу забыть эпизод, когда я заболела ангиной, и вдруг один из мальчиков принес мне молоко? Я говорю: «Где ты взял?» Он признался: «Козу подоил». Я просто знаю— в каждом человеке есть добро, надо лишь отыскать его.

— Откуда у вас это убеждение?

— С детства, наверное, от родителей. Убеждаюсь с каждым днем: та теплота, что ты отдаешь людям, к тебе и возвращается. С детства же я знаю, что вокруг все живое: деревья, цветы. Иной раз в жизни бывало так плохо — поговоришь с деревьями, отойдешь душой. Помню, не ладилась моя жизнь, рухнула я на колени в траву и, не знаю, кому, говорила: «Помогите же!» Домой вернулась, а там все проблемы уже разрешились.

— Что ж, вы религиозны, получается, с детства?

— Я верю, что есть судьба — предназначение человека. Кто-то исповедует иудаизм, кто-то — ислам, кто-то — христианство. По-моему, все проще: то, что люди называют то Богом, то Космическим Разумом, то силами природы — все едино. И мы, люди едины. Цвет кожи, нациальность — это ведь не сущность человеческая.

— Как-то странно это слышать от вас.

— Потому что я — коммунист, да? Знаете, мне бывает очень обидно слышать: «коммунистов надо расстреливать...» и так далее. Глупо это: рядовые коммунисты ничего не имели, их удел был работать. Просто верили.

— Вместо того, чтобы не допускать политику в сердце...

— Да, к сожалению. А русский человек, вообще человек, не может без веры. С ней легче.

— Наверное, только верить надо не в вождей, а в то, что в самом —и каждом! —

человеке есть Добро и Зло, и нам надо просто научиться помочь тому Добру, что в нас, победить то Зло, что в нас?

— А ведь это не так уж сложно. Надо просто быть ласковым и милосердным с людьми, с деревьями, с цветами, животными — каждый день, при самых обыкновенных встречах. Я рада, что мои дети и внучка тоже осознали это: вечно был полон дом раненых зверюшек, птиц. Лепить-то человека надо с детства.

Л. ХЛЕБЦЕВА.

«Красное знамя», № 122, 15.10.1991 г.

СУДЬБА — СКАЖЕТЕ ВЫ

... Отгремели залпы салюта, остались лежать у обелиска цветы. В мире нет ничего вечного, кроме Памяти. Молчаливой, угрюмой Памяти. Потревожьте ее сон, разбередите ее душу, заставьте говорить. Память молчать не может, она должна кричать в каждом из нас и заставлять вспоминать, вспоминать...

...Ей было три года, когда умерла мать. Отец, женившись на женщине из соседней деревни, уехал к ней, бросив троих детей на воспитание престарелым родителям. Надо было как-то зарабатывать на кусок хлеба, и двенадцатилетнюю Анну отдали в прислуги в далекий и незнакомый город Свердловск. Встретили эту маленькую, худенькую, но удивительно живую девочку по-доброму: «Ну как тебя звать величать?» Взяли ее метрику, прочитали: «Казанцева Анна Федоровна, 1916 года рождения». Жалели ее, как сироту, не обижали. А она мыла полы, стирала, возилась в огороде. Вскоре за ней приехал ее старший брат и увез обратно в деревню, работать в колхозе.

Посылали их то на торфяник, то кирпичи перетаскивать, а зерно в мешках волоком по земле таскали. Работали за трудодни, но хлеба не давали — не было хлеба. Страшное время переживала страна. Массовый голод 1932-33 года унес жизни 6 — 8 миллионов человек.

«Ели траву, «жабрей» делали, после которого часто отнимались ноги. Я как-то на корове боронила, вдруг ноги стал словно чужими, подкосились, и я упала прямо в борозду. После этого долго лежала в больнице, не могла ходить. Мыла, как и хлеба, тоже не было. Кипятили воду, опускали туда золу, все это процеживали и получали щелок, которым и мыли голову.

А потом послали меня учиться в МТС на прицепщика, год проработала, и поставили работать поварихой. Кадрами распоряжались, как хотели, часто не спрашивая твоего согласия. Время было нелегкое».

Судьба — скажете вы. Да какая это судьба, если она похожа на миллион таких же судеб?

В 1936 году Аня Казанцева вышла замуж, а через шесть месяцев муж ушел в армию и домой так и не вернулся: 11 января 1943 года он погиб в Краснодарском крае.

«Пришла похоронка, держу ее перед собой, реву и причитаю: «Как же я одна с двумя детьми жить буду дальше?» А у самой перед глазами его последнее письмо: «... если приду живой, будем жить еще лучше». «Если приду живой»... — как чувствовал, что должно это случиться, уж больно горькими были его письма. На этой войне я потеряла обоих своих братьев».

Обычно перед бедой недобрый знак бывает. Перед войной земля застонала, деревья слезы пускали, люди тревогу чувствовали. Война для советского народа была страшным испытанием, тяжелым бедствием. Но народ выстоял и победил, заплатив за эту победу слишком дорогой ценой — 27 миллионов человеческих жизней.

Как жили вы, солдатские вдовы? Как живете теперь?

«Забрала нас жить к себе свекровь, а у самой пятеро детей, и так все вместе жили в

одной комнате. Вечный крик, шум и голодные глазенки ребятишек. Получали хлеба на ребенка 300 граммов, на взрослого — 500, да еще за этим хлебом надо было выстоять весь день».

Люди выдержали послевоенное время благодаря тому, что дружно жили. Как могли, помогали, поддерживали друг друга, отдавали последнее, что имели. Народ очень хотел выжить, вырваться из плена разрухи, голодного существования, бесконечного скитания и рока войны, преследовавшего его с начала столетия.

«Пошла работать на завод, получила комнату по ул. Красноармейской. Радости не было конца, хотя и благоустройства никакого не было. Работали на заводе в подвале, кругом кислота, шлам. А мы чистили желоба, а затем медь и свинец на носилках выносили наверх. В конце дня вылезешь из этого подвала, да еще бежишь в душ, чтобы успеть до большой очереди помыться. А если не успел — опять стоишь. Иногда не выдержишь — ноги от усталости подкашиваются, махнешь рукой и прямо в рабочей одежде идешь.

Но дисциплина на работе была строгая: если на пять минут опоздаешь, то обязательно опозорят тебя на весь завод — в стенгазете пропишут, премии лишат. Никаких праздников мы не видели, а выходной день один был, и успевай за него постираться на детишек, прибраться. Я до сих пор удивляюсь, что все это смогла выдержать. А может, и к лучшему, что именно нам досталась такая доля, а не нашим внукам и правнукам».

Сейчас она живет со свой внучкой, студенткой свердловского вуза. К ней часто заезжает сын, приходит дочь. А Память все не дает покоя. Мучает, выворачивает наизнанку, подталкивает взять в руки пожелтевшие от времени фотографии и вспоминать, вспоминать...

Татьяна АНФАЛОВА.

«Красное знамя», № 80, 9.7.1991 г.

1998 ГОД — ГОД ПОЛУВЕКОВОГО ЮБИЛЕЯ ПОСЕЛКА ОЛЬХОВКА

Расположенный вдали от шумной областной столицы, поселок покоряет всех, кто бывал здесь, оглушающей тишиной, девственной природой. Не раз воспевал Ольховку в своих стихах местный поэт Владимир Романов.

Ольховка посреди болот
Для мира словно затерялась.
А здесь так соловей поет,
А лес вокруг — и хмель, и сладость!
Ольховка — милый уголок!
Забыть тебя? Нет, невозможно!
Ты — сердца радостный исток,
Ты — друг любимый и надежный.

На месте будущего поселения были заросли ольхи, отсюда, вероятно, и пошло название поселка. Основное богатство поселка — залежи торфа. На их разработку и ехали люди по вербовке из Мордовии, Башкирии, других областей России.

Труднее всех было первопроходцам. В числе их была Нина Ивановна Родионова. Сюда ее перевели с Кедровского участка, на разработки которого она была мобилизована из Башкирии в 1943 году. Военные годы Нина Ивановна не может вспоминать без содрогания.

Ее и еще 140 мобилизованных отовсюду девчат поселили в барак, где жили пленные немцы. Кругом грязь, разбросанные ими вещи. Две печи на весь барак. Холодно. Ни бани, ни колодца в поселке. Воду носили из карьера и еще растапливали снег. Вшей развели помимо своей воли. К тому же время было очень неспокойное. За хлебом по одному не ходили, потому что голодные ремесленники отбирали его.

Работали девушки от темна до темна. Н. И. Родионова была бригадиром на элеваторной машине.

— Для элеватора вручную рыли канаву, стоя по колено в воде, — рассказывает Нина Ивановна. — Экскаваторы появились только в 50-х годах. Работа была адская. За смену нужно было добыть 30 тысяч штук кускового торфа. Давалось это нелегко. Спали на ходу. Девочки придут с работы, сразу ложатся спать, а мне нужно было еще посчитать, закрыть наряды.

Что же давало силы работать в нечеловеческих условиях, выполнять работу машин? Верили в победу над фашизмом, ради которой они старались работать как можно лучше. Весточки с войны от близких и родных обсуждались и поддерживали эту надежду.

Серафима ДУЛЕПОВА.

«Красное знамя», № 10, 27.1.1998 г.

ПАМЯТЬ НЕ ГАСНЕТ

Когда началась война, мне было всего 10 лет. Как и всем детям войны, мне пришлось увидеть и пережить столько, сколько хватило бы с лихвой на любую взрослую жизнь. Наша семья жила под Ленинградом, и на ее долю выпало нисколько не меньше потерь и испытаний, чем на долю любой ленинградской семьи. Какая сила помогла людям выжить, чьи заботы сохранили от гибели нас, детей войны, самых невинных, самых незащищенных ее жертв? Я мало помню с тех лет. Но что помню четко, так это женщин — нашу главную защиту и опору. Помню сухие от горя глаза и не по-женски сильные руки. Сколько таких женщин я встречала в своей жизни? Очень немало. С одной из них работала рядом уже в Верхней Пышме много лет. Это Агриппина Сергеевна Мордвинцева, бывшая рабочая огнеупорного цеха, а ныне пенсионерка, человек огромного мужества и оптимизма.

В первый же месяц войны ушел на фронт Николай Емельянович Мордвинцев, бригадир водопроводчиков огнеупорного завода, ее муж. Ушел, оставив на руках Агриппины Сергеевны трех малолетних детей. Письма от него шли только один год, — до сорок второго. И тогда жена пошла работать в цех, где трудился ее муж.

Как и большинство женщин военного времени, работала до темна, растила детей. Трудно ей было, конечно. Но что мне запомнилось в ней, так это то, что никогда она не была опустившейся, раздавленной горем, тяготами жизни. У нее хватал силы работать весело и энергично, жить, не показывая слез. Подняла всех троих детей, воспитала их настоящими рабочими людьми.

Вслед за отцом и матерью пришла в огнеупорный одна из дочерей Мордвинцевых — Людмила. Мать — Агриппина Сергеевна — давно на пенсии, а Людмила Николаевна вот уже больше тридцати лет ежедневно идет к проходной огнеупорного, перед зданием управления которого стоит обелиск в память о тех, кто ушел и не вернулся в цех после войны. В числе имен погибших, их перечислено на обелиске 21, есть имя ее отца. Живым Людмила Николаевна помнит отца мало, но очень хорошо помнит его изображенным на скромном портрете, который хранит ее мать.

Весной пршлого года, готовя материалы к приближающемуся празднику Дню Победы, я попросила Людмилу Николаевну принести фотографию отца, чтобы можно было ее переснять для стенда. Людмила Николавна передала мне тот самый портрет и попросила обязательно вернуть его ей к 9 мая. Так я узнала о семейной традиции Мордвинцевых.

Вот уже 39 лет Агриппина Сергеевна собирает 9 мая своих детей и внуков. Всей семьей они идут к обелиску погибших в годы войны к проходной огнеупорного цеха и к

Вечному огню в сквер Победы у «Факела», где на одной из чугунных плит вылито имя главы семейства Мордвинцевых — Николая Емельяновича. Букеты весенних цветов ложатся к Вечному огню, и семья возвращается домой. За праздничным столом — лишь одно свободное место. Это место погибшего отца, молодо и жизнеутверждающе глядящего с портрета на застолье защищенных им детей и внуков.

Этот портрет стал не только памятью, но совестью семьи. Пока глядят на тебя глаза погибшего отца и старой матери, равняющей свою и твою жизнь на жизнь погибших за тебя людей, ты не имеешь права опускаться. Никого из Мордвинцевых в этом не упрекнешь. Хорошо отзываются о старшей дочери Агриппины Сергеевны на комбинате «Уралэлектромедь», сын — хороший механик одного из заводов Свердловска, а о Людмиле Николаевне, младшей из дочерей, я знаю сама. Как отец и мать, она всю жизнь в ударниках труда, отличный мастер своего дела — маляр, штукатур, плиточник. Уважают ее в коллективе на редкость, доверяют. Много лет она работала в составе цехкома, много лет избирали ее народным заседателем, сейчас, как всегда, помогает в проведении избирательной кампании. Нужен ли лучший памятник отцу, чем память детей, продолжающих дело, которое не дала завершить ему война?

В. РИСОВАНАЯ.

«Красное намя», № 20, 14.2.1985 г.

НА ЭСКАДРИЛЬЮ, «ВЕРХНЕ ПЫШМИНСКИЙ РАБОЧИЙ!»

Призыв коллектива Пышминского завода собрать средства на постройку эскадрильи «В-Пышминский рабочий» подхвачен и в геологоразведке.

Начальник геолоразведочной партии Е. Г. Осипов подписался на 2500 рублей, геолог И. Г. Микроносов — на 1000, кладовщик С. Е. Соколов — на 500, сменный мастер Белоносов П. А. и старший рабочий С. Волокитин — по триста рублей.

К 20 января 40 человек подписались на 14725 рублей. Подписка продолжается.

УСТИНОВ.

«Красное знамя», № 10, 22.1.1943 г.

ВЗНОС ДОМОХОЗЯЕК

Мы — домохозяйки. Когда узнали о сборе средств на эскадрилью «Верхне-Пышминский рабочий», то сразу решили — внесем по двести рублей.

Всех домохозяек района призываем включиться в сбор средств на постройку эскадрильи. Поможем Красной Армии скорее разгромить немецко-фашистскую банду.

Домохозяйки: Артюхова, Колмогорцева.

«Красное знамя», № 12, 29.1.1943 г.

ЗАМЕНИЛИ ФРОНТОВИКОВ

Девушки Зоя Красильникова, Полуяктова и Самойлова пришли в механический цех нашего Пышминского завода, чтобы заменить на тяжелой и сложной работе мужчин, ушедших на защиту Родины.

Они быстро освоили свое дело и через 3 месяца работы начали перевыполнять нормы выработки. Эти девушки зачастую перегоняют мужчин. С удвоенной энергией работает Красильникова. В соревновании она обогнала лучшего строгаля цеха В. Потаскуева.

П. АСТАПКОВИЧ.

«Красное знамя», № 45, 5.6.1943 г.

СНАЙПЕР АНТОНИНА БАКЛАНОВА

Вот и окончена учеба. Получив диплом дошкольных воспитателей, выпускницы Борисоглебского педучилища не спали до утра. По домам разошлись под утро.

Тоня еще долго не спала, пытаясь представить далекий Красноярский край, куда она по своей просьбе получила направление на работу. Так незаметно для себя Тоня заснула, а когда проснулась днем, не сразу поняла, что случилось. Война! Война!

В это тревожное время отец не хотел отпускать дочь в Сибирь, но Тоня настояла, уехала. Началась работа в дошкольном детском доме города Ачинска.

Дыхание войны докатилось и сюда.

Когда гитлеровцы вплотную подошли к родному Воронежу, оставаться в глубоком тылу было невыносимо.

Тоня и ее подруга Юля Качкина писали одно заявление за другим с просьбой отправить на фронт, но каждый раз им отказывали.

Наконец, настоятельная просьба девушек была удовлетворена: пришел вызов в Москву во вновь организуемую школу снайперов.

И опять началась учеба: упорная, настойчивая, очень ответственная.

Постигать незнакомое дело девушкам помогала огромная ненависть к врагу, посягнувшему на нашу землю, любовь к Родине, желание с оружием в руках защищать ее.

После успешного окончания школы Тоня была назначена командиром отделения в этой школе.

В феврале 1944 года, наконец, в числе двадцати девушек снайперов она попала на фронт в Белоруссию.

Сначала их хотели определить в учебную роту обучать меткой стрельбе солдат, но девчатам не терпелось скорее попасть на передовую.

Они настояли-таки на своем и были направлены на передовую линию фронта на берегу Днепра под Оршей.

В первый же день майор повел вновь прибывших снайперов в траншеи, знакомить их с нашей и вражеской обороной.

Девушкам, конечно, было трудно поначалу разобраться, что к чему. К концу дня началась метель. Траншея стала заметна. Обе оборонительные стороны выставили свои пулеметы и стали стрелять трассирующими пулями. Надо было привыкать к этому.

На другой день девушек распределили в снайперские пары. В паре с Тоней был солдат, прибывший на передовую на неделю раньше ее.

После бурана чистили траншеи. Тут впервые на расстоянии 150 метров Тоня увидела фашиста. Она предупредила своего напарника: «Наблюдай, я стреляю». Облокотившись на пулеметную ячейку (устраивать свой наблюдательный пункт было некогда), стала целиться.

Целилась долго. Чувство, что целится не в мишень, а в живого человека, наводило некоторых страх.

«Не хотелось промахнуться. Над нами, девушками-снайперами, бойцы-мужчины подшучивали. Целюсь, а сама думаю: «Пусть лучше уйдет, чем промахнусь», — вспоминает она. Выстрелила и закрыла глаза. Вдруг раздался чей-то голос: «Кто стрелял?» Это спросил командир полка, делавший обход. Тоня на миг пришла в замешательство (разве она сделала что-то не так?), потом ответила: «Я!» Командир полка сказал: «Убила гитлеровца. Молодец!» Поздравил, спросил фамилию и позвонил в дивизию, что снайпер Антонина Юрьева убила первого фрица, открыла счет.

Вечером Юрьеву поздравляли, а на следующий день в газете «Боевой путь» появилась заметка «Счет открыт». Так у Тони в книжке снайпера «Счет мести» появилась первая за-

пись. На другой день снайпер Аня Рожкова убила сразу двух фашистов. Так началась «охота» девушек-снайперов за врагом.

Противник почувствовал, что на нашей стороне появились меткие стрелки. «Охотиться» стало труднее Но это не мешало Тоне увеличивать свой счет. Она уничтожила до конца войны 36 гитлеровцев. Ее боевые заслуги отмечены орденом Красной Звезды и медалью «За Отвагу».

После войны Антонина Макаровна Юрьева-Бакланова вернулась к своей мирной профессии — воспитанию детей.

С 1953 года она живет в Верхней Пышме. Сейчас работает заведующей детским комбинатом № 34.

«На передовой пуля подстерегала нас на каждом шагу, но мне повезло, — говорит Антонина Макаровна. — Я счастлива, что осталась жива, что работаю с детьми. А ведь многие мои боевые подруги погибли».

Вот за то, чтобы дети росли счасливыми, и сражалась снайпер Бакланова в годы войны.

П. ПРОНИНА.

«Красное знамя», № 114, 28.9.1971 г.

НАГРАДА ВРУЧЕНА ЧЕРЕЗ 26 ЛЕТ

Антонина Макаровна пришла в городской военкомат по вызову. Она знала, зачем, знала, что ей сообщат приятную весть. И все-таки А. М. Бакланова-Юрьева волновалась. Еще бы! Через 26 лет ее нашла награда Родины — орден Красной Звезды!.

Дел было так, 20 мая 1945 года за бои на территории Восточной Пруссии в районе Кенигсберга А. М. Бакланову-Юрьеву наградили орденом, но вручить его в части не смогли. Антонина Макаровна закончила войну, в 1953 году приехала в Верхнюю Пышму и стала работать в дошкольных учреждениях. Она предполагала о награде, но из-за большой скромности никому ничего не говорила и сама не знала, куда надо обратиться за советом...

Нынче горвоенкомат сделал запрос в Москву, а в пятницу на прошлой неделе пришли документы, подтверждающие, что Антонина Макаровна Бакланова-Юрьева награждена орденом Красной Звезды.

В понедельник горвоенком Д. М. Баринов торжественно вручил снайперу 174-й ордена Красного Знамени Борисовской стрелковой дивизиии А. М. Баклановой-Юрьевой награду Родины. Одновременно Антонине Макаровне вручена медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР».

В. ГРИНЕВИЧ, внешт. корр.

«Красное знамя», № 100, 26.8.1971 г.

СЛУЖИЛИ ДЕВУШКИ

Отдельный женский запасной полк, в который направили Александру Васильевну Парамзину (бывшую Никифорову), был сформирован в октябре 1943 года. Около полугода учились девушки распознавать марки самолетов, готовились стать радистками и телефонистками.

Войну почувствовали на станции Дарница у Киева. В ту ночь фашистские самолеты бомбили мосты через Днепр. Девчата схватили винтовки и в щели, а Александра Васильевна осталась в вагоне дежурить. Растерялась сначала, потом задвинула дверь, села на ящики с патронами и тут вспомнила слова капитана Егорова, который провожал их из запасного полка: «Туда нас много едет. А вот кто назад вернется — неизвестно. Но кто вернется, обязательно с победой! Главное — не робеть, девчата!» Вдруг голос за дверью вагона: «Откройте, пожалуйста!»

Открыла дверь. Смотрит — полковая медсестра стоит. Она была ранена в ногу.

Алесандра Васильевна помогла раненой подняться в вагон и сделала перевязку. А утром ее отправили в госпиталь.

...Незаметною была служба наблюдателей, но она помогала зенитчицам уничтожать фашистские самолеты.

...Было всякое. Командира взвода Люсю Лебедеву враги схватили по дороге на пост. Долго мучили, а потом расстреляли и бросили ее труп в лесу. Там и наткнулись на него девушки.

...Сейчас Александра Васильевна работает контролером в кинотеатре «Пионер».

М. РУДИК.

«Красное знамя», № 101, 25.8.1973 г.

ЖИВОЕ ПРОШЛОЕ

Сегодня я хочу рассказать об одном из скромных рядовых войны — Ларисе Павловне Харловой. В 1936 году закончила она медучилище и вступила на путь борьбы за человеческое здоровье, начав работать в здравпункте медэлектролитного завода.

Уже 29 июня 1941 года Лариса Павловна была в боевом строю. Многое повидала операционная сестра эвакосортировочного полевого госпиталя, кочевавшего вслед за передовыми частями Воронежского, 3-го Украинского, 1-го Белорусского фронтов. Смерть ходила совсем рядом, но судьба словно оберегала молоденькую девушку. Вспоминает Лариса Павловна такой случай. Раз, измучившись в пути, пятеро девушек — медсестер, среди которых была и она, попросились сесть на проезжающую мимо подводу, но уставшие лошади не смогли везти их. И надо же такому случиться, что, когда подвода проезжала по мосту через реку, прямо в нее попала вражеская бомба.

Работали девушки, совершенно забывая о времени. Операции шли при тусклом свете керосиновых коптилок, не хватало медикаментов, раненых порой приходилось поить из консервных банок. Ларисе Павловне случалось одной сопровождать целые санитарные эшелоны носилочных раненых в тыл. Она рассказывает: «Дали мне как-то пшенной крупы и сухарей на 140 человек. Доехали мы благополучно, никто не умер, правда, каши есть не пришлось. Где же ее сваришь, если ветер свищет в разбитых окнах вагонов и от раненых не отойти».

Много горя видела Лариса Павловна, но к нему не привыкла. Невозможно советской женщине быть равнодушной к чужим страданиям. Поэтому она самоотверженно, забывая обо всем, боролась за жизнь каждого бойца, а если случалось несчастье, то плакали по погибшему не только далекие родные. Выпадало ей на долю и похоронные писать.Это было труднее, горше всего.

Однажды она спустилась в подвал, где лежали погибшие, за документами. И вдруг среди трупов увидела живого человека. Поборов страх, девушка кинулась оттирать его спиртом, вытащила из темноты. Находившийся в шоковом состоянии солдат воскрес из мертвых. Придя в себя, он отправился искать свою часть. Фамилию и имя спасенного Лариса Павловна не узнала — не до того тогда было. Но случай этот запомнился на всю жизнь.

Двигаясь вместе с госпиталем, Лариса Павловна видела сожженную советскую землю, стропила домов, пирамиды печей, людские душегубки под Воронежем, где фашисты уничтожали советских людей газами. Трупы они сбрасывали в огромные ямы. Украинская подруга Ларисы Павловны Дуся Казачок однажды опознала среди казненных свою мать.

Но чем тяжелее были испытания, тем радостнее и долгожданнее была победа. Лариса Павловна встретила ее в Берлине. Невозможно забыть того, как мужественные солдаты,

прошагавшие такой огромный тяжкий путь до вражеского логова, не стесняясь, плакали и обнимались на улицах чужого города.

Весна 45-го принесла освобождение и мирную жизнь. Но не сразу вернулась Лариса Павловна в Верхнюю Пышу. Еще до декабря 1946 года она помогала больным воинам долечивать старые раны.

Сейчас Л. П. Харлова — пенсионерка, но тихая жизнь не для нее. Пока есть силы, она опять помогает людям побеждать болезни. Только теперь ее пациенты — дети.

А. СУРНИНА, член школы юнкоров.

«Красное знамя, № 29, 8.3.1977 .

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

На самом людном месте поселка Красный, прямо под окнами исполкома местного Совета, стоит обелиск с высеченными на нем именами земляков, героически павших на фронтах Великой Отечественной. И поселок-то вроде небольшой, а список на обелиске длинный. До сих пор не найдешь, наверное, здесь дома или двора, жителям которых война не нанесла бы раны. Вот поэтому отношение в поселке к обелиску особое — как к священной могиле самых близких родных.

На ступеньках этого скромного сооружения частенько появляются живые цветы. А еще на этих ступеньках нередко можно было видеть согбенную, всю в черном, старушку. Здесь, на гранитном постаменте, высечены имена четырех ее сыновей: Михаила и Егора Юриных, Дмитрия и Николая Глазыриных. Четыре кусочка одного материнского сердца...

Той солдатской матери, Анны Матвеевны Глазыриной, ныне нет в живых, но о ее скромном жизненном подвиге хочет поведать землякам бывший учитель сельской школы № 16, ветеран войны и труда Петр Данилович Лыков, ныне находящийся на заслуженном отдыхе в Среднеуральске.

С семьей Юриных-Глазыриных я встретился в 1934 году. Мы тогда вместе жили в бараке в пятом квартале — ныне этот поселок Глубокий Лог. Отец у них после раскулачивания находился в ссылке. Анна Матвеевна с восемью детьми выслана на Урал. Правда, самых малых, Евдокию и Геннадия, оставила в пути у приюта в Шадринске, чтоб не умерли в скитаниях с голоду. А остальные — Михаил и Егор Юрины от первого брака, Дмитрий, Василий, Тарас и Николай от второго — жили одной семьей. Четверо старших вместе с матерью работали на лесозаготовках. Младшие — Тарас и Николай — сидели дома. В этой семье не было даже посуды, кроме мисок и ложек. Младшие ходили к столовой собирать картофельные очистки, которые потом жарили на общей железной печке, что стояла посреди барака, и ели. Рубашки, штаны их были сшиты из скатертей и полотенец, оставленных матери как приданое.

Медленно, очень медлено к семье возвращался достаток. К 1935 году мы все перехали в поселок Красный, стали строить домишки. Вскоре отделились Михаил и Егор. Построили еще один дом. А когда женился Дмитрий, поделили избу на две половины. Пришел из ссылки отец. Не работал только самый младшенький, Николай. Семья ожила. Мать стала разыскивать тех двоих, что оставлены были у приюта. Но тут началась проклятая война. Нас с Василием и Тарасом она застала на Дальнем Востоке. Мы там все вместе проходили службу в армии. Один за другим ушли на фронт Михаил, Егор, Дмитрий. Родительский дом Глазыриных вмиг опустел и будто бы съежился в тревожном ожидании вестей. А вскоре пошли похоронки. Первая пришла на Михаила. Потом Егор отписал матери, как похоронил убитого на его глазах Дмитрия. А вскоре и о самом Егоре пришла печальная весть.

На Дальнем Востоке в первые недели войны под лозунгом «Лучших — на фронт» стали

создаваться маршевые роты. Тарас в то время был красавец, выправка — грудь колесом, отличник боевой и политической подготовки. Его мы проводили на фронт в числе первых добровольцев. Он погиб под бомбежкой в эшелоне. Мы тоже готовились на фронт. Но из-за напряженности отношений с Японией воинов-уральцев, отличающихся выносливостью и хорошей выучкой, командиры стали придерживать. Так мы с Василием всю войну и прослужили бок о бок. Участвовали в освобождени Манчжурии и вместе вернулись домой. И вот когда, казалось, все тяготы остались позади, Василия на родном пороге подстерегла «косая». Как это часто водится в жизни, радость и горе пришли в одночасье. Василий заболел тифом, слег в больницу, а жена в это время родила сына. И сразу же после роддома пришла в больницу показать мужу первенца. Василий вышел на балкон — этого оказалось достаточно для ослабленного организма, чтоб подхватить обратный тиф, который свел его в могилу.

Мать уже потеряла счет похоронкам, не снимала черного платка, не вытирала слез. Вот и ее последыша, Николая, к концу войны забрали в армию, подучили на лейтенанта — и в бой. Последним его боем стал последний день войны в Берлине...

Война и лихолетье забрали всех шестерых сынов у Анны Матвеевны. Умер муж, и тогда злая доля не сломила эту женщину. Оставшись одна, она со всей энергией принялась искать своих младшеньких: Дуню и Геннадия. Куда только ни писала, ни обращалась. Наконец, разыскала Евдокию, забрала к себе. Выдала ее замуж — и жизнь вновь обрела смысл для уставшей от горя души. Пестовала внучек и внуков. А вот Геннадия до самой смерти так и не смогла найти. Оттого и помирала нелегко, с виной в сердце.

И вот меня, ветерана войны и труда, считай, коренного жителя поселка Красный, бывшего учителя, гложет совесть оттого, что не все мы сделали для увековечения памяти сынов этой матери. Я думаю, что на родительском доме Юриных-Глазыриных на улице Калинина нужно установить мемориальную доску. Ведь не все знают, что это дети одной матери: надписи на обелиске ничего не говорят, а ветеранов становится все меньше. Да и поисковая работа пионеров-следопытов из-за частой сменяемости преподавательского состава сельской школы глохнет. Даже свое 40-летие школа «забыла» отметить.

И еще. Улица Калинина в Красном — особая. Она дала Родине много фронтовиков-героев. Вот только имена тех, кого я помню: Дедков Иван, Поспелов Семен, Черепанов Герман, Юрин Иван, Жернаков Виктор, Литяйкин, Малицких (имена не помню). Мало кто знает и имя той солдатской матери, которая в свое время пострадала от сталинских репрессий, но не обиделась на Советскую власть, а когда потребовалось ее защищать, отдала самое дорогое, что у нее было, — своих сынов.

И если мы сегодня об этом не позаботимся, то пройдет еще лет 20, и от памяти о подвиге наших земляков, защитивших Родину, останется лишь мертвый камень обелиска, никому ничего не говорящий.

П. ЛЫКОВ.

«Красное знамя», № 56, 9.5.1988 г.

ПО ЗАДАНИЮ РАЙКОМА

Когда в восьмом классе школы № 33 проводился «огонек» на тему «Юность комсомольская моя», к ним случайно заглянула завхоз школы Клавдия Ивановна Чаунина. Прислушавшись к разговору, не утерпела и рассказала о своей юности, совпавшей с годами Великой Отечественной войны. Все участники «огонька» с интересом прослушали ее рассказ.

Оказывается, Клавдия Ивановна родилась и жила в Подмосковье. В 1936 году она стала комсомолкой, работала бухгалтером в районном земельном отделе. Когда началась война, она, как и многие другие, была мобилизована райкомом комсомола на трудовой фронт.

— Повезли нас из-под Москвы в Смоленск, — вспоминает К. И. Чаунина. — Мы очень смутно представляли, что ждет нас впереди. Приехав в деревню Ромы, мы копали противотанковые рвы. На четвертый день нашей работы начались налеты вражеских самолетов. Часто бомбили дороги. Мы спаслись тем, что находились от них вдали. Наш отряд комсомольцев перебрасывали из деревни в деревню. Везде мы копали противотанковые рвы. 17июля 1941 года нас привезли в Вязьму. Немцы в то время уже совершали налеты на Москву. Мы получили приказ возвращаться домой. По прибытии в Подмосковье по заданию штаба при райкоме комсомола я часто дежурила в госпитале, в милиции, вместе с другими патрулировала на улицах, помогала жителям окрестных деревень эвакуироваться.

То утро запомнила на всю жизнь. Тишина, улицы пусты, а вдали слышна канонада. В нашей деревне, оказавшейся на территории, временно захваченной врагом, остановилась небольшая рота. Вскоре на базарной площади появились две виселицы. Повсюду на заборах висели объявления, приказывающие всем коммунистам и комсомольцам явиться с документами в соседнюю деревню. Но никто не выполнил приказа. Оккупация нашего района длилась две недели, а потом начался разгром фашистов под Москвой. Мы это почувствовали по поведению немцев. Отступая, они подожгли зерносклад, склад с валенками. Комсомольцы приняли активное участие в тушении пожаров.

Мы были рады возвращению Красной Армии. Райком комсомола, выйдя из подполья, собрал нас и поставил перед нами новые задачи. Мы собрали трофеи, хоронили убитых, ухаживали за ранеными, рыли противотанковые рвы на передовой, а когда наступила весна — разминировали поля.

Фашистов под Москвй разгромили, но война продолжалась. До окончательной победы над врагом осталось еще более трех лет. Но уже тогда мы твердо поверили, что фашистам не пройти, что наша армия сильная, а наш народ непобедим.

З. ЧУПРАКОВА,
организатор внеклассной работы школы № 33.
«Красное знамя», № 138, 19.11.1981 г.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

В 1942 году школа № 1 приняла с фронта раненых. Здание было переоборудовано в госпиталь, следы которого сохранились и поныне. В школьном музее есть снимок сестры милосердия и первых организаторов этого госпиталя. На магнитную пленку или просто на тетрадные листочки записаны воспоминания тех, с кем ребятам удалось встретиться, кого застали в живых. Тема одной беседы, с которой совет музея выходит в пионерские отряды и комсомольские группы, называется «Школа — госпиталь».

Следопыты нашли и познакомились с дежурным фельдшером госпиталя Ириной Макаровной Рудаей (ныне Хромовой). Она не раз была у них на встречах. Чтобы ребята ярче могли себе представить труд медработников в тылу, Ирина Макаровна оставила им свои воспоминания.

Небольшая поселковая больница в деревянном доме около медэлектролитного завода, поликлиника в длинном бараке на улице Ленина, рядом с которой стояло еще несколько частных домов, да родильный дом, расположенный в здании нынешней музыкальной школы, — вот и все объекты здравоохранения.

Работала она дежурным фельдшером на пару с К. К. Рождественской. Обслуживать приходилось и поселки СУГРЭС, Кедровое, Красное. Расстояние неблизкое, вызовов в смену — до сорока, а транспорт — одна лошаденка. Эпидемическая обстановка была тяжелая: много заболеваний дизентерией и дифтерией, большая смертность.

Но еще труднее пришлось после того, как в поселке был открыт госпиталь и Рудаю при-

гласили туда на ночное дежурство, а днем она по-прежнему обслуживала местное население. Вечерами частенько читала лекции о первой помощи тем, кто уходил на фронт. Вместе с молодыми санитарками работала в лесу на заготовке дров для госпиталя, копала в поле мороженую картошку или собирала молодую крапиву для «витаминного» супа, чтобы как-то улучшить рацион раненых. Питание в госпитале было постное, а к весне с продуктами и вовсе становилось плохо.

Тяжело, очень тяжело приходилось тем, кто остался в тылу. Порой даже казалось: лучше бы на фронт. Но Рудая понимала, что надо кому-то и тыл держать на себе, и работала до изнеможения, особенно после «похоронки» на брата, погибшего от пыток в фашистском плену.

Горе девушки не осталось незамеченным в госпитале, где каждый по-своему выражал ей свое сочувствие. Это сочувствие сдружило ее с одним из раненых. Он кипел ненавистью к фашистам, стремился поскорее вернуться на фронт. Верилось, что он отомстит врагам за ее горе, за горе сотен других вдов, сирот.

Раненый — это был капитан Василий Павлович Панфилов — поправился и вернулся на фронт. Но долго потом Ирина Макаровна получала письма со штемпелем полевой почты и печатью военной цензуры. Два его письма как документальные вести с фронта Ирина Макарова недавно подарила школьникам.

В том же госпитале работала хирургической сестрой Глафира Петровна Андреева. Теперь ее нет в живых, но у учеников школы сохранились ее воспоминания, записанные на магнитную пленку. Один из эпизодов, рассказанных ею, крепко врезался в память ребят.

Просматривая документы раненых, прибывших с первой партией, операционная сестра всклинула:

— Глядите! Первую помощь этому раненому в полевом госпитале оказал наш пышминец, хирург Муртазин.

Врача Муртазина знали и любили в поселке. А еще он был знаменит тем, что самая первая повестка, выписанная на фронт в нашем военкомате, выпала на его долю. Он первый из нашего поселка ушел на войну.

И вот своеобразный привет от него с фронта, возвестивший о том, что он жив, что в нелегких военно-полевых условиях возвращает жизнь раненым. Фамилия первого пациента, прибывшего от него в наш госпиталь, запомнилась всему медперсоналу. За ним ухаживали как за родным.

Ученики школы № 1, переведенные в другое здание, шефствовали над госпиталем: топили печи, пилили и кололи дрова, писали раненым письма, выступали для них с концертами. Их воспоминния тоже записаны следопытами.

Л. ФЕФЕЛОВА.

«Красное знамя», № 40, 2.4.1985 г.

ЮНОСТЬ БОЕВАЯ

Поколение людей, к которому относится Надежда Александровна Реутова, испытывалось на прочность годами Великой Отечественной войны. Ей было шестнадцать, когда, окончив школу, девушка из города Нижний Ломов Пензенской области мечтала о светлом будущем, об интересной и нужной людям работе и о многом другом, о чем мечтает человек в лучшую пору своей жизни — в юности.

— Я даже поступила учиться в двухгодичную фельдшерско-акушерскую школу, — вспоминает Надежда Александровна. — Думала, буду врачом.

Но шел тогда 1941 год. Когда началась война, будущих учащихся собрали на два месяца раньше. Занятия начались сразу же, причем по ускоренной программе. Все будущие медсестры были мобилизованы. Каждый день после занятий они шли на дежурство в госпи-

таль. Были они в основном санитарами. Так Надежда Александровна еще в родном городе, еще совсем молодой познала, что такое война. Раненых в госпиталь в то время поступало очень много. Девчата, недоедая и недосыпая, сутками дежурили, да еще учились.

В марте 1942 года состоялся выпуск в школе. Получив дипломы о присвоении звания медицинских сестер, весь выпуск был направлен в действующую армию. Уже в апреле Надежда Алесандровна попала на фронт в качестве санинструктора 175-го пулеметного батальона. Боевое крещение она получила, находясь в санитарном поезде, который курсировал по прифронтовой полосе.

— В 1943 году, — вспоминает Надежда Алесандровна, — мы воевали на Киевском направлении. Хотя Советская Армия уже наступала, бои были трудными. И нам, санинструкторам, работы хватало. В бою у Дарницы, под Киевом, меня ранило. Лечили меня в госпитале, который располагался в уже освобожденном Киеве.

После выздоровления Н. А. Реутову направили в Москву, откуда она попала в зенитно-артиллериский полк, с которым прошла дорогами Белоруссии, Польши, Германии. День Победы Надежда Александровна встретила в Берлине. Домой старшина медицинской службы вернулась в 1945 году. На груди у нее сияли боевые награды, среди которых медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина».

Сейчас Н. А. Реутова работает в Верхнепышминском строительном управлении, куда она поступила в 1948 году, когда приехала в наш город. Была она и секретарем комсомольской организации управления, и комендантом. Сейчас она — воспитатель молодежного общежития.

Т. ГОРОХОВА.

«Красное знамя»,№ 56, 9.5.1980 г.

ФАМИЛИЯ НА ПАМЯТНИКЕ

Есть памятник в поселке Красном. И повторяются на нем фамилии нескольких членов семьи Глазыриных.

Жила эта большая дружная семья в Красном до войны. Было у Анны Матвеевны и Ефима Макаровича шестеро сыновей — Егор, Михаил, Дмитрий, Василий, Тарас и Николай. В 1940 году Тарас и Василий были призваны на действительную службу. Там, на Дальнем Востоке, и застала их весть о войне.

В 41-м ушли на фронт и остальные. И стала мать с тревогой ждать вестей от сыновей. А вести приходили горькие. В 42-м Егор написал, что Дмитрий погиб и он сам похоронил брата. А через неделю Егор ушел в разведку и не вернулся. Было это под Ленинградом 17 сентября 1942 года.

Не успели высохнуть материнские слезы по первым погибшим, как пришла новая горькая весть — о гибели под Сталинградом Тараса. А потом получила Анна Матвеевна еще два извещения о геройской смерти Николая и Михаила. И как только сердце матери вынесло такое!

В живых остался только один, Василий. Вернулся в сорок пятом домой, женился. Родился у него сын Анатолий. Казалось бы, жить да радоваться, но уже через четыре года отозвалось эхо войны: умер Василий. Так отняла война у матери всех шестерых сыновей. Через год не стало и самой Анны Матвеевны. И хоть нет на памятнике павшим ее имени, но надо с полным правом и ее считать героем войны. Ведь ее сыновья отдали свою жизнь за сегодняшнее мирное небо.

И. ОСЯНИНА,
ученица школы № 16.

«Красное знамя» № 56, 8.5.1976 г.

СЕМЬЯ БОЕВАЯ

Идем мы с подружкой — ее тоже Шурой звали — вдоль берега, а там, у воды самой немец стоит. Растерялись сначала, не знаем, что делать, а он поднимается к нам, руками машет и все говорит, говорит. Только из его слов и поняли, что «Гитлер капут». Забрали его. Не успели десяти шагов сделать, как еще двое откуда-то вышли. Оказалось, им с нами по пути — в плен идут. Подходим к деревне, где сбор пленных назначен, а там все собравшиеся глаза округлили: «Глядите, то ли немцы девчонок ведут, то ли, наоборот, они их?» А вскоре Указ вышел о награждении меня медалью «За боевые зслуги»...

Это она, Алесандра Гавриловна Беляева. Тридцать лет назад — боец Чиркина.

— ... Не скажу, что я был слишком выдающийся боец, но не стыдно смотреть сегодня в глаза сверстникам и детям...

А это он, Алесандр Андреевич Беляев. Ныне слесарь Исетского завода железобетонных конструкций.

Александра Гавриловна и Александр Андреевич — супруги. Военные дороги их были разные. Судьба связала этих людей уже много лет спустя.

Он до войны окончил танковое училище, получил звание младшего лейтенанта. И с первых дней борьбы командовал сначала взводом, позднее танковой ротой, а за несколько месяцев до Победы, когда был убит в бою командир батальона, Беляеву пришлось взять инициативу на себя. За умное и отважное командование правительство наградило Александра Андреевича орденами Александра Невского и Отечественной войны I степени.

Она учила детишек в школе. Потом — шестимесячные курсы медсестер. И Александра Чиркина в составе медсанбата попадает на фронт.

Она: — И здоровая я тогда была. Взяли меня на сортировку раненых. По трое суток, да что там по трое — неделями не спали! Таскали раненых. Делали для них палатки. А повозки с ранеными все шли...

Он: — Как-то заняли деревню Лукошкино, недалеко от Калуги, а там следы фашистского зверства еще не остыли: изуродованные младенцы, убитые матери. Мы поклялись тогда отомстить врагу за его дикость... отомстить за все.

За несколько минут до наступления его принимали в партию.

Годы у Александра Андреевича пенсионные, но он не собирается уходить с завода. Наверное, не дает уйти военная привычка — быть всегда на передовой.

Л. УСАЧЕВА.

«Красное знамя», № 56, 9.5.1975 г.

ПОКЛОН ВАМ, МЕДСЕСТРЫ!

«Сестричка пить!» — еле слышно произносят губы тяжелораненого, когда над ним наклоняется девушка из санбата. Не замечая рвущихся рядом снарядов, свиста пуль, она выносит бойца с поля боя.

«Спасибо, сестренка!» — благодарит солдат за доброту и заботу девушку в белом халате, отправляясь из госпиталя на фронт. Это слово стало крылатым, а те, кому оно предназначалось, снискали глубочайшую признательность и уважение фронтовиков. В медицинских учреждениях Верхней Пышмы трудится немало бывших военных медсестер, чья молодость опалена огненным вихрем войны. Предоставим им слово.

Н. Н. Савина, медсестра поликлиники № 1:

— Еще в детстве думала стать медиком. Мечта сбылась. За два года до войны успела закончить техникум. А в 1942 направили меня в прифронтовой лазарет, потом в госпиталь.

Сколько жизней спасли военные врачи, скольких бойцов возвратили в строй! Невозможно подсчитать. Тогда я была хирургической сестрой. Очень часто оперировали ночью. На ногах едва стояли, глаза слезились. Выдержали и это испытание.

9 мая 1945 года был самым радостным, счастливым днем. Но успокаиваться было рано. Лишь после разгрома японцев на Дальнем Востоке я возвратилась к мирному труду. Профессии медсестры осталась верна. Вот уже 28 лет работаю здесь. На пенсию проводили — долго дома не просидела. Потянуло в родной коллектив. Не хочется отставать от жизни.

В. С. Коновалова, медсестра туберкулезного отделения:

— Моя военная биография проста и схожа с судьбами тысяч сверстниц. Двадцатилетней девчонкой в 1943-м попала на Белорусский фронт. Наш полевой госпиталь кочевал вслед за наступающими войсками. Меня часто спрашивают: «А страшно было?» Теряюсь, что и ответить. Просто забывали мы о себе, когда в страшные минуты бомбардировок или артналета земля ходуном ходила. Думали о раненых. Не одна сотня бойцов прошла через мои руки. Горжусь, что есть и мой вклад в Победу.

Н. С. Колобова, старшая медсестра туберкулезного отделения:

— Медали «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией», благодарности от Верховного Главнокомандующего напоминают мне о войне. Участвовала в ней с первых до последних дней. Госпиталь, где я выполняла обязанности палатной сестры, принимал раненых под Волоколамском, где сражалась прославленная дивизия генерала Панфилова.

В Верхней Пышме шестнадцатый год медсестрой работаю. Лучше профессии не нашла. Что может быть благороднее и гуманнее,чем дарить людям здоровье, радость!

«Красное знамя», № 51, 29.4.1975 г.

ЩЕДРАЯ ЛЮБОВЬ

По улице идет с кошелкой пожилая женщина. Думает о чем-то своем. Вдруг она вздрагивает и смотрит в небо. Где-то за облаками слышится урчание мотора.

Мальчишки радостно вскидывают головы вверх и кричат, щурясь от солнца:

— Ура! Самолет!

И кто-то из них уже затягивает знакомое-презнакомое: «Эроплан, эроплан! Посади меня в карман!»

Лицо женщины искажается болью. «Успокойся, Мария, — шепчет она сама себе. — Пора привыкнуть. Ведь небо совсем мирное. Все ужасы кончились так давно — больше семнадцати лет назад. Успокойся, Мария!»

Нет, трудно успокоиться сердцу. Невозможно забыть Марии Ивановне Федотовой, перевязочной сестре нашей первой городской больницы, свои фронтовые годы.

Они заслоняют ту жизнь, которая была перед войной — безмятежную юность, учебу на курсах медицинских сестер, работу в больнице небольшого уральского городка Нижние Серьги, потом Верхней Пышмы.

Все это оборвала война. Летом сорок первого Мария Федотова — санитарка прифронтового госпиталя. Собственно, прифронтового — это относительно. Случалось так, что госпиталь оказывался совсем на передовой. Нередко во время операции начиналась бомбежка, вылетали стекла окон, гас свет. Выбегает Мария подбирать раненых — и сама попадет под обстрел.

Истерзанная земля, страдания людей, мужество тех, кто с честью вынес все испытания — как все это свежо в памяти! О своем мужестве вам не будет рассказывать эта скромная сестра из хирургического. Вряд ли кто из сотрудников знает, как однажды на фронте, когда госпиталь стоял в Боровичах, трое суток не спала Мария Федотова. Операция за операцией, раненый за раненым... И когда на минуту она выходила на воздух, теряла сознание...

Вряд ли кто знает, что однажды под Ленинградом пять суток пришлось ей голодать. Нет, она не считает это подвигом. И наверное, немногие сотрудники знают, что на фронте Мария Ивановна награждена медалями: «За боевые заслуги», «За победу над фашистской Германией», значком «Отличник санитарной службы».

Отгремел победный салют — и из Берлина, до которого Мария Ивановна дошла со своим госпиталем, она вернулась в родную Верхнюю Пышму. Расцеловалась и всплакнула со своими родными да знакомыми — и опять в больницу. Конечно, опять в хирургическое отделение.

И теперь она трудится здесь, эта простая, скромная женщина. Она может быть, больше других знает, что такое война и смерть. И поэтому так упорно отвоевывает для людей здоровье. Конечно, ей самой не приходится делать операций. Но умело сделать перевязку — это тоже искусство. Оно пришло за три с лишним десятка лет, в течение которых лечит людей эта замечательная женщина.

А. ИЛЬИНА.

«Красное знамя», № 23, 22.2.1963 г.

НЮСЯ

Анна работала официанткой в столовой Медного рудника

Летом 1943 г. комсомолка Анна Колганова ушла на фронт. Что она там будет делать, для нее было не ясно. Но она твердо знала, что принесет пользу Родине, чем только сможет.

Попала на 1-й Украинский фронт, стала поваром полевой кухни.

Бойцы увидели ласковую, приветливую девушку, которая заботится о бойцах, как родная.

...За смелость, проявленную при форсировании Днепра у Киева, командование наградило Анну Колганову медалью «За боевые заслуги».

Ф. ШАПОВАЛ.

«Красное знамя», № 11, 9.3.1944 г.

В ФОНД ОБОРОНЫ

Общественницы, жены защитников Родины принимают ативное учатие в сборе средств на вооружение Красной Армии.

Тт. Сажаева, Булгакова сами внесли по 100 рублей и проводят большую работу среди красноармейских семей, домохозяек, рабочих Пышмастроя.

За один день они собрали 1140 рублей.

Красноармейские семьи и домохозяйки относятся к этому мероприятию как к своему кровному делу. С большим желанием вносят свои сбержения тт. Гладышева — 100 рублей, Старичихина, Кукарцева, Ломаева, Золотарева — по 50 рублей и ряд других.

Сбор средств продолжается.

КУКАРЦЕВ, председатель постройкома Пышмастроя.

«Красное знамя», № 27, 14.3.1943 г.

ПАТРИОТКИ

Девушки Зоя Красильникова, Полуяктова и Самойлова пришли в механический цех нашего Пышминского завода, чтобы заменить на тяжелой и сложной работе мужчин, ушедших на защиту Родины. Они быстро освоили свое дело и через три месяца работы начали пере-

выполнять нормы выработки. Эти девушки зачастую перегоняют мужчин. С удвоенной энергией работает Красильникова. В соревновании она обогнала лучшего строгаля цеха В. Потаскуева. На 134 процента выполнила месячную норму Самойлова, на 123 процента — Полуяктова.

П. АСТАПКОВИЧ.

«Красное знамя», № 45, 5.6.1943 г.

ВОЕННЫЙ ВОДИТЕЛЬ АННА ЖЕНИХОВА

До войны Нюра Женихова жила в Асбесте и работала кассиром. Когда грянула война, она пошла на курсы шоферов. Прямо с курсов ее и еще нескольких девушек отправили на Ленинградский фронт.

Автобатальон, в который они были зачислены, обслуживал аэродром в лесах под Боровичами. Девушки должны были привозить на аэродром и подвозить к самолетам горючее, воду, бомбы, ездить за продуктами, перевозить солдат.

И все это они должны были делать, опираясь на свою месячную теорию и трехчасовую практику, которую они получили на курсах.

Поэтому по приезду к месту службы они первым делом стали учиться водить машину. На это им дали сроку два дня.

В первый день Нюра заливалась горючими слезами за баранкой и плохо понимала — то ли она ведет машину, то ли машина — ее. А на второй день почувствовала, что она кое-что может.

Сколько потом исколесила Нюра дорог за войну — не сосчитать.

Она возила бомбы, которые летчики сбрасывали потом на головы фашистов, державших в кольце блокады Ленинград.

Блокада с Ленинграда была снята в январе, а наши самолеты еще до весны бомбили оставшиеся в этих местах группы гитлеровцев. И только весной 1944 года аэродром переместился дальше на запад.

Закончился военный путь Анны Семеновны Жениховой (теперь Журавлевой), с 1962 года живущей в Верхней Пышме, в окрестностях столицы фашистской Германии — Берлина.

И. ПЛЕХАНОВА,
ученица школы № 1.

«Красное знамя», № 23, 21.2.1974 г.

СЛОВО О САМЫХ ПЕРВЫХ

Война помешала многому. С первых же дней ПМЭЗ перешел на новые условия работы. Вот сводка работы коллектива за 17 июля 1941 года. В ней перечислены имена людей, которые с первых дней войны показали высокую производительность труда. И среди них женщины. В электролитном цехе тов. Валимухаметова на правке листов систематически выполняет более полутора норм в смену. Тов. Клюева 12 июля, работая на приклепке ушков, выполнила норму на 125 процентов. Тов. Позднякова 11 июля, работая на правке листов, за 4 часа выполнила сменную норму на 170 процентов.

Свою решимость в борьбе с врагом женщины проявляли не только в труде. Лучшие комсомолки нашего рйона в апреле 1942 года добровольно уходили в ряды Красной Армии. От комсомольской организации нашего завода ушли на фронт Аня Каманева, Зина Глущенко, Лиза Моисеева, Зоя Спирина, Фрося Базуева, Юля Грязютина, Лида Радыгина, Пана Изюмова, Зоя Завьялова, Валя Кузьминская.

29 июля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение заданий Советского правительства по вводу мощностей, освоению новых видов продукции и обеспечению нужд обороны цветными металлами награждено орденами и медалями 8 работников нашего завода. Среди них медаль «За трудовое отличие» получила дежурная электропечей Капитолина Иванова Котова.

Во время войны наш медеэлектролитный завод был самым мощным электролитным предприятием страны и наиболее передовым среди европейских заводов данного типа. И рабочие, и работницы всех цехов вносили свой вклад в общую победу над врагом.

16 июня 1944 года состоялся слет стахановцев ПМЭЗ. На слете присуждались звания «Лучший рабочий своей профессии». Наряду с мужчинами эти звания были присвоены М. Синицыной и Мокрушиной — сцепщикам железнодорожного цеха, Е. Г. Кокшаровой — лучшему штукатуру, А. Н. Кузнецовой — теллурщице, Плотниковой и Шлаковой — лучшим работницам порошкового цеха, А. Задориной из ЖКО, А. А. Ощепковой — лучшему бухгалтеру ремонтно-механического цеха.

За годы Великой Отечественной войны наш завод во все возрастающих размерах обеспечивал нужды оборонной промышленности рафинированной и электролитной медью. Это было по достоинству оценено: коллектив завода занял первое место среди предприятий цветной металлургии.

Ведь недаром во время приезда на завод Серго Орджоникидзе они услышали такие слова:

— Прекрасный завод! Но имейте ввиду, что медеплавильные заводы стали на рельсы, выплавка черной меди повышается и скоро будет нажимать на вас. Учтите это и не теряйте перспектив. Не теряйте перспектив!...

Этим словам и ныне верен коллектив пышминских медеэлектролитчиков.

М. ГАНИХИНА.

«Красное знамя», № 29, 8.03.1966 г.

ОНИ ЖИЛИ ПОБЕДОЙ

В Балтыме не рвались снаряды, небо не рассекали зловещие стрелы ракет. Но война чувствовалась в тревоге за сыновей, братьев и мужей, ушедших на фронт, за полуголодных ребятишек, сбившихся в холодном углу избы и умолкавших, когда раздавался по радио голос диктора, рассказывавшего о положении на фронтах. Обсуждением этих новостей начинался каждый день на ферме.

Работа, работа, работа — единственное, чем могли помочь стране фронту балтымские женщины. И они отдали ей все свои силы, здоровье, молодость. Недаром сейчас почти не встретишь на ферме доярку или плотника, работавшего здесь в те годы. Задолго до пенсионного возраста им, рано потерявшим здоровье, пришлось оставить работу. На фронт ушли мужчины, и фронту были отданы почти все лошади, и на женские плечи лег труд, который раньше распределялся, быть может, на пятерых.

Тяжело было всем — и бессменному бригадиру — животноводу Анне Никитичне Шамаевой, и женщинам, ухаживающим за животными.

Можно удивляться сейчас, как умудрялись они получать надои и приплод от полуголодных животных, которых зачастую приходилось поднимать, чтобы они не упали от истощения и болезней. Только труд, беспримерный труд женщин мог сделать такие чудеса. Буквально сутками пропадали на ферме труженицы тех лет — Мария Тебенева и Клавдия Засыпкина, Елизавета Крапивина и Анастасия Кульбакова, Лидия Михайловна Возчикова и Шура Малых, Фекла Засыпкина, скотник Александр Надымов и другие. Сами питаясь лузгой, они хотели, чтобы лишний литр молока попал в госпитали, в дет-

дома и в больницы. Те немногие корма, что удавалось добыть, запаривали и берегли.

А их труд! На ферме часто не было даже света и приходилось доить коров при керосиновых фонарях, а прежде чем напоить или накормить животных, надо было самой принести не только корма, но и натаскать воды из колодца по 5 — 6 ведер на каждую корову, самой убрать навоз, принести дров и вымыть бидоны.

Кроме работы на ферме самим приходилось ездить на мельницу, косить сено, вскапывать грядки и выращивать свеклу и турнепс для своих коров. Руки женщин не останавливались даже в те короткие перерывы, которые выкраивались в поле или на ферме. Быстро-быстро мелькали в них спицы, вывязывая шарфы и рукавицы для фронтовиков.

Но кроме непосильного труда в память о тех годах осталось то особое чувство товарищества, высокой ответственности, что рождается в самые трудные годы.

Бригадиру не приходилось уговаривать людей идти на работу или добросовестно выполнять свое дело. Помнит Анна Никитична, как досталось проспавшим однажды матери с дочерью. Больше такого с ними не бывало.

В случае болезни доярки женщинам не могло прийти в голову оставить неподоенными, некормленными ее коров. Оставались все и справлялись за товарища сообща. Даже получив суровую солдатскую похоронку, женщина не могла остаться дома. Там, на работе, было легче забыться, перенести тяжелое горе.

Давно ушли в прошлое страшные военные годы. Но мужество сельских женщин, их беспримерный трудовой подвиг должен быть всегда образцом для работающих ныне.

К. ЛЕСНИК.

«Красное знамя», № 23, 22.2.1967 г.

ЗИНАИДА ФЕДОТОВА — ЖЕНА ГЕРОЯ-ФРОНТОВИКА

Пятьдесят шесть лет проработала стоматологом в Верхней Пышме жена героя-фронтовика, погибшего в 1944 году под Минском, Зинаида Васильевна Федотова: 10 апреля 1938 года поступила в амбулаторию Медного рудника и работала до 10 июля 1944 года. Тысячам рабочих рудника и обогатительной фабрики облегчила она зубную боль.

В начале войны осталась Зина одна с нетрудоспособной мамой и маленьким сынишкой на руках, проводив на фронт своего мужа Василия. Работала и ждала, ждала писем. И они приходили, ласковые и заботливые, и помогали ей жить.

Заработка не хватало, и она меняла вещи на продукты, подрабатывала на сушке торфа, на заготовке дров. А еще безвозмездно сдавала кровь в Фонд обороны. Ходила пешком в Свердловск на пункт переливания крови.

Желающих сдать кровь, в том числе и за деньги, было очень много, приходилось долго стоять в очереди. Тогда она стала с вечера уходить из дома в Свердловск к подруге, которая жила неподалеку от пункта переливания крови, ночевала у нее, а утром, пораньше, бежала в приемный пункт, чтобы быть в числе первых.

Муж, узнав от сестры обо всем этом, пишет с фронта: «Зиночка! Я узнал от Раисы, что ты здорово изменилась, похудела и неважно себя чувствуешь. Причина, по-моему, в том, что ты отдала много крови. Отдавать кровь для фронта — это благородный поступок с твоей стороны. Но учти, во всем надо знать меру, тем более с твоим здоровьем».

Много доброго сделала для людей эта скромная и такая красивая, несмотря на свой возраст, женщина. Наградой за это является всеобщее уважение верхнепышминцев. Спасибо же Вам за все, дорогая Зинаида Васильевна!

«За медь», № 19, 7.05.1997 г.

ВОСПИТАННИЦА КРАСНОЙ АРМИИ

Не женское это дело — воевать. Но пришла беда на нашу советскую землю — и тысячи женщин, девушек и даже девочек стали бойцами, взяли в руки оружие, надели солдатскую форму. Тяжело было на войне мужчинам — об этом они сами говорят. Но во много крат тяжелее — женщинам. Ведь им, как и мужчинам, приходилось переносить все невзгоды фронтовой жизни, над их головами так же свистели пули, они так же в любую минуту могли погибнуть. Если мужчины не могли сдержать слез, видя, какие зверства творили фашистские изверги на нашей земле, то что уж говорить о молодых девчатах!

Сегодня мне хочется познакомить читателей газеты с одной из таких девчат. Передо мной — анкета участника Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.

«Фамилия, имя, отчество — **Беляева Анна Петровна**.

Год, месяц и число рождения — 31 декабря 1926 года.

С какого по какое время служил в Красной Армии — с 1941 по 1945 год».

Уже эти скупые строки биографии Анны Петровны говорят о многом.

Все, конечно, знают, что в годы войны были сыны полка. Это были мальчишки самых разных возрастов, злою волею судьбы подхваченные пламенем войны осиротевшие дети, прибивавшиеся к различным подразделениям Красной Армии.

Ну, а что вы знаете о дочерях воинских чатей? Наверное, они тоже были. Но лично я впервые встретилась с женщиной, которая будучи еще девочкой, стала воспитанницей Красной Армии.

Когда началась война, Аня с матерью жила в Подмосковье. Уже в августе 1941 года пришла «похоронка» на отца. Мать не перенесла этого удара и тут же на глазах дочери скончалась. Так девочка осталась одна. 20 августа ее вызвали в военкомат. Оказывается, соседка Беляевых сообщила туда о том, что девочка осталась сиротой и просила куда-то ее определить.

Принял Аню ее однофамилец капитан Беляев.

— Что же с тобой делать? — рассуждал он сам с собой. — Детские дома все уже давно эвакуированы. Сколько тебе лет? Четырнадцать с половиной? Вот что, отправляйся в госпиталь. Здесь недалеко, на станцию Строитель. Там тебе найдут применение.

Так и попала Аня в госпиталь. Враг неудержимо рвался к Москве, и уже через несколько дней этот госпиталь превратился во фронтовой.

Числилась она санитаркой, а занималась всем, чем придется, что прикажут. Когда попала в действующую часть, надо было — кипятила чай, приносила обед командиру части. Однажды во время бомбежки ее оглушило. Попала Аня в госпиталь. Отлежалась. Ее хотели оставить здесь, определили было санитаркой по уходу за ранеными. Раненых было много, работы хватало. Присмотрелись к ней — ловкая, сноровистая, решили перевести в операционную. Но здесь работать она не смогла, слишком страшно было видеть страдания раненых, поступающих прямо с поля боя.

— Так и не получился из меня медик, — с грустной улыбкой говорит Анна Петровна.

После госпиталя — действующя армия, 11-й гвардейский инженерный санитарный батальон. Здесь уже ее определили связисткой-телефонисткой. Подучилась Аня, конечно, и стала работать по новой специальности.

А война шла. Но уже все чаще думалось о том, что будет после ее. И думала об этом не только сама Аня, но и ее старшие товарищи. Они понимали: надо девчонке какое-то гражданское дело в руки дать, чтобы после войны она могла на хлеб себе заработать. Ну, а что в армейских условиях можно придумать? И решили учить Аню на машинистку. А что — самое женское дело. Так и заканчивала Анна Петровна войну машинисткой в штабе 31-й Оршанской инженерной Краснознаменной бригады. И отмечен боевой путь А. П. Беляевой

медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За освобождение Праги», «За победу над Германией».

Ровно четыре года своей юной жизни отдала Аня войне. 26 августа 1945 года она демобилизовалась. Было ей всего восемнадцать. В такие годы не каждый еще на собственные ноги становится. А за ее плечами в восемнадцать были уже тысячи километров военных дорог, ее глаза видели столько, сколько в других условиях человек за всю свою жизнь не увидит. Вот поэтому и не может теперь Анна Петровна Беляева смотреть фильмы и слушать передачи о войне.

Уехала на Урал, к старшей сестре, вышла замуж, работала машинисткой. На комбинате трудилась с 1956 по 1980 год.

«Воспитанница Красной Армии» — записано в ее красноармейской книжке. И действительно, армия заменила ей родителей, дала ей профессию, воспитала.

Да, совсем не женское это дело — воевать. И единственное желание всех женщин-участниц войны, чтобы на нашей земле всегда был мир, чтобы их внукам не пришлось переживать того, что пережили они.

Л. НИКИТИНА.

«За медь», № 10, 6.03.1985 г

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Женское ли дело — воевать? Что может быть противоестественнее сочетания «женщина и война»? Но в лихую годину Великой Отечественной надели солдатскую форму, взяли в руки оружие тысячи и тысячи советских девушек и женщин. И были среди них совсем еще молодые девчонки из нашего города.

Много лет минуло с тех пор, как смолкли последние залпы орудий. В канун Дня Победы редакция провела встречу за «круглым столом» с женщинами-фронтовичками. Все они сейчас пенсионерки и на пенсию уходили с комбината. Их портреты можно увидеть в музее трудовой и боевой славы комбината на стенде, посвященном участникам Великой Отечественной войны.

Участие во встрече приняли заместитель председателя совета ветеранов Великой Отечественной войны и труда Ефим Петрович Благодарев и директор музея трудовой и боевой славы комбината Николай Павлович Шубин.

Слово им, Анне Петровне Беляевой, Екатерине Яковлевне Борисовой, Ксении Даниловне Лебедевой, Клавдии Петровне Бардышевой, Вассе Федоровне Пушкиной, Татьяне Васильевне Тришкиной, Екатерине Алексеевне Симисиновой, Марии Алесеевне Файзрахмановой, Татьяне Семеновне Пономаревой, Клавдии Николаевне Лучиной.

Е. Я. Борисова. Когда война началась, пошла я окопы копать. Под Москвой это было, я родом оттуда. Потом — лесоразработки. А в конце 41-го была я уже на фронте.

Попала под Сталинград. Ну, что такое Сталинград, я думаю, много рассказывать ни к чему — все хорошо знают.

В 43-м году нас перебросили в Подмосковье, в район Серпухова, Волоколамска, служила я в части аэростатного заграждения, сначала была ефрейтором, потом дослужилась до младшего сержанта.

Демобилизовалась в сентябре 1945 года. Как здесь оказалась? Приехала к сестре, да так и осталась. С 1949 года работала в шламовом цехе контролером ОТК. В 1970 году по инвалидности ушла на пенсию. Вот так и жизнь прожила.

К. Д. Лебедева. Перед войной я жила в Свердловской области, работала в сельпо бухгалтером. В июле 1941-го попала в армию.

В Омске закончила трехмесячные курсы поваров и получила звание старшего сержанта интендантской службы. Повезли нас в Архангельск, а потом — в Карелию. Здесь долго на одном месте мы не сидели — двигались вместе с войсками: солдат-то ведь кормить надо было, чтоб они воевали хорошо. Кочевали на лыжах в сопках с кухней. Таким вот образом дошла я до Петрозаводска.

Прослужила солдатом два года и в августе 1944 года вернулась домой.

В. Ф. Пушкина. Поскольку я медицинский работник, меня призвали в армию 18 июля 1941 года. Оказалась я в городе Ревде в школе, где надо было организовывать госпиталь. А уже 22-го июля пришел из-под Ленинграда эшелон тяжелораненых. Четыре дня мы их принимали, четверо суток никто не спал, мыли, обрабатывали раны. Здесь же и операции шли. Раны были запущены, на ранах — черви: эшелон шел из Ленинграда долго. Когда приехал профессор Лидский, он сказал, что это очень хорошо, что раны будут хорошо гранулировать, потому что черви поедали мертвые ткани.

У меня было три палаты. Палаты большие — по 18 — 20 человек, ведь это была школа.

Была у нас большая комсомольская организация. И вот несколько человек решили пойти на фронт — что, мол, мы будем здесь, в тылу. Шел уже декабрь 1941 года. Красная Армия оставляла нашу территорию. Из-под Харькова к нам на Урал были эвакуированы медицинские работники. И тогда появилась возможность послать нас на фронт.

Формировался в марте 1942 года первый эшелон девушек-добровольцев, уходящих на фронт. По первому призыву шли комсомольцы. Я попала с этим набором. И дальше служила уже не по своей специальности.

Направили нас на оборону Москвы. После краткосрочных курсов стали мы солдатами. Сначала я была рядовым, а затем — заместителем командира аэростатного поста.

Надо сказать, что перед войной молодежь у нас активно занималась в различных кружках Осоавиахима. У меня были значки «Готов к труду и обороне» и значок химинструктора. Эти знания, полученные в Осоавиахиме, мне очень пригодились, когда уже в армии, я была назначена химинструктором отряда, обучала своих подруг действиям в условиях применения отравляющих веществ.

Мы охраняли с помощью аэростатов Московскую кольцевую дорогу. Это был очень важный объект, ведь по ней шло вооружение, живая сила, гитлеровцы очень за ней охотились.

Спать нам приходилось не больше полутора-двух часов в сутки, аэростаты надо было периодически заполнять газом. Видели, наверное, в хронике военной поры кадры, где в московском небе висят аэростаты? Вот с таким оружием мы и защищали нашу столицу.

Когда закончилась война, я уже была коммунистом — в 44-м году вступила; нам, шести человекам, предложили работу в Главном Политическом Управлении Красной Армии. Работала я в бюро поисков. Мне приходилось по документам, письмам восстанавливать судьбы многих людей, в том числе и известных всей стране. Так, через мои руки прошел комсомольский билет Героя Советского Союза Александра Космодемьянского, брата Зои Космодемьянской.

Когда мы переходили в Политуправление, нас пригласил к себе командир дивизии и признался, что когда в начале войны он узнал, что к нему поступят на службу девушки, он опасался работать с нами: привык иметь дело с мужчинами. Но потом убедился, что эти самые девчата, вчерашние школьницы, способны проявлять настоящий героизм. Ведь аэростат — очень нежное оружие, его надо было и ремонтировать, и вовремя наполнять газом, чтобы держать в постоянной боевой готовности. Мужчин было восемнадцать человек в расчете, а нас в конце войны оставалось по восемь человек, и мы справлялись со своими заданиями.

— Многие европейские столицы были захвачены Гитлером, — сказал на проводах командир, — а Москву мы с вами сберегли. И сегодня я разрешаю вам выпить рюмку доброго вина.

В сентябре 1947 года я вернулась сюда, в родной поселок, потому что матери у нас не было и три мои сестры были в войну в детском доме в Перми, мне надо было их поднимать.

Немного уже боевых друзей теперь у меня осталось, но я со всеми поддерживаю связь. Фронтовая дружба для нас очень дорога.

А. П. Беляева. Что это мы все про войну, да про войну. Я расскажу не про войну. Вернее, тоже про войну, но о другом.

Служила я в саперной части. Стою как-то у дороги. Подходит ко мне молодой человек, танкист, и говорит: «Девушка, можно мне ваш адрес?» Я ему записала на бумажке, он положил ее в карман. И все, казалось бы, танкисты уехали — они разминировали дорогу. Я и забыла об этом случае.

Вдруг через некоторое время получаю письмо, я уже к тому времени телефонисткой работала. Письмо-угольничек. Смотрю: Беляевой от Беляева. Что такое, что за шутки, думаю, почему моя фамилия и вверху и внизу? Говорю сменщице своей: «Не буду читать, ерунда какая-то». А Маша-сменщица говорит: «От тебя не убудет, прочитай да изорви, если глупость».

Письмо начиналось так: «Наверное, нас судьба сведет, у нас и фамилия одна». И точно! Только я приехала домой — 26 августа 1945 года этого было, а в сентябре уж и он с отцом приехал. Свадьбы не было, бутылка вина да кралька колбасы коммерческой — вот и вся наша свадьба.

Несколько лет нас не регистрировали: фамилия-то у нас одна — Беляев и Беляева. И родом мы были из соседних областей. Вот и давай выяснять, не родня ли мы. Приказали справки собрать. А какие там справки, если наши родные места были под немцами, и архивы, видимо, не сохранились.

И уже только в 1949 году, когда мы приехали в Верхнюю Пышму, наконец, зарегистрировались. К тому времени у нас уже дочка была.

К. П. Бардышева. А я приехала в Пышму из деревни в 1939 году на время, да так здесь и осталась. Началась война, стали открываться курсы медсестер. Я записалась. Месяца два с половиной — три проучились мы, практику прошли. Я закончила курсы с хорошими отметками, и вскоре военкомат направил меня в госпиталь.

Стала я в нем работать. Однажды слышу: госпиталь сворачивается. Нам сказали, что мы направляемся в Москву, на фронт не поедем, так как являемся госпиталем глубокого тыла. Оборудование у нас было тяжелое, стационарное, и коечная система.

В Москве, однако, мы постояли всего несколько часов и отправились дальше, в Тулу. Госпиталь был переполнен ранеными, работать приходилось, ни с чем не считаясь.

Потом нас перебросили в Белоруссию, в составе 1-го Белорусского фронта мы были. Здесь немец много пакостил, каждую ночь бомбил наши войска, и нам постоянно привозили раненых. Мы не знали покоя и мечтали только о том, чтобы выспаться.

Так и двигались мы, и все считали, что мы в глубоком тылу. Доехали до Польши. На первой же стоянке нас встретила команда выздоравливающих, которая была направлена для того, чтобы подготовить помещение под госпиталь. Эти ребята нам и сказали, что гитлеровцы уже пристрелялись к этому месту: какой бы эшелон ни прибывал, они его из дальнобойных орудий разбивают начисто. Тогда наш госпиталь протянули в лес на пять километров, и таким образом мы не пострадали, разгрузились в кратчайший срок и приступили к работе.

В другой раз нам пришлось разворачиваться прямо в конюшне у польского бауэра — внизу была конюшня, а вверху — мельница. Мы в течение суток привели все в медицинский порядок и стали принимать раненых. Ох, сколько их было! Многих раненых мы здесь потеряли, потому что их было столько, что они лежали, как селедки в бочке,

только по команде все вместе могли поворачиваться. Врачам некогда даже было посмотреть, кого оперировать раньше, — они не отходили от стола, посылали нас, сестер, посмотреть, у кого начинается газовая гангрена, чтобы срочно принять меры. Страшно вспоминать.

После Польши была Германия. В Берлин мы прибыли 29 апреля, наш эшелон прошел через мост вторым после эшелона с боеприпасами. А на окраине города уже праздновали — май встречали, радовались, что войне конец.

В самом Берлине нас не оставили, а протянули еще на сто километров. Здесь мы снова развернули свой госпиталь, на этот раз в бараках лагеря, где содержались перед освобождением наши военнопленные. Вот сюда-то и стали поступать раненые немцы, которых мы принимали. Здесь шло разделение: эсэсовцев — в одну сторону, «простых смертных» — в другую. Мы работали с этими последними, для нас они были просто ранеными. Вот казалось бы, столько ужасов мы повидали, столько пережили, но ведь не ожесточились и лечили немцев так же, как и своих советских раненых.

Демобилизовалась я уже в 1947 году. Просила раньше — ведь столько лет дома не была, устала, но начальник госпиталя сказал: «А кто же работать будет?»

Е. П. Благодарев, заместитель председателя совета ветеранов войны и труда комбината. Я не буду рассказывать о своих боевых делах, а прочитаю только одно фронтовое стихотворение.

Дул суровый порывистый ветер,
И во фляге замерзла вода,
Этот вечер, ту зимнюю встречу
Не забыть мне нигде, никогда.
Я был ранен, и капля за каплей
Кровь горячая стыла в снегу.
Наши близко, но силы иссякли,
И не страшен я больше врагу
Дул суровый порывистый ветер,
Шел по-прежнему яростный бой.
Медсестра, дорогая Анюта
Подползла, прошептала: живой!
Ну-ка встань, посмотри на Анюту,
Докажи, что ты парень — герой,
Не сдавайся ты смертушке лихой,
Не сдадимся мы вместе с тобой.
И взвалила на девичьи плечи,
Хоть та ноша была тяжела.
Этот вечер, ту зимнюю встречу
Не забыть мне нигде, никогда.

Е. А. Симисинова. В сороковом году я приехала в Пышму с родителями. Война началась в июне, а накануне, 4 мая мы проводили в армию старшего брата. Он сразу попал на Калининский фронт, в Подмосковье. Так вот. Когда война началась, отец решил, что здесь мы не останемся, а поедем в родные места, под Воронеж. Училась я в то время в седьмом классе. Я уехала первой. Уехала, а на отца бронь наложили. Он работал грузчиком в железнодорожном цехе, один на весь завод остался. Так что пришлось мне жить с бабушкой, а родители — на Урале.

В 1943-м, в январе, немец от Сталинграда отступал, а наша деревня как раз на дороге стояла, вся она была полным-полна военными. И оружие, и танки. Нас куда девать, молодежь? Всех нас, комсомольцев, забрали на фронт. Пошли мы на станцию Байгурово, это

километров восемнадцать будет. Пошли в ночь, днем идти невыносимо. Было нас тридцать человек. Все девушки.

Вот. Пришли мы на станцию в военкомат. Всех зарегистрировали. Вроде бы хотели отправить нас в тыл, на Урал, но уж нельзя было. И отправили нас всех в Липецк. 300 девушек, пешком. Январь, холод. Снег летит, продувает, обувь всю разбили. В Липецке побыли мы пять дней.

Потом нас расформировали. Мы втроем попали под Воронеж. Сейчас одна моя подруга живет в Чебоксарах, жена моего командира, а другая — в Ростове, мы с ней переписываемся.

Попали мы втроем в Особую Дальневосточную бригаду. Там были и летчики, и моряки. Перебрасывали ее, где трудно было.

Под Воронежом ночью нас в блиндаж посадили. А мы думаем, что за погреб? Утром только поняли, что к чему. Пришел капитан, говорит: «Ну, где тут мои солдаты?» А мы в угол забились, боимся до слез. Я, видно, посмелее была, говорю: «А мы не солдаты, мы девчонки, воронежские...». А он говорит: «Так я вас ищу...» Ну, и повел нас в часть. Одели нас, обмундировали. Под Воронежем мы постояли и пошли в наступление на Курск. Туда я и попала, в самое пекло. Была я во взводе связистом-телефонистом.

Приходилось мне и на линию ходить, когда связи никакой нет. Бросаешь все и ползешь. Ищешь, где разрыв. Прицепишься с трубкой и не знаешь, чей кабель-то, наш или немецкий. Прицепишься, приползешь «домой», а тебе: «Ты к кому присоединилась? Все же немцы говорят...». А я: «Много кабелей, какой попал, к тому и прицепила». — «Ползи еще...». И ползешь назад, под обстрелом. Всякое было.

Когда Курск освободили, встали мы в оборону под большим украинским селом Постичи. Стояли до лета. А потом перед наступлением перебросили нас правее. Целую ночь шли. Прежние-то наши блиндажи хорошие были, лесок рядом, а там — голая равнина, и накаты на блиндажах слабые, леса-то нет. Окопалась наша пехота. И вот началась восьмичасовая артподготовка. Представляете, каково нам, не спавши-то. Я дежурила как раз. Не слышно ничего. Командир батальона то трубку схватит, то — ко мне. А пехота — лежит. Прямо как на ладошке. А немцы, когда отступали, пулеметчиков оставили, вот они и косили перекрестным огнем. Уже раненых с равнины везут, а мы с места — никак. Потом, видимо, немцы свои войска оттянули. Блиндаж наш осыпался, командир наблюдательного пункта трубку у меня схватил, связи нет... Ну, выскочил он и сам пошел в атаку. Тогда вся пехота поднялась за ним. И пошли, и пошли, и пошли...

У нас был очень хороший командир. Потом его направили в десантные войска. Солдаты очень о нем горевали. Вообще хороший у нас был комсостав всех рот. Старые, опытные командиры старались сберечь солдат, чтобы меньше были потери.

А потом мы шли на Харьков и на Киев. Тяжело вот что — друзей терять. У нас мальчик был — Вася Громов, линейщик. Маленький такой. Все за мной ходил: «Обрежь у шинели рукава, обрежь, а! А мне некогда было. Мы с ним на связь все время вместе ходили. Вот как-то раз пошли... Ползем, ползем, я оглянулась, а он перевернулся и глаза на меня вытаращил. Я ему: «Вася, Вася, ну что же ты молчишь?!» А ему, видимо, в шею сразу попало. Погиб.

Помню, шли мы развернутым маршем. Я — впереди, с аппаратом, автоматом, да еще катушка. Чуть остановились — связь давай с командиром. Пехота-то окапывается, а нам не до того. Только «размотаешься», другой приказ — сматывать. Вот так и идешь, и катушку на себе тащишь, аж шея вытягивается.

Вот как-то встали в оборону. Нас в летнее переобмундировали. Приехал командир нашей бригады Гусев. Выстроились мы. Командир стал выкликать: красноармеец такой-то! Дошла очередь до меня: «Красноармеец Мочалова!» Выхожу. А командир и спрашивает:

«Ульянов, ты где такое чудо взял?» «Никак нет, — отвечает наш командир, — это красноармеец Мочалова». Худая я была, да длинная. Так до конца войны и звали — «чудо». Обидно было, плакала.

А самое сильное желание послевоенное было — это отоспаться. Ведь как бывало на фронте, особенно ночью? Идешь, идешь, на ходу засыпаешь и как в яму на ходу — бух! Откуда только эти «ямы» брались, днем — все гладко.

Закончилась война, приехала я в Пышму, к родителям. 23 года в ОТК проработала. Потом заболела. Три сына у меня. Династия на заводе. И сыновья, и снохи. Это наше родное место. Отца до сих пор помнят. Ведь, бывало, в войну он за ночь один целый эшелон разгружал. Сильный был. Неделями с завода не выходил. А мать ему обед носила. Тоже в железнодорожном работала, только отлучаться могла. Вот так и жили.

Т. С. Пономарева. Должность у меня не из приятных. Призывалась я из Долматово Курганской области. Работала в детском доме. Очень мне жалко было детей оставлять. В то время была я членом бюро райкома комсомола. И вот ни с того ни с сего курсы у нас начались: как бюро организовывать и прочие оргвопросы. Оказывается, нас начали готовить для районов, которые уже освобождались в 1943 году. И была у нас такая секретарь райкома — Лемешенко. Она и говорит: «Давайте Татьяну направим в органы КГБ». Поехала в Москву. Нашла КГБ. Там как раз формировали группу особого назначения при 1-м Белорусском фронте. Начался 1944 год. Готовили нас день и ночь, уставали, спать хотелось — страсть.

Окончили учебу. Привезли нас на старую границу. Со старой границы пошли мы с частями. Работали оперативно. Знаем, что ночью должен перейти разведчик, торопимся на перехват. А опоздаешь, потом его не найдешь. Всегда мы должны были добраться до места вовремя, всегда успеть. И не всегда это было легко.

Помню, дело было весной. Как раз освобождали Варшаву. Вышла задержка на переправе. Полковник, который расталкивал транспорт, кроет всех почем зря. Пропустил наш автобус, а мы тут же на мину напоролись. Опять к полковнику. Пристроил на попутную машину, хоть нам и досталось от него.

Разные задания были, когда перешли мы за Вислу, на территорию Польши. Отправили меня как-то на задание в Лодзь. Все наши остановились в замке, а я переоделась и пошла. Человек, которого мы искали, должен был прийти в кафе. Вот и я направилась в кафе. Там с одной полькой переговорила. Она оставила меня переночевать у себя. А вечером слышу разговор мужской: надо, мол, переходить. Ну, думаю, спать некогда, как бы только выскочить. Оказалось, поймали мы старого разведчика, много раз переходил он и линии фронта, и границы.

В Берлин мы прибыли 30 апреля. Остановились, по нашим понятиям, надолго. Но нам уже готовили задание. Съездили в Дрезден. Видела я, как наши солдаты встречались с американскими. Дружно, хорошо. Мы уже знали, что 2 мая военные действия прекращены. Ждали подписания документов. Не повезло. 8 мая срочно самолетом отправили во Франкфурт-на-Одере. Там мы двоих ребят потеряли. А война уже кончилась.

После войны оставили меня работать за границей. Там же вышла замуж.

И все время детей вспоминала из детдома. Кстати сказать, они мне письма писали. До тридцати в день получала. Некому им писать было. Родителей-то расстреляли в 1937 — 38 годах. А я помнила, что в нашем детдоме одна руководительница всех вышивать заставляла. Говорила, в жизни пригодится. Так вот, я, где только могла, покупала эти мулине и отсылала их ребятам. Душа о них болела.

Т. В. Тришкина. Нас, пышминских, провожали 27 июня 1942 года. Я попала в Спасск, где окончила школу младших авиаспециалистов, работала радиотелеграфисткой. После

школы меня направили в Михайловку, в БАО-батальон авиационного обслуживания, в роту связи. Потом — в 252-ю штурмовую авиадивизию штабной телеграфисткой. Сидишь, бывало, всю ночь, принимаешь шифровки, а что в них — не понять, одни цифры. Даже в сон клонит.

Позже нас перевели в Ворошилов, но ненадолго. Началась война на Дальнем Востоке, и мы пошли в Манчжурию. Там-то меня засыпало однажды. Я дежурила на командном пункте, замаскированном. И вдруг меня накрыло. Голову стрясло.

До Пхеньяна дошла. Там тоже была в отдельной роте связи. Работала по-прежнему радиотелеграфисткой. Не из легких служба была. Особенно, когда через Маньчжурию шли. Жара, духота, кругом песок. Не так есть хочется, как пить. А воды нигде нет, ни ручейка, даже глотка негде взять. Тяжело было. А сама-то я — худая, высокая, сапоги большущие. Все ноги в кровь сбивала.

Закончила войну в Пхеньяне. Вызвал нас к себе командир роты Бурков и попросил: «Кто может, послужите еще. Не можем мы всех сразу распустить...» Так я до августа 1946 года и служила.

А как только демобилизовалась, домой поехала. Родители жили на Молебке. Отец — старый коммунист. Ему сейчас уже 90-й год пошел. Из семьи меня на войну одну взяли. У отца — бронь. Он тогда начальником механического цеха на торфопредприятии работал, а из детей я была самая старшая.

Из женщин, которые меня провожали, некоторые и сейчас живы. Плакали тогда. Не только потому, что меня жалели, а многие к тому времени уже похоронки на мужей получили. Вот. Работала я на торфопредприятии до 1958 года. Потом его закрыли. Еще 20 лет отработала в детском комбинате № 5. Потом в охрану пошла. Голова все болит. По молодости значения не придала, а с возрастом вот как обернулось.

М. А. Файзрахманова. Я пышминская. В 1939 году поступила на обогатительную фабрику. Когда война началась, в клубе ИТР (был такой возле Центральной шахты) открыли медицинские курсы. Я первая пожелала на них пойти. И работала, и училась. Окончила их с отличием. Врачи на курсах все наши преподавали. Я была очень активная комсомолка. И вот всех нас, окончивших курсы, вызвали в райком комсомола. Спросили: согласны ли идти на фронт. Мы все согласились. Но вместе служить не довелось. Всех рассортировали. Даже в санчасть я не попала. А попала в автороту при батальоне аэродромного обслуживания. Пять девушек нас туда привезли. Обмундировали, обучили водить машины и повезли в город Ворошилов, где мы сдали на права.

Получили машины и стали обслуживать две эскадрильи. Девушки работали на спецмашинах: бензовозах, стартерах, санитарных. Когда на Западе война кончилась, я была в разъезде. Помню, только заезжаю в часть, а там такое творится! В казарме пыль до потолка: война кончилась!

А вскоре началась война с Японией. Привели мы машины в порядок, сами собрались и своим ходом на войну.

На каждом аэродроме в освобожденных местах принимали мы самолеты. Примем, обслужим и едем дальше. Конечно, девушкам в колонне ехать было очень трудно. Я ехала в первой колонне транспортного взвода, вторая колонна — спецвзвод — специальный — это бензовозы, стартеры. В каждой кабине сидел офицер. Он с автоматом и шофер с автоматом. До перекрестка доезжаем, командир выходит. А на перекрестке надписи. В такую-то часть — сюда, в другую — туда. Посмотрели: часть майора Мельникова — направо.

Проезжали селенья — трубы торчат. Все сожжено. Остановились, палаточный городок разбили. А питание нам подвезти не успели. Несколько машин мы отправили раздобыть продовольствие. Тут мы двоих потеряли. Привезли капитана — начальника технической службы и одного шофера убитыми. Мы тут же их похоронили, а на утро выехали.

Доехали до места. Заняли бараки, где раньше японцы были. Опять обслуживали летную часть.

Демобилизовались мы все пятнадцать человек. Я приехала домой 15 ноября. Вернулась домой, снова устроилась на обогатительную фабрику и работала до 1976 года.

К. Н. Лучина. В 1940-м окончила я десятилетку. Хотела в институт, да обучение платным объявили. А у меня отец умер в 1936 году — платить не из чего было. Работал отец на строительстве завода с 1929 года. В 1930 нас, семью, привез. В то время еще дикие козы здесь бегали, тайга была кругом. Стоял только старый поселок, потом построили первые дома. Самое благоустроенное по тем временам жилье.

Как война началась, я на курсы медсестер пошла при школе № 2. Два месяца теории на курсах, месяц — практики. Потом нам объявили: сто десять часов военной подготовки. Курсы-то я кончила, но врачебная комиссия меня не пропустила, с глазами неладно.

Вечером 26 июля, помню, простилась я с девочками, которых взяли. А мы вдвоем с подругой не прошли. Она пошла спать. А я села на завалинку. Мать должны были вызвать на работу. Она в медеплавильном цехе работала на розливе по вызову. Ну, я сижу, жду. Обида гложет: в институт не пришлось поступить, на фронт не взяли. Вдруг посыльный из райкома комсомола: «Лучина здесь живет? Тебя вызывают».

Оказалось, кто-то ехать не может по семейным обстоятельствам. Меня спросили: «Согласна?» — «А что, — говорю, — согласна. Только вот врачебная комиссия не пропускает». «Какая комиссия, — говорят, — в семь часов выезжать уже надо».

Уезжать, так уезжать. Повестку заполнили. Домой прибегаю и к соседке. Так, мол, и так... Соседка: «Ой, я тоже побегу!» Выдали и ей повестку. Мы обе радехоньки. Пошли в медеплавильный, вымылись. А сами переговариваемся: «Кое-кому не скажем, а не то тоже побегут». Утром 27-го встретились с девчатами, с которыми распрощались накануне, и — в путь.

Привезли нас в село Никольское. Везли 62 вагона товарных. Только нары сделали. Свердловкие и пермские девчата. От села недалеко был аэродром. Там и отбывали карантин. А потом кого куда. Меня отправили в Спасск, учиться на радистку. Школу окончила, и после 7 ноября нас распределили по частям. Я попала в совершенно новую часть. Было это в конце 1942 года. Так до марта 1945 года и сидели все на одном месте.

Я держала связь с командующим армией. А когда границу пересекли, держала связь передовых частей со штабом армии. Сама я на передовой не была, так что особенно страшного ничего не видела. Один только раз бомба упала. Нашего командира оглушило, но он скоро в себя пришел.

И хоть ужасов войны не видела, тяжести ее хватило за все года. Парней-то было всего двое — шофер да механик. Остальные девчонки. И вот мы любую работу выполняли, как и парни. На дежурство в сопки далеко, за семь километров, ходили.

А обувь какую нам дали! Ботинки 42-го размера, когда носила я 33-й. Я как ступила в них, не расшнуровывая, так и выскочила. Ходила в том, что из дома привезла, да еще тапочки сшила из портфеля. Ходили еще в белых матерчатых тапочках, а ведь на дворе-то стояла поздняя осень.

Когда учились в школ радистов, нас посылали в колхоз работать. Собирали кукурузу. Воды на полях — по колено. А вода ледяная. Зайдем, пособираем, выскочим, обогреемся мало-мальски и снова в воду. Все перепростыли, куриная слепота началась. Из питания — одна мерзлая картошка. Обмоем ее мало-мало и в котел. Да климат для нас непревычный, тяжелый: ветер, слякоть. Наши сорокаградусные морозы лучше.

В. Ф. Пушкина. А мы... За тридцать километров ходили аэростаты заправлять. Тридцать километров туда, тридцать — обратно и все пешком. А если ветер, непогода? Или бомбежка? Все бегут в убежище, а нам нельзя.

И после войны немало пришлось испытать. В мирную жизнь пришла в юбке, гимнастер-

ке и сапогах. К ноябрю денег скопила. Купила туфли за 970 рублей. Не успела порадоваться, обокрали. Хорошо, хоть документы сберегла.

И вот что хочу сказать, выжила я тогда благодаря своим друзьям, полковнику Верхотурову — начальнику отдела, парторгу Рубинштейну.

А как охота было есть! Шли мы как-то с аэростатами. Смотрим: женщина капусту охраняет. Попросили. А она отвечает: «Я за будку пойду, а вы, солдатики, возьмите...». Взяли мы и буквально растерзали эту капусту. Тяжело быть, очень тяжело.

Н. П. Шубин, директор музея боевой и трудовой славы комбината. Я даже не предполагал, что услышу такие содержательные воспоминания. Жаль, что у меня нет таких воспоминаний в музее. Но теперь этот пробел восполнится. Воспоминания будут напечатаны в газете и войдут в историю. Так что ваши внуки, правнуки, приходя в музей, увидят и узнают, какие вы были. Вы — настоящие герои были, но этого вы не чувствуете за собой. Вы ведь жизнью рисковали. За это всем вам спасибо! Пользуясь случаем, поздравляю вас с Праздником Победы! Желаю вам всего хорошего, а самое главное — здоровья, счастья!

Беседу записали М. ОСЕНКОВА
и Л. НИКИТИНА.
«За медь», № 18, 4.5.1989 г.

СТРЕЛОЧНИЦА МАРИЯ ПАВЛОВНА ЯНОЩУК

Наверное, не ошибусь, если скажу, что в железнодорожном цехе все знают Марию Павловну Янощук. Восемнадцатилетней девушкой в 1937 году она пришла на завод и вот уже 50 лет работает стрелочницей.

Хорошо помнит Мария Павловна начало Великой Отечественной войны. 22 июня она работала в ночную смену и, придя домой, не смогла отдохнуть: ее разбудили крики людей: «Война началась!»

На месте коллективного сада, что около здания управления рудника, был раньше клуб. Вот оттуда и отправляли на фронт отцов, братьев и сыновей жители нашего города. По громкоговорителю передавали сообщения Информбюро. В предчувствии большого горя все плакали. Ушло на фронт и много работников железнодорожного цеха. Кому же теперь было работать, ведь машинисты паровозов и составители поездов — чисто мужские профессии? Во время войны пришлось управлять машинами женщинам.

На постах у стрелочников не было электрических фонарей. Ночью они работали с керосиновыми лампами. Керосина часто не хватало, а безопасность движения надо было обеспечивать в любом случае. «Вот и бежишь иногда вдоль состава сквозь темень, — вспоминает Мария Павловна, — кричишь и машешь машинисту».

Да, очень трудно было в то время. Людей валили с ног голод и болезни. Не дождавшись смены, Мария Павловна работала порой по полтора суток без отдыха. И чему тут удивляться? Молодая девушка не считала это особым поступком. Так напряженно трудились люди на заводе все четыре года войны.

С улыбкой вспоминает Мария Павловна о том, как после войны с товарищами по работе она получала медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В такой день хотелось нарядиться, да не во что было. Одетые в непарные башмаки, в старых платьях и переделанных юбках, они стеснялись зайти в кабинет председателя райисполкома. Но Г. М. Широков успокаивал их: « Ничего, скоро ситца в магазинах много будет!» Не верилось в это женщинам. «Какой уж тут ситец. Хоть бы хлеба досыта поесть», — говорили они между собой. Но вскоре отменили карточную систему, появился хлеб в магазинах. Как люди радовались, что на прилавках лежит хлеб и можно брать

его без ограничений! Мария Павловна смеется: «Не столько ела, сколько любовалась полными прилавками». После отмены карточной системы и жить стало легче.

Хорошо запомнились Марии Павловне Янощук те напряженные годы войны, и со страхом она думает, что может принести новая война.

З. ГАРГАЛА, нормировщик.
«За медь», № 18, 6.5.1987 г.

ДЕВУШКИ СОРОКОВЫХ

Война пришла и перепутала, сломала судьбу каждого. Мужчины горели желанием работать, а пришлось брать в руки оружие и воевать. Женщины мечтали о большой крепкой семье и радостном смехе детей, а становились вдовами и, отрывая от себя последний кусок, растили сирот. Девушки хотели любить и веселиться, а женихов отняла война. Она украла у них лучшие годы, превратив молодость в тяжкий труд. Сегодня они бабуши. Из памяти их не стерлись ни трудности, ни радости военных лет. Они не клянут судьбу, что послала им такие жестокие испытания. Они понимали: надо было работать, чтобы победить.

Людмила Ивановна Платонова

Я приехала на Медный рудник в 1935 году. Только что закончила 10 классов, а мне предложили возглавить детскую библиотеку. Я еще ничего не умела, а начинать приходилось с нуля. Спасибо, помогла детская библиотека Уралмаша. Да и заведующая библиотекой клуба Цветмет Р. И. Квасман помогала.

Но мне хотелось работать на заводе и через год я перешла в ОТК. Была учетчиком, принимала результаты ночных дежурных: сколько выдано годной продукции, сколько брака, сведения по составу электролита. Мне хотелось подняться еще на одну ступеньку — я перешла работать в лабораторию. Постепенно научилась делать анализы всей продукции.

Энергии у нас, молодых, было много. Когда открывали в поселке радиоузел, я была там диктором. Организовали волейбольную команду, успешно играли с командами предприятий цветной металлургии Урала и даже ездили на финал в Москву.

Все шло хорошо. Только живи да радуйся.

22 июня 1941 года была прекрасная погода, воскресенье. Мы весь день отдыхали на Балтыме. Вернулись уже в 5 часов вечера. Зашли попить в первую столовую и увидели там Зиночку — нашего первого зубного врача. Она и говорит: «Девочки, вы слышали: война? Идите к клубу Цветмет, там все собрались». У клуба люди слушали радио.

Назавтра уже пошла мобилизация. Уходили на фронт рабочие, молодежь со школьной скамьи, девушки на защиту Москвы — Зоя Завьялова, Зина Глущенко, Пана Изюмова и многие другие.

А нам, оставшимся, надо было работать не вдвойне, а втройне даже: без отпусков и выходных. Кислоты, щелочи, химической посуды не хватало. Однажды вызывает меня главный инженер и говорит: «Около Казани есть эвакуированный из Ленинграда стекольный завод, поезжай, получишь и отгрузишь посуду». Поехала и жила там до тех пор, пока не отгрузила вагон посуды. Но хватило ее ненадолго, опять та же прблема. Но потом завхоз Лучинин предложил делать колбочки из перегоревших лампочек, это здорово нас выручило.

Было очень тяжело, но мы работали под девизом «Все для фронта, все для победы!» Так прошла война, и дожили до 9 мая. Но многие не вернулись, в каждой семье были погибшие. 23 июня ушел на фронт мой брат, было четыре открытки из-под Ленинграда и последнее письмо: «Пропал без вести».

Елена Константиновна Языкова

Вместе с девушками я ехала на защиту Москвы, но не прошла медкомиссию. В июле 1942-го приехала на рудник, стала работать флотатором на обогатительной фабрике. Все

знают, насколько важна была продукция медеэлектролитного завода для победы, настолько же важна была и продукция рудника — кобальт.

Процесс обогащения руды идет непрерывно. Флотатор должен и технологию контролировать и смотреть, чтобы моторы не перегревались. У меня этих моторов было 90, и они все время горели. Только и бегаешь всю смену от одного к другому. На обед ходила после всех, чтобы быстро поесть и бегом назад вернуться.

Во время войны смена была 12 часов, набегаешься, отдохнуть бы. А тут говорят: «Пришли вагоны, надо концентрат грузить». Идешь и грузишь.

Был 1942 год, шли похоронки. Придешь на смену в раздевалку, а там разговоры: та получила похоронку, тот ранен. Такая беда многих не миновала.

Мне предложили работу начальника отдела кадров и также я стала секретарем комсомольской организации рудника. Работали у нас мальчишки, отцы которых ушли на фронт. Они оставили школу после 5 — 6 класса, для них организовали школу рабочей молодежи. Нужно было заставлять ребят учиться. А как? С начальником рудника Аграмяном решили так: всем, кто пойдет в школу, дать ботинки. Некоторые начали учиться.

Мальчишки работали наравне со взрослыми. Т. Ваулин в 14 лет был лучшим слесарем по ремонту шахтных вагонеток. Его фото висело на Доске почета рядом с лучшими шахтерами.

Клавдия Андреевна Карачева

Я приехала в поселок и поступила на фабрику в 1940 году, а в 41-м уже была зав. лабораторий. Через месяц после начала работы избрали комсоргом.

В войну работать было очень тяжело. Когда закончились запасы химреактивов и посуды, просто бедствовали. Уже говорили, что на заводе вместо колб использовали перегоревшие лампочки. И мы тоже в таких колбах растворяли. Воронки делали из бутылок, электрики обрезали ровно горлышки горячей спиралью. И почти безвыходное положение было с мерной посудой. Иногда оставалась одна колба, горлышко отбито, только мерка целая — нас и это устраивало. Измеряли все одной этой колбой, споласкивали ее бесконечно.

Несмотря на такие тяжелые условия, качество анализов было хорошее. Рекламации поступали редко. А если и поступали, то мы ехали на тот завод, делали совместные анализы и всегда подтверждали правильность своих результатов.

31 декабря 1942 года был выходной день. Вызвали нас в партком, секретарь парткома М. И. Дементьева говорит: «Идут завершающие бои под Сталинградом, а у нас положение плохое, не выполняем план по добыче руды». Нам всем предложили спуститься в шахту. Нас отправили на шахту «Центральная», одели кого во что. Мне достался костюм И. Ф. Бороздина и его красноармейский шлем. Спустились в шахту, кто встал на отбойку, кто — на погрузку. Потом говорят: «Нужны два человека на откатку вагонеток на эстакаду». А там продувало всеми ветрами, холод невыносимый. Пошли комсорг да парторг — я да моя подружка Лидия Николаевна Зубарева. Катали вагонетки к бункеру, переворачивали их. Руда мокрая — в шахте-то тепло по сравнению с эстакадой. Руда быстро пристывала к вагонеткам, приходилось нам ее отколачивать кувалдой. Казалось, не кончится эта ночь. Но мы отработали. Утром слышу, кто-то говорит сзади меня: «Это что за парнишка бегает за вагонеткой?» Смотрю, а это И. Ф. Бороздин смеется. Спустили нас в шахту 31 декабря часа в 4 дня, а подняли утром в 10, так и встретили 1943-й год. Пригласили нас в столовую, накормили, поздравили с Новым годом и с выполнением плана за месяц и за год. Мы разошлись домой и спали целый день.

В самом начале войны мы начали собирать теплые вещи для фронта. Девчата вязали варежки, покупали в аптеке вату, посудницы, уборщицы пряли ее, а мы учились вязать. Каждую свободную минуту брались за спицы, вязание всегда было с собой.

Зинаида Борисова Санникова

В мае 1943 года я приехала из деревни к сестре. Мне было 15 лет, пришла в отдел кадров завода, а меня не принимают. Я реветь. Все же приняли в цех БМ сварщиком — листы металла сваривать. В 1944 году перевели в ОТК. Потом металл перестал поступать, цех БМ стал закрываться. Нас отобрали человек 40 — 50 и отправили в Свердловск клеить чуни для электролитного цеха. Жили мы там всю неделю, домой приезжали только на воскресенье. Однажды в большом пакете, куда грузили чуни, мы нашли бидон подсолнечного масла. Обрадовались, еда-то тогда была не ахти. Привезем с собой картошки, с маслом очень хорошо. А как масло выносить? Хлеб выкупим, вырежем середину, масла туда нальем и идем через проходную. Но все масло мы не успели съесть, бидон куда-то делся.

Месяца два-три мы так работали в городе, а потом меня перевели в ремонтно-строительный цех, разнорабочей в подвал электролитного цеха. Тут-то я и поревела. Месяцев через девять я оттуда выкарабкалась. Стала работать в отделе труда статистиком. Война уже закончилась, было много военнопленных, я писала наряды. В 1947 году К. И. Шахмаева (она работала в отделе труда) говорит мне: «Поступай в техникум». Я стала учиться. В 1950 году меня перевели нормировщиком в железнодорожный цех, 35 лет, до самой пенсии, я там и работала.

Сладкого во время войны было мало, но молодость брала свое. Помогать мне было некому, родители в деревне жили бедно. Я приехала сюда в одном платьице, а одеваться-то хотелось. Сэкономишь хлеба, продашь, купишь что-нибудь из одежды. Ходила полуголодная. Бывает, поможешь в столовой вымыть тарелки, тебе супу крапивного плеснут — и то ладно. Люди помогали друг другу. Когда работала в Свердловске, потеряла карточку. Меня не оставили в беде, помогли.

Прасковья Афонасьевна Широкова

После окончания техникума я работала на Севере — в Красноярском крае, на золотодобыче. У меня было двое маленьких детей, сын болел, врачи посоветовали уехать с Севера. Но так просто не уедешь — война. С Еленой Константиновной Языковой мы вместе учились в техникуме, переписывались, я ей рассказывала о своих трудностях, и она в 1944 году сделала мне вызов на Медный рудник. Из Красноярска я добиралась сюда полмесяца. Все время отправляли эшелоны на фронт, а мы стояли, дожидались. Как я сумела с детьми доехать тогда, не представляю.

Начала работать в электролитном цехе. Когда зашла туда первый раз, остолбенела: идет мужчина, одна штанина у него есть, другой нет, одежда вся обтрепанная, в дырках. Говорят: это дежурные по электролизу. Дежурными по циркуляции женщины были, от кислоты их одежда тоже была в дырочках, но все равно они аккуратно одевались — женщины есть женщины.

Работала нормировщиком в цехе. После смены бегу быстрее за детьми. Они были хорошо устроены: сын — в детском саду, дочь — в яслях. Для меня это было главное, о них там заботились, кормили хорошо. После войны, мне кажется, мы больше голодали. Приведу детей из садика домой, они наедятся, а уж что останется, сама поем.

Анна Георгиевна Шаманаева

Мой отец был первостроителем Пышминского медеэлектролитного завода. В семье было пятеро детей, я — самая старшая. В 1935 году брали учеников в лабораторию, и я пришла туда, выучилась на лаборанта, там и работала до самой пенсии.

Отец наш болел и рано ушел из жизни. Брат Саша после 10 класса ушел на фронт и не вернулся. Тяжело было во время войны: работа, работа. Выпадет редкий выходной, и вдруг надо срочно отправлять металл. Так диспетчер пошлет за нами рассыльного на лошадке, он нас по домам соберет — и опять на работу.

Есть хотелось постоянно. Получишь хлеб, разрежешь его на маленькие кусочки, кажется, что его много. Сперва один съешь, потом еще один.

Но праздникам все равно радовались. На Новый год мы с Людмилой Ивановной Платоновой ездили на ночной концерт в театр музкомедии. Натанцевались, а автобусы плохо ходили. Подвезли нас немного на попутке, потом до деревни Пышмы шли пешком. Было холодно, мы сильно замерзли. Смотрим, огонек горит в домике. Постучали, открыла бабушка. А у нее печка топится. Мы к этой печке прилипли. Она нас чаем напоила. Все сокрушалась, что мы ночью в такую даль в мороз пешком шли. А мы отогрелись и дальше домой отправились.

Елена Константиновна Языкова

Ваш брат Саша, когда был старшеклассником, писал дневник. Он погиб, а память о нем хранится на этих страницах юношеского дневника в городском музее. Это записи о товарищах и девушке, с которыми он дружил, и вместе с тем рассуждения взрослого человека о войне и судьбе Родины. К 40-летию Победы музей готовил экспозицию, приходили девочки в музей, мы читали им этот дневник. Он так их взволновал, что они переписывали для себя его страницы.

Записала Лидия ЗИМОВСКАЯ.
«За медь», № 46, 4.12.1994 г.

ЦЕНА ПЯТИДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ПОНОМАРЕВЫХ

Екатерина Александровна Пономарева и ее мать Федосья Петровна во время войны внесли на строительство танка пятьдесят тысяч рублей.

Передо мной сидит седая женщина со спокойными серыми, немного усталыми глазами. «Это было зимой 43-го», — вспоминает она.

Екатерина Александровна с трудом отыскивает две побуревшие от времени бумажки, простодушно говоря: «Хотела выбросить, не знаю, как и сохранились...». Это квитанции под номером 014. Одна выдана Екатерине Алесандровне на двадцать пять тысяч шестьсот восемьдесят восемь рублей, другая — ее матери на двадцать четыре тысячи триста двенадцать рублей. Женщны отдали все деньги, которые у них были, до последнего рубля...

Еще один волнующий документ отыскала Екатерина Александровна среди бумаг — черновик письма своей матери к И. В. Сталину: «...пусть боевая машина, построенная на мои трудовые средства, беспощадно разит немецких оккупантов...».

«Чтоб собрать деньги, мама продала корову, — продолжает рассказ Екатерина Александровна. — А люди-то разные бывают. Иной с усмешкой посмотрит: «Лишние, значит, деньги были, коль отдала», — в голосе Екатерины Александровны звучит обида.

Екатерина Александровна родилась в 1907 году в маленькой деревушке Фомино Арамильского района Свердловской области, в семье батрака. Плохонький домишо был полон сестер, братьев, племянников. Отец батрачил на мельнице, а муку маленькая Катя видела только пылью на его одежде. Есть было нечего.

Революция в их деревню пришла вместе с красными частями, но вскоре появились беляки, и красногвардейцы укрылись на озере за болотом. Катя хорошо знала дорогу: иногда ходила туда с отцом рыбачить...

...Мимо поляны, на которой был раскинул лагерь беляков, скакал жеребенок с десятилетней девчушкой на спине. Шальная пуля просвистела у щеки. Лошадь понесла в болото... С кочки на кочку, с жеребенком в поводу, добралась Катя до своих, отдала им узелок с хлебом. Здесь был весь хлеб семьи. Это были первые уроки мужества и щедрости, которые преподнесла Кате жизнь.

«В феврале 41-го я пришла на Пышминский медеэлектролитный завод. Сначала рабо-

тала весовщицей на складе готовой прдукции, потом стала этим складом заведовать. Через три года после войны начала работать контролером ОТК, потом ушла на пенсию. Всего на ПМЭЗе проработала 22 года».

Среди других документов я отыскала свидетельство о рацпредложении, которое внесла Е. А. Пономарева. Сам по себе этот факт не вызывает удивления, но вот маленькая деталь: образование-то у Екатерины Александровны всего два класса.

Мы уже прощались, когда Екатерина Алексадровна сказала мне: «Очень бы хотелось узнать, что стало с моим танком».

Может быть, красные следопыты заинтересуются судьбой танка, подаренного фронту нашей землячкой?

И. ПЛЕХАНОВА,
студентка Уральского университета.
«Красное знамя», № 68, 7.6.1975 г.

50 ТЫСЯЧ — НА ЭСКАДРИЛЬЮ

С первого дня войны лозунгом жизни каждого советского человека стали слова: «Все для фронта, все для победы!» Люди не только самоотверженно трудились на производстве, забывая о сне и отдыхе, но и вязали теплые вещи, собирали посылки на фронт, вносили личные сбережения на строительство боевой техники.

Были такие люди и на Пышминском медеэлектролитном заводе. Одна из них — работница заводской лаборатории Екатерина Александровна Пономарева, человек исключительно чуткой, доброй души. Она пришла на завод 2 февраля 1941 года и проработала 22 года.

«Мы хотели с мамой Федосьей Петровной Пономаревой купить домик. Долго копили деньги, во всем отказывали себе, — рассказывает Екатерина Александровна. — Но началась война. Сразу все изменилось, и наши планы тоже. Судили мы, судили и решили помочь государству в трудный момент».

И сейчас бережно хранит Екатерина Александровна квитанции, в которых значится, что 29 декабря 1942 года Федосья Петровна Пономарева внесла на счет № 0114 на строительство авиаэскадрильи «Уральский колхозник» 25688 рублей, а 4 января 1943 года — на строительство авиаэскадрильи «Свердловский комсомолец» 24312 рублей.

Низкий Вам поклон, Екатерина Александровна, за бескорыстие, патриотический порыв, проявленные в тяжелые для нашей Родины дни Вами и Вашей мамой. Сколько бы ни прошло лет, верю, с восхищением будут знакомиться с документами, рассказывающими о Вашем примере, посетители Верхнепышминского городского исторического музея.

Л. НИКИТИНА.
«За медь», № 24, 17.6.1981 г.

СЧЕТ № 014

Декабрь 1942 года. Война где-то далеко, за Уральским хребтом, и все же рядом — в каждом доме, в каждой семье. Редко кто не проводил на фронт сына, мужа, брата, а по иным адресам пришли похоронки. Суровое время. Горькие испытания.

...Работница Госбанка поднимает глаза от бумаги, которую начала заполнять: «29 декабря 1942 года. Принять от Пономаревой Федосьи Петровны на счет № 014 25688 рублей». В загрубевших, потрескавшихся от мороза руках женщины аккуратная пачка денег. Объясняет, как может: «Натерпелись-то мы от помещиков. Неужто опять под господами, под немцами этими ходить? Да не бывать тому! Пусть на деньги мои и дочкины построят танк или еще какую боевую машину». А в январе 1943 года от Федосьи Петровны Пономаревой на счет № 014 поступает 24312 рублей...

В Верхней Пышме, в доме № 5 по улице Чайковского живет дочь Федосьи Петровны Екатерина Александровна Пономарева. Удивительный это человек!

Кончилась война, и долгое время никто в нашем городе не знал о гражданском подвиге матери и дочери Пономаревых. Лишь однажды решилась обратиться за помощью в профком родного медеэлектролитного завода Екатерина Александровна. Сослуживец посоветовал: «Да неужто ты, Екатерина, не заслужила лучшего жилья? Вы ведь с матерью ничего для победы не пожалели, все свои сбережения отдали!» Вскоре Пономаревой выделили двухкомнатную квартиру. Не имея собственных детей, всю жизнь Екатерина Александровна заботилась о других — не только родственниках, но и людях совсем для нее чужих. В послевоенные годы Екатерина Александровна жила в маленькой комнатушке в бараке, но не пожалела она места и сердечного тепла для эвакуированной девушки, относилась к ней, как к родной дочери.

Хорошо помнит Екатерина Александровна свое трудное детство и то, как жили они с матерью в военное лихолетье. Екатерина Александровна рассказывает: «До революции наша семья жила очень бедно. Помню, как умирали совсем маленькими мои братья и сестры. Однажды папа заболел, и тогда семье пришлось совсем худо. Мама пошла к богачу просить муки. Потом ей за эту муку пришлось три лета гнуть спину на кулака.

...Перед войной мы переехали в Верхнюю Пышму. Здесь я работала в магазине № 2, а в феврале 1941 года оформилась на медеэлектролитный завод. Всю жизнь мечтали с мамой купить себе домик, во многом себе отказывали, чтобы скопить необходимую сумму. Но началась война, и все переменилось. Мы с мамой решили помочь нашей стране. Все сбережения отдали для фронта, для победы».

Двадцать два года проработала Е. А. Пономарева на медеэлектролитном заводе. Работала всю жизнь честно, не пугалась трудностей, не искала легких путей и никогда не требовала для себя особых благ.

Готовясь отметить 40-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне, мы обязаны вспомнить добрым словом всех героев фронта и тыла, всех простых русских женщин, которые, как мать и дочь Пономаревы, ничего не пожалели для победы над врагом.

В. ГРИНЕВИЧ.

«Красное знамя», № 117, 29.9.1984 г.

ПОДВИГ ПОНОМАРЕВЫХ

Много лет сотрудники городского исторического музея ведут поисковую работу, собирают документы, чтоб сохранить память о людях нашего города, чьи дела и поступки были направлены во имя добра и счастья, во имя нашего Отечества.

Пономарева Федосья Петровна и ее дочь Екатерина Александровна. Две жизни. Две судьбы. Что мы знаем об этих людях? Почему их фотографии находятся в городском музее?

Тяжелая доля женщины-матери досталась Федосье Петровне. Кроме Екатерины, было у нее еще три дочери и три сына, всего семеро детей. Мужа схоронила она рано, так и не успели они вместе достроить новый дом. А потом и детей своих потеряла Федосья Петровна. Как известно, одна беда не ходит. Так вот и осталась доживать свой век с единственной оставшейся в живых дочерью — Екатериной Александровной, вместе поднимая на ноги внуков (от дочерей Зинаиды и Анны).

Бывшая батрачка, Федосья Петровна была по-крестьянски экономной и хозяйственной. Сама довольствовалась малым. Даже нарядного платья себе за всю жизнь не купила. Вну-

ков тоже не баловала. Валентина Алексеевна Гаврилова, внучка Федосьи Петровны вспоминала, что бабушка даже платья, оставшиеся от матери, не давала до поры до времени носить: собирала приданое и копила деньги ей на свадьбу.

Перед войной Пономаревы переехали в Верхнюю Пышму, жили в бараке. В феврале 1941 года Екатерина Александровна оформилась на медеэлектролитный завод. Мечтали скопить денег и купить свой домик. «Но начались тревоги и страхи (из воспоминаний Е. А. Гавриловой). Подкралось самое страшное в нашей жизни — война, да еще какая! Как вспомнишь, душа замирает».

Слушая сводку Совинформбюро, все чаще Федосье Петровне вспоминались годы ее молодости, когда шла гражданская война, когда ее село несколько раз переходило из рук в руки — то белым, то красным. Помнились зверские расправы, чинимые беляками. Как приходилось прятаться с ребятишками за болотом, укрывать продукты. Щемило сердце от этих воспоминаний. И приняла Федосья Петровна решение — все деньги, что копила на дом, передать в фонд обороны. Екатерина Александровна поддержала. До «круглой» суммы не хватало, решили занять.

И хранятся в городском музее две квитанции, на одной из них записано: «22 декабря 1942 года. Принять от Пономаревой Федосьи Петровны на счет № 014 на эскадрилью «Свердловский комсомолец» 25688 рублей».

50 тысяч рублей — это самое большое перечисление в фонд обороны, сделанное верхнепышминцами в тяжелейшие для страны годы. И поступок этот — проявление самых высоких качеств души человеческой: добра и любви к людям, к земле родной.

Говорят, добро долго помнится. Вот и мы должны сохранить память об этих женщинах-патриотках, чтобы и дети наши знали и помнили.

Есть на городском кладбище могила, где захоронены мать и дочь. Скромный памятник установлен только Екатерине Александровне. И пусть благодарность наша, уважение и преклонение воплотятся в памятнике семье Пономаревых, который будет установлен на их могиле за счет средств города.

Городской исторический музей обращается ко всем жителям города с просьбой поддержать предложение об увековечении памяти Федосьи Петровны и Екатерины Александровны Пономаревых.

«День 5 сентября стал днем памяти Ф. П. и К. А. Пономаревых. В этот день на городском кладбище на месте захоронения Федосьи Петровны и Клавдии Александровны установлен памятник, изготовленный на комбинате «Уралэлектромедь». Сотрудники городского музея благодарят директора комбината Ф. В. Коровина, главного механика А. А. Кукушина, а также начальника ремонтно-механического цеха А. Д. Осипова и его заместителя В. П. Севрюка, которые поддержали предложение об увековечении памяти семьи Пономаревых.

Большое спасибо всем рабочим бригады С. М. Бушмелева, которые изготовили и установили памятник».

Мы помним вас, мать и дочь Пономаревы!

Е. СЕЛИНА,
заведующая городским историческим музеем.
«Красное знамя; № 11, 25.1.1990 г.,
Л. НИКИТИНА.
«За медь», № 36, 11 сентября 1991 г.

СЛОВО МАТЕРИ-ГЕРОИНЕ

На фронтах Великой Отечественной войны у меня погибли два сына: Виталий и старший сын Николай — отец шестерых детей. Всем им помогло встать на ноги государство.

...У меня 17 внучат и одна правнучка. И я, как и любая мать, не хочу, чтобы их жизнь омрачало суровое дыхание новой войны.

МАЛЫХ Евдокия Федоровна, мать-героиня.

«Красное знамя», № 113, 23.9.1951 г.

У МЕНЯ ПОГИБЛИ ДВА СЫНА И ЗЯТЬ

В жестоких боях с немецко-фашистскими захватчиками пали смертью храбрых двое моих сыновей и зять — отец двоих детей.

До сих пор я вспоминаю об этом с болью в сердце. Утешаюсь только тем, что кровью своей и жизнью они помогли завоевать победу над врагом.

А. АРЖАННИКОВА,
многодетная мать, награжденная орденом «Материнская Слава».
«Красное знамя», № 23, 2.2.1951 г.

ФЛАГ НАД МОСКВОЙ

Для многих живущих сейчас людей минувшая война — далекая история, для других она неразрывно связана с их юностью, хотя и отдаляют ее от дня сегодняшнего уже три десятилетия.

...В комнате над книгой склонились мать и сын.

— Мама, а тебе так приходилось? — спрашивает сын, показывая на фотографию в книге, где возле пулемета лежит раненая девушка.

— Нет, сынок. Я, как видишь, осталась жива.

— А сколько тебе тогда было лет?

— Столько же, сколько этим девушкам из книги.

И они продолжают перелистывать страницы книги И. Давыдова «Подвиг начинается в апреле». Сын потрясен суровой правдой этой книги. Ну, а мать...

До войны Нина Ивановна Осеева (Дурандина) жила в Верхней Пышме. В семье она была старшей. Зинаида Кононовна и Иван Иванович Дурандины, воспитывавшие четырех детей, считали ее взрослым человеком и своей помощницей.

Иван Иванович очень любил книги. И дети унаследовали от него эту любовь. Как и тысячи ее сверстниц, Нина не раз перечитывала «Чапаева» и завидовала втайне Анке-пулеметчице, мечтала быть такой же, как она. И не думала, что скоро, очень скоро сама наденет солдатскую шинель.

Шел апрель 1942 года. Тревожными были сводки с фронтов. Враг стоял под Москвой. В это время и обратился ЦК комсомола к девушкам с призывом заменить мужчин в некоторых армейских частях и прежде всего — в частях противовоздушной обороны. На этот призыв откликнулись девушки с Урала. Среди них была и Нина Дурандина. Мать плакала, не отпускала ее, а отец только сказал: «Береги себя, дочка. Мы как-нибудь справимся».

Из Свердловска девушки уезжали в теплушке с печкой-буржуйкой и нарами в два ряда по обе стороны вагона.

— Состав был большой, тридцать вагонов. Ехали семь суток, — вспоминает Нина Ивановна. — По прибытии в Москву были зачислены в противовоздушную оборону. Из Верхней Пышмы и Среднеуральска было нас 49 девушек. Остановились около Сельскохозяйственной выставки. Через месяц надели солдатские шинели. Очень это было непривычно, поначалу даже не узнавали друг друга.

Начали свою службу девушки в 8-м полку аэростатов заграждения, охраняли москов-

кое небо. Учились воинской дисциплине, стрельбе. Когда приняли военную присягу, их распределили по точкам, где стояли аэростаты.

На каждой из точек было по 12 — 14 мужчин, которые управляли аэростатами. Когда прибыли девушки, все эти мужчины ушли на фронт. Комсомолки П. Изюмова, З. Совкова, З. Шталь, З. Узенцева, В. Авдеенко, Л. Сусекова, Е. Светоносова, З. Мамаева, Н. Дурандина и другие остались вместо мужчин на боевом посту. Каждый командир, принимая пополнение, видел перед собой прежде всего солдат, а не представительниц слабого пола. Заменив мужчин, они делали их работу: расчищали дороги от снега, стояли в нарядах, по приказу в течение пяти минут поднимали в небо аэростаты, в любую погоду отправлялись за газом, которым наполнялись аэростаты.

Жутко было стоять ночью в наряде, но научились преодолевать страх.

— Я служила в пятом отряде восьмого полка, — вспоминает Нина Ивановна, — около Волоколамского шоссе, неподалеку от Пушкино. Командиром у нас была Лидия Боликова. Отряд был постоянно на отличном счету у командования. За время службы девчата возмужали, стали настоящими солдатами.

Шло время. Враг отступал, наши войска освобождали один город за другим. Москва салютовала героям.

9 мая 1945 года Нина заступила на пост у полкового знамени. И в этот же день радио разнесло радостную весть — Победа!

Все вокруг от счастья плакали, кричали, обнимались, пели, плясали, а я стояла возле знамени с карабином и не имела права шелохнуться. Но душа разрывалась на части от радости. Когда позднее мы шли нарядом на Красную площадь, женщины целовали нас и плакали. Наверное, они видели в нас своих дочерей.

В этот день девчатам пришлось выполнять необычное задание: шить огромный — размером 60х40 м красный флаг. Прямо на улице поставили машинки и шили. А вечером, когда вся площадь была заполнена ликующими людьми, на аэростате подняли этот флаг, огромный и красивый, в воздух. С земли его освещали прожектора. Это было незабываемое зрелище. В темном небе гордо реял флаг нашей Родины, а вокруг него рассыпались разноцветные огни победного салюта.

— Вот и закончилась наша служба. Тогда меня спросили: «Останешься в Москве?» — Какое, — махнула я рукой. — Вернусь к себе на Медный рудник. У нас там горы кругом, леса. Я уральская, куда мне в москвички!»

В мае 1973 года Москва встречала комсомолок сороковых годов, бывших солдат противовоздушной обороны. Сколько было радости, сколько воспоминаний! Кстати, во время экскурсии по Москве гостьи рассказали экскурсоводу о том, как они шили флаг. Оказалось, что до сих пор было неизвестно, кто его шил. Так почти через тридцать лет открылась еще одна страничка истории.

— Вот так, сынок, прошли годы моей юности. Мы не ходили в бой, не совершали подвигов. Мы просто выполняли свой долг.

Г. ПИЛЬЩИКОВА.

«Красное знамя», № 15, 4.2.1975 г.

ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА ЛЕОНТЬЕВА

С Прасковьей Андреевной Леонтьевой, начальником городского паспортного стола, я познакомилась в ее кабинете во время приема граждан.

Перед ней сидела худая пожилая женщина с усталыми беспокойными глазами и отвечала на вопросы.

— Чтобы выдать настоящий долговременный паспорт, я должна знать, где и когда ты родилась, Волкова.

— Не помню, Прасковья Андреевна, хоть убей, не помню! Начисто забыла, сколько мне годков.

— Откуда ты в Первомайку приехала, тоже не помнишь?

— Как не помнить, помню: из заключения прибыла. Два года отсидела. Теперь работаю в Первомайском химлесхозе. И хочу жить как все. А для этого я должна иметь паспорт. Ведь у меня шестеро детей.

И Прасковья Андреевна пообещала помочь женщине.

Посетители сменяли один другого. И для каждого П. А. Лентьева находила нужное слово. Многим она помогала сойти со скользкой кривой дороги, наладить честную жизнь.

Ушел последний посетитель. А впереди у Прасковьи Андреевны еще много дел. Надо выдать паспорта, побеседовать с домоуправляющими, отыскать несколько адресов. А завтра чуть свет совместно с работниками жилищно-коммунальных отделов, домоуправляющими, с участковыми уполномоченными приниматься за проверку паспортного режима и ведения домовых книг на местах. Это нелегкая работа. Много времени приходится уделять Прасковье Андреевне совместно с работниками паспортного стола для наведения справок и розыска людей, уклоняющихся от выплаты алиментов.

— Дел много, — говорит Прасковья Андреевна, — но я люблю эти дела и работаю с увлечением. На этой должности я себя чувствую как в строю.

А службу в рядах Советской Армии Прасковья Андреевна начала еще в военное время...

Шла Великая Отечественная война. Враг подходил к столице нашей Родины — Москве. И молодая девушка из маленького уральского городка Ирбита по профессии учительница, добровольно ушла на фронт.

Вскоре Паша Леонтьева вместе с многими комсомольцами-добровольцами попала на Московский фронт противовоздушной обороны. И вплоть до конца войны сражалась там с врагом. Сначала была радисткой в артиллерийском подразделении. Затем разведчицей.

За обнаружение вражеских самолетов и за своевременное донесение об этом командованию Прасковья Андреевна была награждена значком «Отличный артиллерист» и несколькими медалями.

После войны снова вернулась в родной Ирбит. Много лет трудилась в органах государственной безопасности. А с января 1965 года работает начальником Верхнепышминского городского паспортного стола.

И за это недолгое время она снискала уважение у сослуживцев и любовь у посетителей.

За отличную работу в нашем городе П. А. Леонтьева не раз отмечалась наградами. Ей были вручены грамоты Верхнепышминского горисполкома и областного управления охраны общественного порядка.

— Но самым большим подарком для меня является то, что приношу пользу людям, — закончила свой рассказ Прасковья Андреевна Леонтьева, бывший ефрейтор артиллерии.

Е. ЛИСИНА.

«Красное знамя», № 55, 9.5.1967 г.

«ПОДВИГ НАЧИНАЛСЯ В АПРЕЛЕ»

В читальном зале детской городской библиотеки шумно и оживленно. Ребята ждут гостей — героев книги И. Давыдова «Подвиг начинался в апреле». И вот они заходят — Елизавета Ивановна Моисеева, Прасковья Петровна Изюмова и Зоя Павловна Шталь. Дети приветствуют их аплодисментами.

Вступительное слово берет Раиса Степановна Яковлева, заведующая библиотекой. Она

говорит о девушках — героях войны, об их подвигах, их юности. Гости волнуются, трудно им вспоминать прошлое, трудно не потому, что забылось, а потому, что годы их молодости были годами испытаний.

Прасковья Петровна начинает рассказывать о своих одноклассниках. Ребята затихают. «Двадцать первого июня 1941 года у нас в первой, ныне во второй, школе начался выпускной бал. С аттестатами, радостные, полные надежд, отправились мы на озеро Балтым встречать рассвет. А когда вернулись в город, нас встретило короткое страшное слово — война. С того утра каждый день мы провожали на фронт своих одноклассников. Многие из нас отказались от поступления в институт, стране нужны были рабочие, и мы ими стали».

Зоя Михайловна Шталь подхватывает тему и рассказывает, как они попали в те два добровольческих эшелона девушек, отправляющихся под Москву.

— Из Верхней Пышмы путевки получили 50 девушек. По приезде нас расформировали, кого определили связистами-телефонистами, кого поставили на службу к аэростатам. Тогда вокруг Москвы был настоящий стальной аэростатный барьер высотой почти 3 километра».

Зоя Павловна рассказывает о службе, своих товарищах, живых и погибших на фронтах Великой Отечественной. Она заканчивает, со всех сторон сыплются вопросы. «Если б не было войны, кем бы вы были?» — спрашивает голубоглазая девочка. Зоя Павловна ненадолго задумывается.

— Наверное, как и теперь — работником связи.

Затем выступает Елизавета Ивановна Моисеева — маленькая, симпатичная женщина. Она рассказывает, каких трудов ей стоило добиться путевки в добровольческий эшелон — подводил маленький рост. Со скорбью говорит о погибших одноклассниках, о сбывшихся и несбывшихся надеждах, о себе. А в заключение читает стихи любимой поэтессы Ю. Друниной.

Ребята делятся впечатлениями. Их обогатила эта встреча. Нужно было видеть, как смотрели они на гостей. Еще бы, герои книги — участницы войны. Теперь не будут ребята представлять себе героев какими-то мифическими. Они — такие же люди, живущие рядом и любящие свою Родину, как ты или я.

Н. УДОВИЧЕНКО.

«Красное знамя», № 129, 2.11.1971 г

ИМЕНЕМ ОТЦА И БРАТА...

Я вглядываюсь в эту фотографию. Вглядитесь и вы в эти молодые лица девушек — добровольцев Великой Отечественной войны. Две тысячи их было со Свердловской области. Среди них и Мария Ивановна Ненахова (в девичестве Куминова), ныне научный сотрудник городского музея. Что заставило ее, статную уралочку, с роскошными, на зависть подругам косами, в 18 лет покинуть глубинку, где не было слышно ни разрывов снарядов, ни свиста пуль, никто не падал, не погибал от них, пойти добровольно на фронт?

— Это опять вы, — протянул военком, увидев примелькавшихся в своем кабинете Машу с неизменными спутницами Нелей Говоровой, Зиной Калининой, Лидой Кобяшевой. — Ну сколько можно вам говорить! Ну не имею я права вас послать на фронт. Нет еще вам 19.

— Ну и что, что нет 19. Мы тоже комсомольцы, — убеждала Маша, показывая военкому «Комсомольскую правду» со статьей Лидова «Таня». Мы тоже хотим защищать страну, как она.

Спор разрешил март 1942. ЦК ВЛКСМ обращается к девушкам-комсомолкам — встать добровольно на защиту Родины. Вот и настал ее черед. Пройдена комиссия. Собран вещмешок. Кажется, все. Ах, да, косы. С ними придется расстаться.

— Машенька, где твои косы, — ахнула тетя, увидев подстриженную, посерьезневшую племянницу.

А кос нет. Косы остались на память парикмахеру.

14 апреля — день проводов. Он впечатался в память на всю жизнь. Кажется, провожать пришли все, кто мог ходить. Эшелон готов к отправке. Не смолкает плач матерей. Военком на два часа раньше дает сигнал к отправке. В спешке забыт вещмешок. Отец бежит с ним за дочерью к вагону. Маша не знала тогда, что видит его в последний раз, не ведала она того, что отныне никогда они не соберутся всей семьей, как прежде, за вечерним столом, чтобы не спеша все обговорить, обдумать.

Мать долго еще будет бежать за эшелоном, падая и вновь вставая, пока не скроется из глаз эшелон, увозивший девчонок на войну.

Москва. Отлично усвоен курс молодого бойца. Теперь на охрану родного неба.

— Рядовую Куминову на пост! — раздалось однажды по связи.

— Зачем? — пронеслось у Маши в голове. До смены еще далеко.

Самолет в поле видимости. Чей? — На этот вопрос должна была ответить лучшая разведчица штаба.

Пост — это наблюдательная вышка, которая устанавливалась на самых высоких, чаще 5 — 9-этажных зданиях. Взобраться туда полагалось по уличной настенной лестнице.

С трудом уняла Маша колотящееся сердце от подъема, от волнения, ибо в считанные секунды решалась судьба ее как разведчицы и судьба самолета. Артиллеристы уже наготове и ждут только приказа. Высота 6 километров. А вдруг это свой? — погубишь ребят своих! А если не свой? Прозеваешь и пропустишь. Призвав на помощь все свои знания о видах самолета, Маша припала к оккулярам.

— Наш, — с облегчением выдохнула она. — Наш самолет полярной авиации.

Редкий для суши самолет и вызвал такую тревогу на вышке.

Романтика суровых лет! Ее не забыть! Ефрейтор Куминова — комсорг. Ее выступления на политучебе с вниманием слушают разведчицы взвода. Она организует художественную самодеятельность. Поднимает дух девчат. Бережно хранится в семье Ненаховых среди других правительственных наград. Грамота ЦК ВЛКСМ, которой была удостоена Мария Куминова за умелое руководство комсомольской организацией в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Только в 1943 году часть, в которой служила М. И. Ненахова, сбила семь немецких самолетов.

Ржев, Дмитров, Кашира, Подольск, Икша — неполный перечень городов, небо которых охраняла Мария Ивановна. Вернулась домой здоровой, невредимой, одна на всю семью. Отец, Иван Алексеевич, брат Вениамин остались на поле брани. На брата пришла похоронка без указания места гибели, отец — без вести пропавший. Почти 40 лет ушли на поиски их могил. Памятен будет и 1984 год, когда пришло известие о местонахождении могилы брата. Трижды горел он в танке. Трижды менял он их. В четвертом сгорел танкист. Было это на Корсунь-Шевченском плацдарме под Писаревской. Там и лежит он в братской могиле в центре села. На встречу сестры с братом через 40 лет пришли парторг совхоза, жители села, школьники, несущие караул у мемориала, работники военкомата. Приподняв голову от могильного камня, на миг Марии показалось, что вовсе и не площадь это, где лежит брат, а поле боя, и кругом танки, танки, горящие танки. Свет от них резал глаза.

Все три дня, которые пробыла там Мария Ивановна, стояла эта живая картина перед ее глазами.

— Все, Сережа,— скажет она своему сыну. — Больше не могу смотреть на горящие танки. Поедем домой.

А могила отца до сих пор неизвестна. Работник музея продолжает поиск, выполняя свой дочерний и гражданский долг.

С. ДУЛЕПОВА.

«Красное знамя», № 55, 9.5.1989 г.

МЫ ТОЖЕ ЗАЩИЩАЛИ МОСКВУ

Шла первая военная весна — апрель 1942 года. Краткими, но тревожными были сводки с фронтов. Чувствовалось в этих сводках предгрозовое затишье. Враг еще был силен. Он стоял совсем недалеко от Москвы. Он окружил плотным кольцом голодающий Ленинград. Он накапливал силы для мощного удара на юге. Впереди у нас еще были и сражение за Кавказ, и оборона Сталинграда, и битва на Курско-Орловской дуге. Впереди еще были три четверти долгой, тяжелой войны. А пока страна находилась в тяжелой опасности.

Мы, девчата, были полны желания помочь своему народу. И вот Центральный Комитет комсомола обратился с призывом — заменить мужчин в частях противовоздушной обороны. Впрочем, мы тогда еще не знали, в каких частях будем служить. Мы уходили добровольцами в армию, на фронт.

В начале апреля 1942 года два эшелона девушек-комсомолок с Урала — из Свердловской, Пермской, Челябинской областей — были направлены на запад, на фронт. В нашем эшелоне было около 30 девушек-комсомолок из Верхней Пышмы (Медный рудник в то время). Это были Зоя Завьялова (Узенцева), Валя Кузьминская (Бабайлова), Васса Пушкина, Дуся Филимонова (Светоносова), Лида Моесеева, Таня Попова, Зина Дубинкина (Мамаева), Тася Корешкова (Гладкова) и многие другие.

С Казанского вокзала Москвы, куда мы прибыли, на грузовых машинах нас развезли по пунктам. За неделю мы изучили устав строевой службы, получили военное обмундирование и приняли присягу. После этого нас отправили по постам и отрядам. Многие были направлены в зенитно-пулеметный полк, полк прожектористов и аэростатчиков. Девчата из нашего города попали на посты 5-го и 8-го отрядов 9-го полка аэростатов заграждения.

В годы войны московское небо охраняли три дивизии аэростатов заграждения. Наиболее трудным считался сектор 2-й дивизии, в которой служили мы, девчата из Верхней Пышмы, этот сектор составлял центр, северо-запад и север столицы.

В начале войны в Москве было 68 постов аэростатов заграждения, а к концу первого года войны их число выросло до 303. Аэростаты создали над Москвой сплошное заградительное поле радиусом в 5 — 6 км от центра города. Вдоль западной и южной окраин его были также созданы дополнительные аэростатные полосы заграждения глубиной в 2 — 4 км. Затем было кольцо постов прожектористов и зенитно-пулеметных.

Конечно, на аэростатных постах было трудно. Но нелегко было и в связи аэростатных частей, в которых пришлось нам служить с Зоей Спириной (Шталь). Во втором дивизине, в 5-м отряде, где мы служили, было три звена, в каждом звене по 9 — 10 постов. Они были разбросаны по Волоколамскому и Ленинградскому шоссе, в деревнях Иваньково, Серебряный бор, в Покровско-Ветрешневом парке. Связь объединяла около 30 постов, три звена и отряда, КП отряда соединялся со штабом полка дивизиона. От того, как действовала связь, зависела боевая обстановка, сдача аэростатов, качество и эффективность их действий.

Нашей общей задачей было не пропустить ни одного фашистского самолета, которые делали налеты на Москву с целью разведать и бомбить объекты Москвы. Связь — это сотни линий, обычно временных, сделанных на скорую руку, полевые телефоны. Линии безжалостно рвал ветер, их задевали и рвали высоконагруженные и высокие машины, а были случаи, когда их рвали и вражеские диверсанты.

Связь должна действовать бесперебойно, и в любую погоду, в любое время суток на

линию выходили мы, связисты, лазили по столбам, деревьям, крышам, искали обрывы, исправляли связь. Мы тянули линии на новые посты через шлюзы канала Москва-Волга. И еще в нашу обязанность входило круглосуточное дежурство у телефонов на КП отряда в звеньях. Здесь принимались приказы, распоряжения из полка и передавались, если нужно, в звенья. Мы же собирали информацию и доклады из звеньев и, если было нужно, передавали в полк. Все это выполняли в звеньях и отряде два связиста.

Все части, входящие в состав противовоздушной обороны: зенитно-пулеметные, артиллерийские, прожекторные, служба воздушного наблюдения — создали огненный щит Москвы. И Москва была в минувшей войне единственной европейской столицей, которую немцы, по существу, не могли бомбить прицельно.

Сегодня мне хочется от всего сердца поздравить подруг-однополчанок с праздником — Днем войск противовоздушной обороны, пожелать им хорошего здоровья и счастья.

П. ИЗЮМОВА.

«Красное знамя», № 40, 7.04.1979 г.

ДРУГ ДРУГА ЧУВСТВУЯ ПЛЕЧО...

Вся моя трудовая биография связана с медеэлектролитным заводом. Сюда я пришла в далеком теперь, суровом 1941 году, здесь проработала около 30 лет, отсюда и на пенсию пошла.

Начала я работать в ОТК цеха БМ — биметаллов. Был в те годы такой цех, работал он на оборону. Много нас, девчат, пришло на завод в войну. В смену выходило 30 — 35 человек. Посередине цеха, помню, стояли деревянные длинные-длинные столы в два ряда. Мы сидели за этими столами и контролировали микрометрами толщину листов биметалла, сортировали их и определяли процент брака.

Время было тревожное и тяжелое. Работали мы по 12 часов без выходных дней. Уставали страшно, постоянно испытывали чувство голода. У каждой из девушек кто-нибудь из родных был на фронте. Тревога за них, лишения, которые мы испытывали, сближали нас. Коллектив у нас был удивительно дружный. Мы поддерживали друг друга теплым словом, участием.

В 1941 году у меня внезапно умерла мама, получив извещение о том, что мой брат пропал без вести. Мне казалось, что я всего этого не переживу. И только благодаря такому коллективу я смогла устоять под ударами судьбы. Милые вы мои девчонки — хоть многие из вас сейчас уже бабушки, — спасибо вам за все хорошее. Аня Габиева, Маша Киселева, Вера Пузырева, Маша Пахтина, Сара Коган, Рита Егорова, Лида Провалова, Лида Киселева, Аня Шубина, Вера Лебедева, помните, как мы тогда работали!

Когда цех остановили из-за перебоя в доставке металла, нас направили в другие цеха. Вспомните, как заготовляли дрова, как убирали в механическом цехе стружку.

Руководил «детским садом» — так тогда называли наш цех ОТК — Александр Степанович Миронов. Трудно было ему с нами, но он был для нас в то время как отец.

Вспоминаю, как однажды в цех пришло пополнение контролеров из 10 класса. Эти девушки — Зоя Завьялова, Зина Глущенко, Пана Изюмова и другие — работали недолго: они все, родные, скоро ушли на фронт, а мы остались в тылу и работали под лозунгом: «Все для фронта, все для победы».

В трудную минуту нас поддерживали наши старшие товарищи, душевные, сердечные люди, которые из-за войны оставили свои города и эвакуировались на Урал. Это были Наум Владимирович Минскер, Теодор Давыдович Молдовер. А наш славный мастер — инженер Сифа Абрамовна Эйшишок! Эта маленькая хрупкая женщина в каждую из нас вселяла веру в победу, находила время с каждой поговорить, утешить. Узнав о том, что у меня умерла

мама, Сифа Абрамовна выдала мне дополнительные талоны на обед. А это по тем временам была роскошь! Откуда только бралось у Сифы Абрамовны столько тепла и участия, энергии и стойкости — ведь сама она очень много пережила.

Вот так мы жили и работали, поддерживая друг друга. И победили!

М. ПЯТЛИНА, пенсионерка.

«Красное знамя», № 38, 22.03.1975 г.

НАРАВНЕ С МУЖЧИНАМИ

Почти полвека прошло, а помнится, будто это было вчера...

Наш стрелковый полк после тяжелых продолжительных боев в Витебской области Белоруссии соединился с партизанами. Рота связи, в которой я служил, вышла прямо на партизанские землянки, где жили мужчины, женщины, старики и дети, воевавшие против фашистских захватчиков в их тылу.

Некоторе время спустя через линию фронта переправился отряд, в котором была и семья партизана А. М. Анеха. Бойцов отряда разделили по полкам нашей дивизии, Александр Михайлович и его дочь Екатерина служили в 634-м стрелковом полку. 30 апреля 1944 года отец получил тяжелое осколочное ранение и умер. Екатерина стала сержантом медицинской службы.

В начале октября полк попал в окружение в районе железнодорожной станции Виекшняй Литовской ССР. Чудом осталась в живых Екатерина: всего несколько человек вышли из окружения. Всех их представили к правительственным наградам. Катя получила орден Славы третьей степени.

Была у Кати в полку подруга Зина Белобородова. В одном из боев, когда немцы в упор расстреливали наших солдат и давили их танками, Зина, пытаясь убежать от танка, бросилась в колодец. Только через тридцать пять лет мы, ее однополчане, узнали, что Зина жива. Оказывается, тогда, после боя, фашисты вытащили ее из колодца и вместе с другими советскими военнопленными увезли в Польшу, в лагерь. Отсюда ее освободила наступавшая Советская Армия. Зина попала в минометный артиллерийский полк и вместе с ним дошла до Берлина.

М. МИННИКАЕВ, ветеран войны.

«За медь», № 7, 20.2.1991 г.

ЭТО БЫЛО НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ

Малая земля. Кому не знакомы эти слова. Малая земля стала символом беспредельного мужества советских воинов в борьбе с ненавистным врагом. О том, в каких услових они сражались, сейчас написано много. Об этом рассказывают и живые участники боев на Малой земле.

Живет в нашем городе скромная женщина Нина Ивановна Валеева. До недавнего времени очень мало кто знал, что она, тогда молодая девушка, сражалась на Малой земле.

Мы попросили Нину Ивановну рассказать о событиях, участницей которых она была тридцать шесть лет назад.

На Малую землю мы высадились с ротой 176-й стрелковой Краснознаменной дивизии 18-й армии в конце марта 1943 года. Высаживались ночью, плыли очень осторожно, потому что все море было заминировано.

Как только мы вступили на Малую землю, немцы открыли по нам ураганный огонь, но мы уже скрылись в скалах. Едва успев высадиться, тут же начали окапываться; без этого

было нельзя, так как враг беспощадно бомбил и обстреливал Малую землю.

Я и моя подруга Наташа Кикоть были в это время санинструкторами. Другую нашу подругу Любу Кришневскую послали в другую роту, так как там не было санинструктора.

Через несколько дней после высадки нашу роту послали в разведку боем. Участвовали и мы с Наташей. К передовой пошли ночью по ходам сообщения. Достигнув передовой, уже поползли на нейтральную полосу для броска. Впереди ползли саперы, указывая нам, где расположены мины: вся нейтральная полоса была заминирована. То и дело в небе вспыхивали осветительные ракеты врага, поэтому двигаться приходилось очень осторожно.

Наконец, мы подползли к месту назначения и залегли в ожидании назначенного времени. Скоро наши начали артподготовку. И вот раздалась команда: «Вперед!» и рота с криком «Полундра!» (потому что немцы очень боялись моряков, а они хорошо знали, что «полундра» — значит моряки) бросилась в бой. Гитлеровцы открыли перекрестный огонь. Рванулись мины, снаряды, кругом стоял невообразимый грохот. Но наши бойцы выполнили поставленную задачу.

Мы с Наташей перевязывали легкораненых и отправляли на передовую, а тяжелораненых тащили ползком на шинелях.

И вот только мы приползли с Наташей обратно на нейтральную полосу, как к нам подполз один боец. «Девушки, там остался еще один тяжелораненый», — сказал он. Втроем мы поползли к раненому. Добрались до него благополучно. И тут нас увидели из вражеского дзота и открыли огонь. Мы буквально вросли в землю, не имея возможности даже пошевелиться. Так и пролежали с самого утра до наступления темноты. Стоило чуть-чуть шевельнуться, как из дзота раздавалась стрельба.

С наступлением темноты враг потерял ориентир, и только тогда мы смогли уйти. Раненого сдали в медсанбат, а сами вернулись в роту, где нас уже считали погибшими.

Вторично мы с Наташей (Любу уже ранило и ее отправили на Большую землю в госпиталь) ходили с ротой в разведку боем как раз накануне генерального наступления гитлеровцев на Малую землю. Уже к утру, когда разведка удалась и все бойцы ушли на передовую, Наташа потащила тяжелораненого. Другого раненого я положила на шинель и тоже поползла на передовую.

До передовой мы добрались благополучно. И вот в это утро 17 апреля враг начал генеральное наступление на Малую землю. Немец решил сбросить нас в море. С самого утра до позднего вечера в небе появлялись партия за партией вражеские самолеты. На передовую гитлеровцы бросили танки. Малая земля гудела и стонала. Но танковая атака была отбита. Мы с Наташей, взвалив на себя раненых, потащили их дальше в медсанбат.

По пути нам попался разрушенный домик, в подвале которого расположились раненые морской бригады. Мы и занесли туда раненых, чтобы хоть немного отдохнуть. Раненых в подвале было много, мы с трудом нашли на полу свободное место и сели. И как-то само собой получилось, что мы запели песню «Медсестра дорогая Анюта». В подвале все утихли, слушая нашу песню. Мы кончили петь, раненые стали просить, чтобы мы спели еще, но нам нужно было отправляться. Снова взвалили своих раненых и двинулись дальше.

Спустя некоторое время нас с Наташей перевели в штабную роту связи на пост ВНОС. В нашу задачу входило наблюдение за самолетами. Круглые сутки дежурило наше отделение — четыре девушки и наш командир, старший сержант — по 2 часа на посту. Как только появлялись самолеты, мы в бинокль рассматривали марки самолетов, подсчитывали их, определяли курс и все эти сведения передавали по телефону в отдел.

А самолеты летали постоянно, в течение дня бомбили Малую землю по нескольку раз, так что работы у нас было много. В промежутках между бомбежками гитлеровцы обстреливали нас из тяжелых орудий. Во время одного из обстрелов погибла моя боевая подруга Наташа Кикоть, там я ее и схоронила.

Перед наступлением 10 сентября 1943 года нас всех разбудили ночью и прочли приказ о штурме Новороссийска. Радость нашу трудно описать: мы выполнили задание Родины. 16 сентября после тяжелых боев Новороссийск был взят. Войдя в город, мы не нашли ни одного целого здания, не встретили ни одного жителя.

Вспоминаю сейчас те дни и сама удивляюсь, как же могли люди выдержать такой натиск врага, и не неделю, не месяц — более семи долгих месяцев. Какая же сила духа была у наших бойцов! Не зря гитлеровцы называли нас трижды коммунистами. Мы дали Родине клятву стоять насмерть, удерживать Малую землю столько, сколько это потребуется. И мы сдержали эту клятву.

С большим волнением прочитала я книгу Л. И. Брежнева «Малая земля». Снова перед глазами встало все, что было пережито в те дни. Я горжусь, что мне довелось быть участницей этих событий.

Н. ВАЛЕЕВА, ветеран 18-й армии.
«Красное знамя», № 29, 13.3.1979 г.

ЖЕНЩИНА-ЛЕГЕНДА

Антонина Петровна Гулько живет в поселке Красный. Это человек-легенда. Она относится к тому поколению, для которого главным делом в жизни было освобождение страны от фашизма. Все пять военных лет — с августа 1941 по мая 1945 года — она находилась там, где нужна была помощь санинструктора. О ее отваге, мужестве красноречиво свидетельствуют медаль «За отвагу», орден Красной Звезды.

Сильная, бесстрашная девушка под обстрелом врага выносила с поля боя раненых рядовых солдат и командиров, счет спасенных идет на сотни человеческих жизней. Только за один день напряженных боев под селом Чикола на Кавказе санинструктор А. П. Гулько выносила из-под ураганного огня противника по 15-20 раненых с оружием.

Особенно тяжко пришлось ей в боях на Кубани, которые проходили в распутицу, и при форсировании реки Протока. Неимоверно сложно было подбирать и выносить раненых в условиях снежных буранов, а потом нудных моросящих дождей с мокрым снегом, когда трудно вытащить ноги из вязкой грязи полевых дорог и негде обсушиться самому и положить в сухое место раненого.

При форсировании реки был ранен парторг старший лейтенант Д. Ф. Старшинов. После оказанной ему помощи А. П. Гулько он не покинул поля боя до выполнения боевой задачи. Спасенный ныне полковник в отставке живет, в Москве, не раз встречался с Антониной Петровной.

В боях по освобождению Донбасса А. П. Гулько была ранена осколком мины в лицо. когда прикрывала собой раненого командира А. А. Макарова. После лечения она вернулась в свой полк, который одним из первых форсировал Днепр. В боях за Херсон дивизия понесла значительные потери. И день, и ночь санинструктор оказывала помощь раненым бойцам. В одном из боев А. П. Гулько вынесла на руках пулеметчика Н. М. Субботина. Он скончался у нее на руках. Позднее Субботин был удостоин посмертно звания Героя Советского Союза.

— Воспоминания о боях ничем не. вытравить из памяти, — говорит Антонина Петровна.— Разве позабудешь о вымокших отяжелевших раненых бойцах с оружием, когда ноги скользят по грязи и не во что упереться, от бессилия хочется плакать, но нельзя. Надо быть сильной самой и не подавать виду раненому.

Разве можно забыть тот день, когда переправлялась с раненым бойцом под артиллерийским обстрелом, чуть не утонула сама.

Антонина Петровна дошла до Берлина. В конце апреля 1945 года участвовала в его

штурме. Победу она встретила в поверженной столице фашистской Германии.

Низкий поклон вам, Антонина Петровна, за ваш бесстрашный героизм и патриотизм.

Г. МАЛЕВАНКИНА.

«Красное знамя», № 89, 8.08.2000 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ:
Орденом Красного Знамени награждены
(кроме указанных выше):

Куканов Павел Васильевич, подполковник, за бои на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах.

Авдеенко Нил Адамович, танкист, за бои в составе 4-й танковой дивизии на Западном фронте.

Журавлев Геннадий Анатольевич, рядовой артполка, за бой в начале 1945 г. в г. Шварцвальде в Германии.

Полухин Леонид Михайлович, мл. сержант, командир стрелкового взвода в 1-й ленинской партизанской бригаде "Разгром" за подрыв железной дороги. Работал на опытном заводе.

Коренев Виталий Федорович, артиллерист, жил по ул. Спицина.

Холодов Иван Васильевич, гвардии капитан, командир артиллер. батареи. С ноября 1951 г. работал бурильщиком в рудоуправлении.

Пермяков Сергей Александрович, старший лейтенант, командир стрелкового взвода. После войны работал главным инженером на щебзаводе на ст. Исеть.

Жуков Василий Михайлович, танкист.

Погиб в бою под Минском летом 1944 г.

Пойдо Федор Маркович, капитан, медицинский работник.

Демушкин Алексей Николаевич, командир бронетранспортера, житель поселка Кедровое.

Волгаев — бывший рабочий механического цеха ПМЭЗ.

Чистов Александр Анисимович — бывший редактор газеты "Красное знамя".

Дмитриев Федор Ефимович, майор, комиссар артиллерийского полка.

Чернышев Алексей Алексеевич, ст. сержант, пом. командира стрелк. взвода.

Комаров Петр Кириллович, лейтенант, пехотинец.

Корешков Алексей Иванович, старший сержант, пехотинец.

Черкасов Филипп Тимофеевич, танкист.

Награжден в 1939 г. за бои в Монголии на реке Халхин-Гол. Жил в пос. Красный.

Бутаков Дмитрий Григорьевич, 1911 г. рождения, житель пос. Кедровое, сержант, воин 117 гвард. стр. дивизии на 3-м Украинском и 3-м Белорусском фронтах.

Тремя орденами Красной Звезды награждены :

Кузнецов Александр Степанович, лейтенант, артиллерист из 58-й отд. бригады Волховского фронта, житель г. В. Пышмы.

Бердюгин Алексей Антонович, командир стр. взвода в 255 Таманской морской стрелк. бригаде отдельной Приморск. арм. Жил по ул. Менделеева, 1, 2.

Мухаметхабиров Фатхурахман Шайхутдинович, сержант, командир миномета из 7 гв. стр. полка.

Двумя орденами Славы, орденами III и II ст. награждены:

Кудрин Василий Николаевич, артиллерист

Кукушкин Андрей Иванович, артиллерист,

Смирнов Борис Васильевич из 10-й мех. бригады

Воробьев Михаил Кузьмич, артиллерист из 10 гв. танк. корпуса.

Значком "Отличный разведчик" награжден житель В. Пышмы Галяндин Константин Иванович, старшина из 40-го танкового полка.

Тремя медалями "За отвагу" награждены:

Шадронов Дмитрий Федорович, артиллерист;

Бондарь Иван Тимофеевич — механик-водитель танка ИС-2;

Чапчиков Евдоким Максимович, сержант, разведчик артполка.

Двумя медалями "За отвагу" награждены многие и среди них двумя медалями "За отвагу" награжден **Тыжнов Апполинарий Смарагдович**, стрелок, в последующем учитель биологии школы В. Пышма.

Тремя медалями "За боевые заслуги" награжден **Минникеев Минтазис Минтуллович**, гв. сержант 141 стр. полка 84 гвард. стр. дивизии 53 армии.

Двумя медалями "За боевые заслуги" награждены очень многие.

Медалью Нахимова за № 96 награжден **Гребнев Анатолий Петрович**, 1927 г. рожд.

В действующей армии находился с октября 1944 г. по май 1945 г. в составе экипажа катера-тральщика № 415 Северного флота.

Медалью Нахимова за № 9238 награжден главный старшина эсминца "Резкий" Тихоокеанского флота за участие в войне с Японией **Серебренников Александр Дмитриевич**, 1920 г. рожд.

Медалью "За оборону Севастополя" награжден водитель 91 отдельного батальона связи Приморской армии Южного фронта **Гладилин Леонид Иванович**, 1921 г. рождения, рабочий УЗХР.

Это, похоже, единственный случай награждения этой редкой и очень дорогой медалью в нашем городе.

На лидере "Баку" — гордости нашего флота — в годы войны служил житель пос. Кедровое **Окунев Тимофей Леонтьевич**. Был командором.

Из Среднеуральска на этом корабле служил **Чечков Петр Пименович**.

55 лет ПОБЕДЫ в Великой Отечественной войне

Памятник погибшим во время войны работникам ПМЗ, обогатительной фабрики, рудника. Выступает Козицын Андрей Анатольевич.

Памятник погибшим медэлектролитчикам в годы Великой Отечественной войны.
Выступают Чирков Петр Григорьевич и секретарь парткома Киршин Евгений Васильевич.

Фронтовики завода химреактивов.
1 ряд (слева направо): Мекчилов Михаил Васильевич, Канаева Ольга Григорьевна, Комягин Александр Федорович, Кожевников Алексей Иванович.
2 ряд (слева направо): Жевак Антон Степанович, Румянцев Иван Петрович, Черепанов Семен Васильевич, Норов Евгений Павлович.

Мемориальная доска на доме Героя Социалистического Труда Глушкова Петра Васильевича.

У мемориала верхнепышминцам, павшим в боях за Родину на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Группа фронтовиков АО «Уралэлектромедь»:

1 ряд слева направо: Чирков Петр Григорьевич, Дербенев Иван Сергеевич, Беляева Анна Петровна, Шеин Иван Ионович, Томилов Михаил Васильевич.

2 ряд: Мантулло Григорий Кузьмич, Благодарев Ефим Петрович, Узенцев Иван Семенович, Воробьев Федор Васильевич и Пронин Иван Герасимович..

Группа женщин Верхней Пышмы — участниц Великой Отечественной войны.

Михаил Иванович Талыков.
Его именем названа одна из улиц города.

Михаил Васильевич Томилов.
Один из самых заслуженных фронтовиков
Верхней Пышмы

Василий Антонович Данильченко.
Его именем названа одна из улиц города.

Герой Советского Союза
Василий Григорьевич Феофанов.
Его именем названа одна из улиц города.

31 Заказ 3356

Юрий Евгеньевич Спицын.
Его именем названа одна из улиц города.

Александр Анисимович Чистов.
Его именем названа одна из улиц города.

Председатель совета ветеранов войны
города в течение многих лет
Иван Герасимович Пронин.

Подполковник
Дмитрий Михайлович Баринов,
военный комиссар города
в течение многих послевоенных лет.

Ишмухаметов Ахмадулла Хазеевич, родился 4.11.1919 года в г. Лысьва Пермской области. После окончания Новосибирского пехотного училища в июне 1941 года направлен в действующую армию в звании майора.

Командир 1-го мотострелкового батальона 22-й стрелковой бригады в составе 1-го Украинского фронта.

В уличных боях за Львов батальон Ишмухаметова уничтожил 80 вражеских солдат и офицеров, взял в плен 30 эсесовцев, захватили 6 немецких танков, 3 орудия, 20 пулеметов.

За умелое руководство батальоном при освобождении г. Львова награжден орденом Ленина, золотой медалью Героя СССР.

Был дважды ранен. Награжден тремя орденами Красного Знамени.

После войны работал заместителем военкома Верхнепышминского горвоенкомата.

Умер в 1952 году.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ
А. Х. Ишмухаметова

1 Фамилия, имя, отчество Ишмухаметов Ахмадулла Хазеевич *	Номер карты ✓
2	ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
3 Другие почетные звания	

Сведения на время представления к присвоению звания Героя Советского Союза

4 Дата Указа 23 сентября 1944г	14 Когда и каким военкоматом призван в ВС СССР с 25.8.1939г по 5-11-1945г и с 14.9.1950г Октябрьским РВ
5 Число, месяц и год рождения 7 ноября 1919г.	15 Участие в войнах и пр. боевых действиях по защите СССР В Великой Отеч. Войне с 6.1941г по 6.1945г.
6 Место рождения Пермская обл. г. Лысьва	
	16 Ранения Тяжело 24-11.1944г ; 10.5.1945 г Легко 5-12-1942г , 25.9.1944г.
7 Пол Мужской	
8 Национальность Татарин	17 Адрес семьи г. Новосибирск, ул. Локтевская, 3.77.
9 Соц. происхождение Из рабочих	
10 Соц. положение Служащий	
11 Партийность Чл. КПСС с 1942г п/б № 4956905	18 Воинское звание Гв. майор
12 Образование: а) гражданское Неполное среднее 8кл. в 1935г. г. Лысьва. Курсы счетных работников в 1939г г. Свердловск. б) военное Среднее Новосибирское пехотное училище в 1941г.	19 Должность, подразделение, часть Командир 1 мото-стрелкового батальона 29 гв. мото-стрелковой бригады
	20 Соединение
	21 Объединение
13 Место работы до призыва в ВС СССР Госконтроль. Инспектор - ревизор Свердловской обл.	22 Фронт (флот, округ)
	23 Кем представлен 1 Укр. Фронт

24 Вид ВС СССР СВ	31 Последующие изменения: а) в воинском звании
25 Род войск Стрелковые войска	Майор Пр. 2 Прив. Фр. N 0602 от 17.2.1944 г.
26 Военная специальность	
27 Дата подвига	
28 Место подвига	
	б) в должности
	Нач. 1 части, ниже Зам. военкома
29 Операция	Верхне-Пышминский ГВК, Свердловской обл.
	Пр. Ур. 80 N 001 от 26.2.1951 г.
30 Характер подвига и его краткое описание	32 Особые отметки Умер 16.4.1952 г.
За умелое руководство боевыми действиями батальона по прорыву важных оборонительных рубежей и освобождение города Львова	33 Домашний адрес Героя или его родственников
	Жена Ишмухаметова Галина Романовна**
	Дочери Ирина 1938 г., Ольга 1946 г.
	г. Свердловск, ул. Красноармейская, д 89, кв. 1

34 Вручены награды и выданы документы

Наименование награды, документа	Номер награды, документа
Орден Ленина	N 20456
Медаль Золотая Звезда	N 4428
Книжка Героя Советского Союза	N 3560
Грамота Президиума Верховного Совета СССР	N 6757
Орденская книжка	N 175574
Книжка тайных	
Пропускной билет	

35 Награжден другими наградами

Наименование награды	Основание
Красное Знамя	Пр. Бр. Фр. N 105/н от 2.10.1943 г. N 104326
Красное Знамя	Пр. 4 Танк. Арм. N 0199/н от 15.8.1944 г. N 122517
„За Отвагу"	Пр. 30 Арм. N 07/н от 2.2.1943 г. N 3418803
Красное Знамя	Пр. 5 Уд. Арм. N 174/н от 7.5.1945 г. N 222746

37 Когда и кому передано на хранение

Грамота (награды)

Наградной лист и фотография А. Х. Ишмухаметова

СОДЕРЖАНИЕ

А. Козицын, В. Лешков. Спасибо вам за все, дорогие ветераны! 3
В. Гриневич. От составителя книги 4
В. Гриневич. Верхнепышминцы в боях за Родину в войне 1941-1945 гг. 5
Е. Селина. Это под силу только великому народу 10
Г. Мамонов. Этот день мы приближали как могли 12
Л. Привалова. Печалиться, помнить, гордиться. 15
1941 год 16
Г. Мантулло. В 4 часа утра 22 июня 1941 г. 16
И. Логинов. О пережитом, незабываемом 17
И. Логинов. Хлебнувший досыта войны 23
В. Ненахов Первый и последний дни войны 26
Ф. Пойдо. 22 июня 1941 г. в Киеве 27
В. Кудряшов. Сколько человек может? 28
М. Томилов. Шел первый день войны. 29
Л. Никитина. Вспомним, друзья 32
И. Дербенев. От Москвы до Берлина 35
И. Хромова. Степан Рудой любил жизнь 36
Д. Хомяков. Вспоминает работник охраны комбината 36
Д. Глебов. Два ордена Славы фронтовика 37
И. Плеханова. Рядовой пехотинец Павел Янковский 37
А. Протасевич. Размышления у вечного огня 38
В. Алексеев. Но баранку не бросал шофер Лапшин 40
Ф. Воробьев. Разведчики идут первыми 41
А. Шитов .Старый солдат Александр Зворыкин 42
В. Агишев. Шофер огневой "катюши" Иван Земцов 43
С. Рюхачев. В бою танк КВ "Беспощадный" 43
К. Чаунина. По заданию райкома комсомола 44
Ю. Семенов. Гвардеец Иван Розин 44
И. Маркадеев.Уничтожили отряд фашистов 45
Г. Мантулло. Это было в декабре 1941 г. под Москвой 45
Л. Козлова. В блокадном Ленинграде 46
И. Воробьев. Первый день войны в Ленинграде 47
Я. Смолин. Ленинград в кольце блокады 47
Т. Минникаев. По дорогам войны 47
И. Феофанов. В боях под городом Тихвин 48
И. Савченко. Письмо Я. Смолину из г. Кириши 51
М. Теплоухов. На фронте под Ленинградом 52
В. Рисованая. Дальневосточник Петр Скворцов 52
И. Золотов. В бой под Мурманском вступил 22 июня 1941 года 53
А. Глебов. Это было в августе 1941 года под Киевом 53

Е. Фелистеев. Подвиг Василия Данильченко ... 55
В. Жиряков. Отражая атаку танков ... 56
В. Жиряков. Бои под Ельней ... 56
В. Жиряков. За Москву ... 57
В. Жиряков. "...Вернуть столице тишину..." ... 57
В. Жиряков. Москва, парад 41-го... ... 58
И. Филинков. В боях под Наро-Фоминском ... 59
Н. Мальцева. Последний бой раненых солдат ... 59
Я. Смолин. Нам дороги эти позабыть нельзя ... 61
А. Букреева. Жизнь долгая — узор замысловатый ... 61
1942 год ...
В. Егармин. Наш военный корреспондент А. Чистов ... 63
В. Егармин. Последние дни А. А. Чистова ... 65
В. Назукина. Будем гордиться своим земляком Михаилом Талыковым ... 67
Т. Небогатикова. По следам героя Михаила Талыкова ... 72
А. Климов. Солдатская честь Анатолия Пьянкова ... 73
П. Белоруссов. "За Родину, вперед!" ... 74
В. Гриневич. Комиссар Александр Петрович Гладышев ... 74
П. Шиганов. За нами была Волга... ... 75
Г. Щербаков. Героическая оборона Сталинграда ... 76
Г. Щербаков. Окружение армии Паулюса ... 77
М. Засыпкин Медали Максима Засыпкина ... 78
Н. Авилкин. В бою артиллеристы ... 79
Н. Авилкин Огни наступления под Сталинградом ... 80
А. Малыгин. Отражая атаки немецких танков ... 81
В. Жиряков. Вспоминает гвардии мичман Жиряков ... 82
И. Буряк. Вспоминает Иван Дмитриевич Буряк ... 82
Е. Совков .Вспоминает Евгений Алексеевич Совков ... 83
А. Левченко. Вспоминает Алексей Моисеевич Левченко ... 83
М. Семенов. Вспоминает Михаил Гаврилович Семенов ... 84
А. Голубев. На Карельском фронте ... 84
Ф. Воробьев. Израсходовал на врага всю ленту ... 85
Б. Лебедев. Бои на Кандалакшском направлении ... 86
Б. Лебедев. Бои в Заполярье ... 87
О. Сисина, С. Мартынова. Г. Дьяконов участвовал в обороне Севастополя ... 87
М. Сычев. В бою снайпер с Исети Мухин ... 88
И. Ларионов. Памятные дни Александра Андрющенко ... 89
Г. Шарафутдинов. Н. Пятлин был моряком-подводником ... 89
Р. Маркин. Г. Южаков — один из миллионов ... 89
И. Колодкин. В разведке Иван Колодкин. Воспоминания солдата ... 90
М. Минникаев. Кавалер трех орденов Красной Звезды Алексей Бердюгин ... 91
О. Островская. Гаврил Кибирев защищал Новороссийск ... 91

А. Куклин. Уловка врага не удалась ... 92
Л. Соколова-Нефедова. Рядом с Юрием Спицыным ... 92
К. Бреева. Гордиться именем его ... 93
1943 год ... 94
Рассказывают ветераны Уральского добровольческого танкового корпуса Алексей Александрович Корешков, Николай Иванович Аксенов, Михаил Семенович Таушканов, Александр Федорович Комягин, Алексей Степанович Пономарев, Шагит Закиевич Газизов ... 94
З. Чупракова. Добровольцы Уральского танкового корпуса ... 98
В. Михайлов. Ольга Гайфуллина была операц. сестрой фронтового госпиталя ... 99
Н. Голубева. Константин Ушаков снова в строю ... 99
Ю. Лобанцев. Человек не сдается ... 100
В. Гриневич. Жизнь-подвиг Константина Ушакова ... 103
И. Дербенев. Враг на Курск не прошел ... 104
М. Пятлина. Погиб под Белогородом ... 105
Л. Михайлова. На прохоровском поле ... 105
И. Синяковский. Нас встречает Харьков ... 107
А. Мартыненко. Безымянная высота ... 107
Г. Гильфанова. Воспоминания о войне ... 108
В. Шилов. Бои были трудные ... 110
Н. Пронин. Применяя военную хитрость ... 110
В. Дейнега. Захватываем плацдармы за Днепром ... 111
Д. Баринов. Бои за Днепр ... 111
А. Мешков. Руку пожал генерал ... 112
В. Гриневич. "За отвагу" — отважному ... 112
Л. Шишкин. Тот самый майор Булаенко ... 112
М. Минникаев. Разведка на танке ... 113
А. Лепичев. Жить — Родине служить ... 114
Б. Путилов. В бою Петр Васильевич Глушков ... 114
Л. Никитина. Человек с большой буквы ... 115
М. Орлов. В рядах 25-го танкового корпуса ... 116
В. Чертыщев. Подвиг неизвестного героя ... 119
Г. Кустов. Нам дороги эти позабыть нельзя ... 120
Д. Хомяков. В памяти остается навечно ... 121
Д. Михеев. Кавалер двух орденов Славы Иван Кукушкин ... 122
А. Долинский. На мушке у снайпера ... 122
А. Лобанов. Но мы держались ... 123
С. Карасев. Уничтожили лазутчиков ... 123
М. Теплоухов. В рядах 3-й гвардейской ... 124
Г. Ладыгин. Все выдержали и победили ... 125
И. Кульков. Прорыв блокады Ленинграда ... 125
Ф. Пойдо. В районе Синявино ... 126
А. Корнеев. Вылавливал и обезвреживал мины ... 126

М. Пантелеев. Ни шагу назад 127
Л. Никитина. Огонь! 127
Л. Ярошок. Танки идут на прорыв 128
В. Гриневич. Мост через Ладогу 128
1944 год 130
П. Будалаев. Бьют "катюши" 130
К. Вершинин. Всю войну за баранкой 130
Ф. Федосеев. Артиллерист Иван Засыпкин 131
П. Фролов. Два ордена Славы Петра Паршукова 132
И. Ларионов. Он не хотел убивать 132
А. Зуев. Бомбы ложатся в цель 133
Н. Калганова. Пленил генерала разведчик 134
А. Глебов. Весточки с "Большой земли" 135
Л Зверев. Шагай вперед, Белоруссия! 136
В. Гриневич. Я твой сын, Верхняя Пышма! 136
Улицам города — имена героев. 138
В. Гриневич. Подвиг Ивана Кукарина 138
В. Гриневич. В бою Дмитрий Смирнов 139
В. Шурыгин. Доблесть солдатская Загита Лукманова 140
Л. Дьяков. На прямой наводке Алексей Левченко 140
Об Андрее Нифантове писала фронтовая газета 141
И. Анатольева. Одиссея Андрея Голубева 142
А. Голубев. В первом боевом походе 142
Н. Бушланов. Путями сражений 143
П. Голунов. Концерт перед боем 144
В. Михайлов. Танкист Яков Старков стал кавалером ордена Ленина 144
А. Дмитриева. В боях Борис Большаков 145
И. Голубничная. Главное — иметь крепкую душу 146
И. Пронин. На румынской границе в 1944 году 147
Ю. Жданович. В разведке у реки Нарев 147
Г. Дмитриев. Экипаж пылающего бомбардировщика 148
1945 год 150
Б. Воробьев. Иван Маркадеев — ровесник века и солдат 150
И как прежде в строю (рассказывают ветераны) 151
А. П. Гладышев. Вспоминает ветеран 151
В. А. Суворов. Вспоминает ветеран 151
А. А. Малыгин. Вспоминает ветеран 152
Ю. К. Шаврин. Вспоминает ветеран 152
М. Г. Семенов. Вспоминает ветеран 152
Г. В. Языков. Вспоминает ветеран 152
Л. Никитина. Фронтовые дороги Ивана Петровича Харлова 153
Н. Брюханова, Г. Гафиуллина. Они не вернулись назад 153

П. Чирков и В. Титков. Вспоминают ветераны 154
А. Протасевич. Опаленная юность выпускников 1941 года сред. школы № 1 155
Л. В. Зверев. Вспоминает ветеран 160
М. Я. Куликов. Вспоминает ветеран 160
А. И. Вишвин. Вспоминает ветеран 160
А. Протасевич. С непокрытой головой у вечного огня 161
Н. Мордоровская. От всей души приветствуем ветеранов 164
А. Хлопочкин. Сладко ль было людям на войне? 166
А. Пахорукова. Научитесь подражать героям 168
С. Дулепова. Трудные дороги фронтовые 169
М. Минникаев. Продолжается бой 170
Т. Левченко. Нет родней земли 171
Т. Левченко. Валентин Слободчиков участвовал в параде Победы в 1945 году 172
В. Ведерникова. Пусть будет чистым небо 173
Ю. Беляева. Две медали "За отвагу" Ивана Шепелева 173
П. Шихалев. Алексей Сафронов был храбрым, находчивым связистом 174
Обычное мужество Леонида Васильевича Зверева 174
Л. Козлова. Живите долго, ветераны! 176
В. Гриневич. Погиб в Берлине 177
Л. Фефелова. Кавалер ордена Суворова Николай Мальцев 178
Н. Усанин "Самовары—самолалы" 179
Г. Неволина. ПЕ-2 берет курс на Одер 181
В. Колтеев. В апреле 1945 года 181
Е. Расковалов. Нас помнит красавица Вена 181
Г. Языков. Операция на Дунае 182
Л. Никитина. Автограф на рейхстаге 182
Н. Тупикова. Пусть это не повторится 183
Д. Сластунов. В бою Владимир Яковлевич Задорин 184
Н. Бояринцев. Захватили вражеский танк 184
В. Михайлов. Кавалер ордена Красного Знамени Геннадий Журавлев 184
Д. Толкачев. Встреча на Эльбе 185
З. Куриленко.Плечом к плечу с поляками 186
Л. Никитина. В боях за город Будапешт 187
Г. Кустов. Прощай, оружие! 188
В. Хренов. По дорогам войны 189
И. Бондарь. Прыжок через ров 190
Е. Благодарев. Под командованием П. С. Рыбалко 191
С. Пестов. От Вислы до Нейсе 192
Е. Расковалов. Случай у реки Раба 193
Б. Воробьев. Воздушный разведчик Алексей Степанович Глебов 194
П. Смольянов. Сандомирский плацдарм 195
А. Махновецкий. На Сандомирском плацдарме 196

Г. Сыромятников. Солдат нашей победы 196
М. Осенкова. А безмятежным море только снилось 199
А. Глебов. Ростки мира 200
Г. Выгоднер. На Параде Победы 24 июня 1945 г. 200
М. Осенкова. Отчаянный, дошедший до Берлина 202
С. Дулепова Они еще с нами 204
Г. Сыромятников Бои в Берлине 204
Н. Лисин, А. Злобин и М. Никифоров вспоминают минувшие дни 206
Д. Спастунов. Побег из фашистской неволи 206
Словно это было вчера. Вспоминают И. Т. Мантулло, Г. К. Мантулло, К. И. Палецкий, И.И. Розин, Е. П. Благодарев 207
И. Узенцев. Освобождая родную землю 211
Я. Коковин. О времени и о себе. 212
П. Турчанинов. Шоферские дороги 213
"Мы воевали не зря" — говорят старые солдаты П. В. Глушков, В. Ф. Воробьев и Е. А. Совков. 215
Кому Россия — мать. Вспоминают П. Г. Чирков, Е. А. Совков. В. Я. Задорин 217
Пол-Европы прошагали, пол-Земли. Вспоминают Аглям Гимазетдинов, Иван Сергеевич Дербенев, Алексей Степанович Пономарев, Габдулла Габдрахманович Валеев, Алексей Иванович Мигушев, Алексей Дмитриевич Махновецкий, Яков Давыдович Коковин, Ситдик Ахметов и Ефим Петрович Благодарев 219
М. Осенкова. Юнга Северного флота Григорий Чуприков 226
Работники войны. Вспоминают Иван Иванович Розин, Сергей Иванович Топорищев, Петр Васильевич Турчанинов и Федор Васильевич Воробьев. 228
И. Узенцев. Мне посчастливилось не отступать 230
Д. Баринов. Битва за Будапешт 232
М. Семенов. Тридцать три года — армии 233
В. Минникаев. По законам солдатского братства 233
"Ведь это наша молодость" Вспоминают В. А. Горонько, И. И. Розин, И. Г. Пронин, А. И. Мигушев, А. И. Зайкова 236
А. Федоров. Раны тела и раны души 239
Е. Копейкина. Не забывайте их после нас 240
Л. Щекин. Дед, отец, внук: "Не страшно умереть за Родину" 241
Ходили походами. Вспоминают Александр Дмитриевич Серебряников и Павел Иванович Чемага. 243
В. Рисованая. Закаленный в бою и труде 243
М. Осенкова. До Одера, до памятной весны 244
Л. Привалова. Из жизни политрука Семена Складника 246
Письма, дневники, воспоминания 247
Черовал. Письмо о гибели Александра Патрушева 247
В. Гриневич. Редактор-воин. Письма В. Ф. Трусова 247
Файзулин. Письмо с фронта Ф. П. Игнатову 250
В. Захваткин. Письмо с фронта В. Захваткина 251

И. Фомченков. Письмо И. П. Фомченкова 251
Мочалов, И. Шевченко. Письмо с фронта пишут Талалаев, Стерликов, Кожнев и Мочалов. 251
И. Шевченко. Письма от капитана И. Шевченко. 251
П. Никифоров. Убил 40 фрицев 252
П. Никифоров. Передаю свой опыт 252
В. Гриневич. Письма Виктора Курмачева 252
Л. Фефелова, Е. Антипова. Письмо В. М. Соломеина от 15.08.1944 г. 255
Волгаев. Письмо с фронта Волгаева 256
Астанкович. Ответное письмо коллектива механического цеха 256
Струнов. Письмо комсомольца Струкова 257
Сорокин. Письмо политрука Сорокина 257
Гурьев, Бойко. Письмо бойцов Гурьева и Бойко 257
А. Чижов. Письмо Анатолия Чижова 257
В. Русяев. Письмо Вадима Русяева 257
Н. Голубев. Письмо Н. В. Голубева 258
В. Круземент. Судьба фронтовика Анатолия Чижова 258
В. Гриневич. Письма Василия Михайловича Жукова 259
А. Борисенко. Судьба Павла Ватолина 263
П. Ватолин. Письма с фронта Павла Ватолина 264
М. Осенкова. Письмо с фронта Якова Калинина и ответное письмо ему "Здравствуйте, мои дорогие"... 265
С. Шаманаев. Из дневника Саши Шаманаева 268
Л. Фефелова. Обелиск в поселке Красном 270
Е. Селина. Не дай вам бог писать такие письма 271
Е. Селина. Жди меня 273
Т. Парфенова. В один год две похоронки в семью Потаскуевых 274
А. Малыгин, В. Мишатин. Письмо с фронта на ПМЭЗ от 23.10.1942 г. 276
Письмо на фронт с ПМЭЗ 277
З. Краснова. ...А письма шли 277
Е. Селина. "В труде, как в бою" 279
Е. Селина. "...Все, что успел я тебе написать" 281
Хренов, Шахмин. Героям Сталинграда. Письмо рабочих ПМЭЗ 282
Б. Суворов. Парень из нашего города Борис Суворов 283
Б. Суворов. Дневник Бориса Суворова 284
Е. Харлова, О. Музафарова. Каким он парнем был... 293
Л. Фефелова. Он мог бы стать писателем 295
Л. Никитина. Открытка с фронта от А. Корешкова 297
В. Новгородцев. Письма с фронта Владимира Новгородцева 297
В. Торопова. "Пока живу — помню" 299
И. Пронин. Воспоминания Пронина Ивана Герасимовича 301
Дм. Карташева. Мы мужество, как знамя пронесли. Воспоминания фронтовика 304
На линии огня. Воспоминания Петра Алексеевича Кузьминых 316

Л. Никитина. Я помню, все помню... 324
Л. Зимовская. Михаил Черепахин 326
М. Черепахин. Стихи Михаила Черепахина 326
Варганов. Письмо с фронта Варганова 328
Письмо с фронта Закира Бахтиярова 328
Н. Чепкасова. Это не должно повториться 329
В. Александорова. Солдатский треугольник 330
К. Колтелова. Ах, война, что ты, подлая, сделала? Из дневника К. В. Колтеловой — вдовы погибшего на фронте В. А. Шустрова. 332
Л. Зимовская. Одна беда не ходит 335
А. Кузнецов. Война моими глазами 337
Г. Щербаков. Пути-дороги военные 343
Партизаны 347
И. Воробьев. Комиссар идет впереди 347
И. Воробьев. Глубокая разведка 348
А. Бабинович. "Новый порядок"? Никогда! 350
С. Дулепова. Партизанские ночи 351
А. Бабинович. В партизанском отряде 352
В. Гриневич. Без вести пропавший 355
В. Гриневич. Подвиг, ставший легендой 356
В. Гриневич. Он жил в Красном 358
В. Гриневич. Последний бой Павла Кириченко 358
Наградные листы и выписки из личных дел 361
Наградные листы на комсорга стрелкового полка Курмачева Виктора Константиновича. 361
Наградные листы на Томилова М. В. от 5.11.1941 г., 10.09.1943 г. и 15.05.1945 г. 362
Боевые характеристики Томилова М. В. от 30.04.1942 г. и 5.05.1945 г. 363
Наградной лист на Соколовского Т. А. от 12.02.1945 г. 364
Наградной лист на Пронина Н. Г. от 1.08.1941 г. 365
Наградные листы на Гладышева А. П. от 1.12.1944 г. и 1.02.1945 г. 365
Наградной лист на Логинова И. М. от 20.05.1945 г. 366
Наградной лист на Карташова Г. Д. от 20.08.1944 г. 367
Наградной лист на Дмитриева Ф. Е. от 15.05.1945 г. 367
Выписки из личных дел 368
Холодов Иван Иванович 368
Бердышев Петр Павлович 368
Пермяков Сергей Александорович 368
Дряхлов Александр Григорьевич 368
Коренев Виталий Федорович 369
Авдеенко Николай Адамович 369
Шамаев Александр Иванович 369
Беляев Александр Андреевич 369
Ненахов Валентин Матвеевич 369

Захаров Иван Иванович ... 369
Воробьев Михаил Кузьмич ... 369
Мальцев Николай Николаевич ... 369
Мантулло Григорий Кузьмич ... 369
Фролов Кузьма Андреевич ... 369
Полухин Леонид Михайлович ... 370
Глебов Дмитрий Николаевич ... 370
Мешков Александр Петрович ... 370
Налетов Семен Иванович ... 370
Мухаметхабиров Фатхурахман Шайхутдинович ... 370
Прохоров Иван Константинович ... 370
Родин Николай Яковлевич ... 370
Титков Виктор Алексеевич ... 370
Баранов Виктор Игнатьевич ... 370
Мартьянов Дмитрий Георгиевич ... 371
Лобачев Борис Иванович ... 371
Гирев Геннадий Никифорович ... 371
Шадрин Анатолий Михайлович ... 371
Захаров Николай Артемьевич ... 371
Федотовских Леонид Константинович ... 372
Баринов Дмитрий Михайлович ... 372
Тыл — фронту ... 372
Е. Языкова. Мы жили заботами страны ... 372
М. Ненахова, Е. Языкова. Истоки ... 373
Ф. Шаповал. Каллимул Гаязетдинов ... 374
Хотиенко. В фонд обороны ... 374
Подписка на 2-й военный заем ... 374
Е. Селина. Не считали нажитых мозолей ... 375
С. Эйсак. Их никто не называл героями ... 376
А. Демидовцев. Геологи — фронту ... 378
Ф. Старков. Нас осеняла победа ... 379
Ю. Трифонова. Военные страшные годы ... 380
И. Шахмин. Коммунисты! Два шага вперед! ... 380
В. Гриневич. Берегите старых людей ... 381
Н. Пентюрина, А. Панфилов, Б. Кваслан, Тихомирова. На танки и самолеты для Красной Армии ... 383
З. Чернышева. Что значит для вас день Победы? Вспоминают В. А. Титков и В. Минхазов ... 383
Полушубки, валенки, одеяла. ... 385
Идет сбор теплых вещей ... 385
Каплан. Взнос Петра Егоровича ... 385
Когда руководители показывают пример ... 386
А. Мантулло. Плели лапти для рабочих ... 386

Г. Широков. Самое лучшее отправляли на фронт ... 386
Фронт в тылу ... 386
В. Гриневич. Медь для победы ... 388
Н. Шубин. Благодарность Красной Армии ... 389
В. Чумаров. Поклон ветерану Иосифу Нестерову ... 389
В. Хомяков. Верность Василия Мыльникова ... 391
М. Ермолович. Из одного металла льют ... 392
В. Танков. Подвиг металлурга Степайкина ... 395
П. Ломако. Из журнала "Цветные металлы" № 9 за 1984 г. ... 395
В тылу, как на фронте. Вспоминают ветераны ПМЭЗ И. А. Останин, Е. Н. Захарова, П. И. Мандрыгина, А. И. Курбатова, К. З. Пономарева, Н. М. Яковлев, С. П. Рушков, Н. П. Шубин 396
Л. Никитина. О чем писала газета ... 401
Н. Шубин. Медэлектролитчики в годы войны ... 402
Н. Шубин. Учитель Медведевский ... 404
Н. Шубин, Л. Никитина. Идет война народная ... 406
Не рвется связь времен ... 409
Ф. Гаримулина. Мы — дети войны ... 411
Телеграмма И. В. Сталина на ПМЭЗ ... 412
Телеграмма И. В. Сталина на рудник ... 412
И. Кузякин. Я горжусь своим поколением ... 413
Подвиг женщины ... 414
В. Тестова. Сандружинницы ... 414
Р. Шах. Сестренка ... 415
Е. Селина. Бой длиною в жизнь ... 416
А. Ильина. Санитарка Мария Федотова ... 417
А. Лисицкая. Передовая Ксении Благодаревой ... 417
И. Каргашин. Призвание Раисы Каргиной ... 419
С. Тюменев. Когда заканчивалась война ... 420
...И верили в победу. Вспоминают К. Г. Шишова, М. Н. Голубева, П. Д. Пересмехина (Кузнецова), З. Н. Налобина, С. Шайхаттдарова, Т. А. Афонасьева, М. Н. Кожина и Е. В. Ракитина ... 422
Они прошли через это — и выжили. Вспоминают А. К. Провалов, Е. Л. Ведерникова, К. А. Узенцева, Е. П. Андреева, М. Сафаргалеева, М. В. Антропова, Л. С. Зеленкова, К. В. Коптелова ... 425
А. Федорова. "А больше всего нам хотелось хлеба" ... 428
Жизнь Назукиной, посвященная добру ... 430
В. Латышева. Поле смерти, поле минное ... 431
А. Беляева. Как две девчонки в плен трех немцев взяли ... 433
В. Алексеев. Сладкий миг свободы ... 434
Л. Хлебцева. Простой женский разговор ... 435
Т. Анфалова. Судьба — скажете вы ... 437
С. Дулепова. Они в Ольховке были первыми ... 438
В. Рисованая. Память не гаснет ... 439
Устинов. На эскадрилью "Пышминский рабочий" ... 440

Артюхова, Колмогорцева. Взнос домохозяек 440
П. Астапкович. Заменили фронтовиков 440
П. Пронина. Снайпер Антонина Бакланова 441
В. Гриневич. Награда вручена через 20 лет 442
М. Рудин. Служили девушки 442
А. Сурнина. Живое прошлое 443
П. Лыков. Материнское сердце 444
З. Чупракова. По заданию райкома 445
Л. Фефелова. Сестры милосердия 446
Т. Горохова. Юность боевая 447
И. Осянина. Фамилия на памятнике 448
Л. Усачева. Семья боевая 449
Поклон вам, медсестры. Вспоминают Н. И. Савина, В. С. Коновалова и Н. С. Колобова 449
А. Ильина. Щедрая любовь 450
Ф. Шаповал. Нюся 451
Кукарцев. В фонд обороны 451
И. Плеханова. Военный водитель Анна Женихова 452
М. Ганихина. Слова о самых первых 452
К. Лесник. Они жили победой. Зинаида Федотова — жена героя-фронтовика 453
Л. Никитина. Анна Беляева — воспитанница Красной Армии 455
У войны не женское лицо. Вспоминают А. П. Беляева, Е. Я. Борисова, К. Д. Лебедева, К.П. Бардышева, В. Ф. Пушкина, Т. В. Тришкина, Е. А. Симисинова, М. А. Файзрахманова, Т. С. Пономарева, К. Н. Лучина, Е. П. Благодарев, Н. П. Шубин 459
З. Гаргала. Стрелочница Мария Павловна Янощук 464
Девушки сороковых. Вспоминают Л. И. Платонова, Е. К. Языкова, К. А. Карачева, З. Б. Санникова, П. А. Широкова, А. Г. Шаманаева 465
И. Плеханова. Цена пятидесяти тысяч Пономаревых 468
Л. Никитина. 50 тысяч — на эскадрилью 469
В. Гриневич. Счет № 014 469
Е. Селина. Знать и помнить подвиг Пономаревых 470
Е. Малых. Слово матери-героини 471
А. Аржанникова. У меня погибли два сына и зять 472
Г. Пильщикова. Флаг над Москвой 472
Е.Лисина. Прасковья Андреевна Леонтьева 473
Н. Удовиченко. Наши земляки — герои книги "Подвиг начинался в апреле" 474
С. Дулепова. Именем отца и брата 475
П. Изюмова. Мы тоже защищали Москву 477
М. Пятлина. Друг друга чувствуя плечо... 478
М. Минникаев. Наравне с мужчинами 479
Н. Валеева. Это было на Малой земле 479
Г. Малеванкина. Женщина-легенда 481
ПРИЛОЖЕНИЕ: Орденом Красного Знамени награждены 482

Верхнепышминцы в годы Великой Отечественной войны

Гриневич В. И.

Сдано в набор 18.08.2000 г. Подписано в печать 27.12.2000 г. Формат 60x84 1/16.
Объем 31,5 печ. л. Заказ 3356. Тираж 999.

Отпечатано в ГОУП «Верхнепышминская типография».
624091 г. В. Пышма Свердловской обл., ул. Кривоусова, 11. (34368) 3-25-83.